

А. Колпакиди, Д. Прохоров

КТБ

**ПРИКАЗАНО
ЛИКВИДИРОВАТЬ**

**СПЕЦОПЕРАЦИИ
СОВЕТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ
1918-1941**

А. Колтакиди, Д. Прохоров

КГБ ПРИКАЗАНО ЛИКВИДИРОВАТЬ

СПЕЦОПЕРАЦИИ
СОВЕТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ
1918-1941

Книга рассказывает о самой большой тайне любой страны — так называемых спецоперациях спецслужб (КГБ и ГРУ), проводимых как на территории нашей страны, так и за рубежом. Эти операции их исполнители называют «ликвидации». Они проводились буквально с первых дней существования Советской России и проводятся до сих пор. Среди жертв подобных операций — лидеры белой эмиграции, буржуазные националисты, главарь бандформирований, зарубежные политические деятели и общественные лидеры, а также наши отечественные предатели и перебежчики.

ISBN 5-87849-151-6

9 785878 491518 >

А. Колпакиди, Д. Прохоров

КГБ
ПРИКАЗАНО
ЛИКВИДИРОВАТЬ
СПЕЦОПЕРАЦИИ
СОВЕТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ
1918-1941

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2004

серия

Тайная Война

Л. Млечин

«Особая папка. СВР»

А. Колпакиди, Д. Прохоров

«КГБ: Приказано ликвидировать»

В. Кочик

«Разведчики и резиденты ГРУ»

И. Деревянко

«Щупальца спрута»

Э. Шарапов

«Павел Судоплатов против адмирала Канариса»

Оформление художника *П. Волкова*

Колпакиди А., Прохоров Д.
К 61 КГБ: Приказано ликвидировать. — М.: Изд-во Яуза, Изд-во Эксмо, 2004. — 512 с.

ISBN 5-87849-151-6

Книга рассказывает о самой большой тайне любой страны — так называемых спецоперациях спецслужб (КГБ и ГРУ), проводимых как на территории нашей страны, так и за рубежом. Эти операции их исполнители называют «литерными делами», а в просторечье они известны как «ликвидации». Они проводились буквально с первых дней существования Советской России и проводятся до сих пор. Среди жертв подобных операций — лидеры белой эмиграции, буржуазные националисты, главари бандформирований, зарубежные политические деятели и общественные лидеры, а также наши отечественные предатели и перебежчики.

ББК 67.401.212

ISBN 5-87849-151-6

© А. Колпакиди, В. Прохоров, 2004
© ООО «Издательство «Яуза», 2004
© ООО «Издательство «Эксмо» 2004

ТЕРРОР И ТЕРРОРИЗМ

Вместо предисловия

В последнее время термины «террор» и «терроризм» прочно вошли в лексикон всех мировых СМИ и рядовых граждан практически каждого государства. Более того, между ними очень часто не делается различия, хотя это абсолютно неправомерно. Впрочем, не следует винить в этом журналистов, поскольку еще сто лет назад в энциклопедиях давалось следующее определение террора:

«Террор (франц. *Terror*, ужас), господство ужаса во время французской революции (от мая 1793 до 27 июля 1794); лица, стоявшие в то время во главе правления, называются террористами. “Белым террором” называют, вследствие белого знамени Бурбонов, кровавую реакцию после 1815»¹.

Однако, как уже говорилось, ставить знак равенства между террором и терроризмом нельзя. Дело в том, что террор — это политика репрессий со стороны государства против оппозиции для сохранения *status quo*, проводимая с помощью его силовых структур, терроризм — насилие, совершаемое представителями оппозиционных правительству группировок с целью вызвать панику среди населения, ослабить государственные институты и осуществить политические, религиозные или социально-экономические изменения в обществе. При этом орудием террора являются репрессии (явные и тайные), оружием терроризма — террористический акт. Необходимо также помнить, что история терроризма в его современном понимании начинается в XIX веке, в то время как история террора насчитывает более 2-х тысячелетий.

Первым государством, о котором достоверно известно, что в основу его внутренней политики были положены репрессии, являлась античная Спарта, спартанский государственный террор можно считать в определенной степени классическим. Особая форма государственного устройства Спарты привела к тому, что граждане-спартиоты были вынуждены постоянно считаться с возможностью восстания

рабов-илотов, которые многократно превосходили их по численности. Поэтому для обеспечения своего господствующего положения спартанцы взяли на вооружение тотальный террор, направленный на всех без исключения илотов. Механизм этого террора получил название криптии, их описание встречается у многих античных авторов. Например, Плутарх говорит по этому поводу следующее:

«Вот как происходили криптии. Время от времени власти отправляли бродить по окрестностям молодых людей, считавшихся наиболее сообразительными, снабдив их только короткими мечами и самым необходимым запасом продовольствия. Днем они отдыхали, прячась по укромным уголкам, ночью, покинув свои убежища, умерщвляли всех илотов, каких захватывали на дорогах. Нередко они обходили и поля, убивая самых крепких и сильных илотов. Аристотель особо останавливался на том, что эфоры (высшие должностные лица — авт.), принимая власть, первым делом объявляли войну илотам, дабы узаконить убийство последних»².

Впрочем, необходимо добавить, что те или иные методы устрашения рабов присутствовали в любом античном государстве. Просто в Спарте ввиду того, что илоты являлись собственностью государства, для их подавления использовались не частные, а общественные институты.

Имели место во времена античности и убийства находящихся в эмиграции представителей оппозиции. Так, например, в 403 г. до н. э. 30 афинских тиранов во главе с Критием, опасаясь за свою власть, убедили спартанского полководца Лисандра в том, что скрывавшийся у персов его давний противник, бывший афинский стратег Алкивиад представляет угрозу для установленного им в Афинах порядка. В результате по требованию Лисандра персидский сатрап Сарнабаз отдал приказ убить Алкивиада.

Другой подобный случай связан с именем карфагенского полководца Ганнибала, непримиримого врага Рима. Потерпев после 18 лет непрерывной войны поражение от римлян в сражении при Заме (202 г. до н.э.), он был вынужден отправиться в изгнание на Восток, но воевать с Римом не

прекратил. «Отцы-сенаторы, — пишет Корнелий Непот, — считавшие, что не будет им покоя, пока жив Ганнибал, отправили в Вифинию легатов с наказом требовать от царя, чтобы он не держал при себе злейшего врага Рима, но выдал его послам. Прусий не посмел отказать гостям и уперся лишь на том, что послы не должны требовать, чтобы он выдал Ганнибала лично, поскольку это нарушило бы долг гостеприимства. Пусть, мол, они сами ловят его, как могут, местоположение его будет найти легко»³. В результате дом, где проживал Ганнибал, был окружен вооруженными людьми, и он, не видя выхода, покончил с собой.

Во времена Римской империи императоры также проводили политику террора против сенатской оппозиции, орудием которого были силовые структуры того времени — преторианские когорты. Смысл проводимого императорами террора заключался в искоренении остатков республиканских государственных институтов и укреплении институтов имперских. При этом репрессии практически не касались других сословий (всадничество, плебс), сопротивление со стороны сенатской оппозиции выражалось отдельными заговорами, да и то только в тех случаях, когда террор приобретал массовый характер и начинал угрожать самому существованию Римского государства.

В Средние века террора как такового фактически не было. Разумеется, на заговоры правители отвечали репрессиями, но они носили ограниченный и узконаправленный характер. Так, например, на французского короля Генриха IV Наваррского покушались постоянно: в 1593 году — Легер, в 1594 году — Жан Шостель, в 1595 году — доминиканец Ридиги, в августе 1596 году — Жан Гuedон, потом и его брат и т.д. Все они были католиками-фанатиками, но никаких репрессий в отношении церкви не отмечалось. Что касается убийства Генриха IV религиозным фанатиком Франсуа Равальяком, то общество охарактеризовало его как злостное преступление. После казни Равальяка его тело было разорвано на куски сторонниками Генриха IV, но репрессий со стороны властей не было вообще.

Если говорить о России, то впервые террор как государственную политику применил Иван IV Грозный, создавший для этого специальный орган — опричнину. Причиной репрессий стал спор между Иваном IV и боярством о дальнейшем пути развития государственной власти. Бояре во главе с Адашевым предлагали западный абсолютизм, в то время как Иван IV выбрал самодержавие. В связи с этим террор затронул все слои населения России — боярство, князей церкви, служилых и приказных людей, посадские верхи, крестьянство. В результате выбранная Иваном IV модель государственного устройства была реализована, но страшной ценой — к концу его царствования до 90 % пахотных земель не засеивалось, крестьянство массово бежало на юг, страна была разорена. Дальнейшими последствиями террора Ивана IV были т.н. «Смутное время», польская интервенция и, как итог, установление института крепостничества.

Но при этом необходимо отметить, что Иван IV ни разу не пытался физически устранить своих противников, бежавших за границу.

Даже князю Курбскому он посылал не наемных убийц, а гневные письма. Покушаться на жизнь покинувшего его удел подданного ему даже не приходило в голову. Так же и Петр I, преследуя оппозицию внутри страны, бежавшего в сентябре 1716 года в Австрию наследника престола царевича Алексея не убил, не похитил, а лаской уговорил вернуться обратно. Редчайшим исключением из этого правила можно считать похищение из Италии в 1775 году самозванной княжны Таракановой, совершенное графом А. Орловым-Чесменским по приказу Екатерины II. Но здесь необходимо учесть то обстоятельство, что самозванка претендовала на российский престол, называя себя незаконнорожденной дочерью императрицы Елизаветы. А Екатерина II, когда дело касалось ее права царствовать в России, забывала о своем гуманизме и была беспощадной.

Что касается террора как государственной политики, то вновь он появляется на исторической сцене после Великой французской революции, когда новая историческая форма-

ция завоевывала себе место под солнцем. При этом применение репрессий оправдывалось необходимостью защиты завоеваний революции от заговоров монархистов, что можно проследить, например, по высказываниям Марата в декабре 1790 года.

«Перестаньте же напрасно терять время на обдумывание средств обороны, у вас осталось только одно из них — именно то, которое я рекомендовал уже столько раз: всеобщее восстание и народная расправа ... Перебейте без всякой пощады весь парижский Генеральный штаб, всех депутатов Национального собрания — попов и приверженцев министерства, всех известных приспешников деспотизма ... Шесть месяцев тому назад пятисот, шестисот голов было бы достаточно для того, чтобы отвлечь вас от развернувшейся бездны. Теперь, когда вы неразумно позволили вашим неумолимым врагам составлять заговоры и накапливать силы, возможно, потребуется отрубить пять-шесть тысяч голов; но если бы даже пришлось отрубить двадцать тысяч, нельзя колебаться ни одной минуты»⁴.

«Не давайте себя усыпить, — обращался он к федератам 7 августа (1792 год — авт.). — Держите как заложников Людовика XVI, его жену, его сына, его министров, всех ваших вероломных представителей... Вот изменники, наказания которых должна требовать нация и которых она должна прежде всего принести в жертву для общественного спасения»⁵.

В дальнейшем террор под теми же знаменами шел по нарастающей, особенно после того, как одна партия (в данном случае Якобинский клуб) полностью подменила собой как исполнительную, так и законодательную и судебную власть. Столкнувшись с многочисленными, прежде всего экономическими, трудностями, якобинцы нашли в терроре способ удержаться у власти, что отмечал еще в XIX веке историк Т. Карлейль: «Что может противопоставить якобинский Конвент всем неисчислимым трудностям, ужасам и бедствиям? Неспособный рассчитывать дух и анархическое безумие санкюлотства ! Наши враги теснят нас, говорит Дантон, но покорить нас им не удастся; «скорее мы обратим в пепел Францию»»⁶.

Он же приводит и многочисленные примеры репрессий:

«Более ужасный закон («закон о подозрительных» — авт.) никогда не управлял ни одной нацией. Все тюрьмы и арестные дома на французской земле переполнены людьми до самой кровли; 44 тысячи комитетов, подобно 44 тысячам жнецов и собирателей колосьев, очищают Францию, собирают свою жатву и складывают в эти дома. Это жатва аристократических плевел! Мало того, из опасения, что сорок четыре тысячи, каждая на своем жатвенном поле, окажутся недостаточными, учреждается на подмогу им странствующая «революционная армия» в шесть тысяч человек под командой надежных капитанов; она будет обходить всю страну и вмешиваться там, где найдет, что жатвенная работа ведется недостаточно энергично. Так просили муниципалитет и Мать патриотизм (т. е. Якобинский клуб — авт.), так постановил Конвент. Да исчезнут все аристократы, федералисты, все господа! Да вострепещет все человечество! Почва страны должна быть очищена мстью!»⁷

Однако и якобинцы не практиковали преследование оппозиции за рубежом. Впервые на это пошел Наполеон. По его приказу 21 марта 1804 года на территории суверенного Баденского княжества был захвачен дальний родственник Бурбонов герцог Энгиенский. Его доставили во Францию, в тот же день формально осудили военным судом и расстреляли в Венсеннском замке. Впрочем, справедливости ради, необходимо отметить, что Наполеон до конца своих дней раскаивался в содеянном и каждый раз обвинял в случившемся министров (прежде всего Талейрана), что в других случаях ему было несвойственно.

В XIX веке террор как государственная политика постепенно отходит на задний план, уступая место экономическим методам принуждения. Но в это же самое время на исторической сцене появляется терроризм — национально-освободительный и революционный (политический). При этом национально-освободительный терроризм наблюдался как в Азии (в Индии — антибританский, в Корее — анти-японский, во Вьетнаме — антифранцузский), так и в Европе

(в Ирландии — антианглийский, в Армении и Македонии — антитурецкий, в Боснии и Галиции — антиавстрийский и т.д.). Что же касается терроризма революционного, то это явление чисто европейское. Первыми терактами чаще всего называют убийство писателя А. Коцебу в 1819 году в Германии и убийство герцога Беррийского в 1820 году во Франции. Причем в первом случае теракт должен был «освободить» Европу от политического диктата России, во втором — пресечь наследование престола династией Бурбонов для установления во Франции республики.

Дальнейшее развитие политический терроризм получил во время революционного подъема 1830—1840 годов в Европе. Именно тогда начала распространяться идеология анархизма и связанный с ней терроризм. Достаточно будет сказать, что практически все государства Европы в той или иной мере ощутили на себе террористические вылазки анархистов, понятия «анархист» и «террорист» стали синонимами. Тогда же появилось на свет учение К. Маркса, который также не отрицал терроризм. Недаром в своих работах он писал, что «существует лишь одно средство сократить, упростить и концентрировать кроважидную агонию старого общества и кровавые муки нового общества, только одно средство — революционный терроризм». Но если в Европе, правовое сознание населения которой стояло достаточно высоко, терроризм в целом был подвергнут осуждению, то в России, где понятие «право» отсутствовало практически у всех сословий, он нашел благодатную почву.

Первым в России публично в 1862 году признал терроризм как нормальное средство для достижения политических и социальных изменений общества студент Московского университета Петр Зайчневский, автор прокламации «Молодая Россия». «Мы изучили историю Запада, — писал он, — и это изучение не прошло для нас даром; мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах»⁸.

Эпоха практического терроризма началась в России 4 апреля 1866 года, когда Дмитрий Каракозов неудачно стрелял в Александра II. Дальнейшее развитие революционного движения привело к тому, что в 1879 году организация «Земля и воля», ставившая своей целью освобождение крестьянства и наделение его землей, раскололась на две группы, причем вторая, «Народная воля», встала на путь терроризма, посчитав его единственным возможным инструментом борьбы за политические свободы. Народовольцы подготовили 8 покушений на Александра II, последнее из которых, 1 марта 1881 года, закончилось убийством царя. «Народная воля» послужила прообразом всех последующих террористических организаций. Так, в декабре 1886 года А. Ульяновым и П. Шевыревым была основана «Террористическая фракция» «Народной воли», ставящая целью установление в России социалистического строя путем дезорганизации правительства посредством террористических актов. А в октябре 1901 года из народнических групп была создана партия эсеров, при которой образовалась боевая организация во главе с Г. Гершуни для убийств крупных царских администраторов.

В результате, начиная с 1881 года, от рук террористов пали Александр II, великий князь Сергей Александрович, министры Н. Боголепов, Д. Сипягин, В. Плеве, множество прокуроров, губернаторов, полицейских чинов, попутно с которыми гибли ни в чем не повинные люди. Завершил список жертв террористов П. Столыпин, убитый 1 сентября 1911 года в киевском оперном театре⁹.

Разумеется, боевые террористические организации были не только у народников или эсеров, но и у анархистов, национальных меньшинств (финнов, поляков, латышей, евреев, представителей народов Кавказа), также у большевиков. Недаром Ленин еще в статье «С чего начать» писал, что «принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора»¹⁰. Ленин в 1905 году, забыв о своих обвинениях против эсеров в «революционном авантюризме», потребовал от большевистских организаций, и прежде всего от недавно созданной Л. Красиным Боевой технической организации при ЦК РСДРП, перехода к партизанской борьбе.

«Я с ужасом, ей-богу, с ужасом вижу, что о бомбах говорят больше полугода и ни одной не сделали!» — писал он в Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете РСДРП. — Основывайте тотчас боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих особенно, и т. д... и т. п... Пусть тотчас вооружаются сами, кто как может, кто револьвером, кто тряпкой с керосином для поджога и т. д. ...

Отряды должны тотчас же начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания... Пусть каждый отряд учится хотя бы на избиении городских: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных бойцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч»¹¹.

После спада революционного движения 1905—1906 годов Боевая техническая организация и боевые организации при комитетах РСДРП переориентировались главным образом на «эксы». Причем грабежи государственных учреждений и частных лиц проводились большевиками со столь необычайным размахом, что многие партийные лидеры стали говорить, что «эксы» и подобные им «партизанские действия» способны дискредитировать партию в глазах ее сторонников и посеять семена внутренней деморализации. В результате вопрос об «эксах» обсуждался на двух совместных съездах большевиков и меньшевиков. На IV съезде РСДРП в 1906 году большевики во главе с Лениным предлагали признать допустимыми экспроприации государственных денежных средств на нужды восстания при условии контроля за ними со стороны партии. Но меньшевики и часть большевиков проголосовали против и это предложение ленинцев не прошло. На V съезде РСДРП в 1907 году большевики вновь поставили вопрос о разрешении экспроприации казенного имущества при условии самого строгого контроля со стороны партии, но большинство проголосовало за резолюцию меньшевиков, воспрещающую «эксы». (Ленин и его сторонники голосовали против этой резолюции.)

Однако резолюции IV и V съездов партии не выполнялись, большевики организовали «военно-техническое бюро» для добывания денежных средств, а также закупок и производства оружия для боевых групп. Боевые организации большевиков продолжали проводить «эксы» и другие «партизанские действия». Достаточно назвать знаменитую экспроприацию на Эриванской площади в Тифлисе 13 июня 1907 года, проведенную под руководством Сталина и Камо, во время которой погибло три человека (добычей боевиков стала 241 тыс. руб.). Более того, именно в этот период в партии появилось понятие «лбовщина», связанное с именем видного уральского боевика Лбова.

Несмотря на запрещение «эксов», он продолжил грабежи «на нужды революции» и вскоре стал заурядным бандитом-уголовником, его боевая дружина выродилась в обычную банду.

Но не только «эксами» занимались боевые дружины. Например, в 1905 году группа боевиков под руководством Христофора Салныня (о нем чуть позже) освободила из Рижской центральной тюрьмы группу заключенных боевиков, в том числе члена ЦК Латвийской партии Лацис-Крюгера, рабочего Шлессера и Петерса, брата будущего знаменитого чекиста, ожидавших смертного приговора по делу об организации изготовления ручных бомб на заводе «Феникс». Вечером 7 сентября 1905 года группа из 15 боевиков во главе с Салнынем, одетым в студенческую шинель, на которую были пришиты офицерские погоны, ворвалась в тюрьму и с боем освободила заключенных. Эта акция получила широкий резонанс не только в России, но и за рубежом. Так, например, женевская газета «Le Temps» от 9 сентября 1905 года по этому поводу писала:

«Позапрошлой ночью группа в 70 человек напала на Рижскую центральную тюрьму, перерезала телефонные линии и посредством веревочных лестниц вошла в тюремный двор, где после жаркой стычки было убито двое тюремных сторожей и трое тяжело ранено. Манифестанты освободили тогда двоих политических, которые находились под военным судом и ждали смертного приговора. Во время преследования

манифестантов, которые успели скрыться, за исключением двух, подвергшихся аресту, был убит один агент и ранено несколько полицейских».

В том же 1905 году большевики совместно с эсерами и финскими националистами предприняли попытку доставить в Россию огромную партию оружия, закупленную при помощи японского военного атташе в Швеции (35 000 винтовок системы «Росс» и 7 500 000 патронов к ним, 30 000 револьверов и несколько тонн динамита). В августе оружие было погружено в Гамбурге на пароход «Эллен», в Северном море перегружено на судно «Джон Графтон» под британским флагом. Однако в финских шхерах недалеко от Кеми капитан судна Янструтман заблудился и привлек внимание береговой охраны и таможи. В результате корабль пришлось взорвать, но еще долго финские рыбаки подрабатывали ловлей «огнестрельных рыбок».

Еще более дерзкие замыслы вынашивались большевиками в 1906—1907 годах, о чем можно судить по письму активного участника революции 1905 года Николая Буренина пролетарскому писателю Максиму Горькому. «Об этом никто из старых товарищей никогда не напишет, — сообщал М. Горькому Буренин. — А есть совершенно изумительные вещи, например, как собирались украсть Николая II, и это не анекдот, а факт, об этом серьезно советовались с Красиным и Владимиром Лениным»¹².

Идею похитить царя предложил Красину Александр Игнатьев, сын генерала и действительного статского советника, вступивший в РСДРП в 1903 году. Бывая в Новом Петергофе, Игнатьев близко сошелся с казаками, служившими в царском конвое, и узнал, что они имеют претензии к царю. В частности, казаки были недовольны тем, что на высшие командные должности в казачьих войсках назначают выходцев из остзейских баронов. Тогда у Игнатьева созрел замысел использовать казаков для похищения царя. О своем плане он рассказал Буренину, тот, в свою очередь, Красину. Красин долго обсуждал его с Игнатьевым, делал замечания, вносил предложения, после чего доложил о нем Ленину. Однако

Ленин санкционировать похищение отказался, назвав его авантюрой, которая только отвлечет силы, необходимые для более важной работы. Но при этом не только не высказал недовольствия автору проекта, а наоборот, похвалил за революционную инициативу.

Удивляться столь широкому и быстрому распространению идеологии и практики терроризма не стоит. Дело в том, что к началу XX века в России подросло целое поколение, для которого насилие стало нормой, человеческая жизнь не стоила и гроша. При этом многим боевикам было, в сущности, все равно, для кого экспроприировать или убивать, по-сему они часто переходили из одной партии в другую, лишь бы там было больше простора для «боевой» деятельности. А после революции очень многие из боевиков стали крупными советскими государственными деятелями, сотрудниками спецслужб и привнесли свой дореволюционный опыт в практику работы государственных органов.

Примером могут служить первые годы революционной деятельности одного из руководителей советской военной разведки Яна Карловича Берзина, настоящее имя которого было Петерис Кюзис. Он родился 13 ноября 1890 года в имении Клигене Яунпилсской волости Рижского уезда Лифлянской губернии в семье батраков. Бедняки-родители не могли устроить сына в гимназию или реальное училище, и он с большим трудом поступил в учительскую семинарию, готовящую учителей для начальных сельских школ. Поэтому не стоит удивляться тому, что в октябре 1904 года юный Петерис вместе с другими учащимися семинарии принял участие в демонстрациях против царизма, в 1905 году вступил в РСДРП. После начала революции 1905 года он записался в народную милицию и принимал участие в нападениях на казаков, посланных усмирить восставших. В январе 1906 года он был задержан, но сразу после освобождения вернулся к вооруженной борьбе, уйдя к «лесным братьям».

В мае 1906 года во время облавы на отряд «лесных братьев» Берзин был трижды ранен (в ногу, плечо и голову) и захвачен в плен.

После лечения в госпитале он в 1907 году предстал в Ревеле перед военно-полевым судом, который приговорил его к смертной казни. Но так как он к моменту вынесения приговора был несовершеннолетним, то смертная казнь была отменена. На повторном заседании суда Берзина приговорили к 8 годам тюремного заключения, которые ввиду несовершеннолетия подсудимого позднее сократили до 2-х лет. В результате в 1909 году он вышел на свободу и вновь вернулся к революционной борьбе.

А вот начало революционной деятельности другого старого большевика из батраков и будущего соратника Берзина, упомянутого выше Христофора Салныня, который в 1920—30-х годах был в Разведупре РККА крупнейшим специалистом по спецоперациям за рубежом. В своей автобиографии, датированной 30 мая 1931 года, он так описывает свою деятельность в 1904—1905 годах в Риге:

«Из нескольких членов наших кружков (Балтийской Латвийской социал-демократической организации — авт.) уже в начале 1904 г. была создана небольшая группа, человек 4—5, “боевиков”, обязанностью которых было, кроме другой партработы, еще пойти по требованию в другие районы около заводов или фабрик и “проучить” дубинкой тех мастеров или лизунов из рабочих, которые делали доносы на наших товарищей перед дир. завода и полиции или как-либо иначе вредили рев. движению.

Скоро после январских дней 1905 г. и расстрела рабочих-демонстрантов в Риге у железного моста начали формироваться группы “боевиков” из наиболее активных молодых рабочих заводов и фабрик, а также среди учащейся молодежи и я целиком ушел на эту работу.

Такая же группа была создана и в нашем районе и я стал ее руководителем»¹³.

Тогда же группа боевиков убила священника Натауской церкви и одновременно агента рижской охранки барона Шиллинга, а 7 сентября 1905 года, как уже говорилось, Салнынь руководил нападением на Рижскую центральную тюрьму, после которого был вынужден уехать из Риги, но боевой

деятельности не прекратил. Он участвовал в нападении на волостное правление в Матиси, стычке с отрядом самообороны немецких баронов в местечке Масалец, в конце сентября был направлен в Швейцарию для покупки оружия. Вернувшись в октябре в Прибалтику, Салнынь принимал участия в боях крестьянских повстанческих отрядов с казаками под Либавой, 17 января 1906 года возглавил вооруженное нападение на Рижское полицейское управление, в результате чего было освобождено 6 революционеров. Вскоре после этого Салнынь с группой рижских боевиков уехал в Петроград, где стал членом Боевой технической группы Петроградского комитета РСДРП(б). Затем в Баку он принимал участие в ликвидации провокатора матроса Феодора (в этом деле также участвовал будущий прокурор и министр иностранных дел СССР Андрей Вышинский, осужденный после этого царским судом к двум годам заключения), затем опять вернулся в Прибалтику. Летом 1906 года во время экспроприации 28 тысяч рублей из почтового отделения в Либаве Салнынь был задержан полицией, но буквально сразу бежал из-под стражи. Позднее его еще дважды арестовывали, но каждый раз ему удавалось вырваться на свободу.

В марте 1907 года Салнынь вернулся в Петроград и продолжил работу в БТГ. Его главной задачей в это время была переправка из Европы в Россию оружия и партийной литературы. С этой целью летом 1907 года он выезжал в Англию и Бельгию, откуда с помощью своей сестры Екатерины доставил через Ригу в Петроград Красину большую партию маузеров, браунингов и взрывателей к бомбам. В 1908 году Салнынь обосновался в Лондоне, где содержал конспиративную квартиру БТГ. В период с 1908 по 1912 год он занимался переправкой в Латвию революционной литературы, также выезжал в Берлин для организации освобождения арестованного немецкой полицией Камо.

Несколько меньше «боевой» дореволюционный стаж у другого мастера спецопераций, начальника Особой группы при наркоме НКВД Якова Серебрянского. Он родился 26 ноября 1892 года в Минске в семье бедного еврея, работавшего

сначала подмастерьем у часовщика, затем — у приказчика. В 1908 году Яков окончил городское 4-х классное училище, во время учебы в котором в 1907 году вступил в ученическую организацию эсеров, через год — в партию эсеров-максималистов. В качестве боевика он принимал участие в нападениях на сотрудников охраны, организовавших в городе еврейские погромы, но уже в мае 1909 года за хранение «переписки преступного содержания» и по подозрению в соучастии в убийстве начальника Минской тюрьмы был арестован и брошен за решетку.

Весной 1910 года Серебрянского освободили и административно выслали в Витебск. Там с апреля 1910 года он работал элетромонтером на местной электростанции, пока в августе 1912 года не был призван в армию. Служил он в Харькове рядовым 122-го Тамбовского полка, когда началась Первая мировая война вместе с 105-м Оренбургским полком был направлен на Западный фронт. 1915 год Серебрянский встретил в Баку, где с февраля работал элетромонтером сначала на газовом заводе, потом на нефтепромыслах. В Баку и застала его Февральская революция, после которой он вновь активно включился в политическую борьбу в рядах партии эсеров.

Надо сказать, что биографии многих других будущих чекистов и работников Разведупра мало отличаются от приведенных выше. Как, впрочем, и биографии многих высших руководителей Советского государства. Поэтому для того, чтобы понять, каким образом политические убийства советскими спецслужбами представителей оппозиции и просто инакомыслящих как в СССР, так и за границей, стали нормой на долгие десятилетия, необходимо помнить о российском политическом терроризме конца XIX — начала XX веков, поскольку советский государственный террор имеет несомненную генетическую связь с дореволюционным левым терроризмом. Помнить об этом необходимо еще и потому, что в настоящее время нашу страну, как, впрочем, и остальной мир, захлестнула очередная кровавая волна терроризма. А история, к сожалению, имеет склонность повторяться не только как фарс, но и как трагедия.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НА ЗАРЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Пришедшие к власти в результате военного переворота в октябре 1917 года большевики и примкнувшие к ним чуть позже левые эсеры не обладали достаточной популярностью в народе, чтобы удержать эту власть легитимными средствами. В частности, они не могли рассчитывать на то, что Учредительное собрание, работа которого началась 5(18) января 1918 года, подтвердит их полномочия, предоставит право формировать правительство и определять дальнейшее политическое устройство России. Ведь на первом заседании из 410 присутствующих депутатов большевиков и левых эсеров было всего 155 (38,5 %) а большинство составляли правые эсеры, меньшевики и национальные партии.

Поэтому уже на следующий день по инициативе Ленина, Троцкого и одного из лидеров левых эсеров, старейшего революционера-народника Марка Натансона Учредительное собрание было разогнано силой, а власть осталась в руках большевиков и левых эсеров. И хотя при роспуске Учредительного собрания не пострадал ни один из его членов, силовые методы, все более ужесточавшиеся в условиях разгоравшейся гражданской войны, с этого времени становятся одним из основных инструментов политики большевиков.

По мнению известного историка Дмитрия Волкогонова, «для этих людей, российских якобинцев, утопическая идея большевизма представлялась высшей ценностью. Созданная Лениным партия-орден видела во власти, так легко им доставшейся, универсальный рычаг для “перевертывания” России, а затем и всей планеты. В основе реализации ленинского эксперимента лежали его постулаты о беспощадной диктатуре как революционном методе решения любых проблем»¹.

Одним из первых применений террористических методов во внутривластной борьбе стало убийство посла Германии в Москве графа фон Мирбаха.

УБИЙСТВО ГРАФА ФОН МИРБАХА

6 июля 1918 года в третьем часу дня к особняку германского посольства в Москве в Денежном переулке подъехал темного цвета «паккард» с открытым верхом (№ 27—60), из которого вышли двое мужчин.

Один — высокий смуглый брюнет с бородой и усами, одетый в черный костюм, второй — невысокий, рыжеватый, с маленькими усами, в коричневом костюме и цветной косоворотке. Оба держали в руках большие портфели. Позвонив в дверь посольства, брюнет заявил швейцару, что он и его товарищ хотят встретиться с господином послом, после чего приехавшим было разрешено войти. Через полчаса в здании посольства раздался взрыв, а спустя минуту из разбитого окна первого этажа на улицу выпрыгнули те же мужчины, один из которых сильно хромал. Они перелезли через железную ограду и бросились к автомобилю. Находившийся в «паккарде» матрос бросил в сторону открывших было стрельбу сотрудников посольства гранату и помог беглецам забраться в машину, немедленно рванувшую с места в сторону Пречистенки и скрывшуюся из вида.

Бежавшими из германского посольства были сотрудники ВЧК, члены партии левых эсеров (ПЛСР) Яков Блюмкин и Николай Андреев, совершившие по указанию своего ЦК покушение на посла, графа Вильгельма фон Мирбаха. В официальной советской историографии убийство Мирбаха и последовавшие за ним вооруженные столкновения в Москве характеризуются как контрреволюционный, антисоветский и антибольшевистский мятеж левых эсеров, поднятый с целью разорвать Брестский мир с Германией и свергнуть правительство Ленина. Однако в действительности события того времени развивались совершенно по другому сценарию.

Прежде всего надо отметить, что левые эсеры, оформившиеся как самостоятельная партия в ноябре 1917 года, во время Октябрьского переворота, в котором они принимали активнейшее участие, вступили в союз с большевиками и вошли в состав советского правительства. Первоначально

в состав Президиума ВЦИК были избраны 7 левоэсеровских лидеров (М. Спиридонова, Б. Камков, С. Мстиславский, М. Натансон, А. Устинов, М. Левин, Б. Малкин), а в декабре доизбраны еще 5 видных левых эсеров (Г. Смолянский, И. Баккал, Л. Брагинский, А. Измайлович, Я. Фишман). Во ВЦИКе 2-го созыва каждый из 13-ти отделов возглавляли большевик и левый эсер, а в течение декабря 1917 года решениями СНК и ВЦИК 7 левых эсеров были утверждены народными комиссарами — членами центрального Совнаркома. Кроме наркомата земледелия ПЛСР получила портфели наркомов юстиции, почт и телеграфов, местного самоуправления и государственных имуществ.

Еще два человека стали наркоматами без портфелей (членами коллегий Наркомата внутренних дел и Наркомата по военным и морским делам) с правом решающего голоса в заседаниях СНК, а целый ряд левых эсеров были назначены на должности заместителей наркомов и членами коллегий наркоматов. Помимо центральных органов советской власти левые эсеры вошли в состав советского правительства Украины, Московский областной СНК, Сибирский СНК, Совет комиссаров Союза коммун Северной области, Совет комиссаров Уральской области, СНК Туркестана и ТурЦИК, где играли доминирующую роль.

О активном участии ПЛСР в управлении страной говорит тот факт, что представители левых эсеров заняли ответственные посты в ВЧК (заместители председателя В.Д. Александрович и Г. Закс, члены коллегии М. Емельянов, В. Волков, М. Гуркин, П. Сидоров, И. Ильин, В. Алгасов, Д. Магеровский), Комитете по борьбе с пьянством и погромами (заместитель председателя Я. Фишман), Комитете революционной обороны Петрограда (М. Спиридонова, Я. Фишман, М. Левинсон), НКВД (А. Вознесенский), руководили крупными воинскими соединениями, штабами и фронтами (М. Муравьев, А. Егоров, Н. Алексеев, Д. Авров, И. Белов, Г. Гай, Д. Попов, С. Белицкий, С. Лазо и др.), занимали командные должности на флоте (Н. Измайлов, Б. Спиро), входили в состав мирных делегаций на переговорах с немцами в

Брест-Литовске (С. Мстиславский, А. Биценко, Н. Алексеев, В. Карелин, Р. Сташков). Необходимо также отметить, что очень многие революционные деятели разделяли политическую программу левых эсеров и записывались в их партийные отряды и боевые дружины, не будучи, скорее всего, членами ПЛСР. Среди них можно упомянуть Г. Котовского, Н. Щорса и др. А самым известным из «сочувствующих» левым эсерам был Н. Хрушев, указавший себя в таком качестве в анкете, заполненной при вступлении в Красную Армию.

После объединительного 3-го Всероссийского съезда Советов число левых эсеров — членов ВЦИК составило 122 из 284. 22 января (4 февраля) 1918 года в новый состав Президиума ВЦИК были избраны М. Спиридонова, Б. Камков, М. Натансон, А. Устинов, Г. Смолянский и еще 3 члена ПЛСР в качестве кандидатов. А 20 февраля левозэсеровские наркомы П. Прошьян и В. Карелин наряду с В. Лениным, Л. Троцким и И. Сталиным вошли в Исполнительную комиссию СНК. Прошьян также входил в состав Высшего Военного Совета, и его подпись стояла под декретом о создании Красной Армии. В результате в начале 1918 года сотрудничество большевиков и левых эсеров в советском двухпартийном правительстве было полным и весьма плодотворным.

Однако не стоит забывать, что партия левых эсеров была молодой как в прямом, так и в переносном смысле. Созданная в ноябре 1917 года, она состояла главным образом из очень молодых людей, представителей леворадикальной внесловной интеллигенции, крестьян от сохи, рабочих от станка и рекрутируемых из них красноармейцев. Достаточно сказать, что среди делегатов 2-го съезда ПЛСР более половины не достигли 30 лет, а четверть была младше 25 лет. Что касается лидеров партии, то М. Спиридоновой было 33 года, Б. Камкову — 32 года, П. Прошьяну — 34 года. Еще моложе были руководитель Боевой организации И. Каховская, командир Особого отряда ВЧК Д. Попов (27 лет) и будущий террорист Я. Блюмкин (18 лет). Поэтому несмотря на то, что у многих из них за плечами были тюрьмы, ссылки,

каторги, побег, эмиграция и фронт, они не обладали разносторонним жизненным опытом и по психологическому складу принадлежали к «романтикам революции».

Об этом очень точно говорил В. Карелин во время выступления с воспоминаниями в Исторической секции московского Дома печати 29 марта 1921 года:

«В то время (весна—лето 1918 года — авт.) в рядах лев. С.Р. было настроение, которое М.А. Спиридонова... очень хорошо характеризует одним словом “голгофизм”, своеобразное жертвенное настроение, принести себя в жертву на алтарь революции... Вот в это время в этом настроении ярко просвечивал симбиоз двух элементов эсеровской партии, с одной стороны, настроение крестьянских масс, а с другой стороны, идеологически рафинированное настроение интеллигентов»².

Данное обстоятельство не могло не привести к тому, что союз левых эсеров и большевиков был непродолжительным. Камнем преткновения стал вопрос о заключении Брестского мира — в феврале 1918 года ЦК ПЛСР высказался против заключения мирного договора на условиях Германии. При этом и в рядах большевиков не было единства по данному вопросу, поскольку представители левого крыла партии также выступали против мира с Германией. 22 февраля на заседании ЦК РКП(б) произошел фактический раскол руководства партии. Н. Бухарин вышел из состава ЦК и сложил с себя обязанности редактора «Правды», а группа в составе Г. Ломова, М. Урицкого, А. Бубнова, В. Смирнова, И. Стукова, М. Бронского, В. Яковлевой, А. Спундэ, М. Покровского и Г. Пятакова подала в ЦК заявление о своем несогласии с решением ЦК обсуждать саму идею подписания мира и оставила за собой право вести в партийных кругах агитацию против политики ЦК. А. Иоффе, Ф. Держинский и Н. Крестинский также заявили о своем несогласии с решением ЦК подписать мир, но воздержались от присоединения к группе Бухарина.

И только 23 февраля после предъявления немецкого ультиматума сторонники мира с Германией победили. На экст-

ренном заседании ЦК РКП(б) вслед за Л. Троцким отказались голосовать против Ленина левые большевики Дзержинский и Иоффе. В результате за мир высказались, поддержав Ленина, Г. Зиновьев, Я. Свердлов, И. Смилга, Г. Сокольников, И. Сталин и Е. Стасова; воздержались — Ф. Дзержинский, А. Иоффе, Н. Крестинский и Л. Троцкий; проголосовали против — Н. Бухарин, А. Бубнов, Г. Ломов и М. Урицкий. Таким образом, 7 голосами против 4 при 4 воздержавшихся германский ультиматум был принят.

Что касается левых эсеров, то на заседании ВЦИК 23 февраля они проголосовали против заключения мира, а 24 февраля на экстренно созванной конференции ПЛСР был поставлен вопрос о необходимости отзыва представителей партии из Совнаркома Республики. При этом часть членов ЦК ПЛСР (М. Спиридонова, В. Алгасов, Б. Малкин, А. Устинов) выступили за продолжение союза с большевиками и подписание мира. Таким образом, противники мира победили с перевесом в один голос. В результате 18 марта в связи с уходом левых эсеров была проведена реорганизация СНК, а на пленуме ВЦИК в Президиум избрали только М. Спиридонову и М. Натансона (Б. Камков, П. Прошьян, В. Трутовский и Д. Черепанов были избраны кандидатами в члены ВЦИК).

В то же время подавляющее число левых эсеров осталось в руководстве Советов всех уровней, а также в коллегиях центральных наркоматов и в составе региональных советских правительств. Так, 10 апреля П. Прошьян был вновь введен в состав Высшего Военного Совета Республики, С. Мстиславский оставался комиссаром Главного штаба партизанских формирований и соединений, а П. Александрович и Г. Закс — заместителями председателя ВЧК, П. Шишко был назначен заведующим Особого разведывательного отделения Оперотдела Наркомвоена, будущий маршал Советского Союза А. Егоров был председателем Высшей аттестационной комиссии по отбору офицеров в Красную Армию, А. Вознесенский заведовал восточным отделом НКВД, Л. Брагинский руководил Контрольно-ревизионной комиссией НКВД

по ревизии местных Советов и т. д. Более того, к лету 1918 года начался рост партийных рядов ПЛСР и вытеснение левыми эсерами большевиков из Советов.

Такое положение привело к тому, что лидеры левых эсеров считали, что ПЛСР имеет право проводить самостоятельную политику любыми методами. Так, сразу после ратификации мирного договора с Германией ЦК ПЛСР в марте 1918 года на секретном заседании рассмотрел вопрос о возобновлении террористической борьбы в виде «интернационального террора» против лидеров обеих империалистических коалиций, после чего член Главного военного штаба левых эсеров Г. Смолянский был направлен в Берлин для переговоров со «спартаковцами» (левыми немецкими социал-демократами, противниками войны, тогда уже готовившими организацию коммунистической партии) о подготовке покушения на кайзера Вильгельма II. А после прошедшего с 17 по 25 апреля в Москве 2-го съезда ПЛСР в руководстве левых эсеров начался дрейф в сторону несогласия с проводимой большевиками политикой.

В результате ко времени созыва 5-го Всероссийского съезда Советов противоречия между левыми эсерами и большевиками достигли критической точки. 24 июня на заседании ЦК ПЛСР под председательством Спиридоновой было решено в интересах русской и мировой революции положить конец «мирной передышке», организовав теракты против «виднейших представителей германского империализма». С этой целью на Украину выехала группа боевиков под руководством И. Каховской, перед которыми была поставлена задача совершить покушение на командующего немецкими оккупационными войсками на Украине генерал-фельдмаршала Г. фон Эйхгорна и гетмана П. Скоропадского.

Кроме того, тогда же было решено занять имеющимися в распоряжении ПЛСР боевыми отрядами т. н. «укрепленный район», который мог бы послужить неким «редутом» в случае, если после убийства Мирбаха возникнет конфликт с большевиками. В качестве такого района был выбран штаб Особого отряда ВЧК, расположенный в особняке Морозова

в Трехсвятительском переулке. Дело в том, что этим отрядом командовал бывший балтийский матрос и анархист Д. Попов, в ноябре 1917 года примкнувший к левым эсерам и до начала 1918 года партизанивший в лесах Карельского перешейка под Петроградом. Став членом ПЛСР, Попов привел свой отряд (около 600 человек) в Петроград и передал его в распоряжение левых эсеров. Позднее отряд Попова был передислоцирован в Москву, где по решению ЦК ПЛСР передан в состав частей ВЧК. Эти обстоятельства и стали причиной размещения с 24 июня в особняке Морозова «Штаба обороны партии» (начальник штаба — Ю. Саблин, начальник оперативного отдела — Д. Попов, политкомиссар — Д. Магеровский, члены — В. Зитта, Г. Орешкин и др.).

28 июня открылся 3-й съезд ПЛСР, который принял решение: «чтобы партия без промедления всей силой своего влияния и партийного аппарата выпрямила линию СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ (выделено нами — авт.)», а также высказался за передачу всей полноты власти Советам и ликвидацию Совнаркома. А 4 июля, в день открытия в Москве Всероссийского съезда Советов, ЦК ПЛСР решил приступить к действиям и назначил исполнителем теракта против Мирбаха члена партии чекиста Я. Блюмкина.

Родившийся в Одессе в бедной еврейской семье Яков Григорьевич Блюмкин начал революционную деятельность в 1914 году, вступив в партию эсеров. После Февральской революции он работает эсеровским агитатором на Украине, командует матросским «Железным отрядом», участвует в боях с немецкими войсками и частями Центральной рады. В марте 1918 года отряд Блюмкина вливается в состав 3-й советской Украинской армии, где он вскоре становится комиссаром, а затем помощником начальника штаба армии. В мае 1918 года после расформирования 3-й армии Блюмкина откомандировывают в Москву в распоряжение ЦК ПЛСР. Поскольку он неплохо зарекомендовал себя на Украине, то по предложению П. Александровича его направляют на работу в ВЧК. Уже после июльских событий Дзержинский в своих показаниях следственной комиссии при ВЦИК утверждал,

что «Блюмкин был принят в комиссию по рекомендации ЦК левых эсеров для организации в отделе по борьбе с контрреволюцией контрразведки по шпионажу»³.

Здесь надо сказать, что несмотря на заключение Брестского мира, некоторые немецкие политики и военные руководители с весны 1918 года были сторонниками нанесения серьезного военного удара по России, стремясь укрепить внутривойсковое положение в Германии и высвободить войска для наступления на Западном фронте. В ВЧК сразу же ощутили германскую угрозу, но поскольку чекистского аппарата контрразведки еще не существовало, то по указанию Дзержинского были предприняты шаги по его созданию. 28 апреля 1918 года на заседании президиума ВЧК, посвященном отчетам оперативных отделов, заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией И. Полукаров, отметив концентрацию контрреволюционных сил вокруг немецкого посольства в Москве, заявил, что для наблюдения «за контрреволюцией, надвигающейся извне, нет соответствующего аппарата». Дзержинский поддержал Полукарова, после чего было решено создать контрразведывательное отделение по немецкому шпионажу.

Точную дату создания контрразведывательного отделения и назначения его начальником Блюмкина установить невозможно по довольно странным причинам, о которых пишет бывший начальник Управления программ содействия ФСБ России генерал-лейтенант А. Зданович:

«В Архиве Федеральной службы безопасности в деле, где сосредоточены протоколы заседания президиума ВЧК, решавшего все основные вопросы ее жизнедеятельности и, естественно, организационные, за протоколом от 20 мая 1918 года следует протокол от 1 октября. Можно было бы посетовать на халатность секретарей-делопроизводителей того времени (отсутствие протоколов наблюдается и в первые месяцы работы ВЧК), но чтобы исчезли документы за четыре с лишним месяца — это просто невозможно. И каких месяцев — данный период отмечен не только созданием контрразведки, назначением Блюмкина, но и такими исключитель-

но важными для истории нашей страны событиями, как убийство германского посла графа Мирбаха, левоэсеровский мятеж, аресты союзнических дипломатов, включая Локкарта, убийство руководителя Петроградской ЧК Урицкого, покушение на жизнь председателя СНК Ленина, объявление вслед за этим красного террора»⁴.

Между тем назначение 18-летнего Блюмкина начальником отделения, работу которого сам Дзержинский считал одним из важнейших направлений деятельности ВЧК, выглядит довольно странным. Более естественным было бы назначить на этот пост старого большевика, члена коллегии ВЧК Д. Евсеева, имя которого очень часто упоминается в протоколах заседаний президиума ВЧК в связи с рассмотрением вопросов об организации контрразведывательной работы. Однако не следует забывать о том, что Дзержинский был противником Брестского мира и изменил свою точку зрения в самый последний момент. Кроме того, трудно предположить, что он не знал или, во всяком случае, не догадывался о взятом левыми эсерами курсе на проведение актов террора против немецких представителей в России с целью срыва мирного договора с Германией. Поэтому его вполне устраивала кандидатура неуравновешенного, склонного к эпатажу мальчишки Блюмкина, который наверняка беспрекословно станет выполнять все решения своего ЦК, с политикой которого в отношении Германии Дзержинский был вполне солидарен. Об этом говорит и тот факт, что давая показания 8 мая 1919 года Особой следственной комиссии, Блюмкин однозначно заявил:

«Вся моя работа в ВЧК по борьбе с немецким шпионажем, очевидно, в силу своего значения проходила под непрерывным наблюдением председателя Комиссии т. Дзержинского и т. Лациса. О всех своих мероприятиях (как, например, внутренняя разведка в посольстве) я постоянно советовался с президиумом Комиссии, с комиссаром по иностранным делам т. Караханом (в действительности — заместителем наркома Г. Чичерина — авт.), председателем Пленбежа⁵ т. Уншлихтом»⁶.

Став начальником отделения (не ранее 20 мая), Блюмкин сразу же развил бурную деятельность. Прежде всего он приступил к подбору сотрудников. При этом (на это следует обратить особое внимание), по утверждению М. Лациса, «Блюмкин набирал служащих сам, пользуясь рекомендацией ЦК левых эсеров. Почти все служащие его были эсеры, по крайней мере, Блюмкину КАЗАЛОСЬ (выделено нами — авт.), что все они были эсеры»⁷.

Кроме того, Блюмкин обратился в другие отделы ВЧК с просьбой предоставить ему все сведения о германском и союзническом шпионаже. Одновременно он начал искать пути для проникновения в немецкое посольство. Первый случай представился в начале июня, когда в московской гостинице «Элит» покончила жизнь самоубийством шведская артистка Ландстрем. В ВЧК сразу же заявили о том, что самоубийство может быть связано с контрреволюционной деятельностью Ландстрем и арестовали всех «подозрительных» постояльцев гостиницы. Среди них оказался и военнопленный, офицер австро-венгерской армии граф Роберт Мирбах, приходившийся дальним родственником германскому послу. Блюмкин несколько ночей допрашивал Мирбаха, а затем предъявил обвинение в шпионаже в пользу Австро-Венгрии, что грозило арестованному расстрелом. Но при этом Блюмкин пообещал сохранить Мирбаху жизнь, если он согласится работать на ВЧК. Мирбах данное предложение принял и 10 июня дал следующую подписку о сотрудничестве:

«Я, нижеподписавшийся, венгерский подданный, военнопленный офицер австрийской армии Роберт Мирбах, обязуюсь добровольно, по личному желанию, доставлять Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией секретные сведения о Германии и о германском посольстве в России»⁸.

Через 5 дней датское генеральное консульство в Москве, представляющее в России интересы Австро-Венгрии, узнав об аресте Мирбаха, поручило своему представителю Евгению Янейке начать переговоры с ВЧК по делу арестованного. 17 июня генеральный консул Дании Гакстгаузен офици-

ально подтвердил, что граф Роберт Мирбах действительно является «членом семьи, родственной германскому послу графу Мирбаху», а 26 июня обратился в ВЧК с просьбой освободить арестованного на поруки. Таким образом Блюмкин мог рассчитывать на то, что освобожденный из-под стражи Роберт Мирбах сможет посещать немецкое посольство и получать интересующие ВЧК сведения.

Следующую возможность проникнуть в германское посольство Блюмкин получил вскоре после ареста Мирбаха, когда к нему в кабинет зашел монтер «Московского общества электрического освещения 1886 года» А. Вайсман, проверявший электрооборудование в здании ВЧК. Разговорившись с монтером, Блюмкин (ранее работавший в Одессе по этой же специальности) выяснил, что он обслуживает и германское посольство, причем имеет право посещать его как сотрудник общества. Упустить такую возможность Блюмкин не мог и сразу же предложил Вайсману выполнить важное задание ВЧК, от чего тот отказаться, разумеется, не мог. В инструкции, полученной Вайсманом от Блюмкина, говорилось:

«I. Проверить донесение... о находящемся в доме складе оружия. По сведениям, он находится в одной из пристроек: конюшне, каретнице, сарае.

II. Узнать:

- 1) Имеется ли в доме тайное радио.
- 2) Технику приема посетителей. (Принимает ли сам Мирбах или его секретарь.) Кто может проходить к самому Мирбаху?
- 3) В какой комнате (ее расположение от передней) находится и занимается Мирбах. Есть ли в его кабинете нескоропортящийся шкаф.
- 4) Характер посетителей, приходящих в посольство.
- 5) Приблизительная численность служащих посольства.
- 6) Охраняется ли здание и кем? По сведениям, среди охраны есть русские... Кто превосходит численностью?
- 7) Общее впечатление»⁹.

Полученное задание Вайсман выполнил успешно и в короткий срок.

По свидетельству Лациса, «Блюмкин дней за десять до покушения хвастался, что у него на руках полный план особняка Мирбаха и что его агенты дают ему все, что угодно, что ему таким путем удастся получить связи со всей немецкой ориентацией»¹⁰.

Но одним германским посольством в Москве Блюмкин не ограничился. 18 июня секретарь ЦК ПЛСР М. Сирота направил на работу в ВЧК к Блюмкину М.А. Богданова (эсеровская кличка «Михаил») и Е.Н. Мальма («Барон»). После непродолжительного разговора Блюмкин поставил перед ними задачу — проникнуть в германское консульство в Петрограде. Для этого предполагалось, что Богданов и Мальм с паспортами на чужие фамилии под видом бывших офицеров придут в Петроград, где при содействии председателя Петрочека М. Урицкого и председателя уголовно-следственной комиссии Б.Орлинского¹¹ попытаются проникнуть в местные монархические круги, а затем вступят в контакт с представителями германского консульства и предложат им свои услуги в качестве агентов. И уже 22 июня «белые офицеры» Татищев (Мальм) и Черкасов (Богданов) выехали в Петроград.

Тем временем в германское посольство в Москве стали поступать сведения о готовящемся покушении на графа Мирбаха. По утверждению адъютанта германского военного атташе лейтенанта Л. Мюллера в начале июня к заведующему канцелярией посольства Вухерфенику обратился некто Владимир Иосифович Гинч, кинематографист, который заявил, что подпольной организацией «Союз союзников», членом которой он недавно стал, готовится убийство посла Мирбаха. Первый советник посольства доктор К. Ришлер в середине июня сообщил о полученных сведениях замнаркому НКВД Л. Карахану, который в свою очередь, проинформировал Дзержинского. Позднее, давая показания следственной комиссии, Дзержинский рассказал об этом эпизоде следующее:

«Приблизительно в половине июня с.г. мною были получены от тов. Карахана сведения, исходящие из германского

посольства, подтверждающие слухи о готовящемся покушении на жизнь членов германского посольства и о заговоре против Советской власти. Членами германского посольства был дан список адресов, где должны были быть обнаружены преступные воззвания и сами заговорщики; кроме того списка был дан в немецком переводе текст двух воззваний. Это дело было передано для расследования тт. Петерсу и Лацису. Несмотря, однако, на столь конкретные указания, предпринятые комиссией обыски ничего не обнаружили, и пришлось всех арестованных по этому делу освободить. Я был уверен, что членам германского посольства кто-то дает умышленно ложные сведения для шантажирования их или для других более сложных политических целей. Уверенность моя опиралась не только на факт, что обыски не дали никакого результата, но и на то, что доставленные нам воззвания нигде в городе распространяемы не были»¹².

28 июня Рицлер вторично сообщил Карахану о готовящемся покушении и передал соответствующие материалы. На этот раз по указанию Дзержинского были произведены обыск по указанному немцами адресу и арестован английский подданный, учитель английского языка Уайбер.

Во время обыска чекистами было обнаружено 6 зашифрованных записок, ознакомившись с содержанием которых, Дзержинский пришел к выводу, что «кто-то шантажирует и нас, и германское посольство» и стал настаивать на личной встрече с информатором посольства. Встреча Дзержинского с Гинчем состоялась в первых числах июля в «Метрополе» (предположительно 4 июля), однако никаких конкретных результатов не принесла, поскольку, как заявил Дзержинский, «после свидания с этим господином у меня больше не было сомнений, для меня факт шантажа был очевиден»¹³.

Между тем, как уже говорилось выше, 4 июля Блюмкин был вызван на заседание ЦК ПЛСР, где ему сообщили о принятом решении совершить убийство германского посла графа Мирбаха и потребовали сообщить все имеющиеся о нем сведения. Выполнение теракта предполагалось возложить на члена партии Ширяева, но Блюмкин предложил в исполнители

себя и сотрудника своего отделения, фотографа Николая Андреева. В ночь на 5 июля кандидатуры Блюмкина и Андреева и предложенный ими план покушения были утверждены созданным в составе ЦК ПЛСР Бюро для учета и распределения партийных сил. Покушение первоначально было назначено на 5 июля, но так как Я. Фишман, которому было поручено изготовить бомбы, не уложился к установленному сроку, то его перенесли на следующий день.

В ночь перед покушением Блюмкин написал завещание в форме письма одному из своих товарищей, личность которого до сих пор не установлена. Утром 6 июля он направился в здание ВЧК и около 11 часов попросил у заведующего отделом по борьбе с контрреволюцией, члена коллегии ВЧК М. Лациса дело Роберта Мирбаха якобы для наведения какой-то справки. Получив дело, Блюмкин взял в общей канцелярии бланк ВЧК и канцелярии отдела по борьбе с контрреволюцией, и напечатал на нем:

«Всероссийская Чрезвычайная комиссия уполномочила ее члена Якова Блюмкина и представителя Революционного Трибунала Николая Андреева войти в переговоры с Господином Германским Послом в Российской Республике по поводу дела, имеющего непосредственное отношение к Господину Послу.

Председатель Всероссийской Чрезвычайной комиссии
Секретарь».

Как утверждал позднее Блюмкин, подпись секретаря ВЧК И. Ксенофонтова подделал он сам, а подпись Дзержинского — один из членов ЦК ПЛСР. Имена и фамилии, свою и Андреева, Блюмкин оставил подлинными, а должности определил более значительными, чем в действительности.

Затем он отправился к заместителю председателя ВЧК Александровичу, который находился в кабинете Дзержинского, сообщил ему о решении ЦК совершить покушение на Мирбаха и попросил поставить на свой мандат печать, а также предоставить машину для поездки в посольство, что тот и сделал, написав записку: «Дать машину вне очереди т. Блюмкину». Позднее, выступая 29 марта 1921 года в Исторической

секции Дома печати с докладом «Из воспоминаний террориста», Блюмкин утверждал, что по окончании разговора они с Александровичем заметили спящего за ширмой Дзержинского. «Они испугались, что он слышал разговор, однако выяснилось, что он крепко спал и ничего не слышал»¹⁴.

В гараже Блюмкину выделили «паккард», на котором он отправился домой, в гостиницу «Элит», переоделся, после чего поехал в 1-й Дом Советов (гостиница «Националь»), где в квартире П. Прошьяна кроме хозяина находились член ЦК ПЛСР А. Биценко, Я. Фишман и Н. Андреев.

Биценко провела последний инструктаж террористов, после чего Фишман вручил им два револьвера и бомбу, которую Андреев спрятал в свой портфель, замаскировав бумагами. При этом теракт предполагалось совершить одними револьверами, так как бомба была сделана наспех и могла дать осечку. И еще одна интересная деталь. Согласно воспоминаниям Мстиславского, террористы были совершенно спокойны, а Блюмкин «непосредственно перед отъездом в Денежный переулок... со смехом “раскатывался” по паркету, обминая подошвы: он был в новых башмаках — подошвы были скользкие, надо было стереть с них лак, “обшершавить” их, для большей устойчивости движений»¹⁵.

Около 2 часов дня Блюмкин и Андреев вышли из «Националя» и сели в машину, где кроме шофера находился матрос из отряда Попова с бомбой (его заранее привез Прошьян). Шофер ничего не знал о цели предстоящей поездки, поэтому Блюмкин вручил ему револьвер и приказным тоном заявил: «Вот вам кольт и патроны, езжайте тихо, у дома, где остановимся, не прекращайте все время работы мотора, если услышите выстрелы, шум, будьте спокойны».

В 14.15 машина подъехала к германскому посольству. Блюмкин и Андреев заявили открывшему дверь швейцару, что им необходимо срочно встретиться с господином послом, после чего были препровождены в малую приемную. Через 10 минут к ним вышел советник посольства Бассевитц, которому Блюмкин предъявил мандат и заявил, что является представителем советского правительства и просит графа

Мирбаха принять его. Бассевитц взял мандат и отправился доложить о визите.

Через некоторое время в приемную вошли Рицлер и адъютант военного атташе лейтенант Мюллер, которым Блюмкин назвался членом ВЧК, а Андреева представил как сотрудника революционного трибунала. После этого Рицлер предложил посетителям пройти в одну из гостиных (малиновую), находившуюся в правом крыле здания. Там все сели за стол, после чего Блюмкин начал требовать предоставить ему возможность разговаривать лично с графом Мирбахом. После недолгих пререканий Рицлер вышел и через несколько минут вернулся в сопровождении Мирбаха. Тот сел напротив Блюмкина, который разложил на столе бумаги и начал рассказывать послу о аресте его родственника Роберта Мирбаха по подозрению в шпионаже. В ответ Мирбах заявил, что его это мало интересует, поскольку арестованный не имеет с ним ничего общего. Тогда Блюмкин попросил дать письменный ответ на затронутые вопросы через НКВД. В этот момент сидевший у дверей отдельно от остальных Андреев неожиданно спросил Мирбаха: «Видимо, господину графу интересно знать, какие меры будут приняты с нашей стороны?»

Эта фраза Андреева была условным сигналом. Не дожидаясь ответа посла, Блюмкин выхватил из портфеля револьвер и произвел несколько выстрелов сначала по Мирбаху, а потом в сторону Рицлера и Мюллера. Все трое упали на пол, а Блюмкин, продолжая стрелять, бросился к выходу из гостиной. Он был уже в соседнем зале, когда Мирбах внезапно встал и попытался бежать. Прикрывавший отход Андреев бросил под ноги Мирбаха бомбу, но она не взорвалась. Тогда он резким толчком отбросил посла в угол и начал доставать револьвер. В это время Блюмкин подобрал бомбу, поправил запал и снова бросил ее в Мирбаха. Раздался оглушительный взрыв, от которого вылетели оконные стекла и посыпалась штукатурка, а сам Блюмкин был отброшен на несколько шагов. Увидев лежащего в крови Мирбаха, Андреев не теряя ни секунды бросился к разбитому окну. За ним, оста-

вив на столе шляпу, револьвер и портфель с документами, бросился Блюмкин¹⁶. Андреев благополучно выпрыгнул на улицу и, перебравшись через забор, побежал к автомобилю. Блюмкин же во время прыжка подвернул ногу (видимо, не смотря на «раскат» новые ботинки скользили) и с трудом перелез через ограду. В этот момент из окон посольства раздалась выстрелы и одна из пуль угодила Блюмкину в левую ногу ниже бедра. Находившийся в машине матрос из отряда Попова бросил в сторону посольства бомбу, помог Блюмкину забраться в «паккард», после чего террористы благополучно вырвались из опасной зоны.

Поскольку конспиративной квартиры заранее подготовлено не было, то Блюмкин и Андреев отправились в расположение отряда Попова, где их ждали члены ЦК ПЛСР. Там раненого Блюмкина поместили в лазарет, находившийся на другой стороне Трехсвятительского переуллка, а для того, чтобы затруднить возможный розыск, его остригли, сбрили бороду и переодели в красноармейскую форму.

О том, что произошло после убийства Мирбаха, достаточно хорошо известно. Поэтому есть смысл остановиться только на некоторых моментах. Когда Блюмкин и Андреев прибыли в расположение отряда Попова, левозэсеровские лидеры М. Спиридонова и Г. Голубовский отправились на съезд Советов для оглашения заявления о взятии на себя ответственности за убийство Мирбаха, после чего большевиками была взята под арест вся левозэсеровская фракция съезда. Тем временем левые эсеры задержали Дзержинского, прибывшего для ареста Блюмкина в особняк Морозова, а позднее Лациса и нескольких других чекистов-большевиков, а также заняли здание ВЧК. По этому поводу весьма интересные показания дал (в 1920 году) Лацису Попов, заявивший буквально следующее:

«Произведенный арест членов ВЧК и некоторых задержанных на улицах советских работников-коммунистов объясняю я необходимостью и боязнью за участие арестованных на съезде Спиридоновой и фракции лев. с.-р. Если вы возьмете на себя труд вспомнить мой разговор с вами и

т. Дзержинским о сказанной мной фразе: “Мы вовсе не хотим захвата власти”, на что тов. Дзержинский ответил, что **ЕСЛИ ВЫ, ОПРАВДЫВАЯ ВЛАСТЬ КОММУНИСТОВ, НЕ ВОЗЬМЕТЕ САМИ — СДЕЛАЕТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ** (выделено нами — авт.). И из следующей фразы “за целостность Спиридоновой и фракции мы не остановимся снести полтеатра”, — сказанной мной. Вы найдете в них подтверждение сказанному мной выше, что события мне не представлялись с целью захвата власти, и что арест членов ВЧК и других вызваны были боязнью за участь арестованных наших товарищей»¹⁷.

И действительно, на протяжении 6 и 7 июля «Штаб обороны партии» практически бездействовал: левые эсеры никаких наступательных действий не вели, так как не считали свое выступление направленным на вооруженное свержение большевиков и расценивали его как самооборону. Между тем большевики, более обеспокоенные арестом Дзержинского и возможной утратой контроля над Москвой, нежели убийством Мирбаха, в ночь с 6 на 7 июля организовали латышские части, которые с 5 часов утра начали наступление на отряд Попова, разгромить который для них не составило большого труда. После неудачной попытки захватить железнодорожный состав на Курском вокзале поповцы стали отступать из Москвы по Владимирскому шоссе, но на 17-й версте были настигнуты верными большевикам войсками и окончательно рассеяны. Во время боя на Курском вокзале чекистами был арестован Александрович, которого в ночь на 8 июля вместе с 12 поповцами (М. Филоновым, Ф. Кабановым, С. Пинегиным, М. Костюком, И. Козиным, И. Букриным, М. Засориным, А. Лопухиным, В. Немцовым, А. Жаровым, Н. Воробьевым, А. Юшмановым) расстреляли без суда и следствия.

Однако спустя несколько дней после 6 июля выяснилось, что никакого контрреволюционного мятежа не было. А когда миновал кризис, вызванный требованием немцев ввести батальон grenадер для охраны посольства, обнаружилось, что большевики от произошедшего не только не проиграли, а

наоборот выиграли. Недаром позднее Ленин говорил, что все левые эсеры в принципе были за советскую власть и их попытка сорвать Брестский мир была вызвана тем, что они «дали ослепить себя призраком чудовищной силы», призраком германского империализма, и им казалось невозможной «иная борьба против империализма, кроме повстанческой». А в некрологе «Памяти тов. Прошьяна» Ленин писал, что «Прошьяну довелось до июля 1918 г. больше сделать для укрепления Советской власти, чем с июля 1918 г. для ее подрыва. И в международной обстановке, создавшейся после немецкой революции, все более прочное, чем прежде, сближение Прошьяна с коммунизмом было неизбежно».

В результате следствие по т.н. левоэсеровскому мятежу, продолжавшееся до ноября 1918 года, было проведено не очень усердно, а до причин, по которым стало возможным убийство графа Мирбаха, вообще не стали докапываться. Так, давая показания следственной комиссии ВЦИК, Дзержинский и Лацис открестились от Блюмкина и в один голос утверждали, что он за несколько дней до покушения на Мирбаха был отстранен от дел. При этом Дзержинский заявил:

«За несколько дней, может быть за неделю, до покушения я получил от Раскольниковца и Мандельштама (в Петрограде работает у Луначарского) сведения, что этот тип в разговорах позволяет себе говорить такие вещи: “Жизнь людей в моей власти, подпишу бумажку — через два часа нет человеческой жизни...” Когда Мандельштам, возмущенный, запротестовал, Блюмкин стал ему угрожать, что, если он кому-нибудь скажет о нем, он будет мстить всеми силами. Эти сведения я тотчас же передал Александровичу, чтобы он взял от ЦК объяснения и сведения о Блюмкине для того, чтобы предать его суду. В тот же день на собрании комиссии было решено по моему предложению нашу контрразведку распустить и Блюмкина пока оставить без должности. До получения объяснений от ЦК левых эсеров я решил о данных против Блюмкина комиссии не докладывать. Блюмкина я ближе не знал и редко с ним виделся»¹⁸.

Показаниям Дзержинского полностью вторит Лацис:

«Блюмкин начал работать в комиссии в первых числах июня. Он был откомандирован ЦК ПЛСР на должность заведующего “немецким шпионажем”... Блюмкин обнаружил большое стремление к расширению отделения в центр Всероссийской контрразведки и не раз давал в комиссию свои проекты. Но там голосами большевиков [они] были провалены. В моем отделе я Блюмкину не давал ходу. Единственное дело, на котором он сидел, — это дело Мирбаха-австрийского. Он целиком ушел в это дело, просидев над допросами свидетелей целые ночи... Я Блюмкина особенно недолюбливал и после первых жалоб на него со стороны его сотрудников решил его от работы удалить. За неделю до 6 июля Блюмкин у меня в отделе не числился, ибо отделение было расформировано по постановлению комиссии, а Блюмкин оставлен без определенных занятий. Это решение должно быть запротоколировано в протоколах комиссии в первых числах июля или последних числах июня»¹⁹.

Что касается протоколов заседаний президиума ВЧК, то они, согласно утверждению А. Здановича, в архивах ФСБ отсутствуют, а поэтому проверить факт отстранения Блюмкина и расформирования его отделения невозможно. Но отстранение Блюмкина вызывает большие сомнения хотя бы потому, что тот же Лацис утром 6 июля дал ему для работы дело Роберта Мирбаха. Практически уволенный сотрудник ВЧК, получающий у начальника отдела дело оперативной разработки — это кажется сомнительным даже в той революционной обстановке.

Так или иначе, но 27 ноября 1918 года революционный трибунал при ВЦИК вынес приговор по делу Спиридоновой, Саблина, Попова, Прошьяна, Камкова, Карелина, Трутовского, Магеровского, Голубовского, Черепанова, Блюмкина, Андреева, Майорова и Фишмана, обвиняемых в контрреволюционном заговоре ЦК ПЛСР против Советской власти и революции. Все обвиняемые были признаны виновными, но наказания понесли исключительно мягкие. Только Попов был объявлен врагом трудящихся, стоящим

вне закона, и подлежал расстрелу при поимке. Прошьяна, Камкова, Карелина, Трутовского, Магеровского, Голубовского, Черепанова, Блюмкина, Андреева, Майорова и Фишмана приговорили к 3 годам тюрьмы. А Спиридонову и Саблина, принимая во внимание их особые прежние заслуги перед революцией — к году тюрьмы, но уже через два дня амнистировали.

В дальнейшем судьба осужденных левых эсеров сложилась по-разному. Те из них, кто, как М. Спиридонова, не признали власть большевиков, до расстрела в конце 30-х годов находились в ссылках и лагерях. Зато другие, примкнувшие к большевикам, до начала Большого террора репрессиям не подвергались и занимали высокие посты. Так, Юрий Саблин, начальник «Штаба обороны» ПЛСР во время июльских событий, после амнистии воевал на Украине, в мае 1919 года вышел из ПЛСР и в ноябре вступил в РКП(б). В последующие годы командовал полком, бригадой и группой войск на деникинском фронте, участвовал в боях с Врангелем и подавлении Кронштадтского восстания, за что был награжден двумя орденами Красного Знамени, учился в Военной Академии, командовал дивизией и даже являлся делегатом XVI съезда ВКП(б). На момент ареста в 1937 году он был комендантом и военкомом Летичевского укрепрайона.

Яков Фишман, изготовивший бомбы для убийства Мирбаха, будучи в 1919 году арестованным в Москве, через полгода был выпущен из тюрьмы. В декабре 1920 года вышел из ПЛСР и на основании постановления Оргбюро ЦК РКП(б) был принят в компартию. Тогда же поступил в распоряжение Разведупра РККА и в феврале 1921 года выехал в Италию в качестве военного атташе. С августа 1925 года занимал должность начальника Военно-химического управления РККА и к моменту ареста в июне 1937 года имел звание корпусного инженера.

Инструктировавшая Блюмкина и Андреева член ЦК ПЛСР Анастасия Биценко вообще не была арестована, а в ноябре 1918 года по рекомендации Я. Свердлова вступила в РКП(б) и до ареста в 1938 году занимала различные посты в

кооперации, хозяйственных, советских и партийных органах, являясь одним из теоретиков совхозно-колхозного строительства.

Член ЦК ПЛСР Сергей Мстиславский был признан непричастным к заговору, в 1919 году выехал на Украину, где стал депутатом киевского Совета и был делегирован в Всеукраинский ВРК. Во время войны с Польшей находился при РВС 12-й армии, работал в ее зафронтовом (разведывательном) бюро, входил в правительственную комиссию по расследованию действий польской армии и властей в оккупированных местностях. В 1921 году вернулся в Москву, участвовал в деятельности Профинтерна, в 1925—1929 годах работал помощником редактора «Большой Советской энциклопедии», писал книги (наиболее известна его повесть о Николае Баумане «Грач — птица весенняя») и умер в 1943 году в эвакуации в Иркутске.

Павел Шишко, после ухода левых эсеров в подполье руководивший боевой работой, в 1923 году заявил о выходе из ПЛСР и желании вступить в РКП(б). Получив рекомендацию от В. Антонова-Овсеенко и И. Смилги и «индულгенцию» от ГПУ, был принят в партию без кандидатского стажа и до ареста в 1938 году работал на хозяйственных должностях.

Член коллегии ВЧК Григорий Закс, в выступлении 6 июля не участвовавший и организовавший Партию революционных коммунистов, отколовшуюся от ПЛСР, в ноябре 1918 года был принят в ВКП(б), служил на командных должностях в РККА, учился на Восточном факультете Академии Генштаба, в 1924—25 годах находился в качестве военного атташе в Эстонии, а затем до ареста в 1937 году — на хозяйственной работе.

Что же касается непосредственных убийц Мирбаха, то Н. Андреев в 1919 году умер от тифа на Украине. А вот Блюмкина ждала другая судьба. Будучи вывезенным 7 июля из Москвы, он некоторое время находился на нелегальном положении, а в ноябре 1918 года уезжает на Украину. Там он участвует в борьбе против националистического украинского

правительства Директории, поднимает крестьянские восстания против петлюровцев, а в апреле 1919 года является в Киевскую губчека с повинной. Его немедленно отправляют в Москву, где он дает подробные показания об убийстве Мирбаха, а 16 мая Президиум ВЦИК постановил: «Ввиду добровольной явки Я.Г. Блюмкина и данного им подробного объяснения обстоятельств убийства германского посла графа Мирбаха президиум постановляет Я.Г. Блюмкина амнистировать»²⁰.

Появление Блюмкина в Москве не осталось незамеченным германской дипломатической миссией. Из Берлина потребовали арестовать убийцу посла, но советское правительство поступило согласно предложению Троцкого, которое он направил секретной почтотелеграммой № 757 Ленину, Чичерину, Крестинскому и Бухарину: «Необходимо принять предупредительные меры в отношении дурацкого немецкого требования удовлетворения за графа Мирбаха. Если это требование будет официально выдвинуто и нам придется войти в объяснения, то всплывут довольно неприятные воспоминания (Александровича, Спиридоновой и проч.). Я думаю, что, поскольку вопрос уже всплыл в печати, необходимо, чтобы откликнулась наша печать и чтобы тов. Чичерин в интервью или другим порядком дал понять немецкому правительству и поддерживающей его шейдемановской социал-демократии что, выдвинув это требование, они впадают в самое дурацкое положение. Газеты могли бы высмеять это требование в прозе и стихах, а по радио отзвуки дошли бы до Берлина. Это гораздо выгоднее, чем официально объясняться на переговорах по существу вопроса»²¹.

В результате немцы, не желавшие идти на ухудшение советско-германских отношений, вынуждены были отступить от своих требований, а Блюмкин в 1919 году (по другим данным — в мае 1920 года) по рекомендации Дзержинского и решению Оргбюро ЦК РКП(б) вступил в компартию. Более того, в 1923 году по предложению все того же Дзержинского он возвращается на работу в ОГПУ, на этот раз — в Иностранный отдел. Впрочем, Дзержинский покровительствовал

не только Блюмкину, но и другому левому эсеру — члену ЦК ПЛСР и политкомиссару «Штаба обороны партии» Д. Магеровскому, о котором стоит рассказать чуть подробнее.

Дмитрий Александрович Магеровский родился 1894 году в Екатеринославе в дворянской семье. Его отец был жандармским подполковником, однако это не помешало сыну в 1912 году, во время учебы на юридическом факультете Харьковского университета вступить в партию эсеров. В 1917 году Магеровский переезжает в Москву, где работает в Московском университете ассистентом, а также является членом МК ПСР и Исполкома Совета рабочих депутатов. Тогда же им была написана книга «Учредительное Собрание и его задачи». После Октября Магеровский присоединился к левым эсерам, а в феврале 1918 года был одним из руководителей и докладчиков на Московском областном съезде ПЛСР. Позднее он принимал участие в создании Московской ЧК, а после ее слияния 19 марта 1918 года с ВЧК вошел в состав последней.

О роли Магеровского в июльских событиях уже говорилось выше. Но вот что интересно — после разгрома левых эсеров он долго колебался в выборе тактической ориентации партии между Антантой и большевиками. Чекистам об этом было хорошо известно, о чем свидетельствует сообщение ВЧК от 6 августа 1918 года за подписью Ксенофонтова наркому юстиции П. Стучке «О заседании Совета партии левых эсеров», в котором говорилось:

«3/VIII вечернее заседание Совета было посвящено прениям по текущему вопросу: оглашено... письмо Магеровского — длиннущее, англо-французской ориентации — это письмо частью прерывалось возгласами и смыслом были предложения недочитывать до конца. Магеровский этим письмом “партийно” похоронил себя совершенно»²².

Однако несмотря на явную поддержку стран Антанты и вынесенный 27 ноября 1918 года обвинительный приговор революционного трибунала при ВЦИК, который никто не отменял, Магеровского в 1919 году принимают в РКП(б). Более того, когда в 1921 году Магеровского первый раз ис-

ключили из РКП(б), он «был восстановлен в партии по рекомендации Дзержинского»²³. В дальнейшем до последнего ареста в 1938 году Магеровского во время «чисток» еще 4 раза исключали из партии (в 1924, 1928, 1929 и 1934 годах), но каждый раз восстанавливали.

Явное покровительство Дзержинского Блюмкину и Магеровскому на первый взгляд выглядит довольно странно. Но если предположить, что он и другие левые большевики знали о готовящемся покушении на Мирбаха, но ничего не предприняли для его предотвращения, то его протекция бывшим левым эсерам становится понятной. Как вполне понятны причины, по которым «заговорщикам» вынесены столь мягкие приговоры, и то, что в дальнейшем многие из них заняли видные посты в государственных органах.

Тут есть смысл привести версию историка Юрия Фельштинского. Он считает, что большевики к лету 1918 года были заведены Лениным, требующим сохранения Брестского мира, в тупик и находились на грани потери власти. Спасти же их могли только разрыв Брестского мира и продолжение революции в Европе. Это прекрасно понимали левые большевики и солидарный с ними Я. Свердлов, который в мае-июне 1918 года, взял на себя всю партийную работу и функции руководителя центрального партийного аппарата, назначается ЦК содокладчиком Ленина, становясь тем самым при нем неким партийным комиссаром. «Революция за три месяца передышки потеряла свой бескомпромиссный бег, — пишет Фельштинский. — Агония и отчаяние большевистского режима достигли своей высшей точки. Ее можно определить с точностью до дня — 6 июля 1918 года, когда приехавшие с мандатом Дзержинского и Ксенофонтова в особняк германского посольства чекисты потребовали встречи с послом Германии Мирбахом по чрезвычайно важному делу»²⁴.

И действительно, разрыв Брестского мира, окончательно состоявшийся в ноябре 1918 года после разгрома Германии в войне с Антантой и падения монархии, принес большевикам одни выгоды. Что же до методов, которые выбрали

левые эсеры для этого, то большевиков они вполне устраивали и не вызывали у них возмущения. Поэтому версия о том, что Дзержинский, Лацис и сотоварищи не только знали о задании Блюмкина, но и всячески ему помогали, имеет право на существование.

ПОКУШЕНИЕ НА ГЕНЕРАЛА МАННЕРГЕЙМА

Убийство германского посла фон Мирбаха не было единственной успешной акцией, осуществленной левозсеровскими боевиками после того, как в марте 1918 года на секретном заседании ЦК ПЛСР был рассмотрен вопрос о «применении партией интернационального террора» (утвержден в апреле 1918 года на 2-м съезде ПЛСР). Следующей их жертвой стал командующий германской группой армий «Киев» генерал-фельдмаршал Г. фон Эйхгорн, убийство которого совершил Борис Донской.

Выбор Донского для проведения этой акции был далеко не случаен. Бывший балтийский матрос, он еще в 1916 году вступил в партию эсеров и пользовался большой популярностью в Кронштадте. Являясь активным участником Февральской и Октябрьской революций, Донской в начале 1918 года вошел в состав Боевой организации ПЛСР. А уже в марте он на поезде руководителя Штаба формирований партизанских отрядов Д. Магеровского совершил поездку в так называемую Донецко-Криворожскую республику, побывав в Таганроге, Макеевке и Юзовке, где занимался организацией партизанского подполья. В апреле 1918 года после решения 2-го съезда ПЛСР о терроре Донской вместе с И. Каховской и Г. Смолянским начал подготовку покушения на Эйхгорна, а в мае выехал в Курск для организации перехода боевой группы через русско-украинскую границу.

Благополучно перебравшись вместе с группой в Киев, Донской начал слежку за Эйхгорном и гетманом Скоропадским. 30 июля Донской лично совершил убийство Эйхгорна и его адъютанта при помощи бомбы, причем с места поку-

шения, по эсеровской этике, скрыться не захотел и был немедленно арестован. На допросах о подробностях подготовки покушения он упорно молчал, но при этом сообщил следователям свое имя и партийную принадлежность, добавив, что Эйхгорн убит по приговору ЦК ПЛСР. Военно-полевой суд приговорил Донского к смертной казни, после чего 10 августа 1918 года он был повешен. Впрочем, казнь Донского не остановила левых эсеров, и в 1919 году группа боевиков под руководством Ирины Каховской готовила в тылу Добровольческой армии покушение на генерала А. Деникина, впрочем, не состоявшееся.

Более удачно проходили спецоперации большевиков. Во время гражданской войны большевистские подпольщики в регионах, находившихся под контролем антибольшевистских сил, неоднократно ликвидировали представлявших для них опасность людей. Несколько провокаторов и сотрудников контрразведки белогвардейских войск было убито в Одессе зимой 1919/1920 гг., в том числе генерал Кононович (об этих акциях подпольщиков рассказал в своей недавно изданной книге об истории Одесской ЧК И.Н. Шкляев).

Наиболее известно покушение в Тифлисе. Осенью 1919 года Кавказский краевой комитет РКП(б) принял решение о ликвидации представителя командования «Вооруженных сил Юга России» (во главе с А.И. Деникиным) в Тифлисе генерала от кавалерии Н.Н. Баратова, занимавшегося вербовкой офицеров, а также снабжением белой армии военным снаряжением и боеприпасами. Меншевистское правительство Грузии миссии Баратова не препятствовало, несмотря на хорошо известные антиавтономистские взгляды Деникина и его генералов.

13 октября 1919 года в 11 часов утра на Верийском спуске в автомобиль с открытым верхом, в котором ехали два генерала — Баратов и председатель Военного совета Грузии Одишелидзе, а также адъютант Баратова полковник Алхави, члены боевой группы Кавказского крайкома Лордкипанидзе и Элбакидзе бросили две бомбы. Баратов был тяжело ранен (ему ампутировали ноги, но он выжил и до смерти в Париже

в 1932 году активно работал в белоэмигрантских организациях), адъютант Алхави и шофер были убиты. При покушении от взрыва пострадал и один из боевиков — Тите Лордкипанидзе, биография которого, в отличие от второго из покушавшихся, Элбакидзе, хорошо известна.

Он родился в Кутаисской губернии в крестьянской семье. Три его брата участвовали в революционном движении, один из них, Иона, участник неудачного покушения на генерала Алиханова в 1905 году и убийства провокатора «Хаджи», был повешен в 1914 году. Другой брат, Александр, умер в 1909 году после жестокого избиения казаками, а третий брат, Владимир, скончался в каторжной тюрьме в 1916 году. Единственный из оставшихся в живых четырех братьев, Тите Лордкипанидзе окончил Кутаисскую гимназию и учился в Коммерческом училище в Москве. В 17 лет он стал большевиком, работал в подполье. После призыва в армию во время Первой мировой войны служил помощником командира роты 2-го Заамурского полка, а в ноябре 1917 года вернулся в Тифлис. После покушения на Баратова Лордкипанидзе был арестован, с ноября 1919 года содержался в Метехском замке в Тифлисе, а затем в Кутаисской тюрьме, но в следующем году на основании договора между РСФСР и Грузией передан советским представителям. В мае 1920 года он становится заведующим военного отдела Горского обкома РКП(б) во Владикавказе, но уже через месяц переходит на работу в органы ВЧК. В течение 17 лет работы в «органах» Лордкипанидзе отличился всюду, где ему довелось служить: в особых отделах Южного фронта и Крымской ударной группы войск, во Всеукраинской ЧК, во главе Кутаисской губернской ЧК, отдела по борьбе с бандитизмом Грузинской ЧК, КРО полномочного представительства ОГПУ в ЗСФСР и ЧК Грузии. Два года, с декабря 1925 по октябрь 1927 года, он работал в Париже, куда был направлен для разработки грузинских эмигрантских центров по линии ИНО ОГПУ, заместителем резидента под прикрытием должности сотрудника полпредства СССР. После возвращения в Грузию занимал руководящие посты в полпредстве ОГПУ в Закавказской федерации

— был начальником секретного отдела, заместителем председателя и председателем ГПУ Грузинской ССР, одновременно будучи вторым заместителем полпреда. В апреле 1933 года Лордкипанидзе назначается полпредом ОГПУ и председателем ГПУ ЗСФСР (с июля 1934 года — наркомом внутренних дел ЗСФСР). В январе 1935 года его переводят в Крым начальником управления НКВД (с февраля 1937 года — наркомом внутренних дел Крымской АССР), одновременно он возглавлял особый отдел морских сил и береговой обороны Черного и Азовского морей.

За боевые заслуги Т.И. Лордкипанидзе было присвоено спецзвание старшего майора госбезопасности, он был награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени Грузинской ССР и Трудового Красного Знамени ЗСФСР, двумя знаками «Почетный работник ВЧК—ГПУ». Но это не спасло его от ареста в июне 1937 года. Следствие проходило в Тбилиси. Бывшие коллеги, в том числе Берия, с которым Тите Илларионович когда-то вместе дружно работал, а затем испортил отношения, не захотели помочь старому чекисту. 14 сентября 1937 года он был расстрелян (посмертно реабилитирован в 1958 году).

Убийство Эйхгорна, как и убийство Мирбаха, получили широкий резонанс в кругах руководителей только начавших свою деятельность советских спецслужб. А не очень скрываемое центральными советскими властями поощрение попыток решения сложных внешнеполитических вопросов методами террора (при узаконенном терроре внутреннем), привели к тому, что органы ВЧК посчитали для себя возможным взять этим методы на вооружение. И уже в конце 1919 года началась подготовка покушения на генерала Маннергейма.

Как известно, до Октябрьской революции Финляндия входила в состав Российской империи. Но уже 6 декабря 1917 года парламент Финляндии принял Декларацию о независимости и провозгласил страну республикой. 31 декабря 1917 года после официального обращения кабинета министров Суоми во главе с П. Свинхувудом Совнарком принял

решение «признать государственную независимость Финляндской республики».

Предоставляя Финляндии независимость, российские большевики надеялись в самое ближайшее время установить там свою власть опробованным в России путем. На открывшемся 25 ноября 1917 года в Петрограде Чрезвычайном съезде финских социал-демократов выступил нарком по делам национальностей И. Сталин, который в своей речи обратил внимание делегатов на необходимость «решительных действий» и обещал помощь для совершения революции. В результате левому крылу съезда удалось добиться принятия резолюции, которая давала право Центральному революционному комитету «приступить к захвату власти в нужный момент». По этому поводу финская печать тех лет писала: «Лидеры социал-демократической партии решили вызвать гражданскую войну, воспользовавшись штыками русских красногвардейцев и благосклонным содействием гг. Ленина, Троцкого и других. Таким образом они надеялись насадить русский большевизм и в Финляндии».

Нужный момент наступил буквально через месяц — 27 января 1918 года в Финляндии началась «пролетарская революция». Впрочем, большевистские лидеры и не скрывали своих целей. Так, 29 января нарком по военным делам Н. Подвойский заявил в беседе с официальным представителем Финляндии, что дал указание направить помощь финским красногвардейцам и намерен поступать так и впредь. Однако большинство финнов не поддержали местных коммунистов, и в стране началась гражданская война. О накале боев свидетельствует обращение полевого оперативного штаба российских войск в Финляндии к командующему Петроградским военным округом, в котором, в частности, говорилось: «Просим немедленно прислать войска Красной гвардии, броневой вагон, бронеавтомобиль, 50 пулеметчиков и артиллеристов на 4 орудия»²⁵.

В конце февраля 1918 года, когда исход борьбы еще был неясен, большевики попытались надавить на Финляндию с другой стороны. С этой целью 1 марта находящуюся в Пет-

рограде финскую официальную делегацию заставили подписать «Договор между Российской и Финляндской социалистическими республиками», причем слово «социалистическая» было финнам навязано без согласования с правительством Свинхувуда. С советской стороны договор подписали В. Ленин, Л. Троцкий, И. Сталин и нарком почт и телеграфов левый эсер П. Прошьян. Но, как уже говорилось, предстоящая советизация Финляндии была встречена большинством населения страны в штыки. Более того, их поддержало финское население Петроградской губернии, которое с марта 1918 года регулярно восставало против Советской власти. В результате к концу апреля 1918 года правительственные части при помощи германских войск под командованием генерала фон Гольца разбили отряды финской Красной гвардии. А в мае лидеры финских коммунистов и часть финских красногвардейцев были вынуждены бежать в Петроград. Всего же к лету 1918 года в Петроградской губернии находилось более 5000 «красных финнов».

Решающую роль в разгроме финских коммунистов и их вооруженных отрядов сыграл генерал-лейтенант царской армии Маннергейм, ставший позднее национальным героем Финляндии. Барон Карл-Густав Маннергейм родился в 1867 году в Финляндии в семье выходцев из Швеции. Он получил прекрасное образование в кадетском корпусе в Хамина, Гельсингфорском лицее и Николаевском кавалерийском училище в Петербурге, после чего в 1889 году был направлен в 15-й Александрийский драгунский полк, дислоцированный в Царстве Польском. Через год он был переведен в Кавалергардский полк в Петербург, а уже в 1903 году ротмистр Маннергейм становится командиром образцового эскадрона в кавалерийском училище. Интересную характеристику Маннергейма того времени оставил известный царский, а затем советский генерал А. Игнатъев, в 1895 году начавший службу в конной гвардии. В своей книге «Пятьдесят лет в строю» он пишет:

«Непосредственным моим начальником оказался поручик барон Маннергейм, будущий душитель революции в

Финляндии. Швед по происхождению, финляндец по образованию, этот образцовый наемник понимал службу как ремесло. Он все умел делать образцово и даже пить так, чтобы оставаться трезвым. Он, конечно, в душе глубоко презирал наших штатских в военной форме, но умел выражать это в такой полушутливой форме, что большинство так и принимало это за шутки хорошего, но недалекого барона. Меня он взял в оборот так же умело и постепенно доказал, что я, кроме посредственной верховой езды да еще, пожалуй, гимнастики, попросту ничего не знаю».

Когда началась русско-японская война, Маннергейм добровольцем пошел на фронт, где его произвели в подполковники и определили в 52-й Нежинский драгунский полк. Во время боев он прославился как специалист по конной разведке. Так, в начале 1905 года в окрестностях Мукдена он провел со своими драгунами сложную рекогносцировку, за что получил чин полковника. А в конце войны он занимался сбором сведений о японцах на территории Маньчжурии.

После окончания войны Маннергейма, как специалиста по разведке, по указанию Генштаба направляют в военно-научную экспедицию по странам Центральной Азии. Целью экспедиции было картографирование малоизвестных тогда в Генштабе территорий и выяснение военно-политического положения на китайской территории, граничащей с Россией. Согласно «легенде», он должен был заниматься научными исследованиями в составе экспедиции французского профессора П.Пэллио.

11 августа 1906 года Маннергейм в сопровождении 40 казаков пересек российско-китайскую границу в районе Оши и, отделившись от французской экспедиции, проехал Внутреннюю Монголию, китайские провинции Синьцзян и Шаньси, достиг Пекина, а оттуда перебрался в Японию. В ходе экспедиции Маннергейм занимался не только картографированием, но и проводил этнографические и антропологические исследования. Так, он первым из европейцев беседовал с таинственным тогда далай-ламой и даже получил от него разрешение сделать фотографии сцен богослужения буддийских монахов.

Вернувшегося в 1908 году из экспедиции Маннергейма производят в генерал-майоры свиты Его Величества, а затем назначают командиром гвардейского Его Величества Уланского полка. В дальнейшем он командовал дивизией и корпусом, принимал участие в Первой мировой войне. Но после февральской революции, когда революционная анархия захлестнула армию, Маннергейм принимает решение уйти с русской службы и подает прошение об отставке. 9 сентября 1917 года генерал-лейтенант Маннергейм был официально отстранен от командования корпусом и зачислен в резерв, после чего немедленно уехал в Финляндию.

Снова одеть генеральский мундир Маннергейму пришлось в феврале 1918 года, когда его избирают главнокомандующим финской армии и поручают разогнать отряды финской Красной гвардии. Маннергейм успешно справился с этой задачей, а затем вновь ушел в отставку.

Впрочем, она была недолгой. Дело в том, что в мае 1918 года финляндское правительство пригласило править страной немецкого принца Фридриха Карла Гессенского. Но его коронация так и не состоялась — Германия к тому времени потерпела поражение в Первой мировой войне, а кайзер отрекся от престола.

И тогда финны вручили власть генералу Маннергейму. Ему присваивается звание правителя Финляндии для того, чтобы он в этом качестве выработал основы будущего государственного строя и добился дипломатического признания Финляндии ведущими западными странами. Маннергейм успешно справился и с этими задачами, после чего на первых президентских выборах, состоявшихся в июле 1919 года, правые партии выдвинули его своим кандидатом по пост главы государства. Но президентом он в этот раз не стал, проиграв представителю социал-демократов Карлу Стольбергу.

Однако от активной политической жизни Маннергейм не отошел, и уже в октябре 1919 года, будучи командующим финскими вооруженными силами, обратился с письмом к правительству, в котором призвал организовать военный поход против Советской России. Аргументы Маннергейма

были следующие: большевики сейчас слабы как никогда, защитить Петроград они не смогут, необходимо действовать и т.д. В своих мемуарах он так писал о причинах этого своего предложения:

«Я считал, что Финляндия не имела причин оставаться в стороне от общей борьбы с большевизмом и способствовала бы приходу к власти в России здравомыслящего правительства. Такая бы услуга стала бы основой для будущих дружеских отношений».

Но правительство не последовало призывам Маннергейма, так как о его письме стало известно широкой общественности Финляндии, которая отнеслась к предложению генерала крайне негативно. Разумеется, о письме Маннергейма узнали и в Советской России, что привело к неожиданным последствиям. Дело в том, что хотя Финляндия и Россия с мая 1918 года находились в состоянии войны, уже началась подготовка мирных переговоров, закончившихся 14 октября 1920 года подписанием Тартуского мирного договора. Но заключение мира с Финляндией грозило финским коммунистам и красногвардейцам, вынужденным скрываться в Петрограде, крушением их планов возвращения на родину. Поэтому руководители военной организации компартии Финляндии выступили с предложением ликвидировать Маннергейма, посмевшего угрожать колыбели революции. При этом они рассчитывали, что после убийства Маннергейма переговоры с Финляндией будут сорваны, а значит останется возможность продолжить войну «до полной победы финского пролетариата».

Предложение финских коммунистов ликвидировать Маннергейма поддерживали руководители Петроградской ЧК и Петроградского военного округа, которые, будучи прекрасно осведомлены о слабой пока еще боеспособности Красной Армии, серьезно опасались финской интервенции. А о том, что она вполне возможна, они знали из данных разведки. Так, в донесениях резидента Особого отдела ВЧК в Финляндии, направленных в Петроград в конце 1919 — начале 1920 года, говорилось:

«Финляндцы-белогвардейцы закупают в Германии оружие, прибыло 2 парохода с патронами и гранатами. Фин[ские] воен[ные] власти заказали в Англии 3 легких крейсера и покупают у нее же 8 миноносков из германских. Прибыло 2 английских крейсера... Лихорадочно вооружается белая гвардия, еще сегодня прибыл пароход с автомобилями, пулеметами и тракторами. Выгружено 16 грузовых автомобилей марки "Бенц". Пулеметы увезли части охранных дружин. Ожидается мобилизация офицерского и врачебного резерва, но это якобы для проверки гибкости военного аппарата. Сами финны не очень склонны идти на Питер, но офицерство кричит на всех перекрестках "дайте Маннергейма и мы возьмем наш Питер обратно". Солдаты иного мнения».

«Генерал Маннергейм — душа антибольшевистского блока, это ясно по странному посещению его всеми реакционными элементами России...

Генерал вообще пользуется несказанной любовью буржуазии, хотя левая печать ведет компанию против его политики. Правая рука [Маннергейма] генерал Ветцель считается сторонником захвата Петрограда, и в этом направлении ведется работа. Опять русские белые предпринимают при поддержке Антанты наступательную компанию против Сов. России. Во главе компании [в]стали генералы Глазенап, Владимиров, Краснов и Семенов (Симбирский). [Их] делегация выехала в Париж, Лондон и Берлин. Авалов, собирая силы в Германии, находится в контакте с командованием бывшей Северной армии. Новая [анти]советская армия вербуются из германских солдат, офицеры будут русские. Финансируют эту армию англо-французские милитаристы. На русско-финские мирные переговоры смотрят как на передышку, а пока представители Финляндии говорят во Франции о компенсации за участие в захвате Питера»²⁶.

В конце 1919 года операция по ликвидации Маннергейма была утверждена. Деньги и оружие для ее проведения выделил военный комиссариат Петрограда и ПетроЧК, а ее непосредственное исполнение возложили на Военную интернациональную школу, где в то время обучалось около

полутора тысяч финских красногвардейцев. Планирование операции было поручено комиссару школы Эйно Рахья.

Вскоре группа террористов была подобрана. Возглавил ее выпускник школы 1919 года финн Александр Векман. Убежденный большевик, он родился в Петербурге, где до революции работал токарем на одном из заводов. С начала Гражданской войны он воевал в рядах Красной Армии, а после окончания Военной интернациональной школы командовал батареей на границе с Финляндией в местечке Валкеасаари.

Кроме него в группу вошли еще семь финских краскомов, окончивших школу вместе с Векманом — Александр Суокас, Карл Сало, Вайно Луото, Эмиль Куутти, Яльмар Форсман, Александр Энтрох и Ангти Поккинен. И хотя Векман всех их знал и полностью им доверял, конечная цель операции держалась от членов группы в секрете.

В январе 1920 года операция вступила в практическую фазу. Первым нелегально перебрался в Финляндию Энтрох, в задачу которого входила подготовка группы обеспечения из числа местных жителей и организация базы для остальных боевиков. Вскоре им был привлечен к операции слесарь Теодор Сядервирте, ставший главным помощником террористов, и рабочий Антон Лонка. Тем временем другой член группы, Куутти, получил задание перебросить в Финляндию оружие. Первоначально для проведения теракта планировалось использовать пулемет, но потом от этой идеи отказались и остановились на легком стрелковом оружии.

В марте 1920 года в Финляндию направились Векман, Суокас и Сало. Имея при себе фальшивые документы и крупную сумму денег, они ночью по льду переправились из Кронштадта в район поселка Инно, а оттуда порознь на попутных телегах и пешком отправились в Хельсинки. Там на квартире Сядервирте, находившейся на улице Силгасааренкату, члены группы встретились и разделили деньги. Но о том, что им предстоит убить Маннергейма, они узнали от Векмана только во время второй встречи, которая состоялась 1 апреля. Тогда же были обсуждены сведения о привычках генера-

ла, маршрутах его передвижений и системе охраны, которые были получены от группы обеспечения. Было решено убить Маннергейма 4 апреля в городе Тампере (в то время Таммерфорс) во время парада шюцкора (финской Белой гвардии). Исполнителя акции выбрали по жребию. Им стал Сало.

На следующий день Векман, Суокас и Сало поодиночке отправились в Тампере, где 3 апреля встретились в кафе на улице Хяменкату. Во время встречи Векман передал Сало крупнокалиберный кольт и сообщил, что стрелять придется на этой же улице, когда Маннергейм, следуя верхом во главе колонны шюцкора, поравняется с террористом. Что же касается Векмана и Суоаса, то они, вооруженные кольтom и вальтером, должны были подстраховывать Сало, находясь недалеко от него. После уточнения всех деталей члены группы обошли город, тщательно осматривая пути отхода с места теракта.

4 апреля 1920 года, в первый день Пасхи Маннергейм, приветствуемый толпами горожан, возглавил парад. Будучи верхом, он возвышался над толпой и представлял собой удобную мишень для террористов. Но когда он проследовал по улице Хяменкату и оказался около Сало, выстрела не последовало. Как выяснилось впоследствии, тот просто струсил. Векман и Суокас также не смогли произвести выстрелы, так как потеряли в толпе Сало и упустили удобный момент.

На следующий день, 5 апреля, Сало, не встретившись со своими товарищами, вернулся в Хельсинки. А 6 апреля туда же приехали Векман и Суокас. Их встреча носила бурный характер — Векман называл Сало жалким трусом и грозил пустить ему пулю в лоб, если тот на очередном параде, который должен был состояться в Хельсинки 13 апреля, не убьет Маннергейма или военного министра Финляндии Бруно Яландера, за которым группа обеспечения также вела постоянное наблюдение.

Но и на этот раз у Сало не хватило духа осуществить задуманное. Вечером после парада он пришел на квартиру к Сядервирте, отдал ему оружие и, не дожидаясь Векмана, попытался

скрыться где-нибудь в Финляндии, так как возвратиться в Россию он, естественно, не мог.

Однако исчезнуть ему не удалось, и 23 апреля он был арестован финской полицией. В Петрограде же о неудаче покушения узнали из донесения резидента Особого отдела ВЧК от 20 апреля, в котором говорилось:

«В Таммерфорсе было подготовлено покушение на Маннергейма, коммунист с ручной бомбой подошел на 10 шагов к генералу, но бомбу не бросил, потеряв самообладание. Бросившись бежать, он скрылся в толпе и не пойман»²⁷.

После бегства Сало план покушения на Маннергейма рухнул окончательно, и члены группы приняли решение покинуть Финляндию. Векман, Суокас, Сядервирте и Лонка направились в Россию. Но им не повезло — 21 апреля они были арестованы полицией в поезде Хельсинки-Выборг. К Форсману и Луото судьба была более благосклонной и они благополучно прибыли в Петроград. Что касается Энтроха, Куутти и Поккенена, то они решили осесть в Финляндии. Пользуясь старыми связями, они смогли не привлекая внимания полиции остаться в стране. Более того, в июле-августе 1920 года Поккенен побывал в Петрограде и получил инструкции относительно дальнейшей нелегальной деятельности.

12 ноября 1920 года в городе Турку состоялся процесс над арестованными террористами. Суд приговорил Векмана к 12 годам и Сало к 10 годам тюремного заключения «за участие в тайном антигосударственном заговоре, за измену государственному строю и родине».

Подготовка покушения на Маннергейма подсудимым не инкриминировалась, так как оно не состоялось. Суокас был приговорен к 6 годам тюрьмы. Он обвинялся в тех же преступлениях, за исключением измены родине. Вину Лонка суду доказать не удалось, и он был оправдан.

Что же касается Сядервирте, то он стал активно сотрудничать со следствием и дал показания на своих товарищей, за что был освобожден от судебной ответственности. Но на свободе он пробыл недолго и вскоре погиб в результате взрыва гранаты, брошенной Энтрохом. При этом были ранены

двое прохожих, один из которых скончался в больнице. По данному факту полиция провела расследование и довольно быстро задержала Энтроха, Куутти и Лонка. Суд приговорил их за совершенные убийства, а также подготовку к убийству, измену родине и попытку свержения государственного строя к пожизненному заключению.

Впрочем, не все участники этой истории отбыли положенные сроки заключения. Так, 5 июля 1921 года Суокас совершил вместе с еще 6 заключенными побег из тюрьмы города Тампере и благополучно добрался до Петрограда. А 18 июня 1926 года оказались на свободе Векман и Энтрох. Их и еще шесть финнов и двух русских по тайному соглашению между СССР и Финляндией обменяли на финских белогвардейцев, находившихся в советских тюрьмах.

Так закончилась попытка покушения на генерала Маннергейма. Ее неудача связана, возможно, не только с трусостью главного исполнителя, но и с тем, что в ПетроЧК на высоких постах действовал агент иностранной разведки. Об этом свидетельствует ряд документов, находящихся в архиве Гуверовского университета (США), в одном из которых, в частности, говорится:

«В настоящее время в Финляндии находится около 40 специальных агентов большевиков. Многие из них женщины... Они перевозят документы туда и сюда... На днях большевиками направлена в Финляндию женщина, которая должна осуществить покушение на ген. Маннергейма. Женщина эта должна войти в контакт с двумя красными финнами»²⁸.

Что же касается политических результатов этой неудавшейся акции, то они были крайне неблагоприятны для Москвы. Прежде всего финское правительство было крайне возмущено подобным актом международного терроризма. Не заявляя об этом публично, оно уже в июне 1920 года стало оказывать поддержку оружием образованной год назад на Карельском перешейке т. н. Северной Ингермандландской республике. В частности, ей было передано 4 орудия для формирования артиллерийской батареи. Когда же после подписания в октябре 1920 года Тартуского договора республика

была ликвидирована, финны начали тайно поддерживать «Ухтинское правительство» в Советской Карелии, просуществовавшее аж до середины 1922 года. Кроме того, на территории Финляндии до 1945 года активно действовали антисоветские белоэмигрантские организации, на что финское правительство закрывало глаза. Но самое главное, финны долгое время опасались всевозможных провокаций со стороны СССР, что в конце концов привело к печально известной Зимней войне, и к союзу Финляндии с гитлеровской Германией во время Второй мировой войны.

ЛИКВИДАЦИЯ ГЕНЕРАЛА ДУТОВА

Убийство посла фон Мирбаха и покушение на генерала Маннергейма можно считать в определенном плане самостоятельностью, разрозненными разовыми акциями, не имеющими единого плана и четко определенной политической задачи. К тому же они были совершены в ходе Гражданской войны, когда Ленин и его соратники не были уверены в том, что смогут удержать власть. Но и после победы в Гражданской войне у большевиков не прибавилось уверенности в прочности своего положения. Огромная страна была разорена, повсюду царили голод и разруха, а значительная часть российского крестьянства и рабочего класса, поддерживая Советы, все определеннее выражала свой протест против нарастающей монополии большевиков на власть. При этом наряду с экономическими требованиями (свобода торговли, равное распределение продуктов и т.п.) ими выдвигались политические лозунги (свобода слова и печати, равноправие всех политических партий, перевыборы в Советы на многопартийной основе), затрагивающие основы большевистского режима. В результате по всей России то и дело поднимались вооруженные выступления против большевиков, из которых наиболее опасными для них были крестьянское восстание в Тамбовской губернии (август 1920 — сентябрь 1921 года) и Кронштадтское восстание в марте 1921 года.

Не меньшую опасность для московского руководства представляли противники, оказавшиеся после Гражданской войны за границей. Лидеры проигравших политических партий и руководители белого движения не желали мириться со своим поражением и всеми доступными средствами собирались продолжать борьбу, и это Ленин его соратники прекрасно осознавали, тем более, что сами пришли к власти из эмиграции. По данным Лиги Наций всего Россию после революции покинуло около 1 млн. 160 тыс. беженцев, и около четверти из них являлись бойцами белых армий. И хотя наиболее крупным из этих вооруженных формирований были части генерала Врангеля (около 40 тыс. чел.), наибольшую и первоочередную опасность для Москвы представляли не они, а белые отряды, укрывшиеся в Северном Китае.

Всего в Китай (главным образом в Маньчжурию, Синьцзян и Шанхай) в 1919—1920 годах бежало около 70 тыс. чел., из них в составе вооруженных отрядов Б. Анненкова, А. Дутова, Г. Семенова, А. Кайгородова, Р. Унгерна и других — не более 10 тыс. Но в виду целого ряда причин (географическое положение, значительная протяженность границы, относительно небольшая численность населения в приграничных с Китаем районах и непопулярность там советской власти, слабость местной китайской администрации и т. д.) белые командиры в своем большинстве смогли не только целиком сохранить свои подразделения, но и сразу же приступить к конкретным действиям против Советской России. Из них наиболее активен был генерал-майор А. Дутов, нашедший прибежище в Синьцзяне.

Александр Ильич Дутов родился в 1879 году. В 1889 году он поступил в Неплюевский кадетский корпус в Оренбурге, по окончании которого продолжил военное образование в Николаевском кавалерийском училище.

Офицерскую службу Дутов начал в 5-м саперном батальоне, а в 1904 году поступил в Николаевскую военную академию, которую закончил по первому разряду. После окончания академии Дутов перевелся в Оренбургское казачье войско и получил должность преподавателя в Оренбургском

казацьем училище. Одновременно, являясь действительным членом Оренбургской ученой комиссии, он занимался собиранием и изучением документов, связанных с пребыванием в Оренбурге А.С. Пушкина. В 1912 году Дутов был произведен в чин войскового старшины (подполковника). В годы Первой мировой войны он командовал 1-м Оренбургским казачьим полком, был ранен, дважды контужен и на время лишился зрения и слуха. Что же касается политических взглядов Дутова, то их он изложил в интервью Сибирскому телеграфному агентству следующим образом:

«Я люблю Россию, в частности свой оренбургский край, в этом вся моя платформа. К автономии областей отношусь положительно, и сам я большой областник. Партийной борьбы не признавал и не признаю. Если бы большевики и анархисты нашли действительный путь спасения и возрождения России, я был бы в их рядах. Мне дорога Россия, и патриоты, какой бы партии они не принадлежали, меня поймут, как и я их. Но должен сказать прямо: «Я сторонник порядка, дисциплины, твердой власти, а в такое время, как теперь, когда на карту ставится существование целого огромного государства, я не останавлиюсь и перед расстрелами. Эти расстрелы не месть, а лишь крайнее средство воздействия, и тут для меня все равны, большевики и не большевики, солдаты и офицеры, свои и чужие...»²⁹.

В октябре 1917 года, незадолго до захвата власти в Петрограде большевиками, войсковой круг Оренбургского казачьего войска образовал оренбургское войсковое правительство и вручил атаманскую булаву Дутову, осенью выбранному председателем общероссийского «Совета союза казачьих войск». После этого поддерживающий Временное правительство Дутов решил одним ударом покончить с Советами, где большинство имели коммунисты. Он потребовал от большевиков немедленно покинуть Оренбург, но получил следующий ответ:

«1. Будут расстреляны все офицеры, юнкера и белогвардейцы, арестованные Революционным Комитетом, независимо от степени их личной вины.

2. За каждого убитого красноармейца или другого представителя Советской власти будет расстреляно десять представителей оренбургской буржуазии...

4. Все станицы, которые добровольно не сдадут в течение трех дней со дня опубликования настоящего ответа все имеющееся у них оружие, будут подвергнуты артиллерийском обстрелу.

Оренбургский военно-революционный штаб»³⁰.

Получив такой ответ, Дутов в ночь с 6 на 7 ноября отдал приказ арестовать «за призывы к восстанию против Временного правительства» шестерых наиболее видных большевиков Оренбурга, в том числе и председателя Совета рабочих и солдатских депутатов А. Коростелева. Затем, подавив силой выступления против созданного им «Комитета спасения», Дутов стал командующим Оренбургским военным округом. Однако удержать власть в Южноуралье Дутову не удалось. Уже в январе 1918 года красногвардейские отряды нанесли частям Дутова тяжелое поражение, после чего тот был вынужден отступить в Верхнеуральск, где впоследствии присоединился к Колчаку, которого признал Верховным правителем России.

В дальнейшем на протяжении всей Гражданской войны Дутов последовательно и упорно боролся против Советской власти. К лету 1919 года его армия, в которую были мобилизованы мужчины возрастом от 18 до 55 лет, насчитывала 42 конных, 4 пеших полка, 16 артиллерийских батарей и представляла мощную военную силу, спаянную железной дисциплиной. Так что нельзя согласиться с председателем РВС Л. Троцким, позднее утверждавшим, что «Дутов выступал как атаман полуразбойничьей конной шайки».

Но Красная Армия в конце концов взяла верх над своими противниками и нанесла им сокрушительное поражение. Не избежал этой участи и Дутов. В начале 1920 года, после крушения правительства Колчака, его отряды были окончательно разбиты, а их остатки включены в Отдельную Семиреченскую армию под командованием атамана Б. Анненкова. Вместе с Анненковым Дутов в середине марта 1920 года

перешел китайскую границу, но после кровавого инцидента у перевала Сельке (подробнее об этом в главе об Анненкове) дутовцы отделились от анненковцев и расположились сначала в городе Чугучаке и его окрестностях, а в конце апреля перебрались в крепость Суйдун под городом Кульджа.

Оказавшись в эмиграции, Дутов не сложил оружие, а продолжал совершать набеги на советскую территорию и засылать туда свою агентуру. Так, в июне 1920 года он поддержал антибольшевистские выступления гарнизона города Верного (ныне Алма-Ата). В ноябре того же года он организовал восстание 1-го батальона 5-го пограничного полка, дислоцированного на границе с Синьцзянем. Все началось 5 ноября, когда пограничники под началом командира батальона бывшего царского офицера Д. Кирьянова, входившего в подпольную антисоветскую организацию, возглавляемую агентом Дутова Демченко, захватили власть в городе Нарыне. Арестовав и расстреляв всех местных руководителей-коммунистов, восставшие открыли границу с Китаем и провозгласили лозунги: «Долой коммунистов!», «Народная власть», «Свобода торговли». Из Нарына восставшие двинулись на Пишпек и Токмак. Но 16 ноября повстанцы были разбиты посланным на их усмирение полком Особого назначения ВЧК, после чего те из них, кто остался в живых, 19 ноября бежали в Синьцзян.

В том же 1920 году Дутовым была создана подпольная офицерская организация в Верном во главе с Александровым. В нее также входили бывшие офицеры Воронов, Покровский, Сергейчук, Кувшинов и казачий полковник Бойко. Все они сумели устроиться на работу в областной военкомат. К сентябрю 1920 года подпольщики организовали большое число антисоветских боевых групп в Верном и ряде казачьих станиц области. Так, в Верном действовало около 50 участников заговора, проникших на важные военные объекты (полевой и общий телеграф, радиостанцию, облревком и некоторые воинские части), в Б. Алма-Атинской станице боевая группа насчитывала 80 хорошо вооруженных бойцов, в Талгаре — 250, в Надеждинской — 200, в Тюргене — 80,

в Джаланаше — 50. Заговорщики разработали план сосредоточения вооруженных групп и продвижения их к Верному, и согласовали его с Дутовым, отряд которого должен был в назначенный срок перейти китайскую границу и соединиться с ними на советской территории. Далее восставшие собирались захватить крепость в Верном, разоружить воинские части, разгромить областную ЧК и Особый отдел. Однако заговор был своевременно раскрыт благодаря тому, что сотрудники ЧК получили данные о подозрительных тайных собраниях в домах казаков станицы Надеждинской Романа Шустова и Антона Есютина. За ними было установлено круглосуточное наблюдение, и в результате к концу сентября чекистам удалось полностью раскрыть и ликвидировать заговор.

В начале 1921 года Дутов предпринял попытки объединить все находившиеся в Северном Китае белогвардейские отряды. Кроме того, он установил контакты с генералом Врангелем, среднеазиатскими басмачами, представителями иностранных (в частности, английской) разведок. Так, еще в октябре 1920 года он направил следующее письмо командиру ферганских басмачей Иргашу:

«Еще летом 1918 г. от Вас прибыл ко мне в Оренбург человек с поручением от Вас — связаться и действовать вместе. Я послал с ним Вам письмо, подарки: серебряную шашку и бархатный халат в знак нашей дружбы и боевой работы вместе. Но, очевидно, человек этот до Вас не дошел. Ваше предложение — работать вместе — мною было доложено Войсковому правительству Оренбургского казачьего войска, и оно постановлением своим зачислило Вас в оренбургские казаки и пожаловало Вас чином есаула. В 1919 г. летом ко мне прибыл генерал Зайцев, который передал Ваш поклон мне. Я, пользуясь тем, что из Омска от адмирала Колчака едет миссия в Хиву и Бухару, послал с ней Вам письмо, халат с есаульскими эполетами, погоны и серебряное оружие и мою фотографию, но эта миссия, по слухам, до Вас не доехала. В третий раз пытаюсь связаться с Вами. Ныне я нахожусь на границе Китая и Джаркента в г. Суйдун. Со мной

отряд всего до 6000 человек. В силу обстоятельств оружие мое сдано Китайс. Правительству, и теперь я жду только случая ударить на Джаркент. Для этого нужна связь с Вами и общность действий. Буду ждать Вашего любезного ответа. Шлю поклон Вам и Вашим храбрецам.

Атаман Дутов.

1 октября 1920 года.

№ 732, ставка Суйдун, Китай»³¹.

Получив сведения о замыслах Дутова, в Москве принимают решение нейтрализовать атамана и поручают выполнение этой операции Реввоенсовету Туркестанского фронта. Тот, в свою очередь, возлагает данную задачу на Регистрационный (разведывательный) отдел штаба Туркестанского фронта. Непосредственно похищением Дутова занимался заведующий Джаркентским пунктом Региструпра РККА В. Давыдов, который подчинялся начальнику Верненского отделения Региструпра Пятницкому. Позднее к операции подключились и чекисты. Полномочный представитель ВЧК в Туркестане Я. Петерс поставил перед местными чекистами — начальником Семиреченской областной ЧК Ф. Эйхмансом, начальником Джаркентской уездной ЧК Суворовым и его заместителем Крейвисом — задачу по оказанию сотрудникам военной разведки всемерной помощи в похищении атамана и выводе его на советскую территорию. О значении, которое придавалось этой операции, говорит тот факт, что Наркомфин выделил на ее проведение 20 тысяч рублей царскими золотыми десятками.

В ходе подготовки похищения Дутова в его окружение был внедрен сотрудник джаркентской милиции Касымхан Чанышев, потомок ханского рода и офицер (по другим данным, купец — авт.), до революции возглавлявший местные органы правопорядка. Он имел родственников в Синьцзяне и мог появиться там, не вызвав подозрений. Прибыв в Кульджу, Чанышев установил контакт с другом детства полковником Аблайхановым, служившим у Дутова переводчиком, и через него добился встречи с атаманом. В ходе состоявшегося разговора Чанышев представился Дутову как недовольный со-

ветской властью и предложил свои услуги для работы на советской территории. Трудно понять, почему отличавшийся подозрительностью Дутов поверил Чанышеву. Но как бы там ни было, он дал ему задание вернуться в Джаркент и приступить к подготовке вооруженного восстания, посылая в Суйдун подробную информацию о положении дел. По ходу развития операции к ней были привлечены еще несколько агентов. Так, в качестве связного между Чанышевым и Дутовым выступал Махмуд Ходжамиаров, которого часто сопровождали Азыз Ашурбакиев, Кудек Баймысаков и Юсуп Кадыров, таким образом получившие возможность бывать в штаб-квартире Дутова.

Однако со временем Дутов начал подозревать Чанышева в двойной игре, и тот уже не мог свободно приезжать в Суйдун. Между тем в Джаркенте требовали немедленно похитить или ликвидировать атамана. В начале января 1921 года с Чанышева взяли расписку о том, что он в десятидневный срок обязан выполнить задание по ликвидации Дутова, а в противном случае будет расстрелян сам. После этого 6 января Чанышев в сопровождении двух человек отправляется в Суйдун. Но в это время произошло восстание Маньчжурского полка в Куре, в результате чего Суйдун находился под усиленной охраной, а значит проведение операции было невозможно. Вернувшегося ни с чем Чанышева 14 января вместе с помощниками арестовали и поместили в арестантский дом при джаркентской горЧК, где объявили о скором расстреле. Ошеломленный Чанышев умолял предоставить ему еще один шанс. В конце концов по решению РВС Туркестанского фронта такая попытка была ему дана, но при условии, что он оставит 10 заложников из числа родных, которые будут казнены, если задание не будет выполнено в течение недели.

В ночь с 31 января на 1 февраля Чанышев вновь отправляется в Суйдун. Согласно разработанному плану Ашурбакиев и Кадыров должны были находиться с лошадьми у ворот крепости. Ходжамиаров с письмом от Чанышева должен был пройти к Дутову, а Баймысаков — убрать часового, стоявшего у дверей квартиры Дутова. Предполагалось, что

передавая письмо, Ходжамиаров ударом по голове оглушит Дутова, а затем вместе с Баймысаковым засунет в мешок и отнесет к ожидающим с лошадьми наготове Ашурбакиеву и Кадырову. Если же кто-нибудь из окружения Дутова заинтересовался бы содержанием мешка, то участникам операции следовало говорить, что они несут полученные воззвания к восстанию. Сам Чанышев должен был находиться недалеко от караульного помещения и в случае необходимости открыть огонь и задержать караульных.

6 февраля 1921 года задействованные в операции агенты прибыли в Суйдун. Первоначально все развивалось по плану. Войдя к Дутову, Ходжамиаров передал ему письмо Чанышева следующего содержания:

«Господин атаман, хватит нам ждать, пора начинать. Все сделал. Готовы. Ждем только первого выстрела, тогда и мы спать не будем.

Ваш Чанышев»³².

Когда Дутов начал читать письмо, Ходжамиаров оглушил его и позвал Баймысакова, который к тому времени успел убрать часового.

Но тут в комнату неожиданно вошел адъютант Дутова, заметивший отсутствие у двери часового. Увидев, что Ходжамиаров и Баймысаков пытаются запихнуть находящегося без сознания Дутова в мешок, он попытался выхватить оружие, но был убит выстрелившим раньше Баймысаковым. В это время Ходжамиаров, видя, что похитить Дутова не удастся, выстрелом в упор убил атамана. Впрочем, существует и другая версия убийства Дутова, основанная на следующих воспоминаниях Ходжамиарова:

«Когда я зашел, Дутов сидел за столом и что-то читал. Я низко поклонился, подошел к столу и левой рукой подал ему записку. Он сухо поздоровался со мной и стал читать ее. Атаман не пригласил меня сесть, как делал раньше. Было видно, что он не в духе. Прочитав записку, он строго спросил:

— А где Чанышев?

— Он, — ответил я, — не смог приехать сам, ушиб сильно ногу и ожидает вашу милость у себя в доме.

— Это что еще за новости? — резко сказал атаман, и не успел я сообразить, что ответить, как он повернулся к сидевшему в противоположном углу за маленьким столиком адъютанту и крикнул: “Взять его”. Тот бросился ко мне, а я выхватил револьвер и выстрелил сначала в Дутова, потом прямо в лоб подскочившему ко мне адъютанту. Падая, тот свалил подсвечник с горящей свечей прямо на атамана. Увидев, что атаман еще ворочается и стонет, я выстрелил в него второй раз и бросился в дверь»³³.

Услышав выстрелы, находящиеся в караульном помещении казаки поспешили на помощь Дутову, но были обстреляны Чанышевым. В это время Ходжамиаров и Баймысаков выпрыгнули в окно и бросились к воротам крепости, где их с ждали с лошадьми Ашурбакиев и Кадыров. Задержать их никто не сумел и вскоре все агенты, принимавшие участие в операции, оказались на советской территории. 7 февраля они уже были в Джаркенте, а 11 февраля из Ташкента в Москву на Лубянку и председателю Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК, члену РВС Туркестанского фронта Г. Сокольникову ушла телеграмма следующего содержания:

«Телеграмма Шифром вх. ВЧК № 12/2—21 г.

Москва ВЧК копия Сокольникову

В дополнение посланной вам телеграммы сообщаю подробности: посланными через джаркентскую группу коммунистов шестого февраля убит генерал Дутов и его адъютант и два казака личной свиты атамана при следующих обстоятельствах. Руководивший операцией зашел квартиру Дутова, подал ему письмо и, воспользовавшись моментом, двумя выстрелами убил Дутова, третьим адъютанта. Двое оставшихся для прикрытия отступления убили двух казаков из личной охраны атамана, бросившихся на выстрелы в квартиру. Восьмого февраля после панихиды трупы убитых отправлены Кульджу. Наши сегодня благополучно вернулись Джаркент. Ташкент, 11 февраля 1921 г. № 586. Уполномоченный представитель ВЧК Петерс»³⁴.

Копия этой телеграммы была направлена в ЦК РКП(б). Что касается участников операции по ликвидации Дутова, то

позднее все они были награждены: Давыдов орденом Красного Знамени, а остальные — именными золотыми часами.

После ликвидации Дутова было решено полностью разгромить и остатки его отряда. Для этого 24 мая 1921 года по договоренности с китайским правительством части Красной Армии перешли границу и двинулись на лагерь дутовцев. Многие из них были взяты в плен и отправлены на советскую территорию. А над теми, кому удалось остаться в Синьцзяне, принял командование заместитель Дутова полковник Гербов. Правда, он тоже не задержался в Суйдуне и с частью отряда, оставив вместо себя в Кульдже начальника штаба полковника Паппенгута, перебрался в Туву (Народная республика Танну-Тува — признанное РСФСР независимое государство — авт.) и вместе с командиром так называемого Оренбургского отряда генерал-лейтенантом А. Бакичем попытался организовать борьбу против советской власти. Но в декабре 1921 года части Красной Армии перешли границу и разгромили отряд Бакича, который бежал в Монголию, где был взят в плен и выдан советским представителям. В мае 1922 года он и 16 его сподвижников, в том числе генерал И. Смольнин-Терванда и полковник Токарев, предстали перед Сибирским отделом Военной коллегии Верховного революционного трибунала и по его решению были расстреляны.

Такая же участь постигла и других командиров наиболее активных отрядов. Так, в августе 1921 года в Монголии частями Красной Армии совместно с монгольскими советскими войсками был разбит отряд барона Унгерна, а сам он через некоторое время был выдан чекистам предавшими его сподвижниками. 15 сентября 1921 года в Новониколаевске состоялось открытое судебное заседание Чрезвычайного революционного трибунала, который приговорил Унгерна к смертной казни. А в конце марта 1922 года в Горном Алтае был разгромлен отряд казачьего полковника Кайгородова. При этом он сам попал в плен и 10 апреля был убит при попытке к бегству.

Заканчивая разговор о ликвидации генерала Дутова и других командиров белых отрядов в Северном Китае и Монго-

лии, следует отметить, что этим не только была стабилизирована обстановка у границы с Синьцзяном, но и было положено начало систематическим операциям советских спецслужб, направленным на физическое уничтожение руководителей белой эмиграции, представлявших видимую опасность для советского режима.

БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ ЭНВЕР-ПАШИ

Не менее сложной и опасной, чем на границе с Китаем, была для Москвы обстановка в Туркестане, включавшем в себя в то время пять областей (Закаспийскую, Самаркандскую, Семиреченскую, Сыр-Дарьинскую и Ферганскую) и два монархических государства — Хивинское ханство и Бухарский эмират. Несмотря на то, что в результате действий частей Красной Армии 26 апреля 1920 года в Хиве была провозглашена Хорезмская народная советская республика, а 5 октября в Бухаре — Бухарская народная советская республика, сопротивление советизации Туркестана продолжалось. Главной формой этого сопротивления стало басмачество³⁵.

Так, только в 1920 году по неполным данным басмачи разграбили 56 хлопкоочистительных заводов, около 153 тыс. пудов хлопка-сырца, 34,5 тыс. кип волокна, 17,5 тыс. пудов семян. Но во многом Москва была сама виновата в сложившемся положении, примером чему может служить деятельность в Туркестане Энвер-паши.

Биография одного из лидеров «младотурков» Энвер-паши, ставшего в 1921 году одним из предводителей басмачества в Туркестане, даже в настоящее время недостаточно изучена. Известно, что он родился 23 ноября 1881 года в Стамбуле в семье мелкого чиновника министерства общественных работ Ахмед-бея. Выбрав для себя военную карьеру, Энвер-бей начал службу младшим офицером в маленьком провинциальном гарнизоне в Македонии. Обстановка в те дни на окраинах Турции была сложная. Албанцы, болгары, греки, македонцы не желали более находиться под властью турок и

вели против них партизанскую войну. В боях против партизанских отрядов смелый, энергичный и отличавшийся жестокостью капитан Энвер-бей сумел отличиться, за что был досрочно произведен в майоры.

Но когда летом 1908 года начальник одного из гарнизонов в Македонии, сослуживец Энвера лейтенант Ниязи-бей, поднял восстание против султана, тот не замедлил присоединился к нему. В результате султан капитулировал, и к власти в Турции пришли члены партии «Иттихад ве терраки» («Единство и прогресс»), позднее получившие прозвище «младотурки». Участие в восстании круто изменило судьбу Энвера. После прихода к власти «младотурок» он был назначен военным атташе в Берлин, где приобрел обширные связи в немецких военных кругах и даже стал личным другом кайзера Вильгельма. В 1911 году Энвер-паша возвращается в Стамбул и почти сразу выезжает в Северную Африку, где началась итало-турецкая война. И хотя в этой войне Турция потерпела поражение, на карьере Энвер-паши это не отразилось: он получил чин генерала и продолжал оставаться одним из лидеров «младотурок».

«Звездный час» Энвер-паши наступил после поражения Турции в Первой балканской войне. 23 января 1913 года он во главе отряда офицеров ворвался на заседание правительства и заставил великого визиря обратиться к султану с просьбой об отставке всего кабинета. В результате он уже через год становится лидером захватившего власть в стране «триумvirата» (Энвер-паша, Талаат-паша и Джемаль-паша), главою партии «младотурок», военным министром и по совместительству начальником Генерального штаба. Тогда же Энвер сумел удачно решить и личные вопросы, став мужем племянницы султана. Но его триумф был коротким. Втянув Турцию в Первую мировую войну на стороне Германии, Энвер и «младотурки» просчитались. Страны Четверного союза потерпели в войне поражение, и после капитуляции Турции, подписанной в Мудросской бухте острова Лемнос 30 октября 1918 года, Энвер-паша и два других члена триумvirата были вынуждены бежать в Германию.

Оказавшись в первых числах ноября 1918 года в охваченной революцией Германии, Энвер-паша скоро понял, что его старым друзьям сейчас не до него. А когда в июне 1919 года турецкий трибунал заочно вынес членам триумвирата смертный приговор, он решается на неожиданный шаг — предлагает свои услуги Москве. Установив контакты с находившимся в Берлине Карлом Радеком, Энвер-паша выразил желание вместе с большевиками принять участие в освобождении народов Востока от ига колонизаторов Запада, и прежде всего Англии. В Москве предложение Энвер-паши, имевшего большой авторитет среди мусульман Востока, вызвало немалый интерес и вскоре с ним было заключено соглашение о сотрудничестве. Первым отправился в Советскую Россию Джемаль-паша, а оставшийся в Германии Энвер-паша объявил себя сторонником идей Коминтерна и в начале 1920 года опубликовал ряд статей, призывающих к борьбе с колонизаторами.

Тогда же Энвер-паша предпринял несколько попыток выехать в Советскую Россию. Но ему дважды не везло. Первый раз самолет, на котором он летел, совершил вынужденную посадку в Литве, и принятый за шпиона Энвер оказался в виленской тюрьме, откуда через два месяца после настойчивых просьб генерала фон Секта был депортирован обратно в Германию. Вторая попытка также была неудачной — он был арестован в Латвии и провел там в тюрьме три месяца. И лишь в августе 1920 года через Белосток, где находился в то время так называемый «Польревком», созданный во время войны с Польшей, он наконец добрался до Москвы. О том, что в это время Энвер-паша представлял для большевистского руководства огромный интерес, свидетельствуют телеграммы Ф. Дзержинского Ленину и члену РВС Западного фронта И. Смилге от 11 августа 1920 года. Ленину Дзержинский докладывал следующее:

«Сегодня ночью из Германии прибыл Энвер-паша с двумя турками и бывшим уже у нас летчиком Лео. Направляю их сегодня Смилге».

А Смилге была отправлена телеграмма такого содержания:

«Сегодня ночью из Германии прибыл Энвер-паша с двумя турками...

Направляю их Вам через Гродно. Ленин извещен»³⁶.

В Москве Энвер-паше и его «штабу» предоставили для проживания особняк князей Голицыных, а его так называемая «Миссия Али-бея» получила дипломатический статус, хотя никакого правительства реально не представляла. Более того, ему периодически выдавались ссуды в 500 тысяч немецких марок, которые использовались для содержания штаба, а также для поддержки действующей в Стамбуле политической организации «Каракол», находившейся под влиянием Энвера. В это же время Энвер-паша с помощью Радека установил контакты с рядом лиц в советском руководстве и побывал на приемах у Ленина, Л. Троцкого, Г. Зиновьева, Г. Чичерина, Э. Скиянского, Л. Карахана.

Здесь необходимо отметить, что в то время в планах РКП(б) и Коминтерна Восток занимал важное место. Они намеревались объединить усилия пролетарского коммунистического движения в развитых капиталистических странах с национально-освободительным некоммунистическим движением на Востоке. В этой связи намечалось установить контакты с кемалистами в Турции и Амануллой-ханом в Афганистане, находившихся в конфликте с англичанами, и использовать Кабул и Туркестан (тогда автономная республика в составе РСФСР) в качестве плацдарма для наступления на Индию. О том, какое значение придавалось данному вопросу, можно судить по докладу полпреда РСФСР в Афганистане Ф. Раскольникову, в котором говорилось об «индийской работе» в первой половине 1922 года:

«Вопрос об освобождении Индии от британского владычества, как вопрос о крушении Британской империи, слишком многосторонний и важный для того, чтобы мы могли придавать Индийской революции второстепенное значение. Переломный период, в котором сейчас находится Индия, чреват слишком серьезными возможностями и открывает нам слишком далекие перспективы, чтобы мы могли закрывать на них глаза»³⁷.

Для выполнения задуманного прежде всего было необходимо реорганизовать афганскую армию. С этой целью еще в августе 1920 года в Кабул был направлен соратник Энвера, бывший морской министр Турции Ахмед Джемаль-паша, деятельность которого получила высокую оценку как в НКВД, так и в Региструпре РККА. Хотя при этом в отчете РО Туркестанского фронта за 1922 год говорилось, что влияние Джемаль-паши «чувствовалось в каждом мероприятии по организации, встречало вполне благоприятную почву для своей работы, но основные начала реорганизации армии, проводившиеся в связи с реформой всего политического строя страны, в окончательном виде еще не осуществлены. Недостаток интеллигентности и достаточного числа специалистов с высшим образованием, недостаточность денежных средств и свойственная Афганистану — восточной стране — медлительность отражаются на быстроте и успехах проводимой реформы в армии. Армия в ее настоящем виде еще не готова для боевых испытаний с современными армиями. Ни вооружение ее, ни подготовка бойцов и комсостава, ни снабжение не обеспечивают Афганармии боеспособности»³⁸.

Имя Джемалья связано с гибелью в Афганистане в январе 1921 года дипломата Н.З. Бравина. Этот малоизвестный эпизод недавно был описан московским историком В.Л. Генисом.

Николай Захарович Бравин родился в 1881 году в Симферополе в мещанской семье. После окончания факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета в 1904 году поступил на службу в МИД, со следующего года состоял в качестве драгомана (переводчика) в российских генеральных консульствах в Персии, в 1909—1913 годах — в генконсульстве в индийском городе Калькутте, а с 1913 года, после возвращения в Персию, — в Казвине, Сеистане и Хое, но уже в должности вице-консула. К 1917 году он дослужился до чина коллежского асессора и был награжден орденами св. Станислава 3-й степени и св. Анны 3-й степени, а также персидским, эфиопским и бухарским орденами. Отличаясь крайне склочным характером, постоянно конфликтуя с сослуживцами, Бравин одним из первых дипломатов после

Октября 1917 года поддержал новый режим и стал первым советским дипломатическим представителем в Персии, но уже летом 1918 года был вынужден, под давлением англичан, покинуть Тегеран. Некоторое время он находился в Ташкенте, где внес свою лепту в групповую борьбу среди руководителей Туркестанской АССР, а затем выехал в Кабул, где летом 1919 года возглавил советскую дипломатическую миссию. Обиженный назначением на пост полпреда РСФСР в Афганистане Я.З. Сурица, Бравин вновь вступил в конфликт с другими советскими представителями в Кабуле, и даже дошел до того, что обращался к эмиру Аманулле с требованием выслать советского военного атташе Б.Н. Иванова, и напечатал в афганской газете заметку о якобы произошедшем в Москве аресте Ленина. Весь 1920-й год Наркоминдел в Москве и Туркестанская комиссия ВЦИК и Совнаркома в Ташкенте добивались возвращения Бравина из Кабула в РСФСР, а сам он также настойчиво ходатайствовал перед афганским правительством о выезде в Индию. В январе 1921 года после прибытия в Кабул английской миссии Бравин попытался установить связь с англичанами, после чего по требованию афганцев был выслан из Кабула в Индию. Вооруженная охрана из 7 человек сопровождала его до границы. Во время остановки в городе Газни Бравин был убит одним из охранников. В недавно рассекреченной телеграмме полпреда Сурица в НКВД в январе 1921 года говорится: «Первоначальное предположение разрешить ему въезд в Индию изменено (афганцами — авт.) ...при содействии Джемалы в тех пунктах... агенты уже подобраны»³⁹.

Так был ликвидирован один из первых невозвращенцев-дипломатов. А Джемаль-паша находился в Афганистане до 1922 года, когда на некоторое время выехал в Тифлис, где в июле был убит армянским националистом, отомстившим ему за его участие в организации геноцида армян в 1915 году.

Что касается Энвер-паши, то он в сентябре 1920 года отправился в Баку, где состоялся Первый конгресс угнетенных народов Востока. На конгрессе Энвер выступал от имени некоего «Союза революционных организаций Марокко, Алжира, Ту-

ниса, Триполи, Аравии и Индонезии» и в своей речи выразил симпатии Советской России, заявив о готовности вести борьбу против общего врага — мирового империализма.

Однако Конгресс встретил заявления Энвер-паши довольно прохладно. В одном из его решений, прямо касающихся Энвера, было сказано, что «съезд находит необходимой особую предосторожность к тем вождям движений, которые в прошлом вели на бойню турецких крестьян и рабочих в интересах одной империалистической группы»⁴⁰.

После окончания конгресса разочарованный его итогами Энвер-паша обосновался в Батуме, намереваясь, скорее всего, вернуться в Турцию и оттеснить ее нового лидера Кемаля от власти. Но такое развитие событий самого Кемаля явно не устраивало, и он обратился к советскому руководству с требованием убрать Энвер-пашу из Батума. Москва, не желая ссориться с Кемалем, приложила максимум усилий для того, чтобы отправить Энвера в Бухару, где он должен был оказать помощь Джемаль-паше, временно находившемуся в Москве.

4 октября 1921 года Энвер-паша прибыл в Бухару. Осмотревшись, он начал искать пути, которые дали бы ему возможность вновь оказаться на вершине власти. В конце концов он решил порвать с большевиками и присоединится к басмаческому движению в Туркестане, хотя до своего приезда в Бухару, скорее всего, не имел таких намерений. Но знакомство с местным руководством убедило его в слабости позиций большевиков в новоявленной Бухарской народной советской республике. И это было действительно так. Недаром в обзоре политического положения в Бухаре, составленном в политуправлении Туркестанского фронта отмечалось, что у власти встала очень небольшая группа, которая носит «черты олигархии», порождающей кумовство и коррупцию. Кроме того, все так называемые коммунисты проникнуты идеями панисламизма и туркофильства, а в глазах дехкан, недовольных произволом новых властей, они ничем не отличаются от правительства эмира с его произволом, налогами и отсутствием всяких гарантий личной безопасности.

Как бы там ни было, но осенью 1921 года Энвер-паша установил контакт с тремя турецкими офицерами, которых хорошо знал, будучи военным министром Турции. А в начале ноября он с их помощью под видом охоты выехал в Восточную Бухару, где в январе 1922 года встретился с бывшим эмиром Бухарским и заключил с ним соглашение о совместных действиях против большевиков. Первоначально у Энвер-паши был лишь небольшой отряд численностью около 30 человек, но уже после первых стычек с частями Красной Армии он вырос до 300 хорошо вооруженных и обученных бойцов. После этого Энвер-паша начал выпускать прокламации, которые подписывал: «Заместитель эмира Бухары, зять халифа, сейид Энвер». А когда в марте 1922 года рескриптом эмира Бухарского он был объявлен главнокомандующим мусульманскими войсками и заместителем эмира, то заказал себе печать с титулом «Верховный главнокомандующий всеми войсками ислама, зять халифа и пророк Мухаммеда». Тогда же он послал в Москву письмо с требованием вывести советские войска из Туркестана.

Переход Энвер-паши на сторону басмачей дал очередной толчок антисоветским выступлениям в Средней Азии. В своем докладе в Москву заместитель генерального консула в Душанбе Насырбаев писал:

«...во всех районах, не занятых Красной Армией, восстановлена власть беков, полевой штаб начал военное обучение, открылись оружейные мастерские, восстановлена регулярная связь с эмиром Бухарским и Афганистаном, откуда получают материальное снабжение и живую силу. Установлена связь с басмачами в Фергане. В настоящее время у Энвера 10 тыс. бойцов при 16 пулеметах. Полевой штаб находится в кишлаке Касерун... в 12 верстах от Байсуна... Энвер с каждым днем крепнет и необходимо как можно быстрее ликвидировать эту авантюру, ибо она в недалеком будущем может принять крайне серьезный характер»⁴¹.

Таковыми же тревожными были сообщения регистрационного (разведывательного) отдела штаба Туркестанского фронта, который в мае-июне 1922 года докладывал в Москву:

«Агентурными данными отмечается все возрастающая организованность отрядов Энвер-паши, который является не только фактическим командующим всеми вооруженными силами повстанцев, но и идейным руководителем панисламской организации всего Туркестана. Агентурными данными отмечается прибытие к Энверу отрядов ферганских и самаркандских басмачей и поддержание непрерывной связи с Бухэмиром.

Энвер получает моральную и материальную помощь Афганистана. Повстанческое движение идет под лозунгом освобождения от русских».

«Первые сведения о помощи Афганистана Энверу начали поступать в апреле месяце. Начиная с мая поступают из разнообразных источников данные, что Энвер из Афганистана получает оружие, патроны... к нему прибывают отряды афганцев. Первоначально к этим сведениям относились чрезвычайно осторожно и считали, что афганцы наняты на службу Энвером, что среди них, по всей вероятности, имеются бывшие бухарские подданные, бежавшие в Афганистан. 15 июня в бою у Байсуна был захвачен пленный, который действительно оказался солдатом регулярного полтана Афгани, расквартированного в гор. Ханабад. 21.VI в бою у Сары-Ассия погиб генерал афганской службы Мирза-Чары. Пленный, взятый у Байсуна, подтвердил прибытие к Энверу транспорта с оружием»⁴².

Всего же по данным Всероссийского главного штаба в январе 1922 года против частей Туркестанского фронта действовало 97 банд общей численностью 20 342 человека, а к маю их количество выросло до 116, в которых находилось около 25 тысяч человек.

В связи с обострением обстановки в Бухаре в Москве решились на жесткие меры. Была вновь создана Бухарская группа войск в составе двух стрелковых полков, двух отдельных кавполков и кавалерийской бригады. В начале июня 1922 года группа перешла в наступление и у Байсуна разгромила основные силы Энвер-паши, который не смог использовать благоприятную для него обстановку, сложившуюся в Туркестане,

хотя и занял всю Восточную Бухару и Душанбе. Дело в том, что он пытался вести борьбу против Красной Армии методами регулярных войск, совершенно игнорируя возможности партизанской войны.

Потерпев поражение, Энвер-паша отошел в глубь Восточной Бухары, но через некоторое время был достигнут около Бальджуана, где 1 августа его отряды были рассеяны окончательно. О том, как завершилась операция по ликвидации Энвер-паши, существует несколько версий.

Так, Я. Мелькумов, командовавший в то время 1-й отдельной кавалерийской Туркестанской бригадой, оставил по этому поводу следующие подробные воспоминания:

«Командир бригады (8-й отдельной Туркестанской кавбригады, разгромившей Энвера под Бальджуаном — авт.) Богданов направил 16-й кавалерийский полк на Хавалинг с задачей разгромить шайку Чары-Есаула. Одновременно был сформирован сводный эскадрон, в который из обоих полков были взяты наиболее опытные бойцы и лучшие лошади.

Во главе эскадрона Богданов поставил опытного командира Ивана Савко. Эскадрон получил задачу найти и уничтожить Энвер-пашу. 15-й кавалерийский полк, обескровленный в бою за Бальджуан, и конно-горная батарея вместе со штабом бригады остались в Бальджуане.

Эскадрон Савко ушел из Бальджуана на север, ведя тщательную разведку, и 3 августа остановился на привал вблизи небольшого селения. По соседству семья дехканина снимала в саду персики. Несколько красноармейцев пошли им помогать.

Вскоре один из них вернулся, отозвал командира эскадрона в сторону и сообщил ему, что, по словам дехканина, Энвер-паша и Довлят-ман-бий находятся в кишлаке Чаган. Савко сам поговорил с дехканином, и тот сказал, что из Чагана вернулся его брат, который своими глазами видел Энвера.

В большом и богатом кишлаке Чаган, расположенном в 25 километрах северо-восточнее Бальджуана, была своя мечеть, в которую ходило молиться все окрестное население. И Эн-

вер-паша, остававшись в Чагане, еще лелеял надежду воздействовать на религиозные чувства дехкан и, пополнив свои потрепанные банды, вновь повести их на борьбу против Советской власти. Кишлак лежал в стороне от больших дорог, и Энвер чувствовал себя здесь в полной безопасности.

Чтобы не спугнуть Энвера, Савко задержался на привале до вечера, и только с наступлением темноты эскадрон двинулся вперед. На рассвете подошли к Чагану. Укрыв лошадей в окраинных садах, бойцы буквально по-пластунски пробрались в кишлак. С минарета муэдзин призвал правоверных к утренней молитве.

Вооруженные джигиты личной охраны Энвера, оставленные у мечети при лошадях, кутались в халаты от знобкого утреннего ветра, дувшего с гор. Савко приказал навести пулеметы на площадь перед мечетью, но огня не открывать.

Но вот утренняя молитва закончилась, из мечети стали выходить вооруженные джигиты. Оттеснив жителей, они образовали живой коридор. На пороге мечети появился Энвер-паша в сопровождении Довлят-ман-бия и других курбашей. Они не спеша прошли к лошадям. И тут Савко приказал пулеметчикам открыть по этой группе огонь.

Началась паника. Коноводы быстро подали лошадей, и эскадрон пошел в атаку. Через несколько минут площадь перед мечетью опустела. Среди убитых местные жители опознали Энвера и Довлят-ман-бия. Оба они были скошены пулеметными очередями»⁴³.

По другой версии Энвер-паша погиб в бою 4 августа уже после того, как выехал из кишлака Чаган. По третьей версии Энвер-паша с отрядом из 40 басмачей неожиданно столкнулся с отрядом красноармейцев около кишлака Обдара и бросился на него в атаку. В это время он был ранен пулеметным огнем в пяти местах, но удержался в седле и повернул обратно, а когда его отряд разбежался, упал с лошади. Его тело нашел какой-то красноармеец, который доставил одежду убитого командиру. При осмотре одежды в карманах была найдена его печать и переписка. Тело же Энвер-паши было отнесено в мечеть и затем открыто похоронено⁴⁴.

Что же касается архивных материалов, то они также не дают точного ответа о месте гибели Энвер-паши. Так, в сводке РО Туркестанского фронта говорится:

«4 августа 1922 г. Энвер-паша еще раз попытался вырвать успех из рук Красной Армии и сам повел в конную атаку свои отряды (в 8 вер[стах] к св Балыджуана), но снова потерпел неудачу и сам был убит в сражении»⁴⁵.

Лишь об одном можно сказать уверенно. В 1996 году в Таджикистане специальная экспедиция обнаружила могилу Энвер-паши, после чего его останки были отправлены в Турцию.

Впрочем, после смерти Энвер-паши антикоммунистические выступления в Средней Азии под флагом ислама не прекратились — изменилась только их форма. Одной из причин этого была не очень хорошо продуманная, с элементами авантюризма советская внешняя политика на Востоке (одно приглашение Энвера чего стоит). В результате Восточная Бухара еще долгое время оставалась ареной партизанской войны.

РАСПРАВА В КЮСТЕНДИЛЕ

В отличие от укrywшихся в Маньчжурии и Синыцзяне Дутова, Унгерна и других казачьих атаманов, лидеры Белого движения, бежавшие в Европу, не могли немедленно начать активные действия против Советской России. Их стремлению незамедлительно взять реванш за поражение в Гражданской войне прежде всего мешали бывшие союзники.

Так, эвакуированные из Крыма войска Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР) были размещены в лагерях Чатаджи, Галлиполи и Лемноса, а флот отведен в Бизерту (Северная Африка), где впоследствии был конфискован. В компенсацию за снабжение русской армии продовольствием французы реквизируют все вывезенное из Крыма имущество. Н. Савич, ближайший сотрудник генерала Врангеля, отвечавший за финансы, вспоминал по этому поводу:

«Сперва они наложили руку на три больших парохода с углем, а потом им это понравилось и они распространили эту меру на все, что находилось на судах. Особенно тяжело было для нас потерять грузы, находившиеся на “Рионе”, это был наш единственный запас обмундирования и материалов для шитья теплой одежды, а между тем войска очень страдали от холода и плохого обмундирования, пришедшего в полную негодность во время последних боев и эвакуации»⁴⁶.

В числе реквизированных грузов было 45 000 винтовок, 350 пулеметов, 12 млн. патронов, сотни тысяч гранат и снарядов, 300 000 пудов зерна, 20 000 пудов сахара, 50 000 пудов другого продовольствия, 200 000 комплектов обмундирования, 58 000 пар обуви и т. п. Кроме того, французы под предлогом того, что «России больше нет», конфисковали остатки денег врангелевского правительства в парижских банках. Но еще дальше пошли англичане, которые в лице своего премьер-министра Ллойд-Джорджа потребовали немедленной репатриации русских эмигрантов в Советскую Россию, зная при этом, что в тот момент в Крыму свирепствовал красный террор под руководством Белы Куна и Землячки, унесший жизни десятков тысяч человек.

И все же подразделения Белых армий, пусть разоруженные и частично распушенные, несомненно представляли опасность для Москвы. Не стоит забывать, что к началу 1921 года в европейских странах находились остатки Северной армии генерала Миллера, Северо-Западной армии генерала Юденича, а также эвакуированные из Крыма части ВСЮР под командованием генерала Врангеля. Кроме того, именно в Европу бежало большинство эмигрантов, из которых многие хотя и не принимали участие в боевых действиях во время Гражданской войны, но не захотели остаться в большевистской России. Так, уже накануне Второй мировой войны во Франции проживало 400 тыс. эмигрантов, в Германии — 150 тыс., в Польше — 100 тыс., в Югославии — 40 тыс., в Болгарии, Чехословакии и Латвии — по 30 тыс. человек в каждой, в Румынии — 10 тыс. человек.

Поэтому неудивительно, что оказавшиеся за границей части Белой армии, сумевшие сохранить свою организацию и руководство, находились под пристальным вниманием советских спецслужб. Прежде всего это касалось подразделений ВСЮР, с ноября 1920 года находившихся в Галлиполи и острове Лемнос в Турции, а с конца 1921 года — в Болгарии и Югославии. Сотрудники и агентура ОГПУ и Разведупра РККА прилагали огромные усилия для разложения частей ВСЮР, используя для этого любые возможности. При этом главным объектом их внимания был командующий ВСЮР генерал-лейтенант П. Врангель. В Москве прекрасно понимали, что с устранением Врангеля, пользовавшегося непререкаемым авторитетом в войсках и значительным влиянием среди руководителей европейских государств, находящиеся в Турции ВСЮР потеряют всякое военное значение и через некоторое время просто разбегутся. Поэтому в 1921 году на Лубянке было решено ликвидировать генерала, представив убийство как морскую катастрофу.

Дело в том, что в находясь в Стамбуле, Врангель устроил свою штаб-квартиру на морской яхте «Лукулл». Надо отметить, что в этом был глубокий смысл, так как в любой момент яхта могла сняться с якоря и уйти в какой-нибудь другой порт, увозя с собой Врангеля, его штаб и охрану. Вечером 15 октября 1921 года Врангель покинул яхту для деловой встречи, хотя обычно в это время находился на ее борту. Именно это обстоятельство и спасло ему жизнь — спустя несколько часов, как только стемнело, яхту, стоявшую на рейде около Галаты, протаранил итальянский пароход «Адрия». Удар пришелся точно в то место, где находились кабинет и спальня генерала. Яхта (со всеми ценностями генерала и его архивом) моментально затонула, при этом погиб один из офицеров штаба Врангеля мичман Сапунов. Через три дня Врангель издал по поводу случившегося следующий приказ:

«Приказ Главнокомандующего Русской Армией

№ 350

г. Константинополь, Русское Посольство

18 октября 1921 года

15-го октября, протараненная пришедшим из Батума итальянским пароходом, погибла на рейде Босфора военная яхта «Лукулл».

Не стало последнего русского корабля, над коим развевался у Царьграда родной Андреевский флаг...

Геройская смерть дежурного офицера мичмана Сапунова, который, не пожелав оставить родного корабля, пошел с ним ко дну, и беззаветная доблесть, проявленная в минуту гибели всеми чинами судовой команды, показывают, что дух и заветы Русского Флота остались живы в сердцах русских моряков.

Да укрепит подвиг мичмана Сапунова сердца колеблющихся, да вселит он в них веру, что, пройдя через все испытания, воскреснет Русский Флот под сенью Андреевского флага и с ним воскреснет Россия.

Генерал Врангель»⁴⁷.

Следствие и суд над капитаном «Адрии» не доказали его злого умысла. Но ряд наблюдателей все же отметили странные детали произошедшего. Во-первых, «Адрия» регулярно курсировала между Батуми и Стамбулом, что означало постоянный контракт с советскими торговыми организациями, которые не поддерживали отношения с кем придется. Во-вторых, после того, как «Адрия» потопила яхту, она не только не села на мель около берега, но и моментально остановилась. Для большого парохода это означает только одно — что таран был точно рассчитан. В-третьих, после гибели «Лукулла» пароходная компания, которой принадлежала «Адрия», не только не уволила капитана, но и взяла его под свою защиту, согласившись выплачивать пожизненную пенсию вдове мичмана Сапунова, погибшего на яхте.

Так или иначе, но Врангель остался жив и продолжал руководить армией. К концу 1921 года его хлопоты об устройстве частей русской армии в Сербии и Болгарии увенчались успехом, и полки ВСЮР ушли из Турции. Причем в Болгарии они помогли правительству справиться с болгарскими коммунистами, пытавшимися в 1919—1922 годах организовать в стране революционные выступления. После этого

разместившиеся в Болгарии подразделения ВСЮР стали объектом повышенного внимания со стороны Разведупра РККА и ИНО ВЧК—ГПУ.

Уже в июле 1921 года в Болгарию прибыла миссия Российского общества Красного Креста в составе четырех человек во главе с И. Корешковым. Однако на самом деле деятельностью миссии руководил его заместитель, резидент военной разведки Борис Иванов (он же В. Краснославский). Два других члена миссии — Федор Карин (А. Корецкий) и Герман Клесмет (Р. Озол) — были сотрудниками ИНО ВЧК—ГПУ. Сразу по прибытии в Болгарию миссия развернула активную работу по разложению белой эмиграции.

Вскоре к сотрудничеству с советской разведкой были привлечены бывшие врангелевские генералы Гравицкий, Секретев, Семенцов, Николаев, Клочков и Зеленин. Но основной упор миссия делала на работу среди эмигрантов при помощи просоветских организаций «Союз возвращения на Родину» («Совнарод») и «Общекзацкий земледельческий союз» (ОКЗС), руководящую роль в которых играли бывший адъютант командующего Донской армией подполковник Александр Агеев и редактор «Донского вестника» граф Эдмонд дю Шайла. Еще до приезда миссии Красного Креста эти организации издавали свои газеты: «На Родину» и «Вестник земледельца», а в конце октября 1922 года они были объединены в единую газету «Новая Россия» под редакцией Агеева и прибывшего из Берлина сотрудника военной разведки, будущего строителя Беломоро-Балтийского канала Семена Фирина.

Вскоре произошло объединение аппарата миссии Красного Креста и руководства просоветских эмигрантских организаций, после чего уже в ноябре 1922 года в составе миссии действовали следующие отделы: военный, торговый, политической пропаганды и контрольно-справочный, которые возглавляли соответственно Агеев, Фирин, Сергеевский и Сергей Чайкин (бывший мичман, эмигрант), а также благотворительный. Деятельность миссии была весьма эффективной, о чем свидетельствует, например, следующий приказ командующего ВСЮР генерала Врангеля от 8 ноября 1922 года:

«Приказ

Главнокомандующего Русской Армией

№ 313

Суд чести, избранный Советом Объединенных Офицерских обществ в Королевстве С.Х.С. (сербов, хорватов и словенцев — одно из названий тогдашней Югославии — авт.), рассмотрев в заседании своем 8 ноября с.г. дело об именующих себя: бывшим Командиром Донского конного корпуса Генерал-Лейтенанте Секретева Александре, бывшим Командиром 2-й бригады 1-й Донской казачьей дивизии Генерал-Майоре Клочкове Иване, бывшим помощником начальника Алексеевской пехотной дивизии Генерал-Майоре Зеленине Евгении, бывшим Командиром Самарского пехотного полка Полковнике Житкевиче Дмитрие, причисленным к Генеральному Штабу Полковнике Оржановском Вячеславе, бывшим Командиром Сунзенско-Владикавказского пластунского батальона Полковнике Климовиче Николае и бывшим Командиром бронепоезда «Единая Россия» Полковнике Лялине Михаиле, признал их виновными “в том, что 29 сентября 1922 года в газете “Новая Россия” за № 1 они опубликовали за своими подписями обращенное к русским воинским чинам воззвание, в котором они призывали последовать их примеру, перейти на службу к советской власти и возвращаться в Россию, объявив при этом о своем переходе на службу в красную армию и о признании ими советской власти”. Посему и на основании § 1 приказа Главнокомандующего Русской Армией 1921 года № 325, суд чести постановил: всех вышепоименованных лиц исключить со службы с лишением чинов и с последствиями, указанными в ст. ст. 38, 39, и 40 XXII кн. С.В.П. (Свод воинских преступлений — авт.) 1869 г. изд. 4.

Настоящий приговор мною утвержден.

Генерал Врангель»⁴⁸.

Однако агитация за возвращение на родину и вербовка агентуры в рядах ВСЮР не были единственными способами разложения находящихся в Болгарии частей белой армии. Резидентура Иванова проводила в отношении наиболее

активных лидеров эмиграции и спецоперации, примером которых может служить ликвидация генерала В. Покровского.

В «Биографическом справочнике высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России», составленном Н. Рутыч-Рутченко, о генерале Покровском сказано следующее:

«Покровский Виктор Леонидович (1889—1922) — генерал-лейтенант. Окончил Павловское военное училище и Севастопольскую авиационную школу (также учился в классе авиации Санкт-Петербургского политехнического института — авт.). Участник первой мировой войны, военный летчик. Георгиевский кавалер. В 1917 г. — штабс-капитан и командир 12-го армейского авиационного отряда в Риге.

После Октябрьского переворота сформировал на Кубани 2-й Добровольческий отряд. После первоначальных успехов был вынужден оставить Екатеринодар 1 марта 1918 г. Назначен Кубанской радой командующим войсками Кубанской области и произведен в полковники, а затем в генерал-майоры. Командовал Кубанской армией, ушедшей в Ледовый поход, до ее соединения с Добровольческой армией в ауле Шенджей. В Добровольческой армии — командир конной бригады и дивизии. В ВСЮР — командир 1-го Кубанского казачьего корпуса в составе Кавказской армии генерала Врангеля. За взятие Камышина генералом Деникиным был произведен в генерал-лейтенанты. С ноября 1919 по февраль 1920 гг. — командующий Кавказской армией (после генерала Врангеля). В Русской армии генерала Врангеля не получил назначения на командную должность и эмигрировал в апреле 1920 г.»⁴⁹.

Эту краткую справку необходимо расширить характеристикой, которую дал Покровскому генерал Врангель:

«Генерала Покровского, произведенного в этот чин постановлением кубанского правительства, я знал по работе его в Петербурге, в офицерской организации, возглавляемой графом Паленом. В то время он состоял на службе в авиационных войсках в чине штабс-капитана. Незаурядного ума, выдающейся энергии, огромной силы воли и большого чес-

толюбия, он в то же время был малоразборчив в средствах, склонен к авантюре»⁵⁰.

Кроме склонности к авантюре Покровский, по словам Врангеля, поощрял мародерство, что также не характеризует его с лучшей стороны:

«В станице Курганной я застал грабивших лавки и отбивавших у иногороднего населения лошадей казаков дивизии генерала Покровского. К моему негодованию, во главе грабителей оказалось несколько офицеров. Я приказал их привести к себе и предупредил, что ежели через час они окажутся еще в расположении моей дивизии, то я предам их тут же военно-полевому суду и расстреляю их как мародеров. Через полчаса ни одного казака в станице уже не оказалось. Я телеграфировал генералу Покровскому о действиях его людей.

К сожалению, как мне пришлось впоследствии убедиться, генерал Покровский не только не препятствовал, но отчасти сам поощрял дурные инстинкты своих подчиненных. Среди его частей выработался взгляд на настоящую борьбу не как на освободительную, а как на средство наживы»⁵¹. Именно по приказу Покровского в Екатеринодаре в 1919 году был повешен лидер кубанских «самостийников» Калабухов.

Выехав из Крыма в апреле 1920 года, Покровский первое время жил в Париже, Берлине и Вене. Но, оказавшись в эмиграции, он не отказался от мысли продолжить борьбу с советской властью и с присущей ему энергией приступил к созданию нелегальной террористической организации в Варне, где обосновался с 1921 года. Членами организации Покровского были полковник Ф.Н. Буряк (начальник штаба), полковник И.Д. Золотаревский (отвечал за личный состав), генерал-майор М.Д. Гетманов (связь и расквартирование), генерал-майор В.В. Муравьев (военно-морская разведка), полковник Н.В. Бабкин (политическая разведка) и капитан В.И. Драгневич (офицер для поручений). Представителем организации в Сербии был генерал-лейтенант А.А. Боровский, а в Константинополе — полковник Кучук-Улагай. В начале 1922 года Покровский вступил в зашифрованную переписку со штабом ВСЮР и при посредничестве генерала

Боровского обратился к генералам Кутепову и Витковскому с просьбой передать ему спрятанное в Свищеве и Ловиче оружие, а также предлагал направить офицеров из Белграда в Германию, Италию и Америку для сбора средств на анти-советскую деятельность.

Тогда же Покровский установил контакты с рядом эмигрантских антисоветских организаций, находящихся в Болгарии. Эти организации возглавляли: в Великом Тырнове — полковник Белый, в Сливене — полковник Охлопков, в Плевене — полковник Яхонтов, в Габрово — полковник Супротивный, в Бургосе — бывший русский вице-консул Бранд, в Семеновграде — полковник Дементьев, в Севлиево — капитан Колосовский, в Новой Загоре — полковник Порфemenко, в Старой Загоре — генерал Калитин и барон Тейра, в Варне — генерал Смердов. Особенно тесно контактировал Покровский с генералом Смердовым, который являлся прекрасным организатором. Достаточно сказать, что он объединил вокруг так называемого «Русского дома» представителей белоэмигрантского «Красного креста», местного отделения «Русского общественного объединенного комитета», «Военно-террористического союза» и «Группы взаимопомощи русских офицеров», а также установил тесные связи с представителями болгарских правых партий в Варне.

Вскоре Покровский и Смердов предприняли конкретные шаги по осуществлению своих планов. С помощью военного представителя Врангеля в Бессарабии генерала Николаева и секретаря югославского консульства в Варне, русского летчика подполковника И. Сусалина они создали нелегальный канал в Добрудже, по которому направляли в Советскую Россию террористов с югославскими паспортами. Кроме того, ими готовился большой десант в составе 60 казачьих офицеров, задачей которого было поднять восстание против советской власти на Кубани и Северном Кавказе. С этой целью Покровский купил в Варне по бросовой цене парусно-моторную шхуну, рассчитанную на 45 человек, и 4 пулемета. А деньги на финансирование операции он получил от банкиров Гайдукова и Трусовского, дирек-

тора и управляющего делами «Русско-сербского дружества». Стремясь установить единоличный диктат и спаять членов организации кровью, Покровский приказал убить атамана Варненской станицы генерала Муравьева, которого заподозрил в недостаточном соблюдении конспирации, что и было выполнено.

Работавшие под прикрытием миссии Красного Креста чекисты почти сразу же по прибытии в Болгарию обратили на деятельность Покровского и его соратников самое пристальное внимание. А его планы по высадке десанта на Кубань немедленно вызвали их ответную реакцию. С помощью варненского градоначальника Г. Стоянова была разработана операция по нейтрализации террористов. При ее планировании большую роль сыграли сведения, полученные варненской нелегальной резидентурой советской военной разведки, которую возглавлял Григор Чочев, в том числе информация от агентов в морской полиции Варны. Операцией по ликвидации десанта руководил лично Борис Иванов, которому помогали Сергей Чайкин и Герман Клесмет (Роберт Озол). В начале октября 1922 года с их помощью болгарская полиция арестовала на железнодорожном вокзале в Софии адъютанта Покровского Моисея Власова, у которого было обнаружено письмо Покровского к генералу Боровскому, из которого стало известно о готовящемся десанте. В результате готовые отплыть на Кубань офицеры были арестованы, а на софийской фабрике «Струг» обнаружен тайный склад ручных гранат, которые люди Покровского не успели переправить в Варну. Однако самому Покровскому удалось скрыться в маленьком городке Кюстендиле на границе с Сербией, где в квартале Градец он снял две комнаты.

Неудача с десантом не остановила Покровского. И вскоре он приступил к осуществлению террористических акций против советской миссии Красного Креста и организации «Совнарод» с целью сорвать наметившееся советско-болгарское сближение. 3 ноября 1922 года член его организации Николай Бочаров тяжело ранил руководителя «Совнарода» и главного редактора «Новой России» Александра Агеева,

который в результате этого ранения 9 ноября скончался. А в ночь с 5 на 6 ноября было совершено покушение на курьера миссии, одновременно являвшегося корреспондентом издававшейся в Берлине сменовеховской газеты «Накануне» Сергея Чехотина. Кроме того, произошла серия покушений на руководителей групп «Совнарода» на местах. Так, в Плачковицах подверглись нападению председатель и секретарь местного отделения Лишин и Косян, а в Хасково — тяжело ранен руководитель «Совнарода» и секретарь советской миссии А. Шерьга.

Болгарские власти, обеспокоенные возможным ухудшением отношений с СССР, сразу же отреагировали на эти теракты. В Софии начались аресты членов организации Покровского. Совместно с болгарской жандармерией и сотрудниками «Общественной безопасности» в них участвовали и советские представители: Б. Иванов, С. Фирин, Г. Клесмет и С. Чайкин. В результате были арестованы члены руководства организации Покровского — полковник Буряк и капитан Драгниеви́ч. От них были получены сведения о том, что генерал Покровский скрывается в расположенном недалеко от югославской границы городе Кюстендиле, намереваясь в ближайшее время бежать в Сербию. Получив эти данные, чекисты немедленно выехали в Кюстендил.

7 ноября совместно с агентами «Общественной безопасности» Гонгаловым и Кюмиджиевым и жандармами советские чекисты и военные разведчики блокировали дом, в котором укрывались Покровский, его ординарец Кручевский, полковник Кучук-Улагай и убийца Агеева Бочаров. Первым жандармов заметил находившийся во дворе Кучук-Улагай, который криком предупредил своих об опасности, а сам, отстреливаясь, бросился к находящемуся неподалеку лесу, где и скрылся. Позднее он перебрался через границу и поступил на службу в албанскую армию. Выбежавший во двор Покровский ранил преградившего ему дорогу Кюмиджиева, бросился к лесу, но наткнулся в темноте на засаду и во время схватки был тяжело ранен ударом штыка в грудь. Его доставили в городскую боль-

ницу, где он не приходя в сознание скончался 9 ноября (видный деятель РОВС генерал А. фон Лампе в своем дневнике охарактеризовал покойного как «человека нравственности средней, но энергии и характера кипучего»⁵². Что же касается Бочарова и Кручевского, то они были схвачены жандармами.

В Москве высоко оценили ликвидацию генерала Покровского и его организации. Так, С. Фирин после возвращения в 1925 году в СССР был награжден орденом Красного Знамени. Что же касается Б. Иванова, то начальник Разведупра Берзин в его характеристике, датируемой 1928 годом, отмечал: «За время нахождения на закордонной работе тов. Ивановым были удачно, а иногда и блестяще, исполнены ряд весьма важных и опасных заданий»⁵³.

Столь высокая оценка деятельности болгарской резидентуры, похоже, имеет более глубокий смысл, нежели просто ликвидацию генерала Покровского. Дело в том, что существует версия о том, что А. Агеев, кстати, являвшийся родным братом товарища председателя Донского казачьего круга, вступил в «Совнарод» по заданию тайной правозэсеровской организации, а свою поездку в СССР летом 1922 года использовал для установления контактов с антисоветским подпольем внутри страны. Этой версии придерживался, например, знаменитый «охотник за провокаторами», бывший народоволец и непримиримый враг большевиков Владимир Бурцев, чьи бумаги ныне хранятся в ГАРФ и РГАСПИ⁵⁴.

В пользу своей версии Бурцев приводит следующий довольно странный факт. Похороны Агеева болгарские коммунисты превратили в своеобразную демонстрацию, во время которой торжественно выступили их лидеры Васил Коларов и Георгий Димитров. Однако после торжественного митинга гроб с телом Агеева был брошен, и ни болгарские коммунисты, ни представители советской миссии и «Совнарода» никакого интереса к нему не проявили. Версию Бурцева разделял и известный лидер эсеров, руководитель их группы в Болгарии В. Лебедев.

При правительстве Стамболийского Лебедев играл в Болгарии весьма значительную роль, выступая посредником между болгарским правительством и Советской Россией. Кроме того, он непосредственно находился в больнице у постели Агеева, причем некоторое время — наедине с ним.

Наводит на размышления и запись беседы генерального консула СССР в Константинополе В.П. Потемкина с первым секретарем миссии Болгарии в Константинополе И. Алтыновым, состоявшейся 26 мая 1924 года. Вот выдержка из нее:

«Потемкин: Разрешите мне напомнить Вам хотя бы случай с сотрудником миссии Красного Креста в Болгарии Агеевым, который был убит, причем болгарское правительство не приняло мер к должному наказанию виновников этого политического убийства.

Алтынов: Мои сведения по этому делу несколько расходятся с Вашими. Убийцы Агеева предстали перед болгарским судом. Однако на суде выяснилось, что убийство Агеева было совершено его собственными друзьями, которые заподозрили, будто он состоит на службе у врангелевцев. Дело всесторонне разбиралось перед трибуналом, весь процесс шел в точном соответствии с нашими законами»⁵⁵.

Еще одним подтверждением данной версии может служить арест в 1932 году в Уральске бывшего полковника Николая Альбина, который в 1921—1924 годах был товарищем (заместителем) председателя «Совнарода» Агеева. В 1924 году он при помощи Ф. Карина вернулся в СССР, отсидел 2 года в лагере, после чего вышел на свободу и обосновался на Урале.

Как утверждает расследовавший дело Альбина чекист А. Абузаров, уже в 1927 году с Альбиным установили связь тайно прибывшие в СССР представители РОВС⁵⁶. Контакты Альбина с зарубежными белоэмигрантскими эмиссарами продолжались вплоть до ареста, что позволяет говорить о том, что и он был внедрен в «Совнарод», но не эсерами, а контрразведкой Врангеля.

ЗАХВАТ АТАМАНА ТЮТЮННИКА

Не меньшую опасность, чем белая эмиграция, представляли для установившегося в России коммунистического режима украинские националисты. Имена С. Петлюры, Ю. Тютюнника, Е. Коновальца, С. Бандеры говорят сами за себя. После долгой и кровопролитной борьбы, подробный рассказ о которой не входит в нашу задачу, остатки разгромленных отрядов украинских националистов оказались за пределами ставшей советской Украины. Но и находясь в эмиграции, они не сложили оружие и продолжали борьбу против советской власти, не отказываясь и от актов террора.

Активности украинской эмиграции во многом способствовало то, что после окончания Гражданской войны за границей оказались десятки тысяч украинцев, сражавшихся в свое время против Советской власти. Только в одной Польше их сосредоточилось не менее 35 тысяч человек. Центрами националистической украинской эмиграции являлись, помимо Варшавы и Львова, также Берлин, Прага, Париж и Вена. В эмиграции действовало большое количество различных партий, организаций и групп, которые грызлись между собой, как пауки в банке.

Например, в Германии большим влиянием пользовались сторонники бывшего марионеточного «гетмана» Павла Скоропадского. Его самозванная гетманская «управа» даже издавала в Берлине свой журнал.

Бывшие сторонники Скоропадского во время его недолгого правления в период австро-немецкой оккупации Украины объединились в 1920 году в Вене в «Украинский союз хлеборобов-державников». В этот союз вошли такие «хлеборобы», как граф Монтрезор, Скоропис-Йолтуховский, князь Кочубей и другие. Лидером «хлеборобов» стал Лепинский, в свое время являвшийся крупным земельным собственником в Умани. В 1922 году организацию возглавил сам бывший гетман, который постоянно проживал в Берлине, получая назначенную ему немецким правительством пенсию. Филиалы организации Скоропадского, помимо Германии и

Австрии, действовали также в Чехословакии, Польше, Франции, США и Канаде. Главным рупором организации являлся журнал «Поступ». Большое содействие гетманцам оказывал главный противник православия и российско-украинского единства Львовский униатский митрополит Андрей Шептицкий.

В Чехословакии в 1921 году при поддержке местных властей был организован «Украинский громадский комитет» (Громком) во главе с бывшим лидером Центральной Рады Михаилом Грушевским. Впрочем, долго и мирно существовать в рамках Громкома националисты не смогли. В нем начались склоки и дразги, в результате чего в середине 20-х годов в нем остались только украинские эсеры во главе с Никитой Шаповалом, которые пользовались финансовой поддержкой чехословацкого правительства. Однако после многократных попыток примирить националистических вожakov чехословацкие власти махнули на них рукой и распустили комитет. Вместо него возникли целых три организации: «Украинский комитет», «Украинская громада» и «Украинское объединение». Характерной особенностью Чехословакии явилось то, что местные власти всячески поощряли финансирование и создание украинских учебно-исследовательских учреждений, таких, как «Украинская хозяйственная академия», «Украинский свободный университет» и т. д.

Что касается Польши, то там первоначально главную роль играли сторонники Симона Петлюры. (О самом С. Петлюре см. ниже.) В начале 20-х годов в польском городе Тарнове открыто существовало их так называемое «правительство Украинской Народной Республики» (УНР) со своим кабинетом министров и Советом республики, а петлюровское «бюро печати», используя возможности польского телеграфного агентства, распространяло по всему свету злостную клевету на Советскую Украину. А во Львове с весны 1921 года действовал так называемый «Центральный штаб», на который возлагалось ведение подрывной деятельности на территории Украины, а также подготовка там вооруженного восстания. Начальником штаба был назначен Ю. Тютюнник,

начальником оперативного отдела — полковник Отмарштейн, организационного — полковник Ступницкий, разведывательного — полковник Кузьминский, административно-политического — подполковник Добровольский.

«Центральный штаб» активно сотрудничал с польской военной разведкой (2-й отдел генерального штаба). Так, все агенты, нелегально направляемые на советскую территорию, получали задания от поляков и по возвращению информировали 2-й отдел о проделанной работе. переброска агентов через границу осуществлялась также при помощи польской разведки, а средства на содержание «Штаба» шли из секретных сумм 2-го отдела. Кроме того, в этих расходах участвовала и французская разведка, получавшая через поляков сведения, добытые агентами «Штаба». Фактически между Польшей и Петлюрой был заключен договор, по которому поляки:

1) разрешили организовать петлюровский штаб на своей территории;

2) обязались снабжать средствами как штаб, так и пропускные пункты, через которые будут проходить посылаемые на Украину агенты;

3) дали разрешение использовать интернированных в лагерях офицеров и казаков для посылки на Украину;

4) предоставили право получения документов польского генерального штаба и бесплатного проезда по железной дороге петлюровским агентам;

5) обязались выпустить к моменту восстания всех интернированных офицеров и казаков из лагерей и снабдить «дивизии» необходимым оружием, снаряжением, обмундированием, обозом для создания фронта против Советов⁵⁷.

Однако уже 4 июля 1921 года правительство РСФСР направило ноту правительству Польши, в которой требовало ликвидации на польской территории организаций, действующих против Советской России, и изгнания их руководителей. После долгих переговоров 7 октября 1921 года между представителями РСФСР и Польши был подписан протокол, по которому польскую территорию должны были

покинуть ряд руководителей антисоветских организаций, и в том числе С. Петлюра и Ю. Тютюнник. Кроме того, немедленному роспуску подлежали «правительство» и «парламент» УНР. В результате 28 октября Петлюра и часть министров УНР перебрались в Париж, где продолжили свою деятельность и стали издавать еженедельник «Тризуб». Впрочем, вскоре УНР создало в Польше «Украинский центральный комитет», признанный польскими властями в качестве иностранного консульства. Остался в Польше и Тютюнник, о котором и пойдет далее речь.

Юрко Тютюнник, он же Юрий Никифорович Тютюнник, родился в 1891 году на Звенигородчине в селе Будище (Киевская губерния). Он получил высшее гуманитарное образование, изучал историю и украинскую филологию. С началом Первой мировой войны он окончил военное училище и в звании прапорщика начал свою военную карьеру. Впрочем, в этот период Тютюнник не отличался особыми военными талантами, занимая адъютантские должности. Так, в 1917 году поручик Тютюнник — всего лишь адъютант командующего Симферопольским гарнизоном. Но в период формирования так называемой «украинской государственности» он в марте-апреле 1917 года создает в Симферополе Украинский военный клуб имени Дорошенко, а затем на его базе одноименный полк. От этого полка Тютюнник едет в Киев на 2-й всеукраинский войсковой съезд, где в июле 1917 года становится членом Всеукраинского Совета войсковых депутатов, а затем остается в Киеве и работает при политсовете Войскового Генерального секретариата.

В январе 1918 года Тютюнник направляется на родину, в Звенигород, где создает из своих земляков, «вольных казаков», Звенигородский полк для борьбы против красных отрядов Муравьева и Антонова-Овсеенко и становится в нем кошевым атаманом.

В июле того же года Тютюнник — активный участник антигетманского Звенигородско-Тарашинского восстания. Однако вскоре он попадает в плен и становится заключенным Лукьяновской тюрьмы в Киеве.

Во время антигетманского восстания 14 ноября 1918 года, когда войска Директории во главе с С. Петлюрой входили в Киев, заключенные подняли восстание и захватили большую часть города. Из этих повстанцев был сформирован ударный батальон, заместителем атамана которого стал Тютюнник. В январе 1919 года его направляют на Херсонщину к атаману Григорьеву. После перехода Григорьева на сторону Красной Армии и формирования из его отрядов 1-й бригады 1-й Заднепровской стрелковой дивизии Тютюнник становится начальником штаба бригады. Однако уже в мае того же года Григорьев поднимает мятеж против Советской власти. Восстание охватывает огромную территорию Херсонской, Екатеринославской и Киевской губерний, но вскоре терпит поражение. После этого Тютюнник с частью восставших пробивается в июне 1919 года на соединение с петлюровской армией УНР. Из его повстанцев формируют сразу две дивизии: 5-ю Киевскую и 12-ю Селянскую, сведенные в Киевскую группу во главе с Тютюнником. Группа участвует в походе на Киев, а затем воюет на юге против Южной группы Якира.

Поздней осенью 1919 года петлюровскую армию охватывает тиф. Умирает, среди прочих, и командующий армией генерал Василь Тютюнник, с которым часто путают нашего героя. Остатки армии в декабре 1919 года выступают в так называемый «зимний поход» по тылам белых и красных. В этом походе Тютюнник выступает в качестве помощника командующего армией генерала Михаила Павленко. В 1920 году, после подписания украинскими националистами договора с поляками, интернированную в Польшу армию УНР размещают на Волыни, на правом фланге польских войск. В это время Тютюнник получает звание генерал-хорунжего и становится командующим 4-й Киевской дивизией. Однако хорошо осведомленные о «боевых качествах» украинских вояк, поляки не используют их в боевых действиях. Но после завершения советско-польской войны Красная Армия 10 ноября 1920 года переходит в превентивных целях в наступление против петлюровского 30-тысячного воинства и

в 11-дневных боях наголову разбивает его. Спасаясь от полного краха, «жовто-блакитники» бегут под защиту польских войск.

Оказавшись в эмиграции в Польше, Тютюнник, как уже говорилось выше, возглавил «Центральный штаб» (другое название — Партизанско-повстанческий штаб — авт.). Помимо разведывательно-диверсионной деятельности «Штаб» весной 1921 года начал готовить новый поход на Советскую Украину. Для этого было сформировано три «повстанческие группы» — Волынская, Подольская и Бессарабская общей численностью в 7 тысяч человек. Разумеется, вторжение было согласовано с военным командованием Польши и французской военной миссией в Варшаве. Генерал Сосновский от имени польского командования и генерал Ниссель от имени французского командования согласились поддержать вторжение и одобрили смету на его расходы.

В начале октября 1921 года на территорию Советской Украины в районе Острога проник отряд под командованием генерала Нельговского и взял направление на Волынь. В ночь на 27 октября 1921 года на советскую территорию в районе Гусятина перешел отряд атамана Палия численностью до 500 сабель. Палий начал раздавать крестьянам оружие и призывал их к восстанию против «коммунистов, жидов и москалей». После этого к нему присоединилось до 280 местных жителей, однако основная масса крестьянства проявила полное равнодушие к идее самостийной Украины. В результате отряд Палия был разгромлен, потеряв при этом половину личного состава и четыре пулемета.

Однако Палий успел выполнить свою главную задачу, обеспечив прорыв основных сил петлюровцев. В ночь на 5 ноября 1921 года на советскую территорию в районе Коростеня вступила Волынская группа генерал-хорунжего Тютюнника, в состав которой входили кадровые войска нескольких петлюровских дивизий. Тютюнника также сопровождали трое бывших министров Петлюры — гражданского управления, путей сообщения, торговли и промышленности, которые, надо полагать, уже видели себя сидящими на

теплых местечках в Киеве в будущем украинском правительстве. В Олевском районе националистам удалось сформировать повстанческий полк численностью в 600 человек. А на рассвете 7 ноября Тютюнник атаковал Коростень, рассчитывая приурочить захват этого важного стратегического пункта, открывающего дорогу на Киев, к четвертой годовщине Октября. Однако защитники города отбросили самонадеянных «самостийников», поскольку советское командование было хорошо подготовлено к их встрече. Дело в том, что в «Штаб» Тютюнника был внедрен советский разведчик Сергей Карин (Даниленко), который и передал в Центр все планы вторжения.

Разгром основных сил Тютюнника был осуществлен 17 ноября 53-м и 54-м кавполками дивизии Котовского в болотистом районе юго-восточнее города Овруч. При этом 250 повстанцев было убито, 517 взято в плен, захвачено 22 пулемета. 50 человек во главе с Тютюнником в ночь на 21 ноября смогли перейти польскую границу в обратном направлении. 25 ноября к ним присоединились остатки другой половины отряда во главе с полковником Черным, которому удалось вывести с собой 150 сабель и 100 штыков. Большая же часть участников рейда не смогла прорваться в Польшу и рассеялась по территории Украины.

Однако несмотря на позорное поражение, ноябрьский рейд принес Тютюннику огромную популярность среди украинской националистической эмиграции. Поэтому он решил, что ему пришла пора выйти на первые роли и возглавить «борьбу украинского народа против московского империализма». Возобновив свои связи с польской разведкой, Тютюнник приступил к формированию новых вооруженных отрядов, состоявших из бывших солдат и офицеров петлюровской армии, а заодно поставлял кадры для 2-го отдела польского генштаба. Кроме того, им были установлены контакты с лидером Украинской военной организации (УВО) Е. Коновальцем. Уже летом 1922 года на Украину отправляется атаман Тимош Гулий-Гуленко, возглавлявший во время тютюнниковского рейда на Украину Бессарабскую группу.

Но почти сразу же после его приезда в Одессу в июле 1922 года Одесский губотдел ГПУ получил информацию о появлении в городе крупного националистического лидера. За Гулий-Гуленко установили наблюдение и вскоре арестовали его.

27 августа 1922 года в «Правде» было опубликовано показание, в котором Гулий-Гуленко заявлял: «Анализ всех событий привел меня к той мысли, что дальнейшая вооруженная борьба с Советами бесполезна и бессмысленна. Слишком уж жалкую роль мы играли во время последнего восстания, нанося непоправимый вред украинскому народу».

Но хотя Тимош Гулий-Гуленко имел звание генерал-хорунжего, в армии УНР командовал Запорожской дивизией, его пример не пошел Тютюннику впрок и он продолжал свою деятельность.

Понимая, что Тютюнник не успокоится, пока не будет обезврежен, чекисты решили выманить его на территорию СССР. Осенью 1922 года в Киев с группой сотрудников Центра приехал начальник Контрразведывательного отдела ГПУ Артур Артузов. Он просмотрел все дела по Тютюннику и дал указание полпреду ГПУ на Правобережной Украине Ефиму Евдокимову: «Мы должны во что бы то ни стало достать Тютюнника из Польши и этим самым положить конец бандитизму на Украине».

А несколько ранее органы госбезопасности приступили к осуществлению ряда агентурных мероприятий, направленных на вывод Тютюнника на территорию СССР (т. н. «Дело Высшего военного совета» или «Дело № 39»). Евдокимов и его помощники — руководитель местного КРО Н. Николаев-Журид, В. Курский, К. Мукке создают легендированную организацию с центром в Харькове — «Высший военный совет» (ВВС). Сам Евдокимов выступает как руководитель ВВС Дорошенко, а Николаев-Журид — как секретарь ВВС Андриевский. Чекистами также был завербован бывший петлюровский офицер Г. Заярный (по другим данным — Зарядный), служивший под начальством Тютюнника с 1918 года (в «Деле № 39» он проходит под псевдонимом «103»), направленный главой «Центрального штаба» на Украину в качестве

помощника полковника Мордалевича, командующего «северным повстанческим фронтом».

В мае 1922 года Заярный встретился в Польше с Тютюнником и доложил ему о «Высшем военном совете». Слова Заярного подтвердил и бывший близкий товарищ Тютюнника сотник П. Стахив, также завербованный чекистами. В ходе состоявшихся переговоров Тютюнник согласился считать ВВС центром, координирующим подрывную работу на территории Украины. Затем агенты-курьеры украинского ГПУ, выступающие как «представители ВВС» (братья И. и Б. Дудкевичи, П. Бондаренко) установили связи с польской, румынской и французскими разведками. При этом Заярный был назначен руководителем франко-румынской разведслужбы в секторе Хотин — Могиляны. В результате под контроль ГПУ была поставлена фактически вся деятельность иностранных разведок по использованию агентурных переправ через Днестр.

Позднее с Тютюнником была достигнута договоренность о его вхождении в руководство ВВС (т. н. «Совет трех») и полном подчинении эмигрантских групп данной организации. Таким образом, деятельность генерала была ограничена рамками легендированной структуры. Результатом последовавших за этим оперативных мероприятий стал разрыв группы Тютюнника с Петлюрой и дискредитация контактов с УВО Коновальца.

Между тем перспектива «всеобщего восстания» с использованием «ВВС» заинтересовала Тютюнника. Узнав об этом, чекисты приступили к заключительному этапу операции, который разрабатывался при участии начальника Секретно-оперативного управления ГПУ при НКВД РСФСР В. Менжинского, ЦК КП(б)У и Совнаркома Украины. В марте 1923 года в игру был включен арестованный к тому времени подполковник Волынской повстанческой армии Н. Осадчий. С помощью этой агентурной комбинации и удалось 17 июня 1923 года (по другим данным — 26 июня) заманить на Украину Тютюнника и его близких помощников (в том числе и Михаила Сперанского (Палия)) и сразу после переправы

через Днестр арестовать их. Следствием по делу Тютюнника, кроме Евдокимова и Николаева-Журида, занимались помощник начальника Киевского губернского отдела ГПУ В. Горожанин, начальник контрразведывательного отдела ГПУ Украины В. Иванов и председатель ГПУ Украины В. Балицкий, лично допрашивавший арестованного. В результате Тютюнник не только рассказал все, что знал, но и передал чекистам весь свой архив. Кроме того, еще до суда Тютюнник написал покаяние. В письме на имя одного из руководителей КП(б)У В.П. Затонского говорилось:

«Тяжким путем я пришел к уверенности, что властвующие на Западе силы способны только угнетать украинский народ, а не помогать его освобождению. Эти силы, используя легкомысленные и окончательно деморализованные элементы нашей эмиграции, думают только о своем благополучии. Поскольку деморализованность эмиграции дошла до наивысшей степени, для меня стало понятным, что будущее Украины выковывается здесь, на Украине. Прошло уже несколько месяцев, как я перешел кордон и, находясь на территории УССР, изучаю действительное положение. В первую очередь меня интересовала природа власти на Украине. В том, что эта власть является властью рабочих, я никогда не сомневался. Но является ли она украинской властью, в этом у меня были сомнения, а в свое время даже уверенность в противоположном»⁵⁸.

Дальше Тютюнник писал, что ознакомившись с украинской действительностью, понял, что глубоко заблуждался. «Сейчас на Украине украинская власть», — делал он вывод в своем письме. В подтверждение искренности своих намерений Тютюнник сдал весь архив петлюровского штаба и вызвал на Украину из-за границы свою семью. Каялся он и на суде, после чего 28 декабря 1923 года Президиумом ВУЦИК был амнистирован.

Некоторое время Тютюнник преподавал тактику в Харьковской школе червонных старшин, написал воспоминания «С поляками против Украины», а затем стал киносценаристом и редактором во Всеукраинском фотокиноуправлении.

Он даже снялся в приключенческом фильме о Гражданской войне «ПКП» («Пилсудский купил Петлюру») по сценарию бывшего зампреда ГПУ УССР Я. Лившица, где сыграл самого себя. Однако, несмотря на лояльность новой власти, 12 февраля 1929 года Тютюнник был вновь арестован органами ОГПУ по статье 58-4 УК РСФСР (участие в антисоветском заговоре) и этапирован в Москву. Постановлением Коллегии ОГПУ от 3 декабря 1929 года он был приговорен к расстрелу. Но лишь 20 октября 1930 года, то есть почти через год, приговор был приведен в исполнение.

С разгромом петлюровских вооруженных отрядов, захватом Тютюнника и других командиров армии УНР, а также ликвидации на территории Украины остатков петлюровского подполья активная фаза борьбы с украинскими эмигрантами была завершена. Однако в это же время на арену выдвигались другие украинские националисты, о которых речь впереди.

ОХОТА НА БРАТЬЕВ-РАЗБОЙНИКОВ

В 1923 году советские чекисты на территории Польши с помощью местных коммунистов пытались ликвидировать Станислава Булак-Балаховича (он же Бэй-Булак-Балахович). Этот бывший штаб-ротмистр царской армии, родившийся в 1883 году и происходивший из крестьян Ковенской губернии, до призыва на военную службу в Первую мировую войну, был агрономом, бухгалтером и управлял помещичьими имениями. Отличившись в боях с немцами на Северном фронте, Булак-Балахович был награжден шестью орденами и тремя Георгиевскими крестами. С февраля 1918 года служил в Красной Армии, командуя 1-м Лужским конным партизанским полком. В октябре 1918 года с частью своего полка прибыл в Псков, занятый немцами, и вступил в формировавшийся белыми Северный корпус. Вместе с белыми частями отступил в Эстонию, где был произведен в полковники и назначен командиром бригады, во главе которой воевал против Красной Армии на Северном фронте. В мае 1919 года,

после взятия белыми и эстонцами Пскова, Булак-Балахович стал главноначальствующим в городе. Его трехмесячное правление было отмечено массовыми публичными казнями «большевиков», а также заподозренных в сочувствии к ним, и грабежами мирного населения.

Главком Северо-Западного фронта генерал Н.Н. Юденич произвел Булак-Балаховича в генерал-майоры и назначил его командиром Особой сводной дивизии, а затем 2-го корпуса, но вскоре отменил свой приказ, решив предать новоиспеченного генерала суду за печатание фальшивых денег, вымогательства и убийства. Булак-Балаховичу удалось скрыться в расположении эстонских войск. С осени 1919 года до начала 1920 года он служил в эстонской армии, но после принятой им неудачной попытки арестовать в Ревеле (Таллине) Юденича был вынужден перебраться в Польшу, где начал сотрудничать с польскими спецслужбами, совершая при их поддержке диверсионные рейды в Советскую Белоруссию. За бои под Пинском во время польско-советской войны 1920 года Булак-Балахович был награжден польским орденом Виртути Милитари. В ноябре того же года войска атамана взяли город Мозырь, где Булак-Балахович провозгласил себя «начальником белорусского государства», но вскоре они были выбиты оттуда Красной Армией и интернированы на территории Польши.

Получив от польских властей концессию на разработку лесных угодий, Булак-Балахович вместе с братом Юзефом жил в Беловежской Пуще. Именно там в ночь с 12 на 13 июня 1923 года Юзеф Булак-Балахович, бывший ротмистр гусарского полка в Первую мировую войну, а затем генерал в армии брата, был убит выстрелом из карабина неизвестными. Следствие, проведенное польской уголовной полицией, установило, что убийцами были западно-белорусские коммунисты Бойко и Левчук, которым содействовали браконьеры Бартоняк и Арцишевский. Они были арестованы и приговорены к многолетнему тюремному заключению.

Видимо, объектом покушения был сам Станислав Булак-Балахович, а брат был убит по ошибке. Как версию, можно

рассматривать вопрос об участии Якова Блюмкина, в то время сотрудника ИНО ГПУ, в подготовке этого покушения. Известно, что летом 1923 года он получил задание от Держинского и председателя исполкома Коминтерна Г. Зиновьева, которое должен был выполнить в одном из европейских государств. Кстати, в окружении Булак-Балаховича в период гражданской войны и после нее действовали советские агенты, в частности, один из офицеров штаба.

Сам генерал прожил еще 17 лет. Он служил в польской армии, пользовался доверием Пилсудского. В 1940 году Станислав Булак-Балахович был убит в оккупированной немцами Варшаве. Возможно, это убийство было делом рук гестапо. Сын атамана Здислав во время Второй мировой войны командовал отрядом Армии Крайовой в Новоградском воеводстве.

КАК ИМ ХОТЕЛОСЬ ВЕРИТЬ... (БОРИС САВИНКОВ, АГЕНТ «ST-1» И СЕРГЕЙ ДРУЖИЛОВСКИЙ)

Примером вывода на советскую территорию опасных противников путем легендирования подпольной антибольшевистской организации стала операция ОГПУ по поимке Б.В. Савинкова в начале 1920-х гг., получившая кодовое наименование «Синдикат-2».

Деятельность Бориса Савинкова, бывшего в начале XX века одним из руководителей партии эсеров, активным участником террористических актов против крупных царских чиновников, а с 1917 года ставшего смертельным врагом большевиков, в начале 1920-х гг. заключалась в подготовке, совершении антисоветских заговоров и мятежей, террористических актов в отношении государственных деятелей СССР, в частности, Ленина, Троцкого, Сталина, Каменева, Чичерина. Эти цели ставила перед собой созданная Савинковым весной 1921 года организация «Народный союз защиты родины и свободы» (НСЗРиС), базировавшаяся в Польше и имевшая свои подпольные отделения на Западе и

Северо-Западе Советской России. Савинков тесно сотрудничал с разведками и политическими лидерами государств, финансировавших подрывную работу против Советского Союза. Связи Савинкова с лидером фашизма в Италии Муссолини, бывшим военным министром Англии Уинстоном Черчиллем, бывшим французским послом в России Нулансом, президентом Чехословакии Масариком, сотрудниками английской разведки Рейли и Локкартом, представителями белоэмигрантского «Торгово-промышленного комитета» Нобелем и Эльвенгренем убеждали ОГПУ в серьезности и опасности этого человека.

Вопрос о борьбе с иностранным шпионажем, белоэмигрантскими центрами и подпольными организациями на территории советской России решился при создании 8 мая 1922 года Контрразведывательного отдела (КРО) ОГПУ. «Синдикат-2» стал первой операцией, проведенной КРО. Цель ее заключалась в аресте объявленного государственным преступником Б.В. Савинкова. Проведением оперативной игры занимались начальник КРО А.Х. Артузов, его заместитель Р.А. Пилляр и помощник С.В. Пузицкий (выступал в роли руководителя военного отдела легендированной организации «Либеральные демократы» (ЛД) профессора артиллерийской академии Новицкого), а также личный состав 6-го отделения КРО ГПУ: начальник отделения И.И. Сосновский, его помощник Н.И. Демиденко, старший оперуполномоченный А.П. Федоров, уполномоченные Г.С. Сыроежкин, С.Г. Гендин, оперуполномоченный полномочного представительства ОГПУ по Западному краю И.П. Крикман. Общее руководство операцией осуществляли Ф.Э. Дзержинский и В.Р. Менжинский.

Операция началась летом 1922 года с ареста одного из деятелей НСЗРиС, адъютанта Савинкова, бывшего царского офицера Л.Д. Шешени. Шешения перешел советско-польскую границу для связи с савинковскими агентами М.Н. Зекуновым и бывшим штабс-капитаном В.И. Герасимовым. На допросе в ГПУ он рассказал о деятельности НСЗРиС на советской территории. На основании показа-

ний Шешени было ликвидировано несколько ячеек этой организации в Западном крае (Белоруссия и Смоленская губерния) и арестованы связники Савинкова. Герасимов был осужден к расстрелу, а Зекунов завербован ГПУ для проведения операции «Синдикат-2». Были присвоены псевдонимы новым агентам: Зекунову — «Михайловский», Шешене — «Искра». Следующим этапом оперативной игры стало легендирование антисоветской организации «Либеральные демократы» в Москве. Лидером ЛД был назначен сотрудник КРО, занимавшийся закордонной работой, А.П. Федоров (псевдоним «Петров-Мухин»), для контакта с НСЗРиС представляемый как белый офицер.

Информация о составе и деятельности ЛД была предоставлена в письме, адресованном родственнику Шешени в Варшаве, члену НСЗРиС И.Т. Фомичеву. Поездка Зекунова в декабре 1922 — январе 1923 гг. в Польшу дала следующие результаты: передача письма, содержащего дезинформацию о московской либерально-демократической группе, установление контакта с руководителями варшавского НСЗРиС И.Т. Фомичевым, Д.В. Философовым, бывшим членом Одесского военно-окружного суда Е.С. Шевченко и писателем, автором известного порнографического романа «Санин» М.П. Арцыбашевым. Также Зекуновым была возобновлена связь с польской разведкой (он передал ее представителям полученный от «Новицкого» — С.В. Пузицкого «подлинный» приказ по артиллерии РККА об обследовании артскладов в Московском военном округе и копию докладной записки о создании при Штабе РККА отделения по изучению польской армии), выявлены планы ее подрывной работы против СССР и установлены агенты Савинкова на советской территории: Веселов, Горелов, Нагель-Нейман, Росселевич и другие (впоследствии арестованные сотрудниками ОГПУ). Также были арестованы и осуждены посланные Савинковым в СССР для организации терактов против советских руководителей бывшие офицеры В.И. Свежевский и М.Н. Гнилорыбов (находясь во Внутренней тюрьме на Лубянке, полковник Гнилорыбов, обезоружив охранника,

пытался проникнуть в кабинет Ф.Э. Дзержинского, но был схвачен чекистами А. Беленьким и Б. Алтайским).

Переговоры с варшавским и парижским центрами контрреволюционной организации, а также с польской разведкой привели Савинкова к убеждению возглавить ЛД. На встрече Фомичева с деятелями фиктивной советской группы в Москве (апрель 1923 года) было принято решение создать «Московский комитет НСЗРиС» и направить в Париж к Савинкову представителей «Либерально-демократической организации». Также Фомичев был снабжен военной дезинформацией для польской разведки. «Михайловский» (Зекунов) вместе с Федоровым («Мухин-Петров») по приезде в Польшу встретились с капитаном Секундой из экспозитуры (пограничного пункта) № 1, который согласился оплачивать информацию о Красной Армии и передал Шешене деньги для выполнения особого задания. Получив «разведывательные материалы», польские спецслужбы предложили Федорову сотрудничество. Для закрепления связи ОГПУ и Шешени Зекунов привез из Польши в Москву жену последнего, Александру Зайченко.

В июле 1923 года состоялся ряд встреч Федорова (в ходе операции совершившего 10 поездок за границу) с Савинковым в Париже. Английская и польская разведки к тому времени резко сократили финансирование НСЗРиС. Необходимость в «кадрах» вынуждала Савинкова уделить пристальное внимание «Либерально-демократической организации». Он представил «членов» этой группы агенту английской спецслужбы С. Рейли и своему помощнику полковнику С.Э. Павловскому. Лидеры НСЗРиС доложили о «назревании идеологического кризиса» в ЛД и высказали предложения по решению этого вопроса. Для проверки деятельности московской организации Савинков отправил в СССР Павловского, указав адрес «Искры» (Шешени). ОГПУ было осведомлено о приезде члена НСЗРиС. В сентябре 1923 года Павловский был арестован в Москве на явочной квартире Шешени. По прошествии некоторого времени Павловский дал согласие на сотрудничество с ОГПУ.

Следующий этап операции «Синдикат-2» был отмечен активным привлечением к деятельности ЛД и заманиванием в СССР самого Савинкова. В Варшаву выезжал «курьер ЦК ЛД Серебряков» (сотрудник КРО Г.С. Сыроежкин), передавший капитану Секунде «разведданные» и докладную записку Шешени. Затем в Париже побывал сам Шешеня, также убеждавший Савинкова в необходимости приезда в Россию. В Ростове-на-Дону были организованы встречи Фомичева с «лидером антисоветской группы» Султан-Гирем (сотрудником КРО Ибрагимом Абиссаловым), в Минеральных Водах — с руководителем местной организации ЛД «Борисюком» (начальник 6-го отделения КРО И.И. Сосновский). Встреча с Павловским, который «ввиду ранения при попытке вооруженного ограбления банка в Ростове не смог приехать в Париж», не состоялась, так как он «был вывезен в Москву» (откуда на самом деле не выезжал, оставаясь во Внутренней тюрьме на Лубянке). По возвращении в Москву Фомичев встретился с Павловским. Павловский «настаивал» на приезде Савинкова в Советский Союз.

В июне 1924 года в Париже состоялись решающие переговоры Федорова и Фомичева с Савинковым, результатом которых стало намерение последнего приехать в СССР с целью проведения террористических актов в отношении советского руководства. Также Савинков планировал убийства находившегося на лечении в Италии в апреле 1924 года председателя СНК СССР А.И. Рыкова (и был огорчен сообщением Федорова-«Мухина» о возвращении Рыкова в Москву) и полпреда СССР в Лондоне Х.Г. Раковского, надеясь, что этот теракт приведет к разрыву англо-советских отношений.

Операция «Синдикат-2» вступила в заключительную стадию. 15 августа 1924 года лидер НСЗРиС со своими помощниками супругами Дикгоф-Деренталями, Фомичевым и «Мухиным» перешел польскую границу. С советской стороны переход обеспечивал сотрудник полпредства ОГПУ по Западному краю И.П. Крикман (по легенде — член ЛД пограничник Батов). «Гостей» на границе встречали чекисты

Пузицкий и Демиденко. Фомичев был арестован в тот же день в гостинице (впоследствии освобожден, жил в деревне, уже будучи крестьянином-середняком, был арестован и расстрелян в 1929 году). На следующий день сотрудники ОГПУ арестовали Савинкова и супругов Деренталь на заранее подготовленной конспиративной квартире в Минске (при участии Р.А. Пилляра и полпреда ОГПУ по Западному краю Ф.Д. Медведя). 27 августа 1924 года Савинков предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР, которой и был приговорен к расстрелу, замененному 10 годами заключения.

Удар по савинковскому центру привел к разложению ряда антисоветских организаций за рубежом и в Советском Союзе. «Народный союз защиты родины и свободы» прекратил существование.

Постановлением Президиума ЦИК СССР 5 сентября 1924 года В.Р. Менжинский, Р.А. Пилляр, С.В. Пузицкий, Н.И. Демиденко, А.П. Федоров и Г.С. Сыроежкин были награждены орденами Красного Знамени. А.Х. Артузов, И.И. Сосновский, С.Г. Гендин и И.П. Крикман были удостоены благодарности правительства СССР.

Аналогичным образом был выведен на советскую территорию и Сидней Рейли, знаменитый агент «Сикрет интеллидженс сервис». Биография этого человека изобилует легендами, противоречащими друг другу. Английский историк Э. Кук в изданной недавно биографии Рейли, опираясь на архивные документы (в том числе и английской разведки), сумел восстановить подлинную биографию «короля шпионов».

Соломон Розенблюм (таково подлинное имя Рейли) родился в Херсоне в 1874 году в еврейской семье, вырос в Одессе, откуда уехал в 1894 году во Францию. Возможно, отъезд был связан с участием в студенческих волнениях, хотя об образовании Розенблюма точно ничего неизвестно. Из Парижа, скрываясь от преследования за присвоение крупной суммы денег мошенническим путем, Розенблюм, тогда же

изменивший свое еврейское имя на германизированное «Зигмунд», переезжает в 1895 году в Англию.

Та он выдавал себя за консультанта-химика, будучи на самом деле торговцем запатентованными медицинскими препаратами. Ему удалось вступить в Химическое Общество, а затем в Химический институт. Тогда же он установил связь с английской полицией (Скотланд-Ярд) и стал ее информировать о различных русских эмигрантах. После женитьбы в 1898 году на англичанке Маргарет Томас Зигмунд Розенблум меняет имя на Сидней Рейли, которое ему, возможно, подобрали в полиции. Уже в 1899 году новоиспеченный британский подданный вынужден покинуть Лондон из-за причастности к делу о подделке русских кредитных билетов, и через Россию, Турцию, Египет и Цейлон вместе с женой уезжает в Китай.

В Порт-Артуре Рейли занимался торговлей лесом, спекуляциями на продаже недвижимости и судоходным бизнесом. Возможно, он был связан с японской разведкой. В 1905 году Рейли оказывается в Санкт-Петербурге, где проводит (с перерывами на разъезды по Европе) около 10 лет, занимаясь коммерческой деятельностью. Он имел отношение к судостроительным фирмам, торговле оружием, был, в частности, коммерческим агентом фирмы братьев Райт и одним из основателей аэродрома на Комендантском поле.

В конце 1914 года, после начала Первой мировой войны, Рейли уезжает в Нью-Йорк. Там он, занимаясь торговыми сделками по продаже вооружений, сумел сколотить капитал — более трех миллионов долларов. Во время поездки в Петербург в 1915 году Рейли был задержан жандармами, но быстро освобожден.

С июля по декабрь 1917 года Рейли находился в канадском городе Торонто. Там он учился в школе военного воздухоплавания № 4 при королевском авиакорпусе. Получив звание второго лейтенанта Королевских ВВС, Рейли уезжает в Англию в декабре 1917 года, где подает прошение о зачислении в английскую разведслужбу — «Сикрет интеллидженс сервис», куда он и был принят в марте 1918 года, получив

кодовое имя «ST-1». Сразу же он уезжает в Россию, где проводит около полугода в Москве и Петрограде, первоначально под официальным прикрытием сотрудника военной миссии (в этом качестве он контактировал с военным руководителем Высшего военного совета бывшим генералом М.Д. Бонч-Бруевичем), а затем на нелегальном положении, под именами коммерсанта Константина Массино и сотрудника уголовно-следственной комиссии Петроградского совета Георгия Релинского (документы на это имя Рейли получил при содействии работавшего в этом учреждении В.Г. Орлова, впоследствии работавшего в белогвардейской контрразведке, видного деятеля белой эмиграции). К этому времени относится его участие в знаменитом «заговоре послов». Рейли занимал в нем едва ли не самые крайние позиции. Именно он был сторонником не только военного переворота с целью свержения советского правительства, но и убийства Ленина и Троцкого. Предложения Рейли были санкционированы английским правительством. Раскрытие ВЧК заговора вынудило Рейли бежать, через Эстонию и Финляндию он возвращается в Лондон. В Москве Верховный революционный трибунал при ВЦИК заочно приговорил Рейли к высшей мере наказания.

В конце 1918 года Рейли вновь в России. Для сбора информации для СИС о положении на Черноморском побережье и Юге России он выезжает в Севастополь и Екатеринодар. Там он встречается с политическими и военными лидерами белого движения, в том числе военным министром правительства Деникина генералом А.С. Лукомским и самим Деникиным. Побывал Рейли и на своей «малой родине» — в оккупированной интервентами Одессе. Разведывательные заслуги Рейли были отмечены английским Военным Крестом в феврале 1919 года. В 1920 году Рейли появляется в Польше, где устанавливает тесную связь с Б.В.Савинковым. Рейли был участником савинковских рейдов на территорию Советской Белоруссии.

Излишняя самодеятельность и авантюризм Рейли привели к расторжению его контракта с СИС в начале 1922 года.

После увольнения из разведки Рейли стал одним из учредителей табачной компании в Праге. Но бизнес не пошел и материальное положение Рейли было сложным. Продолжая поддерживать связь с различными белоэмигрантскими организациями, Рейли в начале 1925 года согласился на предложение своего бывшего коллеги капитана Эрнеста Бойса, руководителя разведпункта СИС в Хельсинки, о выяснении реальных возможностей антисоветской организации «Трест» (на само деле легендированной чекистами) для захвата власти в России. Приняв предложение Бойса, Рейлли встретился с Николаем Бунаковым, агентом СИС, бывшим царским морским офицером, который работал под руководством Бойса в Таллине, а через него с супругами «Шульц» — представителями белоэмигрантского РОВС в России Марией Захарченко и Георгием Радкевичем. После встречи с руководителем «Треста» агентом ОГПУ А.А. Якушевым Рейли согласился побывать на советской территории, чтобы лично убедиться в возможностях заговорщиков.

С советским паспортом на имя Н.Н. Штейнберга Рейли в сентябре 1925 года успешно перешел советско-финскую границу южнее Выборга через реку Сестру. В Ленинграде, на конспиративной квартире «Треста» Рейли познакомили с Владимиром Стырне, помощником начальника КРО ОГПУ, представившимся ему «оппозиционно настроенным рабочим, депутатом Моссовета». В этот же вечер Рейли, Якушев и еще один член «Треста», настоящий белогвардеец Мукалов, в отдельном купе международного вагона выехали в Москву. Из Москвы, где Рейли также встречался с членами «Треста», том числе Н.М. Потаповым и руководящими сотрудниками КРО Стырне и С.В. Пузицким, он отправил открытку Бойсу, чтобы подтвердить свое пребывание в Москве. 27 сентября 1925 года, после того как Рейли отправил письмо и сел в автомобиль, чтобы ехать на Ленинградский вокзал, сопровождавшие его чекисты надели на него наручники, и машина поехала в главное здание ОГПУ на Лубянке. Затем Рейли доставили в камеру № 73, и с этого момента он стал именоваться лишь как «заключенный № 73», или

просто «73». На Лубянке его допросы вели руководители КРО А.Х. Артузов, В.А. Стырне, В.А. Уколов, участвовали также зампред ОГПУ Г.Г. Ягода и начальник ИНО ОГПУ М.А. Трилиссер. Смертный приговор, вынесенный Верховным трибуналом еще в 1918 году, привели в исполнение 3 ноября 1925 года. Для потрясенных пропажей Рейли лиц была сложена легенда о несчастном случае на финской границе. Легенда подтверждалась статьей из петроградской «Красной газеты» и «комментариями очевидцев». Следственная комиссия «Треста», в которую вошел кутеповский представитель Радкевич, подтвердила факт гибели Рейли.

Некоторое сходство с вышеприведенными имеет операция по выводу на советскую территорию Сергея Дружиловского, также проведенная КРО ОГПУ. Сын полицейского исправника из города Рогачева Гомельской губернии, он окончил во время Первой мировой войны авиационную школу в Гатчине и служил там преподавателем. Перебравшись после революции в Москву, бывший подпоручик был арестован чекистами за спекуляцию спиртом, но вскоре освобожден. Выехав в Эстонию, он служил там в штабе армии Юденича, а затем был завербован польской разведкой и выполнял шпионские задания в Латвии. В Варшаве он некоторое время находился под арестом, но затем был освобожден и продолжил работу на польскую разведку. Переехав в Берлин, Дружиловский связался с немецкими, а затем и французскими спецслужбами. В столице Германии он занялся изготовлением фальшивых документов на бланках советских учреждений. В узких кругах бывший офицер стал известен как производитель «документов Коминтерна», из которых наиболее знаменита «инструкция болгарским коммунистам», изготовленная им по заказу болгарского посольства в Берлине. Эта фальшивка послужила в качестве пропагандистского документа во время кровавого террора против левых сил в Болгарии весной и летом 1925 года.

Чекисты обратили внимание на Дружиловского. Его «разрабатывал» разведчик Н.Н. Крошко («Кейт»). В 1926 году

Дружиловский, вынужденный покинуть Берлин и переехать в Ригу (его работа на несколько разведок завершилась кратковременным заключением в берлинской тюрьме), принял предложение белоэмигрантов Воробьева и Башкирцева (Дальнего), бывших на самом деле агентами ОГПУ, установить связь с советскими спецслужбами для передачи им (за деньги) информации о польской разведке. 28 июня 1926 года Дружиловский вместе с Башкирцевым, при содействии советского агента-капитана латвийской пограничной службы, перешел советско-латвийскую границу и на следующий день был арестован. Для его задержания из Москвы приехал помощник начальника КРО ОГПУ С.В. Пузицкий. После судебного процесса в июле 1927 года, имевшего большое пропагандистское значение, Дружиловский был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

ТАЙНЫ 1925 ГОДА

30 декабря 1922 года I съезд Советов СССР принял Декларацию об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Тем самым всему миру было продемонстрировано, что новая власть в России установлена окончательно. Кроме того, образование СССР должно было подчеркнуть монолитность правящей партии и поддержку РКП(б) всеми народами, населяющими страну.

Однако действительность, как это часто бывает, была далека от заявленной Декларации. И дело не только в том, что народы России далеко не всегда поддерживали новый строй. Даже в самой коммунистической элите наблюдалось брожение и сомнения в правильности избранного пути. Все это вылилось в «невозвращенчество». При этом невозвращенцами становились не только рядовые партийные и советские функционеры, направленные в командировки за границу, но и лица, приближенные «ко двору».

Так, в 1921 году, будучи направленным в Вену с поручением по линии Коминтерна, бежал в Румынию, прихватив с

собой значительную сумму денег, венгерский коммунист Эндре Руднянский. Между тем он с 1918 года являлся председателем федерации иностранных групп РКП(б), принимал участие в основании Коминтерна, был послом Венгерской советской республики в Москве, а затем членом Бюро Исполкома Коминтерна. Правда, в 1926 году он вернулся в СССР, был арестован, осужден на 15 лет и умер в 1943 году. В августе 1923 года по этическим соображениям отказался возвращаться из Лондона в Москву соратник В. Ленина по эмиграции, директор «Аркаса» Георгий Соломон (Исецкий). Что же тут говорить о фигурах помельче, вырвавшихся из нищей страны и увидевших западное изобилие.

В середине 20-х годов невозвращенцами начали становиться и сотрудники спецслужб. Одним из первых был нелегальный резидент Разведупра РККА в Финляндии Андрей Смирнов, бежавший в декабре 1924 года в Бразилию. Побег Смирнова показал руководству спецслужб, что даже их сотрудники, прошедшие многоступенчатые проверки, отнюдь не так надежны, как кажется. Поэтому были приняты многочисленные меры для того, чтобы побег стал невозможен. Впоследствии, 8 июля 1934 года был принят закон, предусматривающий, что в случае бегства за рубеж военнослужащего репрессиям подвергались его родственники. Их высылали в отдаленные районы Сибири даже при условии, что они не знали о намерении родственника бежать. Кроме того, сотрудникам разведки под расписку сообщалось, что если кто-нибудь не вернется в СССР, то его близкие будут лишены свободы сроком до 10 лет. При этом, если сбежавший выдал государственные тайны, его родственники могут быть расстреляны, а он сам подвергнется внесудебному преследованию в любой стране мира. Впрочем, закон 1934 года только подводил правовую базу под давно применяемые на практике репрессивные меры в отношении перебежчиков и их семей. Свидетельство тому — судьба одного из первых невозвращенцев-сотрудников спецслужб Владимира Нестеровича, проходившего в кадрах военной разведки под фамилией Ярославский.

Владимир Степанович Нестерович родился в 1895 году в Белоруссии. Перед Первой мировой войной он работал слесарем в железнодорожных мастерских на станции Гомель, откуда в 1915 году был призван в армию. Во фронтовых окопах Нестерович проявил незаурядную личную храбрость и командирские способности, за что был произведен в офицеры. В 1916 году он окончил ускоренный курс офицерского училища и вскоре получил чин штабс-капитана.

Восторженно приняв свержение царизма, Нестерович в 1917 году вступил в РСДРП(б), был избран членом солдатского комитета своего полка, а начиная с января 1918 года активно участвовал в Гражданской войне в рядах Красной Армии. В январе-сентябре 1918 года он командовал 1-м Московским революционным полком, в сентябре 1919 — июне 1920 года был командиром бригады 42-й стрелковой дивизии. Проявив себя как способный военачальник, он уже в феврале-августе 1920 года командовал 42-й стрелковой дивизией, а в сентябре-октябре 1920 года — 9-й кавалерийской дивизией. О том, как он воевал, можно судить по приказам о награждении его в 1919 году орденом Красного Знамени и за бои в 1920 году — почетным революционным оружием. Не менее интересно рассказывает о боевом пути Нестеровича другой невозвращенец — Г. Беседовский, знавший его лично:

«Нестерович пошел в Красную Армию в 1918 году, когда Троцкий обратился с призывом к офицерам старой армии идти в ряды Красной Армии. Бригада Нестеровича сражалась на восточном и юго-восточном фронтах Гражданской войны, а в 1920 году, когда махновское повстанческое движение разлилось по Украине и не только угрожало губернским городам, но и самой столице Украины — Харькову, Нестерович был переброшен со своей бригадой на Украину. Он не мог разбить главных сил Махно, которые проходили по Украине со сказочной быстротой, делая в сутки совершенно невероятные рейды в двести-триста километров... Регулярная кавалерия Нестеровича не могла, конечно, угнаться за этими легендарными по скорости отрядами. Но Нестеровичу

удалось все же несколько раз пересечь дорогу Махно и разбить его лучших атаманов, как, например, атамана Щуся, а один раз в Харьковской губернии он настиг главные силы Махно, и только благодаря ловкости махновского штаба им удалось спастись от полного поражения»⁵⁹.

Впрочем, сам Нестерович, вспоминая о этом времени, говорил: «Порой мне казалось, что я команду гусарами Михельсона, усмиряющими крестьянское восстание Пугачева. С той только разницей, что теперь с обеих сторон бессмысленный бунт»⁶⁰.

После Гражданской войны Нестерович окончил Военную академию и был направлен на работу в военную разведку РККА. В 1923 году его назначили резидентом в Вену, где он находился в качестве военного атташе под фамилией Ярославский и занимался координацией работы по балканским странам. Поворотным пунктом его карьеры в советской военной разведке стал взрыв в Софийском кафедральном соборе Семи Святых, организованный офицерами из военной секции болгарской коммунистической партии при поддержке Коминтерна. Целью взрыва, произошедшего 17 апреля 1925 года, было убийство главы болгарского правительства Александра Цанкова, пришедшего к власти в результате военного переворота 9 июня 1923 года, и членов его кабинета. По замыслу организаторов этого теракта, после ликвидации членов правительства должны были начаться рабочие вооруженные выступления, неизбежно перерастающие в коммунистическую революцию.

Взрыву в соборе предшествовал ряд терактов. 8 февраля 1925 года в результате нападения на супрефектуру Годеча было убито 4 человека. 11 февраля в Софии был убит депутат Никола Милев (Гео Милев), редактор газеты «Словет» и председатель профсоюза болгарских журналистов. 24 марта был распространен манифест Болгарской компарти, в котором говорилось о неизбежности падения режима Цанкова.

В начале апреля чудом избежал покушения царь Борис III, которого коммунисты называли «Убийца болгар», а 15 апреля от пуля террориста погиб один из приближенных царя,

военный губернатор Софии генерал Коста Георгиев. Через день, когда все правительство собралось в Софийском соборе на его похороны, взрыв бомбы обрушил один из куполов. Из-под обломков извлекли более 120 убитых, среди них 3 депутата, 13 генералов, 8 полковников и 8 других высокопоставленных чинов. Но при этом ни Цанков, ни царская семья, ни члены правительства не пострадали.

В результате революция не состоялась, а на коммунистов обрушился шквал репрессий. Два организатора покушения, Минков и Янков, погибли, оказывая сопротивление полиции при аресте. Другой организатор, Марко Фридман, офицер запаса и адвокат, в мае 1925 года на судебном процессе сначала педантично отстаивал идеи и деятельность компартии, но под конец все же дал показания о внутренней организации БКП и ее военного отдела. Однако это его не спасло, и он был повешен вместе с двумя другими участниками покушения. Впрочем, можно сказать, что ему еще повезло — другой террорист, Шаблин, даже не предстал перед судом, поскольку сразу после ареста был живьем сожжен в печи. Удалось бежать в СССР участнику подготовки взрыва французскому коммунисту Эжену Леже, его дальнейшая судьба неизвестна.

Нестерович, прекрасно осведомленный об истинных причинах и руководителях взрыва, решил порвать с Разведупром, и, покинув свой пост в Вене, выехал в Германию. «Взрыв собора произвел на него потрясающее впечатление, — вспоминает Беседовский, одно время занимавший должность заведующего консульским отделом полпредства УССР в Вене. — Он весь как-то изменился, похудел, ходил целыми днями мрачный, небритый. Однажды он исчез из посольства, оставив записку, что больше работать не может, что он совершенно разбит, надорван, что его совесть не позволяет ему больше оставаться на такой работе. Он добавлял, что уходит в частную жизнь, будет работать на заводе и не имеет никакого намерения разоблачать своих вчерашних товарищей по работе»⁶¹.

Прибыв в Берлин, Нестерович отправился к французскому консулу и предложил ему некую информацию в обмен на

предоставление французского паспорта и беспрепятственного проезда во Францию. Кроме того, опасаясь возможных провокаций со стороны бывших сослуживцев, он просил в случае крайней необходимости зачислить его в Иностранный легион. Выслушав Нестеровича, консул направил его в город Майнц, где располагались части французской оккупационной армии, в казармах которых он и поселился до принятия французами окончательного решения.

Однако вскоре после побега Нестеровича в ОГПУ поступило донесение, в котором говорилось, что находясь в Германии, он связался с представителями английской разведки. Это обстоятельство крайне обеспокоило советское руководство. В результате начальник ИНО ОГПУ М. Трилиссер отдал приказ о ликвидации Нестеровича. И уже 6 августа 1925 года Нестерович был отравлен в одном из кафе Майнца, расположенного недалеко от казарм, где он проживал. Отравили его, подмешав яд в пиво, работники военного аппарата компартии Германии братья Голке. Более того, один из братьев сумел сфотографировать мертвого Нестеровича, а снимок переслать на Лубянку (позднее там же в центральном аппарате ОГПУ работал под фамилией «Розенфельд» Густав Голке — один из трех братьев-коммунистов).

О ликвидации Нестеровича косвенным образом свидетельствуют документы, опубликованные в 20-е годы неким Михаилом Сумароковым, известным также как Якшин и Павлуновский. Этот человек работал в полпредстве УССР в Берлине и 1 августа 1924 года стал невозвращенцем. (Его настоящее имя — Петр Михайлович Карпов, и родился он в 1896 году в Петербурге — авт.) После своего бегства Сумароков утверждал, что до революции он был членом партии эсеров, а после революции служил в органах ВЧК, в частности, на Украине. Позднее он якобы был послан под видом дипломата на зарубежную работу. Однако в архивах России и Украины до сих пор не обнаружено никаких следов службы Сумарокова на Украине, а должности, которые он себе приписывает, занимали совершенно другие люди.

После того, как Сумароков стал невозвращенцем, он быстро сблизился со знаменитым антикоммунистом, руководителем целой организации по изготовлению фальшивых документов Владимиром Орловым и стал его деятельным сотрудником. Документы, которые приведены ниже, помечены 1925 годом, тогда как Сумароков бежал за год до этого. Скорее всего, они являются апокрифом, а вернее, полуапокрифом. Так, во втором документе странным образом переплетены правда и ложь — утверждается, что Сидней Рейли не был убит в перестрелке на границе, а схвачен чекистами (что противоречило официальной советской версии, но являлось правдой), но с другой стороны утверждается, что он был тяжело ранен, что является абсолютной ложью. Однако любая фальшивка должна нести в себе зерна правдивой информации, чтобы ей поверили.

«Сов. секретно

Письмо лит. "ПЛ"

29 августа 1925 г.

Уважаемый товарищ

Ваше сообщение об исполнении поручения в Майнце получили. Необходимо устранить свидетелей. Особенно дочь владельца ресторана.

Нами установлено, что Ярославский имел связи с каким-то англичанином, приехавшим из Америки в Париж, и к нему он и порывался ехать.

Об установлении его личности нами сообщено в Париж.

Требовать от французских товарищей возвращения излишков не следует.

С комприветом М. Трилиссер».

«Сов. секретно

Письмо лит. "ПЛ"

1 октября 1925 г.

Уважаемый товарищ

29 сентября с.г. во время перехода границы б[ыл] задержан англичанин Сидней Георгиевич Рейли, проникший в Ленинград из Финляндии под подложным паспортом Николая Михайловича Штейнберга; его два товарища во время перестрелки были убиты. Рейли тяжело ранен.

При расследовании оказалось, что Ярославский находился с Рейли в давних тайных отношениях, и Ярославский поручил ему вывезти его ценности, спрятанные в Ленинграде. Рейли с этими ценностями и был захвачен.

Необходимо установить:

1. Когда начались связи Ярославского с Рейли.
2. Через кого и где осуществлялись связи.
3. Что мог Ярославский в Вене, Берлине или Москве сообщить англичанам и американцам через Рейли.
4. Кто были спутники Рейли и какое они имели отношение к Ярославскому.
5. Обследовать и выяснить план действий и связи Рейли, жены Сиднея Рейли.

Поручаем настоящую задачу выполнить вне очереди.

С комприветом М. Трилиссер»⁶².

Судьба другого невозвращенца 1925 года Игнатия Дзевалтовского во многом схожа с судьбой Владимира Нестеровича. Оба они участвовали в боях Первой мировой войны, оба после революции встали на сторону большевиков, оба находились на нелегальной работе за границей, оба стали невозвращенцами и оба погибли при неясных обстоятельствах.

Игнатий Людвигович-Марианович Дзевалтовский-Гинтовт (он же Дзевалтовский, Юрин-Дзевалтовский, Игнатий Львович Юрин, Игнатий Гинтовт-Дзевялтовский, Игнатий Львович Дзевялтовский) родился 14 июля 1888 года в городке Плекишки Виленского уезда в дворянской семье. Среди его родственников — офицеры, два генерала русской армии, Могилевский архиепископ римско-католической церкви в России.

Игнатий Дзевалтовский окончил Виленское реальное училище, два курса Львовского Политехнического института, четыре курса естественного факультета Психоневрологического института в Петербурге, после чего занялся педагогической деятельностью. В это же время он, как и многие другие представители интеллигенции, увлекся учением Маркса и с 1903 года активно включился в революционное движе-

ние в Литве, Латвии, Польше и Петербурге. А в 1907 году он становится членом ППС, фракции Пилсудского.

В 1907—1908 годах Дзевалтовский продолжил обучение в Австро-Венгрии, но перед началом Первой мировой войны вернулся в Россию и 29 сентября 1914 года был зачислен в Павловское военное училище юнкером на правах вольноопределяющегося 1-го разряда. По окончании ускоренного 4-месячного курса военного времени он 1 февраля 1915 года был произведен в прапорщики лейб-гвардии гренадерского полка и продолжил службу в запасном батальоне этого же полка. А в августе того же года он был направлен в действующую армию командиром 14-й роты. В боях Дзевалтовский проявил себя храбрым офицером и поэтому в марте 1917 года, будучи штабс-капитаном, был избран председателем полкового комитета и членом армейского комитета 11-й армии. В апреле 1917 года он вступил в РСДРП(б) и до июля был председателем солдатского комитета запасного батальона гренадерского полка. В июле 1917 года за отказ идти в наступление Дзевалтовский в Киеве был отдан под суд, но оправдан.

Октябрьская революция застала Дзевалтовского в Петрограде. Он принимал активное участие во взятии Зимнего дворца, а 26 октября 1917 года был назначен его комиссаром (комендантом). Впрочем, в то время на одной должности долго не засиживались. Не было исключением и Дзевалтовский. Так, с 27 октября он — один из четырех комиссаров ВРК в штабе Петроградского военного округа, с 1 ноября 1917 года — член штаба ВРК, с ноября 1917 года — член ВЦИК, с 16 ноября 1917 по 7 октября 1919 года — главный комиссар военно-учебных заведений Республики. Одновременно с 24 июня 1918 года по 13 мая 1919 года он был военным комиссаром Всероссийского главного штаба, а с 25 декабря 1918 года — председателем центральной временной комиссии по борьбе с дезертирством.

Затем судьба забросила Дзевалтовского на Украину. Он был членом РВС 12-й армии, потом заместителем наркома по военным делам Украины, а с 6 августа 1919 года, меньше чем за месяц до полного захвата белой армией всей

Украины, — наркомом по военным делам УССР. В октябре 1919 года Дзевалтовский был назначен помощником командующего Восточным фронтом. А когда была образована Дальневосточная республика (ДВР) — временно исполнял должность ее военного министра.

Однако летом 1920 года карьера Дзевалтовского резко меняется. Он переходит на дипломатическую работу, и с июня 1920 года по ноябрь 1921 года под фамилией Юрин находится в Пекине во главе дипломатической миссии ДВР. После возвращения из Китая он был назначен наркомом иностранных дел Дальневосточной республики, но пробыл на этом посту всего около года. В 1922-23 году он — уполномоченный наркомата рабоче-крестьянской инспекции в Ростове, а затем с августа 1923 по январь 1924 года — заместитель председателя Общества «Добролет».

В мае 1924 года Дзевалтовского направляют на работу в Коминтерн, что было неудивительно, учитывая его национальность и знание иностранных языков. Почти сразу же его командировали в Вену, откуда велась вся работа на Балканах. В это время он был известен под псевдонимом «Мариан» и принимал самое активное участие в подготовке коммунистической революции в Болгарии. Об этом свидетельствуют его доклады из Болгарии, хранящиеся в Москве в РГАСПИ в фонде Коминтерна⁶³.

В конце 1924 года Дзевалтовского из Болгарии направляют в Грецию, но там он так и не появляется, после чего его следы теряются. Впрочем, существует документ, опубликованный уже упоминавшимся Сумароковым, из которого следует, что Дзевалтовский стал невозвращенцем и попросил защиты у польских властей.

«Сов. секретно

Письмо лит. «ПК»

2 ноября 1925 года

Уважаемый товарищ

В марте месяце с/г был командирован в Прибалтику т. Дзевалтовский, который бежал в Польшу и был укрыт польскими властями. Последние широко пользуются его

сведениями и провалива[ю]т наших ответственных работников. Дзевалтовский с собой захватил 300.000 червонцев.

Ввиду того, что Дзевалтовский предложил свои услуги французам и может проехать через Германию, надлежит принять меры для задержания его в Германии впредь до особого распоряжения.

С комприветом М. Трилиссер»⁶⁴.

Как и в случае с Нестеровичем нет никакой уверенности в подлинности этого документа. Однако в ноябре 1925 года, ровно через год после исчезновения Дзевалтовского, в ряде эмигрантских газет появилась информация о его обращении к польским властям с просьбой о предоставлении ему политического убежища. Это подтверждает и протокол допроса бывшего царского генерала Свечина, ставшего комдивом РККА и арестованного НКВД в 1938 году, в котором он подтвердил факт бегства Дзевалтовского в Польшу. А в фонде Бурцева, хранящемся в ГАРФе, есть запись относительно Дзевалтовского. По информации Бурцева он был отравлен женщиной-агентом, подосланной ИНО ОГПУ⁶⁵.

Трудно сказать, насколько это соответствует действительности. Однако несомненно то, что Дзевалтовский был связан по работе в Вене с Нестеровичем. Также несомненно, что в его биографии было много сомнительных эпизодов. Первый — это то, что до революции он состоял в той фракции Польской социалистической партии (ППС), которой руководил Пилсудский. Второй — в 1918 году его жена была арестована в Москве за то, что вербовала офицеров для отправки их на Юг к Корнилову. Третий — будучи руководителем военно-учебных заведений республики, Дзевалтовский оказался замешанным в деятельности разоблаченной чекистами заговорщической организации белых офицеров «Национальный центр». Поэтому версия об отравлении Дзевалтовского по приказу М. Трилиссера выглядит вполне обоснованной, особенно если учесть, что он очень много знал о деятельности советских спецслужб и Коминтерна на Балканах по подготовке вооруженных выступлений местных коммунистов.

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРОЗРЕНИЕ АТАМАНА АННЕНКОВА

Впрочем, ликвидация перебежчиков не была основной задачей проводимых советскими спецслужбами в середине 20-х годов зарубежных операций. Гораздо более важной продолжала оставаться нейтрализация руководителей вооруженных отрядов эмигрантов, которые могли не только осуществлять акты террора и диверсии на советской территории, но и совершать вылазки в приграничные области, дестабилизируя и без того беспокойную там обстановку. К середине 20-х годов после ликвидации организации генерала Покровского и захвата атамана Тютюнника на западных границах СССР практически не осталось серьезных сил, могущих вести открытую вооруженную борьбу против советской власти. Однако на востоке страны дело обстояло совершенно иначе. На советские республики Средней Азии из Афганистана непрерывно совершали набеги отряды басмачей, а граница с Китаем постоянно находилась под угрозой со стороны базировавшихся в Маньчжурии и Синьцзяне вооруженных отрядов белоэмигрантов.

Дело в том, что после ликвидации в 1921–22 годах генералов Дутова, Бакича, Унгерна и ряда других белых офицеров, деятельность белоэмигрантов в Китае, направленная против СССР, не стала менее активной. Наоборот, в короткий срок ими было создан ряд организаций, таких как монархическое «Богоявленское братство» (глава Д. Казаков), «Комитет защиты прав и интересов эмигрантов» (руководители генерал Ф. Глебов и полковник Н. Колесников), «Мушкетеры», «Черное кольцо», «Голубое кольцо» (все три возглавлял бывший секретарь российского посольства в Пекине Н. Остроухов) и т.д. Кроме того, продолжали существовать военизированные формирования — отряды Анненкова, Глебова, Меркулова, Нечаева, Семенова, Шильникова и других, ставившие своей целью вооруженную борьбу с советским государством, не гнушавшиеся при этом получать помощь от японской и других иностранных разведок. Поэтому

устранение лидеров белой эмиграции, способных эту борьбу возглавить, стала одной из основных задач советских спецслужб в Китае.

Операции против белоэмигрантов в Поднебесной вели как ИНО ГПУ—ОГПУ и Разведупр РККА, так и местные органы госбезопасности. В частности, большую работу по белой эмиграции в 20-е годы проводила харбинская резидентура ИНО ОГПУ. В 1922 году ее сотрудники завербовали подполковника Белой армии Сергея Филиппова, который поставлял информацию об антисоветской деятельности военного отдела Харбинского монархического центра. Во главе этого центра стояли бывший царский генерал Кузьмин и профессиональный контрразведчик полковник Жадвойн. С помощью Филиппова дальневосточные чекисты смогли разгромить несколько белогвардейских отрядов, пытавшихся проникнуть на территорию СССР. Также ими был ликвидирован так называемый «Таежный штаб» — подпольная белогвардейская организация в Приморье, которая проводила террористические акты по заданиям военного отдела Харбинского монархического центра и японской разведки.

Тогда же активно проводили спецоперации на территории Китая сотрудники Забайкальского губернского отдела ОГПУ в Чите, под руководством начальника отдела В.С. Корженко (эти события описал в своей недавно изданной книге «Тревожные будни забайкальской контрразведки» бывший сотрудник УКГБ по Читинской области, полковник в отставке А.В. Соловьев). Захар Иванович Гордеев, бывший казачий офицер, участвовал в гражданской войне против большевиков, сперва служил вместе с атаманом Г.М. Семеновым, но в 1920 году отошел от него. В 1921 году он был избран депутатом Народного собрания Дальневосточной республики. В мае 1922 года во главе вооруженного отряда (численностью в 40—50 человек) Гордеев выступил против большевиков. Он неоднократно совершал вооруженные рейды из Маньчжурии в Монголию и Советскую Россию, нападая на небольшие населенные пункты. В Харбине Гордеев установил контакт с монархическими организациями, в том

числе с представителями «местоблюстителя престола» великого князя Николая Николаевича.

В ночь с 12 на 13 апреля 1925 года в гостинице города Маньчжурия Гордеев был похищен чекистами, переодетыми в форму китайских полицейских, и переправлен на автомобиле через границу в Читу, где после обстоятельного следствия расстрелян по приговору коллегии ОГПУ в январе 1926 года.

Меньше чем через месяц, 1 мая 1925 года, при точно таких же обстоятельствах, переодетыми в китайскую военную форму забайкальскими чекистами из гостиницы в Харбине были похищены коммерсанты З. Форшмидт и Н. Матлин, занимавшиеся подделкой советских денежных знаков. В следующем году фальшивомонетки были расстреляны.

Начальник читинских чекистов также пострадал за чересчур инициативную работу и допущенные нарушения законности (бессудные расстрелы наркоманов, больных венерическими болезнями проституток). Василий Саввич Корженко был смещен с поста и исключен из партии (эти данные недавно были введены в научный оборот исследователем истории советских спецслужб полковником О.Б. Мозохиным). В дальнейшем Корженко был восстановлен в партии и «органах», и в 1937 году, будучи майором госбезопасности и заместителем начальника Сталинградского управления НКВД, по предложению наркома Ежова был назначен управляющим делами Наркоминдела СССР (в мае 1939 года арестован, в январе 1940 года расстрелян, в 1956 году реабилитирован).

Однако, как уже говорилось выше, главной задачей была нейтрализация тех из белоэмигрантских лидеров, которые могли бы объединить и возглавить все действующие в Китае организации. Таким лидером в середине 20-х годов многим казался атаман Анненков, который и стал мишенью очередной спецоперации советских спецслужб.

Борис Владимирович Анненков родился в 1889 году в Волынской губернии. Его отец, отставной полковник, был потомком Ивана Александровича Анненкова, поручика ка-

валергардского полка, члена петербургского отделения Южного тайного общества декабристов, который сейчас более известен своей романтической женитьбой на дочери французского эмигранта Полине Гебль, получившей разрешение выйти замуж за ссыльнокаторжного и обвенчавшейся с ним в Сибири.

В 1906 году Анненков окончил Одесский кадетский корпус и поступил по вакансии в Московское Александровское военное училище, где проучился два года и был выпущен в чине хорунжего. После окончания училища его в 1908 году направили сначала командиром сотни в 1-й Сибирский полк, а затем перевели в туркестанский город Кокчетав в казачий полк. Во время Первой мировой войны Анненков воевал в рядах 4-го Сибирского полка в должности командира «партизанского» отряда, был награжден Георгиевским оружием и Георгиевским крестом, а также французским орденом Почетного легиона и английской золотой медалью «За храбрость», получил чин сначала есаула, а потом войскового старшины.

После Февральской революции отряд Анненкова был передан в распоряжение штаба Первой армии, где нес комендантскую службу. Когда же к власти пришли большевики, Анненков получил приказ следовать с оружием и амуницией в Омск, где его отряд должен был быть расформирован. Но по прибытию в Омск Анненков и его люди отказались выполнять приказ местного Совета рабочих и солдатских депутатов сдать оружие и разойтись по домам. В своей автобиографии Анненков объясняет это следующими причинами:

«Офицерство оказалось в затруднительном положении. Большинство военных прежде честно служили России, отдавали этому делу свои жизни. С упразднением чинов, званий, с расформированием армии офицеры лишились всяких средств к существованию. Им просто некуда было идти, а потому каждый готов был предложить себя любому, кто давал хоть какую-то возможность служить. Другого ремесла они просто не знали. На этой почве у офицерства усиливалось

недовольство Советской властью, и они стали организовываться для борьбы за восстановление своего бывшего положения»⁶⁶.

Как бы там ни было, но Анненков с января 1918 года открыто выступил против советской власти, создав в Омске казачью «Организацию тринадцати», получившую свое название по числу казачьих офицеров, составивших ее ядро. Перейдя на нелегальное положение, он до февраля скрывался в станице Захламино под Омском, а затем со своим отрядом, со временем выросшим до дивизии, воевал в армии Омского правительства адмирала Колчака, который произвел его в чин генерал-майора. Но при этом Анненков всегда сохранял «партизанскую» самостоятельность и часто не подчинялся приказам. Об этом прямо говорит генерал П. Краснов, утверждавший, что отряд Анненкова «шарил по Семиречью, не столько помогая, сколько вредя адмиралу Колчаку»⁶⁷.

В частях Анненкова были свои, «атаманские» порядки. Так, вместо обращения «Ваше благородие» было введено слово «брат» (например, брат-атаман, брат-ротный, брат-вахмистр). А вновь прибывшие офицеры первоначально служили нижними чинами, и лишь со временем, достойно показав себя в боях, получали (да и то не всегда) командные должности. Каждый полк Анненкова имел свои отличительные цвета: черные гусары, голубые уланы, атаманский полк, личный конвой, кирасиры и т.д. А на отрядном знамени был изображен череп с костями и надпись: «С нами Бог». Удивляться такому «маскараду» не стоит, поскольку и сам Анненков любил хорошо приодеться, для чего возил за собой большой гардероб и часто появлялся в новом мундире: один день в кирасирском, другой — в лейб-атаманском, на третий — в гусарском или уланском. Кроме того, у него был специальный костюм для приема гражданских лиц.

Действия Анненкова и его подчиненных в отношении большевиков и сочувствующего им местного населения отличались крайней жестокостью. Так, при подавлении антиколчаковского выступления в сентябре 1918 года в Славго-

родском уезде Омской губернии части под командованием Анненкова только за один день (11 сентября) казнили около 500 человек. А захваченных в селе Черный Дол делегатов созванного восставшими крестьянского уездного съезда (87 человек) и членов созданного этим съездом военно-революционного комитета анненковцы изрубили на площади напротив Народного дома и тут же закопали.

После падения колчаковского правительства Анненков возглавил белогвардейскую Семиречинскую армию, а после поражения последней с небольшим отрядом (около 4 тысяч человек) в марте 1920 года ушел в Сынцзын. Но перед этим он приказал расстрелять тех, кто отказался последовать за ним в эмиграцию. Чтобы ни у кого из читателей не возникло сомнений относительно этого «подвига» Анненкова и его подчиненных, есть смысл процитировать воспоминания белогвардейского офицера А. Новокрещенкова, которые он написал, находясь в Китае:

«Приблизительно в марте, числа 16—19-го, отряд атамана Анненкова под натиском Красной Армии подошел к границе Китая у перевала Сельке. Это место атаман называл «Орлиное гнездо» и расположился там лагерем с отрядом примерно в 5 тысяч человек. Здесь были полк атамана Анненкова, или Атаманский, Оренбургский полк генерала Дутова, Егерский полк и Маньчжурский при одной батарее и саперном дивизионе. Атаманский полк осуществлял прикрытие отступления отряда. Он же на месте производил суд над идущими на родину партизанами — их просто раздевали и расстреливали или сообщали вооруженным киргизам, что идет такая-то партия и ее надо уничтожить. С отрядом к границе шли семьи некоторых офицеров, как, например, семья заслуженного оренбуржца полковника Луговских, состоявшая из трех дочерей и престарелой жены, жена есаула Мартыянова и в числе других — жена с 12-летней дочерью вахмистра Петрова-оренбуржца. Всем семьям атаман приказал эвакуироваться в Китай, а сам немедленно отдал приказ 1-й сотне Атаманского полка, сотнику Васильеву отдать всех женщин в распоряжение партизан, а мужчин перебить. Как

только стали проезжать семейства, то сотник Васильев задерживал их под разными предлогами и отправлял в обоз своей сотни, где уже были любители насилия: полковник Сергеев — начальник гарнизона Сергиполя, Шульга, Ганага и другие. Прибывших женщин раздевали, и они переходили в пьяные компании из рук в руки, и после их рубили в самых невероятных позах.

Из этой клоаки удалось вырваться уже изнасилованной с отрубленной рукой дочери вахмистра, которая прибежала в отряд и все рассказала. Это передали оренбуржцам, попросили их встать на защиту. Полк немедленно вооружился, а командир его Завершенский пошел с Мартемьяновым к атаману и потребовал выдачи виновных. Атаман долго не соглашался, оттягивал время, дабы главный виновник Васильев имел возможность убежать за границу и тем самым замести следы. Но Завершенский под угрозой револьвера заставил атамана выдать преступников. Оренбуржцы арестовали Шульгу, Ганагу и еще трех-четырех человек. Были вызваны добровольцы их порубить. Рубка этих людей происходила на глазах всего отряда. После этой казни полк немедленно снялся и пошел в Китай, не желая оставаться в отряде. Вслед полку анненковцы дали несколько выстрелов из орудий, к счастью, не попавших в цель.

В этой жуткой истории погибла вся семья Луговских, не пожалели 54-летней женщины и 14-летней девочки, не говоря уже про 17- и 19-летних девиц, которые были найдены с разбросанными по сторонам ногами и жутким видом полового органа. Говорили, что эти девицы переходили из рук в руки целого эскадрона и каждый получивший жертву после другого еще более измывался над несчастными. Жена помощника атамана Мартемьянова была найдена с распоротым животом и разодранными ногами. Вещей убитых не нашли, но, как говорили, в личном штабе атамана много золота и серебра с метками погибших. Позднее по приказу генерала Дутова произвели дознание в управлении эмигрантами. Васильева поймали, арестовали, и он погиб голодной смертью в том же Оренбургском полку уже в Китае»⁶⁸.

Оказавшись в Китае, Анненков намеревался присоединиться к атаману Семенову. Но китайские власти, знавшие о «подвигах» анненковских партизан и не желавшие их повторения на своей территории, 27 марта 1920 года у пограничного города Джимпань полностью разоружили отряд атамана. И хотя после этого Анненкова покинули многие партизаны, его отряд к июлю все еще насчитывал около 700 человек.

Поэтому губернатор Синьцзяна Ян Цзысян потребовал перевода отряда в Монголию. О том, что произошло дальше, сам Анненков рассказывает следующее:

«Отряду определили путь по Большой Маньчжурской дороге, и мы выступили в октябре 1920 года. Однако по миновании шести переходов по распоряжению того же губернатора отряд остановился. Нам предложили изменить маршрут и двигаться севернее, так называемой караванной дорогой. На пути стоял город-крепость Гучен. В ночь на 25 декабря во время празднования отрядом рождественского сочельника с крепостных стен по нашему расположению был открыт оружейный огонь. Мы понесли некоторые потери. Полковник Размазин по собственной инициативе с сотней вооруженных партизан занял крепость.

Китайцы бежали, бросив всю артиллерию. Наутро была создана русско-китайская комиссия для разбирательства инцидента. И хотя она не выдвинула против нас никаких серьезных обвинений в возникновении конфликта, китайская сторона потребовала, чтобы в дальнейшем отряд двигался четырьмя сравнительно небольшими эшелонами...

Мне же предложили прибыть для переговоров в город Урумчи, и я выехал туда немедленно. В Урумчах меня тотчас арестовали под предлогом невыполнения приказа о разоружении отряда. Арестовали и прибывших семь человек, сопровождавших меня. По требованию китайских властей остатки отряда четырьмя эшелонами продолжили движение на восток»⁶⁹.

Но, думается, арест Анненкова властями Синьцзяна был ответом на рождественский сочельник, который его партизаны, привыкшие грабить и насиловать, устроили себе в Гучене.

Что касается «сказок» Анненкова об обстреле его отряда со стен крепости, то им мало кто поверил. Как бы там ни было, но Анненков оказался в тюрьме и пробыл в заключении более трех лет — до февраля 1924 года. И все это время он настойчиво обращался с просьбой о скорейшем освобождении к английским, французским, японским и другим посланникам в Китае, клятвенно заверяя их, что продолжит борьбу с советской властью. С такими же просьбами обращался к посланникам и начальник штаба Анненкова полковник Н. Денисов. При этом он не стеснялся передергивать факты и путать даты, о чем свидетельствует, например, его письмо французскому посланнику в Западном Китае от 20 августа 1921 года:

«Высокопочтенный господин посланник!

...В то время, как Омск и все города Сибири перешли в руки большевиков, армия атамана Анненкова продолжала жестокую и неравную борьбу. И только когда не осталось снарядов и патронов, атаман с остатками своей армии интернировался в Китай 27 марта 1920 года у пограничного китайского городка Джимпань. Все оружие — пушки, пулеметы, винтовки — при переходе границы сданы китайским властям. После того, как все желающие из армии ушли, она переформировалась в отряд и в нем осталось 700 человек. В июле того же года китайскими властями отряду было предложено перейти в Урумчи и далее — в Монголию — Кобдо...

27 марта (sic!) утром выступил эшелон, с которым шел сам атаман Анненков. Пройдя одну версту, эшелон был остановлен, и китайские власти сообщили, что эшелон задерживается по причине вспыхнувших народных волнений в провинции Ганьсу.

Анненкова попросили для переговоров по поводу задержки эшелона в крепость города Гучена. Атаман ничего плохого не подумал, конечно, согласился и уехал. Затем атаману было объявлено, что необходимо поехать в Урумчи для личных переговоров с генерал-губернатором. Атаман согласился и 30 марта уехал в Урумчи, где находится по настоя-

щее время. Я, как старший, остался за атамана отряда. Несколько раз опротестовывал незаконное лишение его свободы, но все напрасно. Ответом на все мои протесты было гробовое молчание. Атаман посажен в тюрьму и охраняется китайскими властями.

К моменту моего вам доклада обстановка такова: 500 человек нашего отряда ушли, как сказано выше, на Пекин, и где они, мне в настоящее время ничего не известно. У них мало денег, совершенно нет медикаментов и на них плохое обмундирование. Со мною в Гучене 150 человек.

Сообщая вам, почтенный посланник, обо всем этом деле, я усердно прошу обратить ваше благосклонное внимание на такой произвол и прошу принять зависящие от вас меры воздействия на китайские власти к защите отряда атамана Анненкова от столь незаконных действий и издевательств над нами в глухой китайской окраине... Я надеюсь, что вы, ваше превосходительство, представитель благородной и прекрасной нашей союзницы Франции, поможете и выручите нас...

Остаюсь искренне вас уважающий и готовый к услугам начальник штаба атамана Анненкова, ныне командующий его отрядом, Генерального штаба полковник Денисов»⁷⁰.

В конце концов, под давлением англичан китайцы уступили, и Анненков оказался на свободе. Но за то время, что он провел в тюрьме, его отряд почти полностью распался. Часть партизан ушла в вооруженные формирования, создаваемые белоэмигрантскими организациями, часть присоединилась к атаману Семенову, часть поступила на службу к китайским генералам, ведущим гражданскую войну, часть возвратилась на родину. В результате под началом Анненкова осталось всего 18 человек, с которыми он в мае 1924 года направился в глубь Китая, где неподалеку от города Ланьчжоу занялся разведением племенных лошадей. Но, обосновавшись в Ланьчжоу, Анненков не собирался отказываться от борьбы с Советской властью. Да и другие лидеры белой эмиграции, зная о его «подвигах» во время Гражданской войны, стремились привлечь атамана на свою сторону. С первых дней пребывания в Ланьчжоу Анненков стал получать

письма от различных белоэмигрантских организаций с предложениями вступить в их ряды и начать подготовку военных акций против СССР. С такими же предложениями обращались к нему и представители спецслужб западноевропейских государств. Вот что пишет об этом сам Анненков:

«Из многих личных разговоров с некоторыми английскими и другими иностранными чиновниками я вывел определенное заключение о непримиримости англичан к существованию Советской власти. Об этом, например, прямо мне говорили директор соляных монополий Гансуйской провинции Роберт Герц, провинциальный директор почт англичанин мистер Дуда. С последним я встречался много раз, в том числе у него на квартире, а также в помещении германской духовной миссии, на общих обедах у Гансуйского губернатора. Дуда постоянно отговаривал меня от намерения заняться фермерством и отойти от политики. Он убеждал включиться в активную политическую жизнь»⁷¹.

В начале ноября 1925 года к Анненкову прибыл бывший начальник его личного конвоя Ф. Черкашин, приехавший в Ланьчжоу под видом заготовщика пушнины для английской фирмы. Он передал атаману письмо от начальника штаба белогвардейской группы в войсках китайского маршала Чжан Цзолиня М. Михайлова, бывшего начальника штаба 5-й Сибирской дивизии. В письме Михайлов предлагал Анненкову организовать и возглавить отряд из белоэмигрантов для борьбы с армией китайского генерала Фэн Юйсяна (в то время воевавшего на стороне Народно-революционной армии), с перспективой переключения отряда на действия против СССР.

На предложение Михайлова Анненков ответил согласием и передал Черкашину три письма. В первом, адресованном Михайлову, он писал, что согласен возглавить отряд. «Сбор партизан и их организация, — говорилось в письме, — моя заветная мечта, которая в течении пяти лет не покидала меня... И я с большим удовольствием возьмусь за ее выполнение... Судя по многочисленным письмам, получаемым от партизан, они соберутся по первому призыву... Все

это даст надежду собрать значительный отряд верных, смелых и испытанных людей в довольно непродолжительный срок. И этот отряд должен быть одним из кадров, вокруг которых сформируются будущие части»⁷².

Во втором письме, адресованном своему бывшему подчиненному П. Иларьеву, служившему при штабе Чжан Цзолиня, Анненков писал, что принял предложение собрать отряд и поручает Иларьеву временно командовать им, так как он сам не может пока открыто этого сделать.

В письме, в частности, говорилось: «Привет, дорогой Павел Дмитриевич! Итак, я хочу собрать свой отряд старых партизан. Думаю, что и ты с теми, кто тебя окружает, соберетесь в нашу славную стаю...

Для того, чтобы я выбрался отсюда (из Ланьчжоу, который контролировал противник Чжан Цзолиня генерал Фэн Юйсян — авт.), нужно добиться того, чтобы мое имя совершенно не упоминалось в причастности к отряду. Лучше наоборот, распускать слухи о моем отказе вступать в дальневосточные организации, о моей перемене фронта»⁷³.

В третьем письме, адресованном руководителю организации «Богоявленское братство» Д. Казакову, Анненков писал, что отказался от предложения присоединиться к Чжан Цзолиню, так как это повлекло бы за собой его участие в боевых действиях против Фэн Юйсяна. Письмо это было написано для того, чтобы скрыть союз с Чжан Цзолинем и получить возможность со временем беспрепятственно присоединиться к нему.

Однако все три письма Анненкова попали не к адресатам, а сотрудникам советских спецслужб в Китае, пристально наблюдавших за атаманом после его освобождения из тюрьмы. Для этого к Анненкову был подведен сотрудник КРО ОГПУ С. Лихаренко, который выступал под именем С. Яненко, поручика колчаковской армии. В октябре 1925 года Лихаренко прибыл в Шанхай, где, назвавшись представителем нелегальной белогвардейской организации «Соколы», действующей в СССР, вступил в контакт с руководителем «Богоявленского братства» Казаковым. С его помощью он под

видом английского корреспондента пекинского отделения «Чайна экономик ревю» Дженкинса посетил Харбин, где встретился с Иларьевым, а затем приехал в Калган.

Получив сведения о намерениях Анненкова вновь включиться в борьбу против СССР, в Москве приняли решение заманить его в ловушку, доставить на советскую территорию и предать суду. Операция по поимке Анненкова разрабатывалась при участии начальника ИНО ОГПУ М. Трилиссера, начальника КРО ОГПУ А. Артузова и начальника Разведупра РККА Я. Берзина. Было решено сообщить о намерениях Анненкова Фэн Юйсяну, и, пользуясь тем, что деятельность атамана затрагивает его интересы, попросить пригласить Анненкова к себе якобы для работы, арестовать и выдать советским представителям. Непосредственно в Китае операцией руководили Лихаренко, старший военный советник при штабе Фэн Юйсяна В. Примаков и начальник военной разведки при группе Примакова М. Довгаль.

Фэн Юйсян, зная, что Москва неоднократно требовала выдачи ряда бывших руководителей белогвардейского движения, в том числе и Анненкова, согласился выполнить просьбу Примакова. В марте 1926 года он вызвал Анненкова и Денисова к себе в город Калган под предлогом поступления на службу в его армию. Не желая ссориться с Фэн Юйсяном, Анненков в сопровождении Денисова, которого самовольно произвел в генерал-майоры, отправился в путь. На следствии в Москве Анненков даст по данному поводу такие показания:

«В декабре 1925 года ко мне приехал директор департамента иностранных дел Ченг (от Фэн Юйсяна) с переводчиком, который сообщил мне, что, ввиду имеющихся у них сведений о моих отношениях с штабом Чжан Цзолиня, они считают необходимым мой приезд из моего дома в г. Ланьчжоу, очевидно, где бы они могли наблюдать за мной. Через несколько дней я переехал со своими людьми в г. Ланьчжоу, где проживал до 4 марта 1926 года, когда я был вызван к губернатору, где полицмейстер передал мне распоряжение Фэн Юйсяна приехать к нему.

На другой день я вместе с моим начальником штаба Денисовым Николаем Александровичем поехал к Фэн Юйсяну... Прибыв к Фэн Юйсяну, мы были лично им приняты, и я назначен советником при маршале Чжан Шудаяне. Мне был выдан соответствующий документ»⁷⁴.

Анненков в сопровождении Денисова прибыл в Калган 20 марта и остановился в одноименной гостинице. В тот же день в Москву была отправлена телеграмма о прибытии атамана к Фэн Юйсяну. Тем временем прибывший накануне в Калган С. Лихаренко встретился с Примаковым, действующим в Китае под именем Лин, и договорился с ним о предстоящем аресте Анненкова. 31 марта Анненкову под предлогом переговоров о дальнейшей службе у Фэн Юйсяна было вручено следующее предписание:

«Атаману Анненкову Б.В. Сегодня старший советник господин Лин прибыл в Калган. Он приказал Вам не выходить из помещения до 16 часов, ожидая его распоряжения о времени переговоров с Вами»⁷⁵.

В тот же день Аннеков и Денисов были арестованы и перевезены в здание советского представительства. А 10 апреля они были отправлены через Монголию в Москву, куда их доставили 20 апреля. Понимая, что участь его решена, Анненков еще в Калгане согласился сыграть роль «добровольно раскаявшегося» в обмен на человеческое отношение до самого расстрела. В результате этой договоренности 5 апреля 1926 года Анненков написал обращение к советскому правительству, опубликованное 20 апреля в эмигрантской газете «Новая шанхайская жизнь»:

«Я, Борис Анненков, в минувшую гражданскую войну принимал самое деятельное участие в борьбе на стороне белых. Считал большевиков захватчиками власти, неспособными вести народ и страну к благу и процветанию. Суровая трехлетняя борьба кончилась нашим поражением, и мы эмигрировали в Китай. Шесть лет эмиграции были самыми тяжелыми в моей жизни. Потеря своей Родины, сознание своей вины перед людьми, которые верили мне и которых я повел за собой в скитание в Китай, сильно угнетали меня.

Строгий анализ своих прошлых поступков и действий привел меня к выводу, что гражданская война и борьба с советами были глубоким заблуждением, ибо то, что сделала Советская власть после того, как окончила борьбу на всех фронтах, говорит, что она твердо и неуклонно ведет народ к достижению намеченных идеалов...

Сознавая свою огромную вину перед народом и Советской властью, зная, что я не заслуживаю снисхождения за свои прошлые действия, все-таки обращаюсь к Советскому правительству с искренней и чистосердечной просьбой о прощении мне моих глубоких заблуждений и ошибок, сделанных мной в гражданскую войну. Если бы Советская власть дала мне возможность загладить свою вину перед Родиной служением ей на каком угодно поприще, я был бы счастлив отдать все свои силы и жизнь, лишь бы доказать искренность моего заблуждения.

Сознавая свою вину и перед теми людьми, которых я завел в эмиграцию, я прошу Советское правительство, если оно найдет мою просьбу о помиловании меня лично неприемлемой, даровать таковое моим бывшим соратникам, введенным мной в заблуждение и гораздо менее, чем я, виноватым. Каков бы то ни был суров приговор мне Советского правительства, я приму его как справедливое возмездие за свою вину. Атаман Анненков».

Надо отметить, что в дальнейшем обе стороны выполнили взятые на себя обязательства. Об этом свидетельствует записка Анненкова, которую он написал в Москву следователю Владимирову на следующий день после вынесения приговора:

«Глубокоуважаемый тов. Владимиров! Прежде всего позвольте Вас поблагодарить за человеческое отношение, которое вы проявили ко мне за время моего пребывания в Москве во внутренней (внутренняя тюрьма ОГПУ на Лубянке — авт.). Моя глубокая просьба к вам: помогите моим бывшим партизанам Ал. Яркову, Ив. Дуплякину, Леон. Вялову и Пет. Павлейка. Они не виноваты. Их не за что карать. Они шли за мной по молодости... Я много перенес нравственных

ударов во время процесса. Прокурор, общественные обвинители говорили все равно как шелкали бичом по лицу. Сейчас легко.

Я отчитался в своих грехах и расплачусь за них своей жизнью. Я должен уйти из жизни и уйду с сознанием того, что я получил по заслугам. Уважающий Вас Борис Анненков. Еще раз прошу о партизанах. 13 августа 1927 г.»⁷⁶

В Москве дело Анненкова и Денисова вели следователь по особо важным делам прокуратуры РСФСР Д. Матрон и уже упомянутый Владимиров. Когда следствие было завершено, их перевезли в Семипалатинск, где состоялся открытый судебный процесс. С 25 июля по 12 августа 1927 года выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством Мелнгалва, членов Миничева и Мезяка с участием государственного обвинителя Павловского и трех общественных обвинителей, с участием защиты, рассматривала дело Анненкова и Денисова. Было заслушано 90 свидетелей, которые уличили подсудимых в чудовищных преступлениях. Несмотря на старания адвокатов, которые старательно отыскивали оправдательные аргументы практически по каждому вменяемому подсудимым эпизоду, Анненкова и Денисова 12 августа приговорили к смертной казни. Приговор привели в исполнение в Семипалатинске 24 августа 1927 года в 11 часов вечера.

Захват и вывод в СССР Анненкова лишил белоэмигрантские организации в Китае возможного лидера. Кроме того, покаянные письма Анненкова, опубликованные в эмигрантской печати, внесли уныние и немалый раскол в ряды эмигрантов. В результате, как считали в Москве, непосредственная угроза вооруженных нападений на советскую территорию со стороны Маньчжурии и Синьцзяна была отведена. А посему столь успешный опыт было решено перенести в Европу.

СЕМЬ ВЫСТРЕЛОВ НА УЛИЦЕ РАСИН

Захват атамана Б. Анненкова и открытый процесс над ним посеяли определенные сомнения в умах многих русских эмигрантов не только в Китае, но и в Европе. Кроме того, на Лубянке были уверены, что в результате проводимой с 1922 года КРО ОГПУ операции «Трест» все более-менее значимые русские белоэмигрантские организации, и прежде всего РОВС, находятся под их полным контролем. А вот организации украинских националистов, действующие в Европе, наоборот, вызывали серьезные опасения, особенно, если найдется лидер, который сможет их объединить. Таким лидером из Москвы виделся проживавший в Париже С. Петлюра. И это вполне понятно, поскольку гетман П. Скоропадский не пользовался ни влиянием, ни авторитетом, а Е. Коновалец со своей УВО казался в середине 20-х годов деятелем мелкого масштаба.

Симон Васильевич Петлюра родился 10 мая 1879 года в Полтаве в семье мещан, происходившей из казаков. После школы он продолжил образование в Полтавской духовной семинарии, где вступил в политический кружок, который вскоре стал ядром Полтавской организации Революционной украинской партии (РУП). Однако в 1901 году Петлюру за революционную деятельность и членство в РУП из семинарии отчислили, и он был вынужден перейти на нелегальное положение. В 1903 году Петлюра был арестован полицией, но на следующий год вышел на свободу и продолжил партийную работу в РУП.

Первую мировую войну Петлюра встретил в Москве, где трудился бухгалтером в страховом обществе «Россия». Почти сразу после начала войны он опубликовал воззвание «Война и украинцы», в котором писал, что украинцы «выполнят долг граждан России в это тяжелое время до конца», и призывал военное командование к «толерантному отношению к украинскому населению Австро-Венгрии как части национального украинского целого, связанного с Россией».

После Февральской революции и образования на Украине Центральной Рады Украинской народной республики (УНР) Петлюра возглавил ее Военный комитет и объявил своей задачей немедленную украинизацию армии по территориальному принципу. Правда, деятельность Петлюры не шла дальше украинизации частей российской армии, находившихся на Украине, так как он не желал обострять отношения с Временным правительством. Но после Октябрьской революции и образования в декабре 1917 года в Харькове Советского правительства Украины Петлюра объявил себя сторонником независимости страны и непримиримым противником большевиков. При этом он утверждал, что «большевики готовят Украинской Народной республике удар в спину, они сосредотачивают свое войско на Волыни, в Гомеле и Брянске, чтобы идти походом на Украину».

В январе 1918 года отряды под командованием Петлюры сыграли решающую роль в подавлении большевистского восстания в Киеве. Однако будучи разбитым под Крутами и Киевом войсками Муравьева, Петлюра отступил на Западную Украину, где вскоре вступил в союз с немцами, начавшими оккупацию отошедшей им по Брестскому миру территории России. В 1925 году, оправдывая этот свой шаг, Петлюра писал:

«Нужно только одного не забывать: если бы Центральная Рада и не позвала бы немцев, то они бы сами пришли к нам. Немцы тогда были очень большой силой. И поскольку они очень хорошо знали, что фронта уже нет, а на Украине тоже нет ни большого дисциплинированного войска, ни твердой власти, то им дорога к нам будет свободной: никто не остановит».

После переворота, осуществленного гетманом Скоропадским в апреле 1918 года, ликвидации УНР и образования Украинской державы Петлюра был арестован. Однако в ноябре ему удалось вырваться на свободу, после чего он отправился в Белую Церковь, где поднял восстание против Скоропадского. В декабре войска Скоропадского были разгромлены, а Петлюра был избран сначала членом, а потом Главой

Директории восстановленной Украинской Народной республики. Но как политический лидер и главнокомандующий армией УНР Петлюра в конце концов потерпел поражение. Его отряды были биты и красными, и белыми, и даже батшкой Махно. Но зато петлюровцы прославились еврейскими погромами. По подсчетам историков, этих погромов «славные» бойцы Петлюры устроили более двухсот. Стоит отметить, что когда в 1919 году еврейская делегация из Житомира и Бердичева обратилась к Петлюре с просьбой остановить погромы, его атаманы Палиенко и Ковенко сказали: «Люди, на которых вы жалуетесь, составляют гордость Украины». А сам Петлюра на такую же просьбу другой, нееврейской делегации, состоявшей из социал-демократов, ответил: «Не ссорьте меня с моей армией!»⁷⁷

Во время советско-польской войны остатки армии Петлюры присоединились к польским войскам. А после подписания в октябре 1920 года договора о перемирии Петлюра и члены правительства УНР эмигрировали в Польшу. О деятельности в Польше петлюровского правительства Украинской народной республики и других организаций, в том числе «Центрального штаба» под командованием Ю. Тютюнника, уже говорилось выше. Стоит только повторить, что в октябре 1921 года правительство Польши под нажимом Москвы было вынуждено выдворить Петлюру и ряд других антисоветских деятелей за пределы страны. В результате он был вынужден перебраться в Будапешт, оттуда — в Вену, а с осени 1924 года обосновался в Париже, в Латинском квартале, близ Сорбонны, на улице Тенар.

Во Франции Петлюра жил весьма скромно. Снимал две комнаты: в одной жил сам, а в другой — его жена Ольга Афанасьевна и дочь Леся. Но такая показная скромность вовсе не означала, что он потерял свое влияние среди украинских эмигрантов или прекратил антисоветскую деятельность. Так, в апреле 1922 года во время проведения Генуэзской конференции советская разведка получила сведения о подготовке украинскими националистами террористических актов против членов советской делегации. В частности, была пере-

хвачена переписка по этому вопросу между Петлюрой и В. Шульгиным. Своевременная и точная информация, представленная разведкой советскому руководству, помогла предотвратить готовящиеся теракты. Разумеется, такая активность Петлюры не могла оставаться без внимания со стороны советских спецслужб. В Париже за ним было установлено наблюдение, которое осуществляли агенты из числа украинцев-сменовеховцев, сочувствующих большевикам. Руководили ими секретарь сменовеховцев Норич-Дзиковски и А. Галип, бывший политический деятель УНР и один из лидеров общества «Молодая Украина». А после приезда в Париж Михаила Володина это наблюдение резко активизировалось.

К сожалению о Володине, одной из основных фигур в деле об убийстве Петлюры, сведений крайне мало. Достоверно известно, что после Октябрьской революции он возглавлял организацию так называемого Союза эсеров-максималистов на Дальнем Востоке. Эта лево-народническая группа широко практиковала индивидуальный террор, а сам Володин якобы организовал и провел на Дальнем Востоке в 1920 году ряд террористических актов. Впрочем, сам Володин утверждал, что лишь руководил профсоюзной организацией. В конце 1920 года Володин неизвестно как оказался в Чехии, откуда перебрался во Львов, где завел знакомство с «москвофилами», попутно занимаясь большевистской агитацией среди солдат УНР. Затем его следы обнаруживаются в Закарпатской Украине, а потом снова в Праге, где по некоторым данным он выполнял роль связника между советским полпредством и местными коммунистами. В 1922 году за участие в рабочих беспорядках в Кладно под Прагой он был выслан из Чехословакии и переехал в Германию.

Оказавшись в Берлине, Володин выдавал себя за анархиста. Там же при посредничестве левого эсера Штейнберга он познакомился с другим левым эсером Добковским. Однако связей с советским полпредством он не прерывал и даже, якобы, там работал. 8 августа 1925 года Володин приехал в Париж на конгресс французской Социалистической партии.

При этом поселился он на квартире бывшего генерала УНР Николая Шаповала. И тогда же он познакомился через Добковского с будущим убийцей Петлюры Шварцбардом.

О Шоломе (Самуиле) Шварцбарде известно гораздо больше. Он родился в 1886 году в городе Измаиле Бессарабской губернии (по другим данным в Смоленске), а молодость провел в Балте, уездном городе Подольской губернии, куда переехали его родители. До 10 лет Шварцбард учился в религиозной школе (хедере), а отец дома обучал его русскому языку, арифметике и географии. Позднее он освоил профессию часовщика, которая и стала его основным занятием. Тогда же Шварцбард присоединился к революционному движению, перевозил нелегальную литературу и оружие через границу, а в 1906 году был впервые арестован. После освобождения он бежал в Черновцы, где примкнул к анархистам.

В дальнейшем Шварцбард жил в Галиции, на Буковине, в Венгрии, в Швейцарии. В 1908 году он был арестован в Вене за кражу со взломом из денежной кассы в магазине, отсидел в каторжной тюрьме 4 месяца и был выслан в Будапешт. Но и там в 1909 году его поймали при попытке незаконного присвоения чужого имущества и административно выслали из Австро-Венгрии. В 1910 году Шварцбард приехал во Францию и поселился в Париже, где решил обосноваться надолго. Он женился, открыл часовой магазин, но его дальнейшим планам помешала Первая мировая война. В 1914 году он поступил в Иностранный легион, потом перешел в пехотный полк французской армии, был ранен на фронте и в 1916 году демобилизовался.

После Февральской революции Шварцбард решил вернуться в Россию. Для этого он обратился в русскую военную миссию во Франции и назвал себя «политическим русским эмигрантом». Благодаря этому ему летом 1917 года удалось вместе с женой попасть на пароход «Мельбурн», следующий в Архангельск. Во время плавания он вместе с некоторыми другими эмигрантами занимался «большевистской пропагандой», за что был арестован и по прибытию в Архангельск сдан российским властям. Но уже в сентябре 1917 года Швар-

цбард приезжает в Петроград, где после Октября вступает в ряды Красной Армии. В дальнейшем он воевал на Украине — в 1918 году против гайдамаков в Одессе, а позднее — против банды Григорьева и отрядов Петлюры. По некоторым данным Шварцбард был организатором еврейских частей у Котовского, а возможно, служил у него в обозе.

В конце 1920 года Шварцбард вновь оказался в Париже, где опять открыл часовой магазин на бульваре Менильмонтан и через некоторое время получил французское гражданство. Соседи считали его тихим и скромным работником. Но в то же время он близко сошелся с местными анархистами, в том числе Эммой Гольдман, Волиным, Беркманом и даже с Махно и его окружением, а потом устроил у себя дома что-то вроде «явочной квартиры». Позднее все отмечали, что он был совершенно равнодушен к религии, что, правда, не мешало ему поддерживать отношения с сионистами. Зато на судебном процессе он выдавал себя за религиозного фанатика, которого пророк Исайя послал мстить за евреев.

Как уже говорилось, в начале августа 1925 года Шварцбард познакомился с Володиным, который выдавал себя за безработного, нуждающегося в помощи и поддержке. В сентябре Володин уехал из Парижа и вернулся через четыре месяца, в январе 1926 года. С этого момента он стал встречаться со Шварцбардом практически каждый день.

Тогда же Шварцбард начал настойчиво узнавать, в том числе и через генерала Шаповала, парижский адрес Петлюры. Продолжил свое знакомство с Шаповалом и Володин. Когда же генерал 15 февраля 1926 года поселился в Латинском квартале, в доме № 13 по улице Сомерар, очень близко от квартиры Петлюры, Володин зачастил к нему, а за два месяца до убийства приходил почти каждый день. При этом он постоянно заводил разговоры о Петлюре, то хваля, то ругая его. В мае 1926 года Володин даже хотел попасть на съезд украинских эмигрантских организаций, но Шаповал отказался доставать для него билет. Что касается Шварцбарда, то он все это время вместе со сменовеховцами постоянно следил за Петлюрой.

В день убийства Петлюры, 25 мая 1926 года, Володин зашел к Шаповалу рано утром, но пробыл недолго и около 10 часов ушел в город. Тем временем Петлюра около часа дня вышел из дома и направился в ресторан Шартье на улице Расин, где имел обыкновение обедать. Обычно он обедал вместе с семьей, но в этот день жена приболела и Петлюра пошел один. Об этом наблюдавшие за ним агенты из сменовеховцев немедленно сообщили по телефону Володину и Шварцбарду. Последний, выйдя из соседнего магазина, куда его позвали к телефону, вернулся домой и, отказавшись от завтрака, который уже стоял на столе, направился на улицу Расин. Там его встретил Володин, которому он передал заранее написанное письмо для пневмопочты, сделав приписку, что его акт должен завершиться сегодня.

Около двух часов дня Петлюра закончил обедать и неспеша направился домой. На углу улицы Расин и бульвара Сен-Мишель он остановился у столика книжного магазина Жильбер, как это делал частенько. В этот момент, в 2 часа 10 минут, и состоялось убийство. Андрей Яковлев, бывший деятель Директории, в то время проживавший в эмиграции в Париже и лично присутствовавший на процессе над Шварцбардом, описывает случившееся так:

«С противоположной стороны улицы, перейдя ее, приблизился к Петлюре субъект, одетый в рабочую белую блузу, без шапки, назвал Симона Васильевича по имени, а когда тот повернулся к нему лицом, выхватил из кармана револьвер, который держал наготове, и начал стрелять, целясь в Петлюру. Первая пуля попала ему в правое плечо и, хотя ранение было касательным, но от удара и неожиданности Симон Васильевич сильно откинулся назад, подняв руку, в которой держал трость, потерял равновесие и упал на колено, а потом на тротуар. Следующие пули попали в Петлюру, когда он лежал на земле и еще пытался подняться: вторая пуля попала в подбородок, третья и четвертая ударили в живот. Хотя эти две пули оставили тяжелые раны в кишечнике; но не они вызвали смерть — смертельным выстрелом был лишь пятый, пуля от которого ударила в грудь спереди, слева, на

уровне сердца... Шестая и седьмая пули попали в брусчатку. Проходившая здесь публика при первых же выстрелах разбежалась, а когда прибежал полицейский, то убийца уже перестал стрелять, потому что гильза от седьмой пули осталась в револьвере и помешала сделать последний, восьмой выстрел. Полицейский отобрал у убийцы револьвер, а публика бросилась на убийцу и начала его бить. Лишь с помощью нескольких человек удалось защитить убийцу и отвести в комиссариат полиции. С.В. Петлюру, лежавшего на тротуаре без сознания, отвезли в больницу, где он, не приходя в сознание, скончался в 2 часа 40 минут пополудни»⁷⁸.

После того, как в 2 часа 15 минут Шварцбард был арестован полицией, Володин направился к почтовому бюро около Отель де Виль и опустил там письмо, на котором проставили штампель «14 ч. 30 м. 25.V.26». После этого он пошел к Шаповалу, где якобы впервые услышал об убийстве Петлюры Шварцбардом. Володин оставался в Париже еще довольно продолжительное время, хотя и пытался с помощью советского генерального консула в Париже Отто Ауссема вернуться в СССР, так как, по его словам, среди различных эмигрантских кругов пошли слухи о его причастности к убийству Петлюры. Однако Ауссем посоветовал ему немного подождать, так как его внезапный отъезд в СССР мог бы скомпрометировать советское полпредство. Находясь в Париже, Володин продолжал тесно общаться с Шаповалом. Более того, в сентябре 1926 года в журнале «Украинский работник», издаваемом в Праге братом Шаповала Никитой, вышла его первая статья, а в октябре — вторая. В конце 1926 года Володин исчезает из Парижа, и дальнейшие его следы теряются.

Что касается Шварцбарда, то предварительное следствие по его делу началось 2 июня 1926 года и продолжалось до июля 1927 года.

Обвинительный акт был составлен 4 июля, а судебный процесс начался 18 октября 1927 года. Защищавшие Шварцбарда адвокаты Торрес и Кампинки с первого дня процесса вели его защиту в агрессивном, наступательном ключе, упирая

на то, что убийство стало актом возмездия Петлюре за организацию на Украине еврейских погромов. Вот что, например, рассказывала адвокат Шварцбарда А. Торрес о заключительной части этого судебного процесса:

«Драматический инцидент произошел в связи с оглашением свидетельского показания украинского полковника Букатова, который, признавая факт погрома в Проскурове, назвал его “делом, внушенным богом”. После этого гнусного выступления... у меня было чувство, будто бы судили сам процесс. Некоторые присяжные с трудом скрывали свое волнение. Я встала и сделала заявление о том, что, прежде чем приступить к защите, я хочу отказаться от своих восьмидесяти свидетелей. Большинство из них спаслись от погромов Петлюры. Некоторые приехали из США, Канады, Уругвая и Аргентины специально для того, чтобы рассказать перед судом о пережитых страданиях, об убийстве их детей, чтобы показать свои искалеченные руки, переломанные ноги...»⁷⁹

Такая линия защиты оправдала себя. Так, несколько месяцев спустя, в 1928 году, Анри Барбюс написал книгу, одна глава которой посвящена Шварцбарду. Оправдывая его поступок, Барбюс пишет:

«Петлюровские казаки... евреев раздевали догола и подвешивали за руки к потолку комнаты над горящими дровами... Одному старику сбрили бороду и заставили ее съесть, а потом, наладившись зрелищем, его зарезали... Людям отсекали руки, ноги, вырезали губы, выкалывали глаза; беременным женщинам вспарывали животы. И если в домах бандиты вершили свои казни только хоядным оружием, то на улицах беглецов, выбрасывавшихся из окон, расстреливали из винтовок и пулеметов... С 1917 по 1920 год по самому приблизительному подсчету было убито сто тысяч ни в чем не повинных людей. Атаман Петлюра разрешал и даже поощрял подобную массовую резню...»

В октябре 1927 года суд оправдал Шварцбарда, что было вполне закономерно. В последующие годы он опубликовал свои воспоминания о Гражданской войне на Украине в лондонской газете «Цайт», а также в еврейских периодических

изданиях в США, и выпустил в 1930—1934 годах в Чикаго две книги: «В споре с самим собой» и «В потоке времени». Кроме того, он якобы издал в 1920 году в Париже сборник стихотворений «Мечты и действительность», однако не совсем понятно, как он мог успеть это сделать, учитывая, что во Франции он появился лишь в конце того же года. Умер Шварцбард не в нацистском концлагере, как обычно пишут, а в 1938 году в Кейптауне (ЮАР).

Версия убийства Петлюры евреем-одиночкой, мстившим за погромы на Украине, стала официальной на долгие годы. Но украинские националисты считали и до сих пор считают, что убийство Петлюры было спланированной акцией советских чекистов. Например, тот же Шаповал, узнав об оправдании Шварцбарда, прямо заявил: «Главная формула моего признания по делу об убийстве Петлюры Шварцбардом состоит в утверждении, что: главным и фактическим организатором убийства является Володин Михаил, специально для этого прибывший во Францию в августе 1925 года»⁸⁰. А упоминавшийся выше Добковский в своем письме прокурору после окончания процесса писал, что вскоре после убийства Петлюры Володин признался ему, что «помогал этому убийству». При этом он добавлял, что не сказал всей правды на процессе, поскольку, во-первых, Володин называл себя социалистом-максималистом, во-вторых, из-за того, что тот нащел себе сильных покровителей, и в третьих, потому, что Володин угрожал ему. Еще одним доказательством причастности советских спецслужб к убийству Петлюры украинские националисты считают заявление бежавшего в 1954 году в США бывшего сотрудника КГБ П. Дерябина, утверждавшего, что он «слышал в эмигрантском отделе КГБ, что убийство Петлюры было совершено этой организацией».

Как бы там ни было, но смерть Петлюры мало что изменила в отношении украинской эмиграции к советской власти на Украине. Скорее наоборот, она стимулировала создание в 1929 году Организации украинских националистов (ОУН), которую возглавил Е. Коновалец, и которая многие

десятилетия вела непримиримую борьбу за независимую Украину. Впрочем, это понимали и в СССР. Так, в циркулярном письме ГПУ Украины от 4 сентября 1926 года «Об украинском сепаратизме» по этому поводу прямо говорилось:

«В связи с убийством Петлюры среди разрозненных антисоветских украинских партий и группировок за кордоном была заметна тенденция к консолидации сил. Об этом в достаточной мере говорят факты: Павел Скоропадский едет на панихиду по своему непримиримому врагу Петлюре. Партия хлеборобов, стоявшая до последних дней в непримиримой оппозиции Петлюре, посылает делегацию на похороны и возлагает венок на могилу Петлюры. Почти вся зарубежная шовинистическая украинская пресса, представляющая собой отражение той или иной платформы, резко отличающихся друг от друга, со времени смерти Петлюры помещает статьи о необходимости единодушной борьбы против оккупантов всех националистических украинских группировок за кордоном. Кампания за объединение антисоветских украинских сил разворачивается все шире и шире».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ В ПЕРИОД «ВОЕННОЙ ТРЕВОГИ»

Ко второй половине 1920-х годов новый строй в России установился окончательно. Всякая оппозиция коммунистам внутри страны была полностью ликвидирована, и с этой стороны Кремль мог не ожидать какой-либо серьезной угрозы. Но будучи единственным в мире социалистическим государством (Монголия не в счет), СССР находился в окружении враждебных ему капиталистических держав, а потому для партии большевиков первоочередным вопросом стало обеспечение безопасности и независимости страны и своего режима. Впрочем, еще в марте 1921 года на X съезде РКП(б) была принята специальная резолюция «О грядущей империалистической войне», в которой утверждалось, что «буржуазия вновь готовится к грандиозной попытке обмануть рабочих, разжечь в них национальную ненависть и втянуть в величайшее побоище народы Америки, Азии и Европы, а вслед за этим неминуемо и остальных частей света. Приближается последний час буржуазии и пролетариат должен быть предупрежден»¹.

Однако предупреждение X съезда относительно «грядущей империалистической войны» оказалось преждевременным — в начале 20-х годов новая война не разразилась. Но на рубеже 1926—27 годов в результате проводимой Москвой политики, направленной на раздувание мировой революции, и вызвавшей разного рода дипломатические осложнения, международное положение СССР значительно ухудшилось. Так, в апреле 1927 года резко обострились отношения Кремля и режима Чан-Кайши в Китае, вследствие чего Поднебесную вынуждены были покинуть советские политические и военные советники. 12 мая 1927 года в Лондоне в помещениях Всесоюзного кооперативного общества «Аркос» был произведен обыск, после чего 27 мая Великобритания разорвала с СССР дипломатические отношения. А в апреле 1927 года с громким треском лопнула знаменитая операция

ОГПУ «Трест», что вызвало резкую активизацию террористической деятельности непримиримого крыла белой эмиграции.

Все это привело к тому, что в Кремле стала нарастать тревога по поводу возможного объединения западных буржуазных правительств и антисоветской эмиграции с целью осуществления новой интервенции в СССР. Примером тому может служить выступление Г. Зиновьева на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1927 года, где он прямо заявил: «Война неизбежна, “вероятность” войны была ясна и три года назад, теперь надо сказать — неизбежность». Эту тревогу разделяло и население страны, о чем говорит сводка Информационного отдела ОГПУ от 15 февраля 1927 года:

«После опубликования в прессе речей т.т. Ворошилова и Бухарина на XV Московской губпартконференции среди городского и сельского населения распространились по многим районам Союза слухи о близкой войне. На этой почве в отдельных местностях среди некоторой части городского и сельского населения создалось паническое настроение. Местами население старалось запастись предметами первой необходимости: солью, керосином, мукой и т.д. Иногда частичный недостаток некоторых наиболее ходовых товаров расценивался населением как признак приближающейся войны... Крестьяне пограничных районов стараются обменять советские деньги на золото... Отмечаются случаи отказа крестьян продавать хлеб и скот на советские деньги, благодаря чему сократился подвоз этих товаров на рынок»².

Поэтому не стоит удивляться тому, что 1 июня 1927 года ЦК ВКП(б) выступил с обращением «Ко всем организациям ВКП(б). Ко всем рабочим и крестьянам», в котором призвал население страны быть готовым к отражению империалистической агрессии. 27 июня 1927 года Политбюро ЦК ВКП(б) признало «необходимым опубликовать обращение ЦК в связи с возросшей опасностью войны и попытками белогвардейцев дезорганизовать наш тыл» и рекомендовало превратить назначенную с 10 по 17 июля «Неделю оборо-

ны» в большую политическую кампанию. А Сталин, выступая на июльском, 1927 года, пленуме ЦК ВКП(б), заявил:

«Война неизбежна, — это не подлежит сомнению. Но значит ли это, что ее нельзя оттянуть хотя бы на несколько лет? Нет, не значит. Отсюда задача: оттянуть войну против СССР либо до момента вызревания революции на Западе, либо до момента, когда империализм получит более мощные удары со стороны колониальных стран (Китая и Индии)»³.

Приняв директиву Сталина к исполнению, советские спецслужбы активизировали свою работу не только по добычанию информации о планах западных держав по вероятному вторжению в СССР, но и по проведению спецопераций, направленных на ликвидацию наиболее одиозных представителей эмиграции и некоторых зарубежных государственных деятелей. Более того, эта деятельность была централизована, для чего в начале 30-х годов в ОГПУ была создана Спецгруппа во главе с Я. Серебрянским, а в Разведупре — спецотделение «А» (диверсионное) во главе с Г. Ту-маняном. Разумеется, все эти мероприятия были совершенно секретными. А потому бегство 1 января 1928 года в Персию бывшего работника секретариата Сталина Б. Бажанова вызвало в Кремле настоящую панику.

ПОГОНЯ ЗА СЕКРЕТАРЕМ СТАЛИНА

Около 5 часов утра 1 января 1928 года двое мужчин с охотничьими карабинами на плечах вышли из небольшой железнодорожной станции Лютфабад, расположенной на самом юге Туркмении, и направились в сторону персидской границы. На ранних охотников никто не обратил никакого внимания — начальника погранзаставы о предстоящей охоте они предупредили накануне, а кроме того, все пограничники после новогодней ночи были мертвецки пьяны. Беспрепятственно пройдя несколько километров, мужчины перешли границу и через час оказались в персидском кишлаке, где потребовали от местных властей немедленно отправить

их в ближайший административный центр. На заставе их хватились только через день, когда начальник 46-го пограничного отряда Иван Дорофеев получил из Ашхабада срочную телеграмму, в которой сообщалось о бегстве в Персию бывшего сотрудника ЦК ВКП(б) Бориса Бажанова и сексот-а ОГПУ Аркадия Максимова.

В начале 1990-х годов имя Бажанова очень часто мелькало в российских СМИ. О нем писали то как о «личном секретаре Сталина», то как «техническом секретаре заседаний Политбюро», который, увидев, какими методами Сталин расправляется со своими противниками, бежал на Запад, чтобы разоблачить перед мировой общественностью «механизм тоталитарной коммунистической власти». Между тем Борис Георгиевич Бажанов никогда не был ни идейным коммунистом, ни убежденным противником большевиков, а столь высокого положения в партийной иерархии достиг достаточно случайно. Он родился в 1900 году на Украине в городе Могилев-Подольском, где перед революцией окончил гимназию. В сентябре 1918 года он отправился в Киев с намерением продолжить образование на физико-математическом факультете Киевского университета. Однако уже в ноябре университет был закрыт, а сам Бажанов ранен в челюсть при разгоне петлюровцами студенческой демонстрации.

Вернувшись в Могилев-Подольский, Бажанов летом 1919 года вступил в РКП(б) и был избран секретарем укома. «Для нас, учащейся молодежи, — писал он впоследствии, — коммунизм представлялся в то время необычно интересной попыткой создания нового, социалистического общества. Если я хотел принять участие в политической жизни, то здесь, в моей провинциальной действительности, у меня был только выбор между украинским национализмом и коммунизмом. Украинский национализм меня ничуть не привлекал... Я отнюдь не был восхищен и практикой коммунизма, как она выглядела в окружающей меня жизни, но я говорил себе (и не я один), что нельзя многого требовать от этих малокультурных и примитивных большевиков из неграмотных

рабочих и крестьян, которые понимали и претворяли в жизнь лозунги коммунизма по-дикому; и что как раз люди более образованные и разбирающиеся должны исправлять эти ошибки и строить новое общество так, чтобы это гораздо более соответствовало идеям вождей»⁴.

Уже через год молодого коммуниста назначили секретарем ревкома в Ямполье, а затем — секретарем уездного райкома партии. Когда же Гражданская война закончилась, Бажанов решил продолжить образование. В ноябре 1920 года он приезжает в Москву, поступает в МВТУ и избирается там секретарем партячейки. А поскольку время было голодное, то Бажанов по протекции сокурсника А. Гольдштейна, брата убитого в июне 1918 года петроградского комиссара по делам печати, агитации и пропаганды В. Володарского, в январе 1922 года устроился за паек на «подработку» по вечерам в подотдел учета местного опыта Орготдела ЦК. На способного молодого человека вскоре обратил внимание зав. отделом Лазарь Каганович и предложил ему перейти в штат. Так весной 1922 года недоучившийся студент Бажанов стал инструктором Орготдела ЦК РКП(б).

Позднее в своих мемуарах, напоминающих монологи бессмертного Хлестакова, Бажанов будет величать себя «секретарем Сталина по Политбюро», автором и инициатором принятия нового устава партии и других важнейших государственных решений. Однако на самом деле он был рядовым сотрудником секретариата Сталина, до 1925 года входившего в Бюро секретариата ЦК, которое в 1926 году было реорганизовано в Секретный отдел ЦК ВКП(б). Начальником Бюро был Иван Товстуха, заместителем начальника — Лев Мехлис, которые одновременно являлись помощниками Сталина и руководили его секретариатом. Именно они в 1923 году, когда окончательно стало ясно, что Ленин смертельно болен, а нагрузка на аппарат Сталина сильно возросла, приняли решение ввести в секретариат генсека группу молодых сотрудников. Среди них оказался и Бажанов, назначенный 9 августа 1923 года помощником заведующего Бюро секретариата Товстухи.

В секретариате Сталина Бажанов исполнял обязанности дежурного секретаря, а его основной работой было ведение протокольных записей во время многочисленных совещаний в ЦК. Таких секретарей было несколько, поскольку должность эта являлась чисто технической, о чем говорит тот факт, что они как и стенографистки и машинистки работали попеременно в две смены. Что же касается основных помощников Сталина и технического секретаря Политбюро (им в то время была М. Буракова), то они приходили на работу к 9 часам (за час до Сталина) а уходили домой после него, в 11–12 часов вечера. В связи с этим контакты Бажанова со Сталиным, вопреки его утверждениям, были весьма ограничены, так как все задания и поручения генсека, а также отчеты об их исполнении шли через Товстуху и Мехлиса.

В своих мемуарах Бажанов писал, что во время работы в Политбюро стал антикоммунистом и это определило всю его дальнейшую жизнь, в том числе и решение бежать за границу. Однако по мнению сослуживца Бажанова по секретариату ЦК Алексея Балашова все обстояло совершенно иначе:

«Бажанов был человеком, который стремился в любой ситуации извлечь пользу для себя, получше устроиться. Я не осуждаю Бажанова — это его право, но об этом следовало бы честно сказать, а не изображать из себя борца с большевизмом. Для тех, кто его знал, эти потуги представить себя благородным и безупречным рыцарем выглядят просто смешно. Да и причина ухода из ЦК была не самая почтенная. В Высшем совете физкультуры Бажанов набрал целую кучу спортивного оборудования, закупленного на Западе. Через какое-то время его стали просить вернуть лыжи, коньки, палатку, лодку и еще какие-то вещи, предназначенные для тренировок и выступлений рабочих-спортсменов. Он повел себя очень высокомерно, решил, что ему все можно, и даже не стал отвечать товарищам из ВСФК. Они долго пытались как-то повлиять на него, а потом написали в ЦК. Бажанову пришлось снаряжение вернуть и подать заявление об увольнении, которое Сталин подписал без разговоров. К таким поступкам относились очень строго и ему еще повезло, что дело

не попало в Центральную контрольную комиссию (ЦКК). Но как он отреагировал на эту ситуацию? Обиделся. Не сумел сделать для себя правильные выводы и очень скоро совсем запутался»⁵.

Из секретариата Сталина Бажанова уволили в мае 1924 года (сам он утверждал, что работал там до конца 1926 года), после чего его долгое время нигде не хотели брать на службу по причине молодости и незначительного опыта работы. И только когда Товстуха попросил за Бажанова наркома финансов Сокольникова, «бывшего личного секретаря Сталина» 13 января 1925 года назначили вторым помощником заведующего финансово-экономического бюро Наркомфина, то есть канцелярским работником, ответственным за своевременное прохождение служебных бумаг. Здесь первое время Бажанова ценили довольно высоко. Так, заведующий бюро М. Бронский в характеристике Бажанова, написанной 9 июля 1925 года, предлагает назначить его в ближайшее время «вторым замом нач. ФЭБа», отмечая при этом, что он «еще недостаточно гибок (молод)».

Однако больше Бронский таких предложений не выдвигал, поскольку разобрался в том, что представлял из себя на самом деле крайне амбициозный, недоучившийся студент. Этому поспособствовал и сам Бажанов, который после увольнения из ЦК «расслабился» и начал крутить многочисленные любовные романы. Среди его любовниц были служащая аппарата ЦК В. Зверде и сотрудница ЦК комсомола А. Андреева, жена крупного партийного работника П. Смородина. В 1926 году, находясь на отдыхе, они выяснили, что обе имеют по ребенку от Бажанова. Андреева шума поднимать не стала, а Зверде, женщина одинокая, обратилась с жалобой в ЦКК. В своем заявлении она написала, что Бажанов развратничает, что он включил в команду конькобежцев, с которой в декабре 1925 года ездил на соревнования в Норвегию, свою любовницу Андрееву, оформив ее как жену. Последствия не заставили себя ждать. 26 мая 1926 года партколлегия ЦКК рассмотрела персональное дело Бажанова и постановила: за устройство Андреевой в заграничную командировку за

государственный счет в качестве жены объявить Бажанову строгий выговор, а материалы об Андреевой передать в конфликтную комиссию ЦК ВЛКСМ.

В результате на карьере Бажанова был поставлен крест. Уже 10 августа 1926 года он был освобожден от работы в финансово-экономическом бюро и переведен консультантом в Институт экономических исследований. Там он проработал всего пять месяцев и получил новое назначение: «Бажанова Б.Г. ...с 16 января 1927 г. надлежит числить временно по общему отделу Административно-организационного Управления на должности техника-специалиста (по водопроводу, канализации и вентиляции)»⁶. Поскольку в водопроводе и канализации Бажанов никогда ничего не понимал, то перевод на эту должность говорит о том, что в Наркомфине просто уже не знали, что с ним делать. Поэтому неудивительно, что 16 апреля 1927 года его назначили заведующим заочными курсами по переподготовке финансовых работников, а 16 сентября 1927 года приказом по наркомату откомандировали в распоряжение Наркомфина Узбекской ССР.

Оказавшись перед перспективой стать простым совслужащим в глухой провинции, Бажанов приложил все усилия для того, чтобы вернуться на партийную работу. И это ему удалось. Решением секретариата ЦК компартии Туркмении от 28 ноября 1927 года Бажанов был назначен управляющим делами и зав. секретариатом ЦК. Вероятно тогда же у Бажанова созрело решение бежать в Европу и спекулируя выпиской из решения Оргбюро о своем назначении помощником секретаря Сталина, которую он вопреки правилам оставил у себя, попытаться сделать карьеру на Западе.

Здесь надо сказать, что вместе с Бажановым в Ашхабад отправился и Аркадий Романович Максимов (Биргер), двоюродный брат убийцы германского посла Мирбаха Якова Блюмкина. В годы Гражданской войны Максимов служил начальником хозяйственной части одного из кавалерийских полков Красной Армии, но после ее окончания за хищения был исключен из партии и уволен из РККА. После этого он продолжительное время болтался без работы, пока в 1925 году

Блюмкин не устроил его секретным агентом ОГПУ. По утверждению Бажанова главной задачей Максимова была слежка за ним, но скорее всего такое задание он получил после того, как по предложению Бажанова поехал в Ашхабад. И здесь Бажанову не откажешь в сообразительности — он правильно рассудил, что без надзора его не оставят, а поэтому лучше иметь рядом с собой Максимова, чем другого неизвестного агента ОГПУ.

Устроившись в Ашхабаде, Бажанов приступил к поискам возможных путей для бегства. В декабре 1927 года он написал трогательное и слезное письмо Андреевой, в котором пригласил ее приехать в расположенный рядом с границей дом отдыха ЦК в Фирюзе. Андреева, тронутая письмом, простила Бажанова и, бросив мужа, приехала к нему.

В доме отдыха, разыгрывая из себя страстного охотника, Бажанов начал проверять надежность охраны границы. Однажды он взял Андрееву на охоту, а потом предложил ей на время разойтись, указав, в каком направлении она должна двигаться. Вскоре после этого Андреева наткнулась на пограничный наряд, который задержал ее до выяснения причин появления в пограничной зоне. Установив, что в районе Фирюзы граница надежно охраняется, Бажанов принял решение бежать в Персию в районе железнодорожной станции Лютфабад.

Получив разрешение на охоту в приграничной полосе, Бажанов и Максимов 31 декабря 1927 года выехали в Лютфабад, где сообщили начальнику погранзаставы о своем желании рано утром отправиться на охоту. Тот, разумеется, не посмел отказать высоким гостям и даже пригласил их на ужин в честь Нового года. Но Бажанов от приглашения отказался и направился спать. Рано утром 1 января Бажанов и Максимов, как уже говорилось, отправились на охоту и очень скоро достигли границы. Там, у пограничного столба, по утверждению Бажанова произошло следующее:

«Позавтракав, я встаю, у нас по карабину, но патроны еще все у меня. Я говорю: “Аркадий Романович, это пограничный столб, и это — Персия. Вы — как хотите, а я — в Персию, и навсегда оставляю социалистический рай — пусть

светлое строительство коммунизма продолжается без меня”. Максимов потерял: “Я же не могу обратно — меня же расстреляют за то, что я вас упустил”. Я предлагаю: “Хотите, я вас возьму и довезу до Европы, но предупреждаю, что с этого момента на вас будет такая же охота, как и на меня”. Максимов считает, что у него нет другого выхода — он со мной в Персию»⁷.

Как бы там ни было, но Максимов решил бежал вместе с Бажановым.

Перейдя границу, они оказались в персидском кишлаке Лютфабад, а на следующий день выехали в уездный городок Махмед-Абад, откуда после разговора с местным начальником полиции Пасбаном направились через Кучан в Мешхед, центр провинции Хоросан. При этом по совету Пасбана они выехали в Кучан не по автотрассе в обход гор, а на лошадях через перевал Кухи-Назар, которым зимой обычно не пользовались, так как в это время года он покрыт снегом. Благодаря этому беглецы избежали немедленной гибели.

Дело в том, что в Ахшабаде и Ташкенте, где находилось полномочное представительство ОГПУ по Средней Азии, о бегстве Бажанова и Максимова стало известно уже утром 3 января. Председатель ГПУ Туркменской ССР Василий Каруцкий сразу же информировал о случившемся Москву, полпредство и резидентуру ИНО ОГПУ в Тегеране, а сам немедленно направил в Махмед-Абад группу пограничников для захвата беглецов. Но Бажанов и Максимов уже выехали в Мешхед, и пограничники возвратились ни с чем. Сорвалась и попытка перехватить беглецов по дороге в Кучан, о чем в начале января сообщил представителю НКВД в Узбекистане А. Знаменскому генеральный консул СССР в Мешхеде А. Дубсон:

«Первые сведения о бегстве 1 января Бажанова и Максимова в Персию мы получили только 6 января, когда они уже отправились из Махмед-Абада через Кучан в Мешхед. Соседи (представители ИНО ОГПУ и Разведупра РККА — авт.) предложили решить вопрос в ликвидационном порядке, но, к сожалению, не сумели этого проделать»⁸.

Случилось же следующее. Пока Бажанов и Максимов пробирались по заснеженной тропе, ежечасно рискуя свалиться в пропасть, сотрудник Разведупра Алексей Пашаев, находившийся в Баджгиране под прикрытием работника торгпредста, вместе с агентом-курдом Аббасом Али поджидали их на автомобильной трассе. Когда же стало ясно, что беглецы избрали другой путь, Пашаев направился в Кучан, куда прибыл 7 января. Позднее, оправдываясь, Пашаев писал:

«Виноват во всем был Каруцкий, который слишком поздно меня известил. Дальше я спешно поехал в Кучан и приехал как раз в тот момент, когда Бажанов и Максимов садились в машину ехать в Мешхед. Посредством наших ребят я тоже устроился в одном с ними автомобиле, надеясь предпринять что-либо в пути. Но, к сожалению, ничего нельзя было сделать. Охранявшие их солдаты не отходили от них ни на шаг. Так мы приехали в Мешхед»⁹.

Рассказ Пашаева необходимо дополнить. Во-первых, Бажанова и Максимова сопровождали не солдаты, а единственный проводник-перс. Но они успели сесть в автомобиль первыми, и Пашаеву с Аббасом Али пришлось всю дорогу сидеть к ним спиной. Во-вторых, на полпути к Мешхеду автомобиль остановила встречная машина. В ней находился резидент ИНО ОГПУ в Мешхеде Михаил Лагорский (настоящая фамилия Бродский), известный в Хоросане как секретарь консульства Осипов. Переговорив с Пашаевым, Лагорский протиснулся в автомобиль с беглецами и вместе с ними приехал в Мешхед.

В Мешхеде Бажанов и Максимов остановились в единственной гостинице «Доганов», находившейся на улице Арк. Пока они ожидали, когда слуги приберут номер, им подали кофе. «Мой спутник уже готов его пить, — пишет Бажанов, — я останавливаю его: от кофе идет сильный запах горького миндаля — это запах цианистого калия. От кофе мы отказываемся и поднимаемся в нашу комнату»¹⁰. Поскольку в номере отсутствовали дверные запоры, беглецы забаррикадировали дверь и легли спать. Но ночью их разбудила полиция. Оказывается, по приказу Лагорского его агент Колтухаев

пробрался на балкон гостиницы с целью расстрелять беглецов из револьвера, но был задержан находившимися в засаде полицейскими. В результате, опасаясь новых покушений, местные власти утром перевели Бажанова и Максимова в полицейское управление, где они находились в относительно безопасности.

Тем временем из Москвы в Тегеран как по линии ОГПУ, так и по линии НКВД были направлены телеграммы с требованием немедленно добиться выдачи Бажанова и Максимова. Причем резидент в Тегеране Георгий Агабеков, работавший под «крышей» атташе посольства, получил дополнительный приказ от начальника ИНО ОГПУ Трилиссера немедленно ликвидировать Бажанова, продублированный таким же указанием полпреда ОГПУ в Средней Азии Льва Бельского. Посоветовавшись с полпредом СССР в Персии Яковом Давтяном, в прошлом — первым начальником ИНО ВЧК, и старым чекистом, советником полпредства Мечиславом Логановским, Агабеков на аэроплане вылетел в Мешхед. Тогда же в адрес консульства в Мешхеде была направлена следующая телеграмма:

«Первого января из Ахшабада скрылся в Персию Бажанов, управделами ЦК КП(б) Туркменистана. Настоятельно требуется принятие всех мер, чтобы убедить персов возвратить Бажанова в Ашхабад как крупного уголовного преступника. Он обвиняется в зверском, бандитском убийстве женщины, совершенном в Ташкенте. В случае отказа выдать этого преступника предложите администрации обмен Бажанова на одного из скрывающихся в Средней Азии персидских подданных, в получении которого заинтересованы власти Хоросана. Если для разрешения вопроса необходимо выделить администрации подарки, то обещайте таковые в сумме до 3 тысяч рублей золотом. Заключение следователя тов. Дубсону высылается. Это нужно, чтобы он мог развернуть всю картину убийства, устроенную Бажановым. Уполнаркоминдел в Узбекистане. А. Знаменский»¹¹.

С прибытием в Мешхед Агабекова деятельность советских представителей по нейтрализации Бажанова получила

новый толчок. Консул Дубсон официально пытался добиться от властей Хоросана выдачи Бажанова, а Лагорский и Пашаев под руководством Агабекова организовали настоящую блокаду полицейского управления Мешхеда, в которой участвовали не только агенты резидентуры, но и прибывшая в город по приказу Каруцкого группа контрабандистов, которых он содержал специально для подобных операций. О том, как развивались события, можно судить по переписке Дубсона и Знаменского. 14 января Дубсон телеграфировал в Ташкент:

«Пока мне удалось получить от властей обещание задержать бежавшего и держать его в Мешхеде под арестом до получения от вас материалов. Телеграфируйте краткое содержание обвинения и фамилию пострадавшей. Досье прошу срочно выслать в Ашхабад, куда направляю дипкурьера. Если нужно будет сделать подарки, то сумма потребуется не менее 3 тысяч туманов».

15 января из Ташкента пришел ответ:

«Жертва преступления Мария Моршинова убита Бажановым еще в сентябре, но дело полностью было раскрыто только в конце ноября. Указанную девушку, знакомую Бажанову еще по Москве, он увлек в Ташкент обещаниями устроить здесь на работу и предоставить ей возможность учиться. Убийство явилось результатом личного разрыва и боязнью Бажанова, что Моршинова раскроет его уголовные дела, произведенные ранее в Москве. Постановление следователя о вызове Бажанова в Ташкент было отправлено через ЦК КП(б) Туркменистана в Ашхабад, Бажанов, как управдел, ознакомился с этим и, опасаясь ареста и суда, скрылся в Персию. Сегодня Вам посылается следственное определение по этому убийству, совершенному в гнуснейшей обстановке Бажановым. Для подарков можете распорядиться суммой в размере, Вами указанным».

23 января Дубсон докладывал Знаменскому:

«Получивши Вашу телеграмму, я немедленно поставил вопрос в официальном порядке перед местной администрацией и одновременно передал о происшедшем тов. Давтяну.

Бажанов еще в Махмед-Абаде сообщил, что он является ответственным политическим работником и едет во Францию; от всяких показаний там отказался, заявляя, что будет говорить только с генгубом (генерал-губернатором — авт.). В Мешхеде он виделся с генгубом и амиром, на которых, по видимому, произвел “должное” впечатление. Я в беседе с генгубом поставил вопрос о выдаче Бажанова, как уголовного преступника, убившего в Ташкенте женщину (согласно Вашей версии). К сожалению, Вы не сообщили никаких подробностей, и этим наша позиция затрудняется. Пока добился у генгуба обещания задержать Бажанова и Максимова в Мешхеде до получения от Вас обвинительного материала и содержания их под строгим арестом. В нужный момент попытаюсь использовать Ваши предложения об обмене и “подарках”. В случае необходимости применения последних сумма должна быть увеличена до 3000 туманов. Завтра посылаем машину с дипкурьером и надеемся обратной почтой получить Ваши материалы. Сделаем все, что в наших силах, чтобы добиться положительного для нас разрешения вопроса в Мешхеде, хотя это в настоящее время чрезвычайно трудно»¹².

Регулярно встречаясь с представителями местной администрации, Дубсон заявил, что Бажанов является не только убийцей, но и казнокрадом. По указанию генерал-губернатора Бажанова обыскали и обнаружили у него 1200 рублей, которые, как он заявил, являлись его зарплатой за два месяца работы в Ашхабаде. Наличие у Бажанова такой суммы (600 туманов или 7200 американских долларов по тогдашнему курсу) ни о чем конкретном не говорило, но сам обыск явился сигналом, что персидские власти могут выдать беглецов СССР. Тогда Бажанов перешел в наступление и добился встречи с командующим хоросанским военным округом генералом Шахзадом Амануллою Мирзой, которому сообщил, что министр двора персидского шаха Теймурташ является советским агентом. Информация Бажанова была немедленно передана в Тегеран, где полностью подтвердилась, после чего Теймурташ был незамедлительно казнен.

Между тем в начале февраля в Мешхед пришла телеграмма от начальника ИНО ОГПУ Трилиссера. Как вспоминал Агабеков, она гласила: «Николаю. Во изменение нашего номера... никаких активных мер против Бажанова и Максимова не принимать. Нарушение приказа подлежите революционному суду. Трилиссер»¹³. Причина такого решения была в том, что в Москве выяснили — во время работы в ЦК Бажанов никаких особенных тайн не знал, а значит, оказавшись на Западе, не мог выдать сколь-нибудь значительных секретов. Однако в Ташкенте продолжали настаивать на ликвидации Бажанова и Максимова. И чтобы разобраться в сложившейся ситуации, Агабеков выехал в Ашхабад. Там он встретился с Каруцким, который заявил, что имеет приказ первого зампреда ОГПУ Ягоды о ликвидации Бажанова. В ответ Агабеков заметил, что он подчиняется Трилиссеру, а если Каруцкий получил приказ от Ягоды, то пусть сам его и выполняет. Впрочем, эта размолвка не помешала старым знакомым завершить встречу дружеской попойкой.

Пока Агабеков находился в Ашхабаде, персидские власти приняли решение Бажанова и Максимова в СССР не возвращать, после чего 18 февраля генерал-губернатор Мешхеда сообщил британскому консулу о том, что направляет обоих русских в расположенный на границе с Индией город Дуздап. Об этом неожиданном решении английский вице-консул в Дуздапе капитан Маканн был информирован следующей телеграммой из Мешхеда от 22 февраля 1928 года:

«Двое русских, арестованных в Мешхеде, куда они прибыли из Туркестана, уже более двух месяцев содержатся в тюрьме. Пока нам не удалось установить их подлинные имена. Они заявляют, что принадлежат к партии Троцкого и хотели бы проследовать в Европу. Вначале местный генерал-губернатор намеревался отправить их в Тегеран, но 18-го числа он неожиданно информировал нашего атташе, что направляет их в Дуздап, откуда, по всей вероятности, они отправятся в Индию. Хотя атташе сообщил генерал-губернатору, что в Дуздапе визы на въезд в Индию не могут быть

выданы без санкции британского консула в Мешхеде, губернатор игнорировал это обстоятельство и отправил русских под охраной в Дуздап 20-го числа»¹⁴.

В тот же день Дубсон получает паническую телеграмму от Знаменского:

«Имеется известие о скором выезде Бажанова из Мешхеда в Дуздап. Это значит — он безнадежно от Вас ускользает. Если нельзя Бажанова получить легальным путем, то необходимо захватить либо устранить специальными средствами. Уход его в сторону Индии покажет полное наше бессилие и слабость всех Ваших связей — официальных и неофициальных. Очень просим принять решительно все меры и способы, чтобы ликвидировать это дело. Отпуск денег в прошенном Вами размере обеспечен, если нет в консульстве, можем перевести немедленно»¹⁵.

Но переводить денег уже не было необходимости, о чем Дубсон сообщил в Ташкент 25 февраля:

«Бажанов и Максимов 20 февраля отправлены из Мешхеда в Дуздап в сопровождении сильной охраны. При создавшихся условиях мы бессильны что-либо предпринять для выполнения Вашего поручения»¹⁶.

Однако в Ташкенте решили предпринять еще одну попытку ликвидировать Бажанова и Максимова. «Ташкентское ОГПУ телеграфно просило полпреда Давтяна оказать содействие в убийстве Бажанова, — писал в своих мемуарах Агабеков. — Советский консул в Сейстане Платт (В.И. Плятт, бывший сотрудник ВЧК — авт.) тем временем сообщил, что Бажанов и Максимов поселились в Дуздапе и что если нужно принять меры к их ликвидации, то он имеет в своем распоряжении все нужные средства. Бельский, полпред ОГПУ в Ташкенте, послал Платту пять тысяч долларов на расходы, необходимые для убийства Бажанова. Советский консул в Сейстане немедленно выехал в Дуздап для личного руководства убийством. Однако ничего ему не удалось, так как его приезд в Дуздап и появление в консульском автомобиле близь дома, где проживали беглецы, заставило персидское правительство скорее отправить беглецов в Индию»¹⁷.

Впрочем, англичане не торопились пускать Бажанова и Максимова в Индию. Так, они получили возможность встретиться с Маканном лишь на шестой день своего пребывания в Дуздапе. После разговора с Бажановым вице-консул направил в Нью-Дели отчет, в котором предположил, что русские могут представлять интерес для английской разведки. В частности, Маканн писал: «Они владеют исключительно важными политическими секретами, которые хотели бы сообщить правительству Его Величества, но отказываются раскрывать их, находясь в Персии. Они готовы полностью сделать это, как только окажутся в Индии»¹⁸. Но в Нью-Дели справедливо посчитали, что утверждения беглецов о каких-то важных государственных секретах выглядит неубедительно, и отказались предоставлять им политическое убежище на британской территории.

Положение изменилось только после 3 апреля, когда с Бажановым встретился английский консул в провинции Сейстан Скрайн. Во время беседы Бажанов предъявил Скрайну свой главный козырь — выписку из решения Оргбюро, чем смог убедить англичанина в том, что он важная персона. Здесь Бажанову невольно помог и Плятт, 7 апреля приехавший в Дуздап в сопровождении двух человек. В результате уже 8 апреля англичане разрешили Бажанову и Максиму выехать из Дуздапа в Симлу, летнюю резиденцию британской колониальной администрации в Индии.

В Симле беглецов подвергли интенсивным допросам, которые проводили генерал Айсмонгер, полковник Сондерс из военной разведки и полковник Роуленсон из СИС. Очень скоро англичане поняли, что Бажанов ничего серьезного сообщить не может и потеряли к нему всяческий интерес. В Лондоне, куда были направлены протоколы допросов, даже не пожелали выдать ему визу для въезда в Англию. Тогда Бажанов обратился за визой во французское консульство, получил положительный ответ и 18 августа отплыл с Максимовым в Марсель, куда прибыл 1 сентября.

Однако и во Франции Бажанов с Максимовым оказались никому не нужны — ни западным спецслужбам, ни русским

эмигрантам, ни даже троцкистам. Быстро осознав это, Бажанов в 1929 году опубликовал в парижских газетах несколько статей, а на следующий год выпустил книжку своих мемуаров, от которых за версту несло хлестаковщиной. Интересно, что даже Троцкий, прочтя опусы Бажанова, презрительно отозвался о нем как о человеке, который «получил свое воспитание в приемной у Сталина». В Москве также не интересовались судьбой Бажанова. Поэтому утверждение Бажанова о том, что прибывший в начале 1929 года в Париж Блюмкин встретился с Максимовым и приказал ему следить за ним с целью организации убийства, совершенно беспочвенно. В этот период Блюмкин занимался организацией прикрытия своей будущей нелегальной резидентуры в Палестине, и руководство ИНО вряд ли поручило бы ему ликвидацию Бажанова, так как это могло поставить под удар выполнение поставленной перед ним задачи.

Что же касается Максимова, то он, чтобы свести концы с концами, был вынужден браться за любую работу, но все равно влачил жалкое существование и в 1935 году покончил с собой, бросившись с Эйфелевой башни.

Потерпев неудачу с мемуарами, Бажанов начал активно сотрудничать с польским генштабом. После ввода в 1939 году частей Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию в руки сотрудников НКВД попал ряд документов спецслужб Польши, свидетельствовавших о тесном сотрудничестве Бажанова с польской разведкой. Так, 12 января 1937 года он направил во 2-й отдел Генштаба польской армии следующую аналитическую записку:

«1. ...Несомненно, влияние РККА на советское правительство налицо, и в последние три года оно все усиливается. “Советское правительство” — термин довольно неточный. Чтобы не было недоразумений, скажем прямо, что вся власть в СССР принадлежит сейчас лично Сталину и отдельные, более или менее видные советские и партийные учреждения, только помогают ему ее осуществлять.

2. ...Сталинская власть осуществляется по двум линиям. Первая — укрепление его личного влияния и произвола.

Здесь на него никто не может влиять, и ко всему, что относится к этому больному вопросу, Сталин относится необычайно ревниво и подозрительно. Вторая линия — проведение какой-то политики и в партии, и в Коминтерне, и в стране, и в экономике...

Очень интересно отдать себе отчет в том, какой именно механизм влияния военных. Надо сказать, что благодаря особому положению Военного ведомства, которое формально далеко не имеет таких прав, как партийные и советские учреждения, а с другой стороны, представляющее строго дисциплинированный и иерархический механизм, влияние военных осуществляется очень своеобразными путями. Самый главный — это то влияние, которое имеет Ворошилов, напичканный и набитый всякими заключениями и уговорами своих помощников и крупных работников Военного ведомства, прямо на Сталина и других членов Политбюро при обсуждении всех важнейших политических и экономических вопросов. Известно, что Ворошилов — человек недалекий. Но вся машина Военного ведомства так внимательно следит за всеми сторонами экономической и политической жизни страны, что к постановке каждого важного вопроса на Политбюро в недрах Военного ведомства подготавливается серьезное и хорошо проработанное мнение, которое и вдалбливается в голову Ворошилову. А Ворошилов и на заседаниях Политбюро, и в личных разговорах со Сталиным проводит эту точку зрения, и, надо сказать, почти всегда с успехом, так как она почти всегда логически совпадает с общей военно-политической линией, о которой я говорил выше и которая является лейтмотивом всей работы партии и правительства.

Роль остальных крупных военных зависит главным образом от того, в какой мере они близки к Ворошилову»¹⁹.

Во время советско-финской войны Бажанов с согласия председателя РОВС генерала А. Архангельского приехал в Финляндию, где приступил к формированию из советских военнопленных антибольшевистской Русской Народной Армии (РНА). Архангельский предоставил в распоряжение

Бажанова Финляндский подотдел РОВС, которым руководил капитан Шульгин. Всего при участии Бажанова было сформировано пять так называемых «русских народных отрядов», которые, вероятно, и составили ту РНА, о которой Бажанов пишет в своих мемуарах. Однако какого-либо серьезного влияния на ход военных действий эти отряды численностью около 200 человек не оказали, что, впрочем, не помешало Архангельскому положительно оценить сам факт их создания. По этому поводу он 2 апреля 1940 года писал начальнику 1-го отдела РОВС генералу В. Витковскому следующее:

«На мой взгляд, уроки достигнутого интересны и “опыт” дает нам право смотреть более или менее оптимистично на возможности нашего успеха. Правда, опыт был очень короткий и был произведен в очень малом масштабе, но все же представляет большой интерес. Сведения об опыте формирований из пленных красноармейцев мною почерпнуты из разговоров с господином Бажановым... Я видел господина Бажанова перед его поездкой в Финляндию и долго говорил с ним по телефону о нашем участии в борьбе в Финляндии, о формах, в которые она должна вылиться и т.п. Бажанов производит впечатление очень серьезного человека, ничего коммунистического в нем нет»²⁰.

Были и другие последствия антисоветской деятельности Бажанова в Финляндии. Вот что, например, говорит по этому поводу русский эмигрант «первой волны» граф Григорий Ламздорф:

«Власовцем я стал под влиянием бежавшего из СССР секретаря Сталина Бажанова. Прочел его книгу, ходил на его лекции. Он рассказывал о том, как в Финляндии у Маннергейма формировал отряды добровольцев из советских пленных. Тогда я узнал, что во время советско-финской войны русские солдаты сдавались батальонами, а в войне с немцами — чуть ли не дивизиями. Я понял, что должен ехать в Россию»²¹.

После неудачи в Финляндии Бажанов окончательно отошел от политики и вел жизнь частного лица. В 1950 году орга-

нами МГБ СССР он был объявлен государственным преступником и подлежал розыску и аресту советскими властями. Однако арестован он не был, благодаря чему в 1980 году смог опубликовать дополненный вариант своих воспоминаний. А еще через два года он умер в собственной постели в возрасте 82 лет.

СМЕРТЬ «ЧЕРНОГО БАРОНА»

Охота на Бажанова и Максимова, устроенная советскими спецслужбами в Персии, была, так сказать, мелким частным делом ПП ОГПУ в Средней Азии и РО штаба Среднеазиатского военного округа. Главной же целью спецопераций, проводимых спецслужбами за границей, были со второй половины 1920-х годов лидеры антисоветских эмигрантских организаций. И одним из главных объектов внимания ОГПУ среди белой эмиграции в Европе был, безусловно, создатель и первый руководитель Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) генерал-лейтенант Врангель.

Барон Петр Николаевич Врангель родился в 1878 году. Он окончил Ростовское реальное училище и Горный институт Императрицы Екатерины II в Санкт-Петербурге. На военную службу Врангель поступил 1 сентября 1901 года рядовым в Лейб-гвардии Конный полк. В 1902 году он выдержал испытание на корнета гвардии при Николаевском кавалерийском училище и был произведен в корнеты с зачислением в запас. Во время русско-японской войны Врангель добровольцем отправился на фронт. Проявив себя храбрым офицером, он в декабре 1904 года был произведен в сотники 2-го Верхнеудинского казачьего полка, а также награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Св. Станислава с мечами и бантом. В 1910 году поручик Врангель окончил Николаевскую академию Генерального штаба, после чего продолжил службу в Лейб-гвардии Конном полку. С самого начала Первой мировой войны он находился на фронте, и закончил ее в чине генерал-майора, командуя сводным конным корпусом.

Не приняв советскую власть, Врангель в августе 1918 года прибыл в Добровольческую армию. В годы Гражданской войны он командовал сначала бригадой, потом дивизий и корпусом, затем Добровольческой и Кавказской армиями, а в марте 1920 года был избран главнокомандующим Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР). Получивший в ходе боев чин генерал-лейтенанта, Врангель показал себя талантливым военачальником. Он разбил части Красной Армии под Ставрополем, нанес им поражение на Северном Кавказе и во главе Кавказской армии занял Царицын. Но самой блестящей из его операций стала эвакуация из Крыма в октябре 1920 года 40-тысячной армии и 100 тысяч беженцев.

Понимая неизбежность поражения, Врангель заранее начал решать задачу эвакуации из Крыма всех солдат, их семей, а также тех гражданских лиц, которые пожелают уехать. Так как своих кораблей не хватало, Врангель обратился за помощью к союзникам. Союзники согласились помочь, но потребовали оплатить свои услуги. Не располагая, как Колчак, царским золотым запасом, Врангель пообещал отдать в качестве платы русские суда после перевозки людей в Турцию. Для того, чтобы скрыть приготовления, командованию Красной Армии была подброшена дезинформация о готовящейся десантной операции. В результате всех этих действий из Севастополя, Евпатории, Ялты, Судака и Керчи на 126 судах было эвакуировано 145 693 человека. При этом не было брошено ни одного раненого, ни одной женщины и ребенка. Поднявшись на борт крейсера «Генерал Корнилов» последним, Врангель оставил после себя только пустой причал Севастополя. Восхищенные французы послали ему телеграмму следующего содержания: «Адмирал, офицеры и матросы французского флота низко склоняют головы перед генералом Врангелем, отдавая честь его доблести».

В Турции армия была размещена в лагерях в Галлиполи, Чаталджи и Лемносе. Несмотря на то, что союзники, как уже говорилось, практически разоружили армию и оставили ее без обмундирования, Врангель, с честью выведший свои вой-

ска из тяжелого положения, пользовался у солдат и офицеров непререкаемым авторитетом. Поредевшие в боях дивизии были сведены в полки, насчитывающие в общей сложности 80 тысяч отборных солдат и казаков. Разумеется, как командующий сильной и хорошо организованной армии, генерал Врангель с первых дней эмиграции вызывал в Москве законное опасение. Агенты советских спецслужб вели за ним постоянное наблюдение, а 15 октября 1921 года на генерала было совершено покушение, которое предполагалось представить как морскую катастрофу.

Но покушение не удалось, Врангель остался жив и продолжал руководить армией, считая своей первоочередной задачей спасение ее от разложения. Дело в том, что вокруг армии крутились не только большевистские агенты, но и масса других людей, в частности, вербовщиков французского Иностранного легиона, собравшие немалый урожай.

Затем появились католические монахи, обещая нуждавшимся и отчаявшимся утешение и покой в лоне единственно благодатной Церкви...

Спокойный и владевший собой Врангель вспылил и заявил французам: «Если французское правительство настаивает на том, чтобы уничтожить русскую армию, наилучшим выходом было бы высадить ее с оружием в руках на берегу Черного моря, чтобы она могла по крайней мере достойно погибнуть»²².

Осознав, что от бывших союзников, и прежде всего французов, помощи ожидать не стоит, Врангель стал решать задачу по обустройству ВСЮР самостоятельно. При этом он во всеуслышание заявил:

«Я ушел из Крыма с твердой надеждой, что мы не вынуждены будем протягивать руку за подаванием, а получим помощь от Франции как должное, за кровь, пролитую в войне, за нашу стойкость и верность общему делу спасения Европы. Правительство Франции, однако, приняло другое решение. Я не могу не считаться с этим и принимаю все меры, чтобы перевести наши войска в славянские земли, где они встретят братский прием»²³.

К концу 1921 года хлопоты Врангеля об устройстве частей русской армии в Сербии и Болгарии увенчались успехом, и полки ушли из Галлиполи и с Лемноса. После этого Врангель, перебравшийся в сербский город Сремски Карловицы, поставил перед собой задачу — объединить вокруг армии все политические организации белой эмиграции. А так как со временем армия как вооруженная сила перестала существовать, то 1 сентября 1924 года Врангель издал приказ № 35, подтвержденный 1 декабря того же года, согласно которому армия преобразовывалась в Русский Обще-Воинский Союз (РОВС). Во временном положении о РОВС говорилось, что этот союз «образуется с целью объединить русских воинов, ...укрепить духовную связь между ними и сохранить их как носителей лучших традиций и заветов Российской Императорской Армии». Первоначально РОВС состоял из четырех отделов, созданных по географическому признаку:

1-й отдел — Франция и Бельгия;

2-й отдел — Германия, Австрия, Венгрия, Латвия, Литва и Эс-тония;

3-й отдел — Болгария и Турция;

4-й отдел — Сербия, Греция и Румыния.

А поскольку позднее отделы РОВС были созданы практически во всех европейских странах, где проживали русские эмигранты, то в них вошли не только кадры ВСЮР, но и других белых армий.

Впрочем, деятельность Врангеля не всегда встречала поддержку со стороны других лидеров белой эмиграции. Непрекращающиеся межпартийные противоречия и интриги вокруг армии, по мнению Врангеля действующие на нее разлагающе, даже вынудили его еще 8 сентября 1923 года издать приказ № 82, запрещающий армейским чинам вступать в какие-либо политические организации.

Что касается конкретных действий против советской власти, то Врангель считал бесперспективной подпольную вооруженную борьбу на территории СССР и выступал противником всякой тайной деятельности, справедливо опасаясь

провокаций со стороны ВЧК-ОГПУ. Поэтому, когда в марте 1924 года «местоблюститель престола» великий князь Николай Николаевич назначил генерала Кутепова руководителем тайных операций против большевиков, Врангель распоряжением № 14 от 21 марта 1924 года освободил его от обязанностей своего помощника.

Горячо возражал Врангель и против контактов Кутепова с так называемым МОЦР — Монархическим объединением Центральной России — под прикрытием которого контрразведывательный отдел ОГПУ проводил операцию «Трест», целью которой было подмять под себя эмигрантские организации и навязать им тактику, от которой они разложились бы от безделья. А после встречи в ноябре 1923 года с бывшим генерал-лейтенантом царской армии Н.М. Потаповым, работавшим на ОГПУ и посетившим Варшаву, Париж и Сремски Карловицы в качестве начальника штаба МОЦР, Врангель в очередной раз предостерег Кутепова и великого князя Николая Николаевича об угрозе советской азефовщины.

Не смог переубедить генерала и В. Шульгин, в декабре 1925 — феврале 1926 года при помощи главы МОЦР А. Якушева «нелегально» посетивший СССР с документами «советского ответработника» И.К. Шварца, и после этой поездки ставший горячим сторонником «Треста». Такая позиция Врангеля привела к тому, что он постепенно был отодвинут от тайной деятельности против СССР, проводимой Кутеповым. Возможно, именно поэтому ИНО ОГПУ в середине 20-х годов не проявлял к нему особого интереса.

Однако в 1927 году, после скандального разоблачения «Треста» и провала работы Боевой организации Кутепова на территории СССР отношение Врангеля к тайной антисоветской деятельности изменилось. В письме своему другу генералу И. Барбовичу от 9 июня 1927 года он с горечью констатировал:

«Разгром ряда организаций в России и появившиеся на страницах зарубежной русской печати разоблачения известного провокатора Опперпута-Стауница-Касаткина вскрывают в полной мере весь крах трехлетней работы А.П. Кутепова.

То, о чем я неоднократно говорил и Великому Князю, и самому Александру Павловичу, оказалось, к сожалению, правдой. А.П. попал всецело в руки советских Азефов, явившись невольным пособником излавливания именем Великого Князя внутри России врагов советской власти»²⁴.

После провала Кутепова Врангель, переехавший в сентябре 1926 года в Брюссель, стал для многих лидеров эмиграции, в том числе и для великого князя Николая Николаевича, потенциальным руководителем нелегальной антисоветской организации. Не желая на этот раз вновь доверить эту работу Кутепову, которого в данном вопросе он считал некомпетентным, Врангель предпринял попытку создать свой центр для ведения подпольной деятельности против Советского Союза. В июле 1927 года по указанию Врангеля генерал П. Шатилов составил записку с изложением основных задач нелегальной работы в СССР, целью которой являлось свержение советской власти. Для достижения этой цели Шатилов предлагал следующее:

«1) Непрекращающиеся террористические акты в отношении виднейших вождей нынешнего правительства и его представителей на местах; 2) нащупывание активных контрреволюционных элементов и образование среди них национальных ячеек; 3) искание связей с постоянным составом красной армии; 4) установление ячеек в рабочей среде и связь с районами крестьянских восстаний; 5) создание более крупных контрреволюционных центров с филиалами на местах»²⁵.

В качестве прикрытия для такого центра Шатилов предлагал использовать редакцию какой-нибудь белоэмигрантской газеты, которая имела бы на территории Финляндии, Эстонии, Литвы и Румынии свои представительства. Через них в СССР можно было переправлять агитационные материалы, оружие, боеприпасы и т.д. На самой советской территории предполагалось создать конспиративные пункты связи от границы до конечных центров. В прилагаемой к записке схеме предусматривалась организация 5 приграничных ячеек, 9 головных и 15 промежуточных пунктов для связи

с 6 крупными центрами Советского Союза. Общие расходы на первый год работы центра, по расчетам Шатилова, должны были составить 360 400 французских франков или около 12 000 долларов.

Врангель одобрил предложения Шатилова, и даже утвердил первый годовой бюджет будущего центра. Он составил около 600 тысяч французских франков, а в дальнейшем предполагалось покрывать расходы внутри СССР путем печатания советских рублей. Однако внезапная «болезнь» и смерть Врангеля расстроили эти планы.

Все началось с того, что в начале марта 1928 года денщик Врангеля Яков Юдихин обратился к генералу с просьбой приютить на несколько дней в доме своего брата, тоже бывшего солдата, приехавшего к нему в гости. (Позднее выяснилось, что этот «брат», о котором Юдихин никогда раньше не говорил, был матросом советского торгового корабля, стоявшего в это время в Антверпене.) Врангель ответил на просьбу Юдихина согласием. Через несколько дней брат денщика уехал, и вслед за ним неожиданно пропал и сам Юдихин. А 18 марта Врангель неожиданно заболел. Осмотревший генерала русский врач Вейнерт определил у него грипп, прописал лекарства, но болезнь не отступала. По воспоминаниям матери генерала, баронессы Марии Дмитриевны Врангель, это были «тридцать восемь суток сплошного мученичества! Его пожирала 40-градусная температура... Он метался, отдавал приказания, порывался встать. Призывал секретаря, делал распоряжения до мельчайших подробностей».

Ввиду ухудшения состояния Врангеля, его обследовали авторитетные бельгийские врачи и приехавший из Парижа профессор медицины И. Алексинский. Они поставили ему диагноз «интенсивный туберкулез». Все домашние были крайне удивлены этим диагнозом: ведь за всю свою жизнь генерал ни разу не болел туберкулезом, и более того, никаких намеков на эту болезнь у него не было. Между тем болезнь удивительно быстро прогрессировала. Врангеля скрутило буквально за несколько дней, и 25 апреля 1928 года он

умер. При вскрытии в его организме было обнаружено большое количество туберкулезных палочек явно внешнего происхождения. Такое могло случиться только в том случае, если ему в еду подбросили туберкулин. А по воспоминаниям дочери генерала, Елены Петровны Мейендорф, их семья жила очень просто, и сделать это не составляло никакого труда.

Личность агента ОГПУ, отравившего Врангеля туберкулином, пока не установлена. Но то, что его смерть была результатом хорошо спланированной спецоперации, в настоящее время не вызывает сомнений.

Вот что пишет об этом историк Д. Волкогонов, долгое время работавший в самых закрытых советских архивах:

«Вечером (14 ноября 1992 года — авт.) мне позвонил из Нью-Йорка Петр Петрович Врангель — сын известного белого генерала. Ему 82 года. Старик хотел “перед смертью узнать правду о кончине отца, крепкого, здорового 48-летнего человека”. Я рассказал ему, что, как только Петр Николаевич Врангель оказался после печального исхода из России в Париже, ГПУ установило за ним слежку. Многие бедствующие белые офицеры быстро попадали в сети советских спецслужб. Недостатка в волонтерах у ГПУ не было. Некоторые пытались таким образом “заслужить” себе право вернуться на родину. Один из близких людей П.Н. Врангеля оказался сотрудником ГПУ и смог отравить генерала»²⁶.

Многие зарубежные и отечественные исследователи считают, что Врангель был убит из-за того, что чуть было не загубил карьеру агента ОГПУ в РОВС генерала Н. Скоблина. Их версия звучит так. Командир Корниловского полка генерал-майор Н.В. Скоблин был женат на знаменитой русской певице Надежде Плевицкой. В октябре 1926 года Плевицкая дала в Нью-Йорке серию концертов, на которые пригласила служащих советского посольства, а возмущенный этим фактом Врангель под давлением общественного мнения отдал 9 февраля 1927 года приказ об освобождении Скоблина от командования корниловцами, тем самым подписав себе смертный приговор.

Но при ближайшем рассмотрении эта версия не имеет под собой никаких оснований. Дело в том, что пытаясь укрепить влияние Врангеля среди ветеранов белой армии, генерал Шатилов в том же 1927 году убедил его вернуть Скоблина в Корниловский полк. Более того, Скоблин и Плевицкая были завербованы ОГПУ лишь в январе 1931 года. Так что у чекистов не было никаких оснований убивать Врангеля для того, чтобы ничего не значащий для них в тот момент генерал Скоблин занял его место.

Причины убийства Врангеля были гораздо глубже. Дело в том, что возвращение Врангеля к активной антисоветской деятельности было для ОГПУ неожиданным. Внедрить же в короткий срок в окружение генерала агентуру для освещения его тайной деятельности чекистам не удалось, поскольку Врангель полностью доверял лишь узкому кругу проверенных соратников. А так как в 1927 году активность белогвардейских боевиков как на территории СССР, так и за границей резко усилилась, не на шутку встревоженное кремлевское руководство решило принять кардинальные меры.

КТО УБИЛ МАРШАЛА ЧЖАН ЦЗОЛИНЯ?

Не менее напряженным, чем на Западе, во второй половине 1920-х годов оставалось положение на восточных границах СССР. Захват советскими спецслужбами атамана Анненкова в марте 1926 года и открытый судебный процесс над ним, безусловно, нанесли белой эмиграции в Китае чувствительный удар. Но ее лидеры не сложили оружие и продолжали вынашивать планы антисоветских действий: от засылки на территорию СССР террористов-одиночек до фантастических замыслов подрыва железнодорожных тоннелей в Забайкалье и Приамурье. Так, например, генерал А. Андогский предложил сформировать несколько десятков летучих партизанских отрядов численностью порядка 25 человек каждый, хорошо вооруженных и знающих местность, для нападения на советскую территорию. Дальше пошел бывший

атаман Забайкальского казачьего войска генерал Шильников, в свое время служивший у атамана Семенова. В пограничной зоне по реке Аргунь он создал казачьи посты, на основе которых позднее организовывались партизанские отряды, среди которых наиболее активными были бандгруппы под командованием полковника Г. Почекунина и казаков Гордеева и Мыльников. Тогда же в районах станции Пограничной, Никольска-Уссурийского, Владивостока и Судана действовали отряды капитана Петрова и подполковника Емлина.

Так называемое «партизанское движение» в Северном Китае привлекло к себе внимание европейских лидеров белой эмиграции. Так, Высший монархический совет направил в Харбин особую группу под командованием капитана 1-го ранга К. Шуберта, в которую входили капитаны 2-го ранга Б. Апрелев, полковники Ю. Апрелев, Н. Флоров и ряд других офицеров. В их распоряжение было выделено 40 тыс. иен для формирования и финансирования партизанских отрядов. Позднее из Америки в Харбин с теми же целями прибыл представитель великого князя Николая Николаевича генерал-майор Н. Сахаров. Поддержало партизан и «Братство русской правды» во главе с генералом П. Красновым, выделив для них 2 тыс. долларов. А «Дальневосточный корпус русских добровольцев» со второй половины 20-х годов финансировал три регулярно действующих отряда, каждый численностью от 15 до 30 человек. Один из них, под командованием П. Вершинина, оперировал в Забайкалье, второй, под началом С. Марилова, — в Приморье, а третий, которым руководил старообрядец Н. Худаков, — в Амурской области. Оружие эти отряды получали из Харбина через Н. Мартынова, который сам неоднократно участвовал в набегах на советскую территорию.

Кроме вооруженных налетов на территорию СССР белоэмигрантские организации пытались проводить и акты индивидуального террора против находящихся в Китае советских официальных представителей. Одним из них был полпред СССР в Пекине Лев Карахан, покушение на которого,

как утверждает находившаяся в то время в Китае в качестве переводчика советских военных советников В. Вишнякова-Акимова, было предотвращено лишь благодаря вмешательству китайской полиции. «Когда в конце 1925 года он (Карахан — авт.) возвращался из отпуска, проведенного в Советском Союзе, — вспоминала она, — в Харбине были арестованы русские белогвардейцы, готовившие на него покушение»²⁷.

Разумеется, подобная активность белоэмигрантов не могла оставаться безнаказанной. Поэтому Восточно-Сибирским краевым ПП ОГПУ и местными органами госбезопасности на территории Маньчжурии регулярно проводились спецоперации по ликвидации предводителей и организаторов «партизанских» отрядов. Так, зимой 1926 года на улице города Маньчжурия советскими агентами был похищен и вывезен в СССР полковник Ктиторов. Тогда же из Восточной Маньчжурии (район Мулинских копий) с помощью хунхузов и агентов ОГПУ на копиях С. Скидельского, Н. Брусиенко, Н. Гнедых и П. Малаховского были захвачены полковник Жилинский, партизаны А. Рудых, Овечкин-Петров, Понявкин и другие.

А через некоторое время в том же районе были убиты партизаны Синев, Стрелков, Шошлов, Рудых-младший и другие. Там же спустя два года агенты Гродековского отдела ОГПУ Бажено и Князев убили старого партизана Дудко по кличке «Монашек».

Кроме борьбы с белой эмиграцией советская разведка занималась в Китае и своим прямым делом — сбором политической и военной информации в этом далеко не спокойном регионе. Но при этом ИНО ОГПУ и Разведупр РККА не только внимательно отслеживали происходящие в Китае события, но и активно вмешивались в них, причем иногда дело доходило даже до физической ликвидации некоторых неугодных Кремлю китайских правителей. Примером тому может служить убийство 4 июня 1928 года главы мукденской группы китайских «милитаристов» маршала Чжан Цзолиня.

Родившийся в 1876 году, Чжан Цзолинь в молодости был хунхузом — так в Маньчжурии называли бандитов, объединившихся в многочисленные шайки и промышляющие грабежом и убийствами. Став со временем предводителем одной из таких банд, Чжан Цзолинь во время русско-японской войны 1904—1905 годов воевал на стороне японцев, которые использовали хунхузов для рейдов по тылам русской армии, где они совершили немало кровавых преступлений. После войны Чжан Цзолинь, будучи японской креатурой (в частности, ему покровительствовал будущий премьер-министр Гюити Танака), со своим отрядом был принят в регулярную китайскую армию и сделал там стремительную карьеру, дослужившись до генеральского чина и должности командира дивизии.

Свержение в 1911 году Цинской императорской династии еще больше упрочило положение Чжан Цзолиня, и в 1916 году, воспользовавшись слабостью пекинского правительства, он при тайной поддержке Японии попытался объявить Маньчжурию независимой от Китая. Пекин, боясь потерять богатые, с относительно развитой промышленностью северные области, назначил Чжан Цзолиня военным губернатором Мукдена и генерал-инспектором восточных провинций, пытаясь тем самым купить его лояльность. Но в 1917 году, после подавления в Пекине монархического путча генерала Чжан Сюня, Чжан Цзолинь окончательно перестал подчиняться центральному правительству и стал фактическим правителем Маньчжурии, превратившись тем самым в так называемого «провинциального милитариста».

Здесь необходимо пояснить, что китайский «провинциальный милитаризм» — явление весьма своеобразное и характеризуется системой дуцзюната, при которой военный губернатор провинции (дуцзюн), командовавший размещенными в ней войсками, совмещал функции военной и гражданской власти. В условиях ослабления центрального правительства роль дуцзюнов быстро выросла, они стали полновластными хозяевами контролируемых ими территорий, а очень скоро их власть распространилась на большую часть

Китай. Опорой дуцзюнов были их наемные армии, с отсталой организацией и палочной дисциплиной, плохо вооруженные, но вполне пригодные для борьбы одного дуцзюна против другого. Если же говорить конкретно, то к 1918 году в Китае образовалось несколько основных группировки, претендующие на власть в стране: северные — фыньтяньская или мукденская во главе с Чжан Цзолинем, и аньфуистская во главе с Дуань Цижунем; центральная (чжилийская) во главе с Цао Кунем и У Пейфу; и южная, где главную роль играл лидер партии Гоминьдан Сунь Ятсен.

Что касается Чжан Цзолиня, то его шансы на победу были довольно высоки. Во-первых, он пользовался поддержкой Японии, во-вторых, в Маньчжурии была самая развитая в Китае железнодорожная сеть и находилась большая часть предприятий тяжелой промышленности, построенных, главным образом, японцами, и, в-третьих, он обладал необходимыми для лидера качествами. Вот, например, какую характеристику дает Чжан Цзолиню русский эмигрант П. Балакшин, никогда не замеченный в симпатиях к маршалу:

«Небольшого роста несмотря на свое маньчжурское происхождение, худощавый, вкрадчивый, с виду мягкий, но неуклонно стремящийся к своей цели, необразованный и даже неграмотный, Чжан Цзолинь проявил себя достойным правителем маньчжурского народа. В расшитом золотом мундире, увешанный звездами и орденами (местного или японского производства), в головном уборе с белым плюмажем, он производил на своих подчиненных внушительное впечатление.

Кроме природного ума, хитрости, политической изворотливости, в нем было много личного обаяния — если это выражение можно применить к типичному китайскому правителю того времени. Свои политические ставки Чжан Цзолинь всегда делал с расчетом извлечь выгоду для себя и укрепить свою власть. Он жаловал иностранцев и у него всегда находились иностранные советники, в том числе военный советник генерал Г.И. Клерже (бывший русский генерал, военный разведчик — авт.). Чжан Цзолинь играл немалую роль

в проведении японских планов в отношении Маньчжурии и Китая, и при его штабе находились в качестве советников офицеры японского Генерального Штаба»²⁸.

Став главой мукденской группировки, Чжан Цзолинь при поддержке японцев к 1920 году взял под свой контроль Пекин. Тогда же лидеры чжилийского клана Цао Кунь и У Пейфу начали войну против аньфуистской группировки Дуань Цижуя. Чжан Цзолинь, давно мечтающий расширить свое влияние за пределы Северного Китая, присоединился к чжилийцам, после чего Дуань Цижуй потерпел поражение и бежал в Японию. В результате в июне 1920 года в Пекине было создано правительство сверхдущюней во главе с Цао Кунем, У Пейфу, Чжан Цзолинем и Ван Чэньюанем. Впрочем, этот союз оказался непрочным, и уже в декабре 1921 году Чжан Цзолинь был вынужден оставить Пекин и отвести свои войска в Маньчжурию. Но отказываться от своих планов он не собирался и, заключив союз с Сунь Ятсеном, в апреле 1922 года начал войну против чжилийской группировки. Однако уже в июне генерал У Пейфу, которого поддерживали англичане и американцы, разгромил войска Чжан Цзолия и Сунь Ятсена, после чего последний был ненадолго отстранен от власти и бежал из Кантона (Гуан-чжоу) в Шанхай.

Поражение в войне с У Пейфу и слабость Японии на международной арене заставили Чжан Цзолия выдвинуть лозунг «реорганизации Маньчжурии» с целью увеличения военно-экономического потенциала и достижения относительной экономической независимости. Его программа экономического развития Маньчжурии предусматривала активное использование природных ресурсов северо-восточных провинций, освоение пустующих земель, развитие промышленности и транспорта, улучшение системы образования. Кроме того, Чжан Цзолинь и вернувшийся в феврале 1923 года в Кантон Сунь Ятсена начали искать новых союзников. Таким мог стать Советский Союз, и весной 1923 года Сунь Ятсен послал в Москву делегацию во главе с Чан Кайши. Результатом этой поездки стало принятое в июне 1923 года III съездом компартии Китая решение о вступлении

КПК в Гоминьдан при сохранении политической и организационной самостоятельности. А 26 января 1924 года Сунь Ятсеном и советским представителем в Китае Адольфом Иоффе было подписано советско-китайское соглашение, после чего для оказания помощи гоминьдановскому правительству в Кантон была направлена группа советских политических консультантов под началом Михаила Бородин, а в мае в Вампу при участии советских специалистов была открыта военная школа. Контролировавший центральное правительство в Пекине У Пейфу, увидев в сближении Сунь Ятсена с Москвой опасность для своей власти, также приступил к урегулированию отношений с СССР. И уже 31 мая 1924 года в Пекине было подписано соглашение «Об общих принципах урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой».

Однако Кремль уже сделал свой выбор, на который в немалой степени повлияло объединение Гоминьдана и КПК. 20 сентября 1924 года в Мукдене СССР заключил с Чжан Цзолинем соглашение о Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), по которому дорога переходила под совместное советско-китайское управление. А уже в конце сентября, согласно достигнутым договоренностям, СССР предоставил Китаю (точнее, правительству Сунь Ятсена) заем в 10 млн. юаней и начал поставлять оружие для формирующейся Народно-освободительной армии Китая. Кроме того, в октябре 1924 года в Гуанчжоу прибыли первые советские военные советники во главе с В.Блюхером.

Заручившись таким образом поддержкой СССР, Чжан Цзолинь и Сунь Ятсен в сентябре 1924 года начали очередной поход против У Пейфу. Однако наступление кантонской армии на север окончилось поражением, что, правда, не спасло У Пейфу, так как против него выступил один из генералов чжилийской группировки Фын Юйсян, заявивший о своей поддержке национально-революционных идей Сунь Ятсена. В результате У Пейфу был разбит и оставил Пекин, после чего Чжан Цзолинь и Фын Юйсян сформировали новое правительство во главе с Дуань Цижуем. В декабре 1924 года в Пекин

прибыл Сунь Ятсен, предложивший собрать Национальное собрание с целью объединения Китая. Но 12 марта 1925 года он скоропостижно умер, после чего между «провинциальными милитаристами» вновь началась борьба за власть.

Осенью 1925 года сторонник У Пейфу генерал Сунь Чуньфан выступил против Чжан Цзолиня и в октябре захватил Шанхай. А в ноябре «национальная армия» Фын Юйсяна заняла Пекин. Положение мукденских войск осложнялось еще и тем, что в ноябре в Маньчжурии против Чжан Цзолиня поднял мятеж генерал Го Сунлин, войска которого быстро приближались к Мукдену. При этом советский управляющий КВЖД А. Иванов, следуя указаниям Кремля, который после смерти Сунь Ятсена не считал более Чжан Цзолиня своим союзником, пытался воспрепятствовать переброске фынтяньских войск из Цицикарской провинции под Мукден. Однако японцы не могли допустить разгрома своего верного союзника и оказали Чжан Цзолиню военную помощь. В результате Го Сунлин потерпел поражение, был схвачен японцами и расстрелян. Это сильно ослабило позиции Фын Юйсяна, тем более, что Чжан Цзолинь и У Пейфу под нажимом Японии и Англии в декабре 1925 года заключили между собой союз для «борьбы с красными» и перешли в наступление на Пекин и Тяньцзинь. Итогом этого союза стало поражение войск Фын Юйсяна и кантонской Народно-освободительной армии, которая в июле 1926 года предприняла очередной поход на Север.

Боевые действия против Фын Юйсяна и Чан Кайши потребовали от мукденской группировки максимального использования всех имеющихся в ее распоряжении ресурсов, в том числе и КВЖД. Поэтому неудивительно, что в январе 1926 года на КВЖД возник острый конфликт по вопросу об уплате за мукденские военные перевозки по железной дороге. Согласно установленному порядку за эти перевозки должна была вноситься плата в размере 50 % обычного тарифа, но мукденские военные власти ничего не платили. К концу 1925 года долги за перевозки составили 14 млн. руб., и 1 декабря 1925 года управляющий КВЖД А. Иванов издал при-

каз о запрещении впредь бесплатно пользоваться железной дорогой для воинских частей и грузов. Но вместо того, чтобы уладить проблему мирным путем, Чжан Цзолинь пошел на обострение ситуации — 16 января 1926 года отряд китайских солдат захватил поезд на станции Куанченчзы, запретив отправление груженого состава. 17 и 18 января китайское военное командование самовольно отправляло поезда, угрожая железнодорожным бригадам расстрелом в случае отказа. 21 января Иванов издал приказ № 128 о прекращении движения по КВЖД от Харбина до Куанченцзы, тем более, что в результате действий китайской военной администрации вся Южная ветка дороги была парализована. В ответ 22 января он был арестован, что означало фактический захват Чжан Цзолинем КВЖД.

Конфликт Чжан Цзолиня с Москвой приобретал все большую остроту. Весной 1926 года Чжан Цзолинь заявил, что не признает Карахана полпредом Советского Союза в Китае и потребовал его отзыва. Тогда советское руководство сделало попытку надавить на Чжан Цзолиня.

16 апреля по предложению И. Сталина Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное решение, в котором, в частности, говорилось: «Направить немедленно т. Серебрякова в Мукден и обязать его требовать от Чжан Цзолиня гарантий, заявив ему, что ответственность за бесчинства в отношении нашего полпредства в Пекине будет нести лично Чжан Цзолинь». Кроме того, Л. Серебрякову была дана специальная инструкция, которая предписывала «при переговорах указать Чжан Цзолиню на то, что известные японские круги согласны на замену Чжан Цзолиня другим буферным генералом, но что мы не усматриваем оснований к замене Чжан Цзолиня другим лицом при условии установления нормальных отношений»²⁹. Однако договориться с Чжан Цзолинем не удалось. В июне 1926 года он встретился в Пекине с У Пейфу для обсуждения дальнейших планов совместной борьбы с красными, а 21 августа 1926 года предъявил Правлению КВЖД следующие требования: передать мукденским властям все суда КВЖД и закрыть учебный отдел дороги. И

несмотря на протесты советской стороны, в сентябре маршал осуществил свои угрозы.

Проводимая Чжан Цзолинем в отношении СССР политика, а также военные неудачи союзников Москвы Фын Юйсяна и Чан Кайши (с последним, правда, в марте 1926 года отношения также осложнились) привели к тому, что в Кремле решили изменить сложившееся положение кардинальным путем, а именно — физически ликвидировать строптивного маршала. Эта операция была поручена военному советнику Фын Юйсяна, сотруднику Разведупра РККА, опытному диверсанту Христофору Салныню. Разрабатывая план операции, Салнынь задействовал Леонида Бурлакова, о котором стоит сказать несколько слов отдельно.

Леонид Яковлевич Бурлаков родился 27 октября 1897 года в городе Бугульме Саратовской губернии. Его отец после русско-японской войны работал конторщиком на КВЖД, где свою трудовую деятельность начал и молодой Леонид. Октябрьскую революцию мастеровой-медник Бурлаков встретил в Свеаборге. А в июне 1918 года он уже был во Владивостоке, где вступает в красноармейский отряд, после захвата Приморья белыми работает в Хабаровском арсенале, затем служит недолго по призыву в колчаковской армии, дезертирует, уходит в подполье, затем к партизанам и до 1920 года воюет против белогвардейцев и интервентов. В марте 1920 года Бурлаков формально вступает в большевистскую партию, работает во Владивостокском горкоме и Приморском областном отделе Госполитохраны Дальневосточной республики. После «меркуловского переворота» (после свержения Советской власти во Владивостоке в 1921 году власть захватило белогвардейское правительство во главе с купцами братьями Спиридоном и Николаем Меркуловыми) он переходит на нелегальное положение и занимается во Владивостоке разведывательной работой, создав обширную агентурную сеть. А в мае 1922 года прибывший во Владивосток Салнынь, в то время один из руководителей разведотдела 5-й армии, поручает Бурлакову руководство агентурной сетью в Приморье и Китае, где сосредоточились белогвар-

дейские войска. Не будучи кадровым разведчиком (официально Бурлаков являлся инструктором информационного отдела губкома РКП(б)), он привлекается к участию во многих важных операциях Разведупра РККА и ОГПУ: в 1923 году налаживал связь с агентурой в оккупированном японцами Сахалине, в 1924 году нелегально работает в Маньчжурии, в мае-июне 1925 года по заданию облотдела ОГПУ действует в Кантоне, а с 1926 года находится в подчинении у Салныня в качестве курьера.

Разработанный Салнынем план предполагал ликвидацию Чжан Цзолиня посредством взрыва мощной мины в его дворце в Мукдене. Пронести мину во дворец, установить ее в апартаментах маршала и поставить часовой механизм на ночное время должны были агенты Салныня в музыкальном оркестре, который в конце сентября давал там концерт. А доставить мину в Маньчжурию было поручено Бурлакову³⁰.

24 сентября 1926 года Бурлаков с документами на имя Ивана Яковлевича Шугина прибыл на железнодорожную станцию Пограничная, где должен был передать мину агенту Салныня Медведеву, служившему в полиции КВЖД. Но Медведев уже находился под наблюдением спецслужб Чжан Цзолиня. Заметив его контакт с одним из советских пассажиров, полицейские обысками вагон и обнаружили мину, после чего Бурлаков, Медведев и его помощник Власенко были арестованы. После первых допросов Бурлаков совершил побег, но в трех километрах от станции был выдан стрелочником, у которого пытался спрятаться, избит и отправлен в Харбин.

Официальные советские власти незамедлительно отrekliсь от Бурлакова, назвав его «белобандитом», а подготовку покушения на Чжан Цзолиня свалили на эмигрантов, хотя этому мало кто поверил. Летом 1927 года харбинский суд приговорил Бурлакова к 9 годам и 2 месяцам каторжной тюрьмы, а Медведева и Власенко — к 5 годам. В мукденской тюрьме Бурлаков более двух лет находился в одиночке, заключенный в кандалы, поскольку китайские власти сочли его

«летающим человеком», т. е. склонным к побегу. Но в Разведупре не забыли о своих агентах. Жены Медведева и Власенко регулярно получали через сотрудника советского консульства в Харбине Власа Рахманова (резидента Разведупра «Марка») денежное содержание. Более того, готовился побег заключенных, не состоявшийся из-за усиления охраны тюрьмы. В 1929 году была предпринята попытка выкупить Бурлакова, для чего в Мукден приехала его жена Вера Петровна. Однако ей удалось за крупную взятку лишь освободить его от кандалов. На свободу Бурлаков, Медведев и Власенко вышли только 14 апреля 1930 года, когда их обменяли на пятерых китайских офицеров, взятых в плен во время боев на КВЖД.

После неудавшегося покушения отношения Чжан Цзолиня с Москвой приняли откровенно враждебный характер. В ноябре 1926 года он выступил против Народно-освободительной армии под командованием генерала Сунь Чуаньфана и нанес ей поражение в районе Цзюцзян-Нанкин. 1 декабря 1926 года он стал главой всех северных «милитаристов» и командующим объединенной армии Ань Гоцзюнь (Армия умиротворения государства), выступив с «антикрасным манифестом», в котором подверг нападкам КПК. Позднее среди населения Северо-Восточного Китая стали распространяться листовки, в которых, в частности, говорилось: «Большевизм идет подобно ядовитым змеям и хищным зверям... Наши надежды — армия Ань Гоцзюнь, которая, подобно дождю после засухи, придет и спасет нашу жизнь»³¹.

Тогда же Чжан Цзолинь начал активно поддерживать Чан Кайши, который еще в марте 1926 года выгнал коммунистов из ряда частей Народно-освободительной армии, разорвал дипломатические отношения с СССР, а в апреле 1927 года подавил коммунистическое восстание в Шанхае и создал в Нанкине новое правогоминьдановское правительство Ху Ханмина (в противовес левогომиньдановскому и коммунистическому правительству в Ухане во главе с Ван Цзинвэем), после чего советские военные и политические советники были вынуждены спешно покинуть Китай. В феврале 1927

года Чжан Цзолинь обнародовал свою новую политическую платформу, сочетававшую «развитие народного управления» и ликвидацию «красных экстремистов», а 25 июня направил Чан Кайши телеграмму, в которой заявил о своей готовности заключить союз для совместной борьбы с «красными». При этом он называл себя давним другом Сунь Ятсена, а свои действия характеризовал как осуществление его воли. В телеграмме также говорилось, что он выступает только против «красных» и именно против них ведет войну.

В начале 1927 года войска уханьского правительства и Фын Юйсина начали очередное и поначалу успешное наступление на север. В ответ Чжан Цзолинь, опасаясь восстания в Маньчжурии, провел ряд акций против советских представительства: 11 марта был произведен обыск в харбинском торгпредстве, 16 марта была закрыта харбинская контора советского акционерного общества «Транспорт», 31 марта произведен обыск на квартирах председателя Дорпрофсожа (профсоюза рабочих железной дороги) Степаненко, инструктора Косолапова и заведующего харбинской телеграфной конторой КВЖД Вильдгрубе, а 6 апреля совершен налет на советское консульство в Пекине. В ходе обыска в помещениях военного атташата полиция изъяла огромное количество документов, в том числе шифры, списки агентуры и поставок оружия КПК, инструкции китайским коммунистам по оказанию помощи в разведработе. Тогда же были проведены массовые аресты китайских коммунистов в Пекине, из которых 25 человек, в том числе одного из основателей КПК Ли Дачжао, 28 апреля расстреляли.

Более того, 28 февраля 1927 года по приказу Чжан Цзолиня под Нанкином был захвачен советский пароход «Память Ильича» и арестованы находившиеся на нем три дипкурьера и жена главного советского политического советника Фаина Бородина. После этого Чжан Цзолинь попытался надавить на М. Бородина с целью добиться заключения перемирия между Югом и Севером. А когда в мае торг провалился, Ф. Бородину перевели в пекинскую тюрьму, где в июне она предстала перед судом по обвинению в перевозе оружия

и агитационной литературы. Однако судью Хо удалось подкупить (ему была дана взятка в 200 тыс. долларов), после чего он 12 июля вынес оправдательный приговор и немедленно скрылся. Выпущенная на свободу Ф. Бородина некоторое время скрывалась в Пекине, а потом верблюдскими тропами через Синьцзян была вывезена в СССР.

Устраивая провокации против советских граждан и учреждений в самой Маньчжурии, Чжан Цзолинь активно подталкивал лидеров обосновавшихся в Северном Китае эмигрантских белогвардейских организаций и главарей банд хунхузов к вооруженным нападениям на советскую территорию. Так, только за 1927 год государственную границу СССР нарушило 57 войсковых групп, численность каждой из которых в среднем составляла около 10 человек. А за 1927—1928 годы согласно обзору Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ на советско-китайской границе белогвардейские отряды и хунхузские бандгруппы свыше 90 раз проникали на советскую территорию. При этом пограничниками было ликвидировано около 20 белогвардейских отрядов и бандгрупп, убито свыше 160 и ранено около 100 человек, задержано свыше 34 тыс. нарушителей границы³².

Между тем положение Чжан Цзолиня продолжало оставаться весьма сложным. В конце 1927 — начале 1928 года он был вынужден воевать сначала против уханьской Народно-освободительной армии, а затем против войск Чан Кайши и присоединившегося к тому Фын Юйсяна. Поэтому в 1928 году Чжан Цзолинь через своего сына Чжан Сюэдяна начал переговоры с японцами, пытаясь при их поддержке создать в Северо-Восточном Китае «Независимую Маньчжурскую республику». В Токио против замыслов Чжан Цзолиня не возражали, но поставили следующие условия:

- 1) На территории Маньчжурии и Внутренней Монголии образуется под протекторатом Японии буферное государство под названием «Независимая Маньчжурская республика».

- 2) Япония берет на себя обязательство содействовать включению в новое буферное государство Внешней Монголии.

3) Новое маньчжурское государство отказывается от активных действий против правительства собственно Китая, но одновременно обязуется бороться против коммунистического движения.

4) Новое маньчжурское правительство обязуется вести агрессивную политику в отношении интересов СССР в Северной Маньчжурии³³.

Однако о переговорах Чжан Цзолиня с японцами вскоре стало известно резиденту ИНО ОГПУ в Харбине Науму Эйтингону, который немедленно сообщил о них в Москву. В Кремле увидели в этих переговорах прямую угрозу дальневосточным границам СССР и вновь приняли решение ликвидировать Чжан Цзолиня. Проведение этой операции было поручено Эйтингону и Салныню, который с 1927 года руководил нелегальной резидентурой в Шанхае. Привлечение Салныня к операции обуславливалось тем, что у него в Маньчжурии имелась многочисленная агентура как среди русских эмигрантов, так и китайцев, что позволяло провести ликвидацию таким образом, что все подозрения падали бы на японцев.

В ночь на 4 июня 1928 года спецпоезд Чжан Цзолиня отправился из Пекина в Мукден. Когда состав подошел к пригородам Мукдена, под вагон-салон Чжан Цзолиня раздался мощный взрыв, в результате которого он был смертельно ранен в грудь и через несколько часов скончался в мукденском госпитале. Кроме него во время взрыва погибло еще 17 человек, в том числе и генерал У Цзяншен. В Мукдене на похоронах маршала присутствовали его сын генерал Чжан Сюэлян, глава делегации японского правительства генерал барон Хаяси, командующий японской армией в Маньчжурии генерал Хондзе, военный советник покойного японский генерал Нанао, его адъютант полковник Кэндзи Доихара (двое последних в ночь на 4 июля провожали Чжан Цзолиня на пекинском вокзале). Председатель правления японской акционерной компании Южно-Маньчжурской железной дороги Сюмэй Окава на похоронах не присутствовал вследствие нервного потрясения.

Поскольку мина была заложена в виадуке на стыке Пекин-Мукденской и Южно-Маньчурской железных дорог, который охранялся не китайскими, а японскими солдатами, все посчитали, что покушение было организовано японцами, которые, дескать, были недовольны контактами Чжан Цзолиня с Вашингтоном через ставшего его советником американца Свайнхэда, опасаясь потерять контроль над Маньчжурией. Называлось даже имя японского офицера, который привел в действие электрический детонатор — майор Томи. Впрочем, сами японцы обвинили в убийстве маршала гоминьдановских партизан.

Долгое время версия о ликвидации Чжан Цзолиня японцами никем не оспаривалась. Более того, в 1946—48 годах на Международном военном трибунале над японскими военными преступниками в Токио эта версия даже получила подтверждение в показаниях свидетелей. Так, свидетель адмирал Кэйсукэ Окада (бывший военно-морской и военный министр, в 1934—1936 годах — премьер-министр) показал, что руководители штаба японской армии в Маньчжурии во главе с генералом Хондзе, недовольные Чжан Цзолинем, стремились к скорейшей оккупации Маньчжурии. Группа офицеров штаба, по словам адмирала, организовала взрыв поезда, причем для свободы действий якобы «изолировала» генерала Хондзе. Также, по показаниям адмирала, премьер Танака, военный министр-генерал Сиракава и сам Окада, крайне недовольные гибелью маршала, настаивали на расследовании убийства, но из-за оппозиции со стороны руководства генштаба вопрос был закрыт.

Другой свидетель генерал Рюкити Танака, в годы войны возглавлявший бюро военной службы и дисциплины военного министерства, говоря об убийстве Чжан Цзолиня, утверждал:

«Убийство Чжан Цзолиня планировалось старшим штабным офицером Квантунской армии полковником Кавамото... Целью являлось избавиться от Чжан Цзолиня и установить новое государство, отдельное от нанкинского правительства (Чан Кайши — авт.) во главе с Чжан Сюэ-ляном....

В результате 4 июня 1928 года поезд, шедший из Пекина, был взорван... В этом покушении, в котором использовался динамит, участвовали часть офицеров и неофицерский состав из двадцатого саперного полка, прибывшего в Мукден из Кореи, и среди них капитан Одзаки»³⁴.

Однако уже в конце 40-х годов японцы категорически отказались от своей причастности к убийству Чжан Цзолиня, утверждая, что для ликвидации маршала у них не было никаких причин. Более того, выяснилось, что генерал Рюкити Танака, находясь в советском плену, был завербован в качестве осведомителя МГБ СССР, а на Токийском процессе давал показания, продиктованные советской стороной, за что был переведен из обвиняемых в свидетели. Делалось это следующим образом:

«Приступая к следствию, сотрудник (госбезопасности — авт.) определял, кто из группы обвиняемых должен стать основным разоблачителем, при этом учитывались психические и моральные качества человека. Зачастую таковым становился агент (секретный сотрудник, осведомитель). В течение определенного времени заготавливался так называемый “ключевой протокол допроса”, в котором разоблачитель признавал свою руководящую роль в группе, называл ее участников и преступные цели, ставившиеся ею... Готовый документ тщательно корректировался руководящим составом Управления НКВД так, чтобы “комар носа не подточил”. Лишь после этого он считался окончательным, и разоблачитель подписывал его. Черновые записи, сделанные на предыдущих допросах, следователь уничтожал»³⁵.

Таким разоблачителем на Токийском процессе и был Рюкити Танака. Что же до убийства Чжан Цзолиня, то в начале 90-х годов историк Д. Волкогонов, имевший доступ к самым закрытым советским архивам, говоря об организаторе убийства Льва Троцкого Н. Эйтингоне, признал, «что в его биографии есть эпизоды, связанные с “делом Чжан Цзолиня”»³⁶. Впрочем, Британская энциклопедия (и вслед за ней ряд других изданных на Западе справочников) в 90-х годах в статье о Чжан Цзолине продолжали возлагать ответственность

за его убийство на «японских экстремистов», которые якобы надеялись спровоцировать таким образом японскую оккупацию Маньчжурии.

Однако ликвидация Чжан Цзолия не принесла Москве желаемых результатов. Преемник маршала, его сын Чжан Сюэлян в январе 1929 года вступил в союз с Чан Кайши, признал нанкинское правительство, а в августе начал подготовку к вооруженному столкновению с СССР, которое произошло 17–20 ноября 1929 года в районе КВЖД. Более того, потеряв после смерти Чжан Цзолия контроль над Северным Китаем, Япония в 1931 году оккупировала Маньчжурию и создала на ее территории марионеточное государство Маньчжоу-Го, получив тем самым возможность развернуть Квантунскую армию у самых границ СССР.

Готовясь к вооруженному столкновению с СССР, Чжан Сюэлян сквозь пальцы смотрел на активизацию белоэмигрантского партизанского движения. Между тем в начале 1929 года в Харбин прибыли представители РОВС во главе с капитаном К. Шубертом. Встретившись с Н. Мартыновым, Шуберт обсудил с ним способы проведения диверсионных операций на советской территории, после чего у него состоялись переговоры с генералом Н. Сахаровым, во время которых был поднят вопрос об объединении всех партизанских отрядов под единым командованием. Но из-за разногласий между партизанскими командирами дальше обсуждения дело так и не сдвинулось. Например, глава находившейся в Маньчжурии группировки «Центр действий» полковник Ф. Назаров настаивал на том, чтобы именно он руководил партизанами и требовал от Шуберта и Сахарова только денег и оружия. Пытаясь доказать обоснованность своих претензий, Назаров со своим отрядом дважды проникал на советскую территорию, но каждый раз с большими потерями был вынужден бежать в Китай. В июне 1930 года отряд Назарова вновь совершил рейд на советскую территорию, но 17 июня был окружен войсками ОГПУ. Видя, что плен неизбежен, Назаров покончил жизнь самоубийством.

Плачевно закончились и другие попытки Шуберта и Сахарова организовать партизанские рейды в СССР. Так, в октябре 1929 года в Приморье, в горах Сихотэ-Алинь войсками ОГПУ был уничтожен отряд бывшего командира Омского стрелкового полка полковника Мохова.

Тогда же в Амурской области пограничники разгромили отряд полковника В. Дуганова. Всего же только пограничниками в период с января по октябрь 1929 года было ликвидировано шесть вооруженных белогвардейских групп, проникших на советскую территорию с разведывательно-диверсионными целями.

Неудачи партизанского движения во многом связаны с отличной работой советских спецслужб, которые своевременно добывали информацию о планах белой эмиграции. Так, например, в докладе Разведупра Штаба РККА руководству страны от 20 сентября 1929 года говорилось:

«Белые продолжают деятельность по формированию отрядов. Базами формируемых белых отрядов являются Харбин (генерал Сахаров, Савич), Муланские копи (ст. Мулан) по всей линии КВЖД и Маньчжурско-Хайларский район. Количество всех активных белых в Северной Маньчжурии достигает 5—6 тысяч человек. Работу по формированию белых ведут в основном с бело китайцами или пытаются создать партизанские отряды для переброски на нашу территорию. Случаи таких перебросок в составе небольших отрядов уже неоднократно имели место, но нашими контрмерами быстро ликвидировались. Переброски в составе крупных отрядов в последнее время не отмечались. Белых формирований как самостоятельных отрядов в китайских войсках не обнаружено. Отмечаются лишь небольшие группы белых в китайских войсках и совместные действия против наших пограничников. В штабах китайских войск имеются белые офицеры в качестве советников.

По последним данным, в связи с появившейся возможностью для безработных устроиться на службу на КВЖД и с нашими ответными мероприятиями (решительный отпор всем попыткам белоотрядов проникнуть на нашу территорию)

среди белобанд наблюдается развал, приток добровольцев в белоотряды идет слабо. Имеются сведения о прибытии в Шанхай для следования в Маньчжурию белых офицеров из Парижа.

Следует отметить, вместе с тем, ряд случаев вынесения китайским населением пограничной полосы резолюций с просьбой о применении арестов в отношении белобандитов и прекращении их активной деятельности. В Харбине по приказу из Мукдена 28 августа распущена фашистская белая организация по борьбе с Коминтерном»³⁷.

Однако еще об одном моменте, подорвавшем партизанское движение, до сих пор стараются не говорить. Дело в том, что в сентябре 1929 года по приказу Москвы Управлением пограничной охраны и войск ПП ОГПУ Дальневосточного края был сформирован спецотряд, состоящий из агентов ОГПУ, жителей приаргунских казачьих станиц. 1 октября отряд совершил рейд на поселения казаков-эмигрантов в районе Трехречья, после которого мобилизационная база партизан значительно сократилась. Какими методами это было достигнуто, можно судить по воспоминаниям чудом оставшихся в живых казаков-эмигрантов, в частности, некой жительницы станицы Тынхе, даже через несколько десятков лет не пожелавшей назвать свое имя:

«Всех выгоняли из землянок. Строили отдельно мужчин, отдельно женщин и детей. Крикнули нам в окно: “Выходи!” Муж вышел раздетым.

Я пошла за ним с одеждой. Один из них сказал: “Не надобится ему одежда. Сейчас тепло”... Всего забрали 64 человека, среди них 6 мальчиков двенадцати лет. Моя сестра видела, что их повели в распадок. Страшно, а виду показывать не надо. Я пошла доить коров.

Услышала выстрелы. Мы с соседкой Аникеевой побежали туда. Навстречу нам бежал окровавленный мальчик. Он сказал, что всех перебили. Лицо у него свело судорогой, больше говорить он не мог, побежал дальше. Следующим навстречу попал Иван Герасимович Волгин. Весь залитый кровью, но не раненый. У него убили взрослого сына и старика отца.

Он был как помешенный. Ни слова не говоря, он запряг телегу и привез трупы сына и отца. Привез их и сложил друг на друга в кладовку. Дальше мы увидели, как несут на потниках Ивана Матвеевича Гаськова. Он был живой. На нем было восемнадцать ран. Потом он умер по дороге в больницу в Хайлар.

Он рассказывал: “Когда нас пригнали в распадок, поставили всех около рытвины на колени по обеим сторонам. Мальчишки кричали: “Не убивайте нас!” Потом предложили напоследок закурить. Потом подали сигнал бить по головам. Я упал раненый. Выстрелы стали тише и тише. Я приподнял голову. Один заметил и говорит: “Ой, один живой, в черном полужубке”. Он вернулся и ударил меня кинжалом в живот. Я почувствовал, что у меня внутри все перевернулось. Я чужим кулаком заткнул себе рот и не выдал боли. Они ушли”»³⁸.

После оккупации японскими войсками в 1931 году Маньчжурии и создания там марионеточного государства Маньчжоу-Го белоэмигранты вновь попытались организовать партизанское движение. Так, назначенный начальником Дальневосточного отдела РОВС генерал М. Дитерихс обратился к эмигрантам в Китае с призывом сплотиться для борьбы против советской власти, но по утверждению Балакшина «большого энтузиазма его призыв не встретил». Кроме того, отношение японских властей к Дитерихсу и его помощнику генералу Г. Вержбицкому было более чем прохладным, хотя главой японской военной миссии генералом Комацубара им было предложено сформировать не отряды, а целую партизанскую дивизию со специальными техническими частями. Вержбицкий от имени Дитерихса принял японское предложение, но выдвинул неприемлемые для Токио условия, после чего был выдворен за пределы Маньчжоу-Го. Таким образом очередная попытка реанимировать партизанское движение завершилась ничем.

В то же время выдвижение японской Квантунской армии к границам СССР и отказ Японии в декабре 1931 года от предложения советского правительства подписать японо-советский пакт о ненападении заставили резидентуры ИНО ОГПУ

в Китае и разведотдел Дальневосточного ПП ОГПУ не только активизировать работу по сбору сведений о военно-политических планах кабинета премьер-министра Танака, но и усилить деятельность по нейтрализации белой эмиграции. Так, в директиве ИНО ОГПУ, направленной в резидентуры на Дальнем Востоке, в частности, говорилось:

«Желательно получать от вас периодические краткие обзоры настроений и планов белогвардейских группировок. Вскрывайте посредством более глубокого анализа действительную подоплеку тех или других мероприятий “белых вождей”, специально заостряя внимание на командирах-партизанах, учитывая их конкретную работу по подготовке диверсионных и террористических актов... Выявляйте нити связи с Европой — какие оттуда поступают директивы, кто заинтересован в их осуществлении и т.д. Всегда надо пытаться выяснить, кто стоит за спиной той или иной белой группировки. Надо выявлять среди враждебно настроенной белой эмиграции английскую, французскую и особенно японскую агентуру»³⁹.

Практически все положения этой директивы вскоре были воплощены в жизнь. Уже в 1931 году на территории Маньчжурии сотрудниками разведотдела Дальневосточного ПП ОГПУ был захвачен и выведен в СССР крупный монгольский политический деятель Мэрсэ (Го Даофу). С начала 20-х годов он являлся лидером так называемого «Движения молодых монголов» и даже входил в руководство Профинтерна. Возглавлявшаяся им Народно-революционная партия Внутренней Монголии при поддержке властей Монгольской Народной Республики периодически устраивала вооруженные выступления в Северном Китае. Но в конце 20-х годов Мэрсэ вошел в состав гоминьдановского Комитета по делам Монголии и Тибета, а после оккупации японцами Барги вновь сменил хозяев, став сторонником Токио. Тогда нелегальная резидентура Дальневосточного ПП ОГПУ в Маньчжурии под руководством Николая Шилова («Кук») провела спецоперацию по нейтрализации Мэрсэ. Косвенным результатом этой операции стало снятие с поста руководителя японской разведки в Манчжурии полковника Уэда.

В 1932 году Иностранное (разведывательное) отделение Особого отдела Восточно-Сибирского ПП ОГПУ в Иркутске, которое возглавил переведенный из Москвы (где он работал в центральном аппарате контрразведки) Борис Гудзь, начало проводить операцию «Мечтатели», дальневосточный аналог знаменитого «Треста». Чекистами была создана мнимая подпольная антисоветская организация, где роль связанного с китайскими эмигрантами выполнял ни о чем не подозревавший сын репрессированного священника В. Олейников, действовавший под контролем агента ОГПУ — бывшего священника, ставшего учителем школы в приграничном поселке В. Серебрякова. По аналогии с «Трестом», которым руководил агент ОГПУ бывший царский генерал А. Зайончковский, «контрреволюционную группу» чекисты попросили возглавить бывшего белого генерала Я. Лопшакова. Через бывшего полковника, советского служащего в Иркутске, Алексея Кобылкина, который после 6 месяцев тюремного заключения за антисоветскую агитацию в 1927 году, стал лояльно относиться к советской власти, была установлена связь с его братом, также полковником Иннокентием Кобылкиным, одним из руководителей белой эмиграции в Маньчжурии, возглавившим после смерти генерала Шильникова в 1934 году отделение РОВС в Харбине. Экономист треста «Сибзолото» Б. Гудков играл роль хозяина конспиративной квартиры в Чите.

Вскоре через границу в адрес псевдоподполья начали поступать деньги, оружие и антисоветская литература. В Харбине побывал в качестве представителя организации Серебряков, встречавшийся с И. Кобылкиным и разведчиками из японской военной миссии. В апреле 1935 года границу перешел И. Кобылкин, побывавший в Чите и Иркутске, где он и был арестован в начале мая, но этот факт держался в секрете. А затем в том же мае того же года через «окно» на территорию СССР попыталась проникнуть вооруженная группа в составе братьев В. и М. Олейниковых и В. Кустова (В. Олейников был арестован, двое других при задержании убиты). На открытом процессе в Иркутске в августе того же года

И. Кобылкин, В. Олейников и Е. Переладов дали подробные исчерпывающие показания о своей связи с японской разведкой и были приговорены к расстрелу. Так закончилась эта удачная операция советской контрразведки, проведенная в течение трех лет под руководством Б. Гудзя, начальников особого отдела ПП ОГПУ-УНКВД Восточно-Сибирского края А. Борисова и И. Чибисова и полпреда ОГПУ (затем начальника УНКВД) Я. Зирниса.

В 1932 году красные партизаны и хунхузы, действующие на китайской территории, разгромили под станцией Эхо отряд «Братства Русской Правды» во главе с И. Стрельниковым. Из всего отряда спасся только один человек. А в декабре 1932 года в Харбине был убит руководитель Дальневосточного отдела все того же «Братства Русской Правды» полковник Аргунов, после чего деятельность этой организации в Китае сошла на нет. В 1933 году сотрудники Гудзя провели очередную дерзкую операцию на территории Маньчжурии. Группой местных бурят — агентов ОГПУ был выкраден из поезда, проходившего близ советско-китайской границы, и вывезен в санях на территорию СССР соратник атамана Семенова полковник Топхаев (содействие чекистам оказал завербованный ими начальник китайской полиции г. Маньчжурия, арестовавший Топхаева как японского агента, и отправивший его на поезде в тюрьму г. Хайлара). Топхаев был расстрелян, маньчжурский кучер, управлявший санями, получил советское гражданство, а чекисты — благодарности от правительства и поощрения по службе. В декабре того же года красные китайские партизаны захватили князя Ф. Ухтомского, командира охраны парохода «Тунсан», плавающего по реке Амур вдоль советской территории. Он был передан советским властям, в апреле 1934 года приговорен «тройкой» к расстрелу по ст. 58—9 УК и 23 декабря казнен. А в августе 1935 года в Трехречье был убит бывший помощник Семенова генерал-майор А. Тирбах и ликвидированы действующие на территории СССР группы «Российской фашистской партии» под командованием Сорокина и Комиссарова.

Кроме Маньчжурии значительное число белоэмигрантов осело в северо-западной китайской провинции Синьцзян, занимающей важное стратегическое положение, богатой полезными ископаемыми и населенной, главным образом, исповедующими ислам уйгурами и дунганями. Большую часть эмигрантов составляли несколько тысяч офицеров, солдат и гражданских беженцев бывшей армии генерала А. Дутова, командование над которыми после его убийства и ухода в Туву генерала А. Бакича принял начальник штаба полковник барон Паппенгут. В марте 1921 года в Синьцзяне нашли убежище участники Западно-Сибирского крестьянского восстания, потом басмачи, а с началом коллективизации туда начали бежать, спасаясь от голода, крестьяне из Казахстана и Средней Азии.

Появление в Синьцзяне значительного числа беженцев, недовольных советской властью, способствовало активизации деятельности в провинции белоэмигрантских организаций. В 1928 году при участии Паппенгута, который до этого старался политикой не заниматься, в Урумчи была создана «Российская крестьянская партия». А при партии стараниями бывшего колчаковского офицера Владимира Саянова-Заплавского сформирован «Штаб черной армии», главной задачей которого было поддерживать оружием и людьми любое восстание против советской власти в Казахстане. Кроме Саянова-Заплавского в штаб вошли Паппенгут и полковник Вяткин, благодаря чему эта организация начала быстро расти и к началу 30-х годов имела значительное число агентов на территории Казахстана, которые периодически устраивали диверсии и убивали советских и партийных работников.

Между тем японцы, оккупировав в 1931 году Маньчжурию, обратили свои взоры на Синьцзян. И уже на следующий год японские эмиссары начали активно подталкивать местное уйгурское и дунганское население к вооруженным выступлениям против китайских властей с требованием предоставления Синьцзяну автономии. В результате в конце 1932 года в Синьцзяне началось восстание мусульман-дунган,

которое поддержал губернатор соседней провинции Гансу генерал Ма Чунин. Войска губернатора (дубаня) Синьцзяня У Чжунсина, слабо дисциплинированные и плохо вооруженные, терпели поражение за поражением. А так как единственной боеспособной частью в Синьцзяне был отряд Паппенгута, то У Чжунсин обратился к нему за помощью. Одновременно У Чжунсин установил тайные контакты с советским представителем в Урумчи Погодиным, который пообещал поддержку Москвы в обмен на предоставление СССР права управления рядом промышленных предприятий и привилегий в торговле.

Однако возможное усиления советского влияния в Синьцзяне вызвало недовольство у многих местных чиновников и, разумеется, белоэмигрантов. В результате в апреле 1933 года начальник штаба Синьцзянского военного округа генерал Шен Шицай, заручившись поддержкой Паппенгута, совершил военный переворот, сверг У Чжунсина и стал дубанем провинции. Однако и ему не удалось справиться с восставшими, которые продолжали разорять провинцию, пользуясь тем, что солдаты Паппенгута вынуждены были находиться в Урумчи, обеспечивая устойчивость новой власти. Кроме того, в конце 1933 года у Шен Шицай возник конфликт с Пекином, и центральное правительство направило в Синьцзян 35-ю и 36-ю дивизии, большую часть личного состава которых составляли дунганы. После этого положение дубаня стало критическим — отряд Паппенгута с трудом удерживал Урумчи, а о контроле над остальной территорией не приходилось даже мечтать.

Все это вынудило Шен Шицай тайно искать пути сближения с Москвой. Советское руководство, опасаясь появления у границ СССР нового марионеточного государства под протекторатом Токио, как это случилось в Маньчжурии, приняло решение оказать Шен Шицаю помощь и ввести в Синьцзян войска. Но при этом Кремль потребовал выдачи отряда Паппенгута. Однако Шен Шицай, не желавший терять единственную боеспособную часть своей армии, предложил Погодину сохранить отряд Паппенгута, проведя предварительно «чистку» его личного состава. Пока шли переговоры,

агенты ОГПУ установили контакты с помощником Паппенгута полковником Н. Бехтеевым, которому было обещано в случае ликвидации Паппенгута полное прощение и командная должность в Красной Армии. В результате в декабре 1933 года Паппенгут и несколько других антисоветски настроенных офицеров были схвачены людьми Бехтеева и выданы советским представителем. Их переправили в СССР и немедленно расстреляли.

После этого в начале 1934 года в Синыцзян была введена Алтайская добровольческая армия, в состав которой вошли подразделения Среднеазиатского военного округа и около 10 тыс. офицеров и солдат китайского генерала Ма Чунина, вытесненные японцами в 1931 году из Маньчжурии в СССР, где их и интернировали в лагеря для военнопленных. В Урумчи к Алтайской армии присоединился бывший отряд Паппенгута, но уже под командованием Бехтеева, которому Шен Шицай присвоил генеральское звание и разрешил тратить на себя значительные суммы из предназначенных на «представительство» денег⁴⁰.

Несмотря на то, что в первых боях «алтайцы» несли большие потери, к лету 1934 года 35-я дунганская дивизия была полностью разгромлена, а 36-я оттеснена на юг, в округ Хотин. После этого части Красной Армии были выведены в СССР, а в Синыцзяне остались лишь несколько десятков военных советников под началом сотрудника Разведупра РККА Ади Маликова, официально числившегося старшим военным советником Шен Шицай. В июне 1934 года Бехтеев был назначен командующим Южным фронтом, а его помощником стал командир РККА, будущий маршал бронетанковых войск Павел Рыбалко, которого официально называли «русским генералом китайской службы». В ноябре 1934 года русский отряд (4 белых полка и конный артиллерийский дивизион, всего 2200 человек) был сведен в полк, командиром которого назначили аполитичного полковника Чернева. Что же касается антисоветски настроенных эмигрантов и членов Российской крестьянской партии, то они еще в начале года были вынуждены срочно покинуть Синыцзян.

Впрочем, полного умиротворения Синьцзяна не произошло. В 1936 году в провинции снова началось восстание уйгуров, для подавления которого в июле 1937 года в Синьцзян опять были введены советские войска, которые оставались там до 1948 года. Что же касается Шен Шицай, то он всем своим поведением старался демонстрировать полную лояльность Кремлю. В сентябре 1938 года он посетил Москву, где встречался с Ворошиловым, а затем попросил принять его в компартию, но не в китайскую, а в ВКП(б). После продолжительных раздумий Сталин дал указания принять «товарища Шена» в партию, но приказал ему скрывать свое членство в Синьцзяне. Однако с началом Великой Отечественной войны Шен Шицай обратил свои взоры в сторону Токио, что не укрылось от советской разведки. В Москву было направлено сообщение, в котором говорилось, что Шен Шицай «внешне демонстрирует свою дружбу к нашей стране, но являясь воспитанником японской военщины, стал проявлять прояпонскую ориентацию»⁴¹. В 1942 году Чан Кайши снял Шен Шицай с поста дубаня, а после победы в Китае коммунистов он окончательно перестал быть кому-либо нужен. Так что неудивительно, что в 1948 году Шен Шицай погиб при загадочных обстоятельствах.

ОТ УКЛОНА ДО ПРЕДАТЕЛЬСТВА ПУТЬ НЕДОЛОГ

Одним из самых ярких эпизодов мировой истории считается убийство Троцкого. Об этом написаны книги и сняты фильмы. Однако ликвидация Троцкого была не первым случаем в истории мирового коммунистического движения.

Уже с 1920-х гг. советскими спецслужбами предпринимались жесткие меры против оппозиционеров внутри коммунистических партий за границей, вставших на путь сотрудничества с полициями своих государств. Примером может служить история, произошедшая с Михаилом Гуриным-Морозовским.

Этот западно-белорусский коммунист, известный также как Гуринович, Василевич, Ян, Стах, родился в 1893 году. Примкнув в совсем юном возрасте к эсерам, в 1908 году он был первый раз арестован, затем работал учителем в Пскове, откуда в 1913 году был выслан в Вологодскую губернию. Во время Первой мировой войны служил в русской армии, получил офицерский чин. В 1918 году в Полтаве вступил в большевистскую партию, в 1920 году работал в Москве в белорусском комиссариате наркомата по делам национальностей РСФСР, а в следующем году вернулся на родину. В Минске он работал в ЦК КП(б) Белоруссии, с 1922 года редактировал газету «Советская Белоруссия».

В начале 1924 года Гурин был направлен на подпольную работу в оккупированную Польшей Западную Белоруссию. В феврале того же года в Вильно он вошел в состав ЦК компартии Западной Белоруссии, которая, как и компартия Западной Украины, была частью компартии Польши, и возглавил центральную редакцию ЦК. Уже в ноябре того же года Гурин возглавил так называемую «сепсессию», ставшую фракцией внутри КПЗБ. О своих взглядах оппозиция заявила на 2-й конференции КПЗБ в Вильно 30 ноября. «Сепсессионисты» выступили против всяких организационных связей КПЗБ с компартией Польши, добиваясь подчинения непосредственно исполкому Коминтерна. Гурин и его сторонники (его поддерживали секретарь Виленского окружного комитета партии А. Томашевский-Старый, еще в 1922 году выступавший против объединения Виленской организации с КПП, секретарь Гродненского комитета Л. Родзевич-Сталевич и член ЦК КПЗБ А. Капуцкий-Хвостов, позднее отошедшие от Гурина) отрицали классовое расслоение среди крестьянства Западной Белоруссии, выступали против лозунга «диктатуры пролетариата», за союз с бывшими эсерами.

Наиболее опасным для партийной работы было отстаивание Гуриным и его группой идей продолжения партизанской борьбы против поляков, бесперспективность которой к тому времени уже проявилась, причем гуринцы успех

восстания связывали не с общим развитием революционного движения в Польше, а с приходом Красной Армии, толкая, таким образом, Советский Союз к войне с Польшей. В конце декабря 1924 года, воспользовавшись отъездом руководства партии в Москву на 3-й съезд компартии Польши, Гурин и его группа провозгласили себя «временным ЦК» и захватили типографию и издания КПЗБ — «Большевик» и «Червоный стяг» («Красное знамя»), в которых и обнародовали свою программу.

Съезд польских коммунистов, ЦК компартии Белоруссии в Минске и исполком Коминтерна осудили фракционеров. Из Минска в Вильно и Гродно был направлен специальный представитель ЦК КП(б)Б под псевдонимом «П», настоящая фамилия которого до сих пор не установлена. Большинство сторонников Гурина, признав ошибки, вернулись в партийные ряды. Сам он, отказавшись вернуться в СССР, в сентябре 1925 года был арестован польской полицией, с которой начал активно сотрудничать. Так, он выступал свидетелем обвинения на судебных процессах над своими бывшими товарищами по партии, готовился выступить на очередном процессе с обвинениями в связях с советским полпредством в Варшаве против западнобелорусского демократического движения «Громада». Закономерным итогом предательства стало удачное покушение на Гурина в Вильно. 16 марта 1928 года он был застрелен членом КПЗБ С. Клинецвичем. Подробности организации покушения и роли советских органов безопасности до сих пор неизвестны. В 1932 году Семен Александрович Клинецвич, участник гражданской войны в России, осужденный польским судом к пожизненному тюремному заключению, был освобожден и выехал в СССР, в порядке обмена заключенными. В Советском Союзе Клинецвич работал в хозяйственных учреждениях в Минске, был репрессирован и посмертно реабилитирован.

ОХОТА ЗА ПОСЛЕДНИМ КУРБАШИ

В конце 1920-х гг. для ликвидации противников режима советским органам безопасности приходилось проводить вооруженные операции за границей. Весной и летом 1929 года чекисты ловили в соседнем Афганистане крупного басмача Ибрагим-бека. Этот сын чиновника эмира Бухарского, уроженец кишлака Такташ в Гиссарской долине, выпускник медресе, именовавший себя «главнокомандующим армией ислама», курбаши (этот титул ему присвоили другие командиры басмачей на совещании в Восточной Бухаре в сентябре 1921 года), с начала 1920-х гг. действовал против большевиков в Таджикистане, возглавив басмачей в районе Локая (к юго-западу от Душанбе). В ноябре 1921 года Ибрагим во время встречи с Энвер-пашой арестовал его, но по требованию бухарского эмира освободил его. Вместе с Энвером Ибрагим участвовал во взятии Душанбе в феврале 1922 года, но вскоре поссорился с ним и ушел со своим отрядом в горы. В 1923 году бухарский эмир назначил его курбаши Восточной Бухары и своим наместником. В начале 1924 года Ибрагим-бек вступил в переговоры с советскими властями, используя тактику проволочек (требовал изменения состава делегации, отложения капитуляции на год). Переговоры закончились неудачей, и вооруженная борьба продолжилась. В апреле 1925 года ревком Таджикской АССР был вынужден объявить военное положение в республике. В июне 1926 года вместе с 24 басмачами Ибрагим-бек переправился через реку Пяндж в Афганистан, где уже находился свергнутый в 1920 году эмир Бухары.

Своими врагами бек считал не только большевиков. Он призвал афганских узбеков и таджиков к выступлению против режима Амануллы-хана в Кабуле. Во главе вооруженных отрядов Ибрагим-бек захватил города Таликан и Чаяб (провинция Ханабад), стремясь создать свое государство — «Афганский Туркестан». Планам бека (о них сообщал в Ташкент внедренный ОГПУ в окружение Ибрагима Мулло Закир Касиров) способствовал захват власти в Кабуле в январе

1929 года авантюристом таджикского происхождения Бача-и-Сакао, которого (как и Ибрагим-бека) поддерживали английские спецслужбы.

В конце апреля 1929 года руководство СССР приняло решение о рейде по приграничным районам северного Афганистана, на основании советско-афганского договора «О нейтралитете и взаимном ненападении» 1926 года, согласно которому стороны обязывались не допускать на своей территории враждебных друг другу вооруженных сил. Рейд совпал с мятежом басмачей в Гармской области Таджикской АССР, быстро подавленным войсками Среднеазиатского военного округа.

Отряд, включавший в себя артиллерийские и кавалерийские части, а также отряд специального назначения ОГПУ, возглавил командир 8-й кавбригады САВО Иван Ефимович Петров, впоследствии генерал армии, Герой Советского Союза. Уже 1 мая в бою банда Ибрагим-бека, насчитывавшая около 5000 бойцов, потеряла убитыми 2500 человек, и более 100 пленными, но самого вожака тогда ликвидировать не удалось. В октябре того же года к власти в Кабуле пришел Надир-хан, родственник свергнутого Амануллы, продолживший политику дружественных отношений с СССР. Ибрагим-бек был объявлен врагом афганского народа, в результате боев с войсками эмира его отряды отступили к реке Амударье. Весной 1931 года Ибрагим-бек во главе отряда численностью в 3000 человек перешел афгано-советскую границу, и вторгся на территорию Таджикской ССР. Войска РККА — пехотные, кавалерийские, артиллерийские части и авиация разгромили в боях отряд Ибрагим-бека. Для поимки самого бека была создана специальная опергруппа ГПУ Таджикистана во главе с Абдуллой Валишевым, воевавшим еще против Энвер-паши, а в 1929 году, уже в качестве сотрудника ОГПУ участвовавшего в рейде в Афганистан. Опергруппе был подчинен дивизион войск ОГПУ под командованием А. Васильева и добровольческий отряд М. Султанова. Днем 23 июня 1931 года при попытке переправиться через реку Каферниган, все подходы к которой были блокированы че-

кистами, Ибрагим-бек вместе со своими людьми был взят в плен и доставлен в Душанбе. Валишев впоследствии, с 1932 по 1935 год, выполнял особое задание в Афганистане, участвовал в Великой Отечественной войне. События, связанные с захватом Ибрагим-бека, А.Н. Валишев описал в мемуарах «Чекистские были», изданных в 1988 году, а историю рейда 1929 года рассказал в своей статье его сын А.А. Валишев («Военно-исторический журнал». 1994. № 8).

ПОХИЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА

Проводимые советскими спецслужбами в конце 20-х годов в Китае операции по ликвидации командиров белых партизан, безусловно, снизили напряженность вооруженного противостояния с белоэмигрантами на восточных границах СССР. Но окончательно этот вопрос был снят с повестки дня только в 1945 году после оккупации советскими войсками Маньчжурии. Не принесла Москве очевидных выгод и ликвидация Чжан Цзолия. Аналогичным образом обстояли дела и в Европе.

Смерть Врангеля привела к тому, что председателем РОВС стал генерал-лейтенант Кутепов, который в отличие от своего предшественника был ярким сторонником самой активной борьбы с большевиками, в том числе и террористическими методами.

Биография Александра Павловича Кутепова довольно необычна. Он родился 16 сентября 1882 года в Череповце в семье лесничего. После окончания шести классов классической гимназии в Архангельске Кутепов поступил в Петербургское пехотное юнкерское училище, из которого был выпущен в 1904 году в чине фельдфебеля. Когда разразилась русско-японская война, он попросился в действующую армию, где начал службу в полковой команде разведчиков и за отличия в боях был награжден орденом св. Владимира с мечами и бантом. После войны поручик Кутепов был переведен командиром учебной роты в Лейб-гвардии Преображенский

полк. Во время Первой мировой войны он командовал ротой и батальоном преображенцев, был трижды ранен, награжден орденом св. Георгия. В 1916 году за бои на реке Стоход получил Георгиевское оружие и чин полковника. После Февральской революции Кутепов стал командиром Преображенского полка, а когда фронт развалился и солдаты разбежались по домам, уехал на Дон и вступил в Добровольческую армию генерала Корнилова.

Во время первого кубанского похода Кутепов командовал третьей ротой 1-го офицерского полка, а после смерти полковника Неженцева был назначен командиром знаменитого Корниловского полка. В самом начале второго кубанского похода Кутепов принял 1-ю дивизию, а в январе 1919 года — 1-й армейский корпус. За победу над частями Красной Армии под Харьковом Кутепов был произведен в генерал-лейтенанты. В марте 1920 года, после ухода Деникина с поста Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России, Кутепову предложили занять его место. Но он категорически отказался, предложив кандидатуру Врангеля.

Оказавшись в эмиграции, Кутепов не собирался прекращать борьбу с большевиками. Военный до мозга костей, он не видел иного пути, кроме вооруженного. Монархист по убеждению, Кутепов был против имущественной реституции после свержения большевиков, и стоял за передачу земли крестьянам. Вырабатывая свою программу, он сотрудничал с людьми разных политических взглядов и постепенно стал крупным лидером белой эмиграции. Поэтому не случайно, что именно ему в начале 1924 года великий князь Николай Николаевич предложил возглавить подпольную борьбу против Советского Союза. Кутепов это предложение принял, и в его Боевую организацию, которую он создал еще в конце 1922 года, пришли многие бывшие офицеры Белой армии, не примирившиеся с поражением. Всего Боевая организация насчитывала чуть более 30 человек, главным образом молодых офицеров (в том числе и произведенных в Белой армии из юнкеров) и выпускников зарубежных русских кадетских корпусов. Однако официально руководство под-

польной антисоветской деятельностью Кутепов принял 21 марта 1924 года, когда Врангель своим приказом освободил его от обязанностей помощника Главнокомандующего и начальника Галлиполийской группы в Болгарии.

Но, как уже говорилось, за действиями лидеров белогвардейского движения за рубежом внимательно наблюдало ОГПУ. А весной 1922 года для дестабилизации эмигрантских организаций начальником КРО ОГПУ А. Артузовым была разработана операция «Трест». В результате на территории СССР возникло глубоко законспирированное «Монархическое объединение Центральной России» (МОЦР) во главе с бывшим генерал-лейтенантом царской армии А. Зайончковским. Его ближайшими помощниками были генерал-лейтенант Н. Потапов, после революции перешедший на сторону большевиков и ставший членом коллегии Народного комиссариата по военным делам, и бывший действительный статский советник, агент ОГПУ, А. Якушев. В конце 1922 года Якушев, игравший роль члена Политсовета МОЦР, выехал во Францию, где произошла его первая встреча с лидерами некоторых белоэмигрантских движений. А в августе 1923 года он встречался в Париже с великим князем Николаем Николаевичем и Кутеповым, на которой присутствовал и приехавший вместе с Якушевым Потапов. Во время этой встречи Якушев сумел убедить Николая Николаевича и Кутепова в реальности и силе МОЦР, хотя генерал Врангель настойчиво предупреждал великого князя и своего помощника о возможной большевистской провокации.

Но Кутепов не внял предупреждениям Врангеля, и в сентябре 1923 года в СССР с его благословения отправились члены РОВС Мария Захарченко и Георгий Радкевич, снабженные документами на имя супругов Шульц. Их задачей была организация связи между МОЦР и генералом Кутеповым. Таким образом, операция «Трест» вступила в следующую фазу. Основным успехами «Треста» можно назвать завлечение на территорию СССР и арест 27 сентября 1925 года бывшего сотрудника английской разведки Сиднея Рейли, и нелегальную поездку в декабре 1925 — феврале 1926 года в

СССР бывшего депутата 4-й Государственной думы Василия Шульгина, опубликовавшего по возвращению в Европу книгу «Три столицы», в которой он положительно охарактеризовал перемены, произошедшие в России с 1920 по 1925 год. Кроме того, постоянно убеждая Кутепова в бесперспективности вооруженной борьбы, члены МОЦР постепенно вносили разлад и уныние в ряды его Боевой организации.

Однако в апреле 1927 года Кутепова постигло жестокое разочарование. Агент ОГПУ Опперпут, участвующий в «Тресте», сообщил М. Захарченко о истинном назначении МОЦР и бежал с ней и Г. Радкевичем в Финляндию. Предание гласности подробностей «Треста» нанесло огромный ущерб авторитету Кутепова и его Боевой организации. Великий князь Николай Николаевич в 1927 году сообщал своим близким о своем глубоком разочаровании в Кутеполе. А Врангель вновь начал убеждать его отказаться от попыток какой-либо тайной деятельности на территории СССР. Об этом он 21 июня 1927 года написал генералу И. Барбовичу:

«С А.П. Кутеповым я говорил совершенно откровенно, высказав ему мое мнение, что он преувеличил свои силы, взялся за дело, к которому не подготовлен, и указал, что нравственный долг его после обнаружившегося краха его трехлетней работы от этого дела отойти. Однако, едва ли он это сделает. Ведь это было бы открытое признание своей несостоятельности. Для того, чтобы на это решиться, надо быть человеком исключительной честности и гражданского мужества»⁴².

Как и предсказывал Врангель, отговорить Кутепова отойти от тайной антисоветской деятельности было невозможно. Разоблачение МОЦР наоборот подтолкнуло его к еще более рискованным и активным действиям. Более того, он поддержал идею Опперпута и Захарченко о создании «Союза национальных террористов» (СНТ), основной задачей которого должно было стать развязывание террора в СССР. О замыслах лидеров СНТ можно судить по записке Опперпута, направленной Кутепову в мае 1927 года:

«После первых ударов по живым целям, центр тяжести должен быть перенесен на промышленность, транспорт,

склады, порты и элеваторы, чтобы сорвать экспорт хлеба и тем подорвать базу советской валюты. Я полагаю, что для уничтожения южных портов на каждый из них нужно не более 5—10 человек, причем это необходимо сделать одновременно, ибо после первых же выступлений в этом направлении охрана их будет значительно усилена. Сейчас же вообще никакой вооруженной охраны их нет. После первых же выступлений необходимо широко опубликовать и разослать всем хлебным биржам и крупным хлебно-фуражным фирмам сообщение Союза Национальных Террористов, в котором они извещают, что все члены СНТ, находящиеся в России, не только будут сдавать советским ссыпным пунктам и элеваторам свой хлеб отравленным, но будут отравлять и хлеб, сдаваемый другими. Я не сомневаюсь, что даже частичное отравление 3—4 пароходов, груженных советским хлебом, независимо от того, где это будет сделано, удержит все солидные фирмы от покупки советского хлеба. Конечно, о каждом случае отравления немедленно, весьма широко, должна быть извещена пресса, чтобы не имели место случаи действительного отравления иностранцев. То же самое можно будет сделать с другими советскими экспортными съестными продуктами, например, с сибирским маслом. При введении своих людей в грузчики, портовые и таможенные служащие, это будет сделать не трудно. Этим был бы нанесен советам удар, почти равносильный блокаде... Помимо этого, уничтожение элеваторов не только сильно удорожит хлеб, но и ухудшит его качество. Я совершенно не сомневаюсь, что на это не трудно будет получить в достаточном количестве технические средства, вплоть до хорошо вооруженных моторных лодок. Если бы таковые были получены, то можно было бы развить и некоторое пиратство для потопления советских пароходов... Ведь сейчас имеются моторные лодки, более быстроходные, чем миноносцы. При наличии моторного судна можно было бы устроить потопление должностящего скоро возвращаться из Америки советского учебного парусника "Товарищ". При медленном его ходе настигнуть его в открытом океане и потопить так, чтобы и

следов не осталось, не так уже было бы трудно. А на нем ведь исключительно комсомолы и коммунисты. Эффект получился бы потрясающий. Потопление советских нефтеналивных судов могло бы повлечь к нарушению контрактов на поставку нефтепродуктов и колоссальные неустойки. Здесь мы найдем широкую поддержку от нефтяных компаний. Когда американские контрабандисты имеют свои подводные лодки и аэропланы, разве нам откажут в получении хороших моторных лодок, если мы докажем свое?

Надо немедленно начать отправку в Россию различными способами агитационной литературы с призывом к террору и к самоорганизации террористических ячеек, выступающих от имени СНТ. Я думаю, что применительно к советским сокращениям, организация могла бы сокращенно именоваться “Сент” или “Сенто”, а члены — “Сентоки” или “Сентисты”.

Необходимо, чтобы отправляемые террористы при выступлениях всегда бросали записки, что покушение или акт сделан такой-то группой СНТ, постоянно меняя нумерацию, чтобы создать иллюзию мощи СНТ и сбить с толку ГПУ...

Для уничтожения личного состава компартии придется главным образом применить культуру микробов эпидемических болезней (холера, оспа, тиф, чума, сибирская язва, сап и т.д.). Этот способ, правда, наиболее безопасен для террориста, и если удастся наладить отправку в Россию культур болезней, то один террорист сумеет вывести в расход сотни коммунистов... Организовать отправку культур микробов очень легко через дипломатов-контрабандистов. Очень многие дипломаты лимитрофных государств занимаются провозом в Москву контрабанды и возят ее сразу до 10 пудов (3—4 чемодана). За провоз берут от 150 до 300 долларов за чемодан... При некоторой осторожности через них можно будет отправлять и газы и взрывчатые вещества. Только всем этим предметам нужно придавать товарный вид, то есть, чтобы дипломаты и посредники не знали, что они в действительности везут. Помимо того, чемоданы должны быть с особо хорошими замками, чтобы дипломат из-за любопытства не полез бы туда...

Культуры бацилл отправлять лучше всего в упаковке от духов, одеколона, эссенции, ликеров и т. д. Газы под видом каких-либо лаков в жестяной или стальной упаковке. Взрывчатые вещества под видом красок, ванили, которая пересылается в жестяных коробках...

При выборе целей для таких терр. актов надо иметь в виду только те учреждения, где все без исключения служащие, а также посетители, являются коммунистами. Таковы: 1) Все областные комитеты ВКП(б), все губернские комитеты ВКП(б), все партийные школы, войска ГПУ и органы ГПУ... (далее следует список из 75 учреждений в Петрограде и Москве с их адресами — авт.)»⁴³.

Такого рода диспозиции и планы имели практически все белоэмигрантские организации. И говорить о том, что эти планы остались только на бумаге, было бы грубой ошибкой. Вот лишь небольшая (и далеко неполная) хроника терактов против СССР, совершенных белоэмигрантскими боевиками в первой половине 1920-х годов

1923 год.

10 мая белоэмигранты Конради и Полунин убили генерального секретаря советской делегации на Лозаннской конференции, полпреда СССР в Италии В. Воровского.

1926 год.

5 февраля совершено покушение на советских дипкурьеров Теодора Нетте и Иоганна Махмасталя. Нетте был убит. Тяжело раненный Махмасталь убил покушавшихся — неких братьев Габриловичей.

9 июня в Париже эмигрантом-меньшевиком Мерабашвили был убит редактор советской газеты «Новая Грузия» Г. Вешапели.

26 сентября было совершено покушение на полномочного представителя ОГПУ в Ленинградском военном округе (ему подчинялись территориальные чекистские органы Северо-Запада РСФСР) Станислава Мессинга. Покушавшийся, некий Анатолий Труба, проник в кабинет Мессинга, несколько раз выстрелил в него из револьвера, но промахнулся.

Также в этом году была предпринята попытка покушения на руководителей Советской Украины Г. Петровского и В. Чубаря.

Немаловажным было и то обстоятельство, что Кутепова продолжала поддерживать английская разведка, из секретных фондов которой он в 1927 году получил 200 тысяч французских франков. Благодаря этому финансовому вливанию Кутепов и его сторонники смогли организовать несколько террористических вылазок в СССР.

В мае 1927 года члены Боевой организации Захарченко, Опперпут и Вознесенский нелегально переправились в СССР и 3 июня попытались организовать взрыв дома в Москве, где проживали сотрудники ОГПУ. Но диверсия не удалась, а сами они погибли. 7 июня 1927 года боевики Кутепова Ларионов, Мономахов и Соловьев организовали взрыв в помещении Ленинградского партклуба и благополучно вернулись в Финляндию. 22 августа 1927 года около села Шуя в Карелии были арестованы Болмасов и Сольский, направленные в СССР для совершения терактов. Такая же участь постигла боевиков Шорина и Соловьева, убитых 24 августа 1927 года после перехода границы под Петрозаводском. 6 июля 1928 года Радкевич и Мономахов бросили бомбу в бюро пропусков ОГПУ в Москве (при задержании Радкевич был убит, по другим данным застрелился, Мономахов арестован и впоследствии расстрелян). А в мае-июне 1928 года другой боевик Кутепова, Бубнов, безуспешно провел две недели в Москве с целью организации убийства Н. Бухарина.

Кроме того, имели место теракты, организованные не связанными с Кутеповым и его Боевой организацией белоэмигрантами. Так, в мае 1927 года ОГПУ была раскрыта подготовка взрыва в Большом театре в Кремле в день торжественного собрания, посвященного 10-летию Октябрьской революции, в которой участвовали бывшие колчаковские офицеры. 7 июня 1927 года в подстроенной боевиками «Братства русской правды» (есть также версия об участии польских спецслужб) железнодорожной катастрофе погиб заместитель полномочного представителя ОГПУ по Белорусскому воен-

ному округу И. Опанский. В тот же день в Варшаве белоэмигрант Борис Коверда убил советского полпреда в Польше П. Войкова. 10 августа 1927 года некая А. Щепкина совершила покушение на сотрудника полпредства СССР во Франции Фомина. 1 сентября 1927 года П. Трайкович при попытке совершить теракт в полпредстве СССР в Варшаве убил курьера Шлейхера. В ноябре 1927 года некто А. Ерохин совершил покушение на секретаря советского консульства в Дайрене Черкасова. В мае 1928 года белоэмигрант Ю. Войцеховский совершил покушение на советского торгпреда в Варшаве А. Лизарева. А в августе 1928 года нелегально прибывший в Москву из Польши Л. Любарский пытался совершить теракт против М. Калинина и Н. Бухарина, но не встретив ни того, ни другого, убил одного из руководителей Политуправления РККА Шапошникова.

Временный размах белого террора вызвал серьезное, но, возможно, несколько преувеличенное беспокойство как на Лубянке, так и в Кремле. Дело в том, что число боевиков за все время существования Боевой организации Кутепова составило 32 человека. А после своего пребывания в Москве Бубнов составил для Кутепова доклад, в котором категорически утверждал, что организовать систематический террор в СССР невозможно и нецелесообразно. Но руководство ОГПУ, преувеличивая истинную силу белоэмигрантского террористического движения, получив разрешение Кремля, приняло решение нейтрализовать Кутепова, который к тому же после смерти Врангеля стал в апреле 1928 года председателем РОВС. А так как заманить на территорию СССР Кутепова не удалось, летом 1929 года было решено его похитить и вывести в Москву.

Похищение Кутепова стало одним из первых серьезных заданий, порученных Спецгруппе при ИНО ОГПУ, руководителем которой был Я. Серебрянский. (Формально Спецгруппа была образована в 1930 году после заседания Политбюро ЦК ВКП(б), посвященного возможной войне).

То, что похищение Кутепова было поручено Серебрянскому и его людям, было далеко не случайным. К 1930 году

Серебрянский уже считался опытным разведчиком-нелегалом. В органах госбезопасности он начал работать еще в 1920 году во время похода Красной Армии в Персию. А в ИНО пришел в 1923 году и сразу же был направлен в Палестину в качестве заместителя нелегального резидента Я. Блюмкина. Через год, сменив Блюмкина на посту резидента, он смог проникнуть в боевое сионистское движение, а также завербовать большую группу эмигрантов — уроженцев России: А. Ананьева (он же Кауфман), Ю. Волкова, Р. Эске-Рачковского, Н. Захарова, А. Турыжникова и ряд других. Позднее именно они и составили костяк Спецгруппы. В 1925–28 годах Серебрянский успешно работал в качестве нелегального резидента в Бельгии и во Франции, а в апреле 1929 года был назначен начальником 1-го отделения (нелегальная разведка) ИНО ОГПУ.

Кроме сотрудников группы Серебрянского для организации похищения Кутепова в Париж был направлен помощник начальника КРО ОГПУ С. Пузицкий. По мнению В. Бурцева, в операции также участвовали советские дипломаты — генеральный консул в Париже Н. Кузьмин и сотрудник полпредства А. Фехнер, что представляется весьма сомнительным.

Утром в воскресенье 26 января 1930 года Кутепов в 10 часов 30 минут вышел из своей квартиры в доме № 26 по рю Русселе, сказав жене, что направляется на панихиду по генералу Каульбарсу в церковь «Союза галлиполийцев», а перед этим встретится с одним хорошо известным ему человеком. Но на панихиду генерал так и не пришел.

В 3 часа дня обеспокоенная семья Кутепова подняла тревогу и заявила об исчезновении генерала в полицию. Подозревая возможность похищения Кутепова, французские власти срочно известили пограничные пункты, порты и аэропорты. Но все оказалось напрасным. Больше Кутепова никто никогда не видел. Расследование, проведенное французской полицией, установило, что Кутепов был похищен около 11 часов на углу рю Удино и рю Русселе. По версии полиции двое неизвестных в желтых пальто неожиданно схватили проходившего мимо генерала и втолкнули в стоявший рядом

серо-зеленый автомобиль. На происходящее спокойно смотрел находившийся на углу полицейский, который затем сел в автомобиль рядом с водителем, после чего похитители уехали в сторону бульвара Инвалидов. Вслед за автомобилем поехало и находившееся рядом красное такси. Присутствие человека, одетого в полицейскую форму, дало повод случайному свидетелю Огюсту Стеймницу, уборщику католической клиники св. Иоанна, расположенной на рю Удино, считать произошедшее обычным полицейским арестом.

Но на самом деле все было несколько по-другому. На Кутепова чекистов вывел агент ОГПУ генерал Дьяконов, о котором стоит рассказать чуть подробнее. Участник русско-японской войны и выпускник 1905 года Николаевской академии Генерального штаба, генерал-майор Павел Павлович Дьяконов во время Первой мировой войны был помощником российского военного атташе в Лондоне, и исполнял свои обязанности вплоть до мая 1920 года, когда русская военная миссия в Великобритании была закрыта. После этого оказавшийся не у дел генерал переехал на постоянное место жительства в Париж. Но будучи в эмиграции, Дьяконов никогда не высказывал враждебного отношения к новой власти к России, что, впрочем, и неудивительно, поскольку в вождях белого движения он разочаровался довольно быстро. Желая вернуться на родину, Дьяконов на встречах с советскими представителями неоднократно говорил о том, что хотел бы выехать в Советский Союз. Но все его просьбы оставались без ответа. В марте 1924 года Дьяконов в очередной раз пришел в советское полпредство в Париже и, обращаясь к дежурному коменданту, сказал, что хотел бы встретиться с полпредом по поводу известных ему данных о заговоре против СССР. Слово заговор произвело магическое действие, и Дьяконова пригласили в отдельный кабинет, где он написал следующее письмо:

«Настоящим заявляю, что, будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к Советской власти, в настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней. Обязуюсь охранять, защищать и служить интересам

Союза Советских Социалистических Республик и его правительства. П. Дьяконов, Париж, март 1924 г.»⁴⁴

Письмо Дьяконова попало к начальнику ИНО ОГПУ Трилиссеру, который принял, наконец, решение направить к генералу оперативного сотрудника разведки Д. Смирнова. Их встреча состоялась в мае 1924 года в Лондоне. Во время разговора Дьяконов заверил собеседника в своей преданности Советской власти и написал следующее обязательство:

«Настоящим я заявляю, что будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к Советской Власти, в настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней. Желая доказать свою преданность Советскому Правительству я добровольно и сознательно беру на себя обязательство быть секретным осведомителем Советского Правительства о деятельности правых (антисоветских) партий. Равным образом обязуюсь сообщать своевременно о всех прочих контрреволюционных группах, что мне станет известно о их деятельности.

Все директивы, мною получаемые в связи с моей осведомительской работой, обязуюсь исполнять точно и своевременно. О своей деятельности и получаемых мною заданиях обязуюсь хранить полное молчание.

Лондон, 26 мая 1924 г. Павел Павлович Дьяконов.

Впредь свои сообщения буду подписывать "Виноградов"»⁴⁵.

Основным объектом деятельности Дьяконова как агента ОГПУ стал образованный в сентябре 1924 года РОВС. Кроме того, используя связи Дьяконова во французском Генштабе, ИНО ОГПУ довел до сведения французской разведки данные о профашистски настроенных русских генералах и офицерах. Но главным заданием Дьяконова следует считать участие в похищении Кутепова.

Именно с помощью Дьяконова Кутепову написали записку, в которой неизвестное лицо выразило желание встретиться с ним по денежному вопросу. Встреча была назначена на воскресенье. Те два человека в желтых пальто, что запихнули Кутепова в машину, на самом деле были французскими

коммунистами и агентами группы Серебрянского. Роль по-
стового исполнил офицер французской полиции (также
агент ОГПУ). А в красном такси находились непосредствен-
ные руководители операции на месте — Турыжников и Эске-
Рачковский. Посадив Кутепова в машину, чекисты проеха-
ли весь центр Парижа, после чего повернули к окраине. А
когда заволновавшийся Кутепов спросил их: «Куда вы меня
везете?», театрально ответили: «Можете говорить по-русски,
генерал. Мы — сотрудники ОГПУ СССР». После этого Ку-
тепова усыпили хлороформом и в спящем состоянии доста-
вили в Марсель. На борт советского судна «Спартак» гене-
рала провели под видом сильно загулявшего члена экипажа,
после чего корабль взял курс на Новороссийск. Но больное
сердце генерала не выдержало последствий наркоза, и он
умер от сердечного приступа в сотне миль от Новороссийс-
ка. (Существует и другая версия — Кутепов умер вечером
26 января и был тайно похоронен в саду дома, принадле-
жащего вышеуказанному французскому полицейскому.) Впро-
чем, несмотря на смерть Кутепова, организатор похищения
главы РОВС Я. Серебрянский 30 марта 1930 года был на-
гражден орденом Красного Знамени.

В Москве с самого начала категорически отрицали при-
частность своих спецслужб к похищению генерала Кутепо-
ва. Так, в газете «Известия» от 3 февраля 1930 года была на-
печатана заметка, в которой утверждалось, что Кутепов по-
хитил деньги РОВС и бежал с ними в Южную Америку. И
только в 1965 году было сделано неожиданное и, скорее все-
го, случайное признание. 22 сентября газета «Красная звез-
да» опубликовала заметку генерал-полковника авиации в
запасе Н. Шиманова, в которой говорилось: «...комиссар го-
сударственной безопасности 2-го ранга (на самом деле 3-го
ранга — авт.) Сергей Васильевич Пузицкий... участвовал не
только в поимке бандита Савинкова и в разгроме контрре-
волюционной организации “Трест”, но и блестяще провел
операцию по аресту Кутепова и ряда других белогвардейс-
ких организаторов и вдохновителей иностранной интервен-
ции и Гражданской войны».

Что же касается генерала Дьяконова, то после исчезновения Кутепова эмигрантская газета «Возрождение» назвала его «чекистским агентом» и прямым участником похищения главы РОВС. После этого Дьяконову пришлось потратить немало сил и времени, чтобы французский суд, рассмотрев материалы следствия по делу «Генерал Дьяков против газеты “Возрождение”», признал обвинения необоснованными и заставил редакцию принести генералу извинения. Агент «Виноградов» продолжал работать на советскую разведку до оккупации Франции немецкими войсками, а в конце мая 1941 года при помощи советского полпредства в Париже вместе с дочерью выехал в СССР. Через месяц после начала Великой Отечественной войны его арестовали, но спустя четыре месяца благодаря заступничеству начальника 1-го (разведывательного) управления НКВД СССР П. Фитина выпустили на свободу. Умер П.П. Дьяков 28 января 1943 года в Казахстане, куда он был эвакуирован.

Ликвидация Кутепова имела далеко идущие последствия. Во-первых, всем лидерам белой эмиграции было показано, что и за границей они не могут быть гарантированы от насильственной смерти от рук агентов ОГПУ, а полиция и спецслужбы стран пребывания не способны не только обеспечить им защиту, но и даже провести квалифицированное расследование. Во-вторых, РОВС как претендующая на лидерство среди эмигрантов организация стал гораздо менее влиятельным, поскольку сменивший Кутепова на посту председателя генерал Е. Миллер не пользовался большим авторитетом. И в-третьих, в результате непродуманной, начатой белыми эмигрантами под влиянием эмоций террористической кампании 1927–1928 годов значительные силы эмиграции, нацеленные на борьбу с большевизмом вооруженным путем, были уничтожены. Впрочем, иначе и быть не могло, так как государственные спецслужбы всегда были, да и должны быть неизмеримо сильнее каких бы там ни было террористов.

ДЕЛО ГЕОРГА ЗЕММЕЛЬМАНА

В начале 30-х годов террористическая активность белоэмигрантских организаций пошла на спад, а осуществленные теракты можно пересчитать по пальцам. Так, в марте 1930 года некий белоэмигрант Ников покушался в Париже на советского гражданина Гершельмана. В апреле того же года почти одновременно были предотвращены попытки взрывов советского консульства во Львове (и убийство консула Литинского) и полпредства в Варшаве, которое готовил некий Ян Полянский. А на следующий год ИНО ОГПУ получило информацию о планах террористической группы РОВС в Чехословакии, возглавляемой генералом Хоржевским, совершить покушение на Сталина, а также планах убийства М. Горького и наркома иностранных дел СССР М. Литвинова, вынашиваемых террористической группой РОВС в Югославии, которой руководил генерал А. Туркул. 16 ноября 1931 года заброшенный в СССР член РОВС Я.Л. Огарев, он же Платонов-Петин, случайно встретив Сталина, проходившего в сопровождении небольшой охраны по улице Ильинка в Москве, хотел выстрелить в него, но, поняв, что не успеет достать из кармана пистолет, отказался от этого намерения (в тот же день Огарев, за которым уже вело наблюдение ОГПУ, был арестован).

Тогда же несколько стабилизировалась международная ситуация вокруг СССР. 3 октября 1929 года были восстановлены дипломатические отношения с Великобританией. В октябре того же года войска Особой Дальневосточной армии под командованием В. Блюхера в ходе вооруженного конфликта на КВЖД разбили войска Чан Кайши и Чжан Сюэяна, после чего в декабре 1929 года был подписан Хабаровский протокол, восстанавливавший ранее существовавшее на КВЖД положение. А несколько позднее, 16 ноября 1933 года, СССР установил дипломатические отношения с США.

Но в то же время возрастало число партийных функционеров, советских специалистов, сотрудников и агентов спецслужб, которые по тем или иным причинам становились в

оппозицию существующему строю и бежали из СССР (или оставались за границей). В этом плане показательна история Я. Блюмкина, в 1928–29 годах находившегося в Палестине в качестве нелегального резидента ИНО ОГПУ. Узнав в марте 1929 года о высылке Л. Троцкого из СССР, он сразу же поспешил в Константинополь. Позднее, в письме начальнику ИНО М. Трилиссеру он писал:

«Высылка Троцкого меня потрясла. В продолжении двух дней я находился в прямо болезненном состоянии. Мои надежды, что радиус расхождения между партией и троцкистской оппозицией суживается и кризис изживается, что Троцкий будет сохранен для партии, не оправдались»⁴⁶.

В Константинополе Блюмкин несколько раз встречался с Троцким и его сыном Львом Седовым, оказал им ряд услуг, а возвращаясь в Москву согласился взять письма Троцкого его сторонникам в СССР. Однако в Москве очень быстро узнали о связях Блюмкина с Троцким. И уже 15 октября 1929 года он был арестован, а 3 ноября «за повторную измену делу пролетарской революции и измену революционной чекистской армии» расстрелян.

В том же 1929 году, 3 октября, бежал из советского полпредства в Париже поверенный в делах СССР во Франции Григорий Беседовский.

Сын торговца готовым платьем из Полтавы, Беседовский в годы Первой мировой войны был анархистом-оборонцем, после февраля 1917 года вступил в партию кадетов, а в 1918 году стал левым эсером. Но позднее, разочаровавшись в эсерах, он вступил в РКП(б) и сделал неплохую дипломатическую карьеру. В 1922 году он — консул Украины в Вене, в 1923–24 годах — советский консул в Париже, в 1925 году консул СССР в Токио. Но ко времени своей второй командировки во Францию, куда он выехал в мае 1927 года в качестве советника полпредства, Беседовский окончательно разочаровался в идеях коммунизма и установившимся в СССР режиме. А когда его решили отправить как не вызывающего доверия в Москву, перелез через стену здания полпредства и попросил у французских властей политического убежища.

В дальнейшем Беседовский занимал крайне антисоветские позиции, а с 1930 года начал издавать газету «Борьба», лелея мысль объединить под своим крылом довольно многочисленный к тому времени круг «невозвращенцев», насчитывающий несколько сот человек. Однако из этой затеи ничего не вышло, и после издания в 1931 году мемуаров «На путях к термидору» Беседовский пошел по пути известного фальсификатора В. Орлова, публикуя многочисленные апокрифы и не забывая отводить в них себе лично огромную роль.

Впрочем, несмотря на свои экстравагантные выходки, Беседовский не стал объектом охоты для советских спецслужб, чего нельзя сказать об агенте ИНО ОГПУ Георге Земмельмане. Дело Земмельмана, несмотря на свою «заурядность», интересно тем, что в нем как в капле воды отразилась кадровая политика русских и европейских коммунистов, принимавших в свои ряды проходимцев и доверявших им весьма деликатные поручения. Такой беспринципный подход к подбору агентов и доверенных лиц советских спецслужб часто приводил к тому, что их работа ставилась на грань провала.

Начать следует с того, что Земмельман, родившийся в 1899 году, первоначально придерживался крайне правых взглядов. Он входил в состав немецкого Союза офицеров, союза «Олимпия», союза фронтовиков «Берлин-Штеглиц» и являлся членом Национал-социалистической свободной партии. Более того, Земмельман был еще и завзятым мошенником и аферистом. После увольнения из кайзеровской армии он каким-то образом раздобыл себе офицерское удостоверение и с его помощью поступал на службу в расплодившиеся тогда в Германии многочисленные фрайкоры, а также в полицейские отделения и части рейхсвера. Но этого ему показалось мало, и он занялся торговлей оружием.

Впрочем, этот бизнес не принес ему удачи. Один из сообщников выдал Земмельмана полиции, после чего суд в 1925 году приговорил его к году тюремного заключения и поражению в правах на два года. Находясь в камере предварительного заключения потсдамской тюрьмы, Земмельман

познакомился с неким коммунистом Грюнертом, которому, очевидно, удалось склонить его к сотрудничеству с компартией Германии. В результате благодаря Грюнерту Земмельман получил адвоката от КПП, который добился для него отсрочки заключения и отмены приговора о лишении гражданских прав. Более того, сразу же после освобождения из тюрьмы 24 марта 1924 года Земмельман приступил к работе в разведывательной службе КПП (так называемый N-аппарат), полностью контролировавшейся ОГПУ и Коминтерном.

По поручению своих новых партийных начальников Земмельман возобновил переписку со старыми знакомыми в Лейпциге и Кельне, занимавшими руководящие посты в фашистской организации «Стальной шлем». Помимо этого под предлогом того, что он якобы является сотрудником министерства рейхсвера, Земмельман запрашивал в государственных учреждениях сведения о военных союзах. Таким путем ему удалось получить весьма важные сведения о «Стальном шлеме», о союзах «Оберланд», «Викинг», «Юнгдо» и «Олимпия», о их связях с рейхсвером, а также о вооружении германской армии.

Тем временем разведывательная служба КПП предпринимала усилия для отмены вынесенного Земмельману приговора, а так же для облегчения ему доступа к источникам информации. С этой целью в сентябре 1925 года он под видом отставного обер-лейтенанта вступил в группу «Медная колесница», являвшуюся частью союза «Танненберг», и создал в Берлине ее отделение, которое сам и возглавил. В мае 1926 года, когда Земмельмана направили в Баварию, он передал свой пост Гансу Бариону по кличке «Курт Мертес». Сам же Земмельман, получив от разведывательной службы КПП фальшивые документы на имя доктора Финка, стал работать заместителем Фрица Риттера фон Краусера, руководителя Южно-немецкого округа союза «Танненберг» в Мюнхене. На все запросы о докторе Финке Краусер получил из Берлина от Мертенса положительные ответы, благодаря чему Земмельману удалось вступить в относящиеся к союзу «Таннен-

берг» объединения «Народный офицерский союз» и «Старый имперский флаг». В результате он не раз принимал участие в совещаниях руководства союза Танненберга, а также в переговорах с народными союзами Австрии и Италии. Находясь в Баварии, Земмельман поддерживал связь с руководителем разведывательной службы КПГ в южнобаварском округе К. Ганцем, и несколько раз встречался с членом ЦК КПГ О. Брауном. Всего же в период с 17 мая по 15 октября 1926 года он передал в Берлин в разведслужбу КПГ и резидентуру ИНО ОГПУ около 45 подробных рапортов о положении в Баварии.

Однако работа Земмельмана на разведку КПГ длилась недолго. Дело в том, что когда в августе 1926 года из Бюро немецкого офицерского союза в Баварии исчезли атлас рейхсвера и карта военных округов, Краусер написал заявление в полицию. В результате 16 сентября 1926 года был арестован К. Ганц, у которого обнаружили конверт на имя доктора Финка, в котором находились бумаги Земмельмана. Земмельмана также арестовали, и 7 июля 1928 года уголовный сенат имперского суда приговорил его к двум с половиной годам тюремного заключения.

Но в тюрьме Земмельман вновь не задержался, так как вскоре был освобожден по амнистии. Выйдя на свободу, он продолжил свои контакты с КПГ, а затем был передан в распоряжение ИНО ОГПУ. Его устроили в филиал торгпредства СССР в Гамбурге, после чего он начал выполнять задания непосредственно советской разведки. Так, в конце 20-х — начале 30-х годов он выполнял задания в Румынии, за что румынским судом был заочно осужден на 14 лет тюремного заключения. Будучи вынужденным бежать из Румынии, он сначала перебрался в Кельн, а потом в Вену. Весной 1931 года Земмельман женился на немецкой девушке, что привело к неожиданным для него результатам.

Узнав о его женитьбе, на Лубянке решили, что после этого он стал представлять угрозу разведывательной работе и немедленно исключили из списков агентов. Обиженный увольнением с хорошо оплачиваемой работы, Земмельман

обратился в редакцию одной из венских газет с предложением написать серию статей о советском шпионаже в Германии, Австрии и ряде других стран. В частности, Земмельман собирался рассказать о подпольных фабриках по изготовлению фальшивых паспортов для советских спецслужб и об использовании компартии Германии в целях привлечения военных к промышленному шпионажу.

Особое место в его разоблачениях должно было занять описание подлинной деятельности Ганса Киппенбергер, члена Политбюро ЦК компартии Германии. Киппенбергер, отвечающий в Политбюро ЦК КПГ за связь партийного подполья с советской разведкой, в 1930 году был избран депутатом парламента. В течение трех лет, до захвата власти нацистами, он продолжал работать на советскую разведку, пользуясь депутатской неприкосновенностью и членством в комиссии по военным делам рейхстага.

Однако совершить эти разоблачения Земмельман не успел, так как его угрозы вызвали быструю реакцию со стороны Москвы. Днем 27 июля 1931 года неизвестный Земмельману человек спокойно вошел в его квартиру и, достав из карманов два пистолета, двумя выстрелами в голову убил хозяина. Молодая жена Земмельмана, услышав выстрелы, подняла крик, однако самого убийства она не видела, поскольку находилась в другой комнате. Прибежавшие в квартиру полицейские увидели молодого человека с двумя пистолетами в руках, который при их появлении бросил оружие и без сопротивления дал себя арестовать.

На первом допросе арестованный назвал себя Андреем Пикловичем, студентом-медиком, и заявил, что убил Земмельмана по собственной инициативе. Такой же линии поведения советовал ему придерживаться в дальнейшем и посетивший его на следующий день адвокат Натан Коркес. Однако в ходе следствия Пиклович признал, что ему близки идеи анархо-коммунистов, а посему угрозы Земмельмана вызвали у него законное возмущение. На состоявшемся в первых числах марта 1932 года судебном процессе Пиклович признал себя виновным в убийстве, но при этом заявил, «что

будет до конца бороться с капиталистическим режимом и что если бы Земмельман остался в живых, то предал бы многих пролетарских борцов»⁴⁷.

До и во время суда над Пикловичем по указанию Москвы в западной коммунистической прессе была развернута компания в его защиту, проходившая на фоне инспирированных коммунистами демонстраций в его поддержку. В результате суд присяжных не смог прийти к единому решению (5 присяжных — виновен, 7 — не виновен), и Пиклович был оправдан по обвинению в убийстве. Его присудили к штрафу за контрабанду оружия, конфисковали два пистолета и 4 марта 1932 года освободили из-под стражи, обязав немедленно покинуть Австрию.

При этом настоящая личность подсудимого так и не была установлена. На самом же деле Пикловичем назвался Эгон Шпильмам, родившийся в 1903 в Сербии. В начале 20-х годов он приехал в Австрию для продолжения образования, но в 1925 году был выслан из страны за принадлежность к местным коммунистам. После этого он полулегально обосновался во Франции и до 1930 года работал металлургом на заводе, поддерживая тесные связи с КПФ. В 1930 году он выехал в СССР на учебу, где был завербован ОГПУ и направлен в Австрию для ликвидации Земмельмана.

Здесь интересно отметить, что в октябре 1931 года находящийся проездом в Вене перебежчик Г. Агабеков, желая оказать помощь австрийским властям, якобы опознал в Пикловиче своего бывшего коллегу по ИНО ОГПУ И. Шульмана. Шульман, по утверждению Агабекова, был членом РКП(б) с 1918 года, в 1923—24 годах осуществлял под видом дипломатического курьера связь между резидентурами ИНО ОГПУ в Берлине и Лондоне, с 1925 года заведовал спецлабораторией резидентуры ИНО в Италии, а с 1929 года возглавлял в Москве так называемый «черный кабинет», занимавшийся изготовлением фальшивых документов. Более того, Агабеков заявил, что именно Шульман в свое время лично приготовил для него фальшивый персидский паспорт, по которому он легализовался в Стамбуле. Правда, утверждения

Агабекова подтверждения не получили, и Пиклович остался для суда Пикловичем. Что же касается Агабекова, то его разоблачения сослужили ему плохую службу.

ОПЕРАЦИЯ «ФИЛОМЕНА»

Георгий Агабеков, о котором пойдет далее речь, был кадровым сотрудником советской разведки, ставшим невозвращенцем, а позднее и предателем. При этом своей изменой он нанес агентурной сети ИНО ОГПУ огромный ущерб, особенно на Ближнем и Среднем Востоке. Кроме того, в своих опубликованных на Западе мемуарах он подробно рассказал о структуре и методах работы ОГПУ, а также его руководителях, чего до него не делал никто. И поэтому не следует удивляться тому, что вскоре за ним началась настоящая охота.

Георгий Сергеевич Агабеков (настоящая фамилия Арутюнов) родился в 1895 году в Ашхабаде. Перед Первой мировой войной он учился в Ташкентской гимназии, но с началом военных действий в 1914 году был мобилизован в армию и до октября 1916 года воевал на фронте. Потом он был направлен в Ташкентскую школу прапорщиков, после окончания которой служил командиром взвода и переводчиком с турецкого языка при штабе 46-го полка на Румынском фронте. Февральскую революцию Агабеков воспринял с воодушевлением, а сразу же после Октября покинул армию и в марте 1918 года в Одессе вступил в отряд Красной гвардии.

С 1918 по 1920 год Агабеков служил в Красной Армии. Он воевал в Туркестане, где командовал частями Красной гвардии, а затем в Сибири против армии Колчака. Впрочем, существует и противоположная версия, по которой Агабеков якобы служил у Колчака и только в конце 1919 года перешел на сторону красных. Во всяком случае точно известно, что в 1920 году он вступил в ряды РКП(б) (партийный билет № 539303) и был назначен командиром батальона войск внутренней службы в Екатеринбурге. В том же году Агабекова переводят в ЧК Екатеринбурга, где он занимает

должность помощника уполномоченного по борьбе с контрреволюцией и ведает секретной агентурой, а в 1921 году командировается в Тюменскую губернию, где участвует в подавлении крестьянского восстания в Ялуторовском уезде.

В конце 1921 года, учитывая знание Агабековым турецкого и персидского языков, его переводят в центральный аппарат ВЧК в Москве, в начале следующего года — в ЧК Туркестанского фронта, а затем в контрразведывательный отдел ТуркГПУ, где он занимался проблемами Средней Азии и Афганистана. В 1922 году он был направлен в Бухару в качестве начальника агентуры. Там он наладил дело таким образом, что в его руки попал весь разведывательный аппарат бухарского штаба. Кроме того, по собственным утверждениям, он принимал непосредственное участие в деле Энвер-паши. Его активность и способности были замечены руководством ОГПУ. В результате в 1924 году Агабеков был переведен в центральный аппарат ИНО ОГПУ и в апреле того же года направлен в Кабул. В Афганистане он работал под прикрытием должности помощника заведующего бюро печати полпредства, одновременно считаясь уполномоченным советского торгпредства по Кабульскому району.

В конце 1926 года Агабекова назначают резидентом ИНО ОГПУ в Тегеране. Там он добился больших успехов в приобретении шифров и перехвате корреспонденции аккредитованных в Иране консулов иностранных государств. «Английское генеральное консульство в Мешхеде состоит из генерального консула и военного атташе, являющегося одновременно представителем индийского генерального штаба (имеется в виду штаб английских войск в Индии — авт.), — вспоминал Агабеков. — Оба переписываются с британским посланником в Тегеране и с индийским генеральным штабом. Штаб информирует военного атташе о положении на Востоке посредством месячных и шестимесячных сводок. Всю эту переписку мы аккуратно получали и пересылали в ОГПУ в Москву»⁴⁸.

Кроме того, Агабеков успешно организует возвращение из Афганистана и Персии беженцев, вербует в качестве агентов

русских эмигрантов, подкупает вождей белуджских и курдских племен с целью вооруженного выступления против Англии ввиду предполагаемой войны Великобритании с СССР. Но были у него и провалы. Например, как уже говорилось выше, несмотря на все усилия, ему не удалось задержать и доставить обратно в СССР бежавших в Персию в январе 1928 года бывшего сотрудника секретариата Сталина Б. Бажанова и сексота ОГПУ А. Максимова. Кроме того, имеются данные, что он не отличался нравственной чистоплотностью. Так, в сентябре 1928 года генеральный консул СССР в Хоросане А. Дубсон получил письмо от одного из своих подчиненных О. Бельта, в котором тот обвинил Агабекова в домогательствах к своей жене, которые имели место в Мешхеде в 1926 году. Позднее Агабеков якобы сфальсифицировал телеграмму из Москвы, в которой говорилось о болезни матери жены Бельта, а когда та выехала в СССР, навязался ей в попутчики и в Ашхабаде потребовал развестись с мужем, суля все богатства мира.

Но как бы там ни было, в апреле 1928 года Агабеков возвращается в Москву и назначается начальником сектора по Ближнему и Среднему Востоку ИНО ОГПУ. Здесь необходимо отметить, что назначение на столь высокий пост свидетельствовало о доверии к нему не только со стороны ОГПУ, но и высшего руководства страны. На этой должности он остается до октября 1929 года. А затем его направляют нелегальным резидентом в Турцию на место арестованного за связь с Троцким и позднее расстрелянного Я. Блюмкина. 27 октября 1929 года на пароходе «Чичерин» он прибыл в Стамбул с документами на имя армянского коммерсанта Нерсеса Овсепяна. В сферу будущей деятельности Агабекова, помимо самой Турции, входили Сирия, Палестина и Египет. Кроме того, перед ним стояла задача не только организовать сбор интересующей советскую разведку информации, но и разработать планы антибританской деятельности на Ближнем Востоке.

Но к тому времени, по утверждению самого Агабекова, его отношение к советской власти меняется на 180 градусов.

«Читая в Стамбуле информационные сводки ОГПУ, — пишет он, — я все более убеждался в том, что народное хозяйство разрушается и гибнет, пока наверху идет драка за власть. В частных письмах мне сообщали, что положение все более ухудшается, что приближается новый, 1931 голодный год. Постепенно становилось ясно, что в создавшемся положении виноваты не отдельные личности, но вся система управления. Зрела мысль о борьбе с руководителями преступной политики. Ехать обратно в СССР и начать там открыто выступать — это значило в лучшем случае сесть куда-нибудь в концентрационный лагерь. Я решил ехать на Запад»⁴⁹.

В конце концов осенью 1929 года Агабеков принимает решение не возвращаться в СССР. А в конце января 1930 года он обращается к английским властям в Стамбуле с просьбой предоставить ему политическое убежище. Явившись к военному атташе британского посольства, он сообщил ему свое настоящее имя и должность и пообещал предоставить всю известную ему информацию о советской разведке. Военный атташе внимательно выслушал Агабекова и пообещал передать его предложения заинтересованным лицам. Выждав несколько недель, Агабеков повторил свое предложение, на этот раз сотруднику английского консульства в Стамбуле Роджерсу, и вновь без особого успеха. И только в мае 1930 года англичане попросили его написать автобиографию, приложив к ней свой послужной список. Агабеков незамедлительно представил требуемые бумаги, в конце которых приписал:

«По причинам личного характера я не намерен возвращаться в Россию. Обращаясь к вам, я снова подтверждаю, что готов выехать в Лондон или в любое другое место, которое вы установите, для окончательных переговоров. Если же в конечном счете выяснится, что вы не заинтересованы в моих услугах, я буду просить только оплатить мне расходы по переезду. Остаюсь в ожидании ответа.

Н. Овсепян»⁵⁰.

Тут необходимо остановиться на причинах личного характера, о которых упоминает Агабеков. Дело в том, что все же настоящей причиной предательства Агабекова была, как

это не удивительно, любовь. Нелегальный резидент ИНО как мальчишка влюбился в 20-летнюю англичанку Изабел Стритер, у которой брал уроки английского языка.

Роман, начавшийся как легкий флирт, вскоре стал единственным смыслом его жизни. Родители Изабел, пришедшие в ужас от ее выбора, отправили дочь во Францию. Но Агабеков последовал за ней, и ценой предательства добился своего — в ноябре 1930 года они поженились. Об этом свидетельствует следующий доклад французского военного атташата в Стамбуле:

«Строго секретно... Бухарест. Г-ну полковнику Паллас, французскому военному атташе в Бухаресте.

...Агабеков вошел в сношение с машинисткой-стенографисткой английского посольства мисс И. Стритер, на которой женился, сообщив англичанам важные сведения, особенно касающиеся работы Советов в Афганистане.

Начальник секции... Бюро военного атташе»⁵¹.

Забегая вперед, скажем, что их бурная любовь вскоре кончилась. В апреле 1936 года они разошлись, и Изабел, вернув себе девичью фамилию, уехала в Англию. В 50-е годы она работала стенографисткой в британском парламенте, а затем в английских посольствах за границей. Умерла Изабел Стритер в возрасте 62 лет 27 ноября 1971 года в Нью-Йорке, где она служила в английской миссии ООН.

Но вернемся к нашему рассказу. Получив от Агабекова требуемые бумаги, англичане так и не могли решить, кто перед ними — провокатор или настоящий перебежчик. Тем временем, как уже говорилось, родители отправили Изабел во Францию. Тогда потерявший голову Агабеков 19 июня 1930 года на пароходе «Тадла» отправляется из Стамбула в Марсель, а оттуда в Париж, где открыто порывает с советской разведкой и делает соответствующие заявления во французской и эмигрантской прессе.

«До настоящего времени работал честно и преданно для Советской России, — писал он сразу после бегства в одной из эмигрантских газет Парижа. — В последние два года я стал замечать, что революционный энтузиазм в СССР стал пере-

ходить среди коммунистических низов в подхалимство и бюрократизм, вырождаясь в заботу о сохранении своих мест и боязни лишиться куска хлеба. Среди коммунистических верхов вопрос о революции свелся к борьбе за портфели.

В то время как эта привилегированная группа варится в собственном соку и, бросая революционные фразы о свободе и пр., на самом деле душит всякое проявление свободы — в это время рабочий класс приносит колоссальные материальные и моральные жертвы для осуществления преступно-фантастической пятилетки и физически истребляется, а крестьянство загоняется в колхозы и разоряется дотла, ибо, фактически разрушая индивидуальное хозяйство, сталинское правительство не дает взамен ничего. Результаты этого — перманентный голод в такой аграрной стране как Россия. В области внешней политики — лживые революционные призывы к рабочим Запада. Одновременно с провозглашением лозунга “освобождение угнетенного Востока” сталинское правительство ведет империалистическую политику в Китае, Персии, Афганистане и на всем Ближнем Востоке, что я докажу фактами в своей готовящейся к печати книге.

В области торговли я считаю преступным при наличии фактического голода в России вывоз из СССР продуктов и трату вырученных денег на заполнение карманов совчиновников и поддержку компартий других стран.

С режимом, создающим невыносимую жизнь громадному стопятидесятиmillionному народу СССР и властвующим силой штыков, несознательности армии и неорганизованности классов рабочих и крестьян, — я обещаю отныне бороться.

Я имею сотни честных друзей-коммунистов, сотрудников ОГПУ, которые так же мыслят, как и я, но, боясь мести за рубежом СССР, не рискуют совершить то, что делаю я.

Я — первый из них, и пусть я послужу примером всем остальным честным моим товарищам, мысль которых еще окончательно не заедена демагогией нынешнего ЦК.

Я зову вас на борьбу за подлинную, реальную, настоящую свободу!»⁵²

Став невозвращенцем, Агабеков рассчитывал заработать на жизнь публикацией своих мемуаров. Однако британская газета «Дейли мейл» на предложение о публикации мемуаров ответила: «Без гарантий, что мистер Агабеков не провокатор, мы не можем поставить ни строчки, так как если выйдет скандал с его сенсацией и разоблачениями, то в английском общественном мнении... газета может проиграть, и поэтому мы воздерживаемся. Конечно, если у Агабекова есть документы, тогда другое дело»⁵³.

Впрочем, в сентябре 1930 года мемуары Агабекова под названием «ОГПУ» все-таки были опубликованы в парижской эмигрантской газете «Последние новости». А в 1931 году они вышли отдельной книгой на английском языке в Нью-Йорке и назывались «ОГПУ: русский секретный террор». Вскоре после этого вышел и русский оригинал книги, подготовленный к печати при помощи русских эмигрантов, проживающих в Берлине.

Появление книги Агабекова для очень многих обернулось трагедией. Так, в Иране она вызвала настоящий переполох. Дело закончилось тем, что в июле-августе 1932 года власти арестовали более 400 человек, связанных с советскими спецслужбами. (250 в Тегеране, 130 — в Хорасане, 50 — в Западном Азербайджане). Четверо из них были расстреляны, а 27 приговорены к тюремному заключению. А до этого, 1 июля 1931 года, был принят «Закон о наказании лиц, занимающихся деятельностью, направленной против безопасности и независимости страны», наказания по которому предусматривали осуждение на срок от 3 до 15 лет и смертную казнь. Результатом этих действий властей стал разгром в Иране просоветского коммунистического и национально-освободительного движения. Другим важнейшим последствием выхода в свет мемуаров Агабекова стало то, что доверие правящего в то время в Иране Реза-шаха Пехлеви к СССР было подорвано, и с его стороны были приложены немалые усилия к тому, чтобы по возможности в наибольшей степени сократить сотрудничество с Москвой.

Кроме того, за всеми сотрудниками советского полпредства в Иране был установлен жесткий контроль, что очень затрудняло работу резидентур ИНО ОГПУ и Разведупра РККА. И это только в одном Иране. А ведь не следует забывать, что Агабеков сдал всю известную ему агентурную сеть не только в Иране, но и на всем Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Впрочем, в ИНО ОГПУ старались преуменьшить значение разоблачений Агабекова. Так, в докладной записке на имя начальника ИНО А. Артузова о мемуарах Агабекова говорилось таким образом:

«Он (Агабеков — авт.) останавливается на некоторых «фактах», оценка которых, по нашим данным, может быть дана следующая:

История с Захаридисом. Ни в прошлом, ни в настоящем, ни в аппарате, ни в составе сети на Ближнем Востоке и в Аравии Захаридиса не было и нет. Торговая операция с Захаридисом — сплошная выдумка.

«Убийство» Белова. Данные об «убийстве» члена нашей организации Белова — сплошная выдумка.

Палестинские события. Плохое изложение газетных информации о деятельности Коминтерна на Ближнем Востоке.

История с Жиро. Ничего подобного в нашей работе на Востоке не было. Факт выдуман.

Агентурная работа. В воспоминаниях А. пишет о своей работе в Константинополе. В бытность в Константинополе никаких агентурных разработок не вел и никакой сети не имел. Все сообщенное им в материалах сплошная выдумка.

Нач. 5-го отделения ИНО ОГПУ Федоров»⁵⁴.

Думается, не лишним будет привести здесь и заметку «Агабеков», опубликованную 15 августа 1936 года в парижской эмигрантской газете «Возрождение» под рубрикой «Письмо в редакцию». Автор заметки — князь Г. Львов, в прошлом глава двух кабинетов Временного правительства:

«Милостивый государь, господин редактор! Два дня назад я получил от своего приятеля, живущего в Персии, человека с большим положением в прошлом и безупречной

репутацией, письмо, содержащее характеристику личности Агабекова. Вот выдержка, касающаяся этого человека:

“В последних номерах “Возрождения” и “Последних новостей” много пишут об Агабекове... Этот мерзавец теперь перебежал к эмиграции и выпускает книгу на русском, французском, английском и персидском языках о деятельности большевиков на Востоке и в Персии. Агабеков большой негодяй, и ему никто не должен верить. В Персии хорошо знают этого мерзавца, потому очень интересуются его книгой. В Тегеране он гордо заявил, что собственноручно расстрелял не менее 50 человек”.

Подобная, более чем определенная, характеристика, быть может, послужит вам, господин редактор, для целей установления роли этого перебежчика...»

Несмотря на стремление приуменьшить последствия измены Агабекова, в ОГПУ после публикаций мемуаров не собирались прощать ему предательства. Уже 2 июля 1930 года во все резидентуры были разосланы шифротелеграммы с перечнем оперативных сотрудников и агентов, которых было необходимо отозвать в Москву или временно заморозить их деятельность. Тогда же было принято решение о незамедлительной ликвидации изменника. Вначале с этой целью в Париж выехали сотрудники Спецгруппы во главе с Я. Серебрянским. Потом такое же задание получил нелегальный резидент ИНО в Италии Е. Мицкевич.

Но с наскока убрать Агабекова не удалось, поскольку французские власти, не желая осложнять дипломатические отношения с СССР, выслали его в августе 1931 года в Бельгию. Поэтому в конце 1931 года в ИНО ОГПУ была разработана операция «Филомена», имевшая целью заманить Агабекова в Болгарию, там похитить и доставить в СССР.

При осуществлении этого плана было решено использовать советского эмигранта греческого происхождения Нестора Филию, который стремился вывезти из СССР свою жену Евдокию и дочь Анну, оставшихся в городе Николаеве. Пытаясь найти людей, которые могли бы помочь ему, Филия познакомился с французским инженером Александром

Огюстом Лекоком и уроженцем Одессы, греком Жаном Паниотисом, оказавшимся агентом ОГПУ. Узнав о том, что жена Филии имеет в одном из женевских банков счет на 100 миллионов франков, Паниотис рассказал об этом другому агенту ОГПУ в Париже Сергею Минцу.

Убедившись, что счет мадам Филия в Женеве не фикция, они сообщили об этом в Москву, где решили использовать сложившуюся ситуацию для похищения Агабекова. Предполагалось, убедив его в подлинности истории Нестора Филии, предложить ему как бывшему работнику ОГПУ организовать за приличную плату побег двух женщин из СССР, заманить в ловушку и вывезти в Москву. Паниотис и Минц привлекли к операции своего знакомого англичанина Альберта Стопфорда, который в конце сентября 1931 года встретился с Агабековым и сначала попросил только совета — как добыть заграничные паспорта в Москве.

Но уже спустя несколько дней он предложил Агабекову самому организовать выезд двух женщин из России, разумеется, за соответствующее вознаграждение. В середине октября в Брюсселе состоялась еще одна встреча Агабекова со Стопфордом и другим агентом ОГПУ, действовавшим в Швейцарии под псевдонимом Отто Эгер. Последний, якобы, должен был финансировать операцию.

Месяц спустя Агабеков выехал в Болгарию. По дороге он нанес ОГПУ целый ряд ощутимых ударов. Так, будучи в Вене, он задержался на 10 дней, дав показания австрийской полиции по так называемому «делу Земмельмана». Кроме того, он назвал имя бывшего резидента ИНО в Вене М. Горба, работавшего под прикрытием атташе по печати в советском полпредстве в Вене, и его помощника И. Лебединского, занимающего должность заведующего паспортным отделом. Но по прибытии в Софию его вызвал к себе шеф болгарской полиции Прелявский, который заявил, что в интересах самого Агабекова следует немедленно покинуть Болгарию, не заезжая в Варну — конечный пункт его путешествия. В результате Агабекову ничего не оставалось, кроме как вернуться обратно в Брюссель.

Однако на Лубянке решили не отказываться от намеченного плана, заменив Варну румынским портом Констанца. Но на этот раз Агабеков заподозрил неладное и поставил в известность о предложении Филии своих покровителей из западных спецслужб, после чего 23 декабря выехал из Брюсселя в Бухарест. В это время ОГПУ тщательно готовилось к похищению. В Марселе было зафрахтовано греческое судно «Елена Филомена» с командой в 20 человек, из которых семерых сразу же заменили агентами ОГПУ. Капитаном судна был грек Катаподис, с которым находилась и его «невеста» — немка по фамилии Гаублер.

В конце декабря 1931 года Агабеков одновременно с Лекком прибыл в Констанцу. Здесь Лекко представил предполагаемой жертве еще одного компаньона — болгарина. На самом деле это был советский разведчик, резидент нелегальной резидентуры в Турции Г. Цончев, действовавший под прикрытием владельца фирмы «Цончев-Герон». Но Агабеков уже не сомневался, что все дело Филии — провокация советской разведки с целью его похищения.

9 января 1932 года в Констанцу прибыла «Филомена». На ее борту находился агент ОГПУ Г. Алексеев, которому была отведена роль исполнителя похищения или, в зависимости от обстоятельств, убийства.

Однако в течение следующих двух дней заманить Агабекова на борт судна не удалось. Румынская секретная служба, установившая постоянное наблюдение за Агабековым с момента пересечения им границы, вечером 11 января задержала с поличным Алексеева возле ресторана «Юбилейный», когда тот пытался застрелить Агабекова. «Филомена» была конфискована, ее команда во главе с капитаном арестована, также были задержаны Цончев и Лекко. Кроме того, во время следствия были разоблачены еще несколько советских агентов в Бухаресте, Стамбуле и некоторых других европейских столицах.

Здесь интересно будет добавить, что история с «Филоменой» снова всплыла в 1934 году, когда судно зафрахтовал «Совторгфлот» для перевозки леса в египетский порт Алек-

сандрия. Прибыв в Египет в феврале, капитан Катаподис вместо того, чтобы сдать груз заказчикам, заявил, что продаст лес с аукциона в возмещение убытков, понесенных при попытке похищения Агабекова. Советские официальные представители в Египте были вынуждены обратиться в суд, после чего вновь разразился громкий скандал.

Что до Агабекова, то после очередного провала почти всей агентуры ОГПУ на Балканах и продолжающихся публичных разоблачений оставлять его безнаказанным с точки зрения руководства страны и ОГПУ, разумеется, было нельзя. Поэтому охота за ним не прекращалась и длилась еще девять лет, закончившись только весной 1938 года.

УБИЙСТВО В БУЛОНСКОМ ЛЕСУ

Если Агабекову удавалось до 1938 года избегать мести со стороны советских спецслужб, то другие чекисты и работники Разведупра РККА, заподозренные в измене, в большинстве своем были безжалостно ликвидированы. Так, 22 мая 1932 года в Гамбурге был убит курьер ИНО ОГПУ Ганс Виссингер. Обстоятельства его ликвидации до сих пор в деталях неизвестны, но если верить Яну Валтину (Рихарду Кребсу), немецкому коммунисту, одному из руководящих работников Коминтерна в Германии, порвавшему с советским режимом в марте 1938 года, убийство Виссингера совершил агент ИНО ОГПУ американец Джордж Минк. А произошло оно следующим образом:

«В начале 1932 года произошел следующий инцидент, в котором Минку была отведена вполне конкретная и злоедающая роль.

Капитан находившегося в море лайнера “Милуоки”, принадлежавшего компании “Гамбург — Америка”, получил шифровку, в которой сообщалось, что трое стюардов лайнера: Фердинанд Барт, Камилло Ф. и Карл Р., являются агентами ГПУ и везут с собой шпионские материалы. В каютах стюардов был произведен обыск, который выявил огромное

количество спрятанных в матрацах фотопленок, машинописных документов, чертежей, кодированных сообщений и т.п. — результат работы советского шпионского аппарата в США всего лишь за один месяц. Стюардов арестовали и передали полиции для допроса. Один из членов гамбургского “аппарата”, обеспечивающего этот канал, на следующий день после инцидента подал в отставку. Но функционерам ГПУ, которые знают секреты, никогда не позволяют уходить в отставку.

Этому человеку, которого звали Ганс Виссингер, предложили поехать в Советский Союз, но он отказался. Было принято решение ликвидировать Виссингера. Среди тех, кому поручили эту миссию, были Гуго Маркс и Джордж Минк — агенты одного поля.

ГПУ совершенно не интересовало, был ли Виссингер виновен в чем-то. Утром 22 мая Ганса Виссингера нашли мертвым в постели в его квартире на Мюленштрассе... Чтобы сбить людей с толку, коммунистическая пресса писала, что убийство Виссингера — дело рук нацистов.

На следующий день я встретился с Минком на проходящем как раз в тот момент в Гамбурге Международном конгрессе моряков. Он сидел в ресторане, довольно пьяный и веселый, в компании партийных стенографисток. Мне удалось на короткое время оттащить его от этих девиц.

— Ты знал Виссингера? — спросил я.

— А почему тебя это интересует? — нагло ответил он.

— Может быть, он ни в чем не был виноват. Может быть, ты совершил ошибку.

— Мы никогда не ошибаемся и никогда не наказываем невиновных, — был стандартный для ГПУ ответ⁵⁵.

Другая малоизвестная до настоящего времени история связана с именем нелегала Разведупра Витольда Штурм де Штрёма. Родившийся в Польше, Штурм де Штрём в молодости вступил в партию Ю. Пилсудского (ППС — Революционная фракция), занимавшую правый фланг в движении социалистов, но в 1919 году перешел в компартию Польши. В апреле 1921 года, будучи одним из руководителей военно-

го аппарата партии и кандидатом в члены ЦК, он участвовал в переговорах о создании так называемой «социалистической организации в войске», на базе военного аппарата компартии и офицеров-пилсудчиков из числа членов Польской организации войсковой (ПОВ). Кроме него в переговорах участвовали В. Гжех-Ковальский от компартии, а от ПОВ его брат Тадеуш, С. Воевудский и другие. Но из этой затеи ничего не вышло, и уже в 1922 году Штурм де Штрем работает в Разведупре РККА, где становится разведчиком-нелегалом.

Но в 1933 году в СССР органы ОГПУ начинают раскрывать «дело ПОВ», после чего репрессиям подвергаются бывшие сторонники Пилсудского, якобы специально заманенных в ряды ВКП(б) со шпионскими заданиями. Среди них — бывший участник упомянутых выше переговоров С. Воевудский, а также бывшие соратники Штурм де Штрема по ППС — Т. Жарский, Е. Чешейко-Сохатский, П. Ладан и другие. Сам Штурм де Штрем был убит в декабре 1933 года в Вене. Точные причины его ликвидации неизвестны. Но примечательно то, что в ней принимали участие другие будущие «невозвращенцы» — В. Кривицкий и Н. Рейсс, о которых речь пойдет дальше. По позднейшему признанию начальника внешней разведки ОГПУ-НКВД А.Х. Артузова (в письме Н.И. Ежову в ноябре 1936 г.) в операции против Штурм де Штрема участвовал К. Баранский, в то время — начальник 4-го отделения ИНО ОГПУ.

Иностранные коммунисты, находившиеся в политической эмиграции в СССР и считавшиеся по каким-либо причинам «уклонистами», становились объектами интереса советских органов безопасности и даже ликвидировались. Не всегда это проходило открыто. Характерна история гибели Макса Гельца.

Родившийся в 1889 году в крестьянской семье, ставший рабочим, Гельц вступил в компартию Германии сразу после ее основания. В 1918—1919 гг. он возглавлял рабочий совет в городе Фалькенштейне. В 1920 году он командовал вооруженными отрядами рабочих в Фогтланде, воевавшими с войсками генерала Каппа, попытавшегося осуществить военный

переворот. Во время мартовского восстания 1921 года Гельц в Мансфельде во главе рабочих отрядов сражался против правительственных войск и жандармерии. За нарушения партийной дисциплины Гельц был исключен из партии, но в 1922 году, находясь в тюрьме, куда был заключен по обвинению в убийстве, вновь вступил в КПП. Гельц был приговорен к пожизненным каторжным работам. После кампании протеста в СССР и европейских странах (в его защиту выступили Б. Брехт, К. Кольвиц, Т. и Г. Манны, А. Эйнштейн, очерк в «Правде» напечатал М. Кольцов, получивший разрешение германских властей на встречу с Гельцем в тюрьме) немецкий коммунист был освобожден и приехал в Москву. Ранее, 7 ноября 1927 года, Гельц, вместе с Кларой Цеткин, был награжден орденом Красного Знамени. В СССР были напечатаны его книги «Жизнь-борьба» и «От белого креста к красному знамени». Его имя в Советском Союзе присваивалось рабочим бригадам, школам, заводам, колхозам, он стал почетным красноармейцем, чекистом и милиционером, почетным депутатом Ленинградского совета, посетил множество городов, где выступал на митингах, партийных и советских форумах.

Но была и другая сторона жизни Гельца. Никогда не отличавшийся послушанием, он не поддержал тельмановское руководство КПП, и искал, уже в московской эмиграции, таких же оппозиционеров. 5 марта 1933 года в Москве на квартире супругов Германа и Эльзы Таубенберг Гельц присутствовал на встрече немецких коммунистов. Товарищи по партии собрались для того, чтобы послушать по немецкому радио результаты выборов в рейхстаг. На встрече был и Эрих Волленберг, немецкий коммунист, занимавшийся в партии военной работой, критически относившийся не только к руководству КПП, но и к Сталину и другим советским вождям, которых он знал лично. О собрании стало известно ОГПУ.

В сентябре 1933 года в советских газетах появились некрологи Гельца, утонувшего 15 сентября в реке Оке во время своего пребывания в Горьком. По свидетельству перебежчи-

ка В. Кривицкого, работавшего в то время в ИНО ОГПУ и лично знакомого с Гельцем, последний хотел выехать за границу, что и послужило причиной его ликвидации чекистами. Вопрос об обстоятельствах гибели Макса Гельца остается открытым. Следует отметить, что Волленберг в 1934 году, используя иностранный паспорт, сумел выехать из СССР, где был позднее объявлен троцкистом и фашистским агентом, а их единомышленница Ценцла Мюзам, вдова убитого нацистами в концлагере поэта-анархиста Эриха Мюзама, приехавшая в 1936 году из Праги в Москву, была арестована НКВД.

Впрочем, целью спецопераций были далеко не только разведчики-«невозвращенцы» и отклонившиеся от «генеральной линии» иностранные товарищи. Так, в ноябре 1936 года ИНО НКВД, возможно, готовилась операция против бывшего председателя Учредительного собрания Виктора Михайловича Чернова. Будучи весьма популярным революционером, защищающим в первую очередь интересы российских крестьян, он не принял взятого большевиками курса, и, находясь в эмиграции, начал искать пути «исправления ошибок революции». Несколько раз он писал Сталину, а в ноябре 1926 года в Праге даже встречался с его личным посланником и вел переговоры по поводу своего возможного возвращения в СССР. Однако, посчитав, что его просто хотят заманить в Москву и расстрелять, от дальнейших контактов с советскими представителями Чернов отказался.

В дальнейшем Чернов возглавил «конструктивное» крыло эсеров и начал искать альтернативу большевистской политике в России. Благодаря его усилиям в конце 20-х годов стала выходить газета левых эсеров «Знамя борьбы», в которой печатались такие острые статьи, как «Голос революционеров из российских тюрем», «О причинах кронштадтского восстания», «О задачах левонародничества» и другие, получившие широкий резонанс среди русских эмигрантов. Но с началом в СССР коллективизации Чернов почувствовал за собой слежку со стороны агентов ОГПУ. Вот что пишет об этом Д. Волкогонов:

«Из архива ИНО ОГПУ явствует, что за Черновым следили сразу несколько агентов: “Лорд”, “Лоуренс”, “Лука”, “Сухой”. В сводке “Лорда” от 30 ноября 1936 года подробно рассказывается, например, как с помощью дворника Г. Фурманюка установлено постоянное наблюдение за квартирой В.М. Чернова по улице короля Александра, 17, в Праге.

Подробно описываются соседи, окружение, подходы к дому, пути быстрого ухода из квартиры. Видимо, готовилась “акция”, но Чернов почувствовав неладное, выехал из города»⁵⁶.

Благодаря тому, что Чернов вовремя сменил место жительства, ему удалось избежать гибели от рук советских агентов. А вот невозвращенцу Дмитрию Навашину повезло меньше, и в январе 1937 года он был убит в Париже в Булонском лесу. Это убийство, как и похищение генерала Кутепова, так и не было раскрыто французской полицией, что породило несколько версий гибели Навашина. А поскольку в советской и российской прессе о Навашине публикаций практически не было, то мы посчитали необходимым рассказать об этом деле как можно более подробно.

Дмитрий Сергеевич Навашин родился в 1889 году в семье известного киевского профессора-ботаника, специалиста в области цитологии и эмбриологии. Решив в молодости стать юристом, он начал изучать юриспруденцию в Киевском университете святого Владимира. Тогда же он увлекся поэзией и приобрел некоторую известность как молодой поэт-символист. Позднее, уже будучи в Москве, он посещал московский Литературно-художественный кружок, где иногда читал свои стихи. Сохранилось даже письмо Валерия Брюсова Андрею Белому, написанное 4 апреля 1909 года:

«Дорогой Борис Николаевич!

Позвольте рекомендовать вам Дмитрия Сергеевича Навашина, молодого поэта, который читал мне свои очень интересные стихи и сказки. Надеюсь на ваше к нему внимание. Ваш всегда Валерий Брюсов».

Впрочем, Андрей Белый довольно сдержанно отзывался о произведениях Навашина: «...единственное их достоин-

ство, — писал он, — та юная свежесть, которая присуща и многим другим начинающим, не попавшим однако на страницы “Северных цветов”».

Несмотря на поэтические упражнения, Навашин не забывал и о грубой прозе жизни. После окончания университета он некоторое время работал помощником присяжного поверенного в Москве, а затем поступил на службу в Петроградское отделение Главного управления Красного Креста на должность представителя Союза городов. Перед Первой мировой войной ему удалось сколотить некоторый капитал на финансово-промышленных операциях в Сибири, а когда начались боевые действия, его направили представителем Красного Креста в Копенгаген. В 1916 году он вернулся в Россию и тогда же вступил в масонскую ложу «Астрея», оставаясь с тех пор до самой смерти в рядах «вольных каменщиков».

Когда произошла Октябрьская революция, Навашина чуть было не расстреляли. Как позднее рассказывал он сам, в связи с покушением 30 августа 1918 года на Ленина, совершенного Ф. Каплан, его арестовала ВЧК. Однако после того, как он пообещал чекистам «чудодейственные» планы экономического и финансового возрождения России, его под честное слово отпустили домой. И тогда он во избежание неминуемого расстрела немедленно бежал в Стокгольм. Но весной 1921 года Навашин неожиданно возвратился в Советскую Россию, где при содействии Л. Красина начал работать в наркомате внешней торговли. А затем после короткой командировки за границу его назначают директором Промбанка, которым он руководит в течение трех лет.

В начале 20-х годов Навашин был направлен в командировку в Париж. Официально он занимал должность технического советника торгпредства СССР и вице-директора (а позднее и директора) советского банка «Банк де Пэи дю Нор» на авеню де л'Опера, через который шла вся франко-советская торговля. Но кроме того, он являлся информатором ИНО ОГПУ и, как сейчас говорят, «агентом влияния». Вот что, например, пишет об этом в своих мемуарах Г. Беседовский:

«Помимо секретных сотрудников он (сотрудник парижской резидентуры ИНО ОГПУ Янович, он же З. Волович — авт.) пользовался услугами некоторых чиновников торгпредства и банка, по роду своей деятельности встречавшихся с разными французскими политическими деятелями. Эти чиновники, под страхом увольнения, обязаны были представлять ему подробнейшие сообщения в письменной форме обо всех своих разговорах с иностранцами. Среди лиц, писавших такие сообщения, был и директор советского банка в Париже Навашин»⁵⁷.

Надо отметить, что Навашин был достаточно ценным «агентом влияния», особенно в области экономики и финансов. Приехав в Париж, он на короткое время вернулся в масонскую ложу «Астрея», в которой состоял в России в 1916—1917 годах, однако затем перешел во французскую ложу. Так что неудивительно, что вскоре у него завязались громадные связи во французских деловых и политических кругах. Среди его ближайших друзей были не только масоны Великого Востока и видные банкиры, но и министры и сенаторы Франции, например, министр путей сообщения Анатоль де Монзи, благодаря которому он вошел в местную ложу. При этом вокруг Навашина, по словам де Монзи, крутились десятки дельцов, занимавшихся учетом советских векселей на крайне выгодных для них условиях, поскольку в те годы советские векселя не учитывались в Банк де Франс. Не забывал Навашин и о научной деятельности, и, живя в Париже, выпустил две книги по политэкономии на французском языке, а также периодически публиковал статьи во французских журналах.

Но после бегства Г. Беседовского о связях Навашина с ОГПУ стало известно в эмигрантских кругах. А неутомимый разоблачитель советских провокаторов В. Бурцев в 1930 году на страницах газеты «Общее дело» открыто обвинил его в сотрудничестве с Москвой. После этой публикации состоялась личная встреча Навашина с Бурцевым, во время которой Навашин, якобы, не отрицал преступления сталинского режима и даже согласился с тем, что похищение генерала

Кутепова — дело рук агентов ОГПУ. Но подобные акции он, по словам Бурцева, «находил неизбежными в условиях тогдашней русской жизни и говорил, что это только и позволяет большевикам спасти Россию». «О себе он говорил как о небольшевике, — пишет далее Бурцев, — но что он ради России должен поддерживать большевиков... Особенно он возражал мне, когда я называл его помощником чекистов»⁵⁸.

Интересное описание деятельности Навашина во Франции было дано после его убийства и в статье «Таинственный Навашин», опубликованной в эмигрантской газете «Меч» от 13 марта 1937 года:

«В 1922 году мы застаем Навашина уже в Париже, в качестве агента “КРО” — отдел экономической и финансовой разведки Чека. Начальником этого отдела был Артузов. Навашин за свою работу в Париже получал хорошее вознаграждение — около 800 долларов в месяц. Деньги он получал через небезызвестное общество “Аркос”, во главе которого стоял Скобелев, бывший министр временного правительства Керенского. Сам Скобелев был назначен на свой пост благодаря влиянию Навашина. В это время финансовой работой большевиков за границей заведовал Красин. Общество “Аркос” служило ширмой для коммерческой работы большевиков во Франции, где в 1923 году они не могли еще выступать открыто.

Задачей Навашина было устройство коммерческих дел и примирение левых французских кругов с большевиками. В обоих отношениях Навашин преуспевал. Участие СССР в известных Лионских ярмарках началось благодаря его стараниям. Он же добился расширения франко-советского товарообмена.

Политическая работа Навашина сводилась к пропаганде в масонских кругах. Навашин был видным масоном. В это время масонство в СССР подвергалось сильному преследованию. В 1924 году, когда во Франции пришел к власти левый картель, Навашин процветал. Он вращался в правительственных кругах. Масонам он обещал, что в СССР их деятельность снова будет разрешена. Чека согласилась на это,

желая поднять авторитет Навашина во французских кругах. Видные масоны в СССР были выпущены из тюрьмы. Ложи в Москве и Ленинграде были восстановлены. Но одновременно эти ложи были взяты под пристальное наблюдение Чека. Специальный отдел Чека под руководством Пивоварова проводил это наблюдение.

Когда советские масонские ложи в Москве и Ленинграде хотели восстановить связь с ложей “Великого Востока” во Франции, то эта связь осуществлялась через двух доверенных курьеров — Окурко и Богуна, — оба агенты Чека. Эти люди втерлись в масонскую организацию через посредство “брата Навашина”. Таким образом, Пивоваров и его высшее начальство, Дзержинский, были в курсе дел не только русских, но и французских масонов⁵⁹.

Деятельностью Навашина во Франции интересовались не только русские эмигранты, но и, весьма вероятно, представители западных, в том числе британских, спецслужб. Прямых доказательств тому нет, но в цитируемой выше статье «Таинственный Навашин» по этому поводу говорится следующее:

«Таким образом, Навашин успешно вел в Париже свою работу, что в конце концов обратило внимание могущественной и деятельной английской контрразведывательной организации, известной под именем “Интеллидженс Сервис”. Эта организация постановила привлечь Навашина к сотрудничеству. Тут, по-видимому, были пущены в ход сразу две пружины. Во-первых, Навашин имел какие-то связи с “Интеллидженс Сервис” еще во время великой войны в России, где эта организация работала очень энергично, и роль ее была довольно двусмысленной. Навашин сохранил связь с этой организацией и впоследствии, в первое время революции. Таким образом, Навашин был, вероятно, в ее руках. С другой стороны, “Интеллидженс Сервис” решило воздействовать на громадное честолюбие Навашина, который мечтал о политической роли. Перед ним раскрыли самые радужные перспективы, если он согласится работать на постепенное “примирение большевиков с Западом”.

Тем крупным агентом английской организации, которому было поручено привлечь Навашина, был бывший офицер английской армии Виктор Лич. По поручению своей организации, он вел ожесточенную борьбу с большевиками в первые годы революции. Он последовательно участвовал в попытках переворота — латыша Берзина, в восстаниях в Ярославле, Самаре, Казани, Пензе. Он помогал в организации и снабжении антибольшевиков деньгами. Он принимал деятельное участие в работе “Центрокаспа” — якобы независимого правительства, обосновавшегося при английской поддержке в Баку. Все эти попытки провалились. Теперь он явился к Навашину в Париже, переговорил с ним, и, после некоторых колебаний, Навашин согласился сотрудничать с “Интеллидженс Сервис” — все в той же экономической области. Он должен был снабжать английскую разведку данными об экономике СССР...

Навашин стал агентом английской разведки «№ 178». Он продолжал свою работу, систематизируя для англичан сведения об экономике СССР и ведя пропаганду во французских кругах. В скором времени Навашин был вызван в Берлин, в советское полпредство. Его хотел видеть крупный чекист-ревизор Гольденштейн, приехавший за границу, чтобы наводить порядки среди агентов. Но сам Гольденштейн не стал разговаривать с Навашиним, а сдал его на руки одному из своих помощников Миронову. От этого последнего Навашин узнал, что ему нужно выехать в Москву. Навашина пожелали видеть стоявшие в то время у власти Ягода и Трилиссер.

Навашин опасался ехать в Москву. Он испросил разрешение предварительно закончить некоторые дела в Париже, что ему было позволено. Тут Навашин встретился с Личем и сообщил ему о вызове в Москву. “Интеллидженс Сервис” дало Навашину крупные деньги (5000 фунтов) и указало, что в СССР он должен войти в связь с двумя агентами английской разведки — Василием Шпиреном и Андреем Чернухиным, из которых последний был служащим Наркомвнешторга. Навашин поехал в Москву».

Впрочем, в Москве Навашин долго не задержался, и вскоре вернулся во Францию. Но оба английских агента, Шпирен и Чернухин, были расстреляны ГПУ (в 1928 и в 1929 году). Разумеется, эта поездка в Москву не была для Навашина единственной — за время работы в Париже он неоднократно бывал в СССР по служебным надобностям. Однако в 1931 году, когда ему предложили вернуться в Москву и занять высокий пост в одном из комиссариатов, он вдруг решил остаться во Франции. Впрочем, невозвращенцем он стал без лишнего шума, уволился из банка и ушел в частную жизнь.

Но при этом материальное положение Навашина не изменилось. Он по-прежнему жил в особняке, который обходился ему около 20 тысяч франков в год, бывал на приемах у государственных деятелей Франции, принимал их у себя, держал двух секретарш и по утрам ходил гулять в Булонский лес с двумя породистыми собаками. Что до его политических пристрастий, то тут есть смысл вновь процитировать Бурцева:

«Как ни был Навашин близок к большевикам, он после 1930 г., несмотря на их вызов, ехать в Россию не решился, и с партией большевиков формально порвал. Но по существу он все время продолжал поддерживать связи если не с центральными организациями, где господствовал Сталин, то с теми оппозиционными течениями, где организаторами были Пятаков, Раковский и другие»⁶⁰.

О том, что Бурцев близок к истине, говорят несколько фактов. Во-первых, Навашин был близким другом Семена Борисовича Членова, который еще до революции состоял в подпольной социал-демократической организации, объединяющей воспитанников средних учебных заведений Москвы и курировал ее по указанию Н. Бухарина и Г. Сокольников, тогда членов Московского комитета РСДРП(б). После революции Членов работал в наркомате внешней торговли, а в 20-х годах находился во Франции в качестве юрисконсульта советского полпредства в Париже. Вернувшись в СССР, он стал в НКВД главным юрисконсультом, а в 1936 году был арестован НКВД. Следователи планировали

пустить его в качестве одного из фигурантов по делу «параллельного антисоветского центра» вместе с Пятаковым и Радеком, но Сталин по только ему известным причинам вычеркнул его фамилию из списка обвиняемых и заменил другой. Во-вторых, когда 23 января 1937 года в Москве начался процесс над Пятаковым, Радеком, Сокольниковым, Серебряковым и другими (т.н. «процесс семнадцати»), где многие подсудимые были друзьями Навашина, он публично высказал несогласие с предъявленными им обвинениями, отстаивая тем самым репутацию старых большевиков и обличая террор, развязанный Сталиным. И в-третьих, после публикации материалов следственного дела бывшего начальника ИНО А. Артузова не осталось никаких сомнений в том, что Навашин до конца своих дней оставался его наиболее доверенным агентом во Франции. Интересно и то, что убили Навашина через два дня после начала московского процесса — 25 января 1937 года.

О том, как произошло убийство, писали многие французские газеты. Вот, например, что сообщала по этому поводу все та же эмигрантская газета «Меч» от 31 января 1937 года в статье «Загадочное убийство невозвращенца»:

«Д.С. Навашин имел обыкновение каждое утро совершать прогулку в Булонском лесу, вблизи которого он жил.

25 января он, как обыкновенно, в 9 часов утра вышел на прогулку, держа на привязи двух своих собак. На нем был спортивный, элегантный костюм; в руке он держал тяжелую палку с острым железным наконечником, которая, в случае надобности, могла бы послужить и оружием.

В 10 час.30 мин. он прошел мимо молочной фермы и свернул с дороги в лес.

То, что произошло дальше, стало известным из показания единственного свидетеля убийства, счетовода ле Вефа.

— Прогулка моя в лесу, — рассказывает ле Веф, — была прервана начавшим накрапывать дождем. Поджидая автобус, я заметил в нескольких десятках метров, среди кустарника, двух субъектов, которые не то боролись, не то дрались.

Продолжалось это всего несколько секунд. Затем раздалось три выстрела. Один из боровшихся упал на землю, другой бросился бежать в сторону Сюрен, держа в руке револьвер. Судя по тому, как он бежал, этому человеку не больше 25—30 лет. Это человек спортивного вида. Одет он был в серую фуфайку. Пиджака на нем не было...

Я подбежал к месту происшествия. Собаки выли, и мне пришлось отогнать их камнями от тела хозяина. Человек лет пятидесяти лежал, уткнувшись ничком в землю. Правая щека его была изуродована пулей. По-видимому, другая пуля попала в сердце, потому что на груди также быстро показалась кровь. Неизвестный был убит наповал.

Ле Веф дал знать полиции. На убитом не нашли никаких документов. Труп опознала служанка, которую жена Навашина, обеспокоенная долгим отсутствием мужа, послала на поиски.

Экспертиза, проведенная полицейским врачом, показала, что Навашин был убит кинжалом, напоминающим штык, а не револьверной пулей...

Сходясь во мнении, что убийство совершено на политической почве, газеты высказывают различные предположения. Большинство газет связывают убийство с московским процессом, считая его делом ГПУ, тем более, что на месте убийства найден кусок "Humanite" (газета французских коммунистов — авт.), выпавший из кармана убийцы. Газеты крайнего левого лагеря стараются перебросить обвинение на Гестапо, указывая на антифашистскую деятельность Навашина».

В Москве откликнулись на убийство Навашина моментально. Уже 27 января все центральные и многие местные советские газеты опубликовали следующее заявление ТАСС:

«По сообщениям агентства ГАВАС 25 января в Булонском лесу в Париже убит невозвращенец, некий Навашин. Все газеты подчеркивают, что убийство совершено на политической почве. Для политической характеристики Навашина важны два момента. "Попюлер" подчеркивает, что Навашин в последнее время активно разоблачал происки германско-

го фашизма в Румынии и Польше, в странах Северной Европы и высказывает предположение, что убийство Навашина является делом рук гестапо. Газета "Тан" в свою очередь указывает, что Навашин в свое время был близок с Пятаковым и Сокольниковым — руководителями антисоветского троцкистского центра. Газета "Тан" добавляет, что имеются основания предположить, что Навашин был хорошо осведомлен о деятельности этого центра. В связи с этим обстоятельством ряд газет отмечают возможность, что Навашин убит троцкистами, опасавшимися разоблачений.

В этой связи особый интерес приобретает более чем подозрительная торопливость, с которой Троцкий и его сын Седов выступают с "опровержениями", отрицающими их заинтересованность в устранении Навашина. Вспешке Троцкий и Седов, очевидно, не успели достаточно согласовать свои "опровержения", в результате чего между обоими "опровержениями" имеются серьезные противоречия, на которые указывают парижские газеты, а именно: Седов заявляет, что ни он, ни Троцкий никогда не встречались с Навашиным и не имели с ним никаких отношений. Троцкий же в своем "опровержении" приводит о Навашине данные, свидетельствующие, что он его хорошо знал.

В ходе следствия по делу об убийстве Навашина, принятого Сюрте Женераль, были допрошены десятки людей, начиная с его жены и дочери и кончая министром де Монзи, дававшим показания при закрытых дверях. Для дачи показаний даже был привезен недавний перебежчик, большевик Крюков-Ангарский, порвавший с Москвой в 1930 году и живший теперь под другой фамилией. По его мнению, Навашин «и порвал, и не порвал» с Москвой и, может быть, только делал вид, что протестует против подготовки московских процессов. Примечательно, что родственники Навашина отмечали, что движущим стимулом его жизни была «жажда политических и коммерческих авантур», что он был тесно связан с М. Литвиновым и полностью отрицали как советские версии убийства Навашина (гестапо и троцкистами), так и западные (органами НКВД). При этом

они заявили, что убийство скорее всего уголовное, а версию о причастности НКВД отметали по причине того, что «стилет — чисто европейское орудие убийства», а «закат Литвинова еще не стал свершившимся фактом».

Впрочем, следствие не дало никаких результатов. Убийца, якобы молодой блондин в спортивном пальто, которого издали видел единственный свидетель — счетовод ле Веф — так никогда и не был найден.

Несмотря на тщательную проверку банковского счета и записных книжек Навашина, ни один след не привел к аресту убийцы. В результате дело было закрыто. И только сейчас появилась возможность назвать его имя, мало известное даже в компетентных кругах — Пантелеймон Тахчианов. Нам оно стало известно благодаря ныне покойному высокопоставленному сотруднику КГБ, который поведал о многих интересных деталях его биографии.

Пантелеймон Иванович Тахчианов родился 20 сентября 1906 года в селе Веришам Соганлунского участка бывшей Карской области (ныне территория Турции) в безземельной крестьянской семье, глава которой арендовал казенный участок. В семь лет он пошел в сельскую школу, где проучился четыре года, помогая летом отцу в небольшом хозяйстве. В 1918 году, когда русские войска вынуждены были оставить Карскую область, семья Тахчиановых бежала в Россию и обосновалась в Крыму, сначала в Феодосии, а затем в деревне Товмай Перекопского уезда Таврической губернии. Там с августа молодой Тахчианов работал батраком у местных немцев-колонистов. Но когда в 1921 году в Крыму начался голод, он уехал в Джанкой, а затем в Симферополь, где в июне стал стрелком части особого назначения по борьбе с бандитизмом. После расформирования части в январе 1922 года Тахчианов некоторое время состоял на бирже труда в Симферополе, а с сентября 1922 года работал на частном кожевенном предприятии «Крымкожтрест», а потом башмачником в кустарной обувной мастерской.

Однако поскольку Тахчианов с 1925 года был членом ВЛКСМ, решением Крымского обкома ВКП(б) его в октяб-

ре 1926 года послали на учебу в Крымскую областную совпартшколу. А сразу после окончания школы в июне 1928 года кандидат в члены ВКП(б) Тахчианов был направлен на работу в органы ГПУ Крыма, где он последовательно занимал следующие должности: штатный практикант ГПУ Крыма в Симферополе (1928—1929 гг.), помощник оперуполномоченного и контролер Феодосийской пограничной комендатуры в Феодосии и Симферополе (1929—1930 гг.), уполномоченный особого отдела 8-го полка 3-й Крымской дивизии (1930—1931 гг.), уполномоченный КРО и ИНО ГПУ Крыма в Симферополе (1931—1932 гг.). В это же время отличавшийся поразительными способностями к языкам Тахчианов продолжил свое образование и в 1931 году окончил вечернюю среднюю школу в Симферополе. А за два года до этого его приняли в члены ВКП(б).

В сентябре 1932 года в жизни 26-летнего чекиста Тахчианова произошел крутой перелом. Как владеющего турецким, греческим и французским языками (позднее он овладел еще и английским, итальянским и немецким) и хорошо показавшего себя на последней должности, его вызвали в Москву и зачислили в особый резерв ИНО ОГПУ, после чего он приступил к подготовке к длительной командировке в качестве разведчика-нелегала. Осваивая специальные дисциплины, Тахчианов одновременно учился в московском Институте востоковедения им. Нариманова, который окончил в сентябре 1933 года. Тогда же он был выведен из особого резерва и направлен за границу. Как начиналась нелегальная деятельность Тахчианова — неизвестно, но в 1936 году он с документами турка-эмигранта оказывается во Франции, с которой, главным образом, и была связана его работа в довоенные годы. Убийство Навашина было не единственной проведенной им ликвидацией, но об этом будет рассказано позже.

Если кто убил Навашина теперь установлено, то о причинах его неожиданной ликвидации можно только догадываться. Вряд ли это было связано с его выступлениями по поводу очередного московского процесса. Также маловероятно, что

его ликвидировали за контакты с британской разведкой, хотя сотрудник СИС Виктор Лич, якобы завербовавший Навашина, незадолго до этого сам был убит в Монте-Карло при загадочных обстоятельствах. Скорее всего, убийство Навашина стало очередным шагом в раскручивании маховика репрессий против оппозиции, и прежде всего троцкистов. Навашин же, согласно имеющимся сведениям, некоторое время был банкиром Троцкого, так как с 1930 года все средства, поступавшие в распоряжение Троцкого со всего света и даже из СССР, посылались в Париж на имя Навашина. И тут уместно напомнить, что приказ ликвидировать Троцкого Сталин отдал после февральско-мартовского, 1937 года, пленума ЦК ВКП(б), и тогда же началась масштабная охота на троцкистов по всему миру, прежде всего во Франции и Испании.

И еще. Покровители Навашина в НКВД к началу 1937 года находились в опале. Так, бывший начальник ИНО А. Артузов 11 января 1937 года был освобожден от должности зам. начальника Разведупра РККА и назначен научным сотрудником 8-го отдела ГУГБ НКВД. А 13 мая он был арестован как активный участник «антисоветского заговора в НКВД» и 21 августа расстрелян. То же можно сказать и о Г. Бокие, начальнике спецотдела при ГУГБ НКВД. Согласно утверждению его зятя Л. Разгона, он впал в немилость у Сталина после назначения Н. Ежова главой НКВД в октябре 1936 года. А уже 7 июня 1937 года Бокия вызвали в кабинет Ежова, где и арестовали. На следствии, которое было поручено полуграмотному следователю Али Кутебарову, он «признался», что является троцкистом, членом контрреволюционной масонской организации «Единое трудовое братство», руководителем антисоветского спиритического кружка, а также в шпионаже в пользу Англии. 15 ноября 1937 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Бокия к расстрелу, и в тот же день приговор был приведен в исполнение.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДЖУЛЬЕТ ПОЙНТЦ

Дмитрий Навашин стал одной из первых жертв начавшегося в 1937 году уничтожения находящихся за границей представителей оппозиции (прежде всего троцкистов) и тех, кто так или иначе был с ними связан. Тогда же началась чистка зарубежного аппарата советских спецслужб и его агентуры. При этом ликвидации подлежали не те, кто совершал ошибки, пусть даже и приведшие к серьезным провалам, а усомнившиеся в правильности советской политики и грозившие публично выступить с разоблачениями шпионской деятельности СССР. Весьма характерной в этом плане была судьба агента Разведупра американки Джульет Пойнтц.

Джульет Стюарт Пойнтц родилась 25 ноября 1886 года в Омахе, штат Небраска, в семье ирландских католиков, глава которой работал адвокатом. В 19 лет Пойнтц покинула родительский дом и отправилась в Нью-Йорк, где закончила Бернард-колледж Колумбийского университета и получила звание магистра искусств. Свое образование она продолжила в Англии в Оксфордском университете и в Лондонской школе экономики, куда была приглашена Генеральной федерацией женских клубов.

Будучи сторонником модных в то время на Западе левых взглядов, Пойнтц после возвращения в США в 1909 году вступила в Социалистическую партию. Обосновавшись в Нью-Йорке, она в 1908—10 годах работала в эмиграционной комиссии США, а затем в Американской ассоциации по трудовому законодательству и в Бюро трудовых исследований школы Рэнда, директором которой была в 1914—15 годах. В 1915—19 годах она занимала пост председателя международного профсоюза портних и по совместительству преподавала в Колумбийском университете. В 1913 году Пойнтц вышла замуж за доктора Фредерика Франца Людвига Глезера, атташе германского консульства в Нью-Йорке.

Это было довольно странное замужество, учитывая радикальные социалистические взгляды Пойнтц. Недаром по этому поводу в западной литературе встречается совершенно

анекдотическая версия, по которой Пойнтц вышла замуж за немецкого дипломата с целью шпионить за немецкой деятельностью в США и передавать эту информацию русским большевикам.

Несмотря на то, что она была левой социалисткой, Пойнтц в 1919 году после образования Коммунистической партии США вступила в ее ряды и почти сразу же выдвинулась в число партийных лидеров. Однако вскоре она подверглась критике за свои связи с одним из партийных оппозиционеров Людвигом Лоре. Лоре был исключен из КП США и некоторое время работал на ИНО ОГПУ, пока его не уличили в том что он сам фабриковал свои донесения. Впрочем, сама Пойнтц избежала исключения из партии вместе с Лоре. Более того, она продолжала занимать видные посты в КП США, была директором Нью-Йоркской рабочей школы, руководила женским отделом партии и некоторое время являлась секретарем американской секции МОПР. А на рубеже 30-х годов Пойнтц даже была членом Женского секретариата Профинтерна, то есть поднялась уже до международного уровня в коммунистическом движении. В этот же период она баллотировалась от КП США на должность Генерального прокурора штата Нью-Йорк, являлась организатором «Общества дружбы с СССР» и коммунистического профсоюза Лиги «Единство» в США.

Однако в начале 30-х годов в связи с непрекращающимися дразгами внутри Компартии США над Пойнтц вновь нависла угроза исключения. Тогда же (очевидно, в 1934 году) советская разведка сделала ей предложение выйти из партии и переключиться на работу в пользу Разведупра РККА. Впрочем, по некоторым данным, Пойнтц и до этого предложения выполняла отдельные задания советских спецслужб в Европе и Китае. Так или иначе, но в 1934 году, после инструктажа в Москве, она вернулась в Америку и с огромной энергией и энтузиазмом приступила к работе, о которой Д. Даллин пишет следующее:

«По возвращении в Соединенные Штаты она приобрела себе комфортабельный дом в Нью-Йорке, и ее первой зада-

чей была вербовка новых агентов. Она принимала высокопоставленных людей, приезжающих из Москвы, предлагала им кандидатов, устраивала встречи⁶¹. Разного рода контакты, ленчи, обеды в роскошных ресторанах — все это со стороны выглядело очень захватывающе, а по существу оказалось скучным делом.

Прошло немного времени, и Джульет Пойнтц со своим коммунистическим опытом, приобретенным как дома, так и в России, начала испытывать колебания в своей вере. Ее сомнения усилились, когда она узнала о судьбах уклонистов в России и о судебных процессах над «предателями». К концу 1936 года она полностью разочаровалась и начала писать книгу мемуаров. Этот факт не остался в секрете от ее друзей и руководителей⁶².

Одним из тех, кому Пойнтц в начале 1937 года сообщила о своем решении, был ее старый друг Карло Треска, человек, заслуживающий того, чтобы рассказать о нем чуть подробнее. В отличие от многих других своих товарищей — итальянских анархистов, он прожил сравнительно долгую жизнь. Но назвать эту жизнь спокойной довольно трудно: достаточно сказать, что Треска за свои 64 года пережил 36 арестов и пять покушений. Родился он в Италии в Абрुцци в 1879 году в семье богатого землевладельца, в ранней молодости примкнул к социалистическому движению и уже в 20-летнем возрасте был избран руководителем профсоюза железнодорожников. Вскоре он стал редактором левой газеты «Иль Жерм», а позднее попал в тюрьму за «клевету на общественные порядки» и монархический строй. После освобождения Треска эмигрировал в Швейцарию, где познакомился с Муссолини, в то время еще игравшим большую роль в ИСП, и в конце концов оказался в Соединенных Штатах.

В Америке Треска стал издавать революционные журналы на итальянском языке, и активно сотрудничал с местными социалистами. Но в 1907 году он покинул итальянскую социалистическую федерацию в США, поскольку еще в 1905 году примкнул к организации «Индустриальные рабочие

мира» (ИРМ), где большим влиянием пользовались анархисты. В результате Треска эволюционировал к анархизму и вскоре стал одним из наиболее талантливых публичных деятелей ИРМ. Однако в 1917 году он по не совсем понятным причинам разорвал с ИРМ всякие связи.

Будучи пропагандистом «всеобщего освобождения» трудящихся, борцом за соблюдение прав человека, Треска с симпатией встретил русскую революцию, а в разных левых газетах и журналах начали появляться его статьи, в которых он с воодушевлением писал о происходящих в СССР колоссальных изменениях. Принимал он участие и в многочисленных кампаниях солидарности со страной Советов. А вот новость об установлении в Италии фашистского режима Треска воспринял болезненно. Из итальянских журналистов, проживавших в 20-е годы в США, он был, пожалуй, одной из наиболее талантливых фигур, вставших на путь идеологической борьбы с режимом Муссолини. В результате при участии агентов итальянских спецслужб и консула Италии в Нью-Йорке в 1923 году против Трески было возбуждено уголовное дело, а суд первой инстанции приговорил анархиста к году и шести месяцам тюремного заключения. Но и после тюрьмы Треска не прекратил участия в антифашистском движении. А в 1923 году произошла первая встреча Трески с молодым итальянским коммунистом Витторио Видали. Несмотря на принадлежность к разным течениям рабочего движения, они вскоре стали друзьями, и Треска не раз помогал Видали ценными советами. Поскольку Видали еще не раз будет упомянут на страницах этой книги, то о нем следует рассказать более подробно.

Витторио Видали, также известный как Энеас Сорменти, Артуро Сорменти, Карлос Хорхе Контрерас, команданте Карлос, родился 17 сентября 1900 года в Муджии, недалеко от Триеста, в семье рабочего-механика. После окончания начальной школы он сначала проучился четыре года в техникуме, а затем в академии коммерции в Триесте, по окончании которой получил диплом бухгалтера. В ноябре 1916 года Видали вступил в Федерацию молодых социалистов

Триеста, а когда Италия аннексировала Триест, целиком посвятил себя политической деятельности. В 1918 году он был избран в ЦК ФСМ, где примкнул к левой фракции во главе с Бордигой, а в 1921 году после конгресса в Ливорно и образования Коммунистической партии Италии, вступил в ее ряды и стал одним из активистов. Вскоре он уже играл руководящую роль в Федерации молодых коммунистов, был членом исполнительного комитета ИКП в Триесте и активным борцом против фашизма.

Следует отметить, что в этот период Видали неоднократно задерживался полицией. Первый арест имел место в 1917 году. Впоследствии его арестовывали каждый год, а в 1921 году — даже дважды: первый раз в феврале, во второй — после 1-го мая. После этого ареста он был приговорен к четырем месяцам заключения и к экспатриации.

Выйдя на свободу, Видали нелегально перебрался в Австрию, затем в Чехословакию и Германию, там был задержан, изгнан из страны, и вновь нелегально вернулся в Италию, где продолжил антифашистскую деятельность и участвовал в столкновениях с фашистами. В частности, 22 июня 1922 года он был ранен во время сквадристского выступления в Алессандрии, куда его направили для организации отпора фашистам. Очередной его арест произошел после марша протеста в Риме. Когда же в феврале 1923 года он вышел из тюрьмы, то под давлением властей был вынужден нелегально эмигрировать в США.

В Америке Видали очень скоро стал секретарем итальянского отделения американской компартии, основателем и директором газеты «Трудящийся», а в 1926 году он избирается секретарем антифашистского альянса Северной Америки под именем Энеаса Сорменти.

Однако уже 17 октября 1926 года Видали был арестован полицией. Будучи временно оставленным на свободе до середины марта 1927 года, он в июле был выслан из США за незаконное проживание на территории страны.

Тогда Видали перебрался в Мексику, где стал работать под псевдонимом Артуро Сорменти, еще питая надежду тайно

вернуться США. В Мексике Видали становится представителем Коминтерна и вступает в ряды мексиканской компартии. В это время его основной задачей было руководство Антиимпериалистической Лигой в странах Латинской Америки. В 1928 году он в составе делегации компартии Мексики участвует как Карлос Хорхе Контрерас в VI конгрессе Коминтерна.

В 1929 году имя Видали всплыло в связи с гибелью кубинского коммуниста Хулио Антонио Мелья, исключенного из компартии за контакты с левой оппозицией и убитого на улице Мехико женой Видали коммунисткой Тиной Модотти, с которой он познакомился в Мехико, где она работала фотографом. Вечером 10 января 1929 года Мелья видели прогуливающимся под руку с Тиной, а через некоторое время он был найден мертвым. Местная пресса назвала этот случай «чисто коммунистической меропрятием», но Тина написала опровержение, обвинив полицию в махинациях, направленных на то, чтобы скрыть следы террористов — агентов кубинского диктатора Мачадо. В итоге убийство было списано на Мачадо, несмотря на то, что некоторые из коммунистов называли в этой связи имя Карлоса Хорхе Контрераса, который якобы имел с Мелья свои счета.

В 1930 году Видали вместе с Тиной выехал в Москву, где несколько лет под псевдонимом Карлос Контрерас работал в латиноамериканской секции «Международной красной помощи» вместе с Еленой Стасовой. Из СССР он ненадолго выезжал в Испанию, Германию, Францию, Бельгию, Австрию и в скандинавские страны, пока, наконец, в декабре 1934 года его не направили в Испанию помощником эмиссара Коминтерна Витторио Кодовиллы.

Что касается Трески, то его разрыв со сталинистами произошел в середине 30-х годов. В 1934 году он жестко осудил «штрейкбрехерскую» позицию сторонников Москвы, занятую ими во время стачки работников отелей в Нью-Йорке, руководство которой принадлежало троцкистским активистам. Не являясь сторонником Троцкого, Треска твердо выступил против его шельмования сталинистами, порвал свя-

зи с американской компартией и в 1936 году вошел в «Комитет защиты Льва Троцкого».

Вот этому человеку Пойнтц и сообщила, что разочаровалась в СССР и решила отойти от шпионской деятельности, а также о том, что напишет мемуары, в которых расскажет все, что знает о неприглядных сторонах международного коммунистического движения. Однако 3 июня 1937 года, вскоре после разговора с Треской, она исчезла из своей нью-йоркской квартиры. Несколько позднее Пойнтц якобы видели возле ее апартаментов на Манхеттене в Американской женской ассоциации, после чего она пропала окончательно. Об исчезновении Пойнтц объявил ее поверенный Элис Либерман, который заявил, что проник в занимаемую ей квартиру, где обнаружил нетронутую одежду и ценные вещи. Нетронутым оставался и банковский счет Пойнтц на 10 тысяч долларов (позднее, в 1944 году, когда она была официально признана умершей, деньги были переданы ее сестре Юлели Пойнтц).

Нью-Йоркская секция службы поиска пропавших людей искала Джульет Пойнтц длительное время, в том числе официально обращаясь в коммунистические ячейки, штаб-квартиру партии и в партийные газеты. Однако никаких следов Пойнтц обнаружено не было. В это время Треска также развернул широкую кампанию поисков Пойнтц. Он обращался в различные американские газеты, но также без всякого успеха. Тогда 7 февраля 1938 года Треска провел первую пресс-конференцию, во время которой познакомил присутствующих с известными ему фактами. Он связал исчезновение Пойнтц с делом супругов Робинсонов-Рубинсов — советских агентов, в 1937 году отозванных из США в СССР и там репрессированных. Треска также отметил, что муж Пойнтц доктор Глезер, умерший в 1933 году, работал в немецком консульстве в Нью-Йорке. Кроме того, Треска обратился в официальные органы и попросил Верховного Федерального судью засвидетельствовать исчезновение Пойнтц. Во время приема он повторил свои обвинения:

«Джульет Стюарт Пойнтц захвачена советскими спецслужбами и вывезена в СССР, так как слишком много знала»⁶³.

В ответ в декабре 1937 года руководитель пресс-службы КП США Адамсон и член Политбюро Хатавей сделали официальные заявления о том, что в компартии ничего не знают о судьбе Пойнтц, которая покинула ее ряды в 1934 году. А центральный орган партии газета «Дейли Уокер» обвинил Треску в том, что он выдумал историю с исчезнувшей американской гражданкой: Однако Треска продолжал свою кампанию, заявив, что к похищению Пойнтц причастны два советских шпиона — Шахно Эпштейн и уже упоминавшийся в связи с убийством Г. Виссингера Джордж Минк.

Эпштейн Александр (Шахно) Борисович родился в 1883 году в Литве в семье раввина. В 1903 году он вступил в Бунд и участвовал в революционной деятельности, за что был арестован. В 1906 году он бежал из России и поселился сначала в Австрии, а потом в Швейцарии. В 1909—17 годах Эпштейн жил в США и активно печатался в еврейской социалистической печати. В 1917 году после Февральской революции он вернулся в Россию, стал одним из активистов Бунда, а в 1919 году вступил в РКП(б). С 1921 по 1929 год Эпштейн находился в США, где принимал самое деятельное участие в еврейском коммунистическом движении. По возвращении в СССР он работал редактором в различных еврейских и русских изданиях, а в 30-е годы его вновь направили за рубеж, на этот раз с секретными заданиями, в том числе по линии разведки. В дальнейшем он занимал пост ответственного секретаря Еврейского антифашистского комитета и умер 21 июля 1945 года. По версии Трески Шахно работал на ОГПУ с 1930 года, являлся любовником Пойнтц и вовлек ее в шпионскую деятельность. Их видели вместе в Нью-Йорке в конце мая 1937 года, а кроме того, он также якобы сопровождал Джульет во время ее встречи с Треской. 11 августа 1937 года Эпштейн покинул Америку на корабле «Королева Мэри» и вернулся в СССР.

Второго шпиона, Джорджа Минка, Треска считал непосредственным убийцей или, по крайней мере, организатором убийства Пойнтц. Минк (он же Сорменти и Джордж Хирш) родился в России, но потом эмигрировал в США и работал

водителем такси в Филадельфии. После 1917 года по рекомендации своего родственника С. Лозовского он, никогда не имевший ничего общего с морским делом, становится председателем американского отделения Союза моряков и транспортных рабочих (прокоммунистический профсоюз, тесно связанный с советской разведкой — авт.). Все, знавшие его в этот период, отзывались о нем как о высокомерном, жестоким и хвастливым человеке. С 1930 года Минк в основном жил в Москве и официально работал в Профинтерне, периодически выезжая за границу, в том числе и в Германию. Но на самом деле он являлся агентом Разведупра РККА.

В 1934 году Минка направили в Копенгаген, где его летом следующего года арестовала полиция за попытку изнасилования горничной в отеле. Во время ареста при нем нашли шифры, адреса конспиративных квартир и фальшивые паспорта. В ходе расследования полиция также арестовала Леона Джозефсона, американского коммуниста и агента Разведупра, и еще несколько человек, связанных с советской разведкой. Всем им было предъявлено обвинение в шпионаже, подготовке покушения на Гитлера и связях с компартией Германии. Минк получил 18 месяцев тюремного заключения, однако уже через год вернулся в СССР. В Москве ему пришлось давать объяснения по поводу этого колоссального провала, но он сумел вывернуться, заявив, что его подставила горничная, агент гестапо, которая и выдала всю агентурную сеть датским и немецким властям.

Объяснения Минка были приняты. А в ноябре 1936 года его якобы видели в Москве в компании Джульет Пойнтц. Позднее он участвовал в гражданской войне в Испании и в 1937 году, возможно, входил в барселонскую оперативную группу НКВД и участвовал в ряде ликвидаций в американской интербригаде им. Линкольна. Вот что говорится по этому поводу у Д. Даллина:

«В 1937 году его послали в Испанию вести наблюдение за бригадой Линкольна. “Я встретил Джорджа Минка, — писал Листон Лук, бывший коммунистический издатель, — он хвастался своим участием в создании испанской разведки и

предлагал мне следить за ненадежными добровольцами, например, такими, как члены Британской независимой трудовой партии и Американской социалистической партии". Вильям Маккуистион, близкий друг Минка до 1936 года, рассказывал после, что присутствовал при том, как два человека из ГБ, Джордж Минк и Тони Дельмайо, убили двух членов бригады, потому что те задумали сбежать из Испании или были замечены в уклонизме — свидетели не могли точно сказать»⁶⁴.

В том, как закончилась жизнь Минка, существовало несколько версий. По одной Минк был отозван из Испании и расстрелян в СССР. А по другой, высказанной главой ФБР Эдгаром Гувером в октябре 1940 года, еще до покушения на Троцкого в мае 1940 года Минк был убит группой троцкистом во главе с секретарем Троцкого Джозефом Хансеном, а его труп был сброшен в кратер вулкана. Утверждают также, что фотография Минка была направлена Троцкому в Койокан, где в апреле 1938 года его опознал на улице один мексиканский троцкист.

Однако на самом деле Минк погиб в 1938 году во время войны в Испании. В списке погибших советских добровольцев по этому поводу говорится:

«МИНК Джордис Самойлович, чл. ВКП(б), 1899 г.р., г. Житомир. Дата, место и обстоятельства его гибели в Испании неизвестны»⁶⁵.

Что же касается обвинений Трески по поводу похищения Пойнтц, то никаких конкретных доказательств в пользу своей версии он не привел, и об истории с исчезновением американки вскоре наверняка забыли, если бы не ее неожиданное продолжение. 11 января 1943 года двое неизвестных застрелили самого Треску в тот момент, когда он выходил из редакции своей газеты «Иль Мартелло», а затем скрылись на автомобиле с места преступления. Это убийство так и осталось нераскрытым, и существуют по крайней мере три версии случившегося.

По первой из них убийство было делом рук мафии. Считалось, что в нем замешан местный криминальный «автори-

тет» Кармине Галанте, а известный гангстер «Лакки» Лучано даже заявил, что может опознать убийц. Вторая версия приписывает убийство Трески итальянским фашистам, которым он чрезвычайно досаждал своей неумной активностью. По третьей версии убийство Трески — дело рук НКВД. Ему, якобы, не могли простить участия в «Комитете в защиту Льва Троцкого» и членства в комиссии Дьюи, разоблачений Шахно Эпштейна и Джорджа Минка, а также многолетней кампании по поводу пропавших супругов Робинсонов-Рубинсов и Джульет Стюарт Пойнтц.

Последняя версия кажется наиболее вероятной, поскольку в конце 1930-х — начале 1940-х годов наиболее резко Треска критиковал именно Коминтерн и советские спецслужбы. С началом Второй мировой войны, не переставая осуждать сталинизм, Треска в то же время заявил, что сейчас главным противником для всех прогрессивных сил является именно фашизм. Он основал так называемое «общество Мадзини», членами которого стали сотни проживающих в Соединенных Штатах итальянских рабочих и демократических активистов, как правило, беспартийных противников фашизма и монархии. Деятельность «общества Мадзини» во многом противоречила интересам компартии Италии, лидеры которой, таким образом, тоже имели заинтересованность в устранении непокладистого Трески. Недаром в 1938 году Пьетро Аллегро, член итальянской национальной комиссии американской коммунистической партии, написал работу «Моральное самоубийство Карло Трески», в которой утверждал, что долг последнего — положить конец своей гнусной деятельности как подлинного врага антифашистов. А та же итальянская национальная комиссия в свою очередь в газете «Рабочее единство» от 28 февраля 1938 года писала, что нужно дать понять Треске, что полицейские доноски отныне будут преследоваться политическим рабочим движением.

В материалах следствия часто встречается имя человека, который обвинялся в убийстве Трески — его бывший друг Витторио Видали. К моменту своей гибели Треска уже давно

порвал с ним всякие отношения. А правоверный сталинист не мог поддерживать добрые связи с анархистом, гневно осуждавшим политику Коминтерна. Более того, в номере «Иль Мартелло» от 15 мая 1942 года Треска посвятил целую страницу разоблачению Видали как «главаря шпионов, похитителей и убийц» и высказал предположение, что тот имеет отношение к гибели Троцкого. А за несколько недель до смерти Треска, узнав, что Видали находится в Нью-Йорке, сообщил своим друзьям: «В его присутствии я чувствую запах смерти. Я спрашиваю себя, кто будет следующей жертвой»⁶⁶.

В недавно изданной книге Э. Ставинского «Зарубины. Семейная резидентура» утверждается, что к исчезновению Пойнтц был причастен известный нелегал ИНО НКВД капитан госбезопасности (впоследствии генерал-майор) В.М. Зарубин. Эти сведения, представленные компетентным автором, несомненно, очень важны⁶⁷.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

Репрессии, имевшие место в СССР в 1937—39 годах, с легкой руки британского исследователя Роберта Конквеста вошли в историю как период «Большого террора». При этом следует отметить, что как работы самого Конквеста, так и многие другие публикации на тему сталинских репрессий содержат искаженные, сильно преувеличенные данные о числе их жертв. Зачастую встречаются совершенно фантастические утверждения о десятках миллионов расстрелянных. Между тем сегодня, после открытия советских архивов, выясняется, что масштабы «большого террора» были гораздо более скромными. Так, с 1921 по 1953 год за «контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления» было осуждено к смертной казни около 800 тыс. человек, свыше 2,6 млн. было приговорено к заключению, 414 тыс. к ссылке и высылке и 216 тыс. к прочим мерам наказания¹.

Не вдаваясь в споры по поводу причин, вызвавших к жизни столь массовые репрессии, отметим, что к концу 30-х годов всякая оппозиция сталинскому режиму внутри СССР была ликвидирована полностью и окончательно. Но если внутри страны режим сумел достигнуть, пусть чисто внешней, консолидации общества, что, в принципе, было необходимо ввиду нарастающей международной напряженности и хронического невыполнения плана советским военно-промышленным комплексом², то в рядах международного коммунистического движения дело обстояло совершенно иным образом. Так, несмотря на то, что Сталину во второй половине 30-х годов удалось «навести порядок» в Коминтерне, многие его руководители второго уровня и рядовые члены после известий о репрессиях в СССР покинули его ряды и даже вышли из своих компартий. При этом все они резко критиковали как советский режим, так и лично Сталина, что не могло способствовать укреплению международного

авторитета Москвы в глазах мирового рабочего движения. Более того, многие разочаровавшиеся примкнули к Троцкому, а это уже представляло для Коминтерна и ВКП(б) серьезную угрозу.

Сейчас многие исследователи, особенно на Западе, считают, что реальное влияние Троцкого на мировое коммунистическое движение после его высылки из СССР в феврале 1929 года неуклонно падало. Например, Р. Конквест в своей книге «Большой террор» утверждает:

«Троцкий пытался организовать политическое движение в мировом масштабе. Некоторые крайние секты коммунистического направления присоединились к его IV Интернационалу. Но его влияние... было практически равно нулю»³.

Но на самом деле не все обстояло так просто. Дело в том, что уже к началу 1930-х годов троцкистские группы действовали практически по всему миру. Весьма сильными были троцкистские организации в США, Германии и Италии, причем в последней лидером троцкистов был Пьетро Трессо (Бланки), ранее — секретарь одной из окружных организаций ИКП. Многочисленным было троцкистское движение в Греции, где дело дошло до того, что один из секретарей греческой компартии (КПГ) Панделис Пулиопулос объявил себя сторонником Троцкого. В Испании один из основателей Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ) Андрес Нин был в свое время секретарем Троцкого и во второй половине 30-х годов не раз приглашал его приехать в Каталонию. В Китае троцкистскую оппозицию возглавлял бывший секретарь КПК Чэнь Дусюн, а в Индокитае троцкистская Интернациональная коммунистическая лига (ИКЛ) во главе с Та Ту Тхау стала приобретать такое влияние, что в 1937 году отвечавший за это направление в Коминтерне Жак Дюкло в своей директиве запретил местным компартиям всякое сотрудничество с ней. Не тратил время зря и сам Троцкий, создавший так называемый IV Интернационал, учредительный съезд которого открылся 3 сентября 1938 года в Париже. Дальнейшее усиление троцкистов движения грозило расколом в международном коммунистическом движении

и поэтому борьба с троцкизмом любыми средствами стала для Москвы реальной необходимостью.

Другой оппозиционной СССР силой оставалась белая эмиграция, и прежде всего РОВС. Его новый председатель генерал Миллер продолжал придерживаться антисоветского курса своего предшественника Кутепова и пытался вести разведывательно-диверсионную деятельность на территории СССР. После прихода к власти в Германии Гитлера в 1933 году в руководстве РОВС начали циркулировать идеи о том, что «национальные русские элементы могут и, казалось бы, должны встретиться с руководителями германской политики для общих целей обеих сторон»⁴. А в циркуляре РОВС от 2 января 1937 года Миллер прямо писал:

«Мною уже неоднократно указывалось о необходимости всем чинам Русского Обще-Воинского Союза быть основательно осведомленными не только с теорией фашизма (национал-социализма), но и с тем, как на практике применяют эти теории в государственном порядке — в Италии, Германии, Португалии и др. Указывалось мною и на то, что в настоящее время фашизм со всеми его видоизменениями, обусловленными особенностями данных государств, завоевывает все больше и больше последователей и не будет преувеличением сказать, что переживаемая нами эпоха может быть охарактеризована как эпоха борьбы новых, фашистских форм государственного устройства с отжившей формой — парламентарного демократизма. Ввиду изложенного, а также потому, что мы, чины Русского Обще-Воинского Союза, являемся как бы (так в оригинале — авт.) идейными фашистами, ознакомиться с теорией и практикой фашизма для нас обязательно»⁵.

Такая позиция руководителей РОВС не могла не вызывать обеспокоенности в Кремле, а значит и борьба с ним не снималась с повестки дня. Как, впрочем, и борьба с другими представителями эмиграции за границей — например, с украинскими националистами, чей новый лидер Е. Коновалец также активно сотрудничал с фашистской Германией. Одной из форм этой борьбы было осуществление за рубежом

спецопераций, которые в годы Большого террора проводились с не меньшей интенсивностью, чем раньше.

ИСПАНСКАЯ МЯСОРУБКА

Как уже было сказано, со второй половины 1930-х годов главным противником Москвы за рубежом кремлевское руководство во главе со Сталиным считало Троцкого и его сторонников. Это нашло отражение в постановлении по докладу наркома внутренних дел Н. Ежова на февральско-мартовском, 1937 года, пленуме ЦК ВКП(б), в котором НКВД было указано следующее:

«Обязать Наркомвнудел довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов до конца, с тем, чтобы подавить малейшее проявление их антисоветской деятельности.

Укрепить кадры ГУГБ, Секретно-политического отдела надежными людьми.

Добиться организации надежной агентуры в стране и за рубежом.

Укрепить кадры разведки»⁶.

В НКВД правильно поняли, чего требует Кремль. В результате после пленума началось планомерное уничтожение троцкистов за границей. Первый удар был нанесен по испанским троцкистам, их союзникам и всем другим инакомыслящим антифашистам, попадавшим под ярлык троцкистов и объявленных «троцкистскими агентами фашизма». Этому способствовало то обстоятельство, что в Испании с 1936 года шла гражданская война и сотрудники НКВД находились там вполне официально. Впрочем, имевшие место в Испании события, закончившиеся физическим уничтожением оппозиции промосковскому республиканскому правительству, не следует воспринимать лишь как борьбу с троцкизмом. На самом деле все обстояло гораздо сложнее.

Начать следует с того, что в 20-х годах Испания не была объектом пристального внимания со стороны Москвы. Все

изменилось только в 1931 году, после апрельской революции, приведшей к падению монархии. В испанских событиях Москва увидела подтверждение выдвинутого на VI конгрессе III Интернационала тезиса о начале эпохи революций и войн. В связи с этим в Испанию была направлена большая группа представителей Коминтерна под руководством Жюля Эмбер-Дро. С их помощью во главе компартии Испании стал выпускник Международной ленинской школы в Москве Хосе Диас, а численность партии выросла с 800 до 12 000 человек. Но у испанских коммунистов были сильные конкуренты: анархисты в лице Национальной конфедерации труда (НКТ), Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) и Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ — Partido Obrero de Unificacion Marxista), возглавляемая троцкистом Андресом Нином.

Впрочем, различия в политических программах не помешали образованию в 1935 году Испанского Народного фронта, в который вошли коммунисты, республиканцы, ИСРП и ПОУМ. На выборах 16 февраля 1936 года Народный фронт сумел победить, получив 269 мест в парламенте. Правые партии получили только 157 мест, а партии центра — 48.

По итогам выборов было сформировано республиканское правительство, которое возглавил социалист Ларго Кабальеро. Потерпев поражение на выборах, правые решили взять власть насильственным путем, что привело к вооруженному мятежу генералов Мола и Франко, развязавших в июле 1936 года кровопролитную гражданскую войну. Но если в лагере фашистов царило полное единомыслие и единство, то республиканцев раздирали внутрипартийные противоречия, отрицательно сказывающиеся на ходе военных действий.

Главными виновниками сложившегося положения как в Москве, так и в советских представительствах в Испании считали руководителей ПОУМ, их союзников анархо-синдикалистов, имевших сильные позиции в Каталонии, и прежде всего лидера ПОУМ, видного испанского марксиста Андреса Нина. Фигура Нина настолько интересна, что стоит остановиться на ней более подробно.

Родившийся в 1892 году в Каталонии Андрес Нин, будучи поборником права каталонцев на самоопределение, еще до Первой мировой войны примкнул к социалистическому движению и в 1913 году вступил в соцпартию Испании. С 1918 года он принимал активное участие в деятельности НКТ и в 1920 был избран в состав секретариата Национального комитета НКТ. Но уже на следующий год Нин выехал в Советскую Россию, где стал близким соратником Троцкого и даже вступил в РКП(б). Вскоре он был назначен председателем Красного интернационала профсоюзов (Профинтерна) и вошел в руководство Коминтерна. Более того, Нин принял советское гражданство, женился на русской девушке и даже был избран депутатом Моссовета. В 20-е годы он неоднократно по линии Коминтерна выезжал на нелегальную работу в Германию и Италию, и тогда же в коммунистической прессе начали часто появляться его статьи, в которых говорилось об актуальных проблемах рабочего движения.

Однако длительное пребывание в СССР привело к тому, что Нин пересмотрел свои прежние идеалистические взгляды на советскую действительность и в 1926 году установил контакты с некоторыми представителями оппозиционных Сталину кругов в ВКП(б) (т.н. объединенная левая оппозиция). Позднее Нин писал о том, что уже в то время он остро почувствовал «двойную мораль сталинизма», подмену диктатуры пролетариата диктатурой партаппарата и отход от ленинских принципов в национальной политике. Не принимал он полностью и социально-экономическую политику постнэповского периода. В ходе многочисленных командировок за рубеж Нин установил на личностном уровне хорошие отношения со многими европейскими сторонниками Троцкого.

Есть сведения о том, что находясь в 1926 году во Франции, Нин выполнял, помимо прочего, личные поручения самого Троцкого. Так или иначе, но именно за активные связи с «левой оппозицией» Нин в 1927 году был исключен из ВКП(б), выведен из руководства Профинтерна и Коминтерна.

на и переведен на хозяйственную работу. Тем не менее он не оставил попыток наладить взаимодействие с оппозицией, за что в 1930 году был выслан из СССР за «антисоветскую деятельность».

Вернувшись в Испанию, Нин установил связь с местными троцкистами и примкнул к испанской секции Левой оппозиции. Именно на начало 30-х годов приходится наиболее интенсивные контакты между Нином и Троцким, также высланным из СССР. Но в 1933 году эти контакты прерываются. Дело в том, что Нин и многие его испанские сторонники осудили тактику энтризма, которую Троцкий проповедовал в первой половине 30-х годов в отношении социал-демократических партий. Нин отказался следовать рекомендациям Троцкого, предлагавшего своим сторонникам в Испании вступить в ИСРП и в ее рядах организовать стойкое марксистское и революционное течение. Большая часть движения «Испанская коммунистическая левая», созданного еще в 1932 году, поддержала Нина в данном вопросе. Многие испанские левые коммунисты также приняли предложение Нина прекратить перманентную конфронтацию с промосковской КПИ и во имя достижения единства рабочего движения вступить в союз и с КПИ, и с ИСРП, сохранив при этом организационную самостоятельность.

После разрыва с Троцким Нин и его коллеги отказались примкнуть к его «Движению за IV Интернационал» и сделали выбор в пользу создания независимой левой, свободной от влияния бюрократизма, сталинизма и социал-реформизма партии. При этом Нин настаивал на том, чтобы в идейном плане новая рабочая партия стояла на твердых марксистских позициях. В итоге осенью 1935 года на базе действующего, главным образом, в Каталонии Рабоче-крестьянского блока и «Испанской коммунистической левой» возникла ПОУМ, а Нин был избран членом Исполкома новой партии. Большая часть последовательных сторонников Троцкого решила примкнуть к Нину, поскольку программа ПОУМ, на их взгляд, была близка к троцкистской идеологии. Однако подписание в 1935 году руководством ПОУМ предвыборного

пакта Народного фронта привело к разрыву между последовательными троцкистами и большей частью партии. Троцкий заявил, что Нин и его соратники «предали пролетариат в интересах альянса с буржуазией», после чего его сторонники начали выходить из партии. Но выход троцкистов из ПОУМ не сблизил партию с КПИ — коммунисты в своей прессе называли ПОУМ не иначе, как «врагом Народного фронта» и противником СССР. Возмущало испанских коммунистов и то, что Нин, несмотря на серьезные идейно-политические разногласия с Троцким, публично осудил Московские процессы и даже обратился к правительству Республики с предложением предоставить Троцкому политическое убежище в Испании, конкретно — в Каталонии.

В самом начале гражданской войны путчистами был казнен лидер ПОУМ Хоакин Марин, после чего Нин был избран политическим секретарем партии. А поскольку с первых же дней войны руководство ПОУМ заявило о полной лояльности республиканскому правительству и призвало членов партии вступать добровольцами в вооруженные силы, лидеры ПОУМ получили приглашение принять участие в военно-политических органах республиканцев. Сам Нин по квоте партий в середине 1936 года вошел в Центральный комитет антифашистских милиций Каталонии и активно участвовал в обороне Барселоны, а после образования автономного правительства Каталонии занял в нем пост министра юстиции. На этом важнейшем посту Нин показал себя толковым администратором. При нем в Каталонии успешно боролись с дезертирами и мародерами, милиция помогала властям осуществлять программу революционных преобразований, органы правопорядка неплохо боролись с франкистской агентурой.

Но в то же время Нин и другие лидеры ПОУМ отвергли предложение Коминтерна об укреплении Народного фронта и взяли курс на осуществление социалистической революции, создание рабоче-крестьянского правительства, передачу предприятий рабочим, замену армии милицией, а государственных учреждений — Советами. Кроме того, Нин и

его сторонники не раз вступали в открытое противостояние с коммунистами и советскими представителями в Испании, стремящимися установить собственные порядки в Каталонии. А весной 1937 года в поумовской прессе появилось немало материалов, где осторожно, но принципиально подвергалась сомнению дееспособность ИСРП и КПИ, выражалось неприятие процессов бюрократизации республиканской армии и госаппарата. Некоторые из этих публикаций принадлежали перу Нина, который все более жестко полемизировал с социалистами и коммунистами.

В условиях гражданской войны политическая программа ПОУМ и ее конфронтация с коммунистами были теми факторами, которые могли привести к поражению республиканское правительство Испании. Безусловно, это обстоятельство беспокоило как руководство СССР, так и советских представителей в Испании, посылавших в Москву тревожные сообщения. Так, 22 февраля 1937 года представитель НКВД в Испании Александр Орлов («Швед») направил в Центр доклад, в котором говорилось:

«Основная организация ПОУМ находится в Каталонии. Согласно более или менее проверенной информации, в количественном отношении она представляет следующую картину: в Барселоне имеется около 5000 человек и примерно столько же сочувствующих; в Таррагоне — около 2000 человек; в Жероне — около 1000 и примерно 3000 в других городах и населенных пунктах Каталонии. Кроме того, в Барселоне у них имеется отряд в 2000 человек, примерно половина которых вооружены. В течение некоторого времени сотрудничество ПОУМ с федерацией испанских анархистов принимало антисоветскую направленность, которая вызвана последним судом над троцкистами (в СССР — авт.).

Центральный комитет ПОУМ находится в Барселоне, в него входят четыре человека: Нин, Андраде, Усо и Кол»⁷.

А 27 февраля в Москву ушло следующее сообщение Орлова:

«Правительство Испании обладает всеми возможностями для победоносной войны. Оно имеет хорошее вооружение,

прекрасную авиацию, танки, громадный резерв людей, флот и значительную территорию с базой военной промышленности, достаточной для такой “малой” войны (заводы Испано-Суиза и др.), продовольственную базу и прочее. Численность правительственных войск значительно превосходит войска неприятеля.

Вся эта машина, все эти ресурсы разъедаются:

1. Межпартийной борьбой, при которой главная энергия людей употребляется на завоевание большего авторитета и власти в стране для своей партии и дискредитирования других, а не на борьбу с фашизмом.

2. Гнилым составом правительства, часть которого ничего общего с революцией не имеющая, пассивно относящаяся к событиям и думающая лишь о своевременном бегстве в случае крушения...

4. Безответственностью и саботажем правительственных аппаратов и штабов по обеспечению армии и ее операций...

7. Внутренней контрреволюцией и шпионажем...»⁸

В тот же день Орлов направил советскому руководству телеграмму, в которой предлагал следующие шаги по исправлению сложившейся ситуации:

«Мне кажется, что настал такой момент, когда необходимо проанализировать наступившее грозное положение и в особом порядке поставить перед испанским правительством (и лидерами партий) вопрос о всей серьезности положения и предложить необходимые мероприятия:

1. Оздоровление армии и ее руководства (расстрел за дезертирство, дисциплина и т.д.) и

2. Прекращение межпартийной грызни, если испанское правительство действительно хочет помощи от нас.

Если перед лицом нависшей сейчас опасности мы не приведем испанское правительство в чувство, дело примет катастрофический оборот. Падение Мадрида повлечет за собой деморализацию армии, восстание внутри и измену со стороны отдельных районов Каталонии»⁹.

Регулярно получая такого рода сообщения из Испании советские руководители, и прежде всего Сталин, развернув-

ший в это время бескомпромиссную борьбу с Троцким и его сторонниками по всему миру, очень скоро стали относиться к ПОУМ и ее лидерам более чем враждебно. Враждебность эта возрастала по мере усиления активности в Испании сторонников Троцкого, призывавших ПОУМ к открытой борьбе с Народным фронтом. С этой целью в стране был создан «Революционный фронт молодежи» — молодежная организация, объединившая молодых анархистов и поумовцев. А приехавшие со всего мира лидеры небольших групп, исключенные в разное время из компартий за правые или левые уклоны, даже попытались провести в Барселоне свою объединительную конференцию. Этот вызов, брошенный Сталину в тот момент, когда советское влияние в Испании укрепилось после победы республиканской армии при Гвадалахаре, стал для Нина и его сторонников фатальным. При этом необходимо учитывать и то, что Сталину важно было показать, что троцкисты действуют как предатели не только в СССР, но и в демократических странах, управляемых правительствами Народного фронта.

5 марта 1937 года лидер испанских коммунистов Хосе Диас выступил на закрытом собрании исполкома компартии с обращением, в котором заклеил членов ПОУМ как «агентов фашизма, укрывшихся за якобы революционными лозунгами». Тогда же представитель Коминтерна Степанов (болгарский коммунист С. Иванов-Минев), советский полпред Л. Гайкис и Орлов предложили отправить в отставку премьер-министра Ларго Кабальеро, отказавшегося санкционировать чистку ПОУМ, и заменить его более сговорчивым министром финансов Хуаном Негрином, который поддерживал коммунистов. У Орлова были все основания требовать смещения Кабальеро. Ведь еще в декабре 1936 года от агентов, внедренных в ПОУМ, он получил сведения, что поумовцами и анархистами готовится вооруженное выступление в Барселоне. А в начале 1937 года подтверждение этой информации пришло из берлинской резидентуры ИНО НКВД, которая получила анонимное сообщение (как впоследствии оказалось от Х. Шульце-Бойзена, одного из будущих

руководителей нелегальной резидентуры ИНО НКВД в Германии «Красная капелла»), что германские агенты проникли в троцкистские круги в Барселоне с намерением в ближайшее время организовать путч. Кроме того, у Орлова имелись сведения, что лидеры ПОУМ готовятся начать террористические акты против коммунистов. Об этом свидетельствует донесение Орлова, отправленное в Москву в начале марта 1937 года:

«В настоящее время ряд лиц утверждены ЦК ПОУМ для террористической деятельности. Для руководства молодежной организацией ПОУМ назначены, во-первых, Теодор Санс, во-вторых, Мендес, в-третьих, еще один из руководителей организации по имени Лоренсо. Все они являются опытными террористами и принимали участие в различных вооруженных рейдах. Установлено, что группа Бланко (члена ПОУМ — авт.) готовила террористический акт против Рамона Горерро, бывшего комсомольского лидера, секретаря городской ячейки города Кордовы... В этом же году 3 или 4 февраля Муэль Себастьяно, секретарь окружной комсомольской ячейки Мадрида, получил анонимное письмо, в котором ему советовали оставить этот пост, угрожая в противном случае ликвидировать его и его семью. Письмо было подписано следующим образом: “Да здравствует испанская фаланга! Да здравствует ПОУМ!”»¹⁰

Однако в марте 1937 года, несмотря на нажим советских представителей, правительство Кабальеро устояло. И тогда Орлов (безусловно, с одобрения Москвы) приступил к так называемым «литерным операциям» против ПОУМ и ее союзников. Первой жертвой стал журналист Марк Рейн, сын высланного из России известного меньшевика Рафаила Абрамовича, руководителя II Интернационала. Родившийся в 1909 году, Рейн был антикоммунистом, активным участником движения норвежских и немецких крайних левых, в 20-х — начале 30-х годов жил в Германии, а после 1933 года эмигрировал во Францию. В Париже он стал председателем Союза германской социал-демократической молодежи и членом леворадикальной группы «Нойе бегинен». Позднее он

перебрался в Стокгольм, где работал редактором газеты «Социал-демократик кретен». Рейн сочувствовал испанским левакам, а в Каталонии представлял ряд левых шведских и французских изданий. В ночь с 9 на 10 апреля он исчез из своего номера в барселонском отеле и больше его никто не видел. Через несколько дней друзья обнаружили его исчезновение и подняли тревогу. Позднее один из них, будущий канцлер Германии Вилли Брандт, вспоминал, что «исчезновение» Рейна произвело на него тягостное впечатление.

Известность отца Рейна, а также непрекращающиеся его поиски, взбудоражили общественное мнение в Европе, что заставило испанское правительство начать расследование. В результате к июлю 1937 года было выяснено, что к похищению Рейна приложили руки руководители «Группы информации» (Grupo de information) каталонских секретных служб (SSI) Альфред Герц и Гомес Эмперадору, а также их агент SSI-29, работавшие на Орлова. Впрочем, судьбу Рейна это не прояснило, хотя уже в правление Франко агент SSI-29 (настоящая фамилия Ларенцик) был арестован, отдан под военный суд и казнен как агент НКВД.

Между тем обстановка в Каталонии накалялась и начале мая вылилась в вооруженное выступление сторонников ПОУМ и анархистов, более известное как Барселонский мятеж. Поводом для него послужил приезд в Барселону президента Асаньи и его обращение к провинциальному совету Каталонии. На следующий день, 3 мая, воспользовавшись постановлением совета взять под контроль телефонную станцию, анархисты при активной поддержке ПОУМ подняли вооруженный мятеж против республиканского правительства Народного фронта. Буквально в одночасье начались бои, продолжавшиеся три дня. Об ожесточенности столкновений можно судить по следующему донесению Орлова в Москву:

«События в Барселоне начались несколько дней тому назад рядом столкновений и инцидентов. Основным сигналом к восстанию послужило убийство 7 анархистов из правительственных частей при занятии правительственными войсками границы у Ауксерда. 4 мая началась вооруженная

борьба между элементами ФАП (фашисты-анархисты-поумовцы — авт.), с одной стороны, и частями Генералидада (правительство Каталонии — авт.) и ПСУК (Объединенная социалистическая партия Каталонии — авт.) — с другой. Сегодня, 7 мая, борьба носит жестокий характер, есть много раненых и убитых. Среди убитых генеральный секретарь Всеобщего союза трудящихся Сес и тяжело ранен начальник внутренней охраны Каталонии Эскобар. Убийства совершены при входе в Генералидад. Участие ПОУМ в путче на стороне анархистов самое активное. Троцкистские барселонские газеты от 5 мая призывали к вооруженному восстанию. По радио передавался призыв к бедным каталонским рабочим покончить с... марксистами и мирно соединиться с войсками Франко на арагонском фронте»¹¹.

Волнения произошли и на фронте в поумовских и анархистских частях. В итоге восстание было подавлено лишь тогда, когда в Барселону были введены части штурмовой гвардии, прибывшие из Валенсии и других мест. Прямым результатом барселонского мятежа была гибель только в одной Барселоне 350 человек при 2600 раненых. Но гораздо более тяжелыми были военно-политические последствия этой акции: срыв тщательно подготовленного наступления на Северном фронте и потеря республиканцами Басконии, подрыв международного авторитета республики и кризис Народного фронта.

Однако в своем донесении Орлов умалчивает о том, что во время мятежа ему удалось ликвидировать большое число анархистов и в том числе философа-анархиста, политкомиссара анархистской колонны «Справедливость и свобода» или «Колонны Росселли», редактора газеты «Guega di Classe» («Война классов») Камилло Бернери и его соратника Франциско Барбиери. Обстоятельства гибели Бернери и Барбиери тщательно расследовал уже упоминавшийся ранее К. Треска, позднее опубликовавший их в троцкистской печати¹².

Согласно Треске, 4 мая на квартиру, расположенную на площади дель Анхель в Барселоне, где находились в то вре-

мя Бернери со своей женой, Барбиери и некоторые другие их товарищи, пришли двое агентов Альфреда Герца, назвавшиеся друзьями и антифашистами. А через несколько часов в той же квартире был произведен тщательный обыск, в котором участвовали те же двое агентов, но уже с красными нарукавными повязками с буквами ПСУК. Они забрали оружие и документы и приказали всем под страхом расстрела не выходить из дома.

Когда же Бернери и Барбиери попросили объяснений, им было сказано, что правительству стало известно об их контактах с итальянскими вооруженными анархистами.

В среду 5 мая, в 6 часов утра в квартиру вошли двенадцать человек, из них шесть полицейских и шесть членов ПСУК во главе с Герцем. Они приказали Бернери и Барбиери выйти и обращались с ними как с арестованными. А в ночь с 5 на 6 мая Бернери и Барбиери были убиты. Днем 6 мая представители полиции пришли в дом на площади дель Анхель и сказали товарищам задержанных, что заключенные будут выпущены на свободу в полдень того же дня. Но в этот же самый день семьи задержанных узнали из газет, что на улице, недалеко от здания Генералидада, были найдены тела Бернери и Барбиери со следами множественных ранений. При этом Треска от себя добавляет, что организатором и исполнителем этого убийства был член американской компартии Герц, «заливший Барселону кровью наших лучших товарищей»¹³. Более того, Треска утверждает, что под именем Герца в Испании действовал Джордж Минк. Однако это утверждение не соответствует действительности, поскольку Минк, как уже говорилось ранее, находился в Испании под своим именем как кадровый сотрудник Разведупра РККА.

Кроме Бернери и Барбиери во время мятежа в Барселоне было ликвидировано и множество других анархистов. Среди них можно назвать секретаря «Анархистской молодежи Каталонии» Альфредо Мартиниса, который считался особо опасным оппозиционером, так как возглавляемая им организация объединяла молодежные организации анархистов,

ПОУМ и социалистов. В арестах анархистов принимал активное участие будущий советский разведчик-нелегал Иосиф Григулевич, чья история заслуживает отдельного рассказа.

Иосиф Ромуальдович Григулевич (Юозас Григулявичус) родился 5 мая 1913 году в Вильно в семье литовского караима. Позднее, в 1924 году, после отъезда отца, Ромуальда Григулевича, в Аргентину на заработки, он вместе с матерью, Надеждой Лаврецкой, перебрался в литовский городок Тракай. В 1927 году на семейном совете было решено отправиться к отцу в Аргентину, но эта поездка сорвалась.

После неудачной попытки эмигрировать в Латинскую Америку Григулевичи в поисках работы перебрались в Вильнюс, с 1920 года находившийся под польским управлением. Там он поступил в гимназию, где близко сошелся с активистами Компартии Западной Белоруссии (КПЗБ).

А в середине декабря 1931 года он вместе с 13 другими учащимися гимназии, состоявшими в комсомоле, был арестован польской «дефензивой». И хотя прямых улик против Григулевича у следствия не было, он провел в заключении полтора года.

Выйдя на свободу, оставшийся один Григулевич (его мать умерла в апреле 1933 года) активно включился в подпольную партийную работу. Но уже в августе 1933 года его вызвали в «дефензиву» и предложили в двухнедельный срок покинуть Польшу. Переход на нелегальное положение для него был невозможен, и поэтому по решению Литовского коммунистического бюро и ОК КПЗБ он выехал во Францию, где находился один из центров польской эмиграции. Приехав в Париж в начале октября 1933 года, Григулевич немедленно связался с представителем польской компартии во Франции Э. Модзелевским. С его помощью он поступил в Высшую школу социальных наук, стал членом коммунистической фракции Сорбонны, а также вошел в редколлегия журнала МОПР, выходившего в Париже на польском языке. Выполняя партийные поручения, Григулевич объездил практически всю Францию. В 1934 году он познакомился с буду-

шим первым секретарем ПОРП Эдвардом Герекком, который взял над молодым коммунистом опеку. Это знакомство в значительной степени повлияло на его дальнейшую судьбу.

Вот что вспоминал по этому поводу сам Григулевич:

«В Париже я познакомился с Эдвардом Герекком, одним из лидеров Коминтерна. Однажды имел с ним конфиденциальную беседу. И вот спустя шесть месяцев Герек обратился ко мне со словами: “Ты еще не бросил свою бредовую идею быть политическим деятелем? Хочешь поехать в Монтевидео представителем Коминтерна и переводчиком?” Я отвечаю: “Пожалуйста”. Честно говоря, я мечтал отделаться от опеки Герека»¹⁴.

В результате в августе 1934 года Григулевич, имея при себе рекомендацию Э. Модзелевского к аргентинским коммунистам, отплыл из французского порта Шербур в Аргентину. Первое время, адаптируясь к местным условиям, он жил у отца в селении Ла-Кларита провинции Энтре-Риос, где тот держал небольшую аптеку. Но уже через несколько месяцев его вызвали в Буэнос-Айрес в распоряжение ЦК Компартии Аргентины. В скором времени на подпольной партийной конференции в Росарио Григулевича избрали в исполком МОПР и членом редколлегии нелегального журнала «Сокорро рохо», после чего «Мигель» (таков был его партийный псевдоним) активно включился в работу МОПР в Аргентине. Кроме того, он завел многочисленные знакомства в портовых городах страны, в местной еврейской общине и даже с представителями немецкой диаспоры. Но летом 1936 года его постигла неудача — 19 июля он по доносу осведомителя полиции был арестован на вилле профессора Аугусто Бунхе, руководителя Независимой социалистической партии Аргентины. И хотя на следующий день всех арестованных отпустили, оставаться в Аргентине Григулевичу больше было нельзя. Полиция вплотную подобралась к неуловимому «Мигелю», которому грозил неминуемый арест и заключение в каторжную тюрьму в Неукене или Ушуае. Поэтому по просьбе Григулевича руководство КПА в начале сентября 1936 года направило его в Испанию, где в это время развернулась гражданская война.

Добравшись до Мадрида, Григулевич встретился с лидером Компартии Аргентины Викторио Кодовилья, который предложил ему работать переводчиком в советском посольстве, сменив при этом имя на Хосе Окампо. Именно там на него обратил внимание сотрудники резидентуры ИНО НКВД в Испании (есть версия, что это был Николай Фридгут, погибший в 1942 году в Афганистане). И начиная с марта 1937 года Григулевич, получивший псевдоним «Юзик», начинает выполнять задания резидента НКВД в Испании Орлова. Одно из них, как уже говорилось, было связано с арестами анархистов в Барселоне. Сам Григулевич вспоминал об этом так:

«В Мадриде я руководил группой социалистов, которая “использовалась” для самых разных дел. Однажды меня вызывает начальник и говорит: “В Барселоне произошло восстание. Все наши попытки арестовать кого-либо из зачинщиков закончились ничем. Ты можешь предоставить свою группу?” Отвечаю: “Конечно”. “Поезжай в Барселону и арестуй всех вожakov. Мы тебе дадим их адреса. Только действуй решительно!” Посадил я всех в машины, поехали в Барселону. Там мне сказали, что я должен арестовать трех людей из Федерации анархистов Иберика. Поехал по указанному адресу, и что застаю там?

Андалузцев с налитыми кровью глазами, которые предложили мне угоститься... водкой, русской икрой и борщом. И... говорят по-русски, жутко матерятся. Ничего не понимаю! Вы думаете, кем они оказались?

В 1922 году был убит председатель Совета министров Испании. Так вот, это они бросали в него бомбу! Затем уехали в Париж, а в 1926 — в Москву. Вернулись на родину в 1931 году, когда в Испании произошла революция. В СССР они женились на русских и украинках, которые работали подавальщицами в столовых. И единственное, чему те смогли научить своих мужей, — это пить водку, есть борщ, ругаться матом и плохо говорить по-русски. Они остались такими же анархистами, какими приехали в Москву.

Итак, я выкладываю на стол пистолет и говорю: “Собирайтесь в дальнюю дорогу”. “В какую дорогу?” “К сожалению”

нию, должен вас арестовать”. Приезжаю в наше консульство к Антону Хусейну (псевдоним В. Антонова-Овсеенко), там были и другие товарищи. Рассказываю им все, они мне говорят: “Ты пьян”. Я отвечаю: “Я пьян, но говорю вам правду”. Действительно, все оказалось правдой»¹⁵.

Мятеж в Барселоне имел далеко идущие последствия и для ПОУМ. В Москве были взбешены случившимся и приказали испанским коммунистам потребовать отставки Кабальеро и ликвидации ПОУМ. После этого состоялось заседание Политбюро компартии Испании с участием представителей Коминтерна П. Тольятти и Э. Герэ, на котором требования Москвы были приняты к неукоснительному исполнению. В результате 15 мая 1937 года Кабальеро ушел в отставку, а премьер-министром стал Хуан Негрин, который сразу же обвинил поумовцев и анархистов в саботаже усилий, направленных на победу в войне. После этого Нин был снят со всех постов в Каталонии и против него начато следствие по обвинению в измене.

Но Кремлю этого показалось мало, и по всей Испании начался кровавый террор, направленный против троцкистов и ПОУМ. Орлов получил указание Центра любым путем арестовать Нина и других руководителей ПОУМ и доказать их связь с Франко и немецкими фашистами.

Выполняя приказ Москвы, Орлов, воспользовавшись тем, что недавно были разоблачены агенты нелегальной франкистской резидентуры в Мадриде, передал правительству Негрина сфальсифицированные документы, подготовленные с участием двух сотрудников испанской тайной полиции — А. Кастилья и Х. Хименесом. Из этих документов следовало, что Нин и его сторонники сотрудничали с организацией «Испанская фаланга», а через нее с Франко и Германией. Эта операция была тщательно спланирована, о чем свидетельствует донесение Орлова в Москву от 23 мая 1937 года:

«Ввиду того, что это дело (разоблачение франкистской нелегальной резидентуры в Мадриде — авт.), по которому подавляющее большинство создалось, произвело серьезное впечатление на военные и правительственные круги и что

это дело крепко документировано и обосновано полным сознанием обвиняемых, я решил использовать значимость и бесспорность дела для того, чтобы вовлечь в него руководство ПОУМ (связи которого мы действительно ищем при ведении следствия).

Мы составили прилагаемый документ, изобличающий руководство ПОУМ в сотрудничестве с организацией “Испанская фаланга” и через нее с Франко и Германией. Содержание этого документа мы зашифруем имеющимся в нашем распоряжении шифром Франко и напишем на обороте захваченного у организации плана расположения наших огневых точек в Каса дель Кампо. Этот шпионский документ об огневых точках прошел через пять рук. Все пятеро фашистов сознались в передаче документа друг другу для переотправки Франко. На другом захваченном документе мы напишем симпатическими чернилами несколько строчек безразличного содержания, и с этим документом начнем совместно с испанцами обнаруживать, нет ли на документах тайнописи. На этом документе мы испробуем несколько проявителей. Особый проявитель проявит эти несколько слов или строчек. Тогда этим проявителем мы начнем пробовать все другие документы и таким образом выявим составленное нами письмо, изобличающее руководство ПОУМ. Испанец, начальник контрразведывательного отдела, немедленно выедет в Валенсию в шифротдел военного министерства для расшифровки письма.

Шифротдел, по нашим данным, располагает этим шифром Франко. Если даже при этом отдел почему-либо письма не расшифрует, то мы “потратим пару дней” и расшифруем письмо.

Ждем от этого дела большого эффекта. После той роли, которую ПОУМ сыграл в Барселонском восстании, изобличение прямой связи одного из его руководителей с Франко должно содействовать принятию правительством ряда административных мер против испанских троцкистов и полностью дискредитировать ПОУМ как германо-франковскую организацию»¹⁶.

Предположения Орлова полностью оправдались. 16 июня 1937 года Нин и 40 других руководителей ПОУМ (в том числе Хулиан Горкин, Аркер Хорди, Хуан Андраде, Педро Боне и др.) по приказу Негрина были арестованы, ПОУМ запрещена, ее милицейские батальоны расформированы, газета «Баталия» закрыта, а штаб-квартира партии в барселонском отеле «Фалькон» занята республиканскими войсками, действующими по приказу генерального директора безопасности полковника А. Ортеги.

17 июня Нин и другие лидеры ПОУМ были отправлены в тюрьму Алькала-де-Энарес в пригороде Мадрида, где с 18 по 21 июня они подверглись интенсивным допросам с целью добиться признания в шпионской деятельности. Допросы вели Орлов и представитель Коминтерна Видали. Однако Нин категорически отрицал свою связь с фашистами, и тогда его подвергли пыткам. По воспоминанию Хулиана Горкина, одного из видных деятелей ПОУМ, чудом оставшегося в живых, через несколько дней пыток лицо Нина «представляло собой бесформенную массу». Но и тогда у него не удалось добиться никаких признаний.

Поскольку Нин так и не сделал признаний, необходимых для организации публичного процесса, а выпускать его на свободу было невозможно, Москва приняла решение о его ликвидации. Операцию «Николай» (так окрестили ликвидацию Нина) провел лично Орлов, которому помогали три испанца и агент НКВД «Юзик» — Григулевич. Сохранился отчет Орлова о проведении операции, написанный 24 июля 1937 года, в котором в частности говорится:

«Об участниках дела “Николая”. Основные участники это — 1) Л. и 2) А.Ф. И.М. был самым косвенным пособником. Когда он приносил кушать в арестное помещение и ему открывали ворота, наши люди прошли во двор... Полтавский должен был вам сообщить из Парижа о выезде к вам последнего участника операции — Юзика... Он служил мне переводчиком по этому делу, был со мной в машине у самого помещения, из которого мы вывозили объекта... Его значком полицейского мы избавлялись от слишком внимательного

осмотра машин со стороны дорожных патрулей, когда мы вывозили груз»¹⁷.

Нин был расстрелян у отметки «17 километр» на шоссе около Алькала-де-Энарес и захоронен в поле в ста метрах от дороги. В архиве КГБ сохранилась и такая записка, явно раскрывающая обстоятельства убийства Нина: «Н. из Алкала де Энарес в направлении Перане де Тахунья, на полпути, в ста метрах от дороги, в поле. “Бом”, “Швед”, “Юзик”, два испанца. Водитель “Пьера”. “Виктор”»¹⁸.

Между тем уже с 21 июня в Каталонии начали циркулировать слухи об убийстве Нина. Пресса открыто задавалась вопросом: «Где Нин?», а во Франции был создан комитет по его защите. В Каталонии судья М. Лагия начал следствие по поводу исчезновения Нина и даже арестовал двух полицейских агентов из Мадрида, которые были замешены в этом деле. Однако вскоре по приказу центральных властей он сам был арестован, и хотя его затем выпустили на свободу, дело было развалено.

Центральные власти категорически отрицали смерть Нина. 22 июня ими был создан специальный трибунал, на котором предполагалось рассмотреть дело об измене членов ПОУМ. А вслед за этим министр юстиции республиканского правительства сообщил о «распоряжении правительства республики, в соответствии с которым процесс против господ Нина, Горкина и других членов ПОУМ будет проводиться в соответствии с нормами права, со всеми гарантиями, которые предоставляются судами гражданам, и с защитой, которую они стремятся получить от закона... Могу заверить, что никто из заключенных не получил ни царапины, ни плохого обращения, на них не оказывалось никакого другого давления, которое касается их собственного достоинства»¹⁹.

Но этому заявлению мало кто поверил. Что же касается Троцкого, то он отозвался на исчезновение Нина статьей «Убийство Андрея Нина агентами Г.П.У.», опубликованной в «Бюллетене оппозиции» за № 58–59, в которой писал:

«Когда Андрей Нин, руководитель ПОУМ’а был арестован в Барселоне, не могло быть ни малейшего сомнения в

том, что агенты ГПУ не выпустят его живым. Намерения Сталина раскрылись с исключительной ясностью, когда ГПУ, которое держит в своих когтях испанскую полицию, опубликовало заявление, в котором Нин и все руководство ПОУМ'а обвиняются в том, что они являются "агентами" Франко.

Вздорность этого обвинения ясна всякому, кому известны хотя бы самые простые факты испанской революции. Члены ПОУМ'а героически боролись против фашистов на всех фронтах Испании. Нин — старый и неподкупный революционер. Он защищал интересы испанского и каталонского народов против агентов советской бюрократии. Именно поэтому ГПУ избавилось от него при помощи хорошо подготовленного "рейда" на барселонскую тюрьму. О том, какую роль сыграли в этом деле официальные испанские власти, можно только делать предположения...

В конце концов правду больше скрывать было невозможно. И 5 апреля 1938 года министерство юстиции республиканского правительства опубликовало официальное коммюнике, в котором сообщалось:

«После надлежащего расследования выяснилось, что г-н Нин вместе с другими руководителями ПОУМ был арестован полицией Сегуридад, его перевели в Мадрид и заключили в предварительную тюрьму, специально подготовленную комиссаром мадридской полиции. Из этой тюрьмы он исчез, и до сих пор все, что было сделано, чтобы найти его и его охрану, оказалось безрезультатным»²⁰.

Судьба остальных арестованных членов руководства ПОУМ была решена на процессе, проходившем с 11 по 22 октября 1938 года. Перед специальным трибуналом предстали Горкин, Андраде, Хиронелья, Ровира Аркер, Ребуль, Боне, Эскудер, Рей и др., которым предъявили обвинения, сфабрикованные по образцу московских процессов. Однако все они категорически их отвергли, а международная левая общественность, возмущенная судилищем, гневно осудила его. Интересные воспоминания об этом процессе оставил Ш. Опп в своей книге «Воспоминания об отеле

Фалькон». Так, он описывает случай с активистом ПОУМ Марио, итальянским студентом-беженцем, который работал в газете «Испанская революция» в итальянском отделе. Полиция заставила Марио дать показания о том, что он и остальные члены ПОУМ были фашистскими агентами. Когда Марио привели в зал суда, где он должен был повторить свои показания, случилось обратное — он публично рассказал о методах следствия, при помощи которых его заставили оговорить себя и своих товарищей. После выступления Марио организаторам суда над ПОУМ пришлось отказаться от открытых процессов²¹. В результате руководителям ПОУМ не был вынесен смертный приговор, и 2 ноября их осудили на 15 лет тюрьмы (за исключением Аркера, который получил 11 лет, и Рея, которого оправдали). Но после падения в марте 1939 года республики им всем удалось бежать, несмотря на попытки республиканских спецслужб выдать их Франко.

Вслед за арестом руководителей ПОУМ сотрудники НКВД в Испании при поддержке испанских коммунистов развернули настоящую охоту на тех, кого в Москве считали троцкистами и предателями. Перечислять всех тех, кто стал жертвой этой охоты, не имеет смысла, и поэтому будут названы только наиболее известные в международном коммунистическом движении фигуры.

Так, 2 августа 1937 года в Барселоне исчез один из эмиссаров Троцкого в Испании Ганс Давид Фройнд (Мулен). Он родился 12 марта 1912 года в немецком городе Бенцлау в мелкобуржуазной еврейской семье, эмигрировавшей в Палестину в 1933 году. В совсем юном возрасте он увлекся идеями коммунизма, вступил в комсомол, а в начале 1930-х годов совершил поездку в СССР, откуда вернулся ярким антисталинистом. Обосновавшись в Берлине, он примкнул к троцкистам, но в 1933 году временно отошел от активной политической деятельности. Будучи вынужден в 1933 году эмигрировать из Германии, Мулен перебрался в Англию, где учился в Оксфорде и работал над диссертацией по социологии.

В 1934 году Фройнд переехал Женеву, где, как отмечалось в докладах полиции, имел большое влияние на социалистически настроенных студентов. Вскоре он стал членом организации швейцарских троцкистов MAS, а также установил связи с молодыми французскими троцкистами и итальянской анархистской группой Бертони. В мае 1936 года Фройнд отправляется в Париж, где участвует в так называемой жевневской конференции троцкистов, на которой было принято решение основать «Движение за IV Интернационал».

Когда в Испании запылала гражданская война, Фройнд в начале сентября 1936 года выехал в Мадрид и несколько недель готовил передачи на немецком языке для Радио ПОУМ. Тогда же его едва не расстреляли на фронте под Гуа-даррамой, где он, выдавая себя за журналиста, вел троцкистскую пропаганду и писал репортажи во французские троцкистские издания. В январе 1937 года Фройнд выехал в Париж для участия во 2-й конференции ПОИ, на которой обсуждались вопросы испанской революции. Вернувшись в Барселону, он пытался объединить группы «большевиков-ленинцев», а также установил контакты с группой анархистов «Друзья Дуррути».

Будучи активным участником барселонского мятежа, Фройнд после 7 мая ушел в подполье, поскольку его разыскивали как главного руководителя «большевиков-ленинцев» в Каталонии. Несколько месяцев ему удавалось оставаться на свободе, но, как уже говорилось, 2 августа он был арестован и после этого его никто не видел. По некоторым, весьма сомнительным, данным небезызвестному Минку каким-то образом удалось войти к нему в доверие, что и определило его дальнейшую судьбу.

13 сентября того же года после официального освобождения из тюрьмы исчез личный представитель Троцкого в Испании Эрвин Вольф, он же Николь Браун и Кифф. Родившийся в 1902 году в семье промышленника из Судет, Вольф учился в Германии в Берлинском университете, где стал членом КПП. Однако вскоре он примкнул к левой оппозиции, а в 1933 году после эмиграции во Францию стал троцкистом.

Во время нахождения Троцкого в Норвегии он с 1935 по 1936 исполнял обязанности его личного секретаря, а после высылки Троцкого в Мексику перебрался в Париж, где стал секретарем «Движения за IV Интернационал». В начале 1937 года по указанию Троцкого Вольф отправился в Испанию со специальной миссией — через него Троцкий планировал передавать инструкции своим испанским сторонникам. Тут есть смысл привести воспоминания писателя с мировым именем и не менее известного революционера Виктора Сержа:

«Эрвин Вольф... навестил меня в Брюсселе и сказал, что не может спокойно заниматься марксистскими исследованиями, когда революция борется за жизнь. Он отправлялся в Испанию. “Вы едете, — отвечал я ему, навстречу неминуемой гибели”. Но ему был присущ боевой оптимизм юности. Высокий лоб, тонкие черты лица, серьезность молодого теоретика, острое, но схематичное и прямолинейное мышление... Недавно он женился на молодой норвежке, дочери социалиста Кнудсена.

Счастливым и уверенным в себе. В Барселоне его, естественно, арестовали. Консульства Чехословакии и Норвегии проявили в нем участие и добились его освобождения. Несколько дней спустя он был похищен на улице и исчез навсегда»²².

Существует ряд свидетельств, что к аресту и гибели Вольфа причастен агент НКВД доктор Дж. Тиоли. О Тиоли и обстоятельствах его деятельности в Испании имеется очень мало сведений. Согласно «Воспоминаниям» Орра, Тиоли жил в отеле Фалькон вместе с поумовцами и делал вид, что работает в Красном Кресте. Он также сотрудничал с молодой англичанкой, известной под именем Патрисия. Но по утверждению Орра их изначально подозревали как агентов НКВД. Правда, Опп приводит крайне мало фактов касательно Тиоли, ограничиваясь лишь своими личными впечатлениями о нем. Он пишет, что первый раз встретился с Тиоли в ноябре или декабре 1936 года, когда тот притворялся журналистом, и отзывается о нем как о человеке, казавшемся дружелюбным. Он помогал поумовцам чем мог, хотя вскоре

Орр пришел к выводу, что этот приятный человек является коммунистическим агентом. Говоря о Тиоли, Орр пишет, что «многие люди, вовлеченные в работу сталинского карательного аппарата, оставались на деле человеческими и не оправдывали ожиданий в жестокости»²³. Тиоли мельком упоминается и в других разного рода воспоминаниях и комментариях — как человек, у которого жил Вольф и который, будучи агентом НКВД, был причастен к его аресту.

Следующим исчезнувшим оказался бывший австрийский, троцкист Курт Ландау, занимавший руководящие позиции в Международном секретариате ПОУМ. Он родился в 1903 году в Вене и начал свою трудовую деятельность дрессировщиком в цирке, выступая с номерами по укрощению львов. В 1921 году Ландау вступил в компартию Австрии и очень быстро стал секретарем городского комитета в Вене. В 1925 году его назначают руководителем агитпропотдела ЦК КПА и редактором по культуре центрального органа партии газеты «Роте фане». Однако его встреча с В. Сержем в 1925 году привела к тому, что он стал сторонником левой оппозиции в СССР, а в 1926 году вместе с И. Фреем создал в КПА оппозиционный блок, за что на следующий год был исключен из партии. В 1929 году Ландау по предложению Троцкого выехал в Германию для работы по объединению местных троцкистских групп и уже на следующий год вошел в руководство «Объединенной левой оппозиции КПП (большевиков-ленинцев)» и Международной левой оппозиции.

Однако в июне 1931 года Ландау разошелся с Троцким и увел вместе с собой часть членов партии и газету «Коммунист». После прихода Гитлера к власти он эмигрировал во Францию и начал издавать газету «Der Funke» («Искра»). При этом он оставался противником Троцкого и резко критиковал его идею по созданию IV Интернационала, хотя и оставался сторонником реформы действующего Коминтерна.

В 1934 году он начал тайно сотрудничать с оппозицией в аппарате французской компартии (А. Ферра и Ж. Каган) и независимым коммунистическим журналом «Что делать?», в котором публиковался под псевдонимом Вольф Бертрам.

После начала гражданской войны в Испании Ландау в октябре 1936 года приехал в Барселону и предложил свои услуги ПОУМ. Вскоре он был избран в состав Международного секретариата, где являлся координатором по работе с иностранными добровольцами и журналистами, а также сотрудничал с газетой «Баталия», публикуясь под псевдонимом «Наблюдатель». При этом он поддерживал вступление ПОУМ в правительство Каталонии, критиковал позицию Троцкого по Испании и одновременно выступал против правого крыла партии, считая его позицию дезорганизующей.

Когда же ПОУМ была объявлена вне закона, Ландау перешел на нелегальное положение. Чтобы выйти на его след сотрудники Орлова 11 сентября арестовали его жену Катю Ландау, требуя от нее сообщить о местонахождении мужа. Впрочем, с этой целью арестовали не ее одну:

«Мориц Бресслер, он же фон Ранке, один из самых гнусных агентов ГПУ, сводил обвинение к ничтожному поводу. Он и его жена Капаланц распорядились арестовать одного товарища: они подозревали, что тот знал, где находится Курт Ландау. “Если вы не сообщите его адрес, — говорили они, — вы не выйдете из тюрьмы. Это враг Народного фронта и Сталина. Как только мы узнаем, где он находится, мы его уьем”»²⁴.

О трудностях поиска Ландау говорит и донесение Орлова в Москву от 25 августа 1937 года:

«Литерное дело Курта Ландау оказалось наиболее трудным из всех предыдущих. Он находится в глубоком подполье, и, несмотря на то что мы уже больше десяти дней ведем неусыпное наблюдение за видной анархисткой, которая, по ее же заявлению нашему источнику, является его связисткой и выдается с ним ежедневно, мы его обнаружить не смогли еще...

Ландау... без сомнения, является центральной фигурой в подпольной организации ПОУМ. Если бы ликвидировали его во время встречи, то началось бы полицейское расследование и был бы подставлен агент НКВД. Вот почему предла-

гаю Ландау со свидания не брать, а проследить его до его места жительства и взять его уже позже — через день-два. Как Вам известно, Ландау, в отличие от прочих иностранцев-литерников, теснее сросся с местными троцкистскими организациями»²⁵.

В конце концов, несмотря на все трудности, 23 сентября 1937 года Ландау был выслежен и арестован. Больше его никто, разумеется, не видел.

Здесь мы сознательно не затрагиваем тему преследования инакомыслящих в интербригадах. Скажем только, что этим занимались как испанская контрразведка, так и сотрудники НКВД. В качестве примера приведем выдержку из допроса известного журналиста Михаила Кольцова от 16—17 июня 1939 года, где он говорит о нравах, царивших среди советских военных советников и сотрудников НКВД в Испании:

«...В разгар военных операций, как это было, например, в Хораме в феврале 1937 года, ПАВЛОВ (Д.Г. Павлов, впоследствии генерал армии, Герой Советского Союза, расстрелян в 1941 году — авт.) вместе с испанскими командирами устроил безобразную попойку. В результате танки, как мне позже об этом сообщил ШТЕРН (Г.М. Штерн, впоследствии генерал-полковник, Герой Советского Союза, расстрелян в 1941 году — авт.), в нужный момент не оказались на участке боя, что привело к потере некоторых важных стратегических позиций...

Работник Особого отдела БОЛОТИН (дальнейшая его судьба мне неизвестна) как-то раз, летом 1937 года, хвалился мне “устранением” (подразумевалось убийство) испанского командира, не пришедшегося по вкусу ПАВЛОВУ (Г.С. Болотин-Балясный во время Великой Отечественной войны занимал руководящие посты в советской военной контрразведке СМЕРЩ — авт.).

Находившийся в Мадриде работник НКВД СЕРЕБРЯНИКОВ методами своей деятельности и личным поведением, как и ПАВЛОВ, дискредитировал себя и организации, направившие его в Испанию.

Вопрос: Чем?

Ответ: СЕРЕБРЯННИКОВ, изолировавшись от советских работников, вместе с тем, при встречах с испанцами рассказывал о невероятных полицейских приключениях, в которых он, якобы, участвовал, и о расстрелах в Мадриде, которыми он руководил. СЕРЕБРЯННИКОВ объяснял испанцам, что он “русский полицейский генерал” и разводил при этом хлестаковщину.

СЕРЕБРЯННИКОВ участвовал в кутежах, устраиваемых местными руководителями полиции, содержал штат из нескольких испанцев и испанок, которым, однако, не выплачивал зарплаты. Весной 1937 года СЕРЕБРЯННИКОВ уехал из Мадрида, оставив за собой целый хвост жалоб и неоплаченных работников.

Вопрос: Где сейчас находится СЕРЕБРЯННИКОВ?

Ответ: СЕРЕБРЯННИКОВ работает в Москве, в органах НКВД, но после Испании я с ним не встречался»²⁶.

Впрочем, и советские военные советники, и испанские коммунисты в скором времени на себе ощутили всю «прелесть» репрессий. Так, в конце 30-х годов были репрессированы Я. Берзин, И. Проскуров, П. Рычагов, Я. Смушкевич и многие другие «испанцы». Чудом избежал этой участи А. Орлов, бежавший в США. Что касается испанских коммунистов, оказавшихся после поражения в СССР, то более половины из них были арестованы и погибли в лагерях. Показательна в этом плане судьба генсека КПИ Хосе Диаса. Во время войны он вместе с семьей находился в эвакуации в Тбилиси, где начал работать над книгой воспоминаний. Но 19 марта 1942 года он неожиданно выбросился с 4-го этажа, причем именно в тот момент, когда его жены и дочери не было дома. Примечательно, что перед этим он посылал в Москву возмущенные письма, протестуя против того, как обращаются с детьми в тбилисской колонии.

РАССТРЕЛ В ЛОЗАННЕ

После разгрома троцкистов и тех, кого в Кремле считали «троцкистами», в Испании, деятельность НКВД по уничтожению сторонников «демона революции» была перенесена во Францию, где те имели наиболее сильные позиции в Европе. И первой жертвой этой войны стал невозвращенец, бывший нелегал ИНО НКВД Натан Рейсс. Ликвидировали Рейсса, скорее всего, именно как троцкиста, а вовсе не для того, чтобы другим неповадно было, как это утверждают некоторые авторы.

Достаточно вспомнить, что в один месяц с Рейссом стал невозвращенцем бывший сотрудник Разведупра и дипломат А. Бармин, а позднее сотрудники разведки М. Штейнберг, Г. Массинг и В. Кривицкий. Но ни за одним из них не началась немедленная охота, закончившаяся ликвидацией меньше через два месяца после разрыва отношений с советской разведкой.

Натан Маркович Рейсс («Людвиг», «Раймонд»), известный также как Игнатий Станиславович Порецкий, родился 1 января 1899 года в небольшом галицийском городке Подволочиск на границе России и Австро-Венгрии в еврейской мелкобуржуазной семье. Во время учебы во Львовской гимназии он увлекся идеями социализма, а после поступления на юридический факультет Венского университета окончательно связал свою судьбу с коммунистическим движением. Вступив в 1919 году в Коммунистическую рабочую партию Польши, Рейсс работал связником в Юго-Восточном бюро ИККИ и в Коммунистической партии Восточной Галиции. В 1920 году он вел нелегальную работу в Польше, занимаясь агитацией среди польских солдат и организовывая диверсии на коммуникациях польский войск, однако вскоре был арестован и осужден на пять лет тюремного заключения.

В 1921 году, будучи освобожденным под залог, Рейсс прибыл в Москву, где вместе со своим другом детства Вальтером Кривицким (о нем речь пойдет позднее) был завербован для работы в Разведупре РККА. С 1921 года он снова работал в

Польше, а в 1923 году был послан в Берлин для подготовки вооруженного восстания. В Берлине Рейсса подключили к работе военного аппарата КПГ, точнее, его «советско-инструкторской» части, а после провала ноябрьского восстания перебросили в 1925 году в венскую резидентуру Разведупра под начало резидента А.В. Емельянова. В Вене Рейсс принимал участие в ряде довольно деликатных дел, связанных с локализацией провалов.

Так, как уже говорилось выше, он был наверняка замешан в убийстве бежавшего из Вены резидента Разведупра Ярославского. Деятельность Рейсса в Германии и Австрии была высоко оценена руководством Разведупра. Прибыв в 1927 году в Москву, он был повышен в должности и награжден крайне редким в те времена для разведчиков орденом Красного Знамени. И тогда же он стал членом ВКП(б).

Через некоторое время Рейсс вновь был направлен в зарубежную командировку. Пробыв несколько месяцев в Чехословакии, где он легендируется, налаживает работу военного аппарата КП Чехословакии и внедряет группы информаторов на военные заводы, Рейсс переезжает в Голландию и сменяет нелегального резидента Разведупра Макса Максимова (Фридмана). Работа в Голландии была чрезвычайно важна, так как именно из этой страны главным образом велись действия против Великобритании после разрыва с ней дипломатических отношений в 1927 году. Самым большим успехом Рейсса в это время было привлечение к сотрудничеству местного коммуниста Хана Пика, ставшего одним из лучших агентов-вербовщиков. Так, именно Пик завербовал в 1935 году капитана Джона Герберта Кинга, служащего в английском МИД шифровальщиком.

В конце 1929 года Рейсс вернулся в Москву и некоторое время работал начальником архивного отдела Разведупра, а также преподавал в Военной школе для польских коммунистов. А в 1931 году, как один из наиболее профессиональных разведчиков, Рейсс в числе большой группы сотрудников Разведупра переходит на работу в ИНО ОГПУ. Вместе с ним переходит в ОГПУ и его друг Кривицкий. Это скорее всего

было связано не с общим усилением роли ОГПУ в системе советской разведки, а с тем, что в органах госбезопасности постоянно испытывался недостаток высококвалифицированных кадров.

В том же 1931 году Рейсс выехал в свою последнюю заграничную командировку по паспорту гражданина Чехословакии Германа Эберхарда, коммерсанта. Сначала он устроился в Берлине, а после прихода к власти Гитлера перебрался в Париж, где вместе с другими нелегалами (Б. Базаровым, Ф. Парпаровым, В. Зарубиным, Т. Малли) занимался сбором сведений о планах фашистской Германии. Его информаторы находились в Генштабе, спецслужбах и Имперской канцелярии Третьего Рейха, в Швейцарии в Лиге наций. Назовем только некоторых из них.

Мориц Бардах, журналист, как и Рейсс выходец из польско-украинского пограничья, обладал важнейшими источниками информации в фашистской Германии. В целях безопасности Бардах часто передавал добытые сведения не самому Рейссу, а его связнику, сотруднику советского торгпредства в Париже Арнольду Грозовскому, от которого в свою очередь получал задания. Позднее Бардах дал по данному поводу следующие показания:

«...он (Грозовский — авт.) сказал, что желает получить сведения о внутренней политике немецких национал-социалистов и информацию о политике по отношению к СССР. С другой стороны, он также хотел бы узнать о состоянии сотрудничества русских белых и украинских националистов с немецкими национал-социалистами»²⁷.

Кстати, для выполнения последнего задания Бардах выезжал в Женеву, где встречался с председателем «Украинского клуба» Евгением Бацинским, хорошим знакомым лидера ОУН полковника Евгена Коновальца, которого ликвидировали в 1938 году.

С помощью Бардаха Рейсс завербовал Александра Севрюка, украинского социалиста в эмиграции, работавшего в министерстве авиации в Берлине и имевшего доступ к секретной информации. Рейсс регулярно встречался с Севрюком

в Швейцарии и получал от него материалы, касающиеся развития люфтваффе.

Еще одним агентом Рейсса была коренная швейцарка Хеллен Хессе-Гуггенбюль, убежденная антифашистка и свой человек в берлинской богеме, завербованная в 1934 году. Рейсс использовал ее в качестве «почтового ящика» — именно она получала почту от его информаторов в Швейцарии и передавала ее Рейссу в Париж.

В конце 1936 года Рейсс получил сведения о начале переговоров между торговым представителем СССР в Германии Д. Канделаки и имперским советником по экономике Я. Шахтом, инициатором которых был И. Сталин. А в январе 1937 года к нему поступила информация о том, что на переговорах вырабатывается проект советско-германского соглашения. Не было для него секретом и то, что в Москве идут аресты старых большевиков и членов зарубежных компартий, что новое руководство НКВД во главе с Н. Ежовым перетряхивает кадры старого ОГПУ, что началась «чистка» зарубежных резидентур. Под различными предлогами резиденты и наиболее информированные сотрудники отзывались в СССР и бесследно исчезали.

Самому Рейссу так же неоднократно предлагали прибыть в Москву для назначения резидентом в США. Поэтому, когда в феврале 1937 года из СССР вернулась его жена Элизабет, которая привезла предостережения друзей — ни в коем случае не возвращаться в Москву, Рейсс решил, что его разрыв со сталинским режимом неизбежен. В мае 1937 года, после возвращения из СССР Кривицкого, отозванного туда в начале года, Рейсс принял окончательное решение. 17 июля 1937 года через жену своего связного Лидию Грозовскую он передал пакет для отправки в СССР. В пакете находилось удостоверение члена Польской коммунистической партии, орден Красного Знамени и письмо в ЦК ВКП(б) следующего содержания:

«Это письмо, которое я пишу вам сейчас, я должен был бы написать гораздо раньше, в тот день, когда “шестнадцать” (имеются в виду осужденные по процессу Зиновьева-Каме-

нева в августе 1936 г. — авт.) были расстреляны в подвалах Лубянки по приказу “отца народов”.

Тогда я промолчал. Я также не поднял голоса в знак протеста во время последующих убийств, и это молчание возлагает на меня тяжкую ответственность. Моя вина велика, но я постараюсь исправить ее, исправить тем, что облегчу совесть.

До сих пор я шел вместе с вами. Больше я не сделаю ни одного шага рядом. Наши дороги расходятся! Тот, кто сегодня молчит, становится сообщником Сталина и предает дело рабочего класса и социализма!

Я сражаюсь за социализм с двадцатилетнего возраста. Сейчас, находясь на пороге сорока, я не желаю больше жить милостями таких, как Ежов. За моей спиной шестнадцать лет подпольной деятельности.

Это немало, но у меня еще достаточно сил, чтобы все начать сначала. Потому что придется именно “все начать сначала”, спасти социализм. Борьба завязалась уже давно. Я хочу занять в ней свое место.

Шумиха, поднятая вокруг летчиков над Северным полюсом, направлена на заглушение криков и стонов пытаемых жертв на Лубянке, Свободной, в Минске, Киеве, Ленинграде, Тифлисе. Эти усилия тщетны. Слово правды сильнее, чем шум самых мощных моторов.

Да, рекордсмены авиации затронут сердца старых американских леди и молодежи обоих континентов, опьяненной спортом, это гораздо легче, чем завоевать симпатии общественного мнения и взволновать сознание мира! Но пусть на этот счет не обманываются: правда проложит себе дорогу, день правды ближе, гораздо ближе, чем думают господа из Кремля. Близок день, когда интернациональный социализм осудит преступления, совершенные за последние десять лет. Ничто не будет забыто, ничто не будет прощено. История сурова: “гениальный вождь, отец народов, солнце социализма” ответит за свои поступки: поражение китайской революции, красный плебисцит, поражение немецкого пролетариата, социал-фашизм и Народный фронт, откровения с

мистером Говардом, нежное заигрывание с Лавалем; одно гениальнее другого!

Этот процесс будет открытым для публики, со свидетелями, со множеством свидетелей, живых или мертвых: они все еще раз будут говорить, но на этот раз скажут правду, всю правду. Они все предстанут перед судом, эти невинно убиенные и оклеветанные, и рабочее интернациональное движение реабилитирует их всех, этих Каменевых и Мрачковских, этих Смирновых и Мураловых, этих Дробнис и Серебряковых, этих Мдивани и Окуджав Раковских и Андерсов Нин, всех этих шпионов и провокаторов, агентов гестапо и саботажников!

Чтобы Советский Союз и все рабочее интернациональное движение не пали окончательно под ударами открытой контрреволюции и фашизма, рабочее движение должно избавиться от Сталиных и сталинизма.

Эта смесь худшего из оппортунистических движений — оппортунизма без принципов, крови и лжи — угрожает отравить весь мир и уничтожить остатки рабочего движения.

Беспощадную борьбу сталинизму!

Нет — Народному фронту, да — классовой борьбе! нет — комитетам, да — вмешательству пролетариата, чтобы спасти испанскую революцию. Такие задачи стоят на повестке дня!

Долой ложь “социализма в отдельно взятой стране”! Вернемся к интернационализму Ленина!

Ни II, ни III Интернационалы не способны выполнить эту историческую миссию: раздробленные и коррумпированные, они могут лишь помешать рабочему классу, они лишь помощники буржуазной полиции.

Ирония судьбы: когда-то буржуазия выдвигала из своих рядов Кавеньяков и Галифе, Треповых и Врангелей. Сегодня именно под “славным” руководством обоих Интернационалов пролетарии сами играют роль палачей собственных товарищей. Буржуазия может спокойно заниматься своими делами; повсюду царят “спокойствие и порядок”; есть еще Носке и Ежовы, Негрены и Диасы. Сталин их вождь, Фейхтвангер их Гомер!

Нет, я не могу больше. Я снова возвращаюсь к свободе. Я возвращаюсь к Ленину, к его учению и его деятельности.

Я собираюсь посвятить мои скромные силы делу Ленина: я хочу сражаться, потому что наша победа — победа пролетарской революции — освободит человечество от капитализма, а Советский Союз от сталинизма.

Вперед, к новым битвам за социализм и пролетарскую революцию!

За создание IV Интернационала!

Людвиг. 17 июля 1937 года.

PS. В 1928 году я был награжден орденом Красного Знамени за заслуги перед пролетарской революцией. Я возвращаю вам этот прилагаемый к письму орден. Было бы противно моему достоинству носить его в то время, как его носят палачи лучших представителей русского рабочего класса. (“Известия” опубликовали в последние две недели списки недавно награжденных, о заслугах которых стыдливо умолчали: это были исполнители казней.)»²⁸.

Отсылая пакет, Рейсс считал, что его не вскроют до самой Москвы и у него будет время установить рабочие отношения с проживающим в Париже сыном Троцкого Львом Седовым. Но письмо прочитали еще в Париже, и вскоре во Францию прибыл заместитель начальника ИНО Сергей Шпигельглаз, которому было поручено выследить Рейсса и организовать его захват или ликвидацию. Согласно указанию Ежова, операцию должен был провести нелегальный резидент в Лондоне Теодор Малли, который был другом Рейсса. Шпигельглаз встретился с Малли в Париже и передал ему приказ Центра, предложив на выбор два плана, разработанные на Лубянке. Согласно первому Малли должен был нанести Рейссу смертельный удар утюгом по голове в его гостиничном номере. По второму предполагалось отравить его в кафе и сфотографировать упавшим на пол. Однако Малли раскритиковал предложения Центра как непрофессиональные, высмеял Шпигельглаза и категорически отказался принимать участие в убийстве Рейсса.

В результате для выполнения задания Шпигельглаз был вынужден задействовать агентурную сеть ИНО в Западной Европе. Но и очередная попытка захватить или ликвидировать Рейсса сорвалась. В Париж из Голландии был вызван нелегал В. Кривицкий, с которым Шпигельглаз встретился на выставке в Венсенне, где и показал ему письмо Рейсса. Но Кривицкий, ничем не выдав себя, сумел предупредить своего друга о грозившей опасности, и Рейсс скрылся в Швейцарии, прихватив с собой выделенные ему для оперативных нужд деньги. Тогда Шпигельглаз подключил к поискам Рейсса агентов нелегальной резидентуры Я. Серебрянского, в том числе и тех, кто действовал во Франции под прикрытием эмигрантской организации «Союз возвращения на Родину». Поисками Рейсса занимались Сергей Эфрон (муж Марины Цветаевой), Николай Клепинин, Вадим Кондратьев, Вера Гучкова-Трейл, Рената Штайнер и некоторые другие. Выследил же Рейсса Роллан Аббиа (он же Франсуа Росси), псевдоним «Летчик», о котором стоит рассказать чуть подробнее.

Он родился в 1905 году в Санкт-Петербурге в семье французского учителя музыки, и в 1912 году вместе с родителями выехал во Францию. После окончания школы Аббиа некоторое время работал по найму сельхозработчим в графстве Ланкастер (Англия), а затем перебрался в Монте-Карло, где с 1922 по 1924 год работал посыльным и официантом в гостинице «Эрмитаж». Поскольку он не имел специальности, то в дальнейшем был вынужден постоянно менять места работы. В 1924 году он — бухгалтер гостиницы «Париж» в Монте-Карло, с 1925 года — кассир в гостинице «Метрополь» в Марселе, в 1926 году — официант в отеле «Уолдорф Астория» в Нью-Йорке. Оказавшись в том же году безработным, Аббиа в 1929 году вернулся во Францию и устроился администратором в гостиницу «Альгамбра» в Ницце. Там в 1932 году он встретился со своей родной сестрой Мирей, которую не видел с момента отъезда из России.

Мирей Аббиа в отличие от брата в 1912 году не поехала во Францию, а осталась в Санкт-Петербурге, где вышла замуж

за летчика Василия Ермолова. В 1931 году, когда она гостила у родителей, ее завербовали сотрудники ОГПУ. В дальнейшем она проходила под псевдонимом «Авиаторша» и работала в составе резидентуры Я. Серебрянского. А в 1932 году, встретившись в Ницце с братом, она привлекла и его к работе на советскую разведку.

После установления местонахождения Рейсса операция вступила в заключительную фазу. Было решено заманить его в ловушку и ликвидировать, для чего в операцию была введена Гертруда Шильдбах, немецкая еврейка и член КПГ, в 1933 году вынужденная бежать из Германии во Францию, где ее завербовал Рейсс. В декабре 1934 года, получив оперативный псевдоним «Ли», она по рекомендации Рейсса была направлена в Рим в нелегальную резидентуру ИНО НКВД под руководством М. Аксельрода в качестве хозяйки явочной квартиры и фотографа. Но после предательства Рейсса Аксельрод был срочно отозван в Москву, а Шильдбах выехала в Швейцарию, где должна была встретиться с Рейссом. Перед этим она написала ему слезное письмо, в котором сообщала, что ей срочно нужен его совет и просила приехать в Лозанну. Туда же прибыли и будущие убийцы Рейсса Роллан Аббаи и Борис Афанасьев, выступающий под именем Шарль Мартиньи.

Борис Маноилович Афанасьев (Атанасов) родился 15 июля 1902 года в болгарском городе Лом с семье писаря. После смерти отца он в 14 лет начал работать сначала на кирпичном заводе, а потом на виноградных плантациях. В 1922 году он вступил компартию Болгарии и тогда же выехал в СССР, где поступил в Академию коммунистического воспитания и в 1923 году перевелся в РКП(б). В 1926 году Афанасьева направляют на работу в Краснопресненский райком партии, а на следующий год он переводится в Коммунистический университет им. Свердлова, заканчивает там аспирантуру и преподает историю партии. В 1932 году на Афанасьева обращают внимание кадровики ИНО ОГПУ, и уже в том же году он в качестве нелегала выехал в Вену, а в 1936 году — в Париж, где вошел в состав резидентуры Серебрянского.

Шильдбах встретила с Рейссом и его женой Элизабет в небольшом кафе в Лозанне 4 сентября 1937 года. По воспоминаниям Элизабет она была смертельно бледна и взвинчена, что впрочем, неудивительно, поскольку рядом за столиком сидели Абба и Рената Штайнер, разыгрывающие влюбленную парочку. И все же Шильдбах нашла в себе силы не до конца следовать инструкциям Шпигельглаза и не передала Элизабет коробку шоколадных конфет, отравленных стрихнином, которую позднее обнаружила швейцарская полиция. Впрочем, после того, как Элизабет ушла, Шильдбах сумела заманить Рейсса на тихую дорогу, ведущую из Лозанны на Шамбланд, где его в упор расстреляли Абба и Афанасьев. В последний момент Рейсс, вероятно, понял, что его заманивают в ловушку. Когда полиция нашла его тело, в кулаке у него был зажат клочок седых волос Шильдбах. Несколько иную версию случившемуся дает знаменитый П. Судоплатов:

«Рейсс вел довольно беспорядочный образ жизни, и агентурная сеть Шпигельглаза в Париже весьма скоро его засекала. Ликвидация была выполнена двумя агентами: болгарин (нашим нелегалом) Борисом Афанасьевым и его зятем Виктором Правдиным. Они обнаружили его в Швейцарии и подвели к нему за столик в маленьком ресторанчике в пригороде Лозанны. Рейсс с удовольствием выпивал с двумя болгарскими, прикинувшимися бизнесменами. Афанасьев и Правдин имитировали ссору с Рейссом, вытолкнув его из ресторана и запихнув в машину, увезли. В трех милях от этого места они расстреляли Рейсса, оставив труп лежать на обочине дороги.

Я принял Афанасьева и Правдина на явочной квартире в Москве, куда они вернулись после выполнения задания. Вместе с ними был и Шпигельглаз, который их курировал. И Афанасьев, и Правдин были награждены орденами Красного Знамени. По специальному правительственному постановлению мать Правдина, проживающая в Париже, получила пенсию»²⁹.

Здесь необходимо внести некоторые уточнения. Прежде всего пьяную ссору между Рейссом и «болгарскими бизнесменами» необходимо оставить на совести Судоплатова. Что

же касается Правдина, то это Роллан Аббиа. Выехав сразу же после убийства Рейсса вместе с Афанасьевым в СССР, он принял советское гражданство, получил паспорт на имя Владимира Сергеевича Правдина и стал работать выпускающим отдела информации для заграницы ТАСС. С 1941 по 1946 год Правдин в качестве оперработника ИНО под прикрытием должности корреспондента ТАСС работал в Нью-Йорке, причем с 1944 года был заместителем резидента, а с марта 1945 года — и.о. резидента. В 1948 году он вышел на пенсию и работал главным редактором издательства «Иностранная литература». В мае-июне 1953 года он — сотрудник 9-го отдела МВД СССР, после чего был окончательно уволен из органов госбезопасности. Умер Аббиа-Правдин в 1970 году.

В Лозанне после обнаружения трупа Рейсса швейцарская полиция начала расследование по факту убийства. Сотрудники полиции не приняли во внимание подброшенное НКВД анонимное письмо, в котором сообщалось, что убитый занимался международной контрабандой оружия. Была немедленно арестована и допрошена Рената Штайнер, которую в спешке оставили на произвол судьбы. После ее допроса были установлены личности террористов и определены мотивы преступления — политическое убийство. К делу подключилась французская криминальная полиция и расследование приняло другой оборот.

22 ноября 1937 года комиссар криминальной полиции дирекции национальной безопасности Папэн Робэр произвел обыск в доме № 65 по улице Потэн в Париже, где проживали бывший белый офицер Сергей Эфрон и его жена Марина Цветаева, великая русская поэтесса. Документы, изъятые при обыске, неоспоримо свидетельствовали, что хозяин квартиры сотрудничал со спецслужбами СССР. Были так же получены неопровержимые доказательства против эмигранта Вадима Кондратьева, работавшего разносчиком хлеба, таксистом, помощником наборщика и неожиданно разбогатевшего. По представлению официальных швейцарских органов в Париже арестовали Лидию Грозовскую, сотрудницу советского посольства во Франции, передавшую

последнее письмо Рейсса. Тогда же был арестован и некий Пьер Дюломе, который вместе со Штайнер вел слежку за Рейссом. Он провел двенадцать месяцев в предварительном заключении за «добровольное соучастие в ассоциации преступников». Итогом работы следствия был разгром «Союза за возвращение на Родину». Более того, была разгромлена практически агентурная сеть Рейсса и арестованы Мориц Бардах и Хеллен Хессе-Гуттенбюль, давшие подробные показания о своих связях с советской разведкой.

Между тем в Москве 10 ноября 1937 года начальник ИНО ГУГБ НКВД А. Слуцкий представил наркому Н. Ежову рапорт с ходатайством о награждении сотрудников разведки, успешно выполнивших задание по делу «Раймонда» (И. Рейсса) и «Деда» (главы РОВС генерала Е. Миллера).

Предполагалось наградить: орденом Ленина Шпигельглаза С.М., орденом Красного Знамени Правдина В.С., Григорьева М.В., Косенко Г.Н., Гражуля В.С., Афанасьева Б.М., Долгорукова А.Л. и орденом Красной Звезды Арсеньеву М.С. Ежов собственноручно вписал в проект указа фамилии П. Судоплатова и В. Зарубина с предложением наградить их орденом Красного Знамени, и 13 ноября 1937 года вышел указ ЦИК СССР (без публикации в печати) о награждении чекистов «За самоотверженное и успешное выполнение специальных заданий Правительства СССР».

Что же касается остальных участников убийства Рейсса, то их судьба сложилась по-разному. За арестованную Л. Грозовскую был внесен денежный залог, после чего она немедленно выехала в СССР. С. Эфрон, Н. Клепинин и В. Кондратьев бежали в Испанию, откуда их вывезли в СССР. Вскоре после прибытия в Москву Кондратьев умер от туберкулеза, а Эфрон и Клепинин арестованы как шпионы и расстреляны. В Москве оказалась и Г. Шильдбах, которую в декабре 1938 года также арестовали и сослали на пять лет в Казахстан. Афанасьев еще долгое время продолжал работать в разведке, а вот Шпигельглаз в ноябре 1938 года был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Германии и в январе 1940 года расстрелян.

В заключение необходимо сказать, что до сих пор многие считают — самая главная загадка в деле Рейсса состоит в том, почему именно от него так быстро поспешили избавиться. Ведь, например, В. Кривицкий, бежавший вслед за ним, долгое время активно сотрудничал не только с Седовым, но и с британской разведкой. Однако до него руки дошли только в 1941 году. И потом, если в ходе ликвидации неугодного лица вскрывался след НКВД, операция считалась проваленной, а тут за проваленную операцию, вызвавшую шумную антисоветскую кампанию в прессе и приведшую к арестам целого ряда агентов, были розданы ордена. По мнению историка-архивиста Никиты Петрова, столь поспешное убийство Рейсса связано с тем, что он знал о тайных переговорах бывшего секретаря ЦИК СССР А. Енукидзе с немцами: в 1929 году с министром иностранных дел Штреземаном, в 1932 году — с военным министром Шляйхером и, наконец, в 1934 году — с заместителем Гитлера по партии Гессом. Если верить дневниковым записям М. Литвинова, изданным на Западе в 1950-е годы, Сталин как-то на заседании Политбюро спросил Литвинова, знают ли иностранцы о тайных переговорах с немцами. Он настаивал, что необходимо предотвратить любую утечку информации. Узнав, что материалы о переговорах были у Рейсса, Сталин кричал на Ежова: «Убейте его или я убью того, кто не выполняет мои приказы». Разумеется, утверждает Н. Петров, выжить после этого Рейсс не мог³⁰.

В 1990 году история Рейсса получила неожиданное продолжение. С запросом о реабилитации Рейсса (Порецкого) в Комиссию по реабилитации Генеральной прокуратуры СССР обратился швейцарский историк Питер Хубер. Он поднял вопрос о восстановлении честного имени Рейсса (Порецкого) в судебном порядке. Представители Генеральной прокуратуры ответили на этот запрос год спустя. В официальном документе говорилось, что Порецкий Игнатий Станиславович (Игнац Рейсс), рожденный в 1899 году, находился в служебной командировке за границей. В 1937 году, после присвоения крупной денежной суммы и похищения

строго секретных документов, он вернуться в СССР отказался. Юридически уголовное дело против него не возбуждалось, поэтому нет оснований ставить вопрос о его реабилитации в судебном порядке.

Возвращаясь к разговору о судьбе других советских невозвращенцев этого периода, следует заметить, что против нелегального резидента ИНО в Швейцарии М. Штейнберга не было предпринято никаких действий. О судьбе В. Кривицкого будет рассказано далее. А история с бывшим советским поверенным в делах в Греции А.Г. Барминым развивалась следующим образом: по рассказу самого Бармина, была предпринята попытка его похищения, закончившаяся неудачей, а дальнейших действий против бывшего дипломата не последовало.

Александр Григорьевич Бармин (настоящая фамилия Графф) родился в 1899 году в деревне Валяве Городищенской волости Черкасского уезда Киевской губернии в семье учителя немецкого происхождения и украинской крестьянки. Он учился в киевской гимназии, с 1917 года участвовал в молодежных кружках социалистической направленности, во время австро-немецкой оккупации Украины в 1918 году несколько раз арестовывался немецкими властями, затем воевал в партизанском отряде и в регулярных частях Красной Армии, был комиссаром батальона и полка, командиром роты на Украинском и Западном фронтах, в 1919 году вступил в большевистскую партию. С 1920 года он учился в Военной академии РККА, восточный факультет которой окончил в 1923 году. Во время учебы откомандировывался в Бухару, где работал по военной и дипломатической линии, и в Ригу, столицу буржуазной Латвии, в качестве второго секретаря полпредства. После окончания академии служил в военной разведке, работая под дипломатическим прикрытием в Персии.

В 1925 году по болезни Бармин переходит на работу во Всесоюзное объединение «Международная книга», а с 1929 года вновь работает за границей в торгпредствах СССР во Франции (где он был одновременно секретарем парторга-

низации советских дипломатических и торговых представительств), Италии и Бельгии. С 1932 года он работал в Москве во Всесоюзных объединениях «Станкоимпорт» и «Автомоторэкспорт», а с 1935 года вновь за границей, уже на дипломатической работе в Греции — первый секретарь полпредства, генеральный консул в Афинах, и с начала 1937 года становится поверенным в делах. В июле того же года, после вызова в Москву, Бармин посылает в Наркоминдел заявление об отставке и выезжает в Париж, где, по его позднейшим воспоминаниям, за ним была установлена демонстративная слежка. Осенью 1937 года на прогулке в парке Сен-Клу под Парижем Бармина, по его словам, пытались ликвидировать (или похитить) «крупный блондин славянского типа» и «худощавый француз», но бывший разведчик решительно направился в сторону француза, который замешкался и дал Бармину возможность уйти. В уже упоминавшейся книге Э. Ставинского «Зарубины. Семейная резидентура» данный эпизод также описывается, в частности, указывается, что непосредственными исполнителями предполагавшегося похищения Бармина были нелегал ИНО в США С. Басов и француз «Марсель», воевавший ранее в интербригаде в Испании, руководителем операции был опытный чекист-нелегал В.М. Зарубин, под общим руководством приехавшего в Париж заместителя начальника ИНО С.М. Шпигельглаза.

Как бы то ни было, дальнейших попыток ликвидации Бармина не предпринималось. Сам же Бармин в декабре того же года заявил в парижской печати о своем разрыве с советским режимом. Работая в Париже в компании «Эйр Франс», Бармин некоторое время был близок к троцкистам, но в дальнейшем, после переезда в США в 1939 году, стал ярким антикоммунистом, работал в УСС (Управление стратегических служб, на базе которого в 1947 году было образовано ЦРУ), руководил русским отделом радиостанции «Голос Америки» и был старшим советником Информационного агентства США (ЮСИА). Бывший советский разведчик и дипломат (заместитель начальника Разведупра А.Х. Артузов в докладной записке Сталину в 1935 году называл его в числе семи

лучших военных разведчиков, перешедших в другие ведомства) умер в 1987 году, удостоившись за свою службу Соединенным Штатам высших знаков отличия ЮСИА и некролога в «Вашингтон пост»³¹.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ № 110

В 1937 году в разгар сталинских чисток, уничтоживших всю оппозицию в СССР, советским руководством было принято решение окончательно разобраться с наиболее крупной белоэмигрантской организацией — РОВС. В Кремле посчитали, что в связи с усилением фашистской Германии и возможной войной с ней, было бы желательно взять РОВС под полный контроль. Эту задачу можно было считать решенной, если бы председателем РОВС стал давний агент ОГПУ—НКВД генерал Н. Скоблин. Но на пути Скоблина стоял генерал Миллер, возглавивший РОВС после похищения генерала Кутепова.

Профессиональный военный, Евгений Карлович Миллер родился 29 сентября 1867 года в Двинске. В 1884 году он окончил Николаевский кадетский корпус, а в 1886 году — Николаевское кавалерийское училище, после чего начал военную службу в лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку. В 1892 году Миллер окончил по первому разряду Николаевскую академию Генерального штаба, в 1898-1907 годах был военным атташе в Бельгии, Голландии и Италии, затем начальником своего родного Николаевского кавалерийского училища, а с началом Первой мировой войны возглавил штаб 5-й армии. В 1915 году Миллер был произведен в генерал-лейтенанты, а в январе 1917 года назначен командиром 26-го армейского корпуса. В августе того же года он был направлен в Италию представителем Ставки Верховного Главнокомандующего при итальянской Главной Квартире.

Здесь его и застал Октябрь 1917 года. Миллер не признал новую власть и был заочно осужден судом революционного трибунала, после чего в январе 1919 года прибыл в оккупиро-

рованный англичанами Архангельск, где был назначен военным губернатором Северной области и министром иностранных дел в правительстве Н. Чайковского. В августе 1919 года, после ухода англичан с русского Севера, Миллер возглавил войска Северного правительства, отклонив предложение союзников эвакуировать армию вместе с ними. Но уже в феврале 1920 года его части были разбиты, а их остатки на ледоколе «Козьма Минин» и яхте «Ярославна» ушли в изгнание.

Оказавшись в эмиграции, Миллер продолжил антисоветскую деятельность. С июля 1920 году он был уполномоченным генерала Врангеля по военным и морским делам в Париже, а в апреле 1922 года назначен начальником его штаба. В июне 1923 года Миллер перешел в распоряжение великого князя Николая Николаевича и отвечал за деньги, которые передал великому князю Врангель. В РОВС Миллер вернулся в 1929 году, когда новый председатель Союза генерал Кутепов назначил его своим первым заместителем. А после исчезновения Кутепова 26 января 1930 года он стал очередным председателем РОВС.

Приняв дела, Миллер был вынужден констатировать, что похищение Кутепова нанесло РОВС сильный удар. От Боевой организации не осталось почти ничего, так как основная часть боевиков погибла в вылазках на территорию СССР, а оставшиеся были деморализованы разоблачением «Треста» и похищением Кутепова. Единственной действующей боевой единицей была группа боевиков в Чехословакии, которую возглавлял генерал-майор В. Харжевский, тесно сотрудничавший со 2-м отделом польского генштаба. Однако и там не все обстояло благополучно, из-за чего начальник русской секции 2-го отдела полковник Р. Врага несколько раз беседовал с Миллером, указывая на недостатки в работе Харжевского.

Понимая, что неудачи Кутепова были связаны с отсутствием у него опыта конспиративной работы, Миллер первым делом организовал при РОВС в октябре 1930 года небольшой контрразведывательный отдел. Его начальником

стал генерал-майор К. Глобачев, в свое время окончивший Николаевскую академию Генерального штаба по второму разряду и в период Первой мировой войны занимавший посты начальника Охранного отделения в Варшаве и Петрограде. Что же касается тайной деятельности на территории СССР, то Миллер, продолжая генеральную линию Кутепова, перенес основные усилия на создание хорошо законспирированных подпольных ячеек, которые в нужный момент могли бы возглавить вооруженное восстание. Секретную (особую) работу против СССР по предложению Миллера возглавил генерал от кавалерии А.М. Драгомиров, официально занимающий должность генерала для поручений. Специальные курсы по подготовке агентов для заброски в СССР, на которых боевиков обучали стрельбе, изготовлению взрывчатых веществ и т.д., действовали в Париже, Софии и Праге.

В 1934 году при РОВС была создана организация «Белая идея», задачей которой была нелегальная заброска на территорию СССР террористических и разведывательных групп через Финляндию (ранее, в 1931 году в СССР были заброшены бывшие офицеры Потто и Потехин, арестованные чекистами благодаря сведениям, полученным парижской резидентурой ИНО ОГПУ, и хорошей работе контрразведки). Руководил организацией капитан Ларионов, который лично отобрал первые 20 человек, прошедших спецподготовку для успешной работы в Советском Союзе. В том же году первые два боевика, Прилуцкий и Носанов, были заброшены в СССР. Однако под Ленинградом их обнаружили и только чудом им удалось вырваться в Финляндию. Но еще двое, Дмитриев и Богданович, в том же году не вернулись из СССР, так как были обезврежены чекистами. Этим активная деятельность организации Ларионова, которого позднее сменил Носанов, и ограничилась, хотя, например, подполковник Николай Зуев до 1938 года четырежды побывал на советской территории и каждый раз благополучно возвращался обратно.

Впрочем, разведывательные возможности Миллера были действительно невелики. И прежде всего из-за ограничен-

ных финансовых ресурсов. Дело в том, что основные денежные средства РОВС по совету брата Миллера Карла, бывшего торгового агента в Токио, были вложены в предприятия шведского спичечного короля Ивара Крейгера, считавшегося весьма солидным финансистом. Но на самом деле Крейгер оказался обыкновенным аферистом и строителем финансовых «пирамид», таким Мавроди начала XX века. И в 1932 году его империя лопнула, а сам он 12 марта застрелился в спальне своей роскошной квартиры на улице Виктора-Эммануила Третьего в Париже. В результате РОВС оказался разоренным — его потери составили 7 миллионов франков.

Кроме того, спецслужбы европейских государств после разоблачения «Треста» и похищения Кутепова скептически относились к возможностям РОВС и всячески уклонялись от контактов с ним. По этим причинам, как уже говорилось, Миллер был вынужден ограничиться только разведывательной деятельностью, да и то в незначительных размерах.

Другим важным обстоятельством было то, что Миллер в отличие от своих предшественников Врангеля и Кутепова был мало известен и не пользовался популярностью и авторитетом у белой эмиграции, а кроме того, у него не было ясной политической программы. Из-за этого в рядах РОВС со временем стали возникать склоки и противоречия.

Все это вместе взятое значительно ослабило Союз, но несмотря на испытываемые трудности, он продолжал оставаться крупнейшей эмигрантской организацией, потенциально опасной для Москвы, особенно в случае военных конфликтов с западными странами. Поэтому РОВС и его председатель по-прежнему находились под пристальным вниманием советских спецслужб, которые настойчиво внедряли в его ряды свою агентуру. Одним из наиболее важных агентов был генерал-майор Николай Скоблин.

Николай Владимирович Скоблин родился 9 июня 1893 года в городе Нежине в семье отставного полковника. Выбрав военную карьеру, он в 1914 году окончил Чугуевское военное училище и был в чине прапорщика направлен на фронт в 126-й Рыльский пехотный полк. Воевал он отважно, и за

храбрость и боевые заслуги был награжден орденом св. Георгия и золотым Георгиевским оружием. Летом 1917 года штабс-капитан Скоблин одним из первых вступил в 1-й Ударный (позднее Корниловский ударный) отряд 8-й армии, где командовал вторым батальоном, а когда началась Гражданская война, он встал на сторону белых.

«В Добровольческой армии с самого начала, — говорится о нем в «Биографическом справочнике высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России». — В конце 1917 г. — в Корниловском ударном полку под командою полковника Неженцева. Командир роты, командир батальона. В ноябре 1918 г. — полковник и командир Корниловского полка. В Русской армии генерала Врангеля — начальник Корниловской дивизии; в ней же был произведен в генерал-майоры. В Галлиполийском лагере командир Корниловского полка, сформированного из остатков дивизии»³².

Там же в Галлиполи в июне 1921 года Скоблин женился на известной русской певице Надежде Плевицкой, которая и в Европе пользовалась громадной популярностью среди русских эмигрантов. Вместе с сопровождавшим ее Скоблиным она давала концерты сначала в Болгарии, а потом в Прибалтике и Польше, а также в Берлине, Брюсселе, Праге, Париже и других городах Европы. В 1926 году Плевицкая совершила турне по Америке и в октябре дала в Нью-Йорке серию концертов, на которые пригласила служащих советских внешнеторговых учреждений. Это обстоятельство вызвало изумление и смущение в рядах эмиграции, а в газете «Новое Русское Слово» появилась статья под названием «Глупость или измена?». В ответ на нападки Плевицкая отвечала: «Я артистка и пою для всех. Я вне политики», что не могло понравиться лидерам эмиграции. В результате возмущенный случившимся Врангель под давлением общественного мнения отдал 9 февраля 1927 года приказ об освобождении генерала Скоблина от командования корниловцами. Впрочем, опала Скоблина была недолгой. И в том же 1927 году ближайший помощник Врангеля генерал Шатилов, пытаясь

укрепить влияние председателя РОВС среди ветеранов Белой армии, убедил его вернуть Скоблина в Корниловский полк. Такова была ситуация, когда в начале сентября 1930 года Скоблин встретился со своим бывшим подчиненным штабс-капитаном Ковальским.

Сын железнодорожника, Петр Григорьевич Ковальский в 1914 году поступил в Одесское военное училище. В мае 1915 года он был выпущен из училища в чине прапорщика, а уже в июне 1915 года был направлен на фронт.

Воевал Ковальский храбро, был трижды ранен, но всякий раз возвращался в строй. В октябре 1916 года он был уже штабс-капитаном и имел восемь боевых наград. После Февральской революции 26-летний Ковальский вступил в 1-й Ударный отряд 8-й армии, где и познакомился со Скоблиным. В Гражданскую войну он воевал в рядах Добровольческой армии, а после поражения Белого движения оказался в Польше, где был интернирован. Освободившись из лагеря, он поселился в Лодзи, работал сначала ночным сторожем, а потом техником в строительной конторе. В 1921 году Ковальский пришел в советское полпредство в Варшаве и сказал, что хотел бы вернуться на родину.

Так он начал работать на советскую разведку под псевдонимом «Сильвестров».

В 1924 году Ковальский вернулся в СССР и поступил в распоряжение ИНО ГПУ Украины. А весной 1930 года он был передан в центральный аппарат ИНО ОГПУ и как агент «ЕЖ/10» направлен во Францию для вербовки генерала Скоблина. Основанием для такого решения послужило его старое знакомство со Скоблиным, о котором он писал:

«...Генерал Скоблин — познакомились в 1917 году при формировании Отдельного ударного отряда VIII армии. Скоблин был штабс-капитаном. Мы были большими приятелями. Почти год служили в одном полку — Отдельный ударный отряд, Корниловский ударный полк, Славянский ударный полк, Корниловский ударный полк. После ранения один раз гостил у него в Дебальцево, в другой раз кутили в Харькове в “Астраханке” в 1919 году...»³³

Ковальский приехал в Париж 2 сентября и сразу же направился к Скоблину, который явно обрадовался встрече со старым знакомым. Он представил его Плевацкой, благожелательно принявшей друга мужа, что дало Ковальскому возможность еще несколько раз бывать в их доме.

Итогом этих посещений стала вербовка Ковальским не только Скоблина, но и его жены. Что толкнуло Скоблина, в отличие от других эмигрантов не испытывающего нужды, на сотрудничество с советской разведкой, сказать трудно. Но как бы там ни было, он под диктовку Ковальского написал следующее заявление:

«ЦИК СССР

От Николая Владимировича Скоблина

Заявление

12 лет нахождения в активной борьбе против Советской власти показали мне печальную ошибочность моих убеждений.

Осознав эту крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР, прошу о персональной амнистии и даровании мне гражданства СССР.

Одновременно с сим даю обещание не выступать как активно, так и пассивно против Советской власти и ее органов. Всецело способствовать строительству Советского Союза и о всех действиях, направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам.

10 сентября 1930 г. Н. Скоблин»³⁴.

Данное заявление было переправлено в Москву и начальник ИНО А. Артузов наложил на нем следующую резолюцию:

«Заведите на Скоблина агентурное личное и рабочее дело под псевдонимом «Фермер — ЕЖ/13».

21 января 1931 года в Берлине состоялась встреча Скоблина и Плевацкой с представителем Центра. На ней агентам было объявлено, что ЦИК СССР персонально амнистировал их. После этого Скоблин написал обязательство о сотрудничестве с советской разведкой:

«Подписка

Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной Армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанных со мной представителей разведки Красной Армии безотносительно территории. За невыполнение данного мною настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР.

21/1 31. Берлин. Б. генерал Николай Владимирович Скоблин»³⁵.

Точно такое же обязательство написала и Плевицкая.

Новые агенты были переданы на связь легальной парижской резидентуре ИНО ОГПУ. Что до Ковальского, то он 20 января 1931 года попал под подозрение немецкой полиции и был немедленно отправлен в СССР. В дальнейшем его передали в распоряжение ГПУ Украины, а затем и вовсе перевели на гражданскую работу. Сначала он работал в Одессе, потом в Челябинске, а затем устроился в Ворошиловграде старшим бухгалтером в трест «Главхлеб». Там в 1937 году Ковальский был арестован и по обвинению в шпионаже расстрелян. Когда же в 1939 году сотрудники ИНО НКВД в связи с нехваткой опытных вербовщиков предприняли его поиски, то получили из УНКВД по Донецкой области следующую копию обвинительного заключения:

«Из дела-формуляра Ковальского видно, что Ковальский при использовании по линии Иностранного отдела имеет ряд фактов, подозрительных в проведении им разведывательной работы в пользу Польши.

В принадлежности к агентуре польской разведки Ковальский виновным себя не признал.

Ковальский Петр Георгиевич, согласно приказу наркома внутренних дел СССР — Генерального Комиссара Государственной Безопасности тов. Ежова — № 00495, осужден.

22 ноября 1937 года»³⁶.

Что же касается Скоблина, то он на протяжении семи лет активно работал на советскую разведку. Не вдаваясь в подробности его деятельности, сошлемся на статью «Конец

РОВС», помещенную в 3 томе «Очерков истории российской внешней разведки», в которой, в частности, говорится:

«По оценке ИНО ОГПУ, через год после вербовки Скоблин “стал одним из лучших источников... довольно четко информировал нас о взаимоотношениях в руководящей верхушке РОВС, сообщал подробности о поездках Миллера в другие страны”. Гастроли его жены давали возможность Скоблину осуществлять инспекторские проверки периферийных подразделений РОВС и обеспечивать советскую разведку оперативно значимой информацией. С помощью Скоблина были ликвидированы боевые кутеповские дружины, скомпрометирована идея генералов Шатилова и Туркула о создании в РОВС террористического ядра для использования его на территории СССР. В конечном счете Скоблин стал одним из ближайших помощников Миллера и его поверенным в делах центральной организации РОВС. Когда некоторые члены РОВС стали высказывать подозрения относительно сотрудничества Скоблина с советской разведкой, Миллер решительно выступил в его защиту»³⁷.

Другим важным агентом, освещавшим деятельность РОВС, был Сергей Николаевич Третьяков. Он родился 26 августа 1882 года в богатой и именитой московской купеческой семье. Его дед, Сергей Михайлович, был одно время московским городским головой, основал всемирно известную Третьяковскую галерею. Сам Сергей Николаевич был женат на Наталье Мамонтовой, представительнице богатейшего московского рода. Еще молодым, он после окончания Московского университета вошел в семейное торговое дело, на московской бирже занимал одно из первых мест, был основателем и первым председателем Всероссийского Объединения льняных фабрикантов. В общественной жизни Москвы он также играл видную роль и одно время даже являлся гласным городской думы. Во время Первой мировой войны Третьяков занимал пост заместителя председателя московского Военно-промышленного комитета, а после Февральской революции примкнул к кадетам и занял пост председателя Высшего Экономического совещания в пра-

вительстве А. Керенского. Арестованный после Октябрьского переворота, Третьяков несколько месяцев провел в тюрьме. Выйдя на свободу весной 1918 года, он выехал сначала в Москву, затем в Харьков, а оттуда — в Париж. Но когда Сибирское правительство адмирала Колчака в конце 1919 года предложило ему занять пост министра торговли и промышленности, он немедленно выехал в Омск. Впрочем, на этой должности и последующих — заместителя председателя правительства и министра иностранных дел — он пробыл недолго, всего 5 месяцев, и после поражения Колчака вернулся во Францию.

С этого момента для Третьякова началась тяжелая жизнь в эмиграции. Первое время он существовал довольно безбедно, но вскоре деньги кончились и настала острая нужда. Пришлось отказаться от роскошной квартиры и поселиться в крохотном номере дешевой гостиницы в Бийянкюре, около Порт де Сен-Клу. Сам он устроился на работу в журнал «Иллюстрированная Россия», а его жена стала торговать парфюмерией. На почве разочарований и постоянных ссор с женой он запил и даже однажды попытался покончить жизнь самоубийством, приняв большую дозу веронала. От смерти Третьякова спасла его дочь, вовремя вызвавшая скорую помощь. Именно в это время Третьяков встретился со своим старым знакомым, инженером Околозовым, когда-то работавшим в омском правительстве в министерстве торговли.

Околозов не скрывал своих контактов с большевиками, что подтолкнуло Третьякова к определенным размышлениям. Закончились они тем, что в 1929 году он стал агентом ИНО ОГПУ.

Первоначально поступающая от Третьякова информация не представляла особого интереса. Но с 1933 года, когда перед ним поставили задачу по «разработке» 1-го отдела РОВС (Франция и Бельгия), все изменилось. Получив от советской разведки деньги, Третьяков снял в доме № 29 на рю де Колизе, где размещался штаб РОВС, три квартиры. Две из них располагались на третьем этаже, причем одна как раз над помещением штаба РОВС. В третьей квартире на четвертом

этаже поселился он сам с семьей. После этого сотрудниками парижской резидентуры в штаб-квартире РОВС были установлены микрофоны, а аппаратура приема размещена в квартире Третьякова. И начиная с января 1934 года Третьяков регулярно вел записи всех разговоров руководителей РОВС. Когда же в конце 1934 года в связи с финансовыми трудностями председатель РОВС генерал Миллер стал подыскивать для штаба более дешевое помещение, Третьяков предложил ему одну из своих квартир на третьем этаже. Цена показалась Миллеру подходящей, и в декабре 1934 года штаб РОВС переехал на третий этаж. Благодаря этому операция «Информация наших дней» (так в ИНО ОГПУ проходили поступающие от Третьякова данные) благополучно продолжалась до 1940 года.

Сведения, получаемые благодаря Третьякову, были исключительно важными. Благодаря ему были выявлены каналы заброски боевиков РОВС на территорию СССР и их имена, установлен факт сотрудничества генерала Миллера с французскими и японскими спецслужбами и многое другое. В качестве примера можно привести следующее спецсообщение ИНО руководству НКВД, составленное на основе донесений Третьякова:

«ИНО Главного управления государственной безопасности получены сведения, что руководитель террористической работой РОВС в Румынии полк. Жолондовский заявляет, что НКВД... совершенно разгромил всю английскую разведку, ведущуюся из Румынии, и всю румынскую линию Жолондовского. По словам Жолондовского, нарушены все организации всех разведок. На Жолондовского произвело впечатление опубликование в советской печати настоящих фамилий двух расстрелянных террористов в Харькове... Жолондовский заявляет, что сейчас со стороны Румынии невозможна работа террористического характера, но в то же время он считает необходимым, чтобы РОВС снова провел террористический акт по какой-либо другой линии против т. Жданова или т. Постышева. Ген. Абрамов... и капитан Фосс... считают, что Жолондовский всех обманывал. Он тра-

тил получаемые от РОВС 5 тыс. франков на свои личные нужды, ведя неприличный образ жизни, и на взятки Мурузову (один из руководителей румынских спецслужб). По словам Абрамова и Фосса, все посылки людей в СССР Жолондовским производились на английские деньги, а счет представляли ген. Миллеру...»³⁸

Но, как уже говорилось, в 1937 году в Москве посчитали, что РОВС следует взять под полный контроль, поставив во главе его своего агента. Для этого было решено похитить генерала Миллера, после чего на пост председателя мог претендовать его ближайший соратник генерал Скоблин. За председателем РОВС было установлено постоянное наблюдение, которое поручили нелегальной резидентуре Я. Серебрянского. Одним из агентов Серебрянского, следившим за Миллером, была Мирей Аббиа («Авиаторша»), о которой уже говорилось выше. По указанию Серебрянского «Авиаторша» сняла квартиру рядом с квартирой Миллера, откуда вела наблюдение за председателем РОВС. Позднее она даже проникла в квартиру Миллера, украла некоторые документы, а также установила микрофон, который позволял прослушивать разговоры генерала.

Однако поскольку резидентура Серебрянского в это время готовила похищение сына Троцкого Льва Седова, операцию по изъятию Миллера было решено поручить другим людям. Поэтому в начале сентября 1937 года для организации похищения Миллера, проходившего в НКВД под псевдонимом «Дед», в Париж прибыл заместитель начальника ИНО ГУГБ НКВД Сергей Шпигельглаз. На месте ему помогали прибывший из Испании резидент ИНО в Мадриде Александр Орлов (Фельдбин, псевдоним «Швед») и резидент ИНО во Париже Станислав Глинский («Петр»), работавший во Франции под фамилией Смирнов. В похищении Миллера также участвовали Георгий Косенко (во Франции Кислов, псевдоним «Фин»), Михаил Григорьев («Александр») и Вениамин Гражуль (во Франции Белецкий). Весь план похищения построили на Скоблине, который должен был заманить Миллера на конспиративную квартиру.

22 сентября 1937 года в 11 часов утра Миллер вышел из штаб-квартиры РОВС, оставив у начальника канцелярии генерала П. Кусонского конверт, который попросил вскрыть в том случае, если он не вернется. После этого он встретился со Скоблиным, который отвез его на квартиру, где Миллера, дескать, ожидали немецкие офицеры, пожелавшие поговорить с ним. Но там Миллера встретили не немецкие офицеры, а Георгий Косенко и Вениамин Гражуль. Они вкололи Миллеру большую дозу наркотика, после чего поместили в деревянный ящик и на грузовике «Форд-23КВ» советского полпредства перевезли в Гавр.

Там ящик, опечатанный дипломатической печатью, погрузили на пароход «Мария Ульянова», находившийся в порту под разгрузкой партии бараньих шкур. Не дожидаясь окончания разгрузки, пароход немедленно отплыл из Гавра и взял курс на Ленинград. Через неделю, 29 сентября, Миллер был доставлен в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму НКВД как заключенный № 110.

Но еще вечером 22 сентября генерал П. Кусонский и заместитель председателя РОВС адмирал М. Кедров, обеспокоенные долгим отсутствием Миллера, вскрыли оставленный им конверт и прочитали записку следующего содержания:

«У меня сегодня в 12.30 час. дня randevu с генералом Скоблиным на углу рю Жасмен и рю Раффе, и он должен везти меня на свидание с немецким офицером, военным агентом в прибалтийских странах — полковником Штроманом, и с г. Вернером, состоящим здесь при посольстве. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка, на всякий случай оставляю эту записку.

Генерал Миллер. 22 сентября 1937 г.»³⁹

Генерал Скоблин, за которым немедленно послали, сначала отрицал факт встречи с Миллером в этот день, а когда Кедров предложил ему пройти в полицейский участок для дачи показаний, воспользовался моментом и бежал. Исчезновение генерала Миллера вызвало бурную ре-

акцию французских властей. Советскому полпреду во Франции Сурицу был заявлен решительный протест. Французская сторона с первых часов происшествия принципиально утверждала, что генерал был похищен и привезен на борт советского судна, а специальный комиссар Гавра Шавино точно определил время и обстоятельства погрузки Миллера на «Марию Ульянову». Однако французы не хотели портить отношения с СССР, и поэтому Шавино был снят с должности. Его преемник, комиссар Андре, очевидно еще меньше уважал правительство Народного фронта, так как не только подтвердил заявление Шавино, но и назвал организатора похищения — консула Кислова. Под этим именем, как уже было сказано, работал во Франции Косенко.

Прозвучала даже угроза направить французский эсминец на перехват этого судна в море. Однако полпред СССР во Франции Суриц решительно отверг обвинения и предупредил, что французы понесут ответственность, если их военный корабль остановит в международных водах мирное советское судно, и французские военные учинят на нем обыск. В любом случае, утверждал Суриц, генерала Миллера они там не найдут. И французы не решились осуществить свою угрозу. В итоге «Мария Ульянова» спокойно проделала весь путь из Гаврского порта в Ленинград.

Все это время советская сторона продолжала категорически отрицать свою причастность к похищению Миллера. Более того, был даже распушен слух, что Скоблин являлся агентом гестапо. Для этого в «Правде» от 30 сентября 1937 года было напечатано следующее заявление ТАСС:

«Все отчетливее выясняются связи Скоблина с гитлеровским гестапо и звериная злоба и ненависть, которую питал Скоблин к Советскому Союзу. Ряд газет приводят заявление директора одного из парижских банков, который сообщил, что... Скоблин располагал крупными средствами и часто менял в банке иностранную валюту. Из заявления банкира вытекает, что источником средств Скоблина являлась гитлеровская Германия».

Однако следствие, проведенное французское полицией, доказало причастность к похищению генерала Миллера Скоблина и его жены Надежды Плевицкой. 24 сентября Плевицкая была арестована по подозрению в соучастии в похищении генерала Миллера и шпионаже в пользу СССР. Суд над ней состоялся в декабре 1938 года, а 14 числа того же месяца был вынесен приговор: 20 лет каторжных работ и 10 лет запрещения проживать во Франции. (Кстати, Скоблина также судили, только заочно. 26 июля 1939 года он был признан виновным в похищении Миллера и приговорен к пожизненной каторге.) Весной 1939 года Плевицкая была отправлена в Центральную тюрьму города Ренн. Вскоре она тяжело заболела и 5 октября 1940 года умерла. Думается, здесь будет уместно привести рассказ председателя Народно-трудового союза в 1930—1960 годах Виктора Байдалакова, в котором он, говоря о некоем сотруднике гестапо Дедио, вспоминал:

«Он (Дедио — авт.) во время войны арестовал в Париже С.Н. Третьякова, в квартиру которого шли провода микрофонов из квартиры ниже, в которой помещался штаб управления РОВСа. В квартиру Третьякова и скрылся 22 сентября 1937 года генерал Скоблин, когда генерал Кусонский и адмирал Кедров предложили ему вместе с ними поехать в полицейский комиссариат, чтобы заявить об исчезновении генерала Е.К. Миллера. Допрашивал он и сидевшую в тюрьме Надежду Плевицкую, принесшую перед смертью полную повинную — вместе с генералом Скоблиным долгие годы они состояли на службе большевиков»⁴⁰.

Скоблин сумел избежать ареста, но его побег поставил крест на замыслах Москвы сделать своего агента председателем РОВС. С этой точки зрения подключение Скоблина к похищению Миллера следует расценивать как непростительную ошибку, приведшую к непоправимым последствиям. Важнейший агент НКВД в РОВС был вынужден долгое время скрываться на конспиративной квартире советской разведки, пока в конце концов его на самолете, арендованном при помощи Орлова, переправили в Испанию. Журналист

Л. Млечин при этом утверждает, что непосредственно переброской Скоблина занимался сотрудник ИНО НКВД «Андрей». В Испании следы агента «ЕЖ/13» теряются. По официальной версии он погиб в октябре 1937 года в Барселоне во время бомбежки аэродрома. Сохранилось лишь письмо Скоблина, в котором он просит оказать помощь его жене:

«11.XI.37. Дорогой товарищ Стах! (возможно, резидент ИНО НКВД в Париже Станислав Глинский — авт.)

Пользуясь случаем, посылаю Вам письмо и прошу принять, хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление с юбилейным праздником 20-летия нашего Советского Союза. Сердце мое сейчас наполнено особенной гордостью, ибо в настоящий момент я весь, в целом, принадлежу Советскому Союзу, и нет у меня той раздвоенности, которая была до 22 сентября искусственно создана. Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моем Великом Вожде Товарище Сталине и о моей Родине — Советском Союзе. Недавно мне здесь пришлось пересматривать старые журналы и познакомиться с № 1 журнала “Большевик” этого года. С большим интересом прочитал его весь, а статья “Большевики на Северном полюсе” произвела на меня большое впечатление.

В конце этой статьи приводятся слова Героя Советского Союза Водопьянова, когда ему перед полетом на полюс задали вопрос: “Как ты полетишь на полюс, и как ты там будешь садиться? А вдруг сломаешь — пешком-то далеко идти?” “Если поломаю, сказал Водопьянов, пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь: Товарищ Сталин не бросит человека!”. Эта спокойно сказанная фраза, но с непреклонной верой, подействовала и на меня. Сейчас я тверд, силен и спокоен, и тоже верю, что Товарищ Сталин не бросит человека. Одно только меня опечалило, это 7-го ноября, когда вся наша многомиллионная страна праздновала этот день, а я не мог дать почувствовать “Васеньке” (семейное прозвище Надежды Васильевны Плевицкой — авт.) о великом празднике. Не успел оглянуться, как снова прошло 2 недели со дня Вашего отъезда. Ничего нового в моей личной жизни не произошло. От безделья и скуки изучаю

испанский язык, но полная неосведомленность о моем “Васеньке” не дает мне целиком отдаться этому делу. Как Вы полагаете, не следует ли Георгий Николаевичу теперь пови-
даться со мной и проработать некоторые меры, касающиеся
непосредственно “Васеньки”? Я бы мог дать ряд советов
чисто психологического характера, которые имели бы огром-
ное моральное значение, учитывая почти 2-х месячное пре-
бывание в заключении и необходимость ободрить, а главное
успокоить. Крепко жму Вашу руку. С искренним приветом
Ваш (подпись)»⁴¹.

Но, скорее всего, Скоблин до Испании не долетел. Сви-
детельством тому может служить следующая шифровка из
Москвы во Францию:

«Париж Шведу Яше 28.09.1937

лично

Ваш план принимается. Хозяин просит сделать все воз-
можное, чтобы прошло чисто. Операция не должна иметь
следов. У жены должна сохраниться уверенность, что три-
надцатый жив и находится дома.

Алексей»⁴².

Здесь стоит напомнить, что псевдонимом «Швед» пользо-
вался А. Орлов, «Яша» — Я. Серебрянский, «Алексей» —
начальник ИНО НКВД А. Слуцкий. А если вспомнить, что
непосредственно в Испанию Скоблина переправлял «Анд-
рей», каковым псевдонимом пользовался другой мастер тай-
ных операций — П. Судоплатов, то уместно предположить,
что агента «ЕЖ/13», ставшего для НКВД обузой, просто выб-
росили из самолета во время полета.

За проведенную операцию по похищению Миллера
(«Деда»), а также за проводившуюся параллельно операцию
по ликвидации перебежчика Рейсса («Раймонда») ее участ-
ники согласно указу ЦИК СССР от 13 ноября 1937 года были
награждены орденами «за самоотверженное и успешное вы-
полнение специальных заданий Правительства СССР» (спи-
сок награжденных был приведен выше).

Похищение Миллера вызвало немало шума и нанесло
РОВС оглушительный удар, от которого он так и не смог

оправиться. Новый председатель генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов, занявший этот пост после исчезновения Миллера, и сменивший его 22 марта 1938 года генерал-лейтенант А.П. Архангельский (1938—1957 гг.), не смогли восстановить авторитет Союза и он окончательно превратился в отжившую свой век организацию.

Как уже говорилось выше, с точки зрения советского руководства генерал Миллер был значимой фигурой белого движения на Западе, потенциально ориентированной на союз с Германией. Возможно, что так оно и было, особенно если учесть развал РОВС после его похищения. Однако личность самого Миллера на момент его похищения вызывает лишь недоумение. Оставшиеся в архивах документы рисуют образ уже не способного к активным действиям человека, безнадежно старого и, возможно, даже ослабевшего умом. Читатель сам может об этом судить по его письмам из тюрьмы, приведенным в приложении.

Так, 29 сентября 1937 года он во время первого допроса пишет письма в Париж жене и генералу Кусонскому, из которых следует, что пленник Лубянки рассчитывает выйти на свободу. Но вскоре его надежды исчезают, и 4 ноября 1937 года Миллер обращается с заявлением к начальнику тюрьмы, прося по крайней мере послать жене краткое уведомление о том, что он жив. Затем он трижды, 28 декабря 1937 года, 30 марта и 16 апреля 1938 года, пишет записки Н. Ежову, посетившему его в камере 27 декабря, но и эти послания остаются без ответа. Тогда 27 августа 1938 года он пишет Ежову очередное письмо, в котором звучат доселе скрываемые гнев и горечь. После этого реальный жизненный след генерала Миллера обрывается — он превращается в тень, в узника камеры № 110, упоминаемого в документах НКВД под именем Иванова Петра Васильевича.

Решение об расстреле генерала Миллера было принято в мае 1939 года. И совершенно очевидно, что решение это принималось в экстренном порядке. Архивы НКВД не дают ответа на вопрос, почему именно 11 мая 1939 года судьба секретного узника была решена окончательно и бесповоротно.

Но догадаться о причине этой поспешности нетрудно. До того времени пост наркома иностранных дел СССР занимал М. Литвинов, который являлся сторонником политического сближения СССР с Англией и Францией и был уверен, что для прочного мира необходим антигитлеровский альянс с этими странами. Учитывая такую политику, НКВД мог предполагать, что старый генерал, похищенный в Париже, может еще понадобиться в качестве той или иной разменной карты при игре с европейскими партнерами. Однако 4 мая 1939 года Литвинов был снят со своей должности, а его место занял В. Молотов.

В результате внешнеполитический курс СССР изменился на 180 градусов. Новый нарком иностранных дел решительно пошел на сближение с Гитлером, и в этом раскладе карт секретному узнику Лубянки уже не было места.

К этому времени наркомом внутренних дел вместо ликвидированного по приказу Сталина Н. Ежова был назначен Л. Берия. Он и подписал первый документ, относящийся к завершению трагической истории генерала Миллера. Очевидно, что указания на этот счет Берия мог получить только от Молотова, либо от самого Сталина. После этого он вызвал к себе председателя Военной Коллегии Верховного Суда Ульриха, и в его присутствии дежурный секретарь составил две бумаги, первую из которых, написанную на бланке «Народного Комиссара Внутренних Дел СССР», без номера, но с датой 11 мая 1939 года, подписал сам Берия:

«Только лично.

Начальнику внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД СССР
тов. Миронову

ПРЕДПИСАНИЕ

Предлагаю выдать арестованного Иванова Петра Васильевича, содержащегося под № 110 коменданту НКВД СССР тов. Блохину.

Народный Комиссар Внутренних Дел СССР Л. Берия».

Внизу, видимо, рукою Миронова сделана приписка:

«Арестованного Иванова под № 110 выдал коменданту НКВД. Нач. Внутр. тюрьмы Миронов. 11.V.39».

Наискосок листа идет еще одна надпись, красным карандашом:

«Одного осужденного принял. Блохин. 11.V.39»⁴³.

Второй документ, составленный дежурным секретарем, гласит:

«Предлагается немедленно привести в исполнение приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР над Ивановым Петром Васильевичем, осужденным к расстрелу по закону от 1 декабря 1934 года.

Председатель В.К. В. Ульрих»

Сбоку документа, тем же Мироновым приписано:

«Выданная личность Иванов под № 110 подтверждаю.

Нач. Вн. тюрьмы Миронов. 11/V 39 г.»⁴⁴

Эта приписка сделана, скорее всего, по особому требованию «сверху», чтобы удостовериться в уничтожении именно ТОГО «Иванова».

Сохранился и третий документ, написанный в тот же, роковой для секретного узника день:

«АКТ

Приговор в отношении сего Иванова, осужденного военной Коллегией Верхсуда СССР приведен в исполнение в 23 часа 5 минут и 23 часа 30 минут сожжен в крематории в присутствии:

Комендант НКВД Блохин (подпись)

Н-к внутр. тюрьмы ГУГБ НКВД Миронов (подпись)
11/V 39 г.»⁴⁵

Так как этот документ подписан только двумя лицами, то можно утверждать, что один из них и произвел расстрел Миллера. Никого третьего при завершении этого секретного дела не было. Можно даже предположить, что даже комендант НКВД Блохин, непосредственный участник расстрела, не знал, кем именно был этот сожженный в московском крематории «Иванов».

Но сомнений в том, что Петр Васильевич Иванов и есть Евгений Карлович Миллер, быть не может. Все три документа были подколоты к той же стопке бумаг, что и письма самого генерала. На тонкой папке с этими документами осталась

пометка: «Материал передавал 5/3 49 г. т. Абакумову (подпись)». Свидетельством является и совпадающий номер камеры (110), и тот факт, что расстрел «Иванова» был произведен по сценарию, который НКВД применял лишь в отношении особо секретных осужденных — тайно, обычно ночью (время расстрела на документа 23 часа 5 мин.) их привозили в крематорий, убивали в подвале, примыкающем к печи, и почти сразу сжигали.

Похищением генерала Миллера закончилась борьба советских спецслужб с наиболее антисоветски настроенными лидерами Белого движения, оказавшимися в эмиграции после Гражданской войны и не пожелавшими сложить оружие. Что касается РОВС, то, как уже было сказано, он перестал играть лидирующую роль в белой эмиграции, уступив место Национальному союзу нового поколения (НСНП — будущий НТС — Народно-трудовой союз), объединившему в своих рядах молодежь 1920-х годов, вышедшую из военных училищ Белой армии и подросших детей эмигрантов первой волны.

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ СЫНА ТРОЦКОГО

Похищение генерала Е. Миллера, приведшее к фактическому развалу РОВС, не являлось для советских спецслужб приоритетной задачей, каковой оставалась борьба с Троцким и его сторонниками. Что касается самого Троцкого, то за ним с самого первого дня его высылки из СССР в феврале 1929 года велось постоянное наблюдение, а в его окружение регулярно внедрялась агентура. Одними из первых агентов были братья Соболевичусы, сыновья богатого еврея-торговца из Литвы, позднее более известные как Джек Собл и д-р Ричард Соблен. С 1929 года в течение трех лет они являлись ближайшими доверенными лицами Троцкого, имели доступ к шифрам и подставным адресам, которыми он пользовался для переписки со своими сторонниками в СССР.

Другим агентом ОГПУ в окружении Троцкого был Анри Лакруа, который в 1933 году по указанию Москвы выступил

с неожиданным заявлением о том, что троцкистская оппозиция не пользуется поддержкой в СССР и в мире в целом.

Внимательно следили чекисты и за старшим сыном Троцкого Седовым.

Лев Львович Седов (он взял себе фамилию матери) родился в 1906 году, учился в МВТУ, работал в комсомоле и полностью разделял политические взгляды отца. Когда в 1928 году Троцкого сослали в Казахстан, а в 1929 году выслали из СССР, он не только последовал за отцом, но и был его верным помощником. Вместе с ним он жил в Турции и Франции, где с 1929 года редактировал «Бюллетень оппозиции», а когда в 1935 году Троцкого вынудили покинуть Францию и перебраться в Норвегию, Седов остался в Париже, взяв на себя издание «Бюллетеня», а также основную роль по координации деятельности разрозненных троцкистских групп. Когда же в 1936 году Троцкого выслали и из Норвегии и он вынужден был отправиться в далекую Мексику, значение Седова выросло еще больше. Поэтому со второй половины 30-х годов он и шагу не мог ступить без того, чтобы о нем не знали в Кремле.

Например, с 1936 года разработкой Седова и его окружения занималась подгруппа резидентуры Я. Серебрянского во главе с нелегалом Б. Афанасьевым. Одному из агентов Афанасьева, некому иностранному гражданину под псевдонимом «Томас» удалось войти в доверие к Седову и получать требуемую в Москве информацию. В 1936–1937 годах чекистами была установлена аппаратура прослушивания телефонов на квартирах Седова и его ближайшей сотрудницы Лилии Эстриной (так называемая операция «Петька»). А летом 1937 года, когда Седов отдыхал в Антибе, за его перемещениями следила уже упоминавшаяся Рената Штайнер. Но самым важным агентом в окружении Седова был Марк Зборовский (оперативные псевдонимы «Тюльпан», «Кант» и «Мак»), о котором надо рассказать немного подробнее.

Марк (Мордка) Зборовский родился в феврале 1908 года в городе Умани Киевской губернии. В 1921 году он вместе с родителями уехал в Польшу, однако в СССР у него остались

родственники — сестра Берта и братья Ефим и Лев. В Польше он вступил в местную компартию, но вскоре был арестован за организацию забастовок и некоторое время провел в тюрьме, после чего, спасаясь от преследований полиции, выехал вместе с женой Региной (Ривкой) Абрамовной Леви в Берлин, а затем в Париж. Здесь его, жившего в глубокой бедности, и завербовал летом 1933 года сотрудник Секретно-политического отдела ОГПУ А.С. Адлер. После соответствующей проверки ему был присвоен агентурный номер «Б-187» и поставлена задача внедриться в ближайшее окружение Троцкого. Эту задачу Зборовский выполнил блестяще и через некоторое время в Москву ушло следующее сообщение:

«Как мы Вам сообщили, источник “Мак” стал работать в “Международном секретариате” троцкистов, где служит также жена сына Троцкого (Жанна Мартен — авт.). В процессе работы источник подружился с женой сына Троцкого, результатом чего явился перевод источника в русскую секцию в качестве как бы личного секретаря сына.

В настоящее время источник встречается с сыном чуть ли не каждый день. Этим самым считаем выполненной вашу установку на продвижение источника в окружение Троцкого»⁴⁶.

В результате Сталин и другие советские руководители получили возможность читать как переписку Троцкого и Седова со своими сторонниками, так и написанные Троцким статьи еще до их публикации.

Свидетельством тому может служить следующий документ:

«Совершенно секретно.

т. Сталину, Молотову.

Направляю Вам агентурно изъятые нами из текущей переписки Седова копии двух статей Троцкого от 13 и 15 января 1938 года под заглавием “Продолжает ли советское правительство следовать принципам, усвоенным 20 лет назад” и “Шумиха вокруг Кронштадта”.

Указанные статьи намечены к опубликованию в мартовском номере “Бюллетеня оппозиции”.

Народный комиссар внутренних дел СССР
Генеральный комиссар государственной безопасности
28 февраля 1938 г. Ежов»⁴⁷.

В августе 1937 года НКВД с помощью Зборовского получил список адресов многих приверженцев Троцкого. Случилось это после того, как Седов на время уехал из Парижа и поручил Зборовскому вести все дела: переписку, текущую корреспонденцию, связь с различными лицами, посылку почты и документов Троцкому и т.д. А для того, чтобы Зборовский мог делать все самостоятельно, он передал ему свой так называемый «маленький блокнот», в котором были записаны все адреса, используемые им для переписки. В донесении куратора Зборовского в Москву по этому говорится:

«Как известно, об этом блокноте и его обладании мы мечтали в течение года, но нам никак не удавалось его заполучить ввиду того, что “Сынок” (кличка Седова в НКВД — авт.) никому его на руки не давал и всегда хранил при себе. Мы Вам посылаем этой почтой фото этих адресов. В ближайшее время мы их подробно разработаем и пришлем. Имеется целый ряд интересных адресов...»⁴⁸

Кроме того, именно при помощи Зборовского было организовано в ночь с 6 на 7 ноября 1936 года ограбление архива Троцкого в Париже. (Правда, это был уже не первый случай, когда агенты НКВД выкрадывали бумаги Троцкого. Другой такой случай имел место в начале 1936 года в Норвегии. Там группа членов норвежского Национального объединения пробралась в дом депутата К. Кнудсена, где в то время проживал Троцкий, и похитила его бумаги.) Дело в том, что Троцкий, перед тем как перебраться в Норвегию, передал часть своего архива парижскому отделению амстердамского Института исторических исследований, расположенному в доме № 7 по улице Мишле. Зборовский сообщил об этом своим операторам из НКВД, после чего в Москве было принято решение выкрасть эту часть архива.

Выполнение данной задачи было поручено Серебрянскому, который приказал создать для похищения архива специальную группу «Генри». Потом его агентами была арендована

квартира непосредственно над помещениями института, из которой за его сотрудниками велось постоянное наблюдение. Затем согласно инструкциям Серебрянского Зборовскому, работавшему в то время инженером на телефонной станции, было приказано вывести из строя телефонную линию института с тем, чтобы получить возможность узнать точное местонахождение документов Троцкого и обследовать дверные замки. Но когда из института поступило сообщение о неисправности телефонной линии, для исправления неполадок направили не Зборовского, а другого монтера. Зборовскому пришлось снова вывести из строя телефон института, и на этот раз для проведения ремонта послали именно его. Когда же он выходил из здания, устранив неисправность и внимательно изучив все помещения и дверные замки, директор института, известный меньшевик и эмигрант Борис Николаевский, которого в Москве называли «врагом народа», дал ему «на чай» 5 франков.

В 2 часа ночи 7 ноября 1936 года члены группы «Генри» приступили к завершению операции. При этом важная роль отводилась агенту англичанину Моррисону («Гарри»), имевшему прочные связи в седьмом округе управления полиции Парижа. Поскольку к этому времени не удалось подобрать ключи к дверным замкам, было решено взломать их при помощи электродрели, подключенной к генератору, помещенному в деревянный ящик, набитый опилками и ватой. Операция прошла успешно — взломщики незаметно проникли в институт и также покинули его с бумагами Троцкого. Однако как Седов, так и французская полиция сразу стали подозревать в случившемся советские спецслужбы, поскольку кража была совершена очень профессионально, а также не были тронуты деньги и ценности, принадлежащие институту.

Здесь необходимо добавить, что охота за архивами Троцкого шла постоянно. Так, упомянутый выше Афанасьев с конца 1936 по начало 1938 года провел во Франции ряд операций, в результате которых были похищены старый и но-

вый архивы Седова, архив Международного секретариата, занимавшегося созданием IV Интернационала, а позднее и новый архив этого секретариата.

После всех этих похищений огромное количество рукописей, статей и писем общим весом около 80 кг были тайно доставлены в Москву. Историк Д. Волкогонов в своей книге «Троцкий» пишет, что «в почте, которую ежедневно доставлял вождю А.Н. Поскребышев, не раз встречались доклады такого рода:

“Совершенно секретно.

Секретарю ЦК ВКП(б) — тов. Сталину.

Направляю Вам 103 письма, изъятые из архива Троцкого в Париже.

Письма содержат переписку Троцкого с американским троцкистом Истменом и его женой Еленой Васильевной Крыленко за 1929—1933 гг.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Ежов”»⁴⁹.

Кроме бумаг из архивов Троцкого и Седова на стол Сталина практически ежедневно ложились донесения о деятельности троцкистов по организации IV Интернационала, которой непосредственно занимался Седов. Деятельность эта, безусловно, вызывала у Сталина определенное беспокойство. Но трудно представить себе, какие чувства охватили его, когда ему на стол легло следующее донесение Зборовского от 11 февраля 1937 года:

«С 1936 года “Сынок” не вел со мной разговоров о терроре. Лишь недели две-три тому назад, после собрания группы, “Сынок” снова заговорил на эту тему. В первый раз он только теоретически старался доказать, что терроризм не противоречит марксизму. “Марксизм, — по словам “Сынка”, — отрицает терроризм постольку, поскольку условия классовой борьбы не благоприятствуют терроризму, но бывают такие положения, в которых терроризм необходим”. В следующий раз “Сынок” заговорил о терроризме, когда я пришел к нему на квартиру работать. Во время читки газет “Сынок” сказал, что так как весь режим в СССР держится

на Сталине, то достаточно убить Сталина, чтобы все развалилось. Он неоднократно возвращался и подчеркивал необходимость убийства Сталина.

В связи с этим разговором “Сынок” спросил меня: боюсь ли я смерти и способен ли я был бы совершить террористический акт? На мой ответ, что все зависит от необходимости и целесообразности, “Сынок” ответил: все дело зависит от человека, способного к смерти.

Как народовольцы. А мне еще сказал, что я человек слишком мягкий для такого рода дел»⁵⁰.

Как бы там ни было, но в 1937 году, после того, как в Москве стало известно, что Седов приступил по указанию Троцкого к работе по созыву Учредительной конференции IV Интернационала, которая должна была открыться летом 1938 года в Париже, НКВД получил указание похитить Седова. Проведение данной операции было поручено Серебрянскому. «В 1937 году, — писал Серебрянский позднее, — я получил задание доставить “Сынка” в Москву... Задание было о бесследном исчезновении “Сынка” без шума и доставке его живым в Москву»⁵¹.

План похищения Седова был детально разработан. Были уточнены все его маршруты перемещения по Парижу, на месте предполагаемого похищения несколько раз проводилась репетиция захвата. Для доставки Седова в СССР было разработано два варианта. Согласно первому варианту переправить Седова в Москву предполагалось морем.

С этой целью в середине 1937 года в Болонье было приобретено небольшое рыболовецкое судно, а на окраине одного из северных портов Франции снят домик, где поселилась семейная пара агентов. Серебрянский по этому поводу пишет:

«Подобрали экипаж, только капитан знал, что, возможно, придется совершить переход в Ленинград с группой товарищей и взять там снаряжение для республиканской Испании. Капитан изучил маршрут, имел достаточный запас угля, воды, продовольствия. В ожидании команды пароход совершал регулярные рейсы в море за рыбой»⁵².

По второму варианту Седова намечалось доставить в СССР по воздуху. Для этого сотрудниками группы Серебрянского был куплен самолет, а надежный агент-летчик якобы стал готовиться к спортивному перелету по маршруту Париж — Токио. В результате тренировок ему удалось довести время беспосадочного нахождения в воздухе до 12 часов, что позволяло при любых погодных условиях долететь до Киева. Всего в подготовке операции участвовало семь агентов Серебрянского, в числе Мирей Аббиа и жена Серебрянского Полина Натановна.

Но в связи с неблагоприятной обстановкой, создавшейся после похищения генерала Миллера, в котором французские власти прямо обвиняли советские спецслужбы, в Москве решили отменить операцию.

Впрочем, это не спасло Седова. Через четыре месяца, вечером 8 февраля 1938 года, у него резко обострились боли в аппендиците.

Операцию, с которой он так долго тянул, откладывать больше было нельзя. Поддавшись уговорам Зборовского, он лег в небольшую частную парижскую клинику русских врачей-эмигрантов под именем месье Мартена, французского инженера. При этом о его местонахождении не был поставлен в известность никто, кроме его жены Жанны. Седов был прооперирован в тот же вечер и в последующие дни быстро шел на поправку. Но через четыре дня у него внезапно наступило ухудшение. В ночь на 13 февраля его видели идущим полуголым в лихорадочном состоянии по коридорам и палатам. Утром следующего дня его состояние было столь ужасно, что вызвало удивление у оперировавшего его врача. Его прооперировали еще раз, но улучшения не последовало, и 16 февраля 1938 года в возрасте 32 лет Седов скончался. По поводу смерти Седова в заявлении Международного секретариата IV Интернационала сообщалось:

«Лев Седов, наш товарищ Седов, сын Льва Троцкого, умер в среду 16 февраля в 11 часов 30 минут утра. Перевезенный за несколько дней до этого в больницу, где его подвергли операции (“заворот кишок”), наш несчастный товарищ скончался от инфекции. Такова версия врачей».

Похоронили Седова на парижском кладбище Пер-Лашез в присутствии почти двух тысяч человек.

Французская полиция, проведя расследование и опираясь на заключение врачей, сочла, что его смерть наступила в результате послеоперационных осложнений, вызванных слабостью сопротивляемостью организма, непроходимостью кишечника и падением сердечной деятельности. Но откуда полиции было знать об агенте НКВД Зборовском, уговорившем Седова лечь на операцию именно в русскую клинику, которая, вполне вероятно, принадлежала «Обществу репатриации русских эмигрантов», и о группе Серебрянского, которая совсем недавно готовила похищение Седова. Правда, официально в СССР всегда отвергали причастность НКВД к смерти сына Троцкого. С одной стороны это подтверждается протоколом допроса Шпигельглаза, где, в частности, есть и такие его показания:

«В первой половине 1938 года в Париже естественной смертью умер Седов. Я позвонил об этом Ежову. Он ответил: “Зайдите”, и когда он прочел телеграмму, сказал: “Хорошая операция. Вот здорово мы его, а?”

Я ничего ему не ответил, но не сомневаюсь, что он доложил в ЦК о том, что Седова убрали мы, т. к. через пару дней я зашел к бывшему начальнику Третьего отдела (3-й, контрразведывательный отдел ГУГБ НКВД — авт.) Минаеву, где был и Пассов (зам. начальника 3-го отдела, впоследствии, с марта по ноябрь 1938 года, начальник ИНО ГУГБ НКВД — авт.). Минаев задал мне вопрос: “Как это вы разделались с Седовым?”»⁵³

Судоплатов, руководивший в 1939—1940 годах операцией по ликвидации Троцкого, в своих мемуарах также не говорит ничего конкретного о внезапной смерти Седова. «Доподлинно известно, — пишет он, — лишь то, что Седов умер в Париже, но ни в его досье, ни в материалах по троцкистскому интернационалу я не нашел никаких свидетельств, что это было убийство. Если бы Седова убили, то кто-то должен был бы получить правительственную награду или мог на нее претендовать. В то время, о кото-

ром идет речь, было много обвинений в адрес разведслужбы, которая якобы приписывала себе несуществующие лавры за устранение видных троцкистов, однако никаких подробностей или примеров не приводилось. Принято считать, что Седов пал жертвой операции, проводившейся НКВД»⁵⁴.

Однако то, что на допросах Шпигельглаз отрицал причастность разведки к убийству Седова, ни о чем не говорит. Эта операция если и была проведена, то скорее всего силами резидентуры Серебрянского, которая подчинялась непосредственно наркому внутренних дел.

В пользу того, что Седов мог быть убит, говорит факт подготовки к его похищению. А раз операция была тщательно спланирована, то ничто не могло помешать убить Седова, если бы из Москвы поступил новый приказ: не похищать сына Троцкого, а ликвидировать его.

И еще одно обстоятельство. 26 ноября 1992 года французский журнал «L'Evenement de jeudi» опубликовал статью под заголовком «Бывшие сотрудники КГБ свидетельствуют», представляющую собой интервью, которое взял французский журналист Паскаль Кропа у двух бывших сотрудников КГБ И. Прелина и Е. Соловьева. На вопрос Кропа о том, был ли убит сын Троцкого, полковник И. Прелин, бывший начальник пресс-бюро КГБ СССР, представившийся журналисту как член ассоциации ветеранов советских спецслужб, председателем которой является бывший генерал КГБ В. Федоров, ответил:

«Его (то есть Седова — авт.) убили. Генерал Судоплатов подтвердил это перед камерой...»

Следующим объектом НКВД среди троцкистов, предназначенным для ликвидации, стал немец Рудольф (Адольф) Клемент (он же Камиль, Камомиль, Фредерик, Людовик, Вальтер Стен). Этот родившийся в 1910 году недоучившийся студент был ярким сторонником Троцкого, входил в руководство троцкистской организации «Немецкие коммунисты-интернационалисты» и работал секретарем Троцкого в Турции и Барбизоне.

Правда, именно после его задержания французской полицией Троцкий вынужден был переехать из Барбизона в Париж, а затем в Норвегию.

Сам же Клемент остался во Франции и стал одним из ближайших сотрудников Седова.

После создания «Движения за IV Интернационал» Клемент был назначен его административным секретарем и вплотную занялся подготовкой созыва Учредительной конференции IV Интернационала. Будучи не только соратником, но и другом Седова, он после убийства Рейсса 5 ноября 1937 года написал Троцкому и его жене Наталье письмо, в котором умолял их заставить сына немедленно уехать в Мексику. «Лева, — предупреждал он, — болен и истощен, постоянно в опасности, однако убежден, что “незаменим” в Париже и должен оставаться “на своем посту”». Это не так, ибо товарищи могут заменить его, и если он останется в Париже, то будет “совершенно беспомощным” против ГПУ. По крайней мере родители должны попросить его приехать в Мексику на некоторое время, отдохнуть и подлечиться: “Он способен, смел и энергичен, и мы должны спасти его”»⁵⁵.

После смерти Седова на плечи Клемента легли основные заботы по организации Учредительной конференции IV Интернационала, провести которую предполагалось в июле 1938 года в Париже. В частности, он занимался рассылкой всем секциям Интернационала необходимых документов: повестки дня, предварительные резолюции и т. д., в том числе и распоряжения Троцкого. Но 13 июля, в разгар подготовки конференции, он неожиданно исчез из своего дома в Париже. Две недели спустя Троцкий получил письмо, якобы написанное Клементом, в котором тот обвинял его в сотрудничестве с Гитлером и в ряде других вымышленных преступлениях (еще несколько французских троцкистов получили копии этого письма, отправленные из Перпиньяна). Однако ни Троцкий, ни его сторонники этому письму не поверили, поскольку в нем было столько ошибок и несуразностей, что создавалось впечатление, что это — либо явная фальшивка, либо Клемент писал под диктовку под

угрозой смерти. «Пусть Клемент, если он еще жив, — заявил Троцкий, — выскажется и заявит суду, полиции или любой беспристрастной комиссии обо всем, что знает. Можно заранее сказать, что ГПУ никогда не выпустит его из своих рук»⁵⁶.

26 августа в Сене было выловлено обезглавленное тело, в котором члены секретариата IV Интернационала Жан Ру и Пьер Коваль опознали Клемента по характерным шрамам на кистях рук. Долгое время обстоятельства убийства Клемента не были известны, хотя никто не сомневался, что это дело рук Москвы. Первым приоткрыл завесу тайны П. Судоплатов, который в своих мемуарах поведал следующее:

«Эйл Таубман, молодой агент с кодовым именем “Юнец”, выходец из Литвы, сумел войти в доверие к Рудольфу Клементу, возглавлявшему троцкистскую организацию в Европе и являвшемуся секретарем так называемого IV Интернационала. В течение полутора лет Таубман работал помощником Клемента. Как-то вечером Таубман предложил Клементу поужинать с его друзьями и привел на квартиру на бульваре Сен-Мишель, где уже находились турок и Коротков. Турок заколол Клемента, тело положили в чемодан, затем бросили в Сену. Тело было найдено и опознано французской полицией, но к этому времени Таубман, Коротков и турок находились уже далеко от Парижа»⁵⁷.

Личность Александра Михайловича Короткова достаточно хорошо известна. Известно и то, что в декабре 1938 года его по указанию Л. Берия уволили из разведки, и что он обжаловал это решение и добился восстановления на службе, написав наркому соответствующее письмо. Долгое время об этом письме ходили легенды, пока в 2000 году Т. Гладков не опубликовал его в своей книге «Король нелегалов». В этом письме Коротков прямо говорит:

«В декабре 1937 г. мне было предложено выехать в подполье во Францию для руководства группой, созданной для ликвидации ряда предателей оставшихся за границей.

В марте 1938 г. моя группа ликвидировала “Жулика”, в июле “Кустаря”, и я руководил непосредственным выполнением

операций и выполнял самую черную, неприятную и опасную работу.

Я считал, что шел на полезное для партии дело, и поэтому ни минуты не колебался подвергнуть себя риску поплатиться за это каторгой или виселицей. А то, что это в случае провала было бы именно так, у меня есть все основания думать...»⁵⁸

После этого всякие сомнения в том, кто непосредственно руководил убийством Клемента отпали. Что касается Таубмана, то как утверждает Судоплатов он сменил фамилию на Семенов и был послан на учебу в Институт химического машиностроения, а затем перешел на службу в органы госбезопасности. Турок же, по словам Судоплатова, стал «хозяином» явочной квартиры в Москве. Но здесь Судоплатов намеренно вводит читателя в заблуждение, ибо турок — это упоминавшийся нами ранее Пантелеймон Тахчианов, ликвидировавший в январе 1937 года невозвращенца Навашина, причем именно таким же способом — заколол ножом.

Впрочем, возникает еще один вопрос — почему ликвидацию Клемента поручили группе Короткова, а не людям Серебрянского, которые имели гораздо больший опыт. Тут можно предположить, что это связано с начавшейся с конца 1937 году в НКВД «чисткой», во время которой практически все старые кадры сотрудников ИНО были отозваны в Москву и репрессированы. Например, тот же Серебрянский был арестован прямо в московском аэропорту 10 ноября 1938 года. А потом группа Короткова до убийства Клемента сумела в марте 1938 без шума и не оставив никаких следов ликвидировать, как он пишет, некоего «Жулика». А под этой кличкой в оперативных делах НКВД проходил наш старый знакомый Георгий Агабеков.

Как уже говорилось раньше, Агабеков счастливо избежал покушения в январе 1932 года в Румынии и вернулся в Бельгию, под крыло британских спецслужб. Однако англичане были скупы, и в начале 1933 года Агабеков предложил другому чекисту-невозвращенцу Евгению Думбадзе вместе дурчить румынскую сигуранцу, поставляя ей сведения о дея-

тельности СССР против Румынии, якобы получаемые от собственной агентуры Агабекова в России. В качестве этой "агентуры" предполагалось использовать русских эмигрантов в Брюсселе и Берлине.

Но Думбадзе не только отверг предложение Агабекова, но и разоблачил его в эмигрантской прессе. Правда, Агабекова это не остановило и он все-таки предложил свои услуги румынам, дав следующее обязательство:

«Я принимаю Ваше предложение работать, переданное через господина П...

Отныне все свои рапорты, которые буду посылать регулярно каждую неделю, я буду подписывать именем "Петров". 15 апреля 1933 г.».

Сохранилась и расписка Агабекова следующего содержания:

«Получено на апрель 1933 года девять тысяч (9000) француз. франков. 8.5.33 Брюссель. "Петров"»⁵⁹.

Чтобы поддержать свое реноме в глазах западных спецслужб, Агабеков в скором времени «завербовал» в русских эмигрантских кругах мифического немецкого офицера «Шарля» и передавал якобы полученную от него информацию британской СИС. Затем он сообщил о «Шарле» бельгийской спецслужбе «Сюртэ», а та в свою очередь сообщила о нем французам.

В результате Агабекову оставалось только стричь купоны. Что касается румын, то для них Агабеков за 20 000 франков организовал получение информации прямо из ОГПУ, которую ему якобы поставляла через вторые-третьи лица его первая жена. Всего же, как было установлено позднее, Агабеков поддерживал контакты со спецслужбами семи государств.

После этого Агабеков полностью уверовал в свою безнаказанность и пустился во всевозможные аферы. Так, в мае 1934 года он заявился в Брюсселе на квартиру одного из своих знакомых, тоже невозвращенца, и предложил ему разыграть спектакль перед представителями акционерного общества, расположенного в Париже, которые занимались поисками возможностей вывоза из СССР заметок и личных

счетов Николая II, а также брачных документов вдовы брата последнего императора, великого князя Михаила Александровича графини Брасовой. Все эти документы Агабеков за аванс в 30000 французских франков брался «доставить» из СССР. Но при этом он цинично заявил: «Конечно, никаких документов я достать не могу, при всем моем желании. Поэтому придется делать липу»⁶⁰.

После получения аванса Агабеков спустя некоторое время через подставное лицо послал в Париж письмо, в котором сообщал, что дела идут, что он несколько раз ездил за границу и что теперь настало время познакомить членов общества с верным человеком из СССР.

Вскоре это знакомство состоялось и акционеры убедились, что перед ними действительно человек из Советской России. Была достигнута договоренность о еще одном гонораре в 30 000 франков за работу, но по каким-то причинам сделка в конце концов сорвалась.

Промышляя подобными аферами, Агабеков в то же время понимал, что над ним постоянно висит угроза со стороны Москвы. Поэтому осенью 1936 года он еще раз попытался круто изменить свою судьбу и 4 сентября отправил советским властям письмо, в котором подробно рассказал о структуре, должностных лицах и деятельности спецслужб Великобритании, Бельгии, Голландии, Франции, Румынии, Болгарии и Германии. Заканчивалось это письмо следующими словами:

«Все вышеизложенное я сообщаю Вам вполне честно, ибо моим единственным желанием сейчас является хоть немного умалить тот вред, который я нанес Советской власти своим предательством. Этим документом я, видимо, отдаю себя вполне сознательно на Ваше усмотрение, и как бы суров ни был Ваш приговор, я ему подчинюсь беспрекословно. Но я просил бы только одного, это умереть на работе. Умереть с сознанием, что я принес хоть какую-нибудь пользу своей Власти и своей Родине.

На случай, если Вы пожелаете вновь говорить со мной и если нынешняя связь... почёму-либо порвется, сообщаю Вам

адрес, где меня найти... Можно телефонировать от 10 утра до 6 вечера и спросите адрес Гриши.

P.S. Дадите ли мне возможность быть Вам полезным или нет, нисколько не изменит моего решения, высказанного здесь. Разница лишь в том, что в первом случае я буду помогать Вам регулярно, а во втором я буду ждать случая, чтобы нанести наибольший удар по врагам Сов. Власти. Г. Агабеков»⁶¹.

Однако это послание осталось без ответа, а в декабре 1937 года было принято решение о ликвидации Агабекова, что и было сделано в марте 1938 года. Долгое время на Западе ходили самые невероятные версии по поводу исчезновения Агабекова. Согласно наиболее распространенной из них он был заманен агентом НКВД Зелинским на франко-испанскую границу под предлогом выгодной перепродажи вывозимых из Испании произведений искусства. Попавшись на удочку, он во время одной из ходок через границу был сброшен в пропасть. Впервые же точные обстоятельства убийства Агабекова раскрыл Судоплатов:

«Сообщалось, что Агабеков исчез в Пиренеях на границе с Испанией. На самом деле его ликвидировали в Париже, заманив на явочную квартиру, где он должен был якобы договориться о тайном вывозе бриллиантов, жемчуга и драгоценных металлов, принадлежащих богатой армянской семье. Греческий торговец, посредник в сделке, которого он встретил в Антверпене, был Г. Тахчианов — сотрудник-нелегал НКВД во Франции. Он-то и заманил Агабекова на явочную квартиру, сыграв на его национальных чувствах. Там на квартире его уже ждали боевик, бывший офицер турецкой армии, и молодой нелегал Коротков, в 40-х годах ставший начальником нелегальной разведки МГБ СССР. Турок убил Агабекова ножом, после чего его тело запихнули в чемодан, который вывезли и выкинули в реку. Труп так никогда и не был обнаружен»⁶².

Правда, и в данном случае, как и в описании ликвидации Клемента, Судоплатов приписывает убийство Агабекова некому турку. Но на самом деле ликвидировал Агабекова все

тот же Тахчианов, причем не Г., а Пантелеймон Иванович. Также возможно, что именно Тахчианов в 1938 году ликвидировал упоминавшегося выше Е. Думбадзе, который к тому времени работал в Париже журналистом (впрочем, это только предположение, так как в ту эпоху возможностей пропасть без вести было сколько угодно, и не обязательно с помощью НКВД).

Осенью 1938 года Коротков вернулся в Москву. За проделанную работу он был награжден орденом Красной Звезды, что, впрочем, не помешало новому наркому НКВД Л. Берия в декабре уволить его из органов. Что касается Тахчианова, то он оставался за рубежом еще некоторое время, возвратился в СССР в марте 1941 года и был награжден знаком «Заслуженного работника НКВД».

ПОКУШЕНИЕ НА ИВАНА СОЛОНЕВИЧА

В Москве внимательно следили не только за троцкистами и теми эмигрантами, которые пытались бороться с СССР при помощи диверсий и вооруженного террора. В поле зрения советских спецслужб находились и те, кто силой печатного слова разоблачал «преступления кровавого большевистского режима» и мог бы стать идеологическим вождем эмиграции.

Одним из таких незаурядных людей был крупный русский мыслитель и публицист, проповедник «народной монархии» Иван Солоневич.

Иван Лукьянович Солоневич родился 14 ноября 1891 года в селе Рудники Пружанского уезда Гродненской губернии в семье сельского учителя. Кроме него в семье было еще два сына — Всеволод (погиб в 1920 году в армии Врангеля) и Борис. По словам Ивана Солоневича, ему удалось окончить лишь три класса гимназии, поскольку отец не мог материально обеспечить дальнейшую учебу старшего сына. Однако он много занимался самостоятельно и экстерном сдал в Вильно экзамен на аттестат зрелости. Тогда же Солоневич начал сотрудничать с редакцией газеты «Северо-Западная

жизнь», стоявшей на монархических позициях. С детства воспитанный в духе почитания монархии и православия, он до конца своей жизни оставался преданным идеям, которые были заложены в него с юности.

В 1916 году Солоневич закончил юридический факультет Петроградского университета, после чего поступил на работу в газету «Новое время», где вел раздел уголовной хроники и писал о спорте. Дело в том, что братья Солоневичи были незаурядными спортсменами — Иван был вице-чемпионом России в гиревом спорте, а Борис успешно выступал на соревнованиях боксеров, борцов, гиревиков и футболистов.

Свержение самодержавия в феврале 1917 года и Октябрьский переворот Солоневичи восприняли как трагедию для России. Поэтому они перебрались на юг, где Иван вступил добровольцем в белую армию и активно участвовал в работе ее пропагандистского аппарата. Перед взятием частями Красной Армии Одессы Иван Солоневич вместе с женой и сыном Юрием попытался эмигрировать, но в последний момент заболел тифом и был вынужден остаться в России. После непродолжительного заключения в одесской ЧК он устроился на работу сначала грузчиком, потом кооператором, счетоводом, сценаристом, фотографом, и, наконец, профсоюзным инспектором по спорту и туризму в Москве. Его жене, Тамаре Владимировне, повезло больше — в 1928 году она выехала в командировку в советское торгпредство в Берлин в качестве референта-переводчика. Что касается Бориса Солоневича, то он к моменту встречи братьев в 1925 году работал в штабе ВМФ в Москве инспектором физической подготовки Черноморского флота.

Но несмотря на относительное личное благополучие братья не приняли советскую власть. Уже будучи за границей, в одной из публикаций Иван Солоневич писал, что объездив почти всю страну он «увидел ужасную бедность народа и тогда понял, что в таких условиях не только спорт невозможен в СССР, но даже обыкновенная жизнь». А когда Борис в 1926 году был осужден на пять лет ссылки за антисоветскую деятельность и причастность к скаутским отрядам, Иван решил

бежать из страны. Сначала он попытался оформить себе служебную командировку в Германию для закупки спортивного инвентаря и остаться там. Но из этого ничего не вышло, так как в последний момент ОГПУ запретило выезд из-за неблагонадежности командироваемого. Тогда, после возвращения Бориса из ссылки, братья решили покинуть страну нелегально. В предисловии к своему роману «Две силы» Иван Солоневич так описывал эту попытку бегства:

«Предварительная разведка показала, что только побег в Маньчжурию или Финляндию дает гарантию не быть выданными Советам. Решено было бежать через Карелию в Финляндию... Первая попытка состоялась в 1932 году. Но братья не знали, что в Карелии есть магнитные аномалии, и компасы там врут, как нанятые. Группа заблудилась. Иван заболел, и пришлось вернуться. ГПУ между тем что-то заподозрило, а при следующей попытке побега в 1933 году все были арестованы на пути к Мурманску».

В результате вместо Финляндии Солоневичи оказались в карельских лагерях — Иван вместе с сыном Юрием на стройке Беломоро-Балтийского канала, а Борис в Свирском лагере. Но в те времена лагерный режим еще не был так суров, как после 1937 года. Поэтому братья, известные спортсмены, были назначены лагерным начальством инструкторами по физкультуре. Это дало им возможность периодически встречаться на совещаниях физоргов и выработать план очередного побега. В июле 1934 года Иван и Борис уговаривают свое начальство провести межлагерные соревнования, после чего братья получают возможность выехать для подготовки их проведения в город Кемь (Иван едет туда вместе с помощником физорга — сыном Юрием). А 27 июля они совершили побег со станции Кивач Мурманской железной дороги и двинулись в сторону Финляндии. Хорошим спортсменам, им удалось преодолеть невероятно тяжелый путь. Борис пересек границу в районе Сортавалы 12 августа, а Иван и Юрий — двумя днями позже.

Сохранился интересный документ, относящийся к побегу Солоневичей:

«Управление лагерей и трудпоселений НКВД
Особоуполномоченный НКВД тов. Фельдман
копия:

Зам. нач. ИНО ГУГБ т. Берману

В начале октября 1934 года нами из ИНО ГУГБ было получено сообщение, что в белоэмигрантской газете “Последние Новости” напечатана информация о бегстве за границу из Беломорско-Балтийского лагеря НКВД заключенных Солоневича Ивана Лукьяновича и Солоневича Юрия Ивановича (отца и сына) и из Свирских лагерей НКВД заключенного Солоневича Бориса Лукьяновича (брата первого).

Произведенной проверкой установлено, что заключенные Солоневич И.Л. (осужденный 28.XI.33 года по ст. 58/6, 10 и 59/10 УК на 8 лет) и Солоневич Ю.И. (осужденный тогда же по ст. 58/10 и 59/10 УК на 3 года) отбывали меру социальной защиты в Белбалтлаге и, работая первый в качестве инструктора физкультуры Культурно-Воспитательного отдела ББЛ, а второй — слушателя курсов дорожного строительства, 17 июля с.г. подали на имя начальника Управления ББЛага НКВД т. Радецкого, ныне работающего в Управлении Пожарной охраны НКВД, рапорт о разрешении им командировки в гор. Кемь для подготовки и проведения спортивных соревнований.

Тов. Радецкий эту командировку разрешил, не поставив об этом в известность аппарат 3-го отдела ББЛага, который вследствие этого не мог обеспечить Солоневичей должным наблюдением на время их командировки.

Солоневичи под видом проведения указанной работы 27 июля с.г. совершили побег и ушли за кордон.

Для сведения ИНО ГУГБ сообщаю, что данные о бегстве из Свирских лагерей НКВД заключенного Солоневича Б.Л. также подтвердились.

Солоневич Б.Л. (осужденный по ст. 58/6, 10 и 59/10 УК на 8 лет) также в конце июля с.г., несмотря на возражение 3-го отдела, был послан администрацией лагерного пункта в командировку, откуда и совершил побег за кордон.

Нами дано распоряжение о привлечении к судебной ответственности всех виновных в допущении побега и несвоевременном объявлении розыска Солоневичей за исключением т. Радецкого, ныне работающего в Главном Управлении Пожарной охраны НКВД.

Начальник ГУЛАГ и трудпоселений НКВД Берман»⁶³.

Что касается Солоневичей, то они в первое время обосновались в Гельсингфорсе (Хельсинки). Чтобы пережить зиму 1934—35 годов, они устроились на работу грузчиками в порту, так как получить визы в какую-либо европейскую страну им не удалось. Более того, по русской колонии в Финляндии начали циркулировать упорные слухи о том, что побег Солоневичей был организован НКВД, дабы затеять новый «Трест». Слухи эти были следствием операции по компрометации братьев, разработанной в конце 1934 года при непосредственном участии заместителя начальника ИНО НКВД Б. Бермана. Реализация операции была поручена Управлению НКВД по Ленинградской области. Для этого использовали агента-двойника в Гельсингфорсе: в разговоре с ним сотрудник НКВД как бы невзначай посетовал на плохую организацию «мнимого побега» Солоневичей.

Возможно, Солоневичи надолго застряли бы в Финляндии, если бы не бывший однокашник Бориса по 2-й Вильненской гимназии капитан К.А. Фосс, возглавлявший в Болгарии так называемую «внутреннюю линию» РОВС. Узнав из эмигрантских газет о побеге Солоневичей, Фосс в феврале 1935 года написал Борису письмо, а потом попросил встретиться с беглецами из Советской России одного из лидеров Февральской революции, бывшего военного министра Временного правительства А. Гучкова. Иван Солоневич произвел на Гучкова самое благоприятное впечатление, и он предпринял попытку перевезти братьев из Финляндии в Западную Европу, где они, «энергичные и целеустремленные люди, могли бы развернуть антибольшевистскую пропаганду и встряхнуть эмиграцию». Вскоре Гучков оформил для братьев краткосрочную визу во Францию, и они направляются в Париж. Там Ивану, наконец, удалось встретиться с женой,

которую не отправили из Берлина в СССР лишь потому, что она вступила в фиктивный брак с немцем — профсоюзным работником. Находясь во Франции, Ивану Солоневичу при помощи редактора газеты «Последние новости» П. Милюкова удалось опубликовать сокращенный вариант своей книги «Россия в концлагере» и рассказ «Деревня». Но остаться во Франции братьям не удалось, и в начале мая 1936 года они прибыли в Софию.

Именно в Болгарии сбылась заветная мечта Ивана Солоневича — он начал издавать свою газету, которая со временем сыграла решающую роль в его выдвижении в идейные лидеры той части эмиграции, которая ориентировалась на восстановление монархии. Это новое издание, получившее название «Голос России», начало выходить 20 июня 1936 года и очень скоро завоевало огромную популярность. Читателей газеты привлекала не только критика большевизма, но и идейная направленность публицистики Ивана Солоневича. «Главной целью моей деятельности, — писал он, — является борьба за возрождение России, создание идеи, понятной и могущей быть противопоставленной идее коммунизма. Идеи, которая носится в воздухе там, в России, но не может получить конкретных форм под игом ГПУ... Эта идея проста и понятна — национальная православная народная монархия». Число сторонников «Голоса России» быстро росло, особенно среди рядового офицерства и людей, не связанных с лидерами эмиграции. Вскоре на базе кружков друзей газеты, которые возникли во многих странах, начало складываться так называемое «штабс-капитанское движение», которое Иван Солоневич охарактеризовал так: «“Штабс-капитаны” это представители того служилого люда России, которые вместе с мужиком должны составить основу будущей народной монархии»⁶⁴.

Но в связи с тем, что Солоневич остро критиковал русскую либеральную интеллигенцию, Милюкова, Гучкова и других инициаторов отречения Николая II, а также лидеров практически всех эмигрантских организаций, он нажил себе много врагов, особенно среди членов РОВС. Поэтому вновь

появились слухи о том, что Солоневичи являются агентами НКВД. Так, начальник РОВС в Финляндии генерал С. Добровольский 20 декабря 1936 года писал в Париж генералу Миллеру:

«Еще и в последний раз я прошу обратить внимание на “знаменитых братьев”, работа которых вам кажется полезной. В Гельсингфорсе я был с визитом у весьма компетентного в этом деле лица, которое, со слов директора дружеской фирмы (начальника финской военной разведки — авт.), имеет серьезные подозрения, считая, что мы имеем дело с опытными провокаторами, преследующими цель захвата эмигрантской активности, задачу, с которой они справляются блестяще»⁶⁵.

По заданию начальника РОВС в Болгарии генерала Ф. Абрамова и уже упоминавшегося Фосса за Солоневичами было установлено наблюдение, которое зафиксировало «встречу» Б. Солоневича со связником из Москвы. Эта встреча была подстроена резидентом ИНО НКВД в Болгарии В. Яковлевым, действовавшим под прикрытием должности работника советского консульства в Софии. После этого устранение Солоневичей стало для Фосса делом чести.

В начале ноября 1936 года два боевика РОВС направились к расположенной в пяти километрах от Софии в дачной местности Овча Купель вилле «Спокойствие», где проживали Солоневичи. Однако они не знали, что накануне там произошел вооруженный грабеж, во время которого погиб случайный прохожий и был убит полицейский. Поэтому полицейский патруль был особенно внимателен и задержал боевиков.

При обыске у них были обнаружены револьверы и удостоверения РОВС, подписанные бывшим белым офицером, а в тот момент заместителем начальника софийской полиции А. Браунером, в которых говорилось, что задержанные — негласные сотрудники полиции. Узнав о провале покушения, генерал Абрамов в ярости заявил Фоссу и Браунеру: «Если вы не можете организовать дело как следует, то сидите тихо, как зайцы, иначе работа РОВСа в Болгарии полетит

ко всем чертям!...» После этого Фоссу и Браунеру ничего не оставалось делать, как только продолжать следить за Солоневичами.

Не оставлял своим вниманием Ивана Солоневича и НКВД, особенно после того, как его антисоветская деятельность достигла апогея, а книга «Россия в концлагере» была переведена на 17 языков. Поэтому не стоит удивляться тому, что на одном из донесений из Софии относительно Ивана Солоневича заместитель начальника ИНО НКВД Шпигель-глаз в январе 1937 года наложил следующую резолюцию: «Не пора ли обезвредить?»

После этого в ИНО приступили к разработке ликвидации Ивана Солоневича. Было решено подбросить ему домой взрывное устройство, изготовление которого поручили отделу оперативной техники НКВД Украины, занимавшемуся экспериментами со взрывчаткой. А вся подготовка покушения заняла около года.

Утром 3 февраля 1938 года в редакцию газеты «Голос России» вошел молодой человек в коричневом пальто и мягкой шляпе, говоривший по-болгарски с легким русским акцентом. В руках у него был пакет, похожий на связку книг. Он передал его прислуге и немедленно удалился. В 10 часов утра секретарь Солоневича студент Н. Михайлов попытался вскрыть пакет. В этот момент раздался мощный взрыв. Михайлов погиб мгновенно — его практически разорвало на куски. Жена Ивана Солоневича, Тамара Владимировна, находившаяся рядом с Михайловым, была смертельно ранена и после страшных мучений скончалась в больнице. Ивана Солоневича и его сына Юрия, находившихся в соседней комнате, спасло чудо. Накануне они долго работали и легли спать очень поздно. Взрывом дверь в комнату, где они спали, вырвало из косяка, и она врезалась в стену в нескольких сантиметрах от головы Ивана Солоневича.

По факту взрыва болгарской полицией было проведено специальное расследование. В ходе его были исследованы обрывки бумаги, картона и целлулоида, найденные на месте преступления и извлеченные из тел погибших. На обрывках

оберточной бумаги эксперты обнаружили несколько болгарских слов, на основании чего они пришли к выводу, что упаковка взрывного устройства была произведена в Софии. Человека, принесшего пакет в редакцию, полиции так и не удалось найти.

Установить, кто был организатором покушения, полиции также не сумела, но неофициально полицейские утверждали, что пакет в редакцию «Голоса России» послали из советского полпредства. Среди эмигрантов преобладало мнение, что взрыв организовали агенты НКВД, хотя были и такие, кто считал, это дело рук боевиков РОВС. Сам Иван Солоневич придерживался последней точки зрения.

Иван Солоневич тяжело переживал смерть жены. Помимо этого его продолжали преследовать представители РОВС в Болгарии, несколько раз требовавшие от местных властей закрыть газету «Голос России» как «провокационное издание, за которым стоят большевистские агенты». В конце концов они добились своего, и в августе 1938 года газета была запрещена.

После этого Иван Солоневич был вынужден покинуть Болгарию и перебрался в Германию, где первое время сотрудничал с геббельсовским министерством пропаганды. Однако он довольно быстро понял, что фашизм не принесет освобождения народу России, и в 1941 году категорически отказался от предложения пропагандировать успехи вермахта на Востоке. Расправа последовала незамедлительно — его арестовали и сослали в небольшой померанский городок под надзор гестапо «за пораженческие настроения». В 1947 году Солоневич эмигрировал из Европы в Южную Америку — сначала в Аргентину, а затем в Уругвай. Однако и там он остался верен себе и начал издавать газету «Наша страна», которая стала преемницей «Голоса России». В это же время он публикует, пожалуй, самую сильную свою книгу «Народная монархия».

В Москве также продолжали внимательно следить за Солоневичем. Так, в 1950 году советским посольством в Аргентине была составлена для ЦК ВКП(б) справка о деятельности

ти местной русской колонии, в которой о Солоневиче говорилось следующее:

«Среди лидеров колонии отдельные лица играли до войны видную роль. Достаточно упомянуть о таких ее “вождях”, как Вербицкий или Солоневич. Последний в августе с.г. за выступления против перонистского правительства был выслан из Аргентины и в настоящее время находится в Уругвае, откуда руководит своей газетой “Наша страна”. Он монархист, полусумасшедший, называет себя теоретиком старого русского течения, пишет бредовые статьи, фантазирует, его статьи пронизаны антисоветизмом»⁶⁶.

Тяжелые испытания и постоянное напряжение сил подорвали здоровье Солоневича, и в начале 1953 года он почувствовал сильнейшие боли в желудке. Медицинское обследование показало, что у него рак, причем в очень запущенной форме. 24 апреля 1953 года ему сделали операцию, но было уже слишком поздно, и он умер прямо на операционном столе. Похоронили Ивана Солоневича в Монтевидео, на Английском кладбище.

ВЗРЫВ В РОТТЕРДАМЕ

Успешно завершив ряд мероприятий по нейтрализации РОВС и некоторых других белоэмигрантских организаций и продолжая операции, направленные против Троцкого и его сторонников, на Лубянке не забывали и об украинских националистах. Ведь убийство в мае 1926 года С. Петлюры не привело к ожидаемым результатам, а наоборот; выдвинуло на первые роли в украинской эмиграции Е. Коновальца и возглавляемую им Организацию украинских националистов (ОУН).

Новый лидер украинских националистов Евгений Коновалец родился 14 июня 1891 года в селе Зашков Львовского уезда. В 1909 году он закончил Львовскую академическую гимназию и поступил на юридический факультет Львовского университета. Во время учебы он постоянно участвовал в

студенческих волнениях (в частности, в выступлениях с требованием открыть украинский университет во Львове, во время которых был убит студент Адам Коцко), а в 1912 году был избран секретарем львовского филиала общества «Просвита» (Просвещение) и регулярно публиковался в его ежемесячнике «Письмо з Просвиты». В 1913 году Коновальца избрали членом главной управы Украинского студенческого союза, и тогда же он вступил в Украинскую национально-демократическую партию. В начале Первой мировой войны Коновальца мобилизовали в австро-венгерскую армию и направили в 19-й полк краевой обороны Львова. В мае 1915 года во время боев на горе Маковке в Карпатах он попал в русский плен и до сентября 1917 года находился в лагерях для военнопленных в Черном Яре и Царицыне. После Февральской революции он занимался агитацией среди военнопленных-украинцев, а в сентябре 1917 года бежал из лагеря.

Добравшись до Киева, Коновалец приступил к формированию Галицко-Буковинского куреня сичевых стрельцов, став в январе 1918 года его командиром. В январе-феврале 1918 года сичевые стрельцы сражались против большевиков под Киевом, а в марте при поддержке немецкой армии заняли город, причем Коновалец «прославился» кровавой расправой над рабочими завода «Арсенал». Однако уже 1 мая, после разгона немцами Центральной Рады и прихода к власти гетмана Скоропадского, полк сичевых стрельцов был разоружен и расформирован.

Впрочем, сам Коновалец, оставшись в Киеве, занялся формированием новой части и в августе 1918 года получил от Скоропадского разрешение на создание отдельного отряда сичевых стрельцов с дислокацией в Белой Церкви.

В ноябре 1918 года Коновалец вступил в переговоры со Скоропадским об условиях поддержки так называемыми «национально-демократическими силами» правительства гетмана, настаивая на недопустимости установления федеративных отношений с Россией. Однако переговоры закончились ничем, и Коновалец поддержал Петлюру, выступив против частей Скоропадского. Впоследствии он командовал дивизией и

корпусом армии Украинской народной республики (УНР), ведя бои против Красной Армии и отрядов Деникина. В декабре 1919 года, после того, как войска УНР были разбиты и отступили на территорию Польши, Коновалец распустил свои отряды сичевых стрельцов, а сам был интернирован поляками в лагерь для военнопленных в Луцке.

После освобождения из лагеря весной 1920 года Коновалец уехал в Чехословакию, желая продолжить борьбу с Советской властью. С этой целью он принял участие в создании «Украинской военной организации» (УВО), которая официально начала свою деятельность 3 августа 1920 года. Ядро УВО составили выходцы из Галичины, воевавшие сначала в отрядах сичевых стрельцов, а потом в составе «Украинской галицкой армии». Главой УВО был избран Коновалец, а его ближайшими помощниками стали Андрей Мельник, Юрко Головинский, Роман Сушко и Рико Ярый. Здесь интересно будет отметить, что для УВО было характерно парадоксальное пристрастие к Ю. Пилсудскому, несмотря на ненависть к Польше и всему польскому.

Так, например, методы деятельности и даже название своей организации лидеры УВО позаимствовали у созданной им в свое время «Польской организации войсковой». С самого начала своего существования УВО развернула террористическую деятельность на территории Западной Украины. При этом многие из активистов организации погибли во время этих акций или были казнены польскими властями, что, конечно, не могло не создать вокруг сторонников Коновальца определенный ореол мученичества и обеспечить им поддержку со стороны части населения Западной Украины, особенно среди студентов.

Среди руководства УВО процветала борьба за власть. Потерпев поражение от руководителя «Западно-Украинской народной республики» Петрушевича, Коновалец в 1923 году покинул свой пост «начального коменданта» УВО. Его место занял руководитель «Политической коллегии» атаман Я. Селезенка, краевым комендантом УВО на Западной Украине стал А. Мельник, впоследствии лидер ОУН. Затем,

после крупного провала в феврале 1924 года, когда польская полиция, захватив оставленные начальником разведки УВО О. Думиным на квартире руководительницы женского направления украинского националистического движения О. Басараб важные документы, арестовала Мельника (4 года он отсидел в тюрьме, Басараб была убита во время допроса через 4 дня после ареста), из УВО, в результате обострившейся внутренней борьбы, был исключен ряд активистов, создавших свою «Западно-Украинскую народную революционную организацию», вскоре самоликвидировавшуюся.

Помимо УВО, в 1920-е годы образовались еще две связанные с ней политические организации — «Союз украинской национальной молодежи», созданный в Праге в 1924 году и «Легия украинских националистов», возникшая там же годом позже. «Легия» в свою очередь, явилась результатом объединения нескольких мелких групп, одной из которых был «Союз украинских фашистов». Во главе ее стоял бывший подполковник Микола Сциборский, претендовавший на роль идеолога и являвшийся одним из наиболее ярых проповедников фашизма среди украинских националистов.

Но поскольку УВО являлось объединением бывших военнослужащих, аналогичным русскому РОВС, то в конце 1920-х годов появилась идея трансформировать ее в политическую организацию. В результате на проходившем с 27 января по 3 февраля 1929 года в Вене I Конгрессе украинских националистов УВО объединилась с «Легией» и «Союзом украинской национальной молодежи» в единую Организацию украинских националистов — ОУН. Вождем ОУН был провозглашен Коновалец. Тогда же был утвержден флаг организации (красно-черный) и фашистское приветствие — поднятие вверх правой руки. В руководство организации (так называемый «провод украинских националистов», председателем которого был избран Коновалец), вошли представители всех трех объединившихся групп, но преобладали в нем сторонники Коновальца. В это же время начались усиленные попытки оуновских лидеров найти союзников по антисоветской деятельности в различных националистичес-

ких движениях в разных странах, в том числе и в Германии. Но в первую очередь лидеры ОУН старались наладить связи со своими соседями и коллегами — литовскими националистами и национал-шовинистами.

Деятельность ОУН с первых дней вызывала серьезную обеспокоенность у советского руководства, особенно после того, как ее лидеры начали прибегать к террористическим актам, направленным против советских представителей как на Украине, так и за рубежом. Еще в 1933 году, после убийства в октябре во Львове террористом ОУН Миколой Лемиком сотрудника ИНО ОГПУ Андрея Майлова, работавшего под дипломатическим прикрытием, председатель ОГПУ В. Менжинский издал приказ о разработке плана действий по нейтрализации террористических акций украинских националистов. Тогда же на запрос из Москвы ГПУ УССР сообщило, что ему удалось внедрить в ОУН своего проверенного агента Лебеда, известного украинским националистам как Хомяк, о котором необходимо рассказать более подробно.

Василий Владимирович Лебедь родился в 1899 году в Галиции. В годы Первой мировой войны он служил в украинских формированиях австро-венгерской армии, так называемых «украинских сичевых стрельцах», затем попал в русский плен и с 1915 по 1918 год просидел вместе с будущим вождем ОУН Коновальцем в лагере для военнопленных под Царицыном. В Гражданскую войну он стал заместителем Коновальца и командовал пехотной дивизией, сражавшейся против частей Красной Армии на Украине. В 1920 году, после отступления отрядов УНР в Польшу, Лебедь остался на Украине, где вскоре и был привлечен к сотрудничеству с органами ВЧК. Но когда это произошло, доподлинно неизвестно. Что касается дальнейшей судьбы Лебеда, то о ней известно немного. В годы Великой Отечественной войны он являлся сотрудником судоплатовского 4-го (диверсионного) управления НКВД, был заброшен на Украину, где командовал одним из прославленных отрядов ОМСБОНа. После войны он продолжал служить в органах госбезопасности,

работая, в том числе, и под прикрытием украинского дипломата за рубежом. Умер Лебедь в 70-е годы в Киеве.

Стоит также отметить, что в украинской националистической литературе Лебеда упорно именуют Хомяком. Неизвестно, действительно ли это была его настоящая фамилия, а Лебедем он стал, когда начал работать в ВЧК, или же наоборот. Однако смело можно утверждать, что к началу 30-х годов никаких сомнений в том, что Лебедь является руководителем националистического подполья на Украине у Коновальца и других лидеров ОУН не было.

Во многом это было следствием того, что для эмигрантов Лебедь-Хомяк имел хорошо разработанную легенду, которая объясняла его широкие связи на Украине. Он якобы окончил специальные финансовые курсы в Харькове и работал там же в строительном тресте. Когда же в начале 30-х годов на Украине начались аресты, Лебедь по совету своего тестя скрылся из города, устроился с помощью знакомых моряков по фальшивым документам на советский корабль, на котором и прибыл в начале августа 1933 года в Бельгию. Здесь он встретился с Коновальцем и другими руководителями ОУН, которые достали ему документы на фамилии Найденко и Пригода. Около года он находился за границей, и сумел за это время вступить в контакты с руководителями немецкого абвера в Берлине. И именно они, помимо прочего, сообщили Лебедю о том, что Коновальца дважды принимал Гитлер, и что во время одной из встреч Гитлер предложил ему направить несколько оуновцев в нацистскую партийную школу в Лейпциге для того, чтобы они прошли там курс обучения.

В октябре 1934 года Лебедь через Финляндию возвратился на Украину в Киев и доложил своему руководству, что Коновалец рассматривает его как «своего человека» в СССР, способного провести подготовительную работу для захвата националистами власти в Киеве в случае войны, и что аналогичные расчеты строит в отношении его и немецкая разведка. Этим обстоятельством и решили воспользоваться в Москве для того, чтобы внедрить в ОУН своего сотрудника.

Перед ним ставилась та же задача, что и в других проводимых чекистами в те годы операциях по типу «Треста» — убедить эмигрантов в том, что их террористическая деятельность на Украине не имеет никаких шансов на успех, что власти немедленно разгромят небольшие очаги сопротивления и что надо держать все силы и подпольную сеть в резерве, пока не начнется война между Германией и Советским Союзом, и только в этом случае их использовать.

Эта операция началась в марте 1935 года, когда от Лебеда пришло письмо на конспиративный адрес ОУН в Финляндии. В нем он сообщал, что скоро прибудет в Хельсинки и хочет встретиться с представителями оуновского руководства. Кроме того, в своем письме Лебедь сообщал, что вместе с ним прибудет и его воспитанник, молодой активный националист, который на самом деле был сотрудником ИНО НКВД Павлом Судоплатовым. В июне 1935 года Лебедь вместе с Судоплатовым прибыли в Финляндию. Там Лебедь представил Судоплатова как Павла Грищенко, молодого поэта и своего воспитанника, вполне пригодного для работы в подполье. Выполнив эту задачу, Лебедь в августе того же года через Финляндию вернулся на Украину.

Здесь надо особо отметить, что у ИНО НКВД в это время появился еще один агент в ОУН, Кондрат Полуведько, недавно ставший главным представителем Коновальца в Финляндии. Полуведько, в период Гражданской войны получивший определенную известность в петлюровских кругах (он был украинским эсером), рано порвал с эсерами, отошел от активной политической деятельности и некоторое время работал в системе наркомпроса Украины, занимая в нем довольно видное положение. Однако, когда в начале 30-х годов украинские чекисты обратились к нему с предложением выехать за границу для работы против украинских националистов, Полуведько согласился им помочь.

Для него была разработана легенда, согласно которой он входил в одну из националистических групп, ликвидированных в начале 30-х годов, был осужден, однако сумел бежать с Соловков в Финляндию. Оказавшись в Хельсинки,

Полуведько присоединился к здешним оуновцам и вскоре завоевал их полное доверие. Более того, после отъезда местного националистического лидера Ярослава Барановского в Аргентину, его даже избрали главой Украинской Громады в Финляндии. Несколько позднее он стал членом ОУН и ее представителем в Хельсинки. Его главной задачей было поддержание связи между украинскими националистами в изгнании и их подпольной организацией в Ленинграде. Эти контакты были для оуновцев чрезвычайно важными, так как именно в Ленинграде, в знаменитой библиотеке имени Салтыкова-Щедрина они прятали свои архивы. И хотя в НКВД об этом знали давно, обнаружить архивы удалось лишь после окончания Второй мировой войны, в 1949 году.

Что же касается Судоплатова, то он в конце 1935 года встретился с прибывшими в Хельсинки связными от Коновальца — Омеляном Сенник-Грибевским из Праги и Дмитрием Андриевским из Брюсселя, вместе с которыми и отправился в Германию. В январе 1936 года Судоплатов прибыл в Берлин, где прожил полгода под фамилией Норберт. Здесь он встретился с лидером ОУН Коновальцем. Встреча проходила на квартире, находившейся в здании Музея этнографии и выделенной Коновальцу абвером. А вскоре Судоплатова послали на три месяца в нацистскую школу в Лейпциге, где он имел возможность познакомиться с оуновским руководством. Слушателей этой школы, естественно, интересовала личность Судоплатова, едва ли не единственного из них выходца с Советской Украины, однако никаких проблем с его «легендой» не возникло. Более того, в общении со своими «коллегами» по нацистской партийной школе Судоплатов держался абсолютно уверенно и независимо: ведь он «представлял головную часть» их подпольной организации на Украине, в то время как они являлись всего лишь эмигрантами, существовавшими на немецкие подачки. Он имел право накладывать вето на их предложения, поскольку выполнял инструкции своего «дяди» («вуйко»). Поэтому если что-то в их высказываниях ему не нравилось, достаточно было просто сказать: «Вуйко не велел!»

На руку Судоплатову было и то обстоятельство, что в это время в рядах руководителей ОУН началась борьба за власть, которая шла между двумя их главными группировками: «стариками» и «молодежью».

Первых представляли Коновалец и его заместитель и правая рука Андрей Мельник. Мельник был на год старше Коновальца и они были женаты на родных сестрах. «Молодежь» же возглавляли Степан Бандера и Роман Шухевич. Судоплатов умело воспользовался этими распрями: он сумел войти в доверие к Коновальцу, всячески прикидываясь его сторонником в борьбе против оппозиции «молодых» и, пользуясь доверием смелого, энергичного, но недалекого Коновальца, всячески разжигал неприязнь и недоверие между двумя поколениями оуновцев и их лидерами.

Помимо этого Судоплатову удалось вместе с Коновальцем совершить поездки в Париж и Вену, где он встречался лидерами «украинского правительства в изгнании» и присутствовал на переговорах о возможном развертывании сил подполья на Украине в случае начала войны.

Благодаря этому ему удалось установить, что вожди ОУН собираются в случае нападения Германии на СССР создать при поддержке немцев независимое Украинское государство. А для осуществления этих планов уже было создано две бригады общей численностью около двух тысяч человек. Кроме того, началась подготовка административных органов для областей «освобожденной» Украины.

В начале 1937 года в Москве было принято решение вывести Судоплатова на территорию СССР. Для этого его «дядя» Хомяк-Лебедь по конспиративным каналам прислал Коновальцу через Финляндию распоряжение о возвращении «племянника» на Украину, где его должны были оформить радиостом на советское судно, регулярно заходившее в иностранные порты. Это якобы давало бы ему возможность поддерживать постоянную связь между подпольем ОУН на Украине и националистическими организациями за рубежом. Коновальцу идея пришлась по душе, и он согласился с возвращением Судоплатова в СССР.

Летом 1937 года Судоплатов через Брюссель направился в Финляндию, где попытался нелегально перейти границу, но был задержан финским пограничным патрулем и доставлен в Хельсинки. Там он находился около месяца, пока с помощью людей Коновальца не был освобожден, и въехал в СССР легально через Эстонию. Об успешных результатах работы Судоплатова было доложено высшему партийному руководству СССР и Украины — Сталину, первому секретарю ЦК Компартии Украины С. Косиору и Председателю ЦИК республики Г. Петровскому. А год спустя Судоплатова наградили орденом Красного Знамени.

В сентябре 1937 года Судоплатов, прикрываясь новой легендой — должностью радиста на грузовом судне — вновь выехал за границу в Бельгию. Там он встретился с ближайшими помощниками Коновальца — Дмитрием Андриевским и Ярославом Барановским, которые передали ему 1000 долларов, после чего вернулся в Москву.

Тем временем в Кремле внимательно ознакомились с полученной в ходе поездки Судоплатова информацией, касающейся планов лидеров ОУН. Она не могла не вызвать серьезного беспокойства, особенно в связи с обострением международной ситуации и возможной войной между СССР и Германией. В результате было принято решение о проведении специальных операций против лидеров ОУН, и прежде всего — против Коновальца. В середине ноября 1937 года Сталин вызвал к себе наркома НКВД СССР Н. Ежова, начальника ИНО НКВД А. Слуцкого и Судоплатова, которого попросил доложить о сложившемся положении в украинской эмиграции. Доклад Судоплатова был краток:

«Я вкратце описал бесплодные дискуссии между украинскими националистическими политиками по вопросу о том, кому из них какую предстоит сыграть роль в будущем правительстве. Реальную угрозу, однако, представлял Коновалец, поскольку он активно готовился к участию в войне против нас вместе с немцами. Слабость его позиции заключалась в постоянном давлении на него и возглавляемую им организацию со стороны польских властей, которые хотели

направить украинское национальное движение в Галиции против Советской Украины»⁶⁷.

После доклада Сталин предложил Ежову и Судоплатову через неделю представить свои предложения по решению сложившейся ситуации.

В свою очередь Ежов приказал заместителю начальника ИНО Шпигельглазу и Судоплатову приступить к работе над выполнением задания Сталина, и уже на следующий день на основе их предложений начальник ИНО Слуцкий направил Ежову докладную записку, в которой предлагалось с целью интенсивного внедрения в ряды ОУН послать в Германию трех сотрудников НКВД УССР в качестве слушателей в нацистскую партийную школу. Вместе с ними предполагалось направить для подстраховки и одного подлинного украинского националиста, при этом не слишком сообразительного.

Ежов не стал задавать вопросов, однако предложил Судоплатову выехать в Киев и посоветоваться с руководителями Советской Украины Косиором и Петровским. В ходе этой встречи оба украинских руководителя проявили интерес к предложенной разведчиками двойной игре. Однако больше всего их заботило предполагавшееся тогда провозглашение независимой Прикарпатской Украины, которая могла стать центром притяжения всех националистических боевиков, а также плацдармом для работы германского абвера.

Через неделю после возвращения Судоплатова из Киева Ежов вновь вызвал его и отправился вместе с ним к Сталину, у которого находился Петровский. Судоплатов изложил им план оперативных мероприятий против ОУН, главной целью которого было проникновение в абвер через украинские каналы. Когда же Сталин попросил высказаться Петровского, тот заявил, что на Украине Коновалец заочно приговорен к смертной казни за расстрел рабочих «Арсенала» в 1918 году.

Сталин же, перебив его, сказал: «Это не акт мести, хотя Коновалец и является агентом германского фашизма. Наша цель — обезглавить движение украинского фашизма накануне войны и заставить этих бандитов уничтожать друг друга в борьбе за власть»⁶⁸.

В результате Судоплатов получил личный приказ Сталина ликвидировать Коновальца и под руководством Слуцкого и Шпигельглаза приступил к разработке вариантов предполагавшейся операции. Наиболее просто было бы застрелить Коновальца в упор, но в связи с тем, что его часто сопровождал Ярослав Барановский, это представлялось вряд ли исполнимым. Гораздо более реально было бы передать Коновальцу взрывное устройство, замаскированное под «ценный подарок». Этот вариант показался наиболее приемлемым: если часовой механизм сработает как положено, то Судоплатов смог бы вовремя уйти с места встречи. Сотрудник отдела оперативной техники НКВД Александр Тимашков получил задание изготовить взрывное устройство, внешне выглядевшее как коробка шоколадных конфет, расписанная в традиционном украинском стиле. При этом часовой механизм не надо было приводить в действие особым переключателем — взрыв должен был произойти ровно через полчаса после изменения положения коробки из вертикального в горизонтальное. Судоплатову надлежало держать коробку в первом положении в большом внутреннем кармане своего пиджака. Предполагалось, что он передаст этот «подарок» Коновальцу и покинет помещение до того, как мина работает.

Ежов лично принял Судоплатова перед началом операции, а о том, как она была проведена, Судоплатов рассказывает следующее:

«Когда мы вышли от Ежова, Шпигельглаз сказал:

— Тебе надлежит в случае провала операции и угрозы захвата противником действовать как настоящему мужчине, чтобы ни при каких условиях не попасть в руки полиции.

Фактически это был приказ умереть. Имелось в виду, что я должен буду воспользоваться пистолетом “вальтер”, который он мне дал.

Шпигельглаз провел со мной более восьми часов, обсуждая различные варианты моего ухода с места акции. Он снабдил меня сезонным железнодорожным билетом, действительным на два месяца на всей территории Западной Евро-

пы, а также вручил фальшивый чехословацкий паспорт и три тысячи американских долларов, что по тем временам было большими деньгами. По его совету я должен был обязательно изменить свою внешность после “ухода”: купить шляпу, плащ в ближайшем магазине»⁶⁹.

В начале мая 1938 года Судоплатов с изготовленной Тимашковым миной на грузовом судне «Шилка» отплыл из Ленинграда. Из Норвегии он позвонил Коновальцу договориться о встрече в германском порту Киль и неожиданно услышал предложение перенести ее в Италию, куда его доставит немецкий самолет. Разумеется, Судоплатов отказался от этого варианта, сославшись на то, что не может отлучаться с судна во время стоянок более чем на пять часов, после чего рандеву было назначено в Роттердаме, в ресторане «Атланта», находившемся неподалеку от центрального почтамта и железнодорожного вокзала. О том, как проходила ликвидация Коновальца, Судоплатов вспоминал следующее:

«Прежде чем сойти на берег в Роттердаме, я сказал капитану, который получил инструкции выполнять все мои распоряжения, что, если не вернусь на судно к четырем часам дня, ему надлежит отплыть без меня. Тимашков, изготовитель взрывного устройства, сопровождал меня в этой поездке и за десять минут до моего ухода с судна зарядил его. Сам он остался на борту судна...

23 мая 1938 года после прошедшего дождя погода была теплой и солнечной. Время без десяти двенадцать. Прогуливаясь по переулку возле ресторана “Атланта”, я увидел сидящего за столиком у окна Коновальца, ожидавшего моего прихода. На сей раз он был один. Я вошел в ресторан, подсел к нему, и после непродолжительного разговора мы условились снова встретиться в центре Роттердама в 17.00.

Я вручил ему подарок, коробку шоколадных конфет, и сказал, что мне сейчас надо возвращаться на судно. Уходя, я положил коробку на столик рядом с ним. Мы пожали друг другу руки, и я вышел, сдерживая свое инстинктивное желание тут же броситься бежать.

Помню, как, выйдя из ресторана, свернул направо на боковую улочку, по обе стороны которой располагались многочисленные магазины.

В первом же из них, торговавшем мужской одеждой, я купил шляпу и светлый плащ. Выходя из магазина, я услышал звук, напоминавший хлопок лопнувшей шины. Люди вокруг меня побежали в сторону ресторана. Я поспешил на вокзал, сел на первый же поезд, отправлявшийся в Париж, где утром в метро меня должен был встретить человек, лично мне знакомый. Чтобы меня не запомнила поездная бригада, я сошел на остановке в часе езды от Роттердама. Там, возле бельгийской границы, я заказал обед в местном ресторане, но был не в состоянии притронуться к еде из-за страшной головной боли. Границу я пересек на такси — пограничники не обратили на мой чешский паспорт ни малейшего внимания. На том же такси я доехал до Брюсселя, где обнаружил, что ближайший поезд на Париж только что ушел. Следующий, к счастью, отходил довольно скоро, и к вечеру я был уже в Париже.

Все прошло без сучка и задоринки. В Париже меня, помню, обманули в пункте обмена валюты на вокзале, когда я разменивал сто долларов. Я решил, что мне не следует останавливаться в отеле, чтобы не проходить регистрацию: голландские штемпели в моем паспорте, поставленные при пересечении границы, могли заинтересовать полицию.

Служба контрразведки, вероятно, станет проверять всех, кто въехал во Францию из Голландии.

Ночь я провел, гуляя по бульварам, окружавшим центр Парижа. Чтобы убить время, пошел в кино. Рано утром, после многочасовых хождений, зашел в парикмахерскую побриться и помыть голову. Затем поспешил к условленному месту встречи, чтобы быть на станции метро к десяти утра. Когда я вышел на платформу, то сразу же увидел сотрудника нашей разведки Агаянца, работавшего третьим секретарем советского посольства в Париже. Он уже уходил, но, заметив меня, тут же вернулся и сделал знак следовать за ним. Мы взяли такси до Булонского леса, где позавтракали, и я

передал ему свой пистолет и маленькую записку, содержание которой надо было отправить в Москву шифром. В записке говорилось: «Подарок вручен. Посылка сейчас в Париже, а шина автомобиля, на котором я путешествовал, лопнула, пока я ходил по магазинам». Агаянц, не имевший никакого представления о моем задании, проводил меня на явочную квартиру в пригороде Парижа, где я оставался в течение двух недель»⁷⁰.

К рассказу Судоплатова необходимо добавить, что взрыв произошел в 12 часов 15 минут на главной улице Роттердама Колсингер, близ кинотеатра «Люмис». Сила взрыва была столь велика, что тело Коновальца было выброшено на проезжую часть. От правой ноги и левой руки ничего не осталось. Все тело было изуродовано, кроме головы, которая осталась цела. В результате взрыва также пострадало четверо прохожих-голландцев. При убитом был обнаружен паспорт на имя Йозефа Новака и счет за номер в гостинице «Централь».

Вскоре полиция выяснила, что убитый прибыл в отель в 11.15 и снял комнату. Приняв ванную, он пошел в кафе «Атланта», где в 11.45 встретился с высоким черноволосым мужчиной 30—35 лет, пришедшим на несколько минут позже. Мужчина выпил пива, передал Коновальцу пакет, завернутый в бумагу и напоминавший по виду книгу, заплатил за пиво и ушел. После этого убитый также оплатил счет, вышел из кафе и перешел площадь, задержавшись ненадолго у кинотеатра «Люмис». В это время и раздался взрыв. При обыске в комнате убитого были обнаружены пишущая машинка с украинским шрифтом, небольшое черное распятие и книга на немецком языке «История фашистского движения». В 15.30 на квартиру пришел Ярослав Барановский, который был арестован и на допросе сообщил, что убитый — лидер ОУН Евгений Коновалец, прибыл в ночь с 22 на 23 мая поездом из Берлина в Роттердам для встречи с неким «Валюхом».

На следующий день после взрыва голландская полиция в сопровождении Барановского произвела проверку экипажей

всех советских судов, находившихся в роттердамском порту. Они искали человека, запечатленного на фото, которое было в их распоряжении. Это была фотография, сделанная в свое время уличным фотографом в Берлине.

Барановскому было известно, что Коновалец собирался встретиться с курьером-радистом с советского судна, появившимся в Западной Европе. Однако он вовсе не был уверен, что это был именно тот самый курьер — «племянник Лебеда». Голландская полиция знала о телефонном звонке Коновальцу из Норвегии и, естественно, подозревала, что звонил его агент. Правда, никто не знал наверняка, с кем именно Коновалец встречался в тот роковой для него день. Как утверждают украинские националисты, голландская полиция установила, что в порту Роттердама с 21 по 24 мая 1938 года стояло советское торговое судно «Менжинский» (как это соотносить с тем фактом, что Судоплатов в своих воспоминаниях называет судно «Шилкой», непонятно) и что из офиса фирмы некоего Даниеля Вольфа в Роттердаме, известного своими прокоммунистическими симпатиями, в 15 часов в день убийства состоялся телефонный разговор с Москвой.

Что до Судоплатова, то он по подложным польским документам отправился из Парижа сначала на машине, а затем поездом в Барселону.

Местные газеты сообщали о террористическом акте в Роттердаме, где украинский националистический лидер Коновалец, путешествовавший по фальшивому паспорту, погиб при взрыве на улице. В газетных сообщениях выдвигалось несколько версий: либо его убили советские чекисты, либо агенты гестапо, либо соперничающая группировка украинцев, либо, наконец, поляки — в отместку за убийство в 1935 году оуновцами министра внутренних дел Польши генерала Б. Перацкого. Следует также добавить, что ни у абвера, ни у ОУН не было улик для раскрытия истинных причин гибели Коновальца. Конечно, они могли подозревать курьера или связника, прибывшего на встречу в Роттердам, но в их руках не было никаких доказательств.

Смерть Коновальца, как и предполагали в Москве, вызвала раскол в ОУН. 27 августа 1939 года «старики» провозгласили новым вождем ОУН ближайшего соратника Коновальца А. Мельника. Но с этим решением были категорически не согласны «молодые», рвавшиеся во власть.

Масло в огонь подлило освобождение в сентябре 1939 года немцами из польской тюрьмы С. Бандеры, который был осужден за покушение на Перацкого. В результате в 1940 году «молодые» устроили бунт — в феврале Бандера собрал в Кракове конференцию, на которой был создан главный революционный трибунал, который вынес смертные приговоры многим сторонникам Мельника.

Начались кровавые разборки, в ходе которых было уничтожено около 400 мельниковцев и более 200 бандеровцев. Окончательное размежевание произошло в апреле 1941 года, когда бандеровцы собрали в Кракове «великий сбор», после которого ОУН распалась на ОУН-М (мельниковцы) и ОУН-Б (бандеровцы).

КТО УБИЛ «ГЕНИЯ ПРОПАГАНДЫ»?

Говоря о преследовании троцкистов за рубежом, необходимо отметить, что в Кремле справедливо считали — Троцкий и его сторонники опасны не только сами по себе, они еще и раскалывают международное коммунистическое движение, сея сомнения в умах тех иностранных коммунистов, которые после московских процессов стали задумываться о правильности проводимого СССР курса. В. Мюнценберг, о котором пойдет речь, был одним из тех коммунистов-иностранцев, которые получили советское гражданство, но по ряду причин отказались возвращаться в Москву и после этого открыто высказывались против проводимой Кремлем политики и гневно осуждали имевшие место в Советском Союзе репрессии. Его судьба может служить прекрасной иллюстрацией того, как в конце 30-х годов заканчивалась жизнь коммуниста и функционера Коминтерна, который хоть в чем-то перечил Москве.

Вильгельм (Вилли) Мюнценберг родился 14 августа 1889 года в Эрфурте в семье лесничего, ставшего позднее владельцем деревенского трактира. С 15 лет он начал работать на эрфуртской обувной фабрике, где в 1906 году вступил в социал-демократический рабочий образовательный союз «Пропаганда». С этого момента началась его активная политическая деятельность, связанная с международным коммунистическим движением.

В 1910 году Мюнценберг в качестве странствующего подмастерья отправился в Швейцарию и поселился в Цюрихе, где устроился разносчиком в аптеке. Впрочем, этой работой он практически не занимался, так как все основное время уделял политике, где вскоре добился значительных успехов. Будучи одним из основателей объединения Социалистической молодежи Швейцарии, Мюнценберг в 1914 году становится его руководителем. В это же время он очень близко сошелся с проживающим в Швейцарии В. Лениным, который явно выделял его среди других местных социал-демократов. Особенно Ленин восторгался редактируемой Мюнценбергом газетой «Интернационал молодежи», которую усиленно рекомендовал для чтения всем членам РСДРП(б).

Во время Первой мировой войны Мюнценберг руководил боевыми забастовками и демонстрациями швейцарских рабочих, за что был арестован полицией и интернирован в лагерь для иностранцев. Там в мае 1918 года он написал и опубликовал брошюру «Борьба и победа большевиков», а после революции в Германии вернулся на родину. В Германии Мюнценберг возглавил группу «Спартакосцев» в Штутгарте, а после образования компартии Германии стал ее членом и руководителем немецкого молодежного коммунистического движения.

В 1919 году по заданию Ленина Мюнценберг участвовал в организации Коммунистического Интернационала Молодежи (КИМ), учредительный съезд которого прошел 20 ноября в Берлине. А в 1921 году он становится сотрудником созданного при Коминтерне секретного Отдела международных связей (ОМС), главной задачей которого являлось осу-

ществование конспиративных связей между ИККИ и коммунистическими партиями, что включало в себя пересылку информации, документов, директив и денег, переброску функционеров Коминтерна из страны в страну и т.д. ОМС работал в тесном контакте с ИНО ОГПУ и Разведупром РККА и вовлекал в секретную разведывательную работу иностранных коммунистов и сочувствующих, поскольку те охотнее помогали Коминтерну, чем советской разведке. Недаром очень многие агенты ОГПУ-НКВД в 30-х годах были уверены, что работают именно на Коминтерн. Помимо вербовки агенты ОМС занимался проведением «активных мероприятий» — формированием нужного СССР общественного мнения в зарубежных странах. И именно в этой сфере деятельности Мюнценберг достиг огромных успехов.

В 1921 году Мюнценберг основал и возглавил знаменитый Международный фонд помощи рабочим (МОПР) со штаб-квартирой в Берлине. А в 1926 году он руководил уже целым пропагандистским концерном.

В Германии в его распоряжении были две ежедневные газеты «Вельт ам Абенд» и «Берлин ам Морген», иллюстрированный журнал «Анруф», журналы «Дер роте Ауфбау» и «Арбейтер иллюстрире», вторая по величине иллюстрированная газета Германии «АИЦ», журналы на французском и английском языках, чехословацкая еженедельная газета «Ди вельт ам Зонтаг». Кроме того, он возглавлял кинопредприятие «Межрабпом», а также издательство «Нойен дойчен ферлаг», сеть киноторговли и всеобщую библиотеку «Универсум библиотек». Недаром в это время его называли «гением пропаганды КПГ», а его издания и предприятия — «концерном Мюнценберга». Кроме того, Мюнценберг смог очень быстро заручиться поддержкой целого ряда независимых писателей, художников, ученых. Так, плакат, сделанный для него Кете Кольвиц в 1923 году, на котором был изображен ребенок с широко раскрытыми глазами, жадно просящий хлеба, до сих пор считается образцом произведений подобного рода. Баббета Гросс, спутница жизни Мюнценберга, вспоминала:

«Солидарность была его волшебным словом. Сначала солидарность с голодающей Россией, потом с пролетариатом всего мира. Заменяв слово солидарность на благотворительность, Мюнценберг нашел ключ к сердцам многих представителей интеллигенции, добровольно откликнувшихся на его призыв... Когда он с восторгом говорил о “священном долге пролетариата отдавать и помогать”, он затрагивал струны восторженной жертвенности, которая проявляется везде, где есть вера»⁷¹.

Являясь генеральным секретарем МОПР, Мюнценберг организовал целый ряд компаний в поддержку рабочих всего мира, в 1927 году по поручению Коминтерна создал знаменитую «Всемирную лигу борьбы против империализма за национальную независимость», а в 1928 году, будучи членом Рейхстага, основал рейхскомитет «Союз друзей СССР».

Кроме того, при МОПР были организованы так называемые «клубы невинных» для интеллигенции. После поджога Рейхстага 27 февраля 1933 года и развязанной нацистами антикоммунистической «охоты за ведьмами», Мюнценберг перенес свою штаб-квартиру из Берлина в Париж, где в июне 1933 года основал наиболее влиятельный из всех «клубов для невинных» — «Всемирный комитет помощи жертвам немецкого фашизма». Находясь в Париже, Мюнценберг вместе с Отто Кацем в августе 1933 года написал «Коричневую книгу» о терроре Гитлера и поджоге Рейхстага, ставшую библией антифашистов. Побывав после издания «Коричневой книги» в Москве, Мюнценберг получил одобрение ОМС и ИНО ОГПУ на создание международного комитета юристов с целью организации контрпроцесса «поджигателей» Рейхстага. Такой процесс состоялся 13 сентября 1933 года в Лондоне, и хотя не оправдал полностью ожиданий Мюнценберга, но на нем был сделан вывод о том, что «существуют серьезные основания для подозрений, что Рейхстаг был подожжен ведущими деятелями национал-социалистической партии».

Своей активной работой Мюнценберг смог добиться большей степени независимости и свободы действий на меж-

дународной арене, чем любой другой видный деятель Коминтерна, тем более, что большинство его предприятий приносили устойчивый финансовый доход. Но после 1936 года это уже не могло нравиться Москве. В октябре 1936 года его вызвали в СССР и предложили передать парижскую организацию чешскому коммунисту Б. Шмералю. А вскоре последовал вызов в Интернациональную контрольную комиссию, где ему предъявили обвинение в «недостатке революционной бдительности». Суть обвинений сводилась к тому, что он привлек к сотрудничеству некую Лиану Кляйн, отец которой якобы был агентом Франко и получал от дочери информацию об организации Мюнценберга. Опровергнув все обвинения, Мюнценберг скоро догадался, что «дело Кляйн» было только предлогом, чтобы покончить с ним самим. Тогда, с большим трудом, применив всю свою энергию и хитрость, он при помощи П. Тольятти выехал из СССР.

Прибыв в Париж, Мюнценберг передал новому уполномоченному Коминтерна Шмералю полную отчетность, касающуюся всех комитетов и издательств, находившихся под его контролем, а сам сосредоточился на работе создаваемого им Немецкого народного фронта. Но уже на учредительном съезде он столкнулся с интригами со стороны своих товарищей по КПГ. С осени 1937 по осень 1938 года эмигрантское руководство КПГ распространяет про него всевозможные слухи, а с другой стороны все время пытается склонить к поездке в СССР. Такое предложение делал ему и сотрудник резидентуры ИНО НКВД в Париже Белецкий (В. Гражуй). Да и сам Г. Димитров прислал из Москвы два письма: в первом он обещал важное задание, а во втором писал, что понимает, какие трудности возникли у Мюнценберга в Париже, но говорил, что все может разрешиться после приезда в СССР.

Однако Мюнценберг прекрасно понимал, зачем его настойчиво приглашают в Москву. Так, в беседе с одним американским коммунистом на вопрос: «Да что же может с вами случиться?», он не без юмора ответил: «Они всего лишь расстреляют меня, как и других, а потом, лет через 10, объявят,

что допустили большую ошибку»⁷². (Кстати, он ошибся на 40 лет. СЕПГ реабилитировала Мюнценберга в партийном отношении лишь в 1989 году.)

Видя, что заманить Мюнценберга в СССР не удастся, в Москве дали команду снять его со всех постов в КПГ и возбудить против него персональное дело в ИКК, что и было сделано. Тогда осенью 1938 года Мюнценберг выходит из КПГ и создает независимый «Рабочий комитет немецких социалистов и рабочих социалистов Австрии», объединивший пять левосоциалистических групп немецкой и австрийской эмиграции. Не забывает он и о публицистике, и в 1939–40 годах выходит целый ряд его статей, посвященных преступлениям сталинского режима. Разумеется, такое поведение посвященного во многие секретные дела бывшего функционера Коминтерна не могло не насторожить Москву, и за Мюнценбергом со стороны советских спецслужб было установлено постоянное наблюдение.

После начала Второй мировой войны и нападения Германии на Францию Мюнценберг, как и другие немецкие эмигранты, был интернирован и заключен в лагерь Ла Вернье. В связи с наступлением немцев французы сняли с лагеря охрану, и Мюнценберг вместе с несколькими заключенными, не желая попасть в руки гестапо, решил бежать в Швейцарию. 17 июня 1940 года он с группой интернированных иностранцев покинул лагерь. По дороге группа разделилась, и Мюнценберг вместе с неизвестным рыжеволосым немцем продолжили путь вдвоем. Больше живым его никто не видел. А в октябре 1940 года его тело было найдено повешенным на дереве в Коугнинском лесу около Сен-Маркеллинг под Греноблем, на юго-востоке Франции. Расследование, проведенное полицией, установило, что, по видимому, он был убит в июне 1940 года. Версия самоубийства была признана маловероятной по двум причинам. Во-первых, все оставшиеся в живых участники побега (кроме как в воду канувшего рыжеволосого немца) в один голос утверждали, что Мюнценберг был энергичен, весел и полон сил. Во-вторых, его лицо было страшно изуродова-

но. И скорее всего, это было сделано для того, чтобы нашедшие тело не смогли опознать труп.

Однако в 1995 году в Германии были опубликованы записки некого Хейнца Хирта, умершего в 1986 году, который утверждал, что Мюнценберг покончил жизнь самоубийством. Хирт родился в 1898 году, в годы Первой мировой войны был военным летчиком в чине оберлейтенанта, а в 1918 году примкнул к коммунистам и был членом Рабоче-солдатского совета в Готе (Тюрингия). В годы веймарской республики Хирт окончил Высшую техническую школу в Мюнхене, получил диплом инженера и поступил на работу в отделение концерна «ИГ Фарбен» в Хехсте. В 1929 году он вступил в КПП и за это на следующий год был уволен с работы. Во время гражданской войны в Испании он сражался в рядах интербригад и после поражения республиканцев бежал во Францию, где его интернировали в лагерь Ла Вернье, куда впоследствии был помещен Мюнценберг. Согласно рассказу Хирта побег состоялся именно 17 июня, а не 20-го, как рассказывает Гросс, и не 21-го, о чем говорит бывший сотрудник Мюнценберга писатель Артур Кестлер. Группа состояла из пяти человек и по дороге действительно практически сразу разделилась. Хирт некоторое время продолжал оставаться с Мюнценбергом, а потом также решил пробираться в Швейцарию самостоятельно. Таким образом, по словам Хирта, Мюнценберг остался один и убивать его было некому⁷³.

Если верить запискам Хирта, судя по его биографии занимавшего далеко не последнее место в КПП, то он и был тем рыжеволосым немцем, с которым Мюнценберга видели последний раз. Но поскольку эти записки были опубликованы после его смерти, их правдивость у многих исследователей вызывает законные сомнения. Поэтому до сих пор оставшиеся в живых участники тех событий и историки спорят, покончил ли Мюнценберг с собой или его убили. И если убили, то кто был организатором его убийства. Известно, что приказ о расправе над Мюнценбергом был отдан Гитлером, и за ним охотилось гестапо. Но аналогичный приказ был

отдан и Сталиным, у которого было гораздо больше оснований желать Мюнценбергу смерти и несравненно больше возможностей осуществить его ликвидацию.

• КРАХ «ДЕМОНА РЕВОЛЮЦИИ»

Несмотря на то, что к середине 1938 года стараниями НКВД значительное число наиболее активных соратников Троцкого за рубежом было ликвидировано, он сам и его сторонники продолжали, по мнению Сталина, представлять серьезную угрозу для Москвы и международного коммунистического движения. Многие исследователи объясняют такую позицию Сталина его личным отношением к Троцкому, помноженному на его параноидальную подозрительность и мстительность. Так, Д. Волкогонов по этому поводу пишет:

«Сталин, воюя с Троцким полтора десятилетия, уничтожив почти всех его сторонников, превратив изгнанника-изгоя в постоянную мишень террора, не смог избавиться от ощущения своей второсортности по сравнению с Троцким. Его цезаризм не мог быть полным, пока был жив далекий изгнанник в Койоакане»⁷⁴.

Безусловно, в этой точке зрения есть доля истины. Но не стоит забывать, что несмотря на смерть Л. Седова и убийство Р. Клемента Учредительный съезд IV Интернационала все-таки состоялся. Он открылся 3 сентября 1938 года в Париже и на нем присутствовал 21 делегат из 11 стран. И именно к IV Интернационалу решили присоединиться ставшие невозвращенцами сотрудники советской разведки Н. Рейсс, В. Кривицкий, А. Бармин, которые могли многое рассказать о том, что Кремль желал сохранить в тайне.

Кроме того, в октябре 1939 года сам Троцкий согласился дать показания перед «Особым комитетом по антиамериканской деятельности» Палаты представителей Конгресса США (т. н. «Комитет Дайса»), известным своей непримиримостью по отношению к коммунистическому и рабочему движению. А с 1940 года Троцкий начал передавать сотрудникам амери-

канского консульства в Мексике «конфиденциальные меморандумы» на известных ему деятелей коммунистического движения, представителей Коминтерна, агентов советских спецслужб в США, Мексике, Франции и других странах. Так что объективно у Сталина и его сторонников в Кремле было достаточно причин для того, чтобы отдать приказ ликвидировать «мексиканского затворника».

Надо сказать, что Сталин приложил максимум усилий для того, чтобы после высылки из СССР Троцкий не мог обосноваться в какой-либо стране надолго. В 1933 году он был вынужден покинуть Турцию, а в 1935 году — Францию. Но и в Норвегии, правительство которой предоставило ему вид на жительство, его пребывание было непродолжительным. Будучи депортированным из Норвегии из-за непрекращающегося давления со стороны СССР, Троцкий 9 января 1937 года вместе с женой Натальей Ивановной и внуком Севой прибыл в мексиканский порт Тампико, в котором ему была устроена торжественная встреча. Затем специальный поезд доставил его в Мехико, где он первое время жил на вилле симпатизирующего ему всемирно известного мастера настенной живописи Диего Риверы. Но вскоре в целях безопасности Троцкий арендовал, а потом и купил большой дом в предместье мексиканской столицы Койоакане на улице Вены. Дом был капитально отремонтирован, а кроме того, его обнесли высокой стеной со сторожевыми площадками. После этого все, кто желал посетить Троцкого в его «крепости», должны были проходить через железные ворота под бдительным оком охранников, американских троцкистов.

Однако и здесь, в этом, как казалось, надежном убежище скоро обосновались агенты НКВД. Согласно разработанному Шпигельглазом плану уже в начале 1938 года в секретариат Троцкого была внедрена испанка Мария де Лас Эрас Африка («Патрия»). Она начала сотрудничать с советской разведкой в Испании в 1937 году. Женщина легендарной судьбы, Африка после возвращения в 1939 году в Москву была зачислена в штат ИНО НКВД. Во время Великой Отечественной войны Мария де Лас Эрас была радисткой в

партизанском отряде Д. Медведева, а потом много лет находилась на нелегальной работе за границей, в частности, в Латинской Америке, а потом в США, где одно время входила в нелегальную резидентуру известного впоследствии В. Фишера (Р. Абея). В СССР она вернулась лишь в 1967 году и, отойдя от активной разведывательной работы, занималась подготовкой молодых нелегалов. Умерла полковник Африка в 1988 году.

Кроме «Патрии» Шпигельглаз направил в Мексику еще двух агентов — Иосифа Григулевича («Фелипе») и некоего «Марио» (возможно, Витторио Видали). В апреле 1938 года они на пароходе отплыли из Новороссийска в США, где установили связь с нью-йоркской резидентурой, которой руководил Петр Гутцайт. В июне Григулевич переправился в Мексику, а через некоторое время за ним последовал и «Марио».

Перед этим они получили от Гутцайта деньги, документы, условия связи и задание — закрепиться в Мексике, ознакомиться с ситуацией в стране и ждать контакта с представителем Москвы.

Была также предпринята попытка пристроить к Троцкому и Зборовского, чье положение после смерти Седова уже не устраивало Центр.

В апреле 1938 года из Москвы в Париж прибыл специальный представитель НКВД «Вест», который на месте должен был решить, как использовать «Тюльпана». Прибыв на место, «Вест» первым делом послал шифровку Шпигельглазу: «Дор. Дуглас (псевдоним Шпигельглаза — авт.), приехал, устроился. Все в порядке...» А чуть позже, ознакомившись с сложившимся положением, «Вест» послал в Москву обстоятельный отчет. В нем он сообщил, что после смерти Седова положение Зборовского стало трудным, и что наибольшая опасность для него исходит от Л. Эстрин («Соседки»), которую «Тюльпан» недооценивает. Ко всему прочему, отмечалось в шифровке, Зборовский «очень ленив по природе». Далее «Вест» предлагал использовать Зборовского для получения информации о троцкистах в Европе, для чего ему сле-

довало сосредоточиться на работе с «Бюллетенем оппозиции», и для оказания нужного НКВД влияния в русской секции IV Интернационала⁷⁵.

Но в Москве твердо решили использовать Зборовского для проникновения к Троцкому. С этой целью он написал ему письмо, однако секретарь Троцкого Ван оставил его без ответа. После этого разочарованный «Вест» шлет Шпигель-глазу очередную шифровку, в которой предлагает на случай, если не удастся внедрить Зборовского в охрану Троцкого, направить в Мексику через Международный секретариат «пару-тройку немцев-троцкистов», которые «нам могут оказаться очень ценными в будущем и в ином отношении...» Но идеям «Веста» так и не суждено было сбыться — ни Зборовский, ни немцы-троцкисты в Мексику к моменту убийства Троцкого так и не попали⁷⁶.

Кроме этих агентов в начале 1938 года во Францию для внедрения к троцкистам были направлены из Испании Кариадас Меркадер и ее сын Рамон, сыгравший главную роль в убийстве Троцкого. (О них мы расскажем чуть позже.)

Но совершенно неожиданно все усилия Шпигельглаза, как показалось в Москве, пошли прахом. Дело в том, что в июле 1938 года бежал в США представитель НКВД и резидент ИНО в Испании Александр Орлов («Швед»), которому были известны некоторые детали готовящейся операции по ликвидации Троцкого. Более того, 27 декабря 1938 года он отправил Троцкому письмо, в котором предупреждал о готовящемся на него покушении. В этом письме, написанном от имени некоего американца Штейна, якобы родственника бежавшего 13 июня 1938 года в Маньчжурию к японцам начальника Дальневосточного управления НКВД комиссара госбезопасности 3-го ранга Генриха Люшкова, говорилось, что среди членов парижской организации троцкистов есть агент НКВД.

Л. Эстрин, находившаяся в то время у Троцкого, вспоминала об этом письме следующее:

«Штейн имел якобы свидания с Люшковым до того, как тот оказался в Японии. Люшков вроде бы просил предупредить об угрозе, нависшей над “Стариком” (Троцким — авт.),

и прежде всего от человека, которого зовут “Марком”. Фамилию “Марка” Люшков не помнит».

Далее в письме следовали точные приметы Зборовского и следующие подробности: «Марк» женат, носит очки, у него маленький ребенок. Штейн настойчиво советовал Троцкому не доверять никому, кто явится к нему с рекомендацией от «Марка», и предупреждал, что на него готовится покушение, которое совершит либо приехавший из Парижа «Марк», либо некий испанец, выдающий себя за троцкиста. Заканчивая письмо, Штейн предлагал Троцкому дать объявление в местной газете, по которому он мог узнать, что его послание получено.

Троцкий предложение Штейна принял и поместил в газете следующее объявление: «Ваше письмо получено и принято к сведению. Прошу явиться для личных переговоров». Однако Орлов-Штейн так к Троцкому и не приехал, после чего тот посчитал письмо провокацией и не изменил своего отношения к Зборовскому⁷⁷.

Интересную версию, объясняющую, почему Орлов не приехал к Троцкому дал К. Хенкин, в свое время воевавший в Испании, а потом учившийся в Москве в разведшколе. В частности, он утверждает:

«Орлов так писал Троцкому, чтобы его письмо не могло сорвать операцию Эйтингона-Меркадера. Подготовка покушения могла продолжаться с большими шансами на успех. Посланный в Мексику сигнал не мог быть услышан и понят. Цель и адресат орловского послания, я полагаю, совсем иные.

Зачем же он его писал? И кому?

Он писал его Сталину.

Орлов не сомневался, что его письмо станет немедленно известно советским агентам из окружения Троцкого и будет быстро передано на самый верх. Там без труда догадаются, кто на самом деле этот русский еврей из Нью-Йорка. И там-то сумеют оценить по достоинству бездну между тем, что Орлов действительно знал о готовящемся убийстве, и тем, что он сообщил Троцкому...

Письмом Троцкому Швед давал знать о готовности быть полезным.

Залог его преданности — пробитый Меркадером череп Троцкого»⁷⁸.

В Москве о анонимном письме Троцкому узнали из следующего донесения парижской резидентуры ИНО от 25 июня 1939 года:

«21 июня 1939 года “Соседка” (псевдоним Эстриной в оперативной переписке НКВД — авт.) возвратилась из Америки. В тот же день “Тюльпан” встретился с ней в присутствии Эльзы и Гершуни. Она рассказала, что “Старик” прежде всего расспрашивал ее о “Тюльпане”. Он сообщил ей, что на “Тюльпана” получен донос, написанный в двух экземплярах: один получен заказным, а другой — простым письмом. Автор доноса якобы родственник Люшкова, живет в Сан-Франциско, подписался фамилией “Штейн”.

Штейн имел якобы свидание с Люшковым, когда тот сбежал в Японию.

Люшков передал Штейну ряд данных о работе советской разведки за границей и просил Штейна предупредить “Старика” о том, что среди них сидит предатель по кличке “Марк”, ходит в очках и имеет ребенка одного года. До 1938 года “Марк” работал с Николаевым и появился неизвестно откуда. Штейн сообщил, что “Марк” будто бы был членом Польской КП, но это не проверено. Фамилии “Марка” Люшков не помнит. “Марк” был тенью “Сынка”, сообщал ГПУ материалы, крал троцкистский архив. Штейн просил “Старика” не доверять никому, кто явится к нему с рекомендациями от “Марка”.

Штейн просил также, чтобы “Старик” поместил ответ в газете “Socialist Appeal”, что “Старик” и сделал, однако автор не появился.

“Соседка” заявляет, что “Старик” не поверил доносу и считает письмо провокацией ГПУ. Эльза подтвердила, что это провокация ГПУ.

“Соседка” сказал, что и на нее имеется донос. Это письмо В. Сержа, в котором она фигурирует как агент ГПУ»⁷⁹.

Узнав о письме «Штейна»-Орлова, Шпигельглаз срочно отозвал из Мексики «Патрию», «Фелипе» и «Марио», а проведение самой операции временно заморозил. Де Лас Эрас Африка и Григулевич сумели выполнить приказ и благополучно покинули Мексику. А вот «Марио» не повезло — при пересечении мексиканско-американской границы из-за небрежно оформленных документов его арестовали. Впрочем, в скором времени усилиями нью-йоркской резидентуры он был освобожден и выдворен обратно в Мексику.

Однако решение заморозить операцию по ликвидации Троцкого оказалось для Шпигельглаза роковым. Сталин не простил ему невыполнение своего приказа. Как рассказывал Д. Волкогонову Судоплатов, Шпигельглаз «не выполнил задания по ликвидации Троцкого. Тогда такого простить не могли». В результате в ноябре 1938 года Шпигельглаз был арестован и 12 февраля 1940 года расстрелян. Кроме того, был отозван из Нью-Йорк и арестован Гутцайт, координировавший из США операцию по ликвидации Троцкого.

После ареста Шпигельглаза перед новым наркомом НКВД Л. Берией встал вопрос — кому поручить выполнение задания Сталина по ликвидации Троцкого, который «вождь народов» и не думал отменять. Выбор Берии пал на Судоплатова, ожидавшего в это время намеченного на начало 1939 года партсобрания, на котором его должны были исключить из партии, и неизбежного после этого ареста. По словам Судоплатова, он тогда каждый день являлся на работу, но ничего не делал. Остатываемся на этом моменте специально, чтобы подчеркнуть то обстоятельство, что к операции по ликвидации Троцкого Судоплатов был привлечен лишь в начале 1939 года после ареста ее предыдущего руководителя Шпигельглаза.

По воспоминаниям Судоплатова, в конце января или начале февраля Берия вызвал его в свой кабинет, упрекнул в том, что он ничего не делает, после чего приказал сопровождать его на важную встречу. И только когда машина Берии въехала через Спасские ворота в Кремль, Судоплатов понял, что его примет Сталин. Об этой аудиенции Судоплатов подробно рассказал в своих воспоминаниях:

«Берию Сталин выслушал с большим вниманием.

— Товарищ Сталин, — обратился тот к нему, — по указанию партии мы разоблачили бывшее руководство закордонной разведки НКВД и сорвали их вероломную попытку обмануть правительство. Мы вносим предложение назначить товарища Судоплатова заместителем начальника разведки НКВД, с тем чтобы помочь молодым партийным кадрам, мобилизованным на работу в органах, справиться с выполнением заданий правительства...

По словам Берии, закордонная разведка в современных условиях должна изменить главные направления своей работы. Ее основной задачей должно стать не борьба с эмиграцией, а подготовка резидентур к войне в Европе и на Дальнем Востоке. Гораздо большую роль, считал он, будут играть наши агенты влияния, то есть люди из деловых правительственных кругов Запада и Японии, которые имеют выход на руководство этих стран и могут быть использованы для достижения наших целей во внешней политике. Таких людей следовало искать среди деятелей либерального движения, терпимо относящихся к коммунистам. Между тем, по мнению Берии, левое движение находилось в состоянии серьезного разброда из-за попыток троцкистов подчинить его себе. Тем самым Троцкий и его сторонники бросали серьезный вызов Советскому Союзу. Они стремились лишить СССР позиции лидера мирового коммунистического движения. Берия предложил нанести решительный удар по центру троцкистского движения за рубежом и назначить меня ответственным за проведение этих операций. В заключении он сказал, что именно с этой целью и выдвигалась моя кандидатура на должность заместителя начальника Иностранного отдела, которым руководил Деканозов. Моя задача состояла в том, чтобы, используя все возможности НКВД, ликвидировать Троцкого.

Возникла пауза. Разговор продолжил Сталин.

— В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена.

Он снова занял свое место напротив нас и начал неторопливо высказывать неудовлетворенность тем, как ведутся разведывательные операции. По его мнению, в них отсутствовала должная активность.

Он подчеркнул, что устранение Троцкого в 1937 году поручалось Шпигельглазу, однако тот провалил важное правительственное задание.

Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил:

— Троцкий должен быть устранен в течение года, прежде чем разгорится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не сможем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну.

У нас нет исторического опыта построения мощной индустриальной и военной державы одновременно с укреплением диктатуры пролетариата, — продолжил Сталин, и после оценки международной обстановки и предстоящей войны в Европе он перешел к вопросу, непосредственно касающемуся меня. Мне надлежало возглавить группу боевиков для проведения операции по ликвидации Троцкого, находящегося в это время в изгнании в Мексике...

— Вам будет оказана любая помощь и поддержка. Докладывайте непосредственно товарищу Берии и никому больше, но помните: вся ответственность за выполнение этой акции лежит на вас. Вы лично обязаны провести всю подготовительную работу и лично отправить специальную группу из Европы в Мексику. ЦК санкционирует предоставлять всю отчетность по операции исключительно в рукописном виде»⁸⁰.

Получив указания Сталина, Судоплатов немедленно приступил к разработке плана операции по ликвидации Троцкого, который получил название «Утка». Ведущая роль в ней отводилась опытному разведчику Науму Эйтингону, руково-

дившему в свое время ликвидацией Чжан Цзолиня, а во время гражданской войны в Испании занимавшему пост заместителя Орлова. Первоначально план состоял в том, чтобы использовать для убийства Троцкого агентуру, завербованную Эйтингоном среди троцкистов в Западной Европе и в особенности в Испании.

Однако Эйтингон настоял на том, чтобы использовать в операции только тех агентов в Западной Европе, Латинской Америке и США, которые никогда не участвовали ни в каких действиях против Троцкого и его сторонников. В ходе планирования операции ее разработчики внимательно ознакомились с докладами прибывших в Москву Африки и Григулевича, в которых сообщались подробные сведения о системе внутренней и внешней охраны дома Троцкого, о порядке допуска туда посетителей и других важных подробностях жизни объекта «Утка».

Кроме того, они выяснили, что Григулевич в нарушение данной ему инструкции начал, как он заявил, под свою личную ответственность искать людей для использования в «специальных целях». Для этого он установил контакты с некоторыми влиятельными лицами левой ориентации, обладавшими широкими связями в различных общественных сферах. Одним из таких людей был известный мексиканский художник Давид Альфаро Сикейрос (псевдоним «Конь»), воевавший в Испании на стороне республиканцев и командовавший в чине подполковника 82-й бригадой. Кроме того, им были завербованы ученик Сикейроса художник Антонио Пухоль («Хосе»), которого он охарактеризовал как безынициативного, но очень лояльного, исключительно надежного и достаточно смелого человека, и мексиканская коммунистка Лаура Араухо Агилар («Луиза»), которая впоследствии стала его женой.

Итогом работы Судоплатова и Эйтингона стал датированный 9 июля 1939 года «План агентурно-оперативных мероприятий по делу “Утка”», который был доложен Сталину и одобрен им в начале августа 1939 года. В «Плане» говорилось следующее:

«В результате просмотра всех материалов, имевшихся в 5-м отделе ГУГБ по разработке и подготовке ликвидации “Утки”, установлено, что привлекавшиеся по этому делу люди использованы быть не могут.

Настоящий план предусматривает привлечение новых людей и будет построен на новой основе.

Цель: ликвидация “Утки”.

Методы: агентурно-оперативная разработка, активная группа.

Средства: отравление пищи, воды, взрыв автомашины при помощи тола, прямой удар — удушение, кинжал, удар по голове, выстрел.

Возможно вооруженное нападение группы.

Люди: организатор и руководитель на месте Том (Эйтингон — авт.).

Вместе с Томом в страну выезжают “Мать” и “Раймонд” (Каридад и Рамон Меркадеры — авт.)...»

Далее в плане в общей форме определялись способы изучения ближайшего окружения и обстановки вокруг жилого дома Троцкого и прилагалась смета расходов — 31 тысяча американских долларов на 6 месяцев.

План подписали начальник ИНО П. Фитин, его заместитель П. Судоплатов и Н. Эйтингон, но без упоминания их должностей и воинских званий. На последнем листе данного документа есть и такая пометка: «Отп. в 1 экз. Печатал Судоплатов»⁸¹.

Здесь надо немного отвлечься, и рассказать, кто же такими были «Мать» и «Раймонд», которым в планах Судоплатова отводилась главная роль.

Каридад Меркадер (в девичестве дель Рио) родилась в 1892 году в Сант-Яго-де-Куба. Она была дочерью местного губернатора, либерала и вольнодумца — он первым издал указ об освобождении чернокожих рабов. Благодаря этому он мог бы до конца дней своих жить на Кубе в полном довольстве — его бы уважали и чтили. Но семья была испанская по происхождению и отбыла на родину в начале XX века. Каридад училась в хорошей школе, занималась верховой ездой, от-

личаясь отвагой и ловкостью. К ней сватались многие, но счастливым ее избранником стал Пабло Меркадер Марино, наследник владельца текстильной фабрики из Бадалона (округ Барселоны). Он нежно любил свою супругу, и она, судя по всему, платила ему взаимностью. У них родились четверо сыновей — Пабло, Рамон, Хорхе, Луис и дочь — Монсеррат. Но вскоре Каридад увлеклась идеями эмансипации и прав женщины и, как следствие этого, стала заниматься политикой. В итоге Каридад сблизилась с анархистами. Не испытывая недостатка в средствах, она высказывала протесты против «эксплуататорских классов», вряд ли в то время задумываясь, как бы ей понравилось жить без ежегодных доходов своего мужа. Он же не раз пытался образумить красавицу-жену, но был слишком мягок и добр, чтобы резко осадить бунтарку, и дело кончилось помещением Каридад в психиатрическую клинику.

Однако через некоторое время Каридад вновь оказалась на свободе. Бросив мужа и уехав во Францию вместе с детьми, получив при этом приличное содержание, она попыталась завести свою ферму. Но работа на земле ей не удалась. Тогда она купила в Тулузе небольшой ресторан и вновь попыталась начать свое дело. Однако и ресторанный бизнес у нее рухнул. Причем, очевидно, на этот раз урон был настолько серьезен, что у несостоявшейся бизнесменши возникло желание покончить с собой.

Поняв, что на ниве предпринимательства ей успехов не достичь, Каридад вновь обратилась к политике и в скором времени вступила в компартию Франции. В 1934 году она участвовала в восстании в Барселоне, а с 1936 года — в гражданской войне. В 1937 году на нее обратил внимание Эйтингон, в то время заместитель резидента ИНО в Испании, и с этого времени начинается ее длительный путь сотрудничества с советской разведкой.

Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес, второй сын Каридад, родился 7 февраля 1914 года в Барселоне. Когда Рамону было 5 лет, родители разошлись, и его мать с пятью детьми обосновалась в Париже. Будучи, как уже говорилось,

женщиной увлекающейся и придерживающейся левых взглядов, она воспитала детей в том же духе. Рамон очень рано включился в революционное движение, а в июле 1936 года, после начала гражданской войны в Испании, Рамон вместе с братьями Пабло и Хорхе отправляется на фронт защищать республику.

Старший, Пабло, командир бригады, вскоре погибает в боях под Мадридом, а Рамон, раненый в плечо, после госпиталя назначается комиссаром XVII объединения Арагонского фронта. Там в его жизни происходит крутой поворот — на него обращают внимание сотрудники резидентуры НКВД в Испании. Резидент ИНО Орлов посчитал, что молодой и глубоко верующий в торжество коммунизма испанец вполне может стать прекрасным агентом, и с февраля 1937 года Рамон становится советским агентом.

Осенью 1938 года Меркадера направляют в Париж с задачей проникнуть в ряды американских троцкистов. В сентябре он с помощью агента НКВД Руби Вайль, позже ставшей секретарем Л. Буденца, главного редактора газеты компартии США «Дейли Уоркер», знакомится с гражданкой США Сильвией Аджеллофф, психологом по профессии и троцкисткой по убеждениям. Ее старшая сестра Рут довольно часто исполняла обязанности секретаря при Троцком, а Сильвия иногда помогала ей. В данный же момент Сильвия принимала участие в подготовке Учредительной конференции IV Интернационала в качестве переводчика. Вайль представила Меркадера Сильвии как Жака Морнара, состоятельного молодого человека, сына бельгийского дипломата, в настоящее время работающего спортивным фотокорреспондентом одного бельгийского пресс-агентства. 28-летняя Сильвия, не блещущая красотой, благосклонно приняла ухаживания Меркадера. Между молодыми людьми очень быстро завязался легкий роман, но дальше этого дело не пошло. И поэтому, когда в феврале 1939 года Сильвия отправилась домой, в Нью-Йорк, Меркадер остался в Париже.

Тем временем в Москве завершили разработку плана по ликвидации Троцкого, после чего было решено создать две

независимые друг от друга опергруппы — «Мать» под руководством Каридад и «Конь» во главе с Сикейросом. После доклада о ходе подготовки операции Берии, тот решил, что Судоплатов должен лично вместе с Эйтинггоном выехать во Францию, чтобы на месте оценить группу «Мать», направляемую в Мексику. В июне 1939 года Судоплатов и Эйтингон по специально подготовленным фальшивым документам выехали в Париж по маршруту Москва — Одесса — Афины — Марсель — Париж. Там они провели тщательный инструктаж Меркадера, после чего тот 1 сентября 1939 года с канадским паспортом на имя Фрэнка Джексона, принадлежавшего погибшему в Испании гражданину Канады, натурализованному югославу Тони Бабичу, через Италию направился в Нью-Йорк, где должен был вновь сблизиться с Сильвией и через нее выйти на Троцкого.

А вот с отправкой в Мексику Эйтингона возникли проблемы. В связи с началом Второй мировой войны во Франции был ужесточен внутренний режим, и канадский паспорт Эйтингона без необходимых дополнительных документов стал бесполезным. В связи с этим французская резидентура ИНО во главе с Львом Василевским получила указание Судоплатова, к тому времени вернувшегося в Москву, сделать все возможное для обеспечения Эйтингона документами для поездки в США.

Василевский блестяще справился с поставленной перед ним задачей. О том, как были получены необходимые документы, Судоплатов рассказывал так:

«Василевскому потребовался почти месяц, чтобы выполнить это задание. Пока суд да дело, он поместил Эйтингона в психиатрическую больницу, главным врачом которой был русский эмигрант. По моему указанию Василевский использовал связи Моррисона, чтобы раздобыть “Тому” поддельный французский вид на жительство. Теперь “Том” стал сирийским евреем, страдающим психическим расстройством. Естественно, он был непригоден к военной службе, а документ давал ему возможность находиться во Франции и мог быть использован для получения заграничного паспорта.

Василевский был уверен, что паспорт подлинный (французский чиновник получил соответствующую взятку), но все же оставалась проблема получения американской визы.

Наша единственная связь с американским консульством осуществлялась через респектабельного бизнесмена из Швейцарии — в действительности это был наш нелегал Штейнберг. Однако тут возникла дополнительная трудность. Он отказался возвращаться в Москву, куда его отзывали в 1938 году. В письме он заявлял о своей преданности, но говорил, что боится чистки в НКВД. Василевский послал для встречи с ним в Лозанне офицера-связника, нашего нелегала Тахчианова. Его подстраховывал другой нелегал, Алахвердов. Во время встречи Штейнберг готов был застрелить связника, боясь, что это убийца. В конце концов он согласился устроить визу для сирийского еврея: он не узнал Эйтингона на фотографии в паспорте — тот отрастил усы и изменил прическу. Через неделю Штейнберг достал визу, и наш посланец вернулся с ней в Париж»⁸².

Получив иракский паспорт и американскую въездную визу, Эйтингон в октябре 1939 года благополучно прибыл в Нью-Йорк. Там он основал импортно-экспортную фирму, которую предполагалось использовать как центр связи. Кроме того, эта фирма предоставила «крышу» для Меркадера, который теперь мог совершать частые поездки в Нью-Йорк для встреч с Эйтингоном, который снабжал его деньгами.

Впрочем, для связи с Мексикой в Нью-Йорк дополнительно был направлен из Москвы специальный представитель Центра Павел Пастельняк, официально числившийся сотрудником генконсульства СССР под фамилией Кларин. Через месяц, в ноябре 1939 года, Эйтингон выехал в Мексику, куда еще раньше из Франции приехала Каридад Меркадер. Перед отъездом Эйтингон получил из Москву указания, датированные 11 ноября:

«Свою научную работу продолжайте... Имейте в виду, что всякая научно-исследовательская работа, тем более в области сельского хозяйства, требует терпения, вдумчивости и умения ожидать результатов. Готовясь к снятию урожая, по-

мните, что плод должен быть полностью созревшим. В противном случае вкус плода будет плохой и Ваша научная работа не достигнет цели. Если нет уверенности, лучше выжидайте полного созревания. Чтобы внезапная буря не разрушила Ваши плантации, подыщите или создайте подходящую и надежную оранжерею, в которой займитесь исследовательской работой. Не делайте непродуманных экспериментов, идите к получению результатов наверняка, и тогда Вы действительно внесете ценный вклад в науку, но обязательно с таким расчетом, чтобы Ваши опыты не отразились на Вашем здоровье и здоровье Ваших ассистентов»⁸³.

Прибыв в Мексику, Эйтингон установил связь с группой Сикейроса и организовал для нее надежное прикрытие. Кроме того, им была установлена прямая радиосвязь с Москвой при помощи двух радистов-нелегалов. Однако Берия посчитал, что группу боевиков в Мексике необходимо усилить. С этой целью из Москвы в Мексику был направлен Григулевич, прибывший на место в феврале 1940 года. По указанию Эйтингона он начал создавать третью, резервную, сеть для проведения операции «Утка». Кроме того, он тесно сотрудничал с группой Сикейроса, координируя ее действия и снабжая оружием и боеприпасами.

Было у Григулевича и еще одно задание: установить контакт с внедренным в охрану Троцкого агентом по кличке «Амур», завербованным нью-йоркской резидентурой ИНО. Этим агентом был американец Роберт Шелдон Харт, выдававший себя за троцкиста и прибывший в Мексику в начале апреля 1940 года. Установив контакт с Хартом, Григулевич передал ему значительную сумму денег и договорился, что тот во время своего ночного дежурства откроет Григулевичу ворота виллы Троцкого. Вероятно, именно это обстоятельство и послужило поводом для включения Григулевича в боевую группу Сикейроса, когда тот в мае 1940 года, выполняя приказ Эйтингона, предпринял попытку убить Троцкого. По поводу причин, заставивших его отдать этот приказ, Эйтингон на допросе в советской тюрьме 5 марта 1954 года дал следующие показания:

«С внедрением “Раймонда” в окружение Троцкого долго ничего не получалось, поэтому решено было организовать вооруженный налет на его дом. Для проведения налета были подобраны через Сикейроса необходимые люди. Сам Эйтингон не встречался со всеми участниками операции и всю работу проводил через Сикейроса»⁸⁴.

В ночь на 24 мая 1940 года группа из 20 человек, переодетых в форму мексиканской полиции и армии, под руководством Григулевича и Сикейроса подъехала к вилле Троцкого на четырех автомашинах.

Кроме автоматов и зажигательных бомб боевики имели штурмовые лестницы и дисковую пилу. Григулевич подошел к воротам и окликнул дежурившего этой ночью Харта. Тот, как было договорено заранее, открыл входную дверь, и нападавшие стремительно ворвались в резиденцию Троцкого. Переодетый в форму майора мексиканской армии Сикейрос находился в первых рядах нападавших. Боевики перерезали телефонные провода и ворвались во внутренний дворик — патио — где Сикейрос, Пухоль и братья Ареналь открыли бешенный огонь по дому, в первую очередь по спальне Троцкого. От неминуемой смерти его спасло то обстоятельство, что он вместе с женой успел упасть на пол и лежал без движения. Охранники Троцкого — Г. Робинс, О. Шуисслер, В. Карлей, Ч. Корнелл и Ж. Купер — ввиду внезапности нападения не сумели оказать боевикам Сикейроса ни малейшего сопротивления.

Расстреляв все патроны (позднее было установлено, что только по спальне было выпущено более 200 пуль), нападавшие скрылись, оставив несколько зажигательных бомб и заряд динамита, которые так и не взорвались. Всего же нападение продолжалось не более двадцати минут. Прибывшая на место мексиканская полиция вскоре установила, что ни замок ворот, ни одна из дверей дома не взломаны. При этом обнаружилось, что исчез дежурный личный охранник Троцкого Роберт Харт. Через месяц, 25 июня, его труп был обнаружен закопанным недалеко от деревушки Санта-Роса в местечке, известным под названием Ранчо-де-Тланинилапа,

принадлежащем сообщнику Сикейроса электрику Мариано Эррера Васкесу. Полиция посчитала, что именно он открыл ворота нападавшим, а потом бежал вместе с ними.

Эта версия еще более укрепилась после того, как приехавший в Мексику отец Харта, преуспевающий бизнесмен и друг директора ФБР Э. Гувера, заявил, что его сын, уезжая из США, не сказал ему, что собирается присоединиться к Троцкому, «к которому, как мы знали, он никогда не испытывал симпатии, поскольку был сторонником Сталина, что подтверждается находкой большого портрета этого деятеля братьями Боба в его нью-йоркской квартире». Позднее арестованные участники налета подтвердили эту версию, рассказав, что Харта подкупил «французский еврей», который был известен им под кличкой «Филипе». Убили же Харта, по мнению начальника секретной службы национальной полиции Мексики полковника Санчеса Салазара, как нежелательного свидетеля. Однако Троцкий не поверил в эту версию и приказал прикрепить у входа на виллу мемориальную табличку с надписью: «В память Роберта Шелдона Харта, 1915—1940, убитого Сталиным».

Но Салазар оказался прав. Харт действительно был ликвидирован как нежелательный свидетель. Убил его, спящего, двумя пулями в голову участник нападения на виллу Троцкого брат жены Сикейроса Луис Ареналь. В архивах сохранилось свидетельство Эйтингона, датированное 9 марта 1954 года, в котором он говорит следующее:

«Во время операции было выявлено, что Шелдон оказался предателем. Хотя он и открыл дверь калитки, однако в комнате, куда он привел участников налета, не оказалось ни архива, ни самого Троцкого. Когда же участники налета открыли стрельбу, Шелдон заявил им, что если бы знал все это, то он, как американец, никогда не согласился бы участвовать в этом деле. Такое поведение послужило основанием для принятия на месте решения о его ликвидации. Он был убит мексиканцами»⁸⁵.

Интересно в этом плане и свидетельство Григулевича, высказанное им в беседе с бывшим дипломатом Ю. Папоровым,

с которым он позднее работал в Госкомитете по культурным связям с зарубежными странами:

«— Почему вы его убили? Разве можно так расправляться со своими?

— А что было с ним делать? Ведь его нужно было спрятать и потом нелегально вывозить из Мексики. Словом, хлопот не оберешься!

И потом, влезь в шкуру Сикейроса. Ведь он телеграфировал в Москву, что Боб Шелдон их предал, и потому стреляли они в пустую кровать.

Москва приказала: предателя расстрелять! Что мы и сделали»⁸⁶.

О провале покушения на Троцкого Судоплатов немедленно доложил Берии. Тот был взбешен и потребовал от Судоплатова подробного отчета. 4 июня из Мексики в Нью-Йорк прибыл курьер от Эйтингона, а 8 июня за подписью Берии Сталину и Молотову было направлено спецсообщение, в котором говорилось:

«24 мая 1940 г. произведено нападение на дом Троцкого в Мехико. Наиболее полно обстоятельства освещает американская газета "Уорлд телеграф". Приводим выдержки...

По существу происшедшего нами получено из Америки донесение нашего человека. Копия донесения прилагается».

В приложенном донесении говорилось:

«а) О нашем несчастье Вы знаете из газет подробно. Отчет Вам будет дан, когда я или "Филиппе" выберемся из страны.

б) Пока все люди целы, и часть уехала из страны.

в) Если не будет особых осложнений, через 2—3 недели приступим к исправлению ошибки, т. к. не все резервы исчерпаны.

г) Для окончания дела мне нужны еще 10—15 тыс. (долларов), которые нужно срочно прислать.

д) Принимая целиком на себя вину за этот кошмарный провал, я готов по вашему первому требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания. 30 мая. Том»⁸⁷.

В Москве провели тщательный анализ причин провала операции, на основании которого было составлено заключение, в котором, в частности, говорилось:

«Мексиканской полиции удалось раскрыть все обстоятельства подготовки и совершения покушения, а также установить многих исполнителей. При подготовке операции, по-видимому, был допущен ряд ошибок. Люди, предназначавшиеся на второстепенные роли (добыча и хранение оружия, одежды и др.), отбирались без достаточной проверки, нарушалась конспирация...»⁸⁸

В начале июня Берия вместе с Судоплатовым были вызваны к Сталину на ближнюю дачу. Об этом визите Судоплатов пишет так:

«Я доложил о неудачной попытке Сикейроса ликвидировать Троцкого, объяснив, что альтернативный план означает угрозу потерять антитроцкистскую сеть в Соединенных Штатах и Латинской Америке после уничтожения Троцкого.

Сталин задал всего один вопрос:

— В какой мере сеть в Соединенных Штатах и Мексике, которой руководит Овакимян (сотрудник ИНО в США Г.Б. Овакимян — авт.), задействована в операции против Троцкого?

Я ответил, что операция Эйтингона, которому даны специальные полномочия самостоятельно вербовать и привлекать людей без санкции Центра, совершенно независима от Овакимяна, чья разведывательная деятельность под прикрытием нашей фирмы “АМТОРГ” осуществляется вне связи с акцией против Троцкого.

Сталин подтвердил свое прежнее решение, заметив:

— Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет тратить деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с левыми кругами за рубежом. Приступайте к выполнению альтернативного плана, несмотря на провал Сикейроса, и пошлите телеграмму Эйтингону с выражением нашего полного доверия...

Вопреки тому, что пишут сейчас, Сталин вовсе не был в ярости из-за неудачного покушения на Троцкого. Если он и был сердит, то хорошо маскировал это. Внешне он выглядел спокойным и готовым довести до конца операцию по уничтожению своего противника, поставив на карту судьбу всей агентурной сети в окружении Троцкого»⁸⁹.

Тем временем в Мексике события шли своим чередом. После нападения стены виллы Троцкого обложили мешками с песком, на окнах и дверях установили стальные ставни, провели сигнализацию. В тридцати шагах от дома было выстроено специальное караульное помещение для отряда мексиканских полицейских. Кроме того, вокруг дома постоянно дежурили пять полицейских патрулей. Продолжался и поиск нападавших. К 17 июля личности почти всех нападавших были установлены. В сентябре 1940 года в провинции, где он скрывался, был разыскан и арестован Сикейрос. Но суд благожелательно отнесся к заявлению известного художника, из которого следовало, что нападение на виллу преследовало целью не убийство Троцкого, а выражение протеста против его пребывания в Мексике. В результате Сикейрос и остальные нападавшие были оправданы. Правда, позднее в своих мемуарах, осознав преступность подобных действий, Сикейрос написал: «Мое участие в нападении на дом Троцкого 24 мая 1940 года является преступлением»⁹⁰.

Не сидел без дела и Эйтингон. После получения указаний из Москвы он приступил к выполнению запасного плана, в котором главная роль отводилась Рамону Меркадеру. Последний, как уже говорилось, 1 сентября 1939 года отплыл из Франции в Нью-Йорк, где должен был вновь установить близкие отношения с Сильвией Аджеллофф. Их встреча состоялась в сентябре 1939 года в Нью-Йорке. Меркадер объяснил Сильвии, что не собирается участвовать в европейской войне, а поэтому дезертировал из своей части, нашел выгодную работу в Мексике и в настоящий момент проживает по паспорту на имя канадского гражданина Фрэнка Джексона. Сильвия, которую друзья давно звали в Мексику, согласилась поехать туда вместе с ним. В Мехико, куда они прибы-

ли в конце октября, Меркадер якобы устроился на работу в экспортно-импортную фирму, а Сильвия вновь начала работать секретарем у Троцкого.

Действуя крайне осторожно, Меркадер первый раз посетил дом Троцкого только в конце апреля 1940 года. Произошло это во время краткосрочной поездки Сильвии в США, когда ее друзья, Альфред и Маргарита Росмеры, с которыми она познакомила своего жениха Фрэнка Джексона, пригласили его в дом Троцкого. Лично же Троцкому его представили 28 мая 1940 года, уже после нападения на виллу боевиков Сикейроса. Услужливый, обаятельный молодой человек, жених Сильвии, лишь недавно ставший интересоваться политикой, понравился Троцкому, и с тех пор Меркадер стал регулярно бывать на вилле.

Здесь надо особо отметить, что первоначально Меркадер скорее выступал в роли внедренного агента, нежели убийцы. Но после провала покушения 24 мая Эйтингону ничего не оставалось делать, как именно ему поручить убийство Троцкого. Позже Эйтингон рассказывал Судоплатову, что Меркадер сам вызвался выполнить задание. Он готов был застрелить, заколоть или убить Троцкого, нанеся ему удар тяжелым предметом. А в 1969 году сам Меркадер рассказал Судоплатову, что первоначально Эйтингон предложил следующее: в то время как Меркадер будет находиться на вилле Троцкого, сам Эйтингон, Каридад и группа из пяти боевиков предпримут попытку ворваться на виллу. И тогда во время перестрелки с охранниками Меркадер сможет без труда ликвидировать Троцкого. Но Рамон отказался от этого плана, сказав, что один приведет в исполнение приговор, вынесенный Троцкому.

Для того, чтобы иметь возможность остаться с Троцким наедине, 17 августа 1940 года Меркадер обратился к нему с неожиданной просьбой ознакомиться с написанной им статьей. Троцкий не смог отказать человеку, много раз бескорыстно оказывавшим услуги его близким и согласился. 20 августа, в 5 часов 30 минут, одетый несмотря на жаркую погоду, в плащ Меркадер принес Троцкому исправленную

рукопись, и когда тот сел за стол ознакомиться с поправками, нанес сзади удар широким концом ледоруба. Входя на виллу, Меркадер надеялся, что сумеет без шума убить Троцкого и успеет покинуть дом до того, как об убийстве узнают окружающие. Поэтому он оставил свой автомобиль перед виллой, развернув его в удобную для бегства сторону. А в 100 метрах от виллы его ждал еще один автомобиль, в котором находились Каридад и Эйтингон.

О том, что произошло в тот момент, когда Меркадер и Троцкий остались наедине, существует множество рассказов. На суде Меркадер дал следующие показания:

«Я положил свой плащ на стол таким образом, чтобы иметь возможность вынуть оттуда ледоруб, который находился в кармане. Я решил не упускать замечательный случай, который представился мне. В тот момент, когда Троцкий начал читать статью, послужившую мне предлогом, я вытащил ледоруб из плаща, сжал его в руке и, закрыв глаза, нанес им страшный удар по голове...

Троцкий издал такой крик, который я никогда не забуду в жизни. Это было очень долгое “А-а-а...”, бесконечно долгое, и мне кажется, что этот крик до сих пор пронзает мой мозг. Троцкий порывисто вскочил, бросился на меня и укусил мне руку. Посмотрите: еще можно увидеть следы его зубов. Я его оттолкнул, он упал на пол. Затем поднялся и, спотыкаясь, выбежал из комнаты...»⁹¹

Судоплатову же Меркадер рассказывал о произошедшем несколько иначе:

«Рамон не закрыл глаза перед тем как ударить Троцкого по голове небольшим острым ледорубом, который был спрятан у него под плащом, — пишет об этом разговоре Судоплатов. — Троцкий сидел и читал статью Меркадера, написанную в его защиту. Когда Меркадер готовился нанести удар, Троцкий, поглощенный чтением статьи, слегка повернул голову, и это изменило направление удара, ослабив его силу. Вот почему Троцкий не был убит сразу и закричал, призывая на помощь. Рамон растерялся и не смог заколоть Троцкого, хотя имел при себе нож.

— Представьте, ведь я прошел партизанскую войну и за-
колол ножом часового на мосту во время гражданской вой-
ны в Испании, но крик Троцкого меня буквально парализо-
вал, — объяснил Рамон. Когда в комнату вбежала жена Троц-
кого с охранниками, Меркадера сбили с ног, и он не смог
воспользоваться пистолетом...

Меня сбил с ног рукояткой пистолета один из охранни-
ков Троцкого. Потом мой адвокат использовал этот эпизод
для доказательства того, что я не был профессиональным
убийцей»⁹².

Весьма интересные подробности убийства Троцкого по-
ведал в 1995 году адвокат Меркадера Эдуардо Сенисерос,
рассказавший о событиях того дня со слов своего бывшего
подзащитного:

«Когда Меркадер вошел вслед за Троцким в его кабинет, то
запер дверь изнутри. Этого было достаточно, чтобы Троцкий
понял, что на него сейчас нападут. Он потянулся к ящику пись-
менного стола, в котором лежал пистолет. Всегда утверждалось,
что удар был нанесен сзади. Но медэкспертиза показала, что
это не так. Троцкий заслонился от удара руками и тем чуть-чуть
ослабил удар. Наверное, поэтому он и прожил еще несколько
часов. Так что удар Меркадер нанес, стоя лицом к лицу с Троц-
ким. Он мог бы убить его, как только вошел, но он хотел, что-
бы Троцкий понял, что должно произойти.

— Значит, Троцкий догадался, что его собираются убивать?

— Однозначно. И Рамон дал ему это понять сознательно.
Хотя он убил бы его в любом случае. Правда, он и сам не
допускал возможности, что останется после покушения жи-
вым. Он готовился умереть и поэтому загодя не позаботился
ни о какой защите. Потом он даже вытащил свой пистолет,
чтобы спровоцировать огонь охраны, но сам в нее не стре-
лял, потому что не хотел других смертей.

— Почему он выбрал такое необычное орудие убийства
— ледоруб?

— Какая-то ничтожная вероятность того, что после по-
кушения он останется жив, все же допускалась. И тогда един-
ственным путем для бегства оставалась высокая каменная

стена. Для того, чтобы перебраться через нее, и нужен был ледоруб»⁹³.

Как бы там ни было, но удар ледоруба не убил Троцкого сразу. Вбежавшие охранники скрутили Меркадера и стали его избивать, но находящийся в сознании Троцкий остановил их словами: «Оставьте, не убивайте его. Пусть он все расскажет». Находящегося в полном сознании Троцкого тут же отвезли в больницу и прооперировали. Операцию проводили 5 хирургов. Но несмотря на всех их усилия, в половину восьмого вечера он потерял сознание и ровно через сутки, 21 августа в 19.25 вечера, скончался. Останки Троцкого были кремированы и захоронены в саду его дома в Койоакане, а над могилой воздвигнута стелла. В 1962 году там же была похоронена и жена Троцкого Наталья Ивановна Седова.

В Кремле смерть Троцкого вызвала откровенную радость. Газета «Правда» от 24 августа 1940 года поместила статью «Смерть международного шпиона». Смерть Троцкого, как говорилось в заметке, наступила от «пролома черепа во время покушения». Покушавшийся был назван Жаком Мортонном Вандендрайшем, человеком из ближайшего окружения Троцкого. Анонимный автор в заключении писал: «Троцкий, организовавший злодейские убийства Кирова, Куйбышева, М. Горького, стал жертвой своих же собственных интриг, предательских измен, злодеяний».

Что касается Эйтингона и Каридад, то они немедленно по получению известия о покушении на Троцкого и аресте Меркадера покинули Мексику. В 1954 году, после ареста, Эйтингон показал по данному вопросу следующее:

«Примерно в 10 часов вечера мексиканское радио сообщило подробности покушения на Троцкого. Немедленно после этого Эйтингон и “Мать” покинули столицу. Он выехал на Кубу по иракскому паспорту. Там получил болгарский паспорт и направился в Европу. По приезду в Москву устно доложил Меркулову и Берии. Никаких отчетов не писал»⁹⁴.

Сталин высоко оценил заслуги всех участников убийства Троцкого и поддержал Берию, обратившегося к нему со следующим предложением:

«Сов. секретно

6 июня 1941 г.

ЦК ВКП(б) СНК СССР

Тов. Сталину И.В.

Группой работников НКВД в 1940 году было выполнено специальное задание.

НКВД СССР просит наградить орденами Союза ССР шесть товарищей, участвовавших в выполнении этого задания.

Прошу вашего разрешения.

Народный комиссар внутренних дел (Л.Берия)»

Резолюция Сталина была краткой:

«За (без публикации)».

В результате закрытым указом Президиума Верховного Совета СССР за подписью М. Калинина и А. Горкина были награждены: орденом Ленина — Меркадер Карилад Рамоновна и Эйтингон Наум Исаакович; орденом Красного Знамени — Василевский Лев Петрович и Судоплатов Павел Анатольевич, орденом Красной Звезды — Григулевич Иосиф Ромуальдович и Пастельняк Павел Пантелеймонович.

Что касается Меркадера, то после убийства Троцкого он был немедленно арестован и помещен в тюрьму «Лекумбери». В момент ареста при нем было обнаружено письмо на французском языке, датированное 20 августа 1940 года. В нем Меркадер, назвавший себя бельгийским подданным Жаком Морнаром, сообщал сведения о своих родителях-бельгийцах, о своей учебе в Бельгии и Франции, о возникшем у него интересе к политической деятельности троцкистов, о знакомстве с некоторыми представителями этого движения. В письме Морнар подробно изложил мотивы, толкнувшие его на убийство — разочарование в троцкизме как политическом движении и намерение Троцкого послать его в Советский Союз для совершения там диверсионных и террористических актов, в том числе и против Сталина. Однако письмо было настолько глупо составлено, что ни у кого не возникло сомнения в том, что оно подложное. Много лет спустя Диего Ривера говорил по этому поводу Ю. Папорову:

«Текст письма был неграмотен. Полиция могла цепляться к каждой фразе. Например, Джексон утверждал, что он разочаровался в Троцком. Когда успел, если в общей сложности общался с Троцким четыре часа? Джексон утверждал, что Троцкий предложил ему отправиться в Россию, чтобы совершить там ряд убийств руководителей партии и Красной Армии. Когда и как Троцкий мог доверить такое неизвестному человеку, с которым — это показывают записи в книге внутренних охранников — Троцкий находился наедине всего 10 минут 17 августа»⁹⁵.

Следствие по делу об убийстве Троцкого возглавил уже упомянутый полковник Салазар. С помощью бельгийского посланника в Мексике он быстро доказал, что арестованный не является бельгийским подданным Жаком Морнаром, но его настоящее имя было установлено гораздо позднее. По свидетельству Судоплатова, Берия дал указания не жалеть никаких денег для защиты Меркадера. Адвокаты должны были в ходе судебного процесса доказать, что убийство было совершено на почве склок и внутреннего разброда в троцкистском движении.

На суде Меркадера защищали адвокаты Эдуардо Сенисерос, мексиканец, взявшийся за это дело по просьбе Каридад, и Офелия Домингес, кубинка. Однако суд не внял их доводам, и после длительной и сложной юридической процедуры в низовых судебных инстанциях в мае 1944 года суд федерального округа Мехико вынес окончательный приговор — 20 лет тюремного заключения, что являлось высшей мерой наказания в Мексике.

СТРАННОЕ САМОУБИЙСТВО В ВАШИНГТОНЕ

После убийства Троцкого внедрение агентов ИНО НКВД в зарубежные троцкистские организации было продолжено с прежней интенсивностью. Прежде всего это касалось американских троцкистов, пополнивших свои ряды беглецами из Европы, спасавшихся от оккупировавших Старый Свет немцев, и особенно членов Социалистической рабочей

партии США. В частности, советскими агентами были Сильвия Франклин, внедренная в аппарат СРП и ставшая секретарем ее руководителя Джеймса Кеннона, и Флloyd Кливиленд Миллер, секретарь троцкистской фракции в Интернациональном профсоюзе моряков и редактор газеты этого союза. А в 1941 году в США перебрался М. Зборовский, который при помощи Л. Эстрин (сменившей фамилию после выхода замуж за меньшевика-эмигранта Давида Даллина) вошел в круг американских троцкистов.

Перебрались за океан и некоторые советские невозвращенцы. Так, в 1939 году из Франции в США приехал Александр Бармин, нашедший там покровителей в лице американских спецслужб. Вскоре он получил гражданство США, и в годы Второй мировой войны служил сначала в военной разведке, а потом в Управлении стратегических служб. Нашел прибежище в США и другой невозвращенец, бывший сотрудник ИНО НКВД Вальтер Кривицкий. Но если Бармин сделал в США успешную карьеру и умер своей смертью в 1987 году, то судьба Кривицкого сложилась гораздо более трагично.

Вальтер Германович Кривицкий (настоящее имя и фамилия Самуил Гершевич Гинзберг) родился 28 июня 1899 года в городе Подволочиске, находившемся на окраине Австро-Венгерской империи, в семье торгового служащего. Он закончил Львовскую гимназию, а затем Венский университет, где и приобщился к революционной деятельности. В 1919 году Кривицкий вступил в Коммунистическую рабочую партию Польши и сразу включился в активную нелегальную работу по линии Коминтерна в Австрии и Польше. Принимал он и деятельное участие в советско-польской войне 1920 года, организуя в тылах польской армии диверсии, забастовки и акты саботажа. В 1921 году Кривицкий становится штатным сотрудником Разведупра РККА, проходит обучение на специальных курсах и во время событий 1923 года в Германии, известных как «германский Октябрь», направляется туда для оказания помощи немецким коммунистам в организации вооруженного восстания. Он работает в Руре, в то

время оккупированном Францией, в Саксонии, где находилось центральное руководство готовящегося коммунистического переворота, и в Силезии, ставшей ареной германопольского противостояния.

В 1925 году, после реорганизации всех легальных и нелегальных резидентур советских спецслужб в Германии, Кривицкий возвращается в Москву. Здесь он вскоре женится на Антонине Порфирьевой, родившейся в 1902 году в Петербурге в семье путиловского рабочего. Но уже в июне 1926 года его снова направляют за рубеж на нелегальную работу. В этот период он действует на территории Германии, Франции и Италии, а в 1929 году назначается нелегальным резидентом в Гааге (Голландия). Судя по всему его работа была признана весьма успешной, поскольку в 1928 году его награждают почетным оружием с надписью «Стойкому защитнику пролетарской революции от Реввоенсовета Советского Союза», а в феврале 1931 года за образцовое выполнение правительственных заданий вручают орден Боевого Красного Знамени.

В 1931 году Кривицкий в числе большой группы военных разведчиков переходит на работу в ИНО ОГПУ. В 1934 году его назначают заместителем директора Института военной промышленности, однако уже в октябре 1935 года Кривицкого, которому вскоре было присвоено звание капитана госбезопасности, направляют нелегальным резидентом в Голландию, где он выступает как австриец Мартин Лесснер, торговец произведениями искусства. Его работа в Гааге была очень плодотворной. Так, весной 1936 года агент, которого курировал Кривицкий, получил доступ к кодовой книге японского посольства в Берлине и к содержащимся в ней шифрам по немецко-японским переговорам между Риббентропом и японским военным атташе генералом Хироси Осимой. С тех пор переписка между Осимой и Токио проходила через руки Кривицкого, и Москва была полностью в курсе переговоров, закончившихся подписанием 25 ноября 1936 года немецко-японского антикоминтерновского пакта. За эту операцию Кривицкий был представлен к ордену Ленина.

После начала гражданской войны в Испании, Кривицкий в сентябре 1936 года получил специальную инструкцию из Москвы, в которой говорилось:

«Немедленно распространите вашу сферу действий на район испанской гражданской войны. Мобилизуйте всю агентуру и ее возможности для создания системы приобретения и транспортировки оружия в Испанию. Специальный агент послан в Париж для помощи вам в этой работе. Он будет докладывать вам и действовать под вашим руководством»⁹⁶.

Дальнейшие события Кривицкий описывает так:

«Я приказал моим агентам в Лондоне, Стокгольме и Швейцарии прибыть на встречу со мной в Париж для совещания со специальным агентом, назначенным Москвой. Этот агент — Зимин — был экспертом по вооружениям и состоял в военном отделе ОГПУ. Совещание состоялось в глубокой тайне в Париже 21 сентября. Зимин привез категорические инструкции на тот счет, чтобы торговля оружием ни в коем случае не связывалась с действиями советского правительства. Все грузы должны отправляться “частным” образом фирмами, созданными для этой цели. Деятельность таких внешне независимых предприятий, учреждаемых как бы вне сети ранее существующих “деловых” точек специально для экспорта и импорта оружия, была для нас новым делом, но давно практиковавшейся системой в Европе...

За десять дней возникла сеть импортно-экспортных фирм в Париже, Лондоне, Копенгагене, Амстердаме, Цюрихе, Варшаве, Праге, Брюсселе и некоторых других городах Европы. В каждой фирме молчаливо действовал агент ОГПУ, добывая фонды, контролируя сделки. В случае неудачи он отвечал за предприятие жизнью.

Передо мною встала во весь рост проблема перевозки военных материалов. Транспортные суда можно было находить за довольно высокую плату в портах Скандинавских стран. Трудность состояла в получении лицензии на доставку грузов в Испанию. Первоначально мы намеревались направлять их во Францию для последующей доставки в порты,

контролируемые законным испанским правительством, однако французское министерство иностранных дел отказалось выдавать соответствующие судовые бумаги. Оставался только один способ — получать консульские разрешения неевропейских правительств, что оружие предназначается для импорта в их страны. У меня оказалась возможность раздобывать практически неограниченное количество разрешений от некоторых латиноамериканских консульств. Время от времени удавалось получать разрешения от восточноевропейских и азиатских стран. На основе таких разрешений нам удавалось оформлять судовые документы, с которыми суда отправлялись не в порты Южной Америки или Китая, а в порты законного испанского правительства.

Мы произвели большие закупки у заводов Шкода в Чехословакии, у многих французских фирм, у фирм Польши и Голландии. Торговля оружием имеет такие особенности, что нам удавалось закупать партии даже в нацистской Германии. Агента от наших голландских фирм я послал в Гамбург, где он установил, что на продажу поступила партия слегка устаревших винтовок и пулеметов. Директора немецкой фирмы интересовали только цена, банковские поручительства и легальная форма документов на отгрузку»⁹⁷.

В декабре 1936 года начальник ИНО НКВД Слуцкий, прибыв в Гаагу, объявил Кривицкому странный приказ:

«Отберите из ваших людей двух человек, способных сыграть роль немецких офицеров. Они должны обладать достаточно представительной внешностью, чтобы сойти за военных атташе, должны изъясняться как военные и должны быть исключительно надежными и сильными. Отправьте их ко мне в срочном порядке. Это чрезвычайно важно»⁹⁸. Кривицкий приказ выполнил, но смысл его стал понятен ему позднее, когда он узнал о похищении в Париже в сентябре 1937 года главы РОВС генерала Миллера. Тогда же, в декабре 1936 года, он получил информацию о начале переговоров по инициативе Сталина между главой советской торговой миссии в Берлине Д. Канделаки и имперским советником по экономике Я. Шахтом, где прорщупывалась почва для зак-

лючения советско-германского политического договора. На время переговоров Кривицкий получил приказ из Москвы «заморозить» работу своей агентуры в Германии. В то время Гитлер не проявил интереса к заключению союза с СССР. Однако, когда в марте 1937 года Кривицкий был вызван в Москву, он узнал от нелегального резидента ИНО НКВД в Германии Василия Зарубина, сопровождавшего Канделаки в Москву для доклада Сталину, что тот дал оптимистическую оценку перспектив соглашения с Гитлером.

Находясь в Москве, Кривицкий, не меньше чем переговорами с фашистской Германией, был потрясен ширящимися процессами против старых большевиков и арестами среди сотрудников НКВД и Разведупра, сам при этом ожидая ареста со дня на день. На его глазах арестовывают бывших коллег, в том числе М. Максимова и С. Залесскую. Еще ранее, в ноябре 1936 года были арестованы бывшие руководители нелегального военного аппарата компартии Германии, с которыми Кривицкий был тесно связан с начала 1920-х годов. 18 марта 1937 года (по позднейшим воспоминаниям Кривицкого, на самом деле в мае того же года) он присутствовал на собрании чекистского актива в клубе НКВД, когда новый нарком внутренних дел СССР Ежов объявил о раскрытии очередного масштабного контрреволюционного заговора. Ежов поведал, что заговорщики проникли в самое сердце НКВД, а главным предателем был сам Ягода. Работая в свое время на царскую охранку, заявил Ежов, Ягода был завербован немецкой секретной службой и внедрен в ВЧК. К тому моменту, когда он был освобожден от занимаемой должности, ему удалось поставить шпионов на все ключевые посты в НКВД. Некоторые из них, по сообщению Ежова, уже были арестованы. Собравшиеся громко аплодировали этому сообщению, хотя большинство из них знало, что все, что здесь сказал Ежов, было ложью. По словам Кривицкого, они аплодировали, показывая свою преданность.

Но несмотря на репрессии, самого Кривицкого в конце мая 1937 года вновь направляют в Гаагу. Здесь он встретился со своим старым другом Рейссом. Между ними состоялся

доверительный разговор, после которого Рейсс принял окончательное решение порвать со сталинским режимом и остаться на Западе. Сам Кривицкий еще некоторое время колебался, но вскоре его сомнениям пришел конец.

В июле 1937 года, сразу после принятия Рейссом решения не возвращаться в СССР, Кривицкого вызвал в Париж заместитель начальника ИНО ГУГБ НКВД Шпигельглаз. Встретившись с Кривицким в ресторане на бульваре Монпарнас, Шпигельглаз поведал ему, что прибыл сюда с миссией чрезвычайной важности. Он сообщил, что Рейсс предатель и подлежит ликвидации, а Кривицкий должен оказать ему необходимую помощь. Кроме того, он должен передать в распоряжение Шпигельглаза двух человек, отобранных по указанию Слуцкого. Кривицкий не мог не выполнить приказы Шпигельглаза, но ему удалось предупредить Рейсса по телефону о грозящей опасности, и тот успел скрыться.

Правда, это не спасло его друга. 5 сентября 1937 года Кривицкий узнал из газет, что тело Рейсса, изрешеченное пулями, было найдено в Швейцарии недалеко от Лозанны. А почти через три недели, 22 сентября, он узнал о похищении в Париже главы РОВС генерала Миллера.

Так как Кривицкий был тесно связан с Рейссом, он имел все основания опасаться за свою судьбу. И после получения приказа о возвращении в Москву он решает по примеру Рейсса стать невозвращенцем. В октябре 1937 года он переезжает из Гааги в Париж и через адвокатов вдовы Рейсса Элизабет Порецки устанавливает связь с сыном Троцкого Седовым. А 5 декабря 1937 года Кривицкий передает Седову текст открытого письма в рабочую печать, где заявляет о своем разрыве с советской разведкой:

«18 лет я преданно служил коммунистической партии и Советской власти в твердой уверенности, что служу делу Октябрьской революции, делу рабочего класса. Член ВКП с 1919 года, ответственный военно-политический работник Красной Армии в течение многих лет, затем директор Института военной промышленности, я в течение многих пос-

ледних лет выполнял специальные миссии советского правительства за границей. Руководящие партийные и советские органы постоянно оказывали мне полное доверие; я был дважды награжден (орденом Красного Знамени и почетным оружием).

В последние годы я с возрастающей тревогой следил за политикой советского правительства, но подчинял свои сомнения и разногласия необходимости защищать интересы Советского Союза и социализма, которым служила моя работа. Но развернувшиеся события убедили меня в том, что политика сталинского правительства все больше расходится с интересами не только Советского Союза, но и мирового рабочего движения вообще.

Через московские публичные — и еще больше тайные — процессы прошли в качестве “шпионов” и “агентов гестапо” самые выдающиеся представители старой партийной гвардии: Зиновьев, Каменев, И.Н. Смирнов, Бухарин, Рыков, Раковский и другие, лучшие экономисты и ученые Пятаков, Смилга, Пашуканис и тысячи других — перечислить их здесь нет никакой возможности. Не только старики, все лучшее, что имел Советский Союз среди октябрьского и послеоктябрьского поколений, — те, кто в огне Гражданской войны, в голоде и холоде строили Советскую власть, подвергнуты сейчас кровавой расправе. Сталин не остановился даже перед тем, чтобы обезглавить Красную Армию. Он казнил ее лучших полководцев, ее наиболее талантливых вождей: Тухачевского, Якира, Уборевича, Гамарника. Он лживо обвинил их — как и все другие свои жертвы — в измене. В действительности же именно сталинская политика подрывает мощь Советского Союза, его обороноспособность, советскую экономику и науку, все отрасли советского строительства.

При помощи методов, кажущихся невероятными на Западе, — которые еще станут известны (например, на допросе Смирнова и Мрачковского), Сталин — Ежов вымогают у своих жертв “признания” и инсценируют позорные процессы.

Каждый новый процесс, каждая новая расправа все глубже подрывает мою веру. У меня достаточно данных, чтобы знать, как строились эти процессы и понимать, что погибают невинные. Но я долго стремился подавить в себе чувство отвращения и негодования, убедить себя в том, что, несмотря на это нельзя покидать доверенную мне ответственную работу. Огромные усилия понадобились мне — я должен это признать, — чтобы решиться на разрыв с Москвой и остаться за границей.

Оставаясь за границей, я надеюсь получить возможность помочь реабилитации тех десятков тысяч мнимых “шпионов” и “агентов гестапо”, действительно преданных борцов рабочего класса, которые арестовываются, ссылаются, убиваются, расстреливаются нынешними хозяевами режима, который эти борцы создали под руководством Ленина и продолжали укреплять после его смерти.

Я знаю — я имею тому доказательства, — что голова моя оценена. Знаю, что Ежов и его помощники не остановятся ни перед чем, чтоб убить меня и тем самым заставить замолчать; что десятки на все готовых людей Ежова рыщут с этой целью по моим следам.

Я считаю своим долгом революционера довести обо всем этом до сведения мировой рабочей общественности.

5 декабря 1937 г. В. Кривицкий (Вальтер)»⁹⁹.

Узнав о измене Кривицкого, Ежов немедленно отдал приказ о его ликвидации. После этого Кривицкий не прожил бы и месяца, если бы не решительная акция французского правительства, которое предоставило ему вооруженную охрану. В МИД Франции был вызван советский поверенный в делах Гиршфельд, которого попросили довести до сведения советского правительства, что французская общественность так возмущена только что совершенным похищением бывшего царского генерала Миллера, что в случае повторения советскими агентами аналогичных действий — похищения или убийства на французской территории неугодных СССР лиц, — правительство Франции окажется вынужденным порвать дипломатические от-

ношения с Советским Союзом. Впрочем, это не помешало Кривицкому позже утверждать, что на его жизнь во Франции было совершено два покушения.

В ноябре 1937 года Кривицкий был представлен сыну Троцкого Седову. Впоследствии он так писал об этой встрече:

«Когда я встретился с Седовым, я откровенно сказал ему, что пришел не для того, чтобы присоединиться к троцкистам, а скорее за советом и из чувства товарищества. Он принял меня сердечно. Впоследствии мы встречались почти ежедневно. Я научился восхищаться сыном Льва Троцкого как личностью. Никогда не забуду бескорыстной помощи и поддержки, которую он оказал мне в те дни, когда за мной охотились сталинские агенты. Он был еще очень молод, но при этом исключительно одарен — обаятельный, знающий, деятельный. На суде в Москве, когда его обвиняли в измене, было сказано, что он получал крупные суммы от Гитлера и от японского императора. Я же обнаружил, что Седов живет жизнью революционера, весь день работая на дело оппозиции, нуждаясь в более качественном питании и одежде»¹⁰⁰.

В марте 1938 года, когда в СССР проходил процесс по делу Бухарина и Рыкова, к Кривицкому обратились Б. Суварин, бывший в начале 20-х годов одним из лидеров французской компартии, а к этому времени порвавший с коммунистическим движением, а затем и Г. Бержере, депутат французского парламента, с предложением прокомментировать происходящие в Москве события. Выполняя их просьбу, Кривицкий опубликовал в меньшевистском журнале «Социалистический вестник» ряд статей, посвященных московским процессам.

В 1938 году Кривицкий переезжает в США, где в апреле 1939 года в журнале «Сатердей ивнинг пост» печатает серию статей, в которых среди прочего, рассказывает о проходивших в 1936 году тайных советско-германских переговорах. После заключения в августе советско-германского пакта о ненападении он становится признанным специалистом по советской политике, к мнению которого прислушиваются

многие видные политические деятели на Западе. Это обстоятельство дало ему возможность в короткий срок издать книгу «Я был агентом Сталина», позже переведенную на многие языки.

После этих публичных выступлений на Кривицкого обратили внимание английские спецслужбы. Он был вызван в Англию и в своих показаниях, данных следователю Джейн Арчер, назвал более ста имен советских агентов. Правда, какие конкретно показания дал Кривицкий британской контрразведке, неизвестно, поскольку протоколы его допросов засекречены до сих пор. Но в числе прочего он сказал, что у НКВД есть источник — молодой англичанин, работающий в Испании в качестве журналиста. Речь, очевидно, шла о К. Филби, но к своему краткому заявлению Кривицкий не смог ничего добавить, а у английской контрразведки были в то время другие более важные дела, чем проведение расследования по этому неопределенному факту. Однако советская разведка, предвидя подобный поворот событий, отозвала или заморозила многих из тех агентов, с которыми Кривицкий в то или иное время сталкивался в своей работе за рубежом. Но, к сожалению, это не спасло от разоблачения шифровальщика английского МИД Джона Герберта Кинга, с 1935 года работавшего на СССР.

В начале 1941 года Кривицкий получил новый вызов в Лондон. А в понедельник, 10 февраля 1941 года, Телма Джексон, горничная скромного вашингтонского отеля «Бельвю» в 9.30 утра обнаружила тело Кривицкого в его номере 532, лежащее на кровати с простреленной головой. Рядом с кроватью весь в крови лежал пистолет, а на столике три прощальные записки следующего содержания:

«Дорогие Таня и Алики!

Мне очень тяжело. Я очень хочу жить, но это невозможно. Я люблю вас, мои единственные. Мне трудно писать, но подумайте обо мне, и вы поймете, что я должен сделать с собой. Таня, не говори сейчас Алику, что случилось с его отцом. Так будет лучше для него.

Надеюсь, со временем ты откроешь ему правду...

Прости, тяжело писать. Береги его, будь ему хорошей матерью, живите дружно, не ссорьтесь... Добрые люди помогут вам — но только не враги! Моя вина очень велика.

Обнимаю вас обоих.

Ваш Валя».

Внизу было приписано:

«Я написал это вчера на ферме Добертова. В Нью-Йорке у меня не было сил писать. В Вашингтоне у меня не было никаких дел. Я приехал к Добертову, потому что нигде больше не мог достать оружия».

Вторая записка была адресована адвокату Кривицкого и написана по-английски:

«Дорогой м-р Валдман,

моя жена и сын будут нуждаться в Вашей помощи. Пожалуйста, сделайте для них все, что можете.

Ваш Вальтер Кривицкий.

P.S. Я побывал в Виргинии, т. к. знал, что там я смогу достать пистолет. Если у моих друзей будут неприятности, помогите им, пожалуйста. Они хорошие люди. Зачем мне понадобился пистолет, им неизвестно».

Третья записка, на немецком языке, была обращена к Сюзанне Лафолетт, либеральной писательнице и другу Кривицкого:

«Дорогая Сюзанна,

полагаю, у тебя все в порядке. Умирая, я надеюсь, что ты поможешь Тане и моему бедному мальчику. Ты была верным другом.

Твой Вальтер»¹⁰¹.

Несмотря на то, что на пистолете не были обнаружены отпечатки пальцев Кривицкого, а вышедшая из головы пуля не найдена, следствие пришло к выводу, что имело место самоубийство. Этой же точки зрения придерживаются и бывшие сотрудники НКВД. Вот что, например, пишет по поводу смерти Кривицкого Судоплатов:

«Офицер военной разведки Кривицкий, бежавший в 1937 году и объявившийся в Америке в 1939-м, выпустил книгу под названием “Я был агентом Сталина”. В феврале 1941 года

его нашли мертвым в одной из гостиниц Вашингтона. Предполагалось, что он был убит НКВД, хотя официально сообщалось, что это самоубийство. Существовала, правда ориентировка о розыске Кривицкого, но такова была обычная практика по всем делам перебежчиков.

В Разведупре Красной Армии и НКВД, конечно, не жалели о его смерти, но она, насколько мне известно, не была делом наших рук.

Мы полагали, что он застрелился в результате нервного срыва, не справившись с депрессией»¹⁰².

Однако М. Зборовский, будучи в 50-х годах допрошенным агентами ФБР, признался, что передал в Москву американский адрес Кривицкого. А из дела Кривицкого следует, что его держали под наблюдением агенты НКВД, но только до 11 февраля 1939 года. В деле также указано, что первые сведения о смерти Кривицкого были получены из американских СМИ, и это действительно дает основание полагать (но не доказывает), что НКВД не имел прямого отношения к его самоубийству¹⁰³.

Что касается западных исследователей, то большинство из них, например, Г. Брук-Шеперд, считают, что Кривицкий был убит советскими агентами и называют в качестве исполнителей имена двух его голландских агентов — журналиста Г. Бусса и его секретаршу М. Веркер.

При этом они ссылаются на то, что никто из постояльцев гостиницы не слышал выстрела, хотя пистолет Кривицкого был без глушителя. А его вдова утверждала, что он никогда не заканчивал свои письма постскриптумом. Более того, она настаивала на том, что в записке, адресованной ей, была ключевая фраза, которую в полиции неправильно перевели: «Это очень тяжело. Я очень хочу жить, но жить мне больше не позволено». К тому же сам Кривицкий за несколько недель до смерти сказал своим друзьям: «Если вам придется услышать или прочесть в газетах, что я покончил с собой, — ни в коем случае не верьте!»¹⁰⁴

Впрочем, загадка смерти Кривицкого до сих пор так и остается тайной. Но объективно у НКВД были причины его

ликвидировать. Ведь он не только дал показания английской контрразведке, но и 11 октября 1939 года выступил перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, где перечислил всех руководителей советской агентурной сети в Америке, начиная с 1924 года и заканчивая резидентом Разведупра РККА Борисом Буковым, прибывшим в США в 1935 году. А в апреле 1940 года отчет о допросе Кривицкого английским следователем Джейн Арчел попал в руки известного впоследствии агента советской разведки Д. Маклина, который имел все основания опасаться, что во время очередных допросов Кривицкий может дать МИ-5 зацепку, достаточную для его разоблачения. И о своих опасениях он безусловно поставил в известность Москву, которая предприняла необходимые меры безопасности.

«...ДА НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ»

Вместо заключения

В конце февраля — начале марта 1940 года Троцкий составил документ, который назвал «Завещание». Правда, собственно имущественным вопросам в нем посвящены всего три строчки. «Завещание» носило скорее мировоззренческий характер и выражало нравственное кредо Троцкого перед лицом приближающейся смерти. Недаром в нем есть такие слова:

«Я умру пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом и, следовательно, непримиримым атеистом. Моя вера в коммунистическое будущее человечества сейчас не менее горяча, но более крепка, чем в дни моей юности... Эта вера в человека, в его будущее дает мне сейчас такую силу сопротивления, какого не может дать никакая религия»¹.

Через четыре месяца после написания этих слов Троцкий, являвшийся одним из создателей советской машины государственного террора, был убит людьми, также считающими себя марксистами и пролетарскими революционерами. Воспитанные на традициях и опыте большевистских и левоэсеровских боевиков, считавших террор действенным средством для достижения политических целей, они искренне думали, что не только делают правое дело, но и делают его абсолютно правильными методами. Однако палка, как известно, имеет два конца. И проводники советского государственного террора очень скоро на себе почувствовали, что такое быть его объектом. В результате к началу 40-х годов многие из тех, кто осуществлял «литерные» акции в отношении противников советского строя и большевизма, были сами репрессированы.

Одним из первых был репрессирован начальник Разведупра РККА в 1924—35 и 1937 году, участник разработки операции по захвату атамана Анненкова Ян Берзин. В 1936 году он был направлен в Испанию в качестве главного военного

советника. Как бывший начальник Разведупра, он занимался и вопросами разведки и на этой почве имел частые столкновения с представителем НКВД Орловым. Вот что вспоминает по этому поводу В. Кривицкий:

«В марте 1937 года мне довелось познакомиться с конфиденциальным докладом Берзина наркому обороны Ворошилову. Доклад был также адресован Ежову, преемнику Ягоды на посту шефа ОГПУ. Такие доклады предназначались для Сталина, но адресовались обычно вышестоящим начальникам их авторов. После оптимистической оценки общего положения в стране и похвал в адрес генерала Миахи Берзин переходил к сообщениям о недовольстве и протестах в руководящих испанских кругах в связи с деятельностью ОГПУ. Констатировалось, что агентура ОГПУ компрометирует советскую власть в глазах испанцев своим произвольным вмешательством и шпионажем в правительственных кругах. В заключении Берзин предлагал немедленно отозвать Орлова»².

Но отозван был не Орлов, а Берзин. Он покинул Испанию в мае 1937 года. За выполнение ответственного правительственного задания его наградили орденом Ленина и присвоили звание армейского комиссара 2-го ранга. А 9 июня 1937 года он вновь был назначен начальником РУ РККА. Но долго проработать в этой должности ему не пришлось. 27 ноября 1937 года он был арестован, обвинен в организации латышской контрреволюционной организации и шпионаже в пользу латвийского генштаба и 29 июля 1938 года расстрелян.

Затем настал черед организатора убийства Чжан Цзолина Христофора Салныня. После возвращения в 1929 году из Китая, где он принимал участие в конфликте на КВЖД, организуя диверсии в тылу китайских войск, Салнынь несколько лет находился на нелегальном положении в странах Центральной и Восточной Европы, а в 1932 году вернулся на Дальний Восток. Будучи помощником начальника Разведотдела штаба ОКДВА по диверсионной работе, он занимался организацией в Северном Китае разведывательно-диверсионных

и партизанских отрядов, действующих против японской армии, которая в 1931 году оккупировала Маньчжурию. О его успешной деятельности на этом посту говорит тот факт, что 10 октября 1935 года «за исключительно добросовестную работу при выполнении особо ответственных заданий» он был награжден золотыми часами, а в декабре ему было присвоено воинское звание бригадного комиссара.

Богатый опыт Салныня было решено использовать для организации работы созданного в 1935 году спецотделения «А» Разведупра (активная разведка). Поэтому в феврале 1936 года он был назначен помощником начальника спецотделения «А». В 1937 году Салныня направили в Испанию советником XIV (партизанского) корпуса. В Москву он вернулся в начале 1938 года, а уже 21 апреля его арестовали по обвинению в шпионаже и участие в заговоре против советской власти. Следствие по его делу продолжалось больше года, а 8 мая 1939 года он был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Больше повезло помощнику Салныня по организации первого покушения на Чжан Цзолия Леониду Бурлакову. После освобождения из китайской тюрьмы он был награжден орденом Красного Знамени и, подлечившись в санатории, продолжил службу в военной разведке. В 1931—1932 годах он — помощник начальника разведки 67-й стрелковой дивизии и помощник начальника Разведотдела ОКДВА, а с 1932 года — помощник начальника Разведотдела Морских сил Дальнего Востока. В мае 1937 года его переводят в Москву преподавателем Центральной школы подготовки командиров штаба РККА, а 2 сентября 1938 года арестовывают по обвинению в участии в антисоветском военном заговоре, вредительской работе в разведывательной службе Тихоокеанского флота и шпионаже в пользу Японии.

После двадцати дней непрерывных допросов Бурлаков стал давать требуемые от него «показания». Но ему повезло. Пока шло следствие Ежов 23 ноября 1938 года был снят с поста наркома внутренних дел, а 10 апреля 1939 года арестован. Бурлакова же в январе 1939 года этапируют во Вла-

дивосток, где его дело тянется почти два года. В конце концов он был оправдан и 4 декабря 1940 года вышел на свободу. В время Великой Отечественной войны Бурлаков служил в 4-ом (диверсионном) управлении НКВД, неоднократно забрасывался в тыл противника, а после войны вышел на пенсию. За несколько месяцев до смерти в июле 1957 года он сказал: «Все свои знания, силы и здоровье я всегда безоговорочно отдавал делу Ленинской партии и нашей Родине»³.

Что касается начальника ИНО НКВД в 1935—38 годах Абрама Слуцкого, то его ждала иная судьба — он был отравлен прямо на Лубянке в кабинете первого заместителя наркома НКВД Фриновского. По этому поводу есть масса свидетельств. Вот что, например, пишет об этом А. Орлов, сам, впрочем, в это время бывший в Испании:

«17 февраля 1938 года в рабочее время Слуцкого вызвали в кабинет его старого друга Михаила Фриновского, которого Ежов сделал одним из своих заместителей. Спустя полчаса Фриновский позвонил заместителю Слуцкого Шпигельглассу: “Зайдите ко мне!” В просторном кабинете Фриновского Шпигельгласс прежде всего увидел странную фигуру Слуцкого, бессильно сползшую с кресла. На столе перед ним стоял стакан чая и тарелка с печеньем. Слуцкий был мертв. Шпигельгласс сразу же подумал, что Слуцкого убили, но лучше было не задавать вопросов. Нервничая, он предложил позвать врача, однако Фриновский заметил, что врач только что был и “медицина тут не поможет”. “Сердечный приступ”, — небрежно добавил он с видом знатока...

Ежов распорядился, чтобы гроб с телом Слуцкого был выставлен в главном клубе НКВД “для прощания с умершим” и чтобы вокруг гроба нес дежурство почетный караул. Этот маскарад, однако, не достиг цели, скорее наоборот. Сотрудники НКВД кое-что смыслили в судебной медицине и сразу же заметили на лице покойного характерные пятна — признак цианистого отравления»⁴. Впрочем, Судоплатов считал, что Слуцкий, удостоенный некролога в центральных

газетах и похорон на Новодевичьем кладбище, умер естественной смертью, как и его брат, также скончавшийся от сердечного приступа уже после войны.

Следующим на очереди был А. Орлов (Фельдбин), один из организаторов массового террора в Испании. 9 июля 1938 года он получил телеграмму от Ежова, предписывающую ему выехать в Бельгию, в Антверпен, где 14 июля на борту советского парохода «Свирь» якобы должно было состояться совещание с «товарищем, известным вам лично».

При этом ему рекомендовалось прибыть туда на посольской машине в сопровождении советского генерального консула во Франции Бирюкова. Понимая, что в Бельгии его ждет не совещание, а арест с последующим расстрелом, Орлов решает бежать вместе с семьей. Послав телеграмму, в которой подтвердил свой приезд в Антверпен в назначенный день, он 12 июля выехал из Барселоны во Францию. В Перпиньяне, забрав жену и дочь, он сел на ночной поезд и утром 13 июля прибыл в Париж. Там Орлов и его близкие неожиданно для всех исчезли.

В августе 1938 года Орлов объявился в США, куда въехал через Канаду по советскому дипломатическому паспорту и зарегистрировался в Нью-Йорке под именем своего американского родственника Курника. Позднее он смог получить вид на жительство и под именем Игоря Берга вместе с семьей уехал в Калифорнию. Но перед этим, в августе 1938 года, он отправил Ежову письмо, в котором объяснял причины своего бегства. В частности, он писал:

«Мог ли я рассчитывать по прибытии в СССР на справедливое разбирательство моего дела? — Нет и еще раз нет! Вот мотивы:

1) Факт не открытого вызова меня домой, а организация западни на пароходе уже предопределила все. Я уже был занесен в список “врагов народа” еще до того, как моя нога вступила бы на пароход.

2) Я оказался бы в руках преступника Дугласа (псевдоним С. Шпигельглаза — авт.), который из низменных личных побуждений уничтожил 2-х честнейших коммунистов.

Этого мало. Мне известно, что Дуглас дал распоряжение об уничтожении героя войны Вальтера, добровольно проведшего 16 месяцев на передовой линии огня. Имя этого Вальтера является одним из нескольких популярнейших имен, известных каждому солдату. Это распоряжение было отдано Дугласом на основании необоснованных слухов, что у него, мол, “нездоровые настроения, могущие привести к невозвращенчеству”...

Честные люди не пошли на исполнение этого преступного приказа. Вальтер вскоре добровольно поехал домой с радостным чувством выполненного задания партии (“Вальтер” — известный военачальник РККА и Войска Польского, герой Великой Отечественной войны Кароль Сверчевский — авт.). Есть много других примеров, характеризующих преступность этого человека (Д.), готового из карьеристических мотивов погубить десятки заведомо честных людей и партийцев, лишь бы создать видимость оперативной работы и успешной борьбы с врагами.

В поисках популярности этот карьерист Дуглас в присутствии большинства моих работников выбалтывал ряд важнейших ведомственных тайн. Он терроризировал моих сотрудников перечислением десятков фамилий бывших сотрудников, расстрелянных без суда (в освещении, достойном «Нового времени»).

Сам Дуглас, да и кроме него даже честные работники, приезжавшие из дому, терялись в догадках: на основании чего были признаны шпионами и расстреляны без суда даже такие н/работники, которые пользовались полным доверием, в то время как с их бывшей сетью продолжают работать и поныне?...

Вот вкратце причины, заставившие меня, человека преданного партии и СССР, не идти в заготовленную мне карьеристом Дугласом ловушку на пароходе...»⁵

Но самое главное, в приложении к этому письму Орлов перечислил всех известных ему агентов ИНО НКВД, начиная от кембриджской группы и заканчивая агентами в Германии, позднее ставших известными как «Красная капелла»,

а также подробно описал свою работу — операции с испанским золотом, собственную роль в организации политического террора в Испании, оперативные мероприятия, связанные с похищением генерала Миллера, с Троцким и его сыном Седовым и т.д.

Тем самым он откровенно шантажировал руководство разведки и страны, угрожая раскрыть террористическую деятельность советских спецслужб, если его не оставят в покое. Этот шантаж не оставил Москве никакого выбора, и в августе 1938 года начавшаяся было охота на Орлова была отменена.

Если Орлову путем шантажа удалось избежать неминуемого уничтожения, то С. Шпигельглаз был лишен такой возможности. Будучи вынужденным после бегства Орлова свернуть операцию по устранению Троцкого, он впал в немилость у Сталина, который не любил, когда его приказы не выполняются. Кроме того, думается, что письмо Орлова, которое представляет собой прекрасный образец доноса времен большого террора было далеко не последним аргументом, решившим судьбу Шпигельглаза.

После смерти Слуцкого Шпигельглаз до конца марта 1938 года исполнял обязанности начальника ИНО, а с апреля фактически продолжал руководить работой разведки, будучи заместителем нового начальника ИНО, молодого и неопытного контрразведчика Залмана Пассова. Но его судьба уже была решена — 2 ноября 1938 года он был арестован по обвинению в «обмане партии» и срыве ее важнейшего поручения. В январе 1940 года Шпигельглаз был приговорен к высшей мере наказания и 12 февраля того же года расстрелян.

Бегство Орлова отразилось на судьбе еще одного «ликвидатора» — Якова Серебрянского. Осенью 1938 года он был отозван из Франции и 10 ноября вместе с женой арестован в Москве прямо у трапа самолета. Ордер на их арест подписал новый начальник ГУГБ НКВД Л. Берия.

В ходе продолжительного следствия, которое вел будущий министр МГБ В. Абакумов, Серебрянского подвергали

пыткам. Так, на первом протоколе допроса, датированным 12 ноября 1938 года, имеется резолюция Берии: «Тов. Абакумову! Крепко допросить». Именно после этого на допросе 16 ноября 1938 года, в котором участвовали Берия, Кобулов и Абакумов, как заявил позднее Серебрянский, он был избит и вынужден дать не соответствующие действительности показания о своей преступной деятельности. В результате 4 октября 1940 года следователем следственной части ГУГБ НКВД лейтенантом госбезопасности Перепелицей было составлено следующее обвинительное заключение:

«УТВЕРЖДАЮ

НАЧАЛЬНИК СЛЕДЧАСТИ ГУГБ НКВД СССР

КАПИТАН ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ

(ЭСАУЛОВ)

4 октября 1940 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следственному делу

№ 21782 по обвинению

СЕРЕБРЯНСКОГО Якова Исааковича

в преступлениях, предусмотренных

ст. 58 п. Ia и II УК РСФСР

10 ноября 1938 года органами НКВД СССР был арестован подозреваемый в шпионской деятельности СЕРЕБРЯНСКИЙ Яков Исаакович.

Проведенным по делу следствием установлено, что СЕРЕБРЯНСКИЙ в прошлом активный эсер, дважды арестовывался органами ОГПУ и при содействии разоблаченных врагов народа проник в органы советской разведки.

В 1924 г., будучи в Палестине, был завербован эмигрантом ПОКРОВСКИМ для шпионской деятельности в пользу Англии.

В 1927 г. СЕРЕБРЯНСКИЙ по заданию английской разведки перебросил из Палестины в СССР группу шпионов-террористов в лице ТУРЫЖНИКОВА, ВОЛКОВА, АНАНЬЕВА, ЗАХАРОВА и ЭСКЕ, которых впоследствии в лаборатории

спецгруппы ГУГБ готовил к диверсионной и террористической деятельности на территории СССР. Через ТУРЫЖНИКОВА СЕРЕБРЯНСКИЙ передавал английской разведке шпионские сведения о политическом и экономическом положении Советского Союза.

В 1933 г. СЕРЕБРЯНСКИЙ был завербован разоблаченным врагом народа ЯГОДОЙ в антисоветскую заговорческую организацию, существующую в органах НКВД.

По заданию ЯГОДЫ СЕРЕБРЯНСКИЙ установил шпионскую связь с французской разведкой, которую информировал о деятельности советской разведки за кордоном, добывал сильнодействующие яды для совершения террористического акта над руководителями партии и советского правительства.

В предъявленном обвинении виновным себя признал.

Изобличается показаниями ВОЛКОВА, СЫРКИНА, АЛЕХИНА, УСПЕНСКОГО, БУЛАНОВА, ТУРЫЖНИКОВА (осуждены), ПЕРЕВОЗНИКОВА, СЕРЕБРЯНСКОЙ (арестованы) и очной ставкой с ТУРЫЖНИКОВЫМ.

На основании изложенного обвиняется СЕРЕБРЯНСКИЙ Яков Исаакович, 1892 года рождения, уроженец гор. Минска, еврей, гр-н СССР, бывший эсер, член ВКП(б) с 1927 года (исключен в связи с арестом), до ареста — начальник специальной группы ГУГБ НКВД СССР в том, что

1) с 1924 являлся агентом английской разведки,

2) с 1933 года по день ареста являлся активным участником антисоветского заговора в НКВД и проводил шпионскую работу в пользу Франции,

т.е. преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. Ia и II УК РСФСР.

Считая следствие по настоящему делу законченным, а добытые данные — достаточные для предания суду, руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР

ПОЛАГАЛ БЫ:

Следственное дело № 21782 по обвинению СЕРЕБРЯНСКОГО Якова Исааковича направить в Прокуратуру Союза ССР для передачи по подсудности.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ГУГБ НКВД
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ (ПЕРЕПЕЛИЦА)
ПОМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ГУГБ НКВД
КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ (НИКИТИН)

СПРАВКА: 1. Обвиняемый СЕРЕБРЯНСКИЙ Я.И. с 10/
XI-38 содержится во внутренней тюрьме НКВД.

2. Вещественных доказательств по делу не имеется.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ГУГБ НКВД
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
(ПЕРЕПЕЛИЦА)»⁶.

Практически такое же обвинительное заключение было предъявлено и жене Серебрянского Полине Натановне.

7 июля 1941 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Серебрянского к расстрелу с конфискацией имущества, а его жену — к 10 годам лагерей за недоносительство о враждебной деятельности мужа. Но Серебрянскому повезло — вынесенный ему приговор не был приведен в исполнение. Шла Великая Отечественная война, и разведке катастрофически не хватало опытных сотрудников. Поэтому в декабре 1941 года по ходатайству начальника 4-го управления НКГБ П. Судоплатова он был освобожден и назначен начальником 3-го отделения 4-го управления, в задачу которого входила вербовка агентуры для глубокого оседания в странах Западной Европы и США.

Впрочем, заступник Серебрянского П. Судоплатов сам едва избежал ареста. Вернувшись в Москву после ликвидации Коновальца, он был назначен начальником 4-го (испанского) отделения, в июле 1938 года — помощником начальника ИНО, а ноябре-декабре, после ареста З. Пассова исполнял обязанности начальника разведки. Однако в декабре 1938 года новый нарком НКВД Л. Берия создал специальную комиссию во главе с очередным начальником ИНО В. Деканозовым по проверке всех оперативных работников разведки, и Судоплатову пришлось на себе испытать все «прелести» «чистки».

Первой в ее жернова попала жена Судоплатова Эмма Карловна. Ее обвинили в том, что она долгое время работала под руководством бежавшего в Японию Люшкова. В результате в 1940 году она была отчислена из ИНО и до 1949 года работала старшим преподавателем спецдисциплин Центральной школы НКВД-МГБ СССР. Что касается Судоплатова, то его сначала понизили в должности до заместителя начальника испанского отделения. А затем на партсобрании сослуживец Судоплатова Гукасов обвинил его в том, что он оказался в Москве по протекции «врагов народа» Горожанина, Люшкова и Балицкого, а также в том, что он поддерживал дружеские отношения с недавно арестованными Шпигельглазом, Раисой Соболев и ее мужем, сотрудником контрразведки Михаилом Ревзиным, и Михаилом Яриковым, бывшим сотрудником резидентуры ИНО в Китае (к моменту ареста в конце 1938 года — начальником восточного отделения ИНО ГУГБ НКВД). В результате партбюро создало по его делу специальную комиссию, на заседании которой начальник фотолаборатории Гессельберг утверждал, что Судоплатов является «типичным троцкистским двурушником».

Тот же Гессельберг под диктовку Деканозова подготовил проект решения партбюро, в котором Судоплатова предлагалось исключить из партии за связь с «врагами народа» и неразоблачение Шпигельглаза. Партбюро приняло это решение при одном воздержавшемся, новом начальнике ИНО П. Фитине, который заявил, что Судоплатова абсолютно не знает. Это решение должно было быть утверждено на общем партийном собрании ИНО, которое было назначено на январь 1939 года, после чего Судоплатов был бы неминуемо арестован. Но ему повезло, поскольку партийное собрание так оно так и не состоялось. Причиной тому был, во-первых, арест Ежова, а во-вторых, в связи с тем, что ему лично Сталиным была поручена ликвидация Троцкого.

Благодаря новому заданию Судоплатова, возможно, избежал ареста и Н. Эйтингон. Во всяком случае, после его возвращения в Москву из Испании весной 1939 года за ним

было установлено наружное наблюдение, о чем пишет в своих мемуарах Судоплатов:

«На следующий день, как только я пришел в свой новый кабинет (зам. начальника разведки — авт.), мне позвонил из дома Эйтингон, недавно вернувшийся из Франции.

— Павлуша, я уже десять дней как в Москве, ничего не делаю. Оперативный отдел установил за мной постоянную слежку. Уверен, мой телефон прослушивается. Ты ведь знаешь, как я работал. Пожалуйста, доложи своему начальству: если они хотят арестовать меня, пусть сразу это и делают, а не устраивают детские игры.

Я ответил Эйтингону, что первый день на руководящей должности и ни о каких планах насчет его ареста мне неизвестно. Тут же я позвонил Меркулову (первый заместитель наркома внутренних дел СССР, начальник ГУГБ — авт.) и доложил о состоявшемся разговоре. Тот, засмеявшись, сказал:

— Эти идиоты берут Эйтингона и его группу под наружное наблюдение, а не понимают, что имеют дело с профессионалами.

Через десять минут по прямому проводу мне позвонил Берия и предложил: поскольку Эйтингон — подходящая кандидатура для известного мне дела (убийства Троцкого — авт.), к концу дня он ждет нас обоих с предложениями⁷.

Что касается Александра Короткова, непосредственно руководившего ликвидацией Г. Агабекова и Р. Клемента, то, как уже говорилось, после возвращения в Москву осенью 1938 года он был награжден орденом Красной Звезды, а в декабре по указанию Берии уволен из органов. Возможно, поводом для его увольнения послужила его совместная работа с Орловым во Франции в 1933—34 годах. Однако Коротков отреагировал на увольнение так, как не поступил ни один из его сослуживцев — он оспорил решение об увольнении. В письме Берии он поставил под вопрос причину своего увольнения, и, к большому удивлению многих, приказ был отменен. Более того, в мае 1939 года Коротков был назначен заместителем начальника 1-го (немецкого) отделения ИНО и в этом же году принят в ВКП(б).

А вот входивший в спецгруппу Короткова Пантелеймон Тахчианов даже не был отозван в СССР и остался во Франции. Осенью 1939 года он помог получить через невозвращенца М. Штейнберга американскую визу для направлявшегося в Мексику Эйтингона, а в апреле 1940 года направлен для выполнения спецзаданий в Турцию. В Москву Тахчианов вернулся только в марте 1941 года и был назначен начальником отдела 1-го (разведывательного) управления НКГБ СССР. Точно также не был отозван из Мексики после убийства Троцкого Иосиф Григулевич. Его направили в Аргентину, где в годы Великой Отечественной войны он руководил нелегальной резидентурой, занимавшейся диверсионными операциями в местных морских портах и на кораблях, перевозивших в Германию стратегическое сырье из Латинской Америки.

Если же говорить о других участниках «литерных» операций, то большинство из них также было репрессировано. Так, были арестованы и расстреляны участники ликвидации генерала В. Покровского С. Фирин и Б. Иванов (оба в 1937 году). Репрессировали и принимавших участие в похищении генерала А. Кутепова С. Пузицкого (в 1937 году), А. Турыжникова и Р. Эсме-Рачковского (оба в 1938 году). Такая же участь постигла и Г. Косенко, Г. Шильдбах (в 1938 году), С. Эфрона и Н. Клепинина (в 1939 году), участвовавших в похищении генерала Е. Миллера и ликвидации Н. Рейсса. Так что никакие заслуги перед первым в мире государством рабочих и крестьян не могли быть гарантией от того, что его гражданин, каким бы лояльным и верноподданным он ни был, не попадет в бездушную машину государственного террора, ставшую к концу 30-х годов главным механизмом для удержания власти партийной бюрократией.

Заканчивая разговор о спецоперациях советских спецслужб в 1918—1941 годах, необходимо особо отметить, что в этот период таковые проводились, хотя и с меньшим размахом, и секретными службами других тоталитарных государств, например, фашистской Германии. Одна из первых спецопераций, организованная и проведенная по приказу

Гитлера службой безопасности (СД), была направлена против так называемого «Черного фронта» Отто Штрассера. Бывший соратник Гитлера, Штрассер, порвавший в 1930 году с НСДАП, пытался создать свое собственное движение — «Черный фронт». После 1933 года штаб-квартира движения переместилась в Прагу, откуда Штрассер обрушивался с нападками на Гитлера и его политику, используя вещавшую на Германию тайную радиостанцию. Поэтому не стоит удивляться тому, что в конце 1934 года Гитлер отдал приказ шефу СД Р. Гейдриху любым путем уничтожить радиостанцию, а главного оператора инженера Р. Формиса похитить, привезти в Берлин и предать суду.

10 января 1935 года Гейдрих вызвал к себе специалиста по спец-перациям Альфреда Науйокса, о котором известный историк Третьего рейха Вильям Ширер писал как о типичном порождении гитлеровского гестапо — «что-то вроде интеллектуального бандита», и обсудил с ним план предстоящей операции. К этому времени пеленгаторы СД сумели установить местонахождение передатчика, определив, что он располагается в 25—35 километрах юго-восточнее Праги. Для проведения операции Науйокс использовал псевдоним Ганс Мюллер и выступал в качестве торговца мануфактурой. Вместе с ним в Чехословакию выехала роскошная блондинка с пышными формами, некая Эдит Касбах, тренер по гимнастике из Берлина. Быстро обнаружив радиостанцию в городке Дорбиш, Науйокс вместе с Касбах снял соседний с Формисом номер в отеле «Загори», затем сделал дубликат ключа от комнаты инженера, послал условленную телеграмму Гейдриху и стал ждать дальнейших распоряжений.

23 января он получил следующие инструкции: уничтожить радиостанцию и, если возможно, схватить Формиса и вывезти его в Берлин.

Той же ночью он подал из окна своей комнаты сигнал карманным фонариком и сбросил веревку, по которой поднялся еще один агент СД В. Геч, специалист по удушению с помощью веревки, присланный из Германии на помощь Науйоксу. Они прошли к комнате Формиса, рассчитывая

устроить там засаду. Однако, вопреки их ожиданиям, хозяин оказался дома. Но вместо того, чтобы уйти, Науйокс постучался в дверь и сказал, что он — из гостиничной obsługi, и забыл положить свежее мыло во время уборки. Когда же Формис открыл дверь, Науйокс и Геч ворвались в номер. Увидев нападавших, Формис, бывший боевым офицером во время Первой мировой войны, не растерялся и выхватил револьвер. Завязалась перестрелка, в которой Касбах была смертельно ранена, а Формис убит. Выстрелы взбудоражили весь персонал отеля, но Науйокс и Геч сумели скрыться, унеся с собой Касбах (позднее она скончалась на территории Германии) и крича, что маньяк-убийца убежал. Кроме того, Науйокс успел положить под передатчик зажигательный снаряд и поджечь его, уничтожив тем самым радиостанцию.

Другой известной спецоперацией нацистских спецслужб стал захват 9 ноября 1939 года офицеров британской СИС майора Ричарда Стивенса и капитана Сигизмунда Пейна Беста, ставший результатом начатой в августе 1939 года разведоперации СД, целью которой была попытка выйти на немецких заговорщиков, недовольных политикой Гитлера и установивших связь с англичанами. Для этого через немецкого эмигранта Франца Фишера, агента СД в Голландии, был установлен контакт с резидентурой СИС в Гааге. Вскоре Фишеру удалось убедить англичан в том, что он является доверенным человеком некой оппозиционной группы, созданной немецкими генералами и офицерами. И уже 21 октября 1939 года в голландском городке Зютфен состоялась встреча сотрудников СИС Стивенса и Беста, которых сопровождал лейтенант голландской разведки Дирк Клоп, с «представителем германской оппозиции» капитаном вермахта Шеммелем, роль которого играл Вальтер Шелленберг.

Задуманная немцами игра началась очень удачно, и Шелленберг уже рассчитывал в скором времени, подбросив англичанам дезинформацию, выйти на настоящих оппозиционеров из вермахта. Но 8 ноября в мюнхенской пивной «Бюр-

гербраукеллер», где Гитлер ежегодно выступал с речью в день неудавшегося путча 1923 года, произошел взрыв. От неминуемой смерти фюрера спасло только то, что он ушел из пивной на 10 минут раньше обычного. Не долго думая, Гитлер посчитал, что покушение было организовано его бывшим соратником, руководителем оппозиционного «Черного фронта» Отто Штрассером, скрывающимся в Швейцарии, и английской разведкой. В результате Шелленбергу был отдан приказ силами приданного ему отряда СС во время следующей встречи захватить Беста и Стивенса и доставить их в Берлин.

На другой день, 9 ноября, Шелленберг ждал англичан к кафе в местечке Венло рядом с голландской границей. А когда они появились у КПП, грузовик с эсэсовцами, сбив шлагбаум, влетел на территорию Голландии. Началась стрельба, и через несколько минут англичане и раненый в перестрелке Клоп были захвачены и вывезены на территорию Германии.

Раненый Клоп умер через несколько часов в госпитале в Дюссельдорфе, а Бест и Стивенс были доставлены в Берлин в штаб-квартиру РСХА на Принц-Альбрехтштрассе, 8. Там их лично допрашивал шеф гестапо Генрих Мюллер, используя при допросах шантаж и запугивание, но удерживаясь от применения силы. Так, во время допроса Беста он, в ответ на просьбу последнего дать ему очки, закричал:

«Не беспокойтесь об очках или о чем-либо другом. Скорее всего, вы уже будете мертвы до прихода завтрашнего дня, и вам не нужны будут ни очки, ни что-нибудь другое. И тогда вы уже не будете досаждать нам. Мне кажется, что вы не осознаете своего положения.

Сейчас война. Вы не желанный гость в Германии, а беспомощный узник гестапо. Осознаете ли вы вообще, где находитесь? В штаб-квартире гестапо. Вы не знаете, что это означает? Мы можем сделать с вами все, что хотим, абсолютно все»⁸.

Однако, несмотря на шантаж и запугивание, следователям гестапо так и не удалось вынудить Беста и Стивенса

признать свое участие в подготовке покушения на Гитлера. В конце концов после многочисленных безрезультатных допросов они были отправлены в концлагерь Заксенхаузен, где находились до конца войны. В апреле 1945 года они были освобождены войсками союзников и в ходе расследования обстоятельств их нахождения в плену признались, что не выдержали допросов в гестапо и выдали информацию о структуре и известных им сотрудниках английской разведки. После этого в СИС было решено не подвергать Беста и Стивенса судебному разбирательству, а просто уволить со службы.

Не отставали от немцев и итальянцы, у которых при проведении спецопераций главная роль отводилась СИМ (Servizio informazioni militari) — службе военной разведки. Так, в начале 1937 года начальник контрразведывательного отдела СИМ полковник Санто Эмануэле представил своему начальству план проведения террористических операций. Руководство ими поручалось туринскому центру контрразведки во главе с майором Роберто Навале, а непосредственное исполнение — лейтенанту Манлио Петраньяни, проходившему в переписке под псевдонимом «Франческо». Среди прочего «Франческо» поручалось «изучить возможность спровоцировать эпидемию в Барселоне или в пограничной с Францией зоне с целью вызвать этим закрытие франко-испанской границы по санитарным причинам... Завербовать кого-нибудь из сотрудников Красного Креста в Марселе для подбрасывания в доставляемые на склады провиант и материалы соответственно “подготовленные” партии товаров якобы от лица неких подрывных организаций, как итальянских, так и иностранных»⁹. Позднее полковник Эмануэле, арестованный в 1944 году, дал следующие показания:

«В 1937 году от полковника Паоло Анджои (заместитель начальника СИМ — авт.) я получил приказ разработать план актов саботажа, распространения эпидемий и устранения неудобных лиц во Франции и Испании. Я выполнил задание с помощью моих сотрудников, прежде всего из туринс-

кого центра, возглавляемого Роберто Навале... Должен обратить внимание, что все было сделано с полного согласия командования СИМ, более того, по приказу начальника СИМ, каковым в то время являлся генерал Роатта. Он же, будучи одновременно командующим итальянским экспедиционным корпусом в Испании, осуществлял руководство СИМ через полковника Анджои»¹⁰.

Определенный интерес представляет шкала расценок, соответствующих разным видам терактов, а также компенсаций агентам, оказавшимся в «неприятной» ситуации:

«За уничтожение парохода — 25 000 лир; за уничтожение паровоза или организацию крушения эшелона — 15 000; за уничтожение груженого товарняка, стоящего на станции — 5000; за уничтожение грузовика с людьми — 10 000, с материалами — 5000; за распространение инфекционных заболеваний или нанесение вреда произведениям искусства, разрушение железных дорог и т.д. оплата будет соизмеряться с полученным результатом...

В случае «неприятностей», завершившихся арестом, каждый агент знает, что его семье будут перечисляться прожиточные средства вплоть до его освобождения. В случае смерти компенсация составит 50 000 лир»¹¹.

Для перечисления всех спецопераций, проведенных СИМ, потребовалось бы много места. Поэтому назовем только некоторые из них.

14 марта 1937 года с помощью взрывчатки был устроен пожар на корабле «Турия», находящимся в порту Ниццы. 30 мая 1937 года на рейде Джероны затонул после взрыва пароход «Читта ди Барселона». В феврале 1937 года в порту Марселя в результате взрыва ушел под воду пароход «Кап Феррат». Но самым громким делом СИМ стало убийство братьев Карло и Нелло Росселли, лидеров организации итальянских эмигрантов-антифашистов «Справедливость и свобода». Карло Росселли, самый известный итальянский антифашист, был к тому же и военным руководителем итальянской оппозиции в Испании. Поэтому их ликвидации в СИМ придавали большое значение.

В начале 1937 года начальник СИМ Паоло Анджои отдал приказ полковнику Эмануэле «исполнить спущенное сверху распоряжение об убийстве Карло Росселли». В свою очередь Эмануэле поручил проведение операции туринскому центру, сотрудники которого установили контакты с французскими кагулярами (члены фашистской организации «Тайный комитет революционных действий» — авт.). Один из руководителей кагуляров, Жозеф Дарнан, согласился ликвидировать Росселли, о чем Эмануэле сообщил в следующем донесении Анджои:

«Сотрудничество с целью устранения неугодных лиц пока находится в стадии обещаний. Была намечена первая цель в лице известного антифашиста Карло Росселли (79, ул. Н.Д. Поля, Париж). Один из руководителей кагуляров специально приехал в Ниццу, чтобы обговорить со мной детали... Вышеуказанный руководитель, которого я имею основание считать кадровым офицером министерства обороны, находящимся в отпуске, торжественно обязался исполнить задуманное (квартира Росселли уже взята под наблюдение) и попросил меня оказать содействие в приобретении на льготных условиях по меньшей мере ста полуавтоматических карабинов Беретта... Думаю, выполнение задания было отложено, потому что я не смог дать дополнительной информации по этому поводу, так как был занят в двух других важных операциях... Я бы мог собрать оружие у границы с этой стороны и помочь кагулярам его вывезти, как только “дело Росселли” будет закрыто. Плата наличными, дополнительная компенсация посреднику, обеспечившему нас “крышей”»¹².

11 июня 1937 года обезображенные трупы Карло и Нелло были обнаружены на окраине нормандского городка Баньоль-сюр-Орн за придорожной изгородью. Они ехали к городу, когда их остановили пассажиры другой машины. Карло был убит сразу, как только вышел из автомобиля. Его брат Нелло, более сильный, отчаянно сопротивлялся и умер только после того, как удары нападавших превратили его лицо в кровавое месиво. Непосредственными исполнителями убий-

ства братьев Росселли были кагуляры, которыми руководил Дарнан. В качестве платы за убийство СИМ, как и было условленно, передала им сто полуавтоматических карабинов «Беретта».

Что касается стран т. н. западной демократии, то их гражданские спецслужбы были немногочисленны, а военные в мирное время фактически распускались. Поэтому ни о каких спецоперациях с их участием в 20—30-х годах не могло быть и речи. Но в годы Второй мировой войны они быстро встали на ноги, моментально переняли опыт своих «старших товарищей» из СССР, Германии и Италии, после чего очень скоро заняли «подобающее» им место в ряду тех секретных организаций, которые не брезгают любыми средствами ради достижения поставленных перед ними целей. Но это тема уже для другой книги.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

ХРОНИКА СПЕЦОПЕРАЦИЙ (1918—1941 гг.)

1918 г.

6 июля — убийство германского посла в графа В. фон Мирбаха (Москва, РСФСР)

30 июля — убийство командующего германской группой армий «Киев» генерал-фельдмаршала Г. фон Эйхгорна (Киев, Украина)

1919 г.

13 октября — неудачное покушение на генерала Н. Баратова (Тифлис, Грузия)

1920 г.

4 апреля — неудавшееся покушение на генерал-лейтенанта К. Маннергейма (Тампере, Финляндия)

1921 г.

6 февраля — убийство атамана генерал-майора А. Дутова (Суйдун, Китай)

август — захват генерал-майора барона Р. фон Унгерна (Монголия)

15 октября — первое покушение на командующего ВСЮР генерал-лейтенанта барона П. Врангеля (Стамбул, Турция)

декабрь — захват командира Оренбургского отряда генерал-лейтенанта А. Бакича (Монголия)

1922 г.

10 апреля — убийство полковника А. Кайгородова (Горный Алтай, РСФСР)

4 августа — убийство Энвер-паши (Чаган, Туркестан)

7 ноября — убийство генерал-лейтенанта В. Покровского (Кюстендил, Болгария)

1923 г.

май-июнь — захват генерал-хорунжего Ю. Тютюника (УССР)

12 июня — убийство брата и соратника белого генерала Ю. Булак-Балаховича (Беловежская Пуша, Западная Белоруссия (Польша))

1924 г.

16 августа — вывод на территорию СССР и арест Б. Савинкова

1925 г.

12 апреля — похищение и вывод на территорию СССР казачьего атамана З.И. Гордеева (г. Маньчжурия, Китай)

17 апреля — взрыв в Софийском кафедральном соборе Семи Святых с целью убийства главы правительства Болгарии А. Цанкова и членов его кабинета (София, Болгария)

6 августа — ликвидация бывшего сотрудника Разведупра РККА В. Нестеровича (Ярославского) (Майнц, Германия)

27 сентября — арест выведенного на территорию СССР английского разведчика С. Рейли

ноябрь — ликвидация бывшего сотрудника ОМС Коминтерна, невозвращенца И. Дзевалтовского (Польша)

1926 г.

январь — похищение и вывод на территорию СССР полковника Ктиторова (г. Маньчжурия, Китай)

31 марта — захват атамана Б. Анненкова и генерал-майора Н. Денисова (Калган, Китай)

25 мая — убийство бывшего главы Украинской Директории С. Петлюры (Париж, Франция)

29 июня — вывод на территорию СССР и арест белоэмигранта С. Дружиловского

24 сентября — неудавшаяся попытка покушения на маршала Чжан Цзолиня (Мукден, Китай)

захват полковника Жилинского, белых «партизан» А. Рудых, Овечкина-Петрова, Понявкина и др. (Мулинские копи, Китай)

убийство белых «партизан» Рудых-младшего, Синева, Стрелкова, Шашлова и др. (Мулинские копи, Китай)

1928 г.

январь — попытка ликвидации бежавших из СССР Б. Бажанова и А. Максимова (Мешхед, Персия)

16 марта — убийство предателя М. Гурина-Морозова (Вильно, Польша)

23 апреля — ликвидация председателя РОВС генерал-лейтенанта барона П. Врангеля (Брюссель, Бельгия)

4 июня — убийство маршала Чжан Цзолиня (Мукден, Китай)

убийство белого «партизана» Дудко (Мулинские копи, Китай)

1929 г.

апрель-май — рейд на территорию Афганистана с целью ликвидации басмаческого курбаши Ибрагим-бека

1930 г.

26 января — похищение председателя РОВС генерал-лейтенанта А. Кутепова (Париж, Франция)

1931 г.

27 июля — убийство бывшего агента ИНО ОГПУ Г. Земельмана (Вена, Австрия)

захват и вывод на территорию СССР члена гоминьдановского Комитета по делам Монголии и Тибета Мэрсе (Го Даофу) (Маньчжурия, Китай)

1932 г.

11 января — неудавшееся покушение на бывшего сотрудника ИНО ОГПУ, невозвращенца Г. Агабекова (Констанца, Румыния)

22 мая — ликвидация бывшего курьера ИНО ОГПУ Г. Виссингера (Гамбург, Германия)

декабрь — убийство одного из руководителей Братства Русской Правды на Дальнем Востоке полковника Аргунова (Харбин, Китай)

1933 г.

декабрь — ликвидация нелегала Разведупра РККА В. Штурм де Штрема (Вена, Австрия)

декабрь — захват и вывод на территорию СССР командира охраны парохода «Тунсан» князя Ф. Ухтомского (р. Амур, Китай)

декабрь — захват и вывод в СССР полковника Паппенгута (Урумчи, Китай)

захват и вывод в СССР соратника атамана Б. Анненкова полковника Топхаева (Маньчжурия, Китай)

1935 г.

август — ликвидация бывшего помощника атамана Г. Семенова генерал-майора А. Тирбаха (Трехречье, Китай)

1936 г.

ноябрь — подготовка спецоперации против бывшего председателя Учредительного собрания В. Чернова (Прага, Чехословакия)

1937 г.

25 января — убийство невозвращенца Д. Навашина (Париж, Франция)

9 апреля — похищение левого социал-демократа журналиста М. Рейна (Барселона, Испания)

6 мая — убийство одного из лидеров итальянских анархистов К. Бернери и его соратника Ф. Барбиери (Барселона, Испания)

май — ликвидация секретаря «Анархистской молодежи Каталонии» А. Мартинеса (Барселона, Испания)

3 июня — похищение бывшего агента Разведупра РККА Дж. Пойнтц (Нью-Йорк, США)

16 июня — арест и последующая ликвидация политического секретаря ПОУМ А. Нина (Алкала де Энарес, Испания)

2 августа — похищение активного троцкиста Г. Фройнда (Барселона, Испания)

4 сентября — убийство бывшего сотрудника ИНО НКВД, невозвращенца И. Рейсса (Лозанна, Швейцария)

13 сентября — похищение бывшего секретаря Л. Троцкого, секретаря «Движения за IV Интернационал» Э. Вольфа (Барселона, Испания)

22 сентября — похищение председателя РОВС генерал-лейтенанта Е. Миллера (Париж, Франция)

23 сентября — похищение члена Международного секретариата ПОУМ и бывшего троцкиста К. Ландау (Барселона, Испания)

октябрь — загадочное исчезновение агента ИНО НКВД «ЕЖ/13» генерала Н. Скоблина (Испания)

1938 г.

3 февраля — неудавшееся покушение на издателя и главного редактора газеты «Голос России» И. Солоневича (София, Болгария)

16 февраля — загадочная смерть сына Л. Троцкого Л. Седова (Париж, Франция)

март — ликвидация бывшего сотрудника ИНО ОГПУ, невозвращенца Г. Агабекова (Париж, Франция)

23 мая — ликвидация председателя ОУН Е. Коновальца (Роттердам, Голландия)

13 июля — убийство административного секретаря «Движения за IV Интернационал» Р. Клемента (Париж, Франция)

1940 г.

24 мая — нападение на дом Л. Троцкого (Мехико, Мексика)

25 мая — ликвидация агента ИНО НКВД, охранника Л. Троцкого Р.Ш. Харта (Санта-Роса, Мексика)

18 июня — загадочная смерть бывшего председателя МОПР, видного деятеля международного коммунистического движения В. Мюнценберга (Гренобль, Франция)

20 августа — убийство Л. Троцкого (Мехико, Мексика)

1941 г.

10 февраля — странное самоубийство бывшего сотрудника ИНО НКВД, невозвращенца В. Кривицкого (Вашингтон, США)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2 ПРИКАЗЫ РВСР О НАГРАЖДЕНИИ НЕСТЕРОВИЧА В.С.

Приказ РВСР № 132 от 16 марта 1920 г.

Награждается орденом Красного Знамени... командир 1-й бригады 42-й стрелковой дивизии тов. Нестерович Владимир Степанович за боевые отличия, выразившиеся в следующем: 7 июля 1919, когда 42-я стрелковая дивизия находилась в составе перешедшей в наступление на Белгород, Валуйки Ударной группы 13-й и 8-й армий, 1-я бригада под командованием тов. Нестеровича, сбив сильного противни-

ка и находясь впереди других частей дивизии, лихим ударом заняла г.Новый Оскол, продвигаясь далее на юг. 20 августа 1919 тов. Нестерович во главе эскадрона выдвинулся вперед за пехотные части и налетом занял станцию Бибиково, несмотря на сопротивление пехоты и бронепоезда противника.

В тяжелых боях под г. Корочей 24—26 августа, когда переброшенная на фронт 42-й дивизии конница Шкуро окружала отдельные части, тесня превосходными силами 42-ю и 12-ю дивизии, тов. Нестерович, попав в окружение противника с 371-м и 372-м полками, исключительной энергией, личной инициативой и искусным командованием вывел части из тяжелого положения с целым рядом опасных боев, сохранив всю материальную часть. В бою 4 октября 1919 под дер. Валова, когда наши части дрогнули под напором противника и стали отступать, тов. Нестерович на мотоцикле с небронированным автомобилем ворвался в линию цепей противника и сильным пулеметным огнем во фланг сбил его и увлек наши части в удачное контрнаступление. В первой половине октября при общем отступлении частей 13-й армии, когда 42-я стрелковая дивизия, выдвинувшись уступом вперед на левом фланге 13-й армии, имела влево более чем 100 верст прорыва до частей 8-й армии, Ударная группа силою около двух бригад под командованием тов. Нестеровича вела удачные бои, нанося удары во фланг и тыл зарвавшемуся противнику в направлении на город Ливны. В боях 7—12 октября той же операции под Навесное и Гатище тов. Нестерович, лично руководя частями, выехал на автомобиле с пулеметом во фланг противнику и, одновременно выслав обходную группу на другой фланг, захватил в плен у противника 45-линейное орудие в полной упряжке с зарядными ящиками и снарядами. Отходя параллельно отступлению всего фронта только по приказу вместе с другими частями дивизии, группа тов. Нестеровича в течение октября приковывала к себе главные силы противника, облегчая положение соседей, и за указанный период взяла в плен у противника 45-линейное орудие, 4 пулемета, более 300 пленных, из коих 3 офицера, 352 винтовки, много обоза, снарядов и патронов. В боях на подступах к городу Ельцу, имея в тылу бронепоезд противника и обнаженный правый фланг, 1-я бригада форсировала реку Большая Чернава, отбросив превосходные силы противника, причем 20 октября под личным руководством тов. Нестеровича была взята служившая ключом

позиций противника сл. Чернава, а оборонявшая ее в числе других частей офицерская рота 2-го Марковского полка прижата к реке и целиком перебита ввиду отказа сдаться в плен. 3 ноября при переходе всей армии в наступление части 1-й бригады под личным управлением тов. Нестеровича, опять-таки не имея связи с правым соседом — 3-й дивизией, отставшей более чем на 20 верст, уступом назад двинулись во фланг противнику, прошли более 25 верст от линии реки Большой Чернавы к городу Ливны, последовательно сбивая с подступа к городу упорно оборонявшегося противника и разбив наголову у самого города 1-й и 2-й Марковские полки, штурмом заняли город, захватив 375 пленных с офицерами, 10 пулеметов, много артиллерийских запасных частей и другого имущества.

5 декабря 1919, когда противник в составе корпуса генерала Мамонтова до 1000 сабель прорвал стык 42-й и 9-й дивизий, неожиданно подошел к городу Новому Осколу, грозя ликвидировать всю удачную операцию дивизии и отрезать находившиеся в это время на линии Волоконовка, т.е. в 35 верстах южнее города Нового Оскола, части 3-й бригады 42-й дивизии, тов. Нестерович, командуя 1-й бригадой, находившейся в диврезерве, сумел с поразительной быстротой искусно ввести в бой свои части и остановил врага в 4-6 верстах от города. Перейдя в контрнаступление и личным примером увлекая части, сбил противника, далеко погнав его в южном направлении, и подставил его под удар 6-й кавдивизии Конармии, разбившей белых наголову обходом с тыла у Волоконовки.

Приказ РВСР № 4 от 5 января 1921 г.

Награждается Почетным революционным оружием бывший комбриг-124 42-й стрелковой дивизии, ныне начальник той же дивизии, тов. Нестерович Владимир Степанович за отличие, выразившееся в следующем: в бою 7 июня 1920 тов. Нестерович, будучи комбригом-124, получил задачу выбить из с. Перво-Константиновка противника, прорвавшего нашу укрепленную позицию севернее Перекопа и овладевшего указанным селением. Названный товарищ с присущей ему храбростью и мужеством лично повел в наступление свои части, которые под руководством своего доблестного командира после ожесточенного боя с превосходными силами противника, введшего в бой большое количество артиллерии, танки и бронемашин, ворвались в названное селение, сбили не-

приятеля, взяв при этом пленных и один танк. Далее тов. Нестерович, понимая серьезность задачи, все время находился в цепи под ружейным и артиллерийским огнем неприятеля, отдавая лично приказания, в результате чего вверенные ему части не только выбили противника из названного селения, но, сдержав таким образом натиск врага, вынудили его оттянуть часть своих сил, направленных на соседнюю справа дивизию, чем было облегчено положение на фронте. В бою 11 июня у с. Аскания-Нова тов. Нестерович, командуя группой (124-я и 154-я бригады), лично руководил наступлением своих частей на это селение и во главе 42-го кавполка одним из первых ворвался в него, захватив при этом пленных. Благодаря личной храбрости и умелому руководству части тов. Нестерович не только взяли с. Аскания-Нова, но в течение дня удерживали его в своих руках, чем вынудили противника подтянуть резервы для новой контратаки.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

ДОКУМЕНТЫ ПО ДЕЛУ АТАМАНА А.И. ДУТОВА

(из книги В. Марковчина «Три атамана»)

К чему стремится атаман Дутов?

Избранник тринадцати казачьих войск и населения трех губерний, почетный старик всех войск и граждан многих городов России, атаман Александр Ильич Дутов отдал себя всего на служение народу без различия веры и национальности. Для Дутова не существует разницы классов и сословий, наций и веры. Атаман Дутов считает великой свою Россию и стремится упрочить величие ее. Все же народы, населяющие Россию, должны быть вместе и работать дружно для ее блага, славы и величия. Будет Россия цела — все будут в ней спокойны, и получать все для себя; не будет России — все рухнет; не составят себе ни мусульмане, ни башкиры, ни украинцы, никто отдельного государства. Более сильный народ или государство по частям разобьет каждую группу и погибнет целое. Атаман Дутов полагает, что крупные народности России, как, например, мусульманские, должны иметь особые права и особые управления. Другие меньшие народности должны быть обеспечены в сохранении своего быта, обычаев, языка и веры, а в управлении государством иметь

обеспеченное законом меньшинство. Атаман Дутов полагает, что мусульмане в тех областях, где они большинство и почти исключительное, должны иметь свое самоуправление, свой язык и свою письменность и только в сношениях с Правительством России употребляется язык русский. Свобода веры мусульман неприкосновенна, также как их мечети и молитвенные дома. Школы для мусульман, там, где будет помощь государства, имеют одинаковое с русскими право на таковую помощь и поддержку от казны. Быт, обычаи, суд — по своим книгам, преданию и обычаю мусульмане сохраняют полностью и неприкосновенно. Только преступления государственные караются общегосударственным судом. Смешанные дела мусульман и христиан разрешаются общегосударственным судом при равном числе судей мусульман и христиан. Земельные угодья татар, киргиз, таранчей, башкир и других мусульман составляют собственность данного народа, мусульмане могут иметь свои войска, своих офицеров, команды на мусульманском наречии, иметь знаки луны, но дисциплина и организация должны быть общегосударственные, равно как и определение мест квартирования частей есть исключительное право Правительства России. Форма одежды мусульманских частей, пища и казарменный обиход должны быть соответственны с их обычаем и Кораном. Праздники мусульманские — праздники мусульманских воинских частей. В государственной жизни мусульмане играют такую же роль, что и русские, согласно пропорциональности населения, с сохранением закона меньшинства. Родовое начало, право седины сохраняются у мусульман, равно как и многие обычаи, процессии, празднества, увеселения и семейный уклад. Права мусульман в торговле, оседлости и других отраслях жизни ничем не ограничиваются. Право получения высшего образования за государственный российский счет и право службы в русских учреждениях по желанию от мусульман не отъемлются и ничем не ограничиваются. В какие формы может вылиться мусульманский вопрос, атаман Дутов не предрешает, считая его с одной стороны окончательным для решения только Учредительным собранием, с другой — самим мусульманином на их все-российском съезде. Атаман Дутов полагает, что в новой, возрожденной России смертной казни, как позорящей имя человека, быть не должно. Все реквизиции, контрибуции и другие насилия путем извращения закона должны отойти в веч-

ность. Свободная торговля в свободной стране должна быть одним из условий восстановления промышленности и торговли. Имущество граждан должно быть защищено законом. Ни монархия, ни республика, навязанная народу отдельными лицами, не будут прочны до тех пор, пока народ России весь не скажет своего властного слова о том образе правления, который он хочет иметь. Свобода, равенство и братство — в лучшем понимании этих слов — вот к чему стремится атаман Дутов.

Обращение к большевику

К тебе, большевик, пишу я. Кто ты, русский, и не видишь ничего русского. Если ты мусульманин, вспомни Коран и заветы Магомета, нарушено и загажено. Где твоя свобода, можешь ли ты говорить то, что хочешь, можешь ли ты ехать туда, куда желаешь, можешь ли ты торговать и делать запасы? Спокоен ли ты за свою жену, дочь и сына, за свой дом, за свои сапоги, за хозяйство, белье, хлеб и скот? Почему Семирек идет в Ташкент и далее, а Сибиряк идет в Семиречье отбирать хлеб, скот и одежду? Что ты знаешь о белом свете? Только то, что сказал тебе комиссар, а он говорит лишь о своей выгоде. Можешь ли ты послать телеграмму туда, куда хочешь, и получить ответ в тот же день или на другой? Где скорая почта, езда по железным дорогам, где почтовые тракты? Куда ни глянешь ты — везде разруха. Опомнись и не принимай сам участия в этом преступном деле. Вспомни бога, своих дедов и великую мать Россию и брось свой большевизм и иностранщину. Иди по пути честного русского гражданина, будь свободным сыном своей великой земли.

Атаман Дутов

Слово атамана Дутова к красноармейцам

Братья заблудившиеся и заведенные в тупик, измученные братья... Стон ваш дошел до меня... Я увидел слезы ваши, ваше горе, нужду и страдания... И мое сердце русское, душа православная заставляет забыть все обиды, причиненные вами вашей родине многострадальной... Ведь нас всех так мало осталось. Сколько погибло на Германской войне, а еще больше — в междоусобной. Где же Вы, люди православные, где Вы, сыны верные Матушки России? Откликнитесь, остановитесь. Забудем старые обиды, деления на партии, раздоры и ссоры. Будем помнить, что у нас русская кровь течет, что сердце

русское в нас бьется. Протянем братски руку друг другу и пойдем спасать Матушку Святую Русь. Избранник народа, я, Вами русскими людьми выдвинутый, раскрываю свои объятия, со слезами и радостью встречаю своих детей, забывая, кем Вы были раньше, и помню лишь одно, что теперь Вы верные сыны своей родины, и готовы страдать за нее.

Итак, братья, одной дружной семьей, в которой не будет ни красноармейца, ни комиссара, ни белогвардейца, а будут только русские люди, горящие любовью к родине, пойдемте с Божьей помощью спасать Россию, чтобы скорее вернуться к честному и спокойному труду, во славу величия нашего государства.

Атаман Дутов

Начальнику Верненского регистротделения
регистрода Реввоенсовета Туркфронта
товарищу Пятницкому
агента того же отделения
Касымхана Чанышева

Доклад

В сентябре прошлого 1920 года мне Вашим помощником товарищем Щербетинским было предложено поступить агентом в Джаркентский пункт вверенного Вам отделения, на что я счел себя обязанным согласиться, т.к. считал себя могущим принести пользу в названной должности.

Первой задачей, данной мне заведующим Джаркентским регистрпунктом товарищем Давыдовым, было: познакомиться с атаманом белых, находящихся в пределах Илийского округа Китайской Республики, Дутовым, постараться заслужить его доверие и узнать в точных числах количество белых, находящихся там.

В то время я занимал пост начальника уездной милиции, поэтому для исполнения указанной задачи мне потребовался отпуск, каковой и был дан сроком на 15 дней. Получив отпуск, я поехал в пределы Китайской Республики в город Кульджу, где у меня имеются родственники, у которых я и остановился. На другой же день по приезду в Кульджу я встретил на улице бывшего джаркентского городского голову Миловского, скрывшегося в китайские пределы от ответственности, будучи приговорен Революционным Трибуна-

лом к заключению в концентрационный лагерь на 20 лет. В разговоре Миловский всячески нападал на Советскую Власть, в чем я его усиленно поддерживал, стремясь завоевать его доверие и воспользоваться им для выполнения задачи. Ему я, между прочим, сообщил, что у меня имеется 200 человек вооруженных милиционеров, с которыми я свободно могу произвести восстание в Джаркентском уезде. Обрадованный Миловский предложил мне познакомиться с атаманом Дуговым, с которым и сговориться о дальнейших действиях, предварительно же посоветовал переговорить с проживавшим в Кульдже попом Ионой.

Вечером того же дня Миловский привел этого попа Иону на квартиру моих родственников, где я остановился.

После долгого разговора с попом Ионой, мне последний заявил: «Я человека узнаю по глазам. Вы наш человек и Вам необходимо познакомиться с атаманом Дуговым. Он человек хороший, если Вы будете работать ему, то он Вас никогда не забудет. Я завтра поеду в Суйдун, а Вы завтра же вечером тоже приезжайте туда, заходите в казарму и спросите отца Иону. Часовой Вас пропустит, и мы переговорим».

В Суйдун я выехал лишь через день, с целью встретиться с попом Ионой не в казарме, а непосредственно в квартире Дутова.

Приехав в Суйдун, в полдень я случайно на базаре встретился с полковником Аблайхановым, которого знал еще с детства. В разговоре с ним во время обеда в харчевне он мне сообщил, что состоит переводчиком у Дутова. После чего я уверил его, что хочу им помогать и имею для этой цели 200 вооруженных милиционеров и просил его доложить Дутову о моем приезде и желании переговорить с последним. Обрадованный Аблайханов пошел к Дутову и через 15 минут, вернувшись, пригласил меня идти к Дутову.

Дутов принял меня одного, выслав всех из комнаты. После долгого разговора, во время которого он меня убеждал помогать ему, он заявил, что в случае моей измены он найдет меня на дне моря, и обещал после получения от меня первых же сведений прислать в Джаркент одного помощника, с которым я должен буду готовить восстание.

Находя, что данная мне задача выполнена, я вернулся в Джаркент и сделал соответствующий доклад заведующему регистрпунктом товарищу Давыдову.

Спустя некоторое время с товарищем Давыдовым было составлено письмо к Дутову, в коем излагались ложные сведения.

Ответом на это письмо Дутовым был прислан человек по фамилии Нехорошко, зачисленный писцом в Угормилицию, что явилось доказательством доверия Дутова мне.

В возникшей переписке между заведующим регистрпунктом Давыдовым через меня — с одной стороны, и Дутовым — с другой, мы просили Дутова прислать мне пулеметы с патронами, необходимые для организации восстания. Дутов же просил прислать три трехлинейных винтовки, видимо желают еще раз убедиться в моей преданности их делу.

По приказанию заведующего регистрпунктом тов. Давыдова срочно были привезены в гор. Чимпандзе (пограничный китайский город) три трехлинейных винтовки и один револьвер системы «Наган» и переданы, согласно распоряжения Дутова, полковнику Янчису, от которого я взял расписку, переданную мною Дутову по приезде в Суйдун.

Дутов встретил меня радостно и сообщил, что его агентура донесла ему о желании большевиков арестовать меня. Я уверил Дутова, что обратно в Джаркент не поеду, но предложение его оставаться у него в Суйдуне отклонил, прося отпустить меня к родственникам в Кульджу. Согласившийся Дутов снабдил меня визитной карточкой на китайском языке, на которой карандашом приписал следующее: «Отец Падарин. Предъявитель сего из Джаркента — наш человек, которому помогите во всех делах».

Заподозрив недоброе, я, приехав в Кульджу, к Падарину не пошел, а послал одного агента Регистрода к нему с этой карточкой и велел попросить денег и сказать, что я сам заболел.

В ответ на это Падарин денег не прислал, а передал словесно через агента распоряжение мне явиться ночью к нему на квартиру.

Убедившись из такого ответа в действительности моих подозрений, я выехал в Джаркент, передав Падарину через этого же агента, что меня экстренно вызвали туда.

Вернувшись в Джаркент, я вызвал Нехорошко к себе, и уверил его в том, что отъезд мой был вызван письмом, полученным из Джаркента, в котором сообщалось, что мое дальнейшее пребывание за пределами Советской России вызо-

вет аресты моих родственников и помощников по организации восстания. Убедившийся Нехорошко обещал разъяснить положение Дутову таким образом, что у того отпадут малейшие подозрения.

Находя, что к этому времени я уже в достаточной степени заслужил доверие Дутова и мне сравнительно легко будет привести в исполнение план ликвидации его, я, посоветовавшись со своими товарищами, которые помогали мне при сборе военно-агентурных сведений, предложил этот план заведующему Регистрпунктом тов. Давыдову, и просил разрешения проводить его в жизнь, однако такого разрешения тогда товарищ Давыдов не дал.

Спустя месяц (т.е. 5 января с.г.) товарищ Давыдов мне разрешил проводить план ликвидации Дутова в жизнь и предложил подписать обязательство, по которому я должен был убить Дутова в течение 10 дней, при невыполнении же чего должен быть расстрелян.

Будучи коммунистом и сознавая тот вред, который может быть причинен Дутовым Советской России и Революции при оставлении Дутова не обезвреженным, я счел своим революционным долгом названное обязательство принять на себя, поставив, однако, необходимым условием арест Нехорошко и еще двух лиц, подозреваемых мною в работе в пользу белых, нахождение которых на свободе могло помешать осуществлению плана. Нехорошко скоро же был арестован, другие же два лица, по неизвестным мне причинам арестованы не были.

Уже 6 января мною были отправлены в Китай для осуществления плана ликвидации Дутова три человека: тт. Хаджамияров, Байсмаков и Кадыров Юсуп. Однако, провести план в жизнь им не удалось, т.к. благодаря наступившему рождеству Дутов не выходил из дома. После же рождества произошло восстание Манчжурского (хунхузского) полка в Куре, вследствие которого не было возможности проникнуть в крепость города Суйдун, где жил Дутов.

14 января вечером я и мои помощники по организации убийства Дутова были арестованы и заключены в арестный дом при Угорчека.

31 января мне был предъявлен приговор местных карательных органов, по которому я, как не выполнивший к сроку боевой задачи, должен быть через пять дней расстрелян.

После моих разъяснений о невозможности мне, находясь под арестом, проводить в жизнь боевую задачу, мне было предложено представить 10 за себя заложников и выполнить все-таки свою боевую задачу во что бы то ни стало, при невыполнении же ее в течение 7 дней заложники должны быть расстреляны. Мною было представлено в тот же день 9 человек заложников, и в ночь с 31 января на 1 февраля отбыл за границу для проведения акта.

Прибыв в Суйдун 2 февраля вечером, я находился там у знакомых, и вынужден был выжидать подходящего случая до 6 февраля, когда был из Джаркента мой курьер тов. Ушурбакиев Азис и сообщил, что сегодня во что бы то ни стало нужно выполнить задачу. Тогда я решил более не выжидать и убить Дутова на его квартире, несмотря на находящийся при нем конвой.

С этой целью я написал Дутову записку следующего содержания: «Господин Атаман. Хватит нам ждать, пора начинать, все сделано. Готовы. Ждем только первого выстрела, тогда и мы спать не будем. Прощайте В.К.»

С этой запиской я отправил товарища Махмуда Хаджамиарова, так как он всегда бывал у Дутова, являясь моим курьером с ним, снабдив его.

Товарищ Махмуд Хаджамиаров прошел в комнату Дутова, будучи пропущен беспрепятственно часовым.

Близ дверей в квартиру Дутова около часового мною был поставлен тов. Мухай Байсмаков, которому отдал распоряжение убить этого часового немедленно, как только раздается выстрел тов. Хаджамиарова.

Сам же я стал у дверей караульного помещения, дабы выстрелами в окно и дверь помещения не дать конвою выйти наружу.

Товарищей Азиса Ушурбакиева, Кудека Байсмакова и Юсупа Кадырова оставил с лошадьми у ворот двора.

Товарища Султанай Моралбаева (старик 50 лет) оставил у ворот крепости Суйдун.

Услышав в квартире Дутова три револьверных выстрела, товарищ Мухай Байсмаков застрелил часового, я же несколькими выстрелами из нагана в дверь и окно караульного помещения, загнал назад кинувшихся было оттуда бывших там часовых.

По выходе товарища Хаджамиарова от Дутова мы сели на лошадей и поехали к воротам крепости.

У ворот стояла группа китайских солдат-часовых, в сторону которых мы произвели несколько выстрелов, заставивших их в панике разбежаться в разные стороны.

По выезду из крепости, когда мы уже находились в относительной безопасности, товарищ Хаджамиаров вкратце передал мне следующее:

«При входе к Дутову я передал ему записку, тот стал ее читать сидя на стуле за столом. Во время чтения я незаметно выхватил револьвер и выстрелил в грудь Дутову. Дутов упал со стула. Бывший тут адъютант Дутова бросился ко мне, я выстрелил ему в упор в лоб. Тот упал, уронив со стола горевшую свечу. В темноте я нащупал Дутова ногой и выстрелил в него еще раз».

Желая точно убедиться в действительности совершившегося акта, я, отправив своих товарищей в Джаркент, сам вместе с товарищем Азисом Ушурбакиевым отправился в Кульджу, где, проверив факт, 7 февраля отправился в город Джаркент.

*Агент Чанышев.
гор. Алма-Ата
8.02.21 г.*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО ГПУ УКРАИНЫ

4 вересня 1926 р.

Совершенно секретно

Перепечатанию не подлежит

Хранить наравне с шифрами под ответственность начальника органа ГПУ

Напечатано в количестве 75 экземпляров

Об украинском сепаратизме

Тактика «культурной борьбы» украинских антисоветских элементов с советской властью, за последний период времени, все ярче и ярче вырисовывается в виде развития среди украинской общественности националистических идей сепаратистского характера.

Рост шовинистических тенденций ставит перед органами ГПУ необходимость своевременно реагировать на это явление, имеющее политическое значение первостепенной важности. С этой целью ГПУ УССР ориентирует местные

органы о сущности, истории и тактике украинского сепаратизма, а также о тех задачах, которые в связи с этим стоят перед органами ГПУ.

Сепаратизм в истории укр. к.-р.

Сепаратистские идеи в украинском контрреволюционном движении сыграли исключительную роль.

Тенденции, направленные к отделению Украины от России, развивались и практически оформлялись параллельно с ростом большевистского движения. Украинская мелкая буржуазия заговорила об отделении от Москвы тогда, когда ее благополучию стала угрожать опасность, в виде стихийного подъема революционной волны.

Отделение Украины от России, декретированное универсалом Центральной рады, явилось следствием утверждения в России советской власти.

В период же керенщины, подавляющее большинство украинских политических партий и политических деятелей решительно отвергало возможность отделения Украины и добивалось только автономии или федерации.

Украинская буржуазия не рискнула вести борьбу с советской властью под флагом защиты своих классовых интересов. Она предпослала классовое содержание ведущейся ею борьбы спрятать под оболочку национальных лозунгов.

Поэтому вся ожесточенная вооруженная борьба, протекавшая в течение нескольких лет между советской властью и украинской контрреволюцией, была построена по такой схеме.

Советская власть выставила лозунг классовой войны. Основными кадрами советских войск были рабочие России и Украины. Украинская буржуазия пыталась использовать то обстоятельство, что среди пролетариата мало нерусифицированных украинцев. Ее представители выбросили знамя защиты всего украинского народа от порабощения его «московскими захватчиками». Они стремились доказать, что советская власть, под флагом социальной борьбы, ведет политику национального угнетения украинского народа и превращения Украины в колонию московского империализма.

Благодаря такой тактике украинской буржуазии, вся долгая борьба между нею и соввластью была окрашена ярко выраженными националистическими цветами и имела своей формальной конечной целью создание независимого, са-

мостоятельного украинского государства. Таким образом, сепаратистские тенденции являются осью официальной идеологии (или фразеологии) украинской контрреволюции.

Сепаратизм после разгрома укр. к.-р.

Украинская буржуазия в войне с советской властью потерпела полное поражение.

Вместе с тем, XII съезд РКП уточнил пути проведения в жизнь основ нашей национальной политики.

Эти два обстоятельства привели к тому, что приверженцы сепаратистских идей начали пересматривать свой идеологический багаж и менять вехи.

Главную роль в смене вех сыграли, конечно, разгром вооруженных сил укр. к.-р. и укрепление советской власти на Украине.

Представители укр. к.-р., благодаря этому, утратили какие бы то ни было благоприятные перспективы.

Новый национальный курс делал невозможным продолжение вооруженной борьбы с соввластью, так как выбивал из рук шовинистов главный козырь — «национальное угнетение».

Практически это привело к ликвидации бандитизма, к прекращению заговорщической, подпольной деятельности, к возвращению по амнистии остатков армии УНР и к расколу эмиграции, из которой выделилась и вернулась в пределы Украины чрезвычайно значительная и влиятельная часть. Отказ от борьбы сопровождался признанием советской власти. Признание советской власти означало отказ от принципов сепаратизма. Таким образом, на платформе независимости Украины открыто стоит только непримиримая часть украинской эмиграции.

Эта эмиграция состоит из представителей разных политических течений, от монархистов-хлебобобов (гетманцы) до «социалистов».

Все они сходятся в одном: «Украина является московской колонией, украинская советская власть — фикция, представители советской власти на Украине — ставленники московских завоевателей и т.д.» Ввиду этого они не считают возможным идти на какие бы то ни было соглашения с этой властью.

Перемена тактики: «Культурная борьба»

То обстоятельство, что украинские националисты прекратили открытую борьбу с советской властью и формально

признали ее, не означает, что они окончательно примирились с теперешним положением вещей и искренно отказались от враждебных замыслов.

Здесь налицо не изменение идеологии, а перемена тактики.

Та тактика, которая обещала наиболее быстрые результаты, тактика открытой войны, привела украинский сепаратизм к проигрышу его борьбы. Условия коренным образом изменились.

Расчеты на свержение соввласти не оправдались. Советская власть должна быть принята националистами как неизбежный факт.

Ввиду этого выковалась новая тактика борьбы. Тактика, в которой соввласть играет роль объекта, против которого направлено оружие «культурной работы».

Термин «культурной работы» пришел на смену провалившемуся лозунгу вооруженной борьбы за независимость.

«Культурная борьба» приобрела огромную популярность и втянула в ряды своих сторонников подавляющее большинство виднейших представителей укр. контрреволюции. Целый ряд военных деятелей, министров, общественников, лидеров партий, отказались от старых приемов и влились в ряды бойцов «культурного фронта».

Цели и задачи «культурной» работы сводятся к укреплению и развитию националистических тенденций: «Советская власть должна почувствовать мощь национальной стихии, под напором которой она будет сдавать одну позицию за другой».

Для этой цели используются все возможности. Украинизация используется для группирования во всех жизненных частях государственного организма сторонников националистических идей.

Создана Украинская автокефальная церковь, являющаяся могучим оплотом национализма и отличным агитационным орудием.

Украинская академия наук собрала вокруг себя компактную массу бывших видных деятелей УНР.

В общем, представители украинского национализма работают, не покладая рук, над внедрением в массы националистических чувств.

Они считают, что украинский народ проиграл свою освободительную борьбу из-за недостатка национальной сплоченности, и стремятся исправить этот основной недочет, т.е. добиться национальной спайки в массах.

Если период вооруженной борьбы отличался широким развитием подпольной деятельности, то эпоха «культурной борьбы» характерна стремлением использовать легальные возможности.

Об использовании легальных путей для борьбы с соввластью см. наш циркуляр об украинской общественности от 30 марта 1926 г.

Националисты и село

Село привлекает исключительное внимание националистов. На сельского кулака делается главнейшая ставка. В этом сходятся все группы украинской антисоветской общественности.

Видные представители антисоветской украинской интеллигенции г. Харькова по этому поводу говорят:

«...На селе власть берет кулак. В связи с предоставлением свободы выборов кустарям, середнякам и проч., к власти приходит элемент антикоммунистический, которым партия управлять не в состоянии. Поэтому украинской интеллигенции открывается широкая возможность взять власть в свои руки.

После того, как власть на селе возьмет кулак, большая часть партийцев окончательно убедится в правоте Зиновьева и создаст оппозицию ЦК. Тогда раскол будет еще более значительный. Поэтому перед украинской интеллигенцией стоит сейчас задача стремиться захватить влияние на селе».

Один из создателей хлебоборбской партии, находящийся в Харькове, говорит: «Отрадно видеть подъем национальных чувств среди крестьянства. У меня бывают сотни крестьян и все они: и середняки, и незаможники, и кулаки совершенно сознательны в национальном отношении. Они вполне понимают, кто их обижает и кто виновен в их плохом положении. В свое время мы ошибались и поэтому проиграли нашу борьбу, но все же наша работа не пропала даром.

Наши идеи впитались в крестьянство».

Таким образом этот деятель убежден в том, что крестьянство успешно обрабатывается в шовинистическом, самостийническом духе.

Цели этой упорной обработки крестьянства хорошо сформулированы председателем Подольской автокефальной рады: «Основной работой автокефалии является перевоспитание села. Вся деятельность ее должна быть направлена к максимальному внедрению в крестьянскую среду национального

духа. Следствием этого должно явиться то, что крестьянство поставит себе первоочередной задачей абсолютное национальное освобождение Украины из-под ига Москвы».

Работа украинских шовинистов по воспитанию села в духе ненависти к Москве дает заметные результаты, особенно в среде молодежи. Об этом свидетельствуют многие данные повседневной работы органов ГПУ.

Самостийнические идеи в настоящее время

Шовинисты различных политических оттенков сходятся в одном — в ненависти к Москве. Эмиграция об этом говорит открыто. Эмиграция призывает к борьбе с соввластью до тех пор, пока эта власть будет оставаться «неукраинской». Украинская власть в представлении эмиграции — это такая власть, которая не имеет связи с Москвой и представители которой — чистокровные украинцы.

Антисоветский шовинистический элемент внутри страны также, при каждом удобном случае, выявляет свое враждебное отношение к Москве.

Нижеследующие примеры иллюстрируют эти настроения.

А. Украинизация

Несмотря на то, что твердое проведение нами украинизации лишает контрреволюционеров возможности пользоваться для своей демагогии выигрышными козырями, шовинистические элементы украинизацию, проводимую советской властью, пытаются критиковать. Они твердят, что единственным результатом теперешней украинизации явится то, что «кацапы» и «жиды», находящиеся на государственной службе, «обдирая в интересах Москвы украинского крестьянина, будут говорить с ним на ломаном украинском языке».

По их мнению, настоящая украинизация должна сводиться к тому, чтобы весь государственный аппарат перешел в руки «ширых украинцев». Это — ближайшая задача, к осуществлению которой стремится украинский воинствующий шовинизм.

Общее мнение правых украинских кругов по этому вопросу сводится к словам находящегося в г. Днепропетровске шовинистического деятеля, который по этому поводу говорит: «Украинизация даст нам куцую национальную свободу. Коммунистическая партия проводит украинизацию не потому, что находит это полезным, а потому, что вынуждена это делать».

Украинская шовинистическая пресса за кордоном, в связи с проводимой украинизацией и выдвижением на ответственную работу украинцев, констатирует тот факт, что среди украинской общественности начинает всплывать на поверхность идея национальной государственности. По мнению прессы, это представляет «угрозу воинствующему и царящему на Украине великорусскому шовинизму, угрозу оккупантам из Москвы».

Газета «Діло», наиболее серьезный орган УНДО (Украинского национального демократического объединения) пишет: «Надеяться большевикам на то, что эти мероприятия могут задушить нарождающееся национальное украинское освободительное движение, поздно. Вместе с тем, политика большевиков в области украинизации нами должна быть целиком использована, так как она дает возможность украинцам более или менее легально концентрировать свои силы и, тем самым, создавать базу для будущей борьбы за украинскую государственность».

Часть украинских шовинистов считает, что смерть тов. Дзержинского знаменует собой поворот политики коммунистической партии. Они говорят: «Еще умрет два-три старых большевика и придут к власти молодые коммунисты, отличающиеся империализмом, карьеризмом и беспринципностью. Дзержинский и другие старые большевики ориентировались на всемирную революцию и для них рамки государства не играли решающего значения. В этой области отношение к украинскому вопросу и автономии Украины у старых большевиков было терпимое, в результате чего и проводится украинизация. Не то будет, когда к власти придут империалисты и карьеристы. Для украинцев это знаменует собой или полное порабощение Украины, или необходимость противопоставить этому организованный отпор украинских сил».

Б. Индустриализация Украины

Сепаратисты стараются доказать, что Украина является московской колонией и в силу этого подвергается со стороны Москвы самой жестокой экономической эксплуатации.

Большие недовольства вызываются со стороны шовинистов тем, что соввласть, якобы извлекая из Украины огромные средства, уделяет из них для развития украинской промышленности самую ничтожную часть.

В представлении шовинистов, эксплуатация Украины происходит таким путем.

1. Естественные богатства Украины в Донбассе, Криворожье и т.п. разрабатываются Москвой и добыча вывозится в Россию без соответствующей компенсации Украине.

2. Фабрики поставяет Россия, хлеб производит Украина. Россия так регулирует цены, что свои фабрики продает по вздутым ценам, а украинский хлеб скупает по дешевке.

3. Украина, поставляя для экспорта массу товаров, не получает соответствующей доли импорта.

4. С Украины дерутся непомерно высокие налоги.

Националисты твердят, что Украина дает Союзу чуть ли не 40% всех доходов, а получает взамен самую ничтожную часть. Все же средства идут на развитие экономики России.

Письмо, которое мы приводим ниже, написано украинским учителем-шовинистом, своему ученику, находящемуся теперь в Красной Армии. В письме, между прочим, говорится: «Возьми хотя бы отчет IX съезда КП(б)У и там ты найдешь доказательства, что мы — республика, не имеющая своего бюджета. Выходит, что не мы распоряжаемся своими средствами, а берем то, что нам дает Москва. Теперь возьмем хотя бы статьи, где пишется, что из 26 заводов на Украине хотят строить только два. Посмотри, где строят электрические станции, где отпускают большие кредиты, почему наши солдаты до сих пор служат на Кавказе и в Ленинграде. Словом, ты хорошо следи за экономикой, как распределяются союзные средства, где строят заводы, электрические станции и т.п., тогда ты сразу прозреешь. Читай сам и прокладывай дорогу нашей прессе, нашим газетам и книгам. Об этом ты должен всегда помнить».

В письме этом имеются также указания, как надо использовать для агитации среди масс все эти факты.

Шовинисты, критикуя план развертывания тяжелой индустрии, говорят: «Он лучший показатель того, что верхи СССР никогда не изживут великорусского шовинизма, концентрируют все заводы и фабрики в России, а с Украины будут выкачивать топливо и сырье».

Бывший премьер правительства УНР настроен оптимистически и так рисует перспективу развития украинской промышленности: «Украина как ни одна страна в мире, кроме Америки, отличается счастливым сочетанием энергетических ресурсов. Поэтому национальная промышленность Ук-

раины подыметься на такую высоту, что избавится от притеснения другими частями Союза. Она, как мощный поток, отбросит более слабые струи.

Эти перспективы принуждают нас не унывать, не падать духом и продолжать работу. При УНР этого подъема легко можно было добиться при помощи иностранного капитала. Сейчас это сделать труднее, так как политическое влияние теперь чужое, и не наше, но украинцы — самая культурная нация в Союзе и это является залогом осуществления наших национальных задач».

В. Территория и суверенность

Часть украинских сепаратистов мечтает об украинской великодержавности.

В одном из последних номеров центрального органа УНДО «Діло», издающегося во Львове, была помещена статья, отражающая эти настроения. О том, что Украина в ее теперешних границах должна быть независимым государством, статья даже не говорит, так как это считается азбучной истиной, аксиомой, о которой «Діло» в серьезной принципиальной статье не считает нужным снова упоминать. Речь в этой статье идет ни о чем ином, как об украинском империализме. Автор ее известный ундовец Левицкий доказывает, что Украина нуждается в Сибири, Зеленом Клине, Туркестане и Кубани для колонизационных и проч. целей. Ввиду этого, Украина должна стремиться также и к протекторату над путями к ним. В противном случае, утверждает «Діло», Украина не сможет занять место среди великих держав, а вынуждена будет мириться с положением второстепенного государства на манер Польши и Румынии.

Что касается внутренних контрреволюционных элементов, то они этим вопросам уделяют меньшее внимание, так как их задачи выражаются следующей формулой: «Язык, нация, культура, территория, суверенность».

Таким образом, территория и суверенность относятся к задачам более отдаленного будущего, а в настоящее время главная борьба ведется за язык, нацию, культуру и самостоятельную экономику.

Все же, шовинистический элемент проявляет большую заинтересованность вопросами государственной суверенности Украины.

Так, например, арестованный вожак харьковских правых кругов так формулирует на допросе свою позицию, являющуюся программой правых: «Как националист считаю, что факт лишения Украины международного представительства является актом недостойным украинской нации. Отсутствие правильно организованной украинской армии не дает уверенности в продолжительном существовании советской украинской власти. Колониальные последствия дореволюционного положения Украины не ликвидируются, а попытки проведения справедливой экономической политики встречают такой отпор, что существует большое опасение, что ликвидация этого положения может не начаться. Национальным правительством я считаю то правительство, которое стремится возвратить Украине национально-суверенное государственное бытие. Национальное государственное бытие заключается в том, что государство вполне самостоятельно ведет внешнюю и внутреннюю политику».

В настоящее время мечты о немедленном выходе из Союза расцениваются большинством шовинистов как несвоевременные.

Основная надежда возлагается на возникновение войны, которая принесет большевикам поражение, а Украине — независимость. Впрочем, имеются отдельные группы, которые говорят: «Лучше быть под Польшей, чем под жидами».

Правда, голоса этих групп тонут в общей неприязни к Польше. Часть шовинистического элемента расценивает Польшу как фактор, при помощи которого Украина добьется самостоятельности, без объединения с Польским государством.

В представлении самостийников, Украина будет обширным государством, «от реки Сана до Кубани». Пока же шовинисты болезненно реагируют на все мероприятия советской власти, которые, по их представлениям, наносят вред интересам суверенности Украины. Так, например, большое возбуждение вызвала передача РСФСР Таганрогского и Шахтинского округов. Усиленно муссируются слухи о том, что Донбасс с Харьковом Москва в непродолжительном времени также собирается отнять от Украины.

Интересным образом самостийнических стремлений является дело кубанских студентов Павленко, Бурбы и др., разрабатывавшееся ГПУ УССР и ППО ГПУ по СКК.

Из статута, обнаруженного при обыске у одного из участников организации, проживавшего в Киеве, явствует, что организация ставила своей целью объединение крестьян Украины, Кубани, Крыма, Западного Дона, южной части Курской и Воронежской губерний в одну мощную организацию («Украинское крестьянское объединение»).

Дополнительные материалы говорят о том, что конечной целью работы должна была явиться «вольная, независимая, самостоятельная, соборная Украина» в указанных выше пределах.

Г. Сепаратистские настроения в литературе

Известный украинский литератор Могилянский в одном из номеров харьковского журнала «Червоний шлях» поместил небольшой рассказ под заглавием «Убийство». В нем повествуется о том, как три националистических деятеля убили своего вождя за измену национальному делу.

Рассказ написан своеобразным эзоповым языком, но если в него вдуматься, то становится ясным, что этим вождем-изменником, казненным в рассказе за предательство, является никто иной, как профессор Грушевский.

Могилянский направил этот рассказ-памфлет против Грушевского за то, что Грушевский, бывший долгое время самостийником, осмелился признать советскую власть и федеративные начала вхождения Украины в Союз, т.е. изменил национальному делу.

Могилянский в рассказе проводит мысль о том, что такое преступление вождя должно караться смертью. Это хороший образец того, как шовинисты пытаются использовать литературу в своих целях. Они придают большое значение талантливым писателям и всеми силами стараются оказывать на них свое влияние.

Большое внимание уделяют шовинистические круги, между прочим, поэту Хвильовому, несмотря на то, что он является членом КП(б)У. Шовинистическая закордонная пресса иногда перепечатывает из наших журналов отдельные его произведения и пытается оказать на него националистическое воздействие.

Внутренние шовинистические круги также заинтересованы молодыми литераторами, в том числе и коммунистами.

По этому поводу один из авторитетных представителей харьковской правой общественности высказал такую мысль: «Хвильового мы можем поддерживать. На украинских коммунистов мы должны оказывать наше влияние и проводить нашу работу так, чтобы они не отходили от нас, а вместе с нами боролись за украинизацию, за Украину».

Убийство Петлюры

Убийство Петлюры явилось фактором, который украинские шовинисты сделали орудием агитации в целях развития украинского шовинизма и направления его по руслу борьбы «с московскими оккупантами».

В «Коммуникате», посвященном убийству Петлюры, за подписью 53 эмигрантских украинских организаций, говорится: «Мы уверены в том, что украинская общественность, а в первую голову украинская эмиграция в этот наиболее тяжелый час национальной печали, поймет ту опасность, которая угрожает нашему национальному делу от губительного удушения государственных стремлений украинского народа его вечным врагом, а, поняв это, с еще большей энергией будет защищать те национальные позиции, на которых так непоколебимо, честно и с честью стоял и пал Симон Петлюра.

Железной для нас является обязанность перед могилой великого патриота и неутомимого борца, несмотря ни на какие жертвы, осуществить идею украинской государственности.

Убийство председателя Директории Украинской Народной Республики — главного атамана войск Украины, направлено против всего украинского народа. Враги украинского народа, оккупанты его страны, насильники его воли, а не мститель еврейского народа Украины, направил руку убийцы на Симона Петлюру.

Тем больше должны мы единым напряжением всех наших национальных сил доказать, что враги Симона Петлюры — наши враги».

В воззвании ЦК УСДРП к украинским рабочим и крестьянам говорится: «Русские коммунисты, царствующие при помощи железа и крови над украинским народом, подослали нанятого палача-жида Шварцбарта. Руками своего наемника убили Петлюру враги Украины, которые уже давно хо-

тели стереть с лица земли этого наиболее активного борца за освобождение украинского народа...

Народные массы Украины ненавидят оккупационную власть московских коммунистов. Рабочие и крестьяне Украины должны объединиться одной мыслью, одним горячим стремлением: общими силами освободиться из-под власти коммунистических жандармов и провокаторов, этих ненасытных пиявок, которые пьют кровь нашего народа. Нелегка будет эта борьба Украины за свою свободу. Для успешной борьбы нужна большая и сильная политическая организация».

Общее мнение украинских правых кругов сводится к следующему: «Петлюра убит большевиками в связи с тем, что к власти пришел Пилсудский — друг Петлюры. Пилсудский безусловно оказал бы Петлюре большую помощь в деле борьбы с большевиками, а потому “они” решили Петлюру убить, подослав жида Шварцбарта. Петлюра пользуется на Украине большим авторитетом, и его убийство приведет к освободительной борьбе украинской нации».

Вместе с тем они считают, что имя Петлюры пользуется большим авторитетом на селе, и факт убийства Петлюры должен всколыхнуть массы крестьянской общественности, каковой момент и считают необходимым использовать для своих антисоветских целей.

В связи с убийством Петлюры среди разрозненных антисоветских украинских партий и группировок за кордоном была заметна тенденция к консолидации сил. Об этом в достаточной мере говорят факты: Павел Скоропадский едет на панихиду по своему непримиримому врагу Петлюре. Партия хлеборобов, стоявшая до последних дней в непримиримой оппозиции Петлюре, посылает делегацию на похороны и возлагает венок на могилу Петлюры. Почти вся зарубежная шовинистическая украинская пресса, представляющая собою отражение той или иной платформы, резко отличающихся друг от друга, со времени смерти Петлюры, помещает статьи о необходимости единодушной борьбы против оккупантов всех националистических украинских группировок за кордоном. Кампания за объединение антисоветских украинских сил разворачивается все шире и шире.

Однако сейчас можно с полной уверенностью определить, что единого антисоветского фронта эмиграция создать не в состоянии.

Выяснилось, что «единый фронт» объединяет только те группы, которые стоят на УНРовской платформе.

Те же группы, которые не признавали этой платформы, ограничились признанием заслуг Петлюры и присоединились к протесту по поводу его убийства.

Шаповаловские круги с УНРовцами не договорились. Полтавец-Острианица провозгласил себя гетманом.

Влиятельная и денежная организация «Оборона України», находящаяся в Америке, заняла в отношении петлюровцев отрицательную позицию, и ее печатный орган «Укр. громада» резко протестует против перехода политического наследства в руки Андр. Левицкого и К°.

Укр. соц. рад. партия находится в зависимости от «Обороны України» и также выступает против Андр. Левицкого. УНДО находится в колебании, так как враждует с Левицким, который заключал договоры с Польшей.

В общем эмиграция находится в полной зависимости от своих хозяев, дающих субсидии. Такими источниками субсидий являются Польша, Чехословакия и Германия, которые используют эмиграцию в своих политических целях. Так как политические интересы этих государств сталкиваются, то естественно, что они не позволяют своим нахлебникам договориться до единой линии поведения.

Газета «Діло», между прочим, поместила две статьи Винниченко, в которых он критикует идею единого фронта, указывая, что единство может быть создано на почве общих политических целей и условий, но никак не на почве психологических настроений, вызванных смертью Петлюры.

Однако если единый антисоветский фронт можно считать сорвавшимся, то, с другой стороны, нужно учесть, что убийство Петлюры вызвало безусловный рост активности враждебных нам групп, которые будут стремиться причинить советской власти как можно больше вреда.

Организационные выводы

Все изложенное еще раз говорит о том, что на работу по украинской общественности необходимо обратить самое серьезное внимание. Конкретные задачи, стоящие перед органами ГПУ, мы указывали в циркуляре «Об украинской общественности» от 30/III с.г.

В числе прочих заданий этим циркуляром рекомендовалось:

1. Главное внимание уделить выявлению правых групп, их деятельности и взаимоотношениям с остальными кругами украинской общественности (циркуляр, раздел «Конкретные мероприятия», пункт 2);

2. Не ограничиваться простым наблюдением за всеми кругами украинской общественности, а вести активную разведку среди видных представителей украинских антисоветских течений (пункт 5);

3. Увязать работу по украинской интеллигенции с работой по селу (пункт 6);

4. Освещать текущие настроения украинской общественности, связанные с нашей внутренней и международной политической жизнью (пункт 7).

Все отмеченные в предыдущем циркуляре мероприятия остаются полностью в силе и для настоящего циркулярного письма.

Серьезность и сложность современной политической обстановки и связанная с нею активность враждебных нам социальных и политических слоев, требуют самого внимательного отношения к процессам, протекающим в мелкобуржуазных националистических кругах.

Эта задача, в свою очередь, требует быстрее развития нашей работы по тем конкретным директивам, которые содержатся в циркуляре «Об украинской общественности».

Зам. пред. ГПУ УССР

Карлсон

Пом. нач. СО ГПУ УССР

Абугов

Врид. нач. 1-го отделения СО

Козельский

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

ДОКУМЕНТЫ ФРАНЦУЗСКИХ СПЕЦСЛУЖБ ПО ДЕЛУ О ПОХИЩЕНИИ ГЕНЕРАЛА А.П.КУТЕПОВА

Ниже приводятся несколько документов французских спецслужб, относящихся к расследованию обстоятельств похищения генерала Кутепова. Эти документы были опубликованы в книге французского историка Даниэля Бон «Похищение генерала Кутепова. Документы и комментарии», изданной Прованским университетом в 1998 году. По ним

можно судить, как продвигалось расследование похищения генерала Кутепова и к каким выводам пришли французские следователи.

Штаб Рейнской армии 10 марта 1930

2-й отдел

Управления безопасности

Донесение

К делу о похищении русского генерала Кутепова

В наше распоряжение поступили сведения о том, что на дому у известного вам Грейса, воинствующего коммуниста, проживающего в Висбадене на Валрамштрассе, имело место собрание лиц, пользующихся доверием Коммунистической партии. В числе присутствующих на нем были, в частности, Йегер из Манхайма и редактор франкфуртской коммунистической газеты Ашенбреннер. В ходе беседы на собрании возник и вопрос о похищении русского генерала Кутепова. Названный выше Йегер заявил, что из надежного источника ему совершенно точно известно, что в похищении Кутепова принимали участие шесть человек, которые отвезли его в автомобиле в Гамбург, где генерал и находится в настоящий момент. Ашенбреннер, со своей стороны, сообщил, что Кутепов вскоре будет переправлен в Россию. В разговоре вполголоса упоминалась также фамилия Беседовского, бывшего советского военного атташе в Париже.

Главный инспектор полиции Беранже

От г-на Бернуа,

г-ну Лефранку,

75, рю де л'Юниверсите, Париж.

К делу Кутепова

Передаю Вам рассказ начальника югославской контрразведки, однако заранее хочу оговориться, что, недостаточно зная этого человека, не могу ручаться за правдивость его слов и, тем более, слов его собеседника, совершенно мне неизвестного.

Недавно начальнику югославской контрразведки позвонил по телефону неизвестный и попросил о тайной встрече с ним. При встрече неизвестный оказался сотрудником ГПУ (из советского представительства в Вене). Он предло-

жил контрразведчику передать ему на одном из судов сербской Дунайской пароходной компании усыпленного русскими на сорок восемь часов хлороформом хорватского коммуниста — тот сбежал в Австрию, и Советы хотели наказать его за это.

Наряду с прочим, агент ГПУ сказал:

«Мы сделаем с ним то же, что с генералом Кутеповым...»

Начальник контрразведки воскликнул в ответ, желая проверить реакцию собеседника: «Но это ж ведь не вы (то есть не ГПУ) похитили Кутепова!»

Советский агент, однако, стал настаивать, что похищение генерала — дело рук ГПУ.

Тогда серб спросил: «Так что, вы его убили?»

На что его собеседник ответил: «Нет, мы его держим живым...»

«Но у вас же из-за этого дела будут всякие неприятности и осложнения...»

«Нет, — ответил агент ГПУ. — Мы так все обставили, что нам не грозят ровным счетом никакие неприятности».

В завершении следует отметить, что начальник югославской контрразведки наотрез отказался сотрудничать с ГПУ в деле вышеуказанного хорватского коммуниста.

В отдел систематизации информации документ поступил 23 апреля 1930

Секретно

Дело Кутепова

Из случайного источника.

За достоверность не ручаемся.

Основополагающая роль в похищении Кутепова принадлежала АРЕНСУ, сотруднику посольства СССР, рю де Гренель.

После похищения он бежал в Женеву. В настоящее время сменил фамилию на ЦИО или ЦИД.

Копии направлены: Управление национальной безопасности

5-ый отдел Службы общей информации

8 марта 1932 года

Секретно

В Бельгийскую Службу Безопасности

АРЕНС

АРЕНС (настоящее имя — Альтер, Исио, Исаак), бывший советник посольства Советского Союза в Париже, родившийся в Варшаве около 1890, принимал активнейшее участие в похищении генерала Кутепова.

Одна из его сестер, Прайда Альтер (родилась 03-11-1887 в Млаве (Польша); отец: Израиль Альтер, мать: Софья Хорн) замужем за бельгийцем Анри Полем Фюссом, родившимся 4 августа 1882 или 1885 в Шарбеке. Этот последний до и после войны приобрел известность активного анархиста и в настоящее время фактически является «бельгийским секретарем» Лиги Наций; проживает в Женеве, по адресу Шмэн де л'Эскалад.

Вторая сестра Аренса, Сарра Альтер, замужем за бельгийским подданным Алляром, также анархистом. Недавно он лишился работы за то, что оказал прием Аренсу.

По нашим сведениям, сестры Аренса прекрасно осведомлены об обстоятельствах дела Кутепова. Одна из них, супруга Фюсса, проронила в разговоре, что «они много чего знают об этом деле».

Мы были бы признательны Бельгийской Службе Безопасности, если бы она поделилась с нами своими соображениями относительно вышеизложенного.

Завершающий подборку документ из архива службы национальной безопасности, относится к 1937 году и, несмотря на претензии на литературность, дает возможность оценить насколько близко французы подошли к разгадке похищения Кутепова. (Приводится с сокращениями.)

«...У Кутепова назначено свидание с советскими русскими. Он похищен. Это событие положило начало множеству версий. По одной из них, он был похищен среди бела дня в Париже и увезен в машине “скорой помощи”. (Таков был тезис полиции.) Многие не давали этому веры и верили второй версии, которая сегодня принята как достоверная. Кутепов садиться со своими новыми друзьями в такси, которое везет их к Итальянским воротам, где их ожидает новая

машина, серо-желтый лимузин “Рено”. За рулем — шофер-чекист Дарсей, давно уже работающий шофером в посольстве СССР. Дарсей покидает Париж в направлении Плесси-Шеней. Вторая машина, в которой сидят палачи ГПУ, следует за первой. За Понтьерри, посреди леса Фонтенбло, у “Рено” перестает работать мотор. Дарсей объясняет, что произошла техническая неполадка, и выходит из машины. Вместе с ним пассажиры, в том числе Кутепов, выходят, чтобы размяться во время починки мотора.

В этот момент прибывает мощный “Мерседес”, где сидят пять человек — наемников Гольденштейна (по версии составителей документа- организатор похищения Кутепова — авт.). Трое хватают Кутепова, в то время как четвертый хлороформирует его, и “Мерседес” отбывает полным ходом.

Наемники получили строгий приказ не убивать Кутепова, и доктор Левин, личный врач Сталина, сам приготовил дозу хлороформа. Было точно известно, что у Кутепова больное сердце и что он не перенесет сильной дозы хлороформа. И действительно, с легкой дозы он остался без сознания и заснул. Но или из-за эмоций, или доза была все-таки сильной, Кутепов скончался в машине. “Мерседес” привез лишь труп на берег моря, где между Онфлером и Гавром ждал советский пароход.

Серый “Мерседес” направился в Нормандию, в малопосещаемое место побережья. Такси следовало за ним. К двум часам дня обе машины остановились. Советского парохода еще не было видно, и два часа убийцы и их жертва ждали посадки. К 4 часам пароход наконец подошел. С помощью лодки четыре человека подняли на борт корабля груз — труп Кутепова.

Эти сведения исходят от двух очевидцев, и полиция расследовала на месте некоторые детали. Удалось обнаружить следы нескольких человек, но это было все. ГПУ работает тщательно.

Судно называлось “Спартак”, и, поскольку все полиции были предупреждены, “Спартак” не пошел ни через Средиземное море, ни через Балтийское, а направился в Архангельск, где никакой контроль невозможен.

Так мертвый генерал совершил свое вступление в красный рай.

Список террористических актов красных убийц пополнился еще одним именем».

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

ПИСЬМА ГЕНЕРАЛА Е.К. МИЛЛЕРА ИЗ ЛУБЯНСКОЙ ТЮРЬМЫ

29 сентября 1937 года, во время первого допроса на Большой Лубянке, генерал Миллер отдал следователю письмо, поспешно написанное карандашом, адресованное жене в Париж:

«Дорогая Тата,

крепко тебя целую, не могу тебе написать, где я, но после довольно продолжительного путешествия, закончившегося сегодня утром, хочу написать тебе, что я жив и здоров и физически чувствую себя хорошо. Обращаются со мной очень хорошо, кормят отлично, проездом видел знакомые места. Как и что со мной случилось, что я так неожиданно для самого себя уехал, даже не предупредив тебя о более или менее возможном продолжительном отсутствии, Бог даст когда-нибудь расскажу, пока же прошу тебя поскольку возможно взять себя в руки, успокоиться, и будем жить надеждой, что наша разлука когда-нибудь кончится. О себе, конечно, ничего писать не могу.

Скажу только, что вышел я из Управления около полудня без пальто, так как было тепло, и я предполагал через час-полтора вернуться.

Здесь, где я нахожусь, хотя погода отличная, но все же уже свежевато; мне дали отличное новое пальто, новую фуфайку, кальсоны и шерстяные носки. Так что и в этом отношении можешь не беспокоиться. Я надеюсь, что смогу указать адрес, по которому можешь дать мне сведения о здоровье своем, детей, внуков. Крепко тебя, мою дорогую, целую и молю Бога, чтобы вся эта эпопея закончилась благополучно. Горячо любящий тебя. (подпись)».

В тот же день тем же карандашом он написал письмо генералу Кусонскому, начальнику канцелярии РОВС:

«Дорогой Павел Алексеевич,

сегодня прошла почти неделя, когда я, прощаясь с Вами в начале первого часа дня, передал Вам письмо, прося его прочесть, ежели я часа через полтора-два не вернусь. Было у меня

какое-то подсознательное предчувствие, что меня НВС (Н.В. Скоблин) увлекает м.б. на что-то опасное. Но, конечно, ничего подобного происшедшему я не ожидал и в мыслях не имел. Писать Вам о том, что и как произошло тогда во вторник, как и где я нахожусь сейчас, я, конечно, не могу, ибо такого содержания письмо несомненно не было бы Вам послано. Совершенно я не знаю, что и как произошло в Париже после того, как я “выбыл из строя”. Хочу же написать Вам только по вопросам частного и личного характера, касающимся других лиц, совершенно непричастных ни к какой политике...»

И в конце: «Будущее в руке Божией. Может быть, когда-нибудь и увидимся еще. Искренне Ваш ген. Миллер».

Далее в письме даются сведения о незаконченных делах благотворительности, которыми занимался РОВС. Миллер хотел позаботиться о том, чтобы этих дел не забыли.

Например:

«Вл. Ник. Лабзин живет (далее следует адрес по французски). Я обещал для его внука доплачивать ежемесячно из стипендиальных денег по 150 фр. к тем 350, которые он сам обещал платить. В среднем ящике моего письменного стола дома Вы найдете конверт с подписью Стипендиальные дела, и в нем 300 фр.»

«...Я обещал 300 (или 350, не помню — должно быть записано в отделе о стипендиальных делах в коричневой тетради) г-же Родионовой за ее сына. Ее благодарственное письмо я получил за несколько дней до моего выбытия из строя, и думаю Вы его найдете либо в толстой желтой папке, либо в папке Сергиевского».

«... Затем я еще кому-то обещал франков 200 в месяц, кажется ротмистру Андерсену — запись должна быть в коричнево-красной тетради в рубрике “Стипендиальные деньги”. Вот что касается твердо обещанных стипендий по корпусу».

«... Затем ко мне числа 14 или 15 обратился с личной просьбой — чина не помню, фамилия вроде Шпилевский за двух кадет, своего сына и другого родственника, указывая на боевые заслуги в Великую войну отца последнего. Так как у меня денег уже не было, то я ему сказал подать мне письменное мотивированное прошение, с которым я мог бы обратиться к кому-либо из имущих русских. Я имел в виду графа Пав. Коцебу, недавно женившегося на какой-то германской принцессе; его брат бывший улан Ее Величества

скромно живет в Париже, личным трудом зарабатывает себе на хлеб насущный. Адрес гр. Коцебу мне приискал полковник Скуратов и у него всегда можете его спросить.

Бумагу Шпилевского я получил только в понедельник 20-го или вторник 21-го и потому гр. Коцебу написать не успел. Сделайте это за меня и от моего имени. За двоих придется приплачивать в месяц франков 600—650. Другой богач, на которого мне указали около месяца тому назад, и который довольно щедро готов помогать неимущим русским, это некто Чихачев. Он был произведен в конце войны в Кавалергардский полк, но в полк не явился (почему — не знаю) и в полковом объединении Кавалергардов не состоит. Вследствие какого-то изобретения и участия в каких-то делах он стал очень богатым человеком, имеет какую-то контору в Лондоне. Его адрес у меня был... не помню. Но думаю, что если совершенно доверительно от моего имени обратитесь к моему двоюродному племяннику Георгию Романовичу Миллеру, служащему в ресторане Корнилова, то он для меня не откажет Вам сказать точный адрес. Может быть Коцебу не согласится дать всей нужной суммы, тогда бы хорошо было поделить деньги, нужные для обоих мальчиков, за которых просит Шпилевский, между Чихачевым и Коцебу.

Теперь еще серьезный вопрос о плате за помещение Корпуса, 1-го октября нужно платить 5000 франков нотариусу... Вероятно, он уже заявлялся к Вам. Деньги эти имеются (далее следует указание, в каких папках и конвертах лежат те или иные денежные документы или наличность).

Таким образом, этот платеж можно считать обеспеченным с избытком. Избыток в размере 1000 франков предназначался мною для уплаты по личному моему векселю, срочному 15 октября и выданному адвокату, ведущему дело Вонсяцкого против нас. На всякий случай переписка его со мной, кажется, тоже находится в папке (желтой) Корпуса-Лицея. Когда он выиграл процесс о выселении Корпуса-Лицея из дома, принадлежащего Вонсяцкому, то по окончании всяких сроков и апелляций я заключил мировую о выезде в половине июля, что мы и исполнили, и выплате ему 3500 фр. в разные сроки: 2500 фр. ему уже выплачены, а векселя мои, обусловившие платежи, мне последовательно были возвращены. Остался один вексель на 100 фр. сроком 15 октября.

Я бы ничего не имел против — по поговорке “нет худа без добра” — хотя бы в этом случае использовать мою невольную безвестную отлучку, чтобы этому “оберфашисту” причинить маленькую неприятность за все зло, которое он причинил Корпусу-Лицею. Пусть ждет получения денег до моего возвращения или ищет меня по Божиему Свету. В виду моей вынужденной отлучки никто не обязан ему платить за меня по моему векселю, а к тому времени на моих счетах в банках, вероятно, не останется и ста франков. Квартиры же у меня нет. Пусть это станет маленькой улыбкой судьбы среди той грозы, которая разразилась надо мною».

«28 декабря 1937 г.

Лично

Господину Народному Комиссару
внутренних дел С.С.С.Р.

Ежову

К сожалению, вчера во время нашей разговора я до последней минуты не знал, с кем говорю, и вопрос этот выяснился для меня лишь в момент вашего ухода. Поэтому в разговоре нашем я не счел себя в праве касаться моих показаний следователю — какое отношение к его работе имеете Вы и Ваши спутники я не знал. Сейчас, когда положение для меня прояснилось, я, уже не опасаясь быть некорректным по отношению к следователю Н.П. Власову, могу довести до Вашего сведения, что кроме устных, показаний о секретной работе с 30-го по 37-й год с моего ведома и одобрения особым лицом, мною для сего приглашенным и на средства, специально для сего собранные, я по желанию следователя составил еще и записку с моими показаниями, касающимися Повстанческого Движения в С.С.С.Р. Эта записка была предъявлена мною следователю лично 10 октября при свидании. Признав ее неисчерпывающей, следователь оставил ее у меня с тем, чтобы я ее срочно дополнил некоторыми сведениями и обещал зайти за нею на следующий день 11 октября вечером. Но ни 11-го окт., ни позже следователь ко мне не приходил, и я его больше не видел, а записка с моими показаниями (стр. 1—12), как и дополнение к ней (стр. 13—18) до сего времени лежат у меня. Считаю своим долгом довести ее до вашего сведения, тем более, что в ней имеются ответы на некоторые вопросы, слышанные мною вчера».

В конце Миллер вновь просит дать о нем весточку жене в Париж, а также просит вернуть ему карманные часы (объясняя, что время зимнее, в камере темно, и он не может разобрать, который час). Он попросил и еще об одном «послаблении», а именно о разрешении иметь перо и бумагу, поскольку он хочет начать писать свои воспоминания.

Записку, о которой упоминается в письме, написанную на восемнадцати страницах, генерал отправил наркому вместе с письмом.

Миллер пытался доказать, что РОВС, равно, как и он сам, не были причастны к повстанческому движению в СССР. Там, к примеру, сказано:

«В моем показании я излагаю все, что у меня сохранилось в памяти. Никакой непосредственной связи с организацией повстанческих движений я не имел и вообще за эти 7 1/2 лет бытности председателем РОВС слышал всего о двух крупных повстанческих движениях — в 1930 г. в Восточной Сибири и на Северном Кавказе в 1932 или 1933 годах — точно не помню...»

30 марта 1938 года генерал Миллер вновь пишет Н. Ежову:

«...Я решаюсь еще раз просить Вас исполнить мои просьбы, изложенные в заявлениях моих от 4 ноября и подтвержденные в моем обращении к Вам 28 декабря пр. г. и разрешить отправку моей жене хотя бы самого краткого письма с уведомлением, что я жив и относительно благополучен... Я так ярко вспоминаю, как тяжело страдала от неизвестности жена Ген. Кутепова, а с ней и все мы, хорошо знавшие его, рисуя себе картину всех тех ужасов и физических страданий, которые должны были ожидать его в Москве...»

В том же письме он впервые обращается с еще одной просьбой — ему хотелось бы побывать в церкви. Он напоминает о декларации советского правительства и даже о трудах Ленина на эту тему:

«В предположении, что заветы Ленина чтутся и соблюдаются его учениками и преемниками, нынешними распорядителями судеб русского народа, в полной власти которых я сейчас нахожусь, я решаюсь просить Вашего разрешения мне ответить на ближайшей неделе в одной из московских церквей по Вашему выбору».

И далее:

«Вопрос о нежелательности встретиться с кем-либо, кто мог бы меня узнать, мне кажется отпадает... У меня было очень мало знакомых в Москве, а теперь по истечению 20 лет смерть, эмиграция, высылки наверняка и последних знакомых унесли. Кроме того, я могу перевязать лицо повязкой, да и вообще мой современный облик штатского старика мало напоминает молоджавого 47-летнего генерала, каким я уехал из Москвы в 1914 году».

«Народному Комиссару внутренних дел Союза С.С.Р.
генеральному комиссару государственной безопасности
Ежову

Неполучение ответа на мою просьбу к Вам от 30 марта лишает меня надежды получить просимые посещения церкви, хотя бы лишь в течение одной недели во время Великого Поста. Поэтому я, ссылаясь на мотивы, приведенные мною в вышеуказанном моем прошении, решаюсь дополнительно просить Вашего разрешения на передачу Его Высокопреосвященству Митрополиту Московскому приложенного при сем письма, в нем прошу Владыку, дабы я мог в чтении Евангелия и Библии найти столь нужное мне духовное утешение и получить некоторые сведения по Истории Церкви. В случае Вашего согласия и готовности Владыки исполнить мою просьбу, прошу Вас не отказать в Вашем соответствующем распоряжении о доставке просимых мною Книг через начальника тюрьмы. Вместе с тем, повторно прошу Вашего разрешения на предоставление мне права пользоваться бумагой и пером, хотя бы лишь для того, чтобы при чтении книг, полученных мною из тюремной библиотеки, делать краткие выписки в целях облегчения усвоения прочитанного.

16 апреля 1938 г. Генерал Миллер».

Вместе с этим письмом Миллер отправляет и свое послание Митрополиту Сергию:

«Москва, 16 апреля 1938 г. Его Высокопреосвященству Владыке Сергию, Митрополиту Московскому.

Ваше Высокопреосвященство, с разрешения Народного Комиссара Внутренних Дел обращаюсь к Вам с нижеследующей просьбой. Будучи длительно изолирован от внешнего мира, я особенно болезненно ощущаю невозможность посещения церкви. Условия, при которых я покинул свой дом,

не позволили мне взять с собой даже Евангелие, чтение которого, особенно в настоящие дни, было бы для меня большим утешением. Поэтому примите милостиво мою покорнейшую просьбу и подарите мне Евангелие на русском языке. Был бы глубоко благодарен, если бы Вы нашли возможность подарить мне также "Историю церкви", хотя бы один из учебников, которым пользуются воспитанники Семинарий или духовной Академии. Все мое время я посвящаю чтению книг, получаемых из местной библиотеки, но был бы счастлив, если бы мог часть бремени из немногих оставшихся мне лет (мне 71-й год) посвятить возобновлению и расширению моих познаний Библии и Житий Святых. Эти две книги я решаюсь просить у Вас, высокочтимый Владыко, во временное пользование на 2—3 месяца, а по прочтении обязуюсь их Вам возвратить. Препоручаю себя святым молитвам Вашим, прошу Вас, глубокочтимый Владыко, верить чувствам искренней благодарности моей. Вашего Преосвященства покорный слуга раб Божий Евгений».

«В собственные руки Народному Комиссару внутренних дел Союза ССР и генеральному комиссару государственной безопасности Ежову.

На этих днях минуло 10 месяцев с тою злополучного дня, когда предательски завлеченный в чужую квартиру, я был схвачен злоумышленниками в предместье Парижа, где я проживал как политический эмигрант по французскому документу, под покровительством французских законов и попечением Нансеновского Оффиса при Лиге Наций, членом коей состоит С.С.С.Р. Я ни одного дня не был гражданином С.С.С.Р. и никогда моя нога не ступала на территорию С.С.С.Р. Будучи тотчас связан — рот, глаза, руки и ноги — и захлороформирован, я в бессознательном состоянии был отвезен на советский пароход, где очнулся лишь 44 часа спустя — на полпути между Францией и Ленинградом. Таким образом для моей семьи я исчез внезапно и бесследно 22 сентября прошлого года. Моя семья состоит из жены 67 лет и трех детей 38—41 года. Хотя в первые дни по прибытии в Москву я еще очень плохо соображал под влиянием исключительно сильной дозы хлороформа, мне все же ясно представлялось, какой удар, какое потрясение, какое беспокойство должно было вызвать мое исчезновение у моей жены и детей. Что я был похищен аген-

тами Советской власти, в этом, конечно, никаких сомнений у моей жены быть не могло: пример Кутепова был слишком памятен, да и все эти 7 1/2 лет со дня вступления моего в должность председателя Р.О.В.Союза, сколько раз возникали эти опасения и разговоры, причем положение пленника Сов. власти всегда рисовалось в самых ужасных красках, что ныне должно было вызвать у жены моей худшие опасения за мою дальнейшую судьбу. Первое движение мое поэтому по прибытию в тюрьму было — дать знать моей жене, что я жив и здоров и пока что физически благополучен. Краткое письмо моей жене с этим известием я передал в начале октября допрашивавшему меня следователю. Не получив его обещания послать письмо по назначению, я в начале ноября передал Начальнику Тюрем при особом заявлении маленькую записку аналогичного содержания без подписи и без указания, где именно я нахожусь, прося добавить к моей записке какой-нибудь промежуточный адрес, по которому моя жена могла бы мне ответить о состоянии здоровья своего, детей и внуков. Не получив никакого отклика на это заявление от 4-го ноября (как и на другие заявления от того же числа касательно похищенных у меня денег, принадлежащих другим лицам), я в личной беседе с Вами просил Вас настойчиво связать меня с моей женой, дабы ее успокоить относительно условий моего существования и самому получить сведения о ней и детях.

28 декабря в дополнение к личному разговору, а затем в конце марта и в апреле и моим заявлениям к Вам, я к Вам обращался вновь с этой просьбой, но никакого ответа не получил. Прошло 10 месяцев и я ничего не знаю о моей семье и семья моя, видимо, ничего не знает обо мне. Я вполне понимаю, что усердие не по разуму Ваших агентов, решившихся похитить меня с нарушением всех международных законов и поставивших Вас перед “совершившимся фактом”, поставило Вас и все Сов. правительство в затруднительное положение и в необходимость впредь до нахождения приличного выхода из создавшейся обстановки, скрывать мое нахождение в С.С.С.Р., но все же я не могу не обратиться к Вашему чувству человечности — за что Вы заставляете так жестоко страдать совершенно невинных людей — моя жена и дети никогда никакого участия в политике не принимали. Особенно же меня беспокоит состояние здоровья моей жены, всю жизнь страдавшей большой нервностью,

выражавшейся в болезненных приступах при всяком волнении и беспокойстве. Моя жена по матери своей — родная внучка жены А.С. Пушкина, урожденной Гончаровой, бывшей вторым браком за Ланским, и унаследовала, как и ее мать и сестры, большую нервность, свойственную семье Гончаровых... Меня берет ужас от неизвестности, как отразилось на ней мое исчезновение. 41 год мы прожили вместе!

...Никогда, ни в какие эпохи самой жестокой реакции ни Радищев, ни Герцен, ни Ленин, с историей которых я ознакомился, по их сочинениям, изданным Институтом Ленина и Академией, не бывали лишены сношений со своими родными. Неужели же Советская власть, обещавшая установить режим свободы и неприкосновенности личности с воспрещением сажать кого-либо в тюрьму без суда, захочет сделать из меня средневекового Шильонского узника или второе издание “Железной маски” времен Людовика XIV — и все это только ради сохранения моего инкогнито?

Убедительно прошу Вас посмотреть на мою просьбу в данном случае с точки зрения человечности и прекратить те нравственные мучения мои, кои с каждым днем становятся невыносимее. 10 месяцев я живу под гнетом мысли, что я может быть стал невольным убийцей своей жены и все это вследствие своей неосторожной доверчивости к гнусному предателю, а когда-то герою гражданской войны в Добровольческой Армии...

Надеюсь, что Вы найдете время ответить и на другие вопросы и просьбы, содержащиеся в моих заявлениях и письмах. Надеюсь также, что Вы отнесетесь благожелательно ко всему вышеизложенному, я — ваш пленник — буду ждать с понятным нетерпением Вашего решения и приближающегося годового срока моего заключения.

27/VII 1938 г. Генерал Миллер».

ПРИМЕЧАНИЯ

Террор и терроризм. Вместо предисловия

1. Большая энциклопедия. Т.18. Изд. Библиографического института (Мейер) в Вене и Лейпциге книгоиздательского товарищества «Просвещение». СПб., 1904.
2. Плутарх. Ликург, XXVIII // Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М., 1961. С. 74.
3. Корнелий Непот. Ганнибал, 12 // О знаменитых иноземных полководцах. М., 1992. С. 95.
4. Ревуненков В. Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии 1789–1792. Л., 1982. С. 105.
5. Там же. С. 179.
6. Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991. С. 473.
7. Там же. С. 474.
8. Цит. по: История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Автор-сост. О.В. Будницкий. Ростов-на-Дону, 1996. С. 30.
9. Так, только эсеры за 10 лет своей террористической деятельности совершили 263 теракта по всей России, в том числе против 2 министров, 33 генерал-губернаторов, губернаторов и вице-губернаторов, 16 градоначальников, начальников окружных отделений, полицмейстеров, прокуроров и их помощников, начальников сыскных отделений, 7 генералов и адмиралов, 15 полковников, 8 присяжных поверенных, 26 агентов полиции и провокаторов.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 7.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 336–338.
12. Песиков Ю. Украсть царя // Московские новости. 2002. № 29.
13. РЦХИДНИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1706. Л. 8.

Часть первая. На заре Советской власти

1. Волкогонов Д. Этюды о времени. М., 1998. С. 144–145.
2. Предисловие Я. Леонтьева к кн.: Партия левых социалистов-революционеров. Сб. док. Т. 1. М., 2000. С. 18.
3. Красная книга ВЧК. Т. 1. М., 1989. С. 256.
4. Зданович А. Свои и чужие — интриги разведки. М., 2002. С. 107.
5. Центральная коллегия по делам пленных и беженцев при наркомате по военным делам РСФСР, образованная в марте 1918 года. Ведала делами о военнопленных, гражданских пленных, заложниках, беженцах.
6. Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 297.
7. Там же. С. 264.
8. Там же. С. 200.
9. Велидов А. Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина. М., 1998. С. 17.

10. Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 264.
11. Под этой фамилией в Петрограде действовал небезызвестный бывший действительный статский советник Владимир Георгиевич Орлов, внедрившийся по заданию руководства Белого движения в советские правоохранительные органы.
12. Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 252.
13. Там же. С. 256.
14. Велидов А. Указ. соч. С. 198.
15. Левые эсеры и ВЧК. Сборник документов. Казань, 1996. С. 169.
16. Из-за того, что Блюмкин оставил в посольстве документы ВЧК по делу Р. Мирбаха, а также поддельный мандат, личности террористов были сразу же установлены.
17. Левые эсеры и ВЧК. С. 148.
18. Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 256–257.
19. Там же. С. 264.
20. Там же. С. 310.
21. Велидов А. Указ. соч. С. 196–197.
22. Левые эсеры и ВЧК. С. 134.
23. Там же. С. 436.
24. Фельштинский Ю. Вожди в законе. М., 1999. С. 124.
25. Зубко М. Ленин и Троцкий планировали большевизацию Финляндии // Известия, 8 декабря 1992.
26. Зданович А., Авдеев В., Карпов В. Генерал-лейтенант Я.А. Слащов: «Врангель... в душе предатель» // Военно-исторический журнал. 1998. № 2.
27. Там же.
28. Бережков В. Питерские прокураторы. Руководители ВЧК—МГБ 1918–1954. СПб., 1998. С. 107.
29. Войнов В. Синие лампасы // Комсомольская правда. 2 апреля 1991.
30. Там же.
31. Голинков Д. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. М., 1980. С. 146.
32. Там же. С. 148.
33. Милованов Н. Касымхан Чанышев // Незримый фронт. 1917–1967. Алма-Ата, 1967. С. 66–67.
34. Марковчин В. Три атамана. М., 2003. С. 110–111.
35. Название движения происходит от тюркского слова «басмак» — нападать, налетать.
36. Гиленсен В. Энвер-паша и его «бросок» на юг // Служба безопасности. 1996. № 1–2.
37. Гиленсен В. Энвер-паша и Джемаль-паша в Советской России // Orient/Восток. 1996. № 3.
38. Там же.
39. Генис В.Л. Вице-консул Введенский. М., 2003. С. 176.
40. Гиленсен В. Энвер-паша и Джемаль-паша в Советской России // Orient/Восток. 1996. № 3.

41. Гиленсен В. Энвер-паша и его «бросок» на юг // Служба безопасности. 1996. № 1-2.
42. Гиленсен В. Энвер-паша и Джемаль-паша в Советской России // Ориент/Восток. 1996. № 3.
43. Агабеков Г. Секретный террор: Записки разведчика. М., 1996. С. 392–393.
44. Ганковский Ю. Персонажи с «той стороны». Энвер-паша среди басмачей // Азия и Африка сегодня. 1994. № 5.
45. Тоган Заки Валиди. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 576.
46. Назаров М. Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 22–23.
47. Бортневский В. Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб., 1996. С. 100.
48. Там же. С. 122.
49. Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 188–189.
50. Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. П.Н. Врангель. Записки. Часть 1. М., 1995. С. 90.
51. Там же. С. 103.
52. Русские без Отечества. М., 2000. С. 460.
53. Лурье В., Кочик В. ГРУ: дела и люди. СПб., М., 2002. С. 396.
54. ГАРФ. Ф. 5802. Оп. 1.; РЦХИДНИ. Ф. 328. Оп. 1.
55. Советско-болгарские отношения и связи. 1917–1944. Документы и материалы. М., 1976. С. 214–215.
56. Подробнее об этом см.: Абузаров А. Ошибка // Незримый фронт. 1917–1967. Алма-Ата, 1967.
57. Голинков Д. Указ. соч. Кн. 2. С. 137.
58. Там же. С. 242–243.
59. Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997. С. 54.
60. Там же. С. 55.
61. Там же. С. 55.
62. ВЧК–ГПУ. Документы и материалы. Сост. Ю. Фельштинский. М., 1995. С. 260–261.
63. РЦХИДНИ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 180.
64. ВЧК–ГПУ. Документы и материалы. С. 261.
65. ГАРФ. Ф. 5802. Оп. 1.
66. Бобренов В., Заика Л. Атаман Анненков // Военно-исторический журнал. 1991. № 3.
67. Балакшин П. Финал в Китае. Сан-Франциско, Париж, Нью-Йорк. 1958. С. 275.
68. Бобренов В., Заика Л. Указ. соч.
69. Бобренов В., Рязанцев В. Мятеж атамана // Палачи и жертвы. М., 1993. С. 51–52.
70. Там же. С. 15–16.

71. Бобренев В., Заика Л. Указ. соч.
72. Голинков Д. Указ. соч. Кн. 2. С. 250.
73. Там же. С. 250.
74. Гладков Т. Награда за верность — казнь. М., 2000. С. 291.
75. Там же. С. 293.
76. Кратенко А. Почему вернулся атаман? // Караван. 1996. № 45.
77. Лекаш Б. За двадцать лет до Освенцима // За рубежом. 1990. № 28.
78. Яковлив А. Парижская трагедия // Вечерний Киев. 17 марта 1992.
79. Герэн А. Серый генерал. М., 1971. С. 79—80.
80. Яковлив А. Парижская трагедия // Вечерний Киев. 18 марта 1992.

Часть вторая. В период «Военной тревоги»

1. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стеногр. отчет. М., 1963. С. 613.
2. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 159.
3. РЦХИДНИ. Ф. 17. Он. 2. Д. 317 (в-1).
4. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 6—7.
5. Балашов А., Мархашов Ю. Старая площадь, 4. 20-е годы // Полис. 1991. № 1.
6. Там же.
7. Бажанов Б. Указ. соч. С. 255.
8. Шишкин О. Охота за охотником // Итоги. 1997. № 8.
9. Там же.
10. Бажанов Б. Указ. соч. С. 256—257.
11. Шишкин О. Указ. соч.
12. Там же.
13. Агабеков Г. Указ. соч. С. 240.
14. Брук-Шеперд Г. Судьба советских перебежчиков // Иностранная литература, № 6, 1990.
15. Шишкин О. Указ. соч.
16. Там же.
17. Агабеков Г. Указ. соч. С. 244.
18. Брук-Шеперд Г. Указ. соч.
19. Дьяков Ю. Неизвестные документы об отношениях СССР (России) и Польши в XX веке // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2001. С. 65—66.
20. Александров К. Против Сталина. Сборник статей и материалов. СПб., 2003. С. 22—23.
21. Вронская Дж. Похождения графа Ламздорфа // Совершенно секретно. 2002. № 12.
22. Назаров М. Указ. соч. С. 24.
23. Там же. С. 26.

24. Прянишников Б. Незримая паутина. ВЧК—ГПУ—НКВД против белой эмиграции. СПб., 1993. С. 123—124.
25. Бортневский В. Указ. соч. С. 66.
26. Волгогонов Д. Этюды о времени. М., 1998. С. 295—296.
27. Вишнякова-Акимова В. Два года в восставшем Китае. 1925—1927. Воспоминания. М., 1980. С. 35.
28. Балахшин П. Указ. соч. С. 130.
29. Усов В. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002. С. 237.
30. У некоторых авторов эти агенты ошибочно называются братьями Бурлакова. Но на самом деле его старший брат Александр в это время работал слесарем на Дальзаводе, а младший брат Николай, пограничник, в 1926 году умер на Камчатке.
31. Жуков В. Китайский милитаризм. 10—20-е годы XX в. М., 1988. С. 136—137.
32. На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. Т. 3. М., 2000. С. 138, 140.
33. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 215—216.
34. Смирнов Л., Зайцев Е. Суд в Токио. М., 1978. С. 17—18.
35. Молодяков В. Подсудимые и победители (Заметки и размышления историка о Токийском процессе). Токио, 1996. С. 61—62.
36. См., например: Волгогонов Д. Троцкий. Т. 2. М., 1997. С. 309.
37. Старков Б. Трагедия советской военной разведки // Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1991. С. 27—28.
38. Сибиряков Н. Конец Забайкальского казачьего войска // Минувшее. 1990. № 1. С. 217—218.
39. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 223.
40. Аптекарь П. Белое солнце Синьцзяна // Родина. 1998. № 1.
41. Аптекарь П. Новые тайны старых преступлений // Московские новости. 1997. № 40.
42. Прянишников Б. Указ. соч. С. 124.
43. Там же. С. 128—130.
44. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. М., 1996. С. 153.
45. Там же. Фото на вкладке.
46. Велидов А. Указ. соч. С. 81.
47. Даллин Д. Шпионаж по-советски. Объекты и агенты советской разведки. 1920—1950. М., 2001. С. 117.
48. Агабеков Г. Указ. соч. С. 171.
49. Там же. С. 354—355.
50. Брук-Шеперд Г. Указ. соч. // Иностранная литература. 1990. № 7.
51. Дерябин А. «Петров», «Гриша», он же Агабеков или Что рассказывают документы об одном чекисте-«невозвращенце» // Красная звезда. 23 мая 1990.

52. Соболева Т. Тайнопись в истории России. М., 1994. С. 340–341.
53. Дерябин А. Указ. соч.
54. Там же.
55. Валтин Я. Из мрака ночи. М., 2000. С. 261–262.
56. Волкогонов Д. Троцкий. Т. 2. М., 1997. С. 192–193.
57. Беседовский Г. Указ. соч. С. 320.
58. Бурцев В. Загадочное убийство Навашина. Конец карьеры видного агента Москвы // Иллюстрированная Россия. Париж. № 8. 13 февраля 1937.
59. Масоном был, например, Г. Бокий, старый большевик и начальник Спецотдела при ОГПУ–НКВД с 1921 по 1937 год.
60. Бурцев В. Указ. соч.
61. Одним из кандидатов в агенты советской разведки, предложенным Пойнтц, была небезызвестная Элизабет Бенгли, работавшая на Разведупр и ИНО НКВД в 1938–1945 годах, а затем сделавшая заявление в ФБР о своей работе на советские спецслужбы.
62. Даллин Д. Указ. соч. С. 386.
63. Дело Робинсона-Рубенса // Cahiers Leon Trotsky. 1979. № 3.
64. Даллин Д. Указ. соч. С. 381.
65. Российская Федерация. Книга памяти. Т. 1. 1923–1939. М., 1998. С. 83.
66. Дело Робинсона-Рубенса // Cahiers Leon Trotsky. 1979. № 3.
67. Ставинский Э. Зарубины. Семейная резидентура. М., 2003. С. 381.

Часть третья. Большой террор

1. Попов В.П. Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг.: источники и их интерпретация // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28.
2. Так, по итогам 1937 года план по выпуску артсистем был выполнен на 84,8 %, по артснарядам — на 55,6 %, по танкам — на 76,8 %, по самолетам — на 90,6 %. (ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 25. Д. 14).
3. Конквест Р. Большой террор. Кн. 2. Рига, 1991. С. 247.
4. Письмо генерала Миллера генералу фон Лампе от 1.02.1933 года // Голдин В. Армия в изгнании. Страницы истории Русского Обще-Воинского Союза. Архангельск-Мурманск, 2002. С. 113.
5. Там же. С. 153–154.
6. Волкогонов Д. Троцкий. Т. 2. М., 1997. С. 191.
7. Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. М., 1995. С. 530–531.
8. Там же. С. 300–301.
9. Там же. С. 301.
10. Там же. С. 531.
11. Там же. С. 320–321.
12. Cahiers Leon Trotsky. 1979. № 3. С. 189.
13. Там же. С. 193.
14. Шатуновская И. Вся жизнь — подвиг: ученого и... разведчика // Латинская Америка. 1993. № 3.

15. Там же.
16. Царев О., Костелло Дж. Указ. соч. С. 326–327.
17. Там же. С. 330–331.
18. Там же. С. 331.
19. Цит. по: Шубин А. Анархо-синдикалисты в Испанской гражданской войне (1936–1939 гг.). М., 1997. С. 44.
20. Царев О., Костелло Дж. Указ. соч. С. 329.
21. Комментарий к тексту Орра. // *Cahiers Leon Trotsky*. 1979. № 3.
22. Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. Оренбург, 2001. С. 412.
23. Опп Ш. Воспоминания из отеля Фалькон // *Cahiers Leon Trotsky*. 1993. № 51. Р. 56.
24. Landau K. *Le Stalinisme bourreau de la revolution espagnole*. Paris, 1938. Р. 8.
25. Царев О., Костелло Дж. Указ. соч. С. 324–325.
26. Фрадкин В. Дело Кольцова. М., 2002. С. 260–261.
27. Хубер П. Смерть в Лозанне // *Новое время*. 1991. № 21.
28. Порецки Э. Тайный агент Дзержинского. М., 1996. С. 9–11.
29. Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1997. С. 56–57.
30. Петров Н. Убийство Игнатия Рейсса // *Московские новости*. 1995. № 36.
31. Бармин А. Соколы Троцкого. М., 1997.
32. Рутыч Н. Указ. соч. С. 225.
33. Михайлов Л. Генерал дает согласие // *Неделя*. 1998. № 48.
34. Млечин Л. Алиби для великой певицы. М., 1997. С. 65.
35. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. М., 1996.
- Фото на вкладке.**
36. Михайлов Л. Указ. соч.
37. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 117–118.
38. Там же. С. 116–117.
39. Прянишников Б. Указ. соч. С. 327.
40. Байдалаков В. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена. Воспоминания председателя НТС 1930–1960 гг. М., 2002. С. 66–67.
41. Краевский Б. Похищение генерала Е.К. Миллера // *Дворянское собрание*. 1995. № 2.
42. Петров Н., Геворкян Н. Конец агента «13» // *Московские новости*. 1995. № 46.
43. Краевский Б. Указ. соч.
44. Там же.
45. Там же.
46. Волкогонов Д. Троцкий. Т. 2. М., 1997. С. 134.
47. Там же. С. 141.
48. Там же. С. 313.
49. Там же. С. 274.
50. Там же. С. 198.

51. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 83.
52. Там же. С. 83.
53. Царев О., Костелло Дж. Указ. соч. С. 532.
54. Судоплатов П. Указ. соч. С. 95–96.
55. Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 429.
56. Там же. С. 442.
57. Судоплатов П. Указ. соч. С. 58.
58. Гладков Т. Король нелегалов. М., 2000. С. 143.
59. Дерябин А. Указ. соч. // Красная звезда. 23 мая 1990.
60. Агабеков Г. Указ. соч. С. 388.
61. Дерябин А. Указ. соч.
62. Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1998. С. 80.
63. Никадров Н. Иван Солоневич возвращается с чужбины...// Латинская Америка. 1997. № 2.
64. Там же.
65. Прянишников Б. Указ. соч. С. 398.
66. Никандров Н. Указ. соч.
67. Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1997. С. 29–30.
68. Там же. С. 31.
69. Там же. С. 33–34.
70. Там же. С. 35–36.
71. Gross B. Willi Munzenberg: A Political Biography. Michigan, 1974. P. 217.
72. Там же.
73. Beitvage zur Gesehichte der Arbeiferbewegung. 1995. № 1. P. 67–68.
74. Волкогонов Д. Сталин. Т. 2. М., 1996. С. 104.
75. Волкогонов Д. Троцкий. Т. 2. С. 306.
76. Там же. С. 307.
77. Там же. С. 174.
78. Хенкин К. Охотник вверх ногами. М., 1991. С. 210–112.
79. Царев О., Костелло Дж. Указ. соч. С. 368–369.
80. Судоплатов П. Указ. соч. С. 76–78.
81. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 93.
82. Судоплатов П. Указ. соч. С. 84–85.
83. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 97.
84. Там же. С. 101.
85. Там же. С. 101.
86. Бай Е. Шпион по особым поручениям Кремля // Известия. 5 мая 1993.
87. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 99.
88. Там же. С. 101–102.
89. Судоплатов П. Указ. соч. С. 88–89.

90. Сикейрос Д.А. Меня называли лихим полковником. Воспоминания. М., 1986. С. 247.
91. Волкогонов Д. Троцкий. Т. 2. С. 342–343.
92. Судоплатов П. Указ. соч. С. 90–91.
93. Умеренков Е. Убийца Троцкого 25 лет не признавал своих родителей // Комсомольская правда. 15 марта 1995.
94. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 104.
95. Папоров Ю. Убийство Троцкого // Огонек. 1991. № 37.
96. Кривицкий В. Я был агентом Сталина: Записки советского разведчика. М., 1996. С. 79.
97. Там же. С. 82–84.
98. Прянишников Б. Указ. соч. С. 308.
99. Кривицкий В. Указ. соч. С. 240–241.
100. Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 181–182.
101. Кривицкий В. Указ. соч. С. 330.
102. Судоплатов П. Указ. соч. С. 58.
103. Царев О., Костелло Дж. Указ. соч. С. 534–535.
104. Кривицкий В. Указ. соч. С. 334.

«...Да не судимы будете». Вместо заключения

1. Троцкий Л. Дневники и письма. М., 1994. С. 194.
2. Кривицкий В. Указ. соч. С. 99–100.
3. Донской В. Судьба разведчика (хроника одной жизни) // Утро России. 20 июня 1991.
4. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. СПб., 1991. С. 214–215.
5. Царев О., Костелло Дж. Указ. соч. С. 355–356.
6. Обвинительное заключение любезно предоставлено сыном Я. Серебрянского — Анатолием Яковлевичем Серебрянским.
7. Судоплатов П. Указ. соч. С. 79.
8. Зегер А. «Гестапо-Мюллер». Карьера кабинетного преступника. Ростов-на-Дону, 1997. С. 182.
9. Де Лутиис Дж. История итальянских секретных служб. М., 1989. С. 23.
10. Там же. С. 23.
11. Там же. С. 24.
12. Там же. С. 36.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агабеков Г. Секретный террор: Записки разведчика. М., 1996.
- Александров К. Против Сталина. Сборник статей и материалов. СПб., 2003.
- Алексеев О. Одиссея Ивана Солоневича // Русский рубеж. 1990. № 5.
- Аптекарь П. Белое солнце Синьцзяна // Родина. 1998. № 1.
- Аптекарь П. НКВД против расшитых сорочек // Родина. 1999. № 8.
- Аптекарь П. Новые тайны старых преступлений // Московские новости. 1997. № 40.
- Ариель. «Знаменитый экономист» Навашин в освещении французской печати // Иллюстрированная Россия. Париж. № 9. 20 февраля 1937.
- Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992.
- Бай Е. Шпион по особым поручениям Кремля // Известия. 5 мая 1993.
- Байдалаков В. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена... Воспоминания председателя НТС. 1930—1960 гг. М., 2002.
- Балашов А., Мархашев Ю. Старая площадь, 4. 20-е годы // Полис. 1991. №№ 1, 2, 4, 5, 6.
- Балакшин П. Финал в Китае. Сан-Франциско—Париж—Нью-Йорк, 1958.
- Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. П.Н. Врангель. Записки. Часть 1. М., 1995.
- Бережков В. Питерские прокураторы. Руководители ВЧК—МГБ. 1918—1954. СПб., 1998.
- Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994.
- Берия С. Мой отец — Берия. В коридорах сталинской власти. М., 2002.
- Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997.
- Бобренов В., Заика Л. Атаман Анненков // Военно-исторический журнал. 1990. № 10; 1991. №№ 3, 6.
- Бортневский В. В Париже исчезали генералы... // Смена. 21, 22 сентября 1989.
- Бортневский В. Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб., 1996.
- Бортневский В. Опричнина. Невозвращенец Григорий Агабеков и секретная служба Сталина // Собеседник. 1989. № 34.
- Бояджи Э. История шпионажа. Т. 1—2. М., 2003.
- Брук-Шеперд Г. Судьба советских перебежчиков // Иностранная литература. 1990. №№ 6—8.
- Бурцев В. Загадочное убийство Навашина. Конец карьеры видного агента Москвы // Иллюстрированная Россия. Париж. № 8. 13 февраля 1937.

Ваксберг А. Спецгруппа товарищей // Литературная газета. 27 июля 1994.

Валтин Я. Из мрака ночи. М., 2000.

Велидов А. Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина. М., 1998.

Верников В. Мавр сделал свое дело... // Известия. 31 июля 1991.

Верников В. «Операция Николай»: А.Нин был ликвидирован НКВД // Известия. 27 ноября 1992.

В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1987.

Вишнякова-Акимова В. Два года в восставшем Китае. 1925–1927. Воспоминания. М., 1980.

Войнов В. Синие лампы // Комсомольская правда. 2 апреля 1991.

Волкогонов Д. Сталин. Политический портрет. Т. 1–2. М., 1996.

Волкогонов Д. Троцкий. Политический портрет. Т. 1–2. М., 1997.

Волкогонов Д. Этюды о времени. М., 1998.

Воробьев Л. Операция «Утка» // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 19.

Воробьев Л. Под псевдонимом «Дакс» // Служба безопасности. 1994. № 4.

Воробьев Л. Под псевдонимом «Дакс» // Труд. 4 января 1994.

Воскресенская З. Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. М., 1997.

Вронская Дж. Похождения графа Ламздорфа // Совершенно секретно. 2002. № 12.

Всемирная история шпионажа. Авт.-сост. М.И. Умнов. М., 2000.

ВЧК—ГПУ. Документы и материалы. Сост. Ю. Фельштинский. М., 1995.

Вычужанин С. ОГПУ против РОВС // Новости разведки и контрразведки. 2002. № 5–6.

Ганковский Ю. Персонажи с «той стороны». Энвер-паша среди басмачей // Азия и Африка сегодня. 1994. № 5.

Геворкян Н., Петров Н. «Признать целесообразным осуществление актов террора» // Московские новости. 1992. № 35.

Геворкян Н., Петров Н. Теракты // Московские новости. 1992. № 31.

Генис В. Вице-консул Введенский. М., 2003.

Гиленсен В. Энвер-паша и Джемаль-паша в Советской России // Orient/Восток. 1996. № 3.

Гиленсен В. Энвер-паша и его «бросок на юг» // Служба безопасности. 1996. № 1–2.

Гладков Т. Король нелегалов. М., 2000.

Гладков Т. Лифт в разведку. «Король нелегалов» Александр Коротков. М., 2002.

Гладков Т. Награда за верность — казнь. М., 2000.

Голдин В. Армия в изгнании. Страницы истории Русского Обще-Воинского Союза. Архангельск-Мурманск, 2002.

Голишков Д. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1–2. М., 1980.

Горчаков О. Перебежчик // Комсомольская правда. 22 мая 1990.
Григорьев В. Операция «Атаман» // Чекисты Казахстана. Алма-Ата, 1971.

Гусев К. Рыцари террора. М., 1992.

Даллин Д. Шпионаж по-советски. Объекты и агенты советской разведки 1920–1950. М., 2001.

Даниленко В. КГБ против ОУН: история политических убийств // Досье секретных служб. 2002. № 0.

Де Лутиис Дж. История итальянских секретных служб. М., 1989.

Денисов С. Белая Россия. Альбом. № 1. Нью-Йорк, 1937.

Дерябин А. «Петров», «Гриша», он же Агабеков, или Что рассказывают документы об одном из чекистов-«невозвращенцев» // Красная звезда. 23 мая 1990.

Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991.

Донков П. Осемье Л.Д. Троцкого // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2.

Донской В. Судьба разведчика (хроника одной жизни) // Утро России. 18, 19, 20 июня 1991.

Дьяков Ю. Неизвестные документы об отношениях СССР (России) и Польши в XX веке // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2001.

Елин Л. Два смертных приговора // Новое время. 1992. № 21.

Елин Л. Сергея Эфрона все считали шпионом // Новое время. 1991. № 47.

Жуков В. Китайский милитаризм. 10–20-е годы XX в. М., 1988.

Жуковский В. Лубянская империя НКВД. 1937–1939. М., 2001.

Зданович А. Свои и чужие — интриги разведки. М., 2002.

Зегер А. «Гестапо-Мюллер». Карьера кабинетного преступника. Ростов-на-Дону, 1997.

Зубко М. Ленин и Троцкий планировали большевизацию Финляндии // Известия. 8 декабря 1992.

Игнатъев А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1–2. М., 1988.

Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. Сборник документов. М., 1958.

История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Авт.-сост. О.В. Будницкий. Ростов-на-Дону, 1996.

Кабо Х. Убийца Троцкого: палач или жертва // Московские новости. 1989. № 12.

Капчинский О. Командарм нелегальной армии // Независимое военное обозрение. 2002. № 5.

Капчинский О. Похищение генерала Кутепова // Независимая газета. 1 февраля 2002.

Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991.

Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. М., 1928.

Кожушко Е. Современный терроризм. Анализ основных направлений. Минск, 2000.

Кокосов В. Врангель был убит // Вечерний Петербург. 19 октября 1991.

Колесников Ю. Павел Судоплатов: мифы и антимифы // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 21.

Колпакиди А. «Счастливая» судьба Ивана Солоневича // Секретные материалы. 2000. № 5.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб., М., 2001.

Колпакиди А., Прохоров Д. Все о внешней разведке. М., 2002.

Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ: спецоперации советской разведки. М., 2000.

Колпакиди А., Серяков М. Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. СПб., М., 2002.

Конквест Р. Большой террор. Кн. 1–2. Рига, 1991.

Корнелий Непот. Ганнибал // О знаменитых иноземных полководцах. М., 1992.

Корнилов Ю., Новиков П. Генерал для особых поручений // Совершенно секретно. 1992. № 7.

Краевский Б. Похищение генерала Е.К. Миллера // Дворянское собрание. 1995. № 2.

Красная книга ВЧК. Т. 1–2. М., 1989.

Кратенко А. Почему вернулся атаман? // Караван. 1996. № 45.

Кривицкий В. Я был агентом Сталина: Записки советского разведчика. М., 1996.

Кривопалов А. Кто она, Вера Трейл-Гучкова? // Известия. 23 сентября 1992.

Кто убил Вальтера Кривицкого? // Литературная газета. 24 января 1990.

Кудрова И. Гибель М. Цветаевой. М., 1995.

Кудрявцев Р. Белогвардейцы за границей. М., 1932.

Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 2001.

Кучеров В. Я мог предотвратить убийство Троцкого // Труд. 22 февраля 1994.

Левые эсеры и ВЧК. Сборник документов. Казань, 1996.

Лекаш Б. За двадцать лет до Освенцима // За рубежом. 1990. № 28.

Леонидов В. Кто вы, господин Эрдберг? // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 1.

Леонидов В. Портрет без ретуши // Новости разведки и контрразведки. 1998. № 11.

Липецкер Б. Почему был убит генерал Врангель // Русская мысль. 1998. № 4237.

Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960. Справочник / Сост.: А. Кокурин, Н. Петров. М., 1997.

Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М., 1999.

Лукиянов А. Тайный груз на борту теплохода «Мария Ульянова» // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 20.

- Лурье В., Кочик В. ГРУ: дела и люди. СПб., М., 2002.
- Любимов М. Русский терминатор // Совершенно секретно. 1994. № 6.
- Марковчин В. Три атамана. М., 2003.
- Меркадер Л. Мой брат убил Троцкого // Эхо планеты. 1992. № 18.
- Милованов Н. Касымхан Чанышев // Незримый фронт. Алма-Ата, 1967.
- Михайлов Л. Генерал дает согласие; «Фермер» сообщает из Парижа; РОВС терпит поражение // Неделя. 1998. №№ 48, 49, 50.
- Млечин Л. Алиби для великой певицы. М., 1997.
- Млечин Л. Вечный доброволец // Новое время. 1993. № 4.
- Млечин Л. Министр в эмиграции // Новое время. 1990. № 18, 19, 20.
- Млечин Л. Сеть Москва — ОГПУ — Париж. М., 1991.
- Млечин Л. «Фермер» сообщает из Парижа. М., 1992.
- Мозохин О. Из истории борьбы органов ВЧК—ОГПУ с терроризмом // Военно-исторический архив. Вып. 5(29). М., 2002.
- Молодяков В. Подсудимые и победители. Заметки и размышления историка о Токийском процесс. Токио, 1996.
- Мустафин Р., Шарапов Э. Главный «диверсант» страны Советов // Красная звезда. 27, 28, 29 апреля 1994.
- Назаров М. Миссия русской эмиграции. Т. 1. М., 1994.
- На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. Т. 3. М., 2000.
- Наумов В., Краюшкин А. Заключенный под номером 110 // Московские новости. 1994. № 36.
- Невалайнен П. Изгой: Российские беженцы в Финляндии (1917—1939). СПб., 2003.
- Незримый фронт. 1917—1967. Алма-Ата, 1967.
- Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М., 1987.
- Никандров Н. Иван Солоневич возвращается с чужбины...// Латинская Америка. 1997. № 2.
- Никандров Н. Рядовой Коминтерна по кличке «Мигель». Из биографии И.Р. Григулевича // Латинская Америка. 1999. № 1.
- Никандров Н. Хосе Окампо, он же... Пиренейский дебют советского суперагента // Независимое военное обозрение. 2003. № 19.
- «Окно» заработало, но Политбюро испугалось... Беседа В. Соймы с Б.И. Гудзем // Новости разведки и контрразведки. 2003. № 15—16.
- Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. СПб., 1991.
- Орлов В. Двойной агент: Записки русского контрразведчика. М., 1998.
- Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти томах. Т. 2: 1917—1933 годы. М., 1996.
- Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти томах. Т. 3: 1933—1941 годы. М., 1997.

- Папоров Ю. Убийство Троцкого // Огонек. 1990. №№ 34–37.
- Песиков Ю. Украсть царя // Московские новости. 2002. № 29.
- Петров Н. Убийство Игнатия Рейсса // Московские новости. 1995. № 36.
- Петров Н., Геворкян Н. Конец агента «13» // Московские новости. 1995. № 46.
- Петров Н., Скоркин К. Кто руководил НКВД. 1934–1941. М., 1999.
- Пещерский В. Жизнь и судьба генерала Шпигельгласа // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 5.
- Плутарх. Ликург // Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М., 1961.
- Полмар Н., Аллен Т. Энциклопедия шпионажа. М., 1999.
- Порецки Э. Тайный агент Дзержинского. М., 1996.
- Присяжный А. Маршруты барона Маннергейма // Эхо планеты. 1991. № 28.
- Прохоров Д. Белоэмигранты в «Поднебесной» // Секретные материалы. 2001. № 6.
- Прохоров Д. Белые партизаны в Китае // Секретные материалы. 2003. № 14.
- Прохоров Д. Взрыв на Мойке // «Версия» в Питере. 2003. № 21.
- Прохоров Д. «Литерное дело» маршала Чжан Цзолина // Независимое военное обозрение. 2003. № 21.
- Прохоров Д. Покушение на Маннергейма // Секретные материалы. 2002. № 16.
- Прохоров Д. С Новым годом! или погоня за секретарем Сталина // Секретные материалы. 2002. № 32.
- Прохоров Д., Лемехов О. Перебежчики. Заочно расстреляны. М., 2001.
- Прянишников Б. Незримая паутина. ВЧК–ОГПУ–НКВД против белой эмиграции. СПб., 1993.
- Разведчики бывшими не бывают // Московские новости. 1993. № 1.
- Ревуненков В. Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии. 1789–1792. Л., 1982.
- Роговин В. Власть и оппозиция. М., 1993.
- Роговин В. Конец означает начало. М., 2002.
- Роговин В. Мировая революция и мировая война. М., 1998.
- Роговин В. Партия расстрелянных. М., 1997.
- Российская Федерация. Книга памяти. Т. 1. 1923–1939. М., 1998.
- Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997.
- Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М., Оренбург, 2001.
- Сибиряков Н. Конец Забайкальского казачьего войска // Минувшее. 1990. № 1.
- Сикейрос Д.А. Меня называли лихим полковником. Воспоминания. М., 1986.

- Смирнов Л. Зайцев Е. Суд в Токио. М., 1978.
- Соболева Т. История шифровального дела в России. М., 2002.
- Соболева Т. Тайнопись в истории России. М., 1994.
- Советско-болгарские отношения и связи. 1917–1944. Документы и материалы. М., 1976.
- Солоневич И. Россия в концлагере. М., 1999.
- Сопельняк Б. Голгофа XX века. Т. 2. М., 2001.
- Ставинский Э. Зарубины. Семейная резидентура. М., 2003.
- Старков Б. Трагедия советской военной разведки // Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1991.
- Старков Б. Чужие наши // Российская газета. 6 марта 1992.
- Стецовский Ю. История советский репрессий: Т. 1–2. М., 1997.
- Судоплатов П. Взглянем в прошлое честно // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 16.
- Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1997.
- Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2002.
- Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-е — 1950-е годы. М., 1998.
- Тепер Е. Терракт Рамона Меркадера // Нева. 1989. № 3.
- Тоган Заки Валиди: Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997.
- Тополь М. (Судоплатов П.) Виза на убийство // Военно-исторический журнал. 1990. № 11.
- Троцкий Л. Дневники и письма. М., 1994.
- Убольды Р. Тайна виллы в Койоакане // За рубежом. 1990. № 34.
- Умеренков Е. Убийца Троцкого 25 лет не признавал своих родителей // Комсомольская правда. 15 марта 1995.
- Улановская Н., Улановская М. История одной семьи. М., 1994.
- Усов В. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002.
- Фейнберг М., Клюкин Ю. Дело Сергея Эфрона // Столица. 1992. № 38, 39.
- Фейнберг М., Клюкин Ю. По вновь открывшимся обстоятельствам // Горизонт. 1992. № 1.
- Фельштинский Ю. Вожди в законе. М., 1999.
- Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 — ноябрь 1918. М., 1992.
- Хенкин К. Охотник вверх ногами. М., 1991.
- Хлобустов О. В Россию с любовью // Новости разведки и контрразведки. 2003. № 5–6.
- Хотимский Н. Длинные руки // Вечерняя Москва. 12 июля 1994.
- Хубер П. Смерть в Лозанне // Новое время. 1991. № 21.
- Хубер П., Кунци Д. 100 000 франков от анонима // Литературная газета. 13 февраля 1993.

Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. М., 1995.

Чернявский Г. Миссия советского Красного Креста в Болгарии 1922—1923 гг. // Советское страноведение. 1976. № 1.

Что от нас скрывали // Труд. 23 июня 1992.

Шарапов Э. Нелегалы Серебрянские // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 9.

Шатуновская И. Вся жизнь — подвиг: ученого и... разведчика // Латинская Америка. 1993. № 3.

Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991.

Шишкин О. Охота за охотником // Итоги. 1997. № 8.

Шубин А. Анархо-синдикалисты в Испанской гражданской войне (1936—1939 гг.). М., 1997.

Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992.

Ягодинский Е. Первые советские коменданты Зимнего дворца // Вопросы истории. 1990. № 4.

Яковлев А. Парижская трагедия // Вечерний Киев. 17, 18, 19 марта 1992.

Agabekov G. OGPU. N.Y., 1931.

Andrew C., Mitrokhin V. The Mitrokhin Archive. The KGB in Europe and in the West. 1999.

Beaune D. L'enlèvement du General Koutiepoiff. Documents et commentaires. Aix-en-Provence, Publ. de l'Univ. de Provance, 1998.

Beitvage zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 1995. № 1.

Biographical Dictionary of the American Left. N.Y., 1986.

Brossat A. Agents de Moscou. Le stalinisme et son ombre. Paris, 1991.

Broue P. Procès d'Américains à Moscou ou procès de Moscou à New York // Cahiers Leon Trotsky. 1979. № 3.

Faligot R., Kauffer R. As-tu vu Cremet? Paris, 1991.

Gross B. Willi Munzenberg: A Political Biography. Michigan, 1974.

Huber P. Stalins schatten in die Schweiz. Zurich, 1994.

Kaufmann B. u.a. Der Nachrichtendienst der KPD. Berlin, 1993.

Ksiega polakow ucrestnikow Rewolucji Pazdziernikowej. 1917—1920. Warszawa, 1967.

Landau K. Le Stalinisme boureau de la revolution espagnole. Paris, 1938.

Orlov A. Handbook of Intelligence and Guerilla Warfare. Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press. 1963.

Petrov V., Petrova E. Empire of Feaf. London, 1963.

СОДЕРЖАНИЕ

Террор и терроризм. Вместо предисловия	5
Часть первая. На заре советской власти	20
Убийство графа фон Мирбаха	21
Покушение на генерала Маннергейма	46
Ликвидация генерала Дутова	60
Бесславный конец Энвер-паши	71
Расправа в Кюстендиле	82
Захват атамана Тютюнника	95
Охота на братьев-разбойников	105
Как им хотелось верить... (Борис Савинков, агент «ST-1» и Сергей Дружиловский)	107
Тайны 1925 года	117
Запоздалое прозрение атамана Анненкова	128
Семь выстрелов на улице Расин	144
Часть вторая. В период «военной тревоги»	155
Погоня за секретарем Сталина	157
Смерть «черного барона»	175
Кто убил маршала Чжан Цзолиня?	183
От уклона до предательства путь недолог	210
Охота за последним курбаши	213
Похищение генерала Кутепова	215
Дело Георга Земмельмана	229
Операция «Филомена»	236
Убийство в Булонском лесу	247
Исчезновение Джульет Пойнтц	265
Часть третья. Большой террор	277
Испанская мясорубка	280
Расстрел в Лозанне	307
Заключенный № 110	322
Загадочная смерть сына Троцкого	342
Покушение на Ивана Солоневича	358

Взрыв в Роттердаме	367
Кто убил «гения пропаганды»?	383
Крах «демона революции»	390
Странное самоубийство в Вашингтоне	416
«...Да не судимы будете». Вместо заключения	430
Приложение № 1	
Хроника спецопераций (1918–1941 гг.)	450
Приложение № 2	
Приказы РВСР о награждении Нестеровича В.С.	454
Приложение № 3	
Документы по делу атамана А.И. Дутова	457
Приложение № 4	
Циркулярное письмо ГПУ Украины	465
Приложение № 5	
Документы французских спецслужб по делу о похищении генерала А.П.Кутепова	479
Приложение № 6	
Письма генерала Е.К. Миллера из Лубянской тюрьмы	484
Примечания	493
Библиография	502

А. Колпакиди, Д. Прохоров
КГБ: ПРИКАЗАНО ЛИКВИДИРОВАТЬ

Редактор В. А. Розенберг
Художественный редактор П. Волков
Компьютерная верстка И. Пыхалов
Корректор А. Успенская

ЛР №065715 от 15.03.1998
ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р., 15.
Контактный тел.: (095) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах обращаться в рекламный отдел
издательства «Эксмо». Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (095) 780-58-34

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве:
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: marinovich.yk@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед». Крупнейшие магазины сети
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать с готовых монтажей 14.05.2004.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 27,04.

Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 4402187.

Отпечатано с готовых монтажей
на ФГУИПП «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.